ДОБРОЕ СЛОВО.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ

Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.

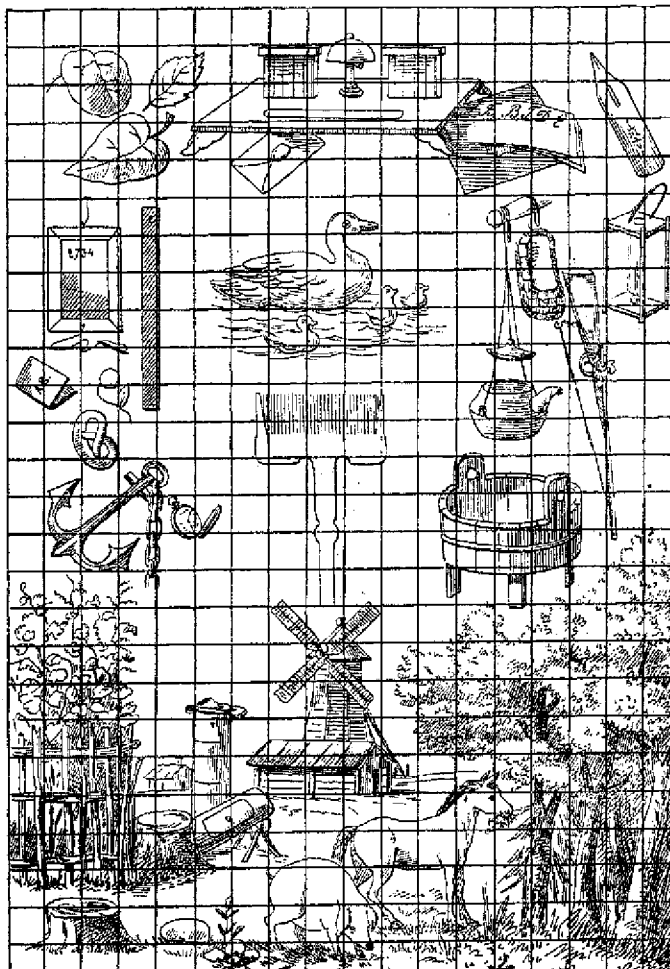
Типографія М. Г. Волчанинова. Б. Черкасскій пер., домъ Пустошкина, *противъ Анхійской церкви.*

1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Ноября 25 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Симеонъ Вишняковъ*.

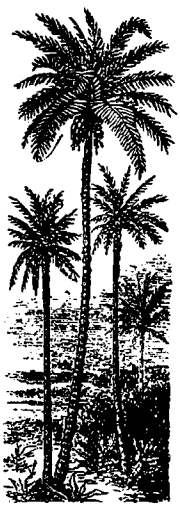
Образцы рисованія по клѣточкамъ.



Тигръ.

Лебедь.

Левъ



Финиковая пальма.

Банань.

Сельдь.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второе изданіе «Добраго Слова» въ трехъ частяхъ является исправленнымъ и значительно переработаннымъ согласно указаніямъ какъ оффиціальной, такъ и частной—въ педагогическихъ журналахъ — критики. Кромѣ того составитель этой книги для чтенія соображался, гдѣ то возможно и необходимо было, съ тѣми отзывами о его книгахъ, которые были получены имъ съ разныхъ концовъ Россіи въ письмахъ отъ многихъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія—народныхъ учителей и священнослужителей. — Долгомъ считаемъ заявить здѣсь самую горячую благодарность всѣмъ, кто своими добросовѣстными, на опытѣ провѣренными и научно обоснованными критическими замѣчаніями, далъ намъ возможность усовершенствовать «Доброе Слово», какъ книгу для класснаго чтенія въ сельскихъ народныхъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и въ церковно-приходскихъ школахъ.

Во второмъ изданіи «Добраго Слова» произведены слѣдующія перемѣны, которыя, какъ мы глубоко убѣждены, должны содѣйствовать улучшенію какъ внѣшней, такъ и внутренней стороны означенной книги:

1. Объемъ «Добраго Слова» годъ первый, равно какъ и другихъ годовъ, значительно сокращенъ — почти вдвое противъ книгъ при первомъ ихъ изданіи. Это дало возможность почти вдвое понизить и стоимость книгъ, что для бѣдныхъ сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ имѣетъ очень важное значеніе. Но чрезъ такое сокращеніе мы не повредили содержанію книгъ ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Вмѣсто статей и стихотвореній съ болѣе значительнымъ объемомъ мы внесли во второе изданіе нашихъ книгъ статьи и стихотворенія съ меньшимъ объемомъ, сдѣлали самый строгій выборъ матеріала какъ прозаическаго, такъ и поэтическаго и тщательно выбрали изъ массы по-возможности цѣльныхъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній только такія стихотворенія и статьи, которыя при ясности, чистотѣ, силѣ и правильности грамматическаго, стилистическаго и логическаго построенія рѣчи и богатствѣ формъ языка, изящномъ изложеніи и общедоступности своего содержанія для самаго младшаго школьнаго возраста, отличаются въ то же время глубокимъ и полезнымъ, умственно-развивающимъ и нравственно-воспитывающимъ характеромъ.

2. Почти всѣ стихотворенія и статьи при второмъ изданіи заимствованы изъ образцовыхъ русскихъ писателей, за ничтожнымъ исключеніемъ.

3. Всѣ поэтическія и прозаическія произведенія, вошедшія въ настоящее изданіе «Добраго Слова», распредѣлены нами въ пяти отдѣлахъ, вмѣсто прежнихъ двадцати, чрезъ что избѣгнуто допущенное въ первомъ изданіи неточное въ нѣкоторыхъ случаяхъ распредѣленіе статей по отдѣламъ.

4. Устныя задачи, помѣщенныя въ первомъ изданіи «Добраго Слова» подъ многими статьями, въ настоящемъ изданіи опущены, потому что опытъ показалъ, что большинство учителей не пользуется ими.

5. Допущенныя въ прежнемъ изданіи нѣкоторыя типографскія погрѣшности и неточности исправлены и уничтожены при второмъ изданіи «Добраго Слова».

6. Въ настоящемъ (сокращенномъ) изданіи «Добраго Слова» мы значительно сузили цѣль, первоначально нами поставленную при первомъ изданіи этой книги. Теперь мы старались имѣть въ виду главнымъ образомъ одно — при помощи того литературнаго матеріала, который собранъ и обработанъ въ «Добромъ Словѣ», довести ученика народной школы до грамотности, до возможности плодотворнѣйшимъ образомъ пользоваться всякой школьной книгой вообще чрезъ практическое усвоеніе имъ основъ родной рѣчи и чрезъ таковое же ознакомленіе его съ богатствомъ, силою, красотою и разнообразіемъ формъ языка. Вслѣдствіе такой точки зрѣнія на книгу для чтенія мы не гнались за разнообразіемъ и богатствомъ содержанія книги, или, такъ сказать, за ея энциклопедичностью: школьная книга должна быть прежде всего только средствомъ или орудіемъ къ пріобрѣтенію всякихъ познаній, или, говоря другими словами, орудіемъ саморазвитія и самообразованія. Но само собой разумѣется, что это не значитъ, чтобы мы не придавали большого значенія содержанію статей и стихотвореній: пренебреженіе содержаніемъ въ книгѣ для школьнаго народнаго чтенія, которая нерѣдко служитъ первой и послѣдней книгой на всю жизнь, было бы болѣе чѣмъ неразумно. Мы содержаніе школьной книги отодвинули только на второй планъ, поставивъ на первомъ усвоеніе формы ея т. е. мы имѣли въ виду изученіе чрезъ книгу для чтенія не только образовательно-воспитательнаго матеріала, но и (главнымъ образомъ) законовъ и правилъ отечественнаго языка, грамматическаго, логическаго и стилистическаго построенія рѣчи и разнообразныхъ формъ словеснаго выраженія мысли.

7. Внося въ содержаніе «Добраго Слова» статьи и стихотворенія, преимущественно высоко художественныя, которыя способны сильно дѣйствовать на развитіе въ дѣтяхъ любви ко всему доброму, прекрасному и истинному, мы въ то же время никогда не забывали, что предназначаемъ свою книгу для дѣтей крестьянской среды и старались, насколько возможно, при обработкѣ этой книжки всегда имѣть въ виду эту среду, съ ея бытовыми, религіозно-нравственными и иными, исторически выработанными условіями, отъ которыхъ зависитъ сила и крѣпость духовно-физическаго организма русскаго народа. Вслѣдствіе этого, путемъ подбора извѣстныхъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, мы, съ одной стороны, старались осмыслить многія явленія крестьянской жизни чрезъ художественное воспроизведеніе ихъ лучшими поэтами и писателями родной страны, съ другой, — всемѣрно избѣгали всего того, что такъ или иначе, прямо или косвенно, клонится къ колебанію православно-христіанскихъ и національно-самобытныхъ основъ русской народной жизни, съ третьей — такъ какъ народная крестьянская школа, по программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, должна впечатлѣть въ сердцахъ дѣтей основныя истины вѣры и благочестія, для привлеченія ихъ къ спасительному и любвеобильному материнскому руководству церкви и для наклоненія ихъ воли въ послушаніе ей—мы внесли въ «Доброе Слово» только тѣ статьи духовнаго содержанія, которыя отличаются строгою православною церковностью и высокими достоинствами изложенія.

8. Въ настоящемъ изданіи, какъ и въ первомъ, удержано концентрическое расположеніе матеріала по всѣмъ тремъ годамъ школьнаго обученія, т. е. всѣ отдѣлы и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ первой части, встрѣчаются и во второй и въ третьей, при чемъ статьи, входящія въ составъ отдѣловъ, постепенно увеличиваются въ объемѣ, въ относительной трудности пониманія ихъ, въ расширеніи точки зрѣнія, въ сообщеніи новыхъ и

болѣе подробныхъ свѣдѣній, при строгой сообразности *съ постепеннымъ развитіемъ ребенка*, ростомъ его духовныхъ силъ и пріобрѣтенными имъ познаніями. Такимъ образомъ пять отдѣловъ въ одинаковой послѣдовательности проходятъ чрезъ всѣ три года школьной жизни ученика.

Преимущества такого именно расположенія учебнаго матеріала очевидны.

Во-первыхъ. Концентрическое расположеніе учебнаго матеріала соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе росту духовныхъ силъ ребенка и постепенному пріобрѣтенію имъ познаній. Вначалѣ можетъ быть воспринято только простое и очевидное, не требующее для своего воспріятія ни развитыхъ способностей, ни предварительной подготовки въ видѣ ранѣе пріобрѣтенныхъ какимъ бы то ни было способомъ познаній, ни умѣлій мыслительной способности сдѣлать тотъ или другой выводъ; далѣе, примѣрно чрезъ годъ, на почвѣ пріобрѣтенныхъ уже познаній и нѣсколько развитой уже мыслительной способности, ребенокъ можетъ къ прежде узнанному имъ присоединить другое, болѣе сложное по своимъ свойствамъ и требующее большаго напряженія познавательныхъ и мыслительныхъ способностей; еще дальше, на третьемъ году, ученикъ не только пріобрѣтаетъ познанія объ остальныхъ сторонахъ значительно уже знакомаго ему предмета, но и путемъ сравненія однихъ умственныхъ пріобрѣтеній съ другими, еще лучше уясняетъ и усвояетъ какъ тѣ, такъ и другія, дѣлаетъ общій обзоръ ихъ, замѣчаетъ связь и соотношеніе между ними и прочно запоминаетъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлать тотъ или другой выводъ, опредѣляющій его образъ мыслей, убѣжденія и характеръ.

Теперь представимъ противоположное. Допустимъ, что въ книгѣ для чтенія есть нѣсколько отдѣловъ, изъ коихъ одни отнесены къ первому году, другіе ко второму и третьи къ третьему. При этомъ не нужно забывать, что книга для класснаго чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ имѣетъ громадное вліяніе на развитіе ребенка въ умственномъ, религіозно-нравственномъ, патріотическомъ и художественномъ отношеніяхъ, помимо того, что тѣ свѣдѣнія, кои пріобрѣтены изъ этой книги, наряду съ *практическимъ* усвоеніемъ законовъ и формъ языка, часто остаются на всю жизнь ребенка, какъ его единственное духовное достояніе. Спрашивается: можетъ ли ребенокъ, ученикъ I-го года начальной школы, *сразу во всей полнотѣ* воспринять тѣ свѣдѣнія, о коихъ онъ прочтетъ въ своей книжкѣ и съ которыми ни во второмъ, ни въ третьемъ году болѣе не встрѣтится? Естественно, что онъ останется на всю жизнь съ тѣми скудными познаніями, кои онъ воспринялъ, или кои онъ могъ воспринять на первомъ году своей школьной жизни. Для него не будетъ возможности расширить ихъ, провѣрить, уяснить, связать и вообще усвоить ихъ въ той полнотѣ и съ тѣми качествами, безъ коихъ усвоенное познаніе остается мало полезнымъ и одностороннимъ. Такого неудобства не можетъ быть при концентрическомъ расположеніи учебнаго матеріала, гдѣ одно напоминаетъ, развиваетъ, расширяетъ, обосновываетъ, уясняетъ и закрѣпляетъ другое.

Во-вторыхъ. Такое именно расположеніе матеріала, назначеннаго для класснаго чтенія, удобно еще и въ томъ отношеніи, что содѣйствуетъ *прочному его запоминанію*, которое совершается тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ чаще приходится ученику возвращаться къ прежде узнанному и такъ или иначе воспоминать его. *Прочнымъ же усвоеніемъ* читаемыхъ въ народной школѣ статей въ книгѣ для чтенія, отъ которой можно и должно по всей справедли-

ности ожидать благотворнаго воспитательнаго и образовательнаго вліянія на дѣтей, а равно и прочнымъ усвоеніемъ чрезъ чтеніе и заучиваніе наизусть образцовыхъ произведеній отечественной прозы и поэзіи законовъ и формъ языка, нельзя не дорожить уже по одному тому, что дѣти этихъ школъ почти никуда не поступаютъ для дальнѣйшаго своего образованія и воспитанія.

Въ-третьихъ. Концентрическое расположеніе учебнаго матеріала въ книгѣ для класснаго чтенія вызывается чисто бытовыми условіями русской народной школы. Извѣстно, что ученики этой школы далеко не всѣ оканчиваютъ полный курсъ ученія. Очень часто бываетъ, что по семейнымъ или инымъ условіямъ ученикъ, проучившись годъ или два, долженъ навсегда оставить школу. Поэтому, чтобы хоть нѣсколько ослабить эту неправильность въ нашей школьной жизни, весьма желательно поставить дѣло обученія здѣсь такъ, чтобы ученикъ, покидая школу чрезъ годъ или два, вынесъ изъ нея нѣчто цѣльное и законченное, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ. Было бы, напр., весьма печально, если бы ученикъ, оставивъ школу спустя два года пребыванія въ ней, не прочиталъ ни одной статьи о семьѣ, о церкви, о своей родинѣ и своемъ царѣ потому только, что статьи этого рода помѣщены въ книжкѣ, читаемой только въ третьемъ году. При нашемъ же—концентрическомъ—расположеніи учебнаго матеріала такого неудобства быть не можетъ.

9. Мы нашли необходимымъ расположить весь собранный и обработанный нами литературный матеріалъ въ пяти отдѣлахъ: человѣкъ, міръ Божій, родина, церковь и церковно-славянское чтеніе, присоединивъ къ нимъ «приложеніе», гдѣ обработаны письменныя упражненія въ связи съ книгою для чтенія. Не будемъ много говорить о необходимости и цѣлесообразности именно такого содержанія книги, — скажемъ только, что мы сдѣлали это по двумъ, стоящимъ въ тѣсной связи между собою, основаніямъ: во-первыхъ—человѣкъ, міръ Божій, родина и церковь (церковно-слав. чтеніе является орудіемъ вліянія церкви на воспитываемаго ей человѣка) исчерпываютъ главнѣйшія и необходимѣйшія отношенія всякаго человѣческаго существа: было бы болѣе, чѣмъ неразумно, не пролить умственнаго свѣта въ эти отношенія; во-вторыхъ, намѣченные отдѣлы съ свойственнымъ каждому содержаніемъ даютъ возможность практически чрезъ чтеніе соотвѣтствующихъ статей ознакомиться съ запасомъ словъ и оборотовъ рѣчи, необходимыхъ для чтенія книгъ общелитературнаго содержанія (отдѣлъ—человѣкъ), по естествознанію (отдѣлъ—міръ Божій), историческихъ (отдѣлъ—родина), религіозно-нравственныхъ (отдѣлъ—церковь) и церковно-славянскихъ (слав. чтеніе).

10. Шрифтъ избранъ нами крупный, четкій и весьма удобный для чтенія. Мы думаемъ, что такой именно шрифтъ безусловно необходимъ для зрѣнія ребенка, еще не вполнѣ развившаго отчетливо замѣчать мелкіе предметы, напр. буквы мелкаго шрифта, которымъ очень легко испортить зрѣніе, особенно если онъ кромѣ того слишкомъ плетенъ и убористъ.

11. Въ орѳографіи мы всюду старались держаться общепризнаннаго руководства академика Я. Грота: «Русское правописаніе».

Григорій Дьяченко.

Москва. 1889 года, Ноября 8-го дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе..... I—IV

Предварительныя упражненія въ чтеніи.

I.

Первые опыты въ осмысленномъ чтеніи отдѣльныхъ словъ ..... 1—4

II.

Упражненія въ чтеніи краткихъ предложеній ..... 4—7

III.

Упражненія въ бѣгломъ чтеніи.

БАСНИ (ПРОЗАИЧЕСКІЯ).

1. Волкъ и Журавль. (Эзопъ) .. 7
2. Муха и горшокъ меду. (Его же) —
3. Дубъ и дровосѣки. (Его же).. 8
4. Предсказатель. (Его же) .... —
5. Сорока и Голуби. (Его же) .. —
6. Мальчикъ и Крапива. (Его же). —
7. Пастухъ и Волкъ. (Его же).. 9
8. Два товарища. (Гр. Л. Толстой)..... —
9. Левъ и Лиса ..... —
10. Догадливый скворецъ..... —
11. Три золотыхъ рыбки 10
12. Олень и Виноградникъ. (Гр. Л. Толстой)..... —
13. Гусь. (Лессингъ)..... —
14. Муравей и Голубка. (Толстой)..... —

СКАЗКИ.

15. Зайцы и Лягушки 11
16. Лисица и Журавль. (Изъ собранія народныхъ сказокъ)... —
17. Мужикъ и Медвѣдица. (А. Пушкинъ)..... 12
18. Стариково великое горе. (Изъ „Первой Перчинки“ Даля.... —
19. Бабушкинъ козликъ. (Оттуда же)..... 13

Стран.

20. Журавль въ небѣ не добыча. (Оттуда же)..... 14
21. Лиса. (Изъ собр. народ. сказ.). —
22. Ворона. (Изъ „Первой Перчинки“ Даля..... 15
23. Правда и кривда. (Народная сказка) 16
24. Морозко (Народ. сказ.)..... 17
25. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. (Пушкинъ)..... 19

ЛЕГЕНДЫ.

26. Малиновка 24
27. Незабудка..... —
28. Чудесный мальчикъ..... 26

Отдѣлъ первый.

Человѣкъ.

1. Сыновняя любовь..... 27
2. При солнышкѣ тепло, при матери добро..... —
3. Молитва матери..... —
4. Колыбельная пѣсня. (Майковъ) 28
5. Дорогая могила. (И. Тургеневъ)..... —
6. Отцовскіе труды. (Водовозова). 29
7. Малыя сиротки—Божьи дѣтки. —
8. Сиротка. (Плещеевъ)..... —
9. Съ міру по нитки, голому рубашка..... 30
10. Приглашеніе къ труду. (Гротъ). —
11. Рукодѣльная пѣсня. (Кн. Одоевскій) ..... —
12. Нужда и трудъ. (Жуковскій). 31
13. Приглашеніе въ школу. (Изъ Р. Сл.)..... —
14. Старый Петръ..... —
15. Самыя лучшія приправы къ обѣду..... —
16. Награда. („Наука“ 1883 г.).. 32
17. Здоровье и долголѣтіе..... 33
18. Странничекъ..... —
19. Отвѣтъ боярина Переметева. (Изъ Дух. Цвѣтн.)..... 34
20. Алтарь для жертвы..... —

Стран.

21. Нищій. (Я. Полонскій)..... —
22. Божія коровка. (Изъ „Науки“ протоіерея Наумовича) ..... —
23. Скворецъ..... 35
24. Сѣсь. (Гр. А. Толстой)..... 36
25. Дурное употребленіе богатства.
26. Не завидуй чужому счастію.. 37
27. На кого похожъ злословящій ближняго своего. (Изъ „Лѣствицы“ св. Іоанна, игум. Син. горы) ..... —
28. Пастухъ и царскій казначей.. —
29. Притча о яблокѣ..... 38
30. Какъ пріобрѣсти смиреніе. („Отечн“. Епископа Игнатія). 39

БАСНИ.

31. Обозъ. (Дмитріевъ)..... —
32. Ворона и Кувшинъ. (Измайловъ) ..... —
33. Заяцъ на ловлѣ. (Крыловъ)... 40
34. Морская сходка. (Его же).... —
35. Пчела и мухи. (Его же)..... —
36. Собака и лошадь. (Его же).. 41
37. Крестьянинъ и змѣя. (Его же). —
38. Лошадь и оселъ. (Хемницеръ). 42
39. Мартышка и очки. (Крыловъ). —
40. Камень и червякъ. (Его же).. 43
41. Прохожіе и Собаки. (Его же). —
42. Стрекоза и Муравей. (Его же). 44

ПОСЛОВИЦЫ.

43. Пословицы о лѣни..... —
44. Пословицы о бѣдности... ... —
45. Пословицы о земледѣліи ..... —
46. Пословицы о бережливости... —
47. Пословицы о похвальбѣ..... —
48. Пословицы о семейной жизни. —
49. Пословицы, какъ надобно жить съ людьми... 46
50. Пословицы о человѣкѣ..... —

Отдѣлъ второй.

Міръ Божій.

1. Осень. (И. Тургеневъ)..... 47
2. Сѣятель. (С. Максимовъ)..... —
3. Пѣсня пахаря. (Кольцовъ) ... —
4. Грибы. (Разинъ)..... 48
5. Осень. (В. Никитинъ)..... —
6. Осенній вѣтеръ. (Григоровичъ) 49
7. Лѣсъ осенью. (Майковъ)..... —
8. Овсяный кисель. (Жуковскій). —
9. Приходи, зима. (С. Сѣрковъ). 50
10. Привѣтъ русской зимѣ. (Кн. Вяземскій) ..... —
11. Зима. (Баратынскій)..... 51
12. Зимняя дорога. (Пушкинъ)... —

Стран.

13. Зимнее утро. (А. Пушкинъ).. —
14. Зимняя ночь. (Никитинъ).... 52
15. Прощальная пѣсня зимѣ. (А. Майковъ)..... —
16. Доброе дитя. (Изъ „Науки“ прот. Наумовича) ..... —
17. Ель. (А. Плещеевъ)..... 53
18. Весна. (А. Майковъ)..... —
19. Видъ рѣки весною. (С. Аксаковъ) ..... —
20. На полѣ. (И. Тургеневъ).... 54
21. Предъ грозою. (А. Толстой). —
22. Гроза. (И. Тургеневъ)..... —
23. Лапышъ. (Баронесса Е. К. Остенъ-Сакенъ)..... 55
24. Лѣто. (В. Никитинъ) ..... —
25. Засуха. (Никитинъ)..... 56
26. Друзья земледѣльца ..... —
27. Сѣнокосъ. (А. Майковъ)..... 57
28. Какъ кошки ловятъ рыбу. (С. Аксаковъ)..... —
29. Лѣтній вечеръ. (Гончаровъ).. 58
30. Страда. (Д. Григоровичъ)... —
31 Мельница. (Никитинъ)..... 59
32. Ужинье. (Аксаковъ)..... —
33. Лѣтній сонъ мальчика..... 60
34. Изъ жизни голубей. (Разсказъ стараго голубятника)..... 61
35. Соловей въ неволѣ ..... —
36. Паукъ и пчела. (Плещеевъ).. 62
37. Ласточка. (Его же) ..... —
38. Сосна. (Лермонтовъ)..... —
39 Птичка. (А. Пушкинъ)..... 63
40. Птичка и дѣти..... —
41. Смерть дерева. (С. Аксаковъ). 64
42. Сумерки въ деревнѣ. (Козловъ). —
43. Вечеръ. (Плещеевъ) 65
44. Утро. (Никитинъ)..... —
45. Ночь. (Пушкинъ)..... —
46. Ночь..... —
47. Садъ. (Народ. пѣсня)..... 66
48. Пословицы о рыбахъ..... —
49. Пословицы о птицахъ..... —
50. Пословицы о домашнихъ животныхъ..... 67
51. Пословицы о растеніяхъ..... —
52. Природа учитъ о Богѣ. (Изъ твор. св. Тихона Задонскаго). —
53. Природа говоритъ о воскресеніи..... 68

Отдѣлъ третій.

Родина.

1. Православная Русь. (Изъ „Родины“ Радонежскаго)..... 69
2. Откуда и какъ пошла русская земля. (Петрушевскій)..... 70
3. Удѣльныя усобицы на Руси. (Его же)..... 72

Стран.

4. Владимиръ-Мономахъ (1113—1125)—миротворецъ и добрый страдалецъ за русскую землю. (Изъ „Исторіи Россіи для народа“, Малинина)..... 73
5. Первое нашествіе татаръ (Изъ „Рус. лѣт.“ Соловьева)..... 77
6. Второе нашествіе татаръ. (Карамзинъ)..... 78
6. Князь Иванъ Даниловичъ Калита и святитель Петръ. (А. Майкова)..... 82
7. Мамаево побоище. (Изъ разсказовъ Водовозова)..... 84
8. Родной край. (Гр. А. Толстой). 90
9. Родина. (Плещеевъ)..... —
10. Родина. (А. Толстой)..... —
11. Русскій гимнъ. (Жуковскій).. —
12. Молитва за русскаго Царя... 91
13. Слава (гимнъ) (Глинка)..... —
14. Многолѣтіе. (Жуковскій)..... 92
15. Патріотическое самопожертвованіе жизнію..... —
16. Награжденная вѣрность и наказанная измѣна воина. (Изъ „Воскр. Чт.“ 1854 года)..... 93
17. Пословицы о родинѣ..... 94
18. Пословицы о царской власти. —

Отдѣлъ четвертый.

Церковь.

1. Лучшее утѣшеніе въ жизни... 95
2. Большой столъ. (Изъ „Кн. для чтенія“ Паульсона)..... —
3. Спасительная сила имени Господа нашего І. Христа..... 96
4. Громоносный легіонъ..... —
5. Случай изъ жизни преподобн. Іакова Назвбійскаго..... 97
6. Богатое одѣяло. (Ч. М.)..... —
7. Святая сила церковнаго благовѣста. (Изъ „Солнышка“, Радонежскаго)..... 98
8. Три друга. (Притча)..... 99
9. Не осуждай. (Изъ „Достоп. сказ. о подв. свв. и блаж. отцевъ“). 100
10. Молитва за умершихъ..... —
11. О почитаніи св. иконъ. (Изъ книги: „Наставленіе въ законѣ Божіемъ“, П. Аѳинскаго..... —
12. Средство жить въ мирѣ съ ближними..... —
13. Прежде самъ прости. (Ч. М.). 102
14. О странноприимствѣ..... 103
15. Мужественное исповѣданіе христіанской вѣры. (Уч. благоч.). —
16. Мужество христіанина..... 104
17. Урокъ обманщику..... —

Стран.

18. Постъ по принужденію не составляетъ заслуги предъ Богомъ. (Ч. М., маѣ)..... 105
19. Ангелъ-хранитель. (Четьи-Минеи, февраль)..... —
20. Чудесное спасеніе отъ пожара. („Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“, М. Погодина)..... 106
21. Спокойствіе ближняго..... —
22. Какъ святые наказывали себя за невольную жестокость къ животнымъ. (Лавсаикъ, стр. 78). 107
23. Примѣръ христіанской кротости Императора Константина. (В. Ч. XV)..... —
24. Братская любовь..... —
25. Радость и печаль духовныя равно пріятны Богу. (Изъ Пролога 15-е Апрѣля)..... 108
26. Радость по поводу скорбей. (Отечн. Еп. Игнатія)..... —
27. О терпѣніи. (Изъ проп. прот. Р. Путятина)..... 109
28. Молитва убогихъ. (Изъ „Троицкихъ листковъ“)..... —
29. Преподобный Макарій Египетскій..... 110
30. Изъ жизни препод. Ѳеодосія... 112
31. Смиренный чудотворецъ..... 113
32. Изъ жизни святителя Алексія, митрополита Московскаго. (Толычевой)..... 114
33. Святитель Тихонъ..... 115
34. Корабль. (Изъ „твор. свят. Тихона Задонскаго“)..... 117
35. Свѣча горящая. (Оттуда-же). 118
36. Кротость. (Изъ „Духовнаго Цвѣтника“)..... —
37. Когда бываетъ услышана молитва. (Оттуда-же)..... —
38. Болѣзни (Оттуда-же)..... —
39. Помни Христа. (Оттуда-же). —
40. Богъ на тебя смотритъ (Оттуда-же)..... 119
41. Благотворительность. (Изъ книги „Премудрости Іисуса, сына Сирахова“)..... —
42. Богатство..... —
43. Скупость..... 120
44. Истина и ложь..... —
45. Какъ нужно поступать при видѣ согрѣшающаго твоего ближняго..... —
46. Совѣтъ св. Іоанна Лѣствичника..... —
47. Что надобно наблюдать при исповѣди..... —
48. Преимущество церковной молитвы предъ домашней. (3 Бес. о непостиж.)..... 121

Стран.

49. Дѣла угодныя Богу. (Изъ твор. св. Димитрія, митр. Ростов.). —
50. Поклоненіе Господу нашему Іисусу Христу. (Оттуда-же). 122
51. Что такое храмъ Божій..... 124
52. Что такое православная Христова церковь. (Изъ поученій Евсевія, архіеп. Могилевскаго). 127
53. Свѣтлое Воскресеніе. (Князь П. Долгорукій)..... 128
54. Величаніе. (Ѳ. Глинка)..... —
55. Упованіе. (Ѳ. Глинка) ..... —
56. Не говори, что нѣтъ спасенья. (Майковъ)..... —
57. Подражаніе псалму 1-му..... —
58. Зачѣмъ. (Ѳ. И. Глинка) 129
59. Надежда на Бога. (Никитинъ). —

Отдѣлъ пятый.

Церковно-славянское чтеніе.

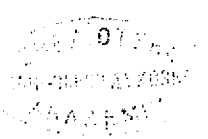
1. Церковно-славянская азбука... 130

Стран.

2. Церк.-славянскія слова, употребляемыя подъ титлами.... 181
3. Числа... 182
4. Молитвы..... 133—137
5. Двѣ главныя заповѣди..... —
6. Десять заповѣдей..... .... —
7. Заповѣди блаженства..... 138
8. Символъ вѣры..... ..... . —
9. Правила вѣры и благочестія. 139
10. Изреченія изъ св. Писанія... 140
11. Разсказы изъ житія св. праведн. Филарета Милостиваго ... 141—144
12. Тропарь и кондакъ на Р. Христово..... —
13. Тропарь и стихира на Пасху. —

Приложеніе.

Подготовительныя письменныя упражненія..... ... 145—152



Прежде чтенія книги просимъ исправить слѣдующія

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

		Напечатано:		*Должно читать:*
4	страница,	14 строка	сверху:	
		стотрять		смотрять
—	—	16 строка	снизу:	
		въ морѣ		на морѣ
7	—	8 строка	сверху:	
		скупаго		скупого
11	—	3 строка	сверху:	
		захлопуть		захлопнуть
14	—	1 строка	—	
		журвель		журавль

Предварительныя упражненія въ чтеніи.

I.

Первые опыты въ осмысленномъ чтеніи отдѣльныхъ словъ.

1) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте вслухъ только тѣ, которыя означаютъ учебныя принадлежности [1]):

Хлѣбъ. Вода. Перо. Окно. Тетрадь. Мячикъ. Чернила. Шапка. Карандашъ. Квасъ. Щи. Сапоги. Линейка. Лошадь. Соловей. Домъ. Книга. Яблоко. Яйцо. Прописи.

2) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте вслухъ только тѣ, которыя означаютъ пищу и питье:

Поле. Садъ. Рѣпа. Молоко. Земля. Камень. Квасъ. Ленъ. Рубашка. Говядина. Книга. Школа. Дерево. Лѣсъ. Пиво. Дымъ. Печка. Каша. Картофель. Супъ. Полъ. Погребъ. Жаркое. Масло. Рюмка. Ведро. Сыръ. Соль.

3) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте вслухъ только тѣ, которыя означаютъ названія одежды:

Соль. Сковорода. Противень. Сюртукъ Кафтанъ. Самоваръ. Шуба. Кувшинъ. Армякъ. Ушатъ. Полушубокъ. Шапка. Огородъ. Садъ. Ухватъ. Сарафанъ.

4) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте вслухъ только тѣ, которыя означаютъ посуду:

Молоко. Чашка. Тарелка. Мельница. Кузница. Бутылка. Кружка. Чай. Медъ. Котелъ. Горшокъ. Самоваръ. Чулки. Носки. Ведро. Ушатъ. Кадка. Квашня. Шкафъ. Стулъ. Миска. Стаканъ.

---

[1]) *Примѣч. для учителя.* Само собой разумѣется, что учитель передъ чтеніемъ выясняетъ ученику, что называется учебною принадлежностью, что называется пищею, напиткомъ, земледѣльческимъ орудіемъ и т. д.

5) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте вслухъ только тѣ, которыя означаютъ названія родственниковъ:

Голова. Глаза. Мать. Отецъ. Книга. Сестра. Братъ. Лѣсъ. Садъ. Дядя. Тетка. Племянникъ. Небо. Тучи. Дождь. Племянница. Ночь. Двоюродный братъ. Зима. Бабушка. Дѣдъ.

6) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте вслухъ только тѣ, которыя означаютъ хлѣбныя и огородныя растенія:

Лошадь. Грабли. Ячмень. Пшеница. Воробей. Овесъ. Гречиха. Гусь. Утка. Морковь. Картофель. Макъ. Рѣпа. Игла. Нитка. Рѣдька. Горохъ. Огурцы. Хрѣнъ. Перо. Ножикъ. Бобы. Бѣлый грибъ. Капуста. Лукъ. Укропъ.

7) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте вслухъ только тѣ, которыя означаютъ земледѣльческія орудія:

Ель. Сосна. Грабли. Соха. Муха. Жукъ. Серпъ. Борона. Цѣпъ. Малина. Вилы. Заступъ. Вишня. Брусокъ. Плугъ.

8) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте только тѣ, которыя означаютъ названія дней недѣли:

Зима. Воскресенье. Понедѣльникъ. Весна. Вторникъ. Среда. Лѣто. Четвергъ. Осень. Пятница. Щавель. Грибы. Суббота. Братъ. Дѣдушка.

9) Изъ слѣдующихъ словъ прочитайте только тѣ, которыя означаютъ мѣсяцы:

Яблоко. Груша. Январь. Февраль. Мартъ. Лещъ. Щука. Апрѣль. Май. Медвѣдь. Воинъ. Іюнь. Іюль. Серпъ. Августъ. Сѣно. Сентябрь. Опенокъ. Рыжикъ. Октябрь. Береза. Сыроѣжка. Жолудь. Ноябрь. Вишня. Палка. Декабрь.

10) По прочтеніи каждаго слова придумать и сказать вмѣстѣ съ нимъ какое-либо другое подходящее къ нему слово.

Высокій—? (напримѣръ домъ). Глиняный—? (напр. горшокъ). Круглый—? Тупой—? Острый—? Кривой—? Прямой—? Коротній—? Длинный—? Синій—? Красный—? Бѣлый—? Голубой—? Черный—? Деревянный—? Желѣзный—? Каменный—? Серебряный—? Соломенный—? Мѣдный—? Пшеничный—? Бумажный—? Прилежный—? Лѣнивый—? Упрямый—? Послушный—? Ласковый—? Милосердный—? Трудолюбивый—? Любопытный—?

11) По прочтеніи каждаго слова придумать и сказать вмѣстѣ съ нимъ какое-либо другое подходящее къ нему слово.

Красивый—? (напр. садъ). Каменная—? (напр. церковь). Глубокое—? Мелкая—? Новый—? Старый—? Веселый—? Скучный—? Тѣсный—? Просторный—? Свѣжій—? Испорченный—? Дешевый—? Дорогой—? Разсѣянный—? Внимательный—Умный—?

Глупый —? Старательный—? Нерадивый—? Горькій —? Сладкій—? Кислый —? Прѣсный—? Широкій—? Узкій—? Лѣтній —? Зимній—? Осенняя—? Лѣтнее —? Синій—? Синее—? Синяя—?

12) По прочтеніи каждаго слова придумать и сказать вмѣстѣ съ нимъ какое-либо другое подходящее къ нему слово.

Широкая (улица). Тѣсный (переулокъ). Крестьянская—? Крѣпкая —? Худая—? Чистая—? Грязный—? Праздничный—? Кожаный—? Полотняный—? Суконный—? Бумажный—? Деревянный —?

13) По прочтеніи каждаго слова придумать и сказать вмѣстѣ съ нимъ какое-либо другое подходящее къ нему слово.

Слѣпой (человѣкъ). Правдивая (дѣвочка). Холодный—? Теплая—? Большое—? Глубокое—? Сладкій—? Кислое—? Лѣнивая—? Умная—? Добрая—? Злая—? Дорогая—? Дешевый—? Хрупкое—? Прозрачное—? Богатый—? Бѣдный—?

14) По прочтеніи каждаго слова придумать и сказать вмѣстѣ съ нимъ какое-либо другое подходящее къ нему слово.

Читаетъ ученикъ. Объясняетъ учитель. Сверкаетъ—? Пишетъ—? Говоритъ—? Спрашиваетъ—? Поучаетъ—? Ласкаетъ—? Бѣгаютъ—? Поютъ—? Коситъ—? Жнетъ—? Рубитъ дрова—? Шьетъ платье—? Шьетъ сапоги—? Журчитъ—? Воетъ—? Поетъ—? Мяукаетъ—? Сидитъ—? Спитъ—? Лежитъ—? Воркуетъ—? Щебечетъ—? Лаетъ—? Квакаетъ—? Ржетъ—? Мычитъ—? Цвѣтетъ—? Вянетъ—? Растетъ—? Зрѣетъ—?

15) По прочтеніи каждаго слова придумать и сказать вмѣстѣ съ нимъ какое-либо другое подходящее къ нему слово.

Ученикъ пишетъ. Дитя играетъ. Корова—? Лошадь—? Соловей—? Пѣтухъ—? Земледѣлецъ—? Дровосѣкъ—Рыболовъ—? Портной—? Кухарка—? Косарь—? Жница—? Плотникъ—? Ледоколъ—? Дровоколъ—? Водовозъ—? Купецъ—? Кузнецъ—? Стекольщикъ—? Пастухъ—? Молнія—? Вѣтеръ—? Дождь—?

16) По прочтеніи каждаго слова придумать и сказать вмѣстѣ съ нимъ какое-либо другое подходящее къ нему слово.

Земля—чернаго цвѣта. Небо—синяго. Листья...? Молоко...? Чернила...? Золото...? Кровь...? Снѣгъ...? Уголь...? Кумачъ...? Сѣра...? Зола...? Огонь...? Серебро...? Мѣдь...? Мука...? Бумага...? Волкъ...? Медвѣдь...? Васильки...? Земляника...? Песокъ...? Яйцо...? Рябина...? Сажа...? Сахаръ...? Груша...? Сливы...? Солома...? Мясо...? Трава...?

17) Продолжить чтеніе слѣдующихъ примѣровъ:

Нитки прядутъ изо льна. Стаканы дѣлаютъ изъ стекла. Муку мелютъ изъ... Хлѣбъ пекутъ изъ... Столы дѣлаютъ изъ... Лапти плетутъ изъ... Дома дѣлаютъ изъ... Глиняную посуду дѣлаютъ изъ... Топоры дѣлаютъ изъ... Кирпичи дѣлаютъ изъ... Холстъ ткутъ изъ... Восковыя свѣчи приготовляютъ изъ... Стальныя перья дѣлаютъ изъ... Шерстяныя нитки прядутъ...

18) Продолжите чтеніе:

Хлѣбъ служитъ для ѣды. Вода служитъ для питья. Стулъ служитъ... Коса служитъ... Лавка... Чернила... Карандашъ... Лодка... Квасъ... Сѣно... Солома... Домъ... Хлѣвъ... Яблоко... Дрова... Окно служитъ для того, чтобы пропускать свѣтъ въ домъ. Печь... Труба... Рукомойникъ... Баня... Кузница...

19) Продолжить чтеніе:

Глазами стотрятъ. Ушами слушаютъ. Зубами... Руками... Ногами... Граблями... Метлою... Топоромъ... Пилою... Удочкою... Серпомъ... Ножницами .. Иглою... Ложками... Гребнемъ... Полотенцемъ... Замкомъ... Ключомъ... Ножомъ... Молоткомъ...

II.

Упражненія въ чтеніи краткихъ предложеній.

1) Безъ Бога—ни до порога.
2) Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ.
3) Нынче на погахъ, а завтра въ могилѣ.
4) Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не маливался.
5) Злой человѣкъ въ добрѣ не проживетъ весь вѣкъ.
6) Для долгаго житья держи голову въ холодѣ, желудокъ въ голодѣ, а ноги въ теплѣ.
7) Въ лихости и зависти нѣтъ ни проку, ни радости.
8) Глупому не въ помощь богатство.
9) Съ Божіей помощію все удается.
10) Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, (т. е. счастливъ) кто малымъ доволенъ.
11) Сытый голоднаго не разумѣетъ.
12) Не испытавъ горькаго, не увидишь сладкаго.
13) Гордымъ быть—глупымъ слыть.
14) Въ согласномъ домѣ ангелъ обитаетъ.
15) Богу молиться всегда пригодится.
16) Кто потѣетъ на нивѣ, да Богу молится въ клѣти, тотъ съ голоду не умретъ.

17) Все минется, одна правда останется.
18) Тише ѣдешь, дальше будешь.
19) Что посѣешь, то и пожнешь.
20) Чужимъ добромъ не разживешься.
21) Неправдою весь свѣтъ пройдешь, а назадъ не воротишься.
22) За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.
23) Семь разъ примѣрь, одинъ отрѣжь.
24) Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.
25) Беречь здоровье нѣтъ грѣха.
26) Правда свѣтлѣе солнца.
27) Съ Божьей помощію всякій трудъ легче.
28) Грамотѣ учиться всегда пригодится.
29) Чего не желаешь себѣ, того и другому не желай.
30) Людей пожалѣешь, и тебя пожалѣютъ.
31) Что деревня, то обычай.
32) Пропалъ, какъ камень въ воду канулъ.
33) Конецъ дѣлу вѣнецъ.
34) Будь бѣденъ, да честенъ.
35) Хлѣбъ—даръ Божій.
36) У чужихъ людей горекъ хлѣбъ.
37) Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.
38) Корень ученія горекъ, а плодъ сладокъ.
39) Дастъ Богъ дождь, уродится и рожь.
40) Вода и хлѣбъ—вотъ и обѣдъ.
41) Чужимъ умомъ да чужимъ хлѣбомъ не долго прожить можно.
42) Старый другъ лучше новыхъ двухъ.
43) Голодъ народный изъ бѣдъ бѣда.
44) Хозяйскій глазъ—алмазъ.
45) Не лѣнись класть въ землю навозъ: онъ дастъ больше хлѣба.
46) У лѣнивыхъ хозяевъ хлѣбъ растетъ такъ, что колосъ отъ колоса—не слышно голоса.
47) Трудъ людей кормитъ, а лѣнь портитъ.
48) Богатство не дѣлаетъ людей счастливыми.
49) Согласіе крѣпче стѣнъ каменныхъ.
50) Кто много зѣваетъ, тотъ воду хлебаетъ.
51) Лѣнь—мать многихъ пороковъ.
52) Лучше по міру сбирать, чѣмъ чужое обирать.
53) Миръ да ладъ—Божья благодать.
54) Лучше хлѣбъ съ водой, чѣмъ пирогъ съ бѣдой.
55) Вѣкъ живи—вѣкъ учись.
56) Въ бѣдѣ не унывай, а на Бога уповай.

57) Безъ соли, безъ хлѣба половина обѣда.
58) Куй желѣзо, пока горячо.
59) Совѣсть—гласъ Божій.
60) Дорого—при пожарѣ ведро воды, а при бѣдности подаяніе.
61) И обѣдъ не въ обѣдъ, какъ хозяевъ дома нѣтъ.
62) На чужой каравай ротъ не разѣвай.
63) Чужая душа—темный лѣсъ.
64) Любишь кататься, люби и саночки возить.
65) Чужимъ добромъ богатъ не будешь.
66) Злому человѣку не прибавитъ Богъ вѣку.
67) Глупому сыну не въ помощь наслѣдство.
68) Больше говоришь, больше грѣшишь.
69) Всякая неправда грѣхъ.
70) Стоячая вода гніетъ.
71) Соломенный миръ лучше желѣзной драки.
72) У лѣнивой пряхи и про себя нѣтъ рубахи.
73) На одномъ мѣстѣ лежа и камень мохомъ обрастаетъ.
74) Первое счастье—съ малаго кусочка сыту быть.
75) Грозную тучу Богъ пронесетъ.
76) Желѣзо ржавчина съѣдаетъ, а завистникъ отъ зависти погибаетъ.
77) Скупой богачъ бѣднѣе нищаго.
78) Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ.
79) Рубаха къ тѣлу близка, а смерть ближе.
80) Собираемся жить въ локоть, а живемъ съ ноготь.
81) Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ.
82) Сначала думай, а потомъ дѣлай.
83) Подъ лежачій камень и вода не течетъ.
84) Не величка капля, а камень долбитъ.
85) Не вкусивъ горькаго, не ѣдать сладкаго.
86) Не живи какъ хочется, а живи какъ Богъ велитъ.
87) Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей.
88) Не думай быть нарядным, а думай быть опрятнымъ.
89) Не клади плохо: не вводи вора во грѣхъ.
90) Не смѣйся слѣпому и хромому, чтобъ не быть самому такому.
91) Изъ крошекъ куча, изъ капель море.
92) Не то худо, что худымъ кажется, а то худо, что точно худо.
93) Чего глаза не видятъ, тѣмъ и языкъ не бредитъ.
94) Больше вѣрь своимъ очамъ, нежели чужимъ рѣчамъ.
95) «Авось» и «какъ-нибудь» до добра не доведутъ.
96) Добрыя слова лучше мягкаго пирога.

97) Дружба дружбой, а служба службой.
98) Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало.
99) Цѣну вещи узнаешь, какъ потеряешь.
100) Приказывай слугѣ, да дѣлай самъ, такъ и дѣлу ладъ.
101) Больше слушай, а меньше говори.
102) Будь голъ, да не воръ, а бѣденъ, да честенъ.
103) Терпѣть не бѣда: было бы чего ждать.
104) У скупаго въ Крещенье льда не выпросишь.
105) Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.
106) Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу.
107) Дракою правъ не будешь.
108) Не стыдно хлѣбъ достать трудомъ, стыдно хлѣбъ достать стыдомъ.
109) Стой за правду горой—и Богъ съ тобой.
110) При сытости помни голодъ, а при богатствѣ не забывай убожества.

III.

Упражненія въ бѣгломъ чтеніи *).

БАСНИ.

1. Волкъ и Журавль.

Въ горло волку засѣла кость. За большія деньги онъ нанялъ журавля, чтобы тотъ всунулъ свою голову въ его глотку и вытащилъ изъ нея кость. Журавль досталъ кость и потребовалъ обѣщанной платы. Но волкъ оскалился, заскрежеталъ зубами и закричалъ: «Что? Ты, кажется, ужъ довольно награжденъ, если безопасно вынулъ свою голову изъ пасти и челюстей волка!..

(Эзопъ).

2. Мухи и горшокъ меду.

Въ комнатѣ ключницы былъ выставленъ горшокъ съ медомъ. Множество мухъ стали на медъ своими ножками и ѣли его. Но ихъ ножки такъ прилипли къ меду, что мухи не могли освободиться съ помощію своихъ крыльевъ и всѣ задохлись. Въ минуту смерти онѣ только воскликнули: «О, безумныя мы! изъ-за лакомства мы сгубили сами себя»!

(Эзопъ).

---

*) Примѣч. Здѣсь помѣщены басни, сказки и легенды—какъ такія произведенія, которыя по своей формѣ и содержанію весьма удобны для дѣтей самаго младшаго возраста, не требуя отъ нихъ почти никакого умственнаго напряженія.

3. Дубъ и Дровосѣки.

Дровосѣки повалили могучій горный дубъ и раскололи его на части клиньями, сдѣланными изъ собственныхъ его вѣтвей. Дубъ со вздохомъ сказалъ: «Мнѣ не были чувствительны удары топора, направленные на корни мои, но тяжело мнѣ то, что меня разнесли на части клинья, сдѣланные изъ собственныхъ моихъ вѣтвей». *(Эзопъ).*

4. Предсказатель.

Гадальщикъ, сидя на торговой площади, предсказывалъ будущее всѣмъ приходящимъ. Вдругъ съ большою поспѣшностью прибѣжалъ нѣкто и объявилъ ему, что двери его дома разломаны, что онѣ стоятъ настежь, и все его добро раскрадено. Тяжело вздохнулъ гадальщикъ и опрометью бросился къ себѣ. Сосѣдъ, видя, какъ онъ бѣжитъ, сказалъ: «Охъ ты, продувной молодецъ! другимъ предсказываешь ихъ будущее,—какъ же ты своего-то не предвидишь?» *(Эзопъ.)*

5. Сорока и Голуби.

Сорока замѣтила, что голуби имѣютъ вдоволь корму въ своей голубятнѣ; она вымазала себя бѣлой краской и пристала къ нимъ, чтобъ сдѣлаться участницей ихъ привольной жизни. Пока она молчала, голуби считали ее одной изъ нихъ и держали ее въ своей голубятнѣ, но когда она разъ, забывшись, застрекотала по своему, они узнали, кто она такова и прогнали ее отъ себя своими клювами. Не успѣвъ поживиться у голубей, она опять вернулась къ сорокамъ. Эти тоже, не признавъ ее подъ ея бѣлой окраской, не позволили ей жить вмѣстѣ съ ними. Такъ, пожелавъ и того и другаго, она не получила ничего. *(Эзопъ.)*

6. Мальчикъ и Крапива.

Мальчикъ обжегся крапивой. Онъ побѣжалъ домой и жаловался своей матери, говоря: «Мнѣ очень больно, а я дотронулся до крапивы тихонько!» Мать сказала: «Потому именно она такъ и обожгла тебя. На будущее время, когда ты захочешь тронуть крапиву, схвати ее смѣло, и она будетъ мягка, какъ шелковая въ твоей рукѣ и не причинитъ (т. е. не сдѣлаетъ) тебѣ никакой боли». *(Эзопъ.)*

7. Пастухъ и Волкъ.

Пастухъ нашелъ однажды маленькаго волченка и вырастилъ его, а спустя нѣкоторое время научилъ его выкрадывать овецъ изъ сосѣднихъ стадъ. Волкъ, выказавъ себя понятливымъ ученикомъ, сказалъ пастуху: такъ какъ ты выучилъ меня красть, то теперь смотри зоркимъ глазомъ; иначе ты будешь терять и изъ своего стада. *(Эзопъ.)*

8. Два товарища.

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, влѣзъ на деревo и спрятался, а другой остался на дорогѣ. —Дѣлать было ему нечего —онъ упалъ на земь и притворился мертвымъ. Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и смѣется: «ну что», говоритъ, «медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?»

«А онъ сказалъ мнѣ, что — плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ». *(Гр. Л. Толстой).*

9. Левъ и Лиса.

Старый и дряхлый левъ не могъ ловить звѣрей и задумалъ жить хитростью: поселился въ пещерѣ и притворился больнымъ. Между звѣрями разнесся слухъ, что царь занемогъ, и они стали его провѣдывать. Приходитъ наконецъ и лисица; осмотрѣлась, стала у входа въ пещеру и спрашиваетъ: «Какъ тебѣ можется, царь? — «Плохо, отвѣчаетъ левъ; но что жъ ты не войдешь?» — «Да оттого, что слѣдовъ-то къ тебѣ много, а отъ тебя ни одного не видать».

10. Догадливый скворецъ.

Томимый жаждою скворецъ нашелъ въ полѣ забытый пахаремъ кувшинъ, который до половины былъ наполненъ водою. Съ какой стороны ни зайдетъ скворецъ, какъ ни нагнется, а все никакъ не можетъ напиться. Попробовалъ было повалить кувшинъ, но не хватило силы. Наконецъ онъ напалъ на счастливую догадку: сталъ носить въ кувшинъ камешки. Когда дно кувшина застлалось толстымъ слоемъ камней, —вода поднялась, и скворецъ утолилъ жажду. *Терпѣніе и трудъ — все перетрутъ.*

11. Три золотыхъ рыбки.

У одного хозяина въ маленькомъ пруду, который былъ соединенъ съ большимъ, было три золотыхъ рыбки, которыми онъ ежедневно любовался, принося имъ корму. Хозяинъ каждый разъ напоминалъ рыбкамъ, что не слѣдуетъ выходить въ большой прудъ и выплывать въ его отсутствіе на поверхность, но рыбки не понимали его. Наконецъ онъ рѣшилъ вразумить своихъ любимицъ страхомъ: когда какая-нибудь изъ рыбокъ подплывала къ большому пруду или выходила на поверхность, онъ билъ по водѣ палкой. Рыбки поняли желаніе хозяина, но двѣ изъ нихъ сговорились не повиноваться ему. «Мы», говорили онѣ, «не видимъ никакой причины этимъ строгостямъ». Одна изъ непослушныхъ зашла въ большой прудъ и была проглочена щукой, а другая всплыла на поверхность и сдѣлалась добычею чайки. Послушная же осталась цѣла и жила долго и спокойно.

12. Олень и Виноградникъ.

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся и думаютъ: «не звѣрь ли тутъ подъ листьями» — выстрѣлили и ранили оленя.

Олень и говоритъ, умираючи: «подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня».

(Гр. Л. Толстой).

13. Гусь.

Перья одного гуся были бѣлы, какъ только что выпавшій снѣгъ. И гусь вообразилъ, что ему приличнѣе быть лебедемъ, чѣмъ гусемъ. Онъ отдѣлился отъ другихъ гусей и сталъ плавать одиноко. Подражая лебедямъ, онъ то вытягивалъ шею, изо всѣхъ силъ стараясь скрыть, что она коротка, то старался придать своей шеѣ тотъ прекрасный изгибъ, отъ котораго у лебедя является гордая осанка. Но все было напрасно: шея была все также коротка и недостаточно гибка, и всѣ старанія гуся привели къ тому, что онъ оказался очень смѣшнымъ гусемъ, а лебедемъ такъ и не сдѣлался. *(Лессингъ).*

14. Муравей и Голубка.

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлеснула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она

увидѣла, что муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла. *(Толстой).*

СКАЗКИ.

15. Зайцы и лягушки.

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «и отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужъ лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться.—Давайте утопимся».

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услышали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говоритъ: «стойте, ребята! Подождемъ топиться; вотъ лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: онѣ и насъ боятся».

16. Лисица и журавль.

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званый пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и потчеваетъ: «покушай, мой голубчикъ-куманекъ! сама стряпала». Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: «не обезсудь, любезный кумъ! больше потчевать нечѣмъ».—«Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости». На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право, больше нечѣмъ потчевать». Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и этакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все не поѣлъ». «Ну, не обезсудь, кума, больше угощать нечѣмъ». Взяла лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлѣбала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось. Съ тѣхъ поръ и дружба лисы съ журавлемъ врозь.

(Изъ собранія народныхъ сказокъ.)

17. Мужикъ и медвѣдица

Какъ весенней полной порою, изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки, что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго, выходила медвѣдица, съ малыми дѣтушками —медвѣжатами, поиграть-погулять, себя показать. Сѣла медвѣдица подъ березкою; стали медвѣжата промежъ себя играть, обниматься, бороться, да кувыркаться. Отколь ни возьмись мужикъ идетъ: онъ въ рукахъ несетъ рогатину, а ножъ-то у него за поясомъ, а мѣшокъ-то у него за плечами. Какъ завидѣла медвѣдиха мужика съ рогатиной, зарѣвѣла медвѣдиха, стала кликать дѣтушекъ, глупыхъ медвѣжатъ своихъ: «Ахъ вы дѣтушки, медвѣжатушки! Перестаньте валяться, обниматься, кувыркаться! Становитесь, хоронитесь за меня. Ужъ я васъ мужику не выдамъ, а сама мужика съѣмъ, проглочу!» Медвѣжатушки испугалися, за медвѣдиху побросалися; а медвѣдиха осерчалася, на дыбы поднималася. А мужикъ-то онъ догадливъ былъ, онъ пустился на медвѣдиху, онъ сажалъ въ нее рогатину. *(А. Пушкинъ.)*

18. Стариково великое горе.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, у нихъ была курочка рябушечка; снесла рябушечка первое яичко въ кутѣ передъ печкой, подъ самымъ окошкомъ; пестро-востро-костяно-мудрено.

Положила старуха яичко на полочку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полочку свернула, яичко скатилось, объ полъ разбилось. Старикъ плачетъ, старуха рыдаетъ, курочка кудахчетъ, огонь въ печи пылаетъ, двери скрипитъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ. Сбѣжались сосѣди:—что, что?

Старикъ говоритъ: «вотъ такъ и такъ, наша курочка рябушечка снесла яичко, пестро-востро-костяно - мудрено. Положила старуха яичко на полочку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полку свернула, яичко скатилось, объ полъ разбилось; я, старикъ, плачу, старуха рыдаетъ, курочка кудахчетъ, огонь въ печи пылаетъ, двери скрипятъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ!» Какъ услыхали сосѣди про стариково горе, такъ развели руками и ну вопить на все село.

Сбѣжалось село: что, что?

Старикъ говоритъ: «вотъ такъ и такъ, наша курочка рябушечка, снесла яичко пестро-востро-костяно-мудрено. Положили

яичко на полочку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полку свернула, яичко скатилось, объ полъ разбилось! Я, старикъ, плачу, старуха рыдаетъ, курочка кудахчетъ, огонь въ печи пылаетъ, двери скрыпятъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ, сосѣди на все село плачутъ, руками машутъ!» Тутъ заголосило все село въ голосъ, стало рвать на себѣ волосъ, тужить по стариковомъ великомъ горѣ. *(Изъ Первой Первинки Даля.)*

19. Бабушкинъ козликъ.

Жилъ-былъ у бабушки козликъ, да такой прыткій, что и удержу на него не было: выростетъ ли на деревнѣ молодое деревцо, все съ верху до низу обдеретъ и огложетъ, и вѣтви поломаетъ, и листья поѣстъ. Побьютъ козла и приведутъ къ бабушкѣ, а бабушка: «Ахъ да охъ!» пожуритъ козла, побранитъ козла, да запретъ въ хлѣвушокъ. А козелъ и ухомъ не ведетъ! вышибетъ дверь рогами и пойдетъ гулять да куралесить по огородамъ, не столько пріѣстъ, сколько перетопчетъ. Изловятъ козла, приведутъ къ бабушкѣ, а бабушка: «Ахъ да охъ!» пожуритъ козла, да запретъ въ хлѣвушокъ. Васька козелъ и ухомъ не ведетъ, вышибетъ дверь рогами и пойдетъ гулять да куралесить. Вотъ разбѣсился онъ, разбодался, народъ опять поймалъ его, побилъ, да и ведетъ къ бабушкѣ на расправу, а бабушка: «Ахъ да охъ!» пожурила козла, побранила козла, отдала его пастуху на руки, а сама козлу приговариваетъ: «ужъ ты, козликъ мой, ужъ, сѣренькій, смирненько въ стадѣ пасись, по доламъ, по горамъ не носись, въ лѣсъ не ходи, тамъ тебя волки съѣдятъ!» Васька козелъ и ухомъ не ведетъ, все стадо перебодалъ и пошелъ скакать по доламъ, по горамъ, насилу къ ночи домой вернулся. Пришелъ пастухъ на козла къ бабушкѣ съ жалобой, стала бабушка пастуха уламывать, умаливать, стала пастуха задабривать; вынесла ему кринючку молока да кусокъ пирога. На утро погналъ пастухъ стадо, погналъ и козла, а бабушка козелку приговариваетъ: «ужъ ты, козликъ мой, ужъ ты, сѣренькій, ты смирненько въ стадѣ пасись, по доламъ, по горамъ не носись, въ лѣсъ не ходи, въ лѣсу волки съѣдятъ!» А Васька и ухомъ не ведетъ! все стадо разогналъ и пошелъ гулять по горамъ, по доламъ, по дремучимъ лѣсамъ; увидали козлика сѣрые волки, и съѣли козлика волки, покинули рожки, да ножки, да голыя копытца.

(Изъ Первой Первинки Даля.)

20. Журваль въ небѣ не добыча.

Жилъ-былъ мужичокъ безъ земли, безъ пашни, безъ кола, безъ двора, безъ скотинки, словомъ, какъ есть бобыль. Голодъ моритъ, по свѣту гонитъ, говоритъ пословица; нанялся бобыль къ богатому мужичку въ работники; дѣло учитъ, дѣло мучитъ, дѣло и кормитъ; сытъ нашъ бобыль и одѣтъ и въ угрѣвѣ, а все своя воля на умѣ. Идетъ онъ разъ полемъ, и видитъ подъ кустомъ лежитъ заяцъ; вотъ онъ поднялъ булыжникъ и думаетъ: «это мнѣ кладъ дается, убью я зайца, продамъ его, а на деньги куплю поросеночка; выкормлю поросенка, станетъ онъ свинкой, свинка та же скотинка, свинка моя выведетъ двѣнадцать поросятъ, поросенокъ выростетъ, большой свиньей будетъ, каждая свинья выведетъ по двѣнадцати поросятъ, и будетъ у меня стадо во сто сорокъ и пять свиней; тутъ то обзаведусь я своимъ домкомъ, сосватаю лучшую дѣвку на деревнѣ, и заживетъ она у меня барыней; старшаго сына назову Иваномъ, подстаршаго Тимофеемъ, середняго Дорофеемъ, малаго Еремѣемъ, подмалаго Андреемъ; станутъ сынки расти, какъ грибки, я ихъ на работѣ не умучу, найму работниковъ, а сыновья станутъ за батраками надсматривать, а я изъ окошка на дворъ поглядывать, да порядки чинить: Андрей, Еремѣй, Дорофей, Тимофей, Ванюшка, что балуете, дѣла не дѣлаете, за работниками не приглядываете, аль въ бѣдности не живали? Вотъ я васъ!» Бобыль нашъ такъ крикнулъ, что заяцъ проснулся, вскочилъ и далъ тягу. „Вотъ те на! сказалъ мужичокъ, почесываясь, вотъ те и свинка съ избой, и хозяюшка съ Ванюшкой и съ Андрюшкой, съ Тимошей и Дорошей, и съ Еремушкой!» И пошелъ своимъ путемъ все тѣмъ же бобылемъ.

(Изъ «Первой Перезинки» Даля.)

21. Лиса.

Шла лиса по дорожкѣ и нашла лапотокъ, пришла къ мужичку и просится: «хозяинъ, пусти меня ночевать». Онъ говоритъ: «некуда, лисанька, тѣсно».—Да много-ли мнѣ нужно мѣста! я сама на лавку, а хвостъ подъ лавку.—Пустили ее ночевать, она и говоритъ: «положите мой лапотокъ къ вашимъ курочкамъ.» Положили; а лисанька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встаютъ, она и спрашиваетъ свой лапоть; ей хозяева говорятъ: «лисанька, вѣдь онъ пропалъ!» —Ну отдайте мнѣ за него курочку.—Взяла курочку, приходитъ въ другой домъ и про-

ситъ, чтобъ ея курочку посадили бъ къ хозяйскимъ гускамъ. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее гуська. Приходитъ въ новый домъ, просится ночевать и говоритъ, чтобъ ея гуська посадили къ барашкамъ; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще въ одинъ домъ. Осталась ночевать и проситъ посадить ея барашка къ хозяйскимъ бычкамъ. Ночью лисанька украла и барашка, а по утру требуетъ, чтобъ за него отдали ей бычка. Всѣхъ: и курочку, и гуська, и барашка, и бычка она передушила, мясо припрятала, а шкурку бычка набила соломой и поставила на дорогѣ. Идетъ медвѣдь съ волкомъ, а лиса говоритъ: «подите, украдьте сани да поѣдемте кататься.» Вотъ они украли и сани и хомутъ, впрягли бычка, сѣли всѣ въ сани; лиса стала править и кричитъ: шню, шню! бычокъ— соломенный бочокъ, сани чужія (или не наши), хомутъ не свой, погоняй не стой! Бычокъ нейдетъ. Она выпрыгнула изъ саней и закричала: «оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медвѣдь съ волкомъ обрадовались добычѣ и ну рвать бычка, рвали—рвали: видятъ, что одна шкурка да солома, покачали головами и разошлись по домамъ. (*Изъ собр. народ. сказ.*)

22. Ворона.

Жила-была у насъ на Руси ворона, и жила она у насъ не одна, а съ няньками, мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними и дальними сосѣдками. Прилетѣли птицы изъ заморья, большія и малыя, гуси и лебеди, пташки пичужки, свили гнѣзда въ горахъ и долахъ, въ лѣсахъ, въ лугахъ и нанесли яичекъ; подмѣтила это ворона, и ну перелетныхъ птицъ обижать, у нихъ яички таскать! Летѣлъ сычъ и увидалъ, что ворона большихъ и малыхъ птицъ обижаетъ, яички таскаетъ. «Постой, говоритъ онъ, негодная ворона, найдемъ на тебя судъ и расправу!» И полетѣлъ онъ далеко, въ каменныя горы, къ сизому орлу, прилетѣлъ и проситъ: «Батюшка, сизой орелъ, дай намъ свой праведный судъ на обидчицу ворону; отъ нея житья нѣтъ ни малымъ, ни большимъ птицамъ: наши гнѣзда зоритъ, дѣтенышей крадетъ, яйца таскаетъ, да ими своихъ воронятъ питаетъ!»

Покачалъ сизый орелъ головою и послалъ за вороной легкаго, меньшаго своего посла воробья. Воробей вспорхнулъ и полетѣлъ за вороной: она было ну отговариваться, а на нее поднялась вся птичья сила, всѣ пичуги, и ну ее щипать, клевать, къ орлу на судъ гнать. Нечего дѣлать, каркнула и полетѣла, а всѣ птицы взвились, на улику слѣдомъ за ней понеслись. Вотъ и приле-

тѣли онѣ къ орлову жилью и обсѣли его, а ворона стоитъ посреди, да обдергивается передъ орломъ, охорашивается.

И сталъ орелъ ворону допрашивать: — «Про тебя, ворона, сказываютъ, что ты на чужое добро ротъ разѣваешь, у большихъ и малыхъ птицъ дѣтенышей да яйца таскаешь?

— Напраслина, батюшка сизый орелъ, напраслина, я только однѣ скорлупки подбираю!

— Еще про тебя жалоба до меня доходитъ, что какъ выйдетъ мужичокъ пашню засѣвать, такъ ты подымаешься со всѣмъ своимъ содомомъ, съ гальемъ, съ вороньемъ, и ну сѣмена клевать.

— Напраслина, батюшка сизый орелъ, напраслина! Я съ подружками, съ малыми дѣтками, съ чадами, домочадцами только червячковъ изъ свѣжей пашни таскаю!

— А еще на тебя всюду народъ плачется, что какъ хлѣбъ сожнутъ, да снопы въ копны сложатъ, то ты налетишь со всѣмъ содомомъ своимъ, со всею чернью, гальемъ, вороньемъ, и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

— Напраслина, батюшка сизый орелъ, напраслина! мы это все ради добраго дѣла, по благостынѣ своей помогаемъ, копны разбираемъ, солнышку да вѣтру доступъ даемъ, чтобы хлѣбушка не проросъ, да зерно просохло!

Разсердился орелъ на старую врунью ворону, велѣлъ ее засадить въ острогъ, въ рѣшетчатый теремокъ, за желѣзное засовье, за булатные замки—тамъ она сидитъ и по сей день!

(*Изъ «Первой Первинки» Даля*).

23. Правда и кривда.

Жили два купца: одинъ кривдой, другой правдой: такъ всѣ и звали ихъ: одного Кривдой, другого Правдой. «Послушай, Правда!» — сказалъ разъ Кривда: вѣдь кривдою жить на свѣтѣ лучше!» — «Нѣтъ!» — «Давай спорить!» — «Давай!» — «Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трехъ» встрѣчахъ намъ скажутъ, что жить правдою лучше, то всѣ твои корабли; а если кривдою, то мои.» — «Хорошо!» Плыли они, много-ль, мало-ль— встрѣтился имъ купецъ. «Послушай, господинъ купецъ, чѣмъ на свѣтѣ жить лучше: кривдою или правдою?» — «Кривда лучше!» Плывутъ они дальше, много-ль, мало-ль, и встрѣчается имъ мужичокъ. «Послушай, добрый человѣкъ, чѣмъ на землѣ лучше жить: кривдою или правдою!» — «Кривдою!» На третьей встрѣчѣ имъ сказали то же самое.

Отдалъ Правда три корабля Кривдѣ, вышелъ на берегъ и

пошелъ тропинкою въ темный лѣсъ. Пришелъ онъ въ избушку и легъ подъ печку спать. Ночью поднялся страшный шумъ, и вотъ кто-то и говоритъ: «А ну-тка, похвалитесь! кто изъ васъ нынче гуще кашу заварилъ?» — Я поссорилъ Кривду съ Правдою! — Я разорилъ мельницу! — Я смутилъ человѣка убить! — А я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну царскую дочь; а вылѣчитъ ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ!

Какъ ушли они, Правда вышелъ и запрудилъ мельницу, не далъ убить человѣка, досталъ жаръ-цвѣту и вылѣчилъ царевну. Подарилъ ему царь пять кораблей, и поѣхалъ онъ домой. На дорогѣ встрѣтилъ Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросилъ у него все, какъ что было, да и залегъ ночью подъ печку въ той же избушкѣ. Слетѣлись духи и начали совѣтъ держать: какъ бы узнать того, кто испортилъ имъ всѣ дѣла? Подозрѣвали они самаго изъ нихъ негоднаго. Какъ стали его бить да щипать, онъ бросился подъ печку, да и вытащилъ оттуда Кривду. «Я — Кривда!» — говоритъ купецъ чертямъ, да все-таки они его не послушали и разорвали на мелкіе кусочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою. *(Народн. сказка.)*

24. Морозко.

I. У мачехи была падчерица, да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: «умница!», а падчерица какъ ни угождаетъ, ничѣмъ не угодитъ — все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото; въ хорошихъ рукахъ она какъ сыръ въ маслѣ купалась бы, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть шумитъ да затихнетъ, а сварливая баба расходится—не скоро уймешь: все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать. «Вези, вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле, на трескунъ-морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку въ сани, хотѣлъ прикрыть попонкой, и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочериной смерти.

II. Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрески-

ваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ, поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Вотъ очутился онъ на той соснѣ, подъ коей дѣвица сидитъ; пощелкиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвицу поглядываетъ: «дѣвица, дѣвица, я Морозъ-красный-носъ!»

— «Добро пожаловать, Морозъ! Знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную!» — «Тепло-ли-тѣ, дѣвица?» — «Тепло, тепло, батюшка-Морозушко!» Сталъ Морозко ниже спускаться, больше потрескивать и чаще пощелкивать, и спросилъ опять дѣвицу: «тепло-ли-тѣ, дѣвица? Тепло ли-тѣ, красная?» Дѣвица чуть духъ переводитъ, но еще говоритъ: «тепло, Морозушко, тепло, батюшка!» Пуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ Морозко, и сказалъ дѣвицѣ: «тепло-ли-тѣ, дѣвица? тепло-ли-тѣ, красная? тепло-ли-тѣ, лапушка?» Дѣвица окостенѣла и чуть слышно сказала: «ой, тепло, голубчикъ-Морозушко!»

III. Полюбились Морозкѣ ея ласковыя рѣчи: онъ надъ ней сжалился и окуталъ ее шубами, отогрѣлъ одѣялами, да принесъ ей сундукъ и высокій, и тяжелый, полный всякаго приданаго, а потомъ подарилъ ей платье, шитое серебромъ и золотомъ. Надѣла она его и стала какая красавица! какая нарядница! Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. «Ступай, мужъ, вези хоронить дочь свою». Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» — «Молчи, дура! на́ блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!» Собачка съѣла блинъ да опять: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

IV. Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица въ золотѣ да въ серебрѣ — такъ и сіяетъ! Мачеха глянула — и руки врозь: «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! Посади на то же поле, на то же мѣсто». Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красный-носъ, поглядѣлъ на свою гостью и сталъ ее спрашивать: «тепло-ли-тѣ, дѣвица?» — «Убирайся ты!» — отвѣчала ему старухина дочь: «или ты ослѣпъ, — не видишь, что у меня руки и ноги окостенѣли». Попрыгалъ, поскакалъ Морозко, а хорошихъ рѣчей не дождался, разсердился, хватилъ ее и убилъ. — «Старикъ, сту-

най мою дочь привези: лихихъ коней запряги, да саней не пожалѣй, да сундукъ не оброни!» —А собачка подъ столомъ: «тявъ, тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ кости везутъ!» — «Не ври! на пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ!» —Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила да поздно.

25. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

I. Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря.
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкой,
Съ непростою рыбкой, съ золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь!»

II. Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ».

III. Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
«Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,

Домой въ море синее просилась,
Дорогой цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю;
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,
Такъ пустилъ ее въ синее море».
IV. Старика старуха забранила:
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть-бы взялъ съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось!»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто».
V. Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится;
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ:
Поклонись ей, выпроси ужъ избу».
VI. Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилось синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу просить сварливая баба».

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть; изба вамъ ужъ будетъ».
VII. Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты [1]).
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
«Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой!»
VIII. Пошелъ старикъ къ синему морю:
Неспокойно синее море:
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»
IX. Воротился старикъ ко старухѣ.
Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ;
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка; [2])
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки;
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
«Здравствуй, барыня—сударыня—дворянка!

---

1) Вмѣсто: воротами. 2) Кичка (кика)—головной женскій уборъ.

Чай, теперь твоя душенька довольна?»
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.

X. Вотъ недѣля—другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовой дворянкой,
А хочу быть вольной царицей».
Испугался старикъ, взмолился:
«Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ!»

XI. Старикъ отправился къ морю.
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольной царицей».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»

XII. Старикъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? Предъ нимъ царскія палаты:
Въ палатахъ видитъ онъ свою старуху.
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.

Какъ увидѣлъ старикъ, испугался,
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?»
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали,
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!»

XIII. Вотъ недѣля—другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ».
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слово молвить.

XIV. Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ: на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ;
Сталъ онъ кликать золотую рыбку:
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ ты сама ей служила,

И была бы у ней на посылкахъ».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула—
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта.
Не дождался, къ старухѣ воротился....
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто. *(Пушкинъ).*

ЛЕГЕНДЫ [1]).

26. Малиновка.

Было время, когда эта красивенькая, маленькая птичка была одного сѣраго цвѣта. Въ тотъ ужасный день, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, солнышко не освѣщало земли, небо, покрытое тучами, не пропускало свѣта; вѣтеръ дулъ сильно, точно передъ бурей, и маленькая птичка въ испугѣ летала съ одного дерева на другое, отыскивая мѣсто, гдѣ бы укрыться отъ непогоды. Въ безпокойствѣ, видя, что становится все темнѣе и темнѣе, малиновка поднялась на высокую гору и тамъ увидала три креста. На одномъ изъ нихъ былъ распятъ Сынъ Божій. Долго летала птичка около этого ужаснаго мѣста, не зная, чѣмъ облегчить страданія Христа.—«Чѣмъ могу я доказать мою любовь и благодарность Избавителю, я—такое ничтожное твореньe?» У распятаго Спасителя былъ надѣтъ колючій терновый вѣнецъ, причинявшій Ему такую боль, что кровь виднѣлась на Его свѣтломъ челѣ.—«Боже милосердный»! просила малиновка: «помоги мнѣ хоть чѣмъ-нибудь убавить боли Твоему распятому Сыну!» Она робко подлетѣла къ головѣ Спасителя и мало-по-малу своимъ тоненькимъ носикомъ выклевала одинъ терній изъ вѣнца.—«Все-таки», подумала она радостно, «теперь будетъ меньше однимъ уколомъ, и я могла хоть чѣмъ-нибудь доказать Спасителю любовь и благодарность за милости Его къ маленькой, слабенькой птичкѣ». И въ этотъ часъ ея грудка получила тотъ прекрасный цвѣтъ съ отливами, который такъ краситъ и понынѣ эту маленькую птичку.

27. Незабудка.

Я хочу поговорить съ вами о цвѣточкахъ, особенно объ одномъ маленькомъ голубомъ цвѣточкѣ, съ золотистымъ вѣнчи-

---

[1]) Легенда—народное мало достовѣрное преданіе о какомъ-либо чудесномъ событіи.

комъ, точно сердечкомъ—въ серединѣ; цвѣточекъ этотъ называютъ незабудкой. Когда я была еще маленькимъ ребенкомъ, то, гуляя съ няней въ обширномъ паркѣ, окружавшемъ нашъ сельскій домъ, всегда надолго останавливалась около широкой канавы, отдѣлявшей паркъ отъ темнаго бора; по краямъ этой канавы росло множество самыхъ крупныхъ, самыхъ прелестныхъ незабудокъ. Я не могла насмотрѣться на нихъ, не могла на нихъ нарадоваться; мнѣ казалось, что незабудки смотрятъ на меня своимъ лазоревымъ взоромъ и говорятъ: «не позабудь меня!»

— Не говорятъ ли цвѣты? спрашивала я иногда свою няню. Няня моя была старушка, малороссіянка, необыкновенно добрая, простая сердцемъ и глубоко набожная. Она любила слушать Священное Писаніе и знала много занимательныхъ разсказовъ религіознаго содержанія. На повторяемые мои вопросы, не говорятъ-ли когда цвѣты, разъ она отвѣтила мнѣ.

— Да, разсказываютъ благочестивые люди, что однажды цвѣты говорили и лучшее слово сказалъ твой любимый лазоревый цвѣтокъ.

— Разскажи, няня, что это за слово сказала незабудка?

— Изволь, другъ сердечный, отвѣчала няня, горячо любившая меня, слушай и не балуй, пока буду говорить.

Я смиренно усѣлась подлѣ няни на мягкой травѣ, около канавы, и, не спуская глазъ съ окружавшихъ насъ незабудокъ, слушала слѣдующій разсказъ. «Когда Господь Богъ», начала, перекрестясь, няня, «сотворивъ міръ, почилъ отъ трудовъ Своихъ, то позвалъ къ Себѣ перваго человѣка—Адама, и при немъ далъ имя каждому животному; потомъ поставилъ передъ Собою рядами всѣ растенія, сталъ посреди нихъ и каждому дереву, цвѣтку, травкѣ, былинкѣ говорилъ подъ-рядъ его названіе и для чего оно назначено, до тѣхъ поръ, пока они упомнили все. Только одинъ цвѣточекъ стоялъ безмолвно въ большомъ смущеніи. Поднявъ на великаго Творца свои голубенькіе глазки, и открывъ ему свое, золотое сердечко, онъ въ блаженномъ восторгѣ все позабылъ, кромѣ Создателя, и не могъ ничего запомнить.

Опустивъ къ землѣ цвѣты и бутончики, голубой цвѣточекъ залился румянцемъ смущенія и умоляющимъ голосомъ пролепеталъ: «Господи! Отецъ всего созданія, прости меня: я не могъ оторвать отъ Тебя своихъ взоровъ и позабылъ самого себя. Если Тебѣ угодно будетъ повторить мое названіе, я никогда его не забуду. Творецъ неба и земли, видя у ногъ своихъ цвѣточекъ,

съ любовью взглянулъ на него и произнесъ:— «Вины нѣтъ въ томъ, что ты забылъ самого себя. Меня ты только не забудь!» и удалился. Цвѣтокъ такъ и остался въ блаженномъ состояніи божественнаго восторга, сдѣлался любимцемъ всѣхъ и каждаго, вотъ какъ и тебя, сказала обратясь ко мнѣ няня. Господь наградилъ его за любовь къ Себѣ прекраснымъ именемъ *незабудки*. Вложи и ты въ свое дѣтское сердце завѣтъ Господа, данный незабудкѣ: «Меня ты только не забудь!»

28. Чудесный мальчикъ.

Поздно вечеромъ, накапунѣ Рождества, лѣсомъ возвращался крестьянинъ домой изъ города. Тамъ онъ своимъ дѣткамъ купилъ для праздника каравай хлѣба. А то бѣдняжки питались одной почти корой. Былъ сильный морозъ. На небѣ свѣтила луна. Вдругъ онъ видитъ: въ сугробѣ, прислонившись къ дереву, стоитъ полуодѣтый, почти окоченѣлый отъ стужи мальчикъ и согрѣваетъ руки своимъ дыханіемъ. Крестьянинъ снялъ съ себя шубу, одѣлъ мальчика и привелъ къ себѣ въ избу. Домашніе обласкали гостя. Потомъ семья, помолившись, сѣла за столъ, гдѣ былъ поставленъ хлѣбъ съ водой. Хозяйка посадила гостя около себя, начала рѣзать хлѣбъ и первый кусокъ подала мальчику. «Благословенъ убогихъ даръ», со слезами промолвилъ отрокъ, принимая хлѣбъ. Хозяйка продолжаетъ рѣзать каравай, но хлѣбъ все цѣлъ, не убываетъ... Вдругъ необыкновенный свѣтъ озарилъ хату. Изумленная семья глядитъ на гостя—онъ весь преобразился: на мѣстѣ оборваннаго мальчика сидѣлъ въ бѣлоснѣжной одеждѣ свѣтло-крылатый, прекрасный, какъ рай, ангелъ.

Онъ всталъ, благословилъ семью и исчезъ.

Съ тѣхъ поръ подъ кровомъ этихъ добрыхъ бѣдняковъ воцарилось полное довольство и благоденствіе. Съ тѣхъ поръ понынѣ то мѣсто за столомъ въ избѣ крестьянина, гдѣ когда-то, въ образѣ нищаго мальчика, бесѣдовалъ Божій ангелъ, остается во время обѣда и ужина не занятымъ.

— То мѣсто свято, говоритъ, набожно крестясь, хозяинъ, тамъ ангелъ былъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

1. Сыновняя любовь.

Одинъ мальчикъ бѣжалъ чрезъ улицу. Вдругъ наѣзжаетъ телѣга. Мальчикъ споткнулся и попалъ подъ телѣгу; колесо переломило ему ногу. Бѣдняжку принесли домой. Мать его была больна и, когда услыхала стонъ сына, соскочила въ испугѣ съ постели и упала безъ чувствъ. Мальчикъ сейчасъ же пересталъ стонать, и пока ему выправляли и перевязывали ногу, ни разу не крикнулъ. «Развѣ тебѣ не больно?» — спросилъ наконецъ его докторъ. «Даже очень больно!» — шопотомъ отвѣтилъ мальчикъ: «но я не хочу, чтобы мама знала объ этомъ, такъ какъ её очень огорчаетъ моя болѣзнь.»

2. При солнышкѣ тепло, при матери добро.

Забѣжалъ Коля къ сосѣду и увидалъ, что у него въ домѣ нехорошо: дѣти грязны, въ изорванныхъ рубашёнкахъ, съ нерасчесанными головками. Меньшія валяются по грязному полу, двое другихъ дерутся, а старшенькій лежитъ боленъ, и некому за нимъ присмотрѣть. Вспомнилъ тутъ Коля, что у сосѣда недавно жена умерла, вспомнилъ и свою мать, побѣжалъ домой и крѣпко обнялъ родимую.

3. Молитва матери.

I. «Служилъ я у одного богатаго купца», — разсказывалъ одинъ крестьянинъ; «хозяинъ мой торговалъ хлѣбомъ: свои барки ходили по Волгѣ, я и состоялъ при баркахъ.»

«Разъ на перекатѣ у Костромы насъ застала ночь, да такая бурная, ненастная. Теченіе тамъ быстрое, судно наше такъ и несло на самое высокое мѣсто на перекатѣ. Видимъ, — бѣда неминучая, а справиться не можемъ. Только хотѣли было отвернуться отъ мели, какъ вѣтеръ налетѣлъ да двинулъ барку; ударилась она со всего розмаху, только дно затрещало. Мы бросились въ воду. Холодная волна набѣжала и окатила мнѣ голову; пробовалъ плыть, да мочи нѣтъ... «Ну, думаю, смерть пришла!»

II. «И вспомнилъ я тутъ про старуху мать, что въ деревнѣ осталась, и такъ мнѣ стало жаль ее, такъ страшно было помирать, что я въ голосъ заплакалъ: «Матушка, помолись, умираю!»

«И чудное дѣло: точно у меня силы прибавилось, сталъ я шибче руками работать; вижу—бревно плыветъ; я ухватился за него, да за нимъ до берега и добрался».

III. «Пріѣзжаю домой на праздники, а матушка мнѣ и сказываетъ, что на Фроловъ день она всю ночь не спала.—«Лежу, говоритъ: вдругъ кто-то въ окно стукнулъ, и слышу твой голосъ: «матушка! умираю!» потомъ опять. Ужасъ меня взялъ, зажгла я свѣчу передъ образомъ и стала на молитву».

— «А бѣда-то со мной случилась какъ разъ на Фроловъ день».

IV. «Мать, вѣдь, что солнышко, — и грѣетъ, и радуетъ, *и молитва ея до самого Господа Бога доходитъ.*»

4. Колыбельная пѣсня.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я къ тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.
Улетѣлъ орёлъ домой;
Солнце скрылось подъ горой;
Вѣтеръ послѣ трёхъ ночей
Мчится къ матери своей.
Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?»
— Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ:
Я дитя оберегалъ,
Колыбелечку качалъ.
(*Майковъ*).

5. Дорогая могила.

I. Есть небольшое сельское кладбище въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашеными крышами; каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два, три ощипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ...

II. Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ... Къ ней, изъ

недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка — мужъ съ женою.

III. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшей походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку ели поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... *(И. Тургеневъ)*.

6. Отцовскіе труды.

Мы-то, дѣтки, день-деньской кирпичи таскали,
И подъ нашею рукой стѣны выростали.
Мы рубили топоромъ — глядь и вышла хата!
Вспоминай-ка насъ добромъ, да живи богато.
Мы изъѣздили поля съ матушкой сохою,
И покрылася земля рожью золотою.
Хлѣбъ-кормилецъ, теплый домъ — къ сроку все приспѣло:
Вспоминайте насъ добромъ: это наше дѣло.
Будь же умницей, родной, честью заработай,
Такъ и черный хлѣбъ свой съѣшь ты тогда съ охотой.

(Водовозова).

7. Малыя сиротки—Божьи дѣтки.

Ясно солнышко
Закатилося;
Свѣтла мѣсяца
Не видать нигдѣ;
Часты звѣздочки
Въ тучѣ спрятались,
И темнымъ-темна
Ночь осенняя!

Трудно въ свѣтѣ жить
Сиротинушкѣ,
Безъ родимаго
Отца-батюшки,
Безъ родимыя
Своей матушки,
Безъ братьёвъ, сестёръ....
Какъ есть круглому!

8. Сиротка.

Вечеръ былъ, сверкали звѣзды,
На дворѣ морозъ трещалъ.
Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ.
«Боже!» говорилъ малютка,
«Я прозябъ и ѣсть хочу;
Кто-жъ согрѣетъ и накормитъ,
Боже добрый, сироту?»
Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту,

Пріютила и согрѣла,
И поѣсть дала ему,
Положила спать въ постельку.
«Какъ тепло!» промолвилъ онъ:
Закрывъ глазки улыбнулся
И заснулъ... Спокойный сонъ!

Богъ и птичку въ полѣ кормитъ
И кропитъ росой цвѣтокъ,
Безпріютнаго сиротку
Не оставитъ также Богъ.
(*Плещеевъ*).

9. Съ міру по ниткѣ — голому рубашка.

I. Поступилъ сиротка Гриша въ школу. Былъ онъ мальчикъ тихій, скромный, прилежный. Не было у Гриши отца и матери, жилъ онъ у чужихъ людей. Некому было купить Гришѣ книжечку, тетрадку, доску и ничего-ничего не было у Гриши, что необходимо всякому школьнику. Гриша плакалъ, когда не зналъ урока, или не написалъ заданной письменной работы; между тѣмъ ему не по чемъ было учить и не на чемъ писать. Тяжело было Гришѣ, что онъ началъ отставать отъ товарищей.

II. Товарищи любили Гришу, а больше всѣхъ любилъ другъ его Степа. Разъ Степа и говоритъ товарищамъ въ школѣ: «Нука, ребятки, сложимся по грошу да купимъ Гришѣ книжку: онъ вѣдь сирота: ему некому купить». Степа съ шапкой обошелъ своихъ товарищей, и копеечки, трешники, посыпались въ шапку. Набрали полтину денегъ и купили Гришѣ книжку, доску, грифель. Гриша теперь обзавелся всѣмъ и сталъ хорошимъ ученикомъ и добрымъ товарищемъ для всѣхъ.

10. Приглашеніе къ труду.

Дѣти! надобно трудиться:
Богъ насъ создалъ для труда;
Ахъ! отъ праздности родится
Много горя и стыда.
Тотъ кто хочетъ доброй славы,
Долженъ хлѣбъ свой въ потѣ ѣсть;
Не за игры и забавы
Достается людямъ честь.
Дѣти! дѣти! не лѣнитесь!
Трудъ всегда приноситъ плодъ:
Будешь смолоду трудиться —
Встрѣтишь старость безъ заботъ. (*Гротъ*).

11. Рукодѣльная пѣсня.

Ну, подруженьки, скорѣе!
Солнце красное взошло.
За работу мы дружнѣе!
Пока время не ушло.
Помолись, потрудись,
Только знай не лѣнись!
Безъ нужды проживёшь,
Да добра наживёшь.
Чтобъ добра себѣ прибавить,
Надо въ жизни работать,
Всё самимъ умѣть исправить
И другимъ не докучать.
(*Кн. Одоевскій*).

12. Нужда и трудъ.

Дайте грабли, лопату, топоръ или ломъ,
Или серпъ для жнитва отточите,
Или косу давайте вы мнѣ для косьбы,
Или цѣпъ,—или что вы хотите!
И сильна, и крѣпка будетъ эта рука,
И ко всякой работѣ привычна,
Потому что нужда, въ тяжкой жизни труда,
Насъ работать учила отлично.... *(Жуковскій).*

13. Приглашеніе въ школу.

Дѣти, въ школу собирайтесь! пѣтушокъ пропѣлъ давно.
Поворворнѣй одѣвайтесь! смотритъ солнышко въ окно.
Человѣкъ и звѣрь, и пташка — все берется за дѣла;
Съ ношей тащится букашка; за медкомъ летитъ пчела.
Ясно поле, веселъ лугъ; лѣсъ проснулся и шумитъ;
Дятелъ носомъ: тукъ, да тукъ! звонко иволга кричитъ...
Рыбаки ужъ тащутъ сѣти; на лугу коса звенитъ...
Помолясь, за книгу, дѣти! Богъ лѣниться не велитъ.
(Изъ Р. Сл.).

14. Старый Петръ.

Старый Петръ стучитъ да тычетъ,
Да колотитъ въ мастерской;
Подъ носъ пѣсенку мурлычетъ
И трудится день-деньской.
„Грѣхъ и жить-то безъ работы,
На грѣхи наводитъ лѣнь;
Поработай до субботы,
Отдохнешь въ воскресный день.
Пару добрыхъ рукъ въ наслѣдство
Получилъ я отъ отца,
И живемъ на эти средства
Мы по милости Творца.
Только знай себѣ работай,
Душу на Бога возложь;
О грядущемъ днѣ заботой
Втунѣ сердца не тревожь.
И гляди впередъ безъ страха.
Черный хлѣбъ не нищета,
А посконная [1]) рубаха—
Далеко не нагота".

15. Самыя лучшія приправы къ обѣду.

Знатный [2]) и богатый господинъ охотился въ лѣсу, усталъ и зашёлъ отдохнуть въ избушку лѣсника. Въ это время дѣти лѣсника сидѣли за столомъ. Передъ ними стояла чашка съ

[1]) Посконь-конопля.
[2]) Знатный—знаменитый, славный, важный.

овсянымъ киселёмъ, и лежалъ грубый чёрный хлѣбъ. Дѣти съ большимъ удовольствіемъ ѣли то и другое, и были здоровы и румяны, какъ маковъ цвѣтъ.

— «Не понимаю, — сказалъ охотникъ лѣснику, — какъ это ваши дѣти ѣдятъ съ такимъ удовольствіемъ [1]) такую грубую пищу и всѣ такъ здоровы и румяны?»

Лѣсникъ отвѣчалъ охотнику: «Это происходитъ отъ того, что обѣдъ я ежедневно приправляю тремя пряностями [2]): во-первыхъ, дѣти мои весь день работаютъ и трудомъ заработываютъ себѣ пищу; во-вторыхъ, они всегда садятся за столъ голодными, такъ какъ вплоть до самаго обѣда я не даю имъ ничего ѣсть; въ-третьихъ, дѣти мои привыкли къ умѣренности въ ѣдѣ и не знаютъ никакихъ лакомствъ.»

16. Награда.

Однажды ѣхалъ по своему селу помѣщикъ и увидалъ старика, который пересаживалъ въ саду маленькія деревца.

— Сколько тебѣ лѣтъ, старикъ?—спросилъ его помѣщикъ.

— Минуло 80, — отвѣтилъ старикъ, — но Богъ далъ мнѣ крѣпкое здоровье, такъ что я могу еще трудиться.

— А долго ли ты думаешь еще жить, что садишь эти деревья? Дождешься ли ты плодовъ отъ нихъ?

— Я и не думаю о томъ,—отвѣтилъ старикъ,—я или кто другой будетъ пользоваться плодами ихъ. Я дѣлаю такъ, какъ дѣлалъ мой отецъ, который садилъ деревья уже въ старости, а если-бы онъ не посадилъ, я не попробовалъ бы ни яблочка, ни груши. Почему же я долженъ быть хуже для дѣтей моихъ, чѣмъ былъ мой отецъ для меня?

— Ну, такъ что-жъ тебѣ съ этого? — спросилъ помѣщикъ.

— Я буду радъ,—отвѣчалъ старикъ, — что сдѣлалъ доброе дѣло.

Это такъ понравилось помѣщику, что онъ вынулъ червонецъ и далъ его старику.

— Видите, баринъ,—сказалъ старикъ:—вы говорили, что я не увижу плодовъ отъ этихъ деревьевъ, — а они уже въ первый день принесли мнѣ червонецъ.

Никогда не слѣдуетъ допытываться, на что и для кого мы дѣлаемъ добро; будемъ дѣлать его лишь потому, что оно добро, а награда за доброе дѣло придетъ рано или поздно. *(Наука 1883 г.)*

---

[1]) Удовольствіе—чувство радости, пріятности. [2]) Пряность—то, чѣмъ приправляютъ пищу: перецъ, корица, лукъ, горчица и т. п.

17. Здоровье и долголѣтіе.

I. Въ теплый осенній день на заваленкѣ у своей избы сидѣлъ восьмидесятилѣтній старикъ. Голова его была бѣла, какъ снѣгъ, но лицо было здоровое, веселое, глаза живые, а руки, казалось, годились еще ко всякой работѣ. Тутъ же на дорогѣ играли внуки и правнуки стариковы: здоровые, какъ рыжики, и румяные, что ягодки калиновыя.

Подошелъ къ старику молодой человѣкъ, недавно пріѣхавшій изъ города, и сталъ допытываться у него: какъ онъ дожилъ до такихъ лѣтъ и сохранилъ столько силъ и крѣпости?

Старикъ и говоритъ ему: «Отъ самыхъ малыхъ лѣтъ меня никогда не заставало восходящее солнце въ постели. Я ложился спать, какъ только наступала ночь, которую Господь Богъ даетъ намъ для отдыха. Вставши съ постели, я никогда не зѣвалъ, никогда не лѣнился, а работалъ усердно. *Работа крѣпила мое тѣло, а молитва крѣпила мой духъ.* Я всегда былъ веселъ, такъ какъ всегда вѣрилъ въ Божью помощь.»

II. А кто же тебя научилъ этому?—спросилъ молодой человѣкъ.

Старикъ всталъ и повелъ его въ свой садикъ. Тамъ между деревьями, погнувшимися отъ тяжести созрѣвающихъ плодовъ, стояли рядами ульи съ пчелами. «Вотъ на томъ да на этомъ учился я уму-разуму», сказалъ старикъ, указывая на деревья и на ульи. «Я садилъ, прививалъ, доглядывалъ деревья; они росли на моихъ глазахъ и веселили мое сердце. Я былъ между деревьями, какъ между своими дѣтьми; они учили меня, *какъ добръ Господь Богъ, какъ Онъ награждаетъ человѣка за честные и полезные труды.* А маленькая мушка-пчелка учила меня *трудолюбію, бережливости и порядку.* Я прожилъ мой вѣкъ въ пріятномъ трудѣ, весело, и выростилъ такъ моихъ дѣтей и внуковъ».

18. Странничекъ.

На работу, въ дальній путь
Плелся странничекъ убогій.
Притомился онъ съ дороги,
Сѣлъ у хаты отдохнуть.
Въ двери глянула хозяйка,
Говоритъ: „Уснулъ, родной?
Вишь ты холодъ-то какой!
Что тутъ сѣлъ? Въ избу ступай-ка!
Не красна изба у насъ,
А тепленька, слава Богу!
Обогрѣйся на дорогу —
Щецъ покушай, въ добрый часъ“.

19. Отвѣтъ боярина Шереметева.

«Куда дѣвалось твое имѣніе?» спросилъ нѣкогда царь Іоаннъ Васильевичъ у Шереметева, своего вельможи.—«Черезъ руки бѣдныхъ я препроводилъ его къ Отцу небесному», отвѣчалъ онъ.—Вотъ самое лучшее употребленіе богатства, достойное истиннаго христіанина и русскаго вельможи! (Изъ Дух. Цвѣтн.).

20. Алтарь для жертвы.

I. Одинъ богатый юноша сдѣлался очень боленъ и долгое время пролежалъ въ постели, но наконецъ стало ему легче, и онъ выздоровѣлъ. Вышедши въ первый разъ въ садъ, онъ былъ, какъ бы новорожденный, полонъ радости и славословилъ Господа громкимъ голосомъ, и въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, обращая взоры и сердце свое къ небу, произнесъ: «О Всеблаженный и Вседовольный! если бы человѣкъ могъ что-либо воздать Тебѣ... о, какъ охотно отдалъ бы я все свое имѣніе!»

II. Слова эти слышалъ одинъ благочестивый старецъ и, подошедши къ богатому юношѣ, сказалъ: «Благіе дары нисходятъ свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, слѣдуй за мною!»

Юноша послѣдовалъ за благочестивымъ старцемъ, и они пришли въ одну мрачную, полуразвалившуюся хижину, гдѣ встрѣтили ихъ ужасная нищета и горесть. Отецъ лежалъ больной, мать плакала, дѣти были наги и просили хлѣба. Ужаснулся юноша. Тогда старецъ сказалъ ему: «Вотъ здѣсь алтарь для твоей жертвы! Это меньшіе братья Господни». Юноша далъ щедрое пособіе бѣдствующей семьѣ, и утѣшенные несчастные благословили его и назвали ангеломъ Божіимъ.

Но старецъ, улыбаясь, сказалъ ему: «Такъ всегда: сначала обращай благодарный взоръ свой на небо, а потомъ на землю».

21. Нищій.

Зналъ я нищаго:—какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ.
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, въ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ,
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ....
(Я. Полонскій).

22. Божія копилка.

I. Жилъ богачъ. Онъ помогалъ бѣднымъ, и всѣ его очень любили. Въ комнатѣ его была прибита къ стѣнѣ большая же-

лѣзная копилка, а надъ нею написано было золотыми буквами: «Божія копилка». Когда Господь посылалъ богачу какую радость: крестины, день ангела или другое что, тогда жена, бывало, скажетъ ему: «Богъ далъ намъ всего вдоволь, пригласи полный домъ гостей, пусть люди вмѣстѣ съ нами порадуются».— «А сколько же человѣкъ пригласить?» спрашивалъ онъ жену.— «Ну, хоть сорокъ человѣкъ», отвѣчала жена. Богачъ, бывало, подумаетъ и скажетъ: «Знаешь, голубка моя, теперь очень много бѣдныхъ людей, у многихъ дѣточки отъ голода плачутъ, не спятъ. Такъ не лучше ли пригласить къ намъ человѣкъ двадцать, а то, что̀ пошло бы на вино и угощеніе другихъ двадцати, я вкину въ Божію копилку?» Такъ онъ обыкновенно и дѣлалъ.

Прочитаетъ или услышитъ, бывало, добрый человѣкъ о какомъ-нибудь несчастіи: о пожарѣ, наводненіи, о градобитіи,— онъ тотчасъ скажетъ про себя: «Боже, ты сохранилъ меня отъ такого несчастія!» и снова броситъ въ копилку жертву благодаренія.

II. Бывало, заѣдетъ къ богачу купецъ съ товарами. Богачъ посмотритъ того, другого товару и идетъ уже за деньгами. Вдругъ нечаянно взглянетъ на копилку и скажетъ себѣ: «Стой, на что тебѣ столько? Можешь обойтись и половиною». И возьметъ наполовину меньше всего; а то, что̀ нужно было заплатить за другую половину, броситъ въ Божію копилку.

День за день, годъ за годомъ—на старости лѣтъ богача въ копилкѣ Божіей собралась огромная сумма денегъ.

III. Передъ смертью онъ созвалъ къ себѣ стариковъ того села, гдѣ жилъ, и сказалъ имъ: «Не отнимая у дѣтей своихъ ни гроша, я собралъ много добра на дѣло Божіе; я меньше гулялъ, меньше разбрасывалъ, чѣмъ могъ; то, что я намѣревался пустить чрезъ горло свое или друзей моихъ, и то, что я хотѣлъ истратить на прихоти, вы найдете въ этой Божіей копилкѣ».

IV. Открывъ копилку, старики нашли въ ней огромную сумму и прослезились отъ радости. Когда богачъ отдалъ Богу душу, люди величали его своимъ благодѣтелемъ. Память объ этомъ добромъ человѣкѣ никогда не исчезнетъ на родинѣ его: о немъ вѣковѣчные напоминать будутъ потомству вышедшіе изъ копилки Божіей пріюты для дѣтей, школа, больница и новая каменная церковь.

(Изъ «Науки» протоіерея Наумовича.)

23. Скворецъ.

I. У старичка-охотника былъ скворецъ, который умѣлъ говорить нѣсколько заученыхъ словъ. Къ охотнику часто прихо-

дилъ сынишка его сосѣда послушать чудную птицу. Особенно нравилось ему, какъ старичекъ, бывало, спроситъ: «гдѣ ты, скворушка?» А скворецъ тотчасъ и крикнетъ: «здѣсь, дядюшка!»

II. Разъ мальчикъ приходитъ, а охотника нѣтъ въ комнатѣ. И задумалъ плутишка украсть рѣдкую птицу: схватилъ ее и проворно сунулъ въ карманъ. Входитъ въ комнату старикъ. Не видя скворца, онъ спросилъ: «гдѣ же скворушка?»—Здѣсь, дядюшка!—крикнулъ изо всей мочи скворецъ въ карманѣ воришки.

24. Спѣсь.

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на-бокъ переваливалсь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него разволочено
А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился-бъ Спѣсь во церкви Божіей,
Да полъ не метёнъ!
Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

(Гр. А. Толстой)

25. Дурное употребленіе богатства.

I. У одного крестьянина близъ Москвы былъ только небольшой участокъ земли съ садомъ, но онъ жилъ счастливо и семью свою содержалъ своими трудами; онъ былъ добръ къ людямъ, набоженъ, здоровъ и доволенъ. У него не только хватало на прожитіе и на всѣ необходимыя нужды, но онъ ежегодно могъ еще откладывать нѣсколько денегъ въ запасъ на дѣтей.

II. Однажды, при чисткѣ своего колодца, онъ нашелъ въ илу большой мѣдный сосудъ съ золотыми и серебряными деньгами. Находка обрадовала его и онъ вообразилъ, что добылъ истинное счастье.

III. Съ этой минуты онъ передалъ всѣ полевыя работы прислугѣ, сталъ одѣваться богаче, чѣмъ позволяли его занятія, сталъ роскошно ѣсть и пить, а наконецъ и играть; забылъ Бога, не заботился о будущей жизни, тратилъ безъ толку деньги на всѣ прихоти и пустыя удовольствія и вовсе не думалъ,

что онъ можетъ когда-либо обѣднѣть и что такая жизнь и вредна, и грѣшна. Скоро случилось то, чего и нужно было ожидать.

IV. Черезъ дурное употребленіе богатства онъ сталъ нищимъ. Все, что онъ имѣлъ, было продано съ молотка. Здоровье его разстроилось отъ безпорядочной жизни, и въ сердцѣ его не осталось искры благочестія. Въ заключеніе, онъ утопился въ томъ же колодцѣ, въ которомъ нашелъ кладъ.

Всѣ гоняются за богатствомъ, а оно губитъ многихъ.

26. Не завидуй чужому счастію.

Тимоѳей пасъ чужихъ овецъ и получалъ за это такую грошовую плату, что не на что было купить сапогъ. Однажды, подъ вечеръ, когда онъ босой стоялъ у воротъ постоялаго двора, къ дому подъѣхала господская карета. «Вѣдь бываютъ же такіе счастливцы, что въ каретѣ разъѣзжаютъ!» сказалъ Тимоѳей, съ завистью поглядывая на богатый экипажъ,—а нашъ братъ не только пѣшкомъ, изволь ходить босикомъ. Чѣмъ я, сиротинушка, прогнѣвалъ Господа, что вѣчно долженъ маяться и по чужимъ людямъ скитаться? И за что такая милость Божія вотъ хоть бы этому баринy?... Кабы съ нимъ хоть на часъ помѣняться, то-то бы счастье!» Едва онъ это сказалъ, какъ дверцы кареты растворились и изъ нея, съ помощью двухъ слугъ, вышелъ безногій калѣка. «Съ нами крестная сила!» воскликнулъ оторопѣлый Тимоѳей, перекрестился и безъ оглядки побѣжалъ въ поле. Съ тѣхъ поръ онъ не только никому не завидовалъ, но и на босоту свою болѣе не жаловался.

27. На кого похожъ злословящій ближняго своего.

Однажды нѣкто изъ братіи одного общежительнаго монастыря худо говорилъ пастырю о ближнемъ своемъ. Преподобный настоятель тотчасъ велѣлъ изгнать его, говоря: «не позволю, чтобы въ обители былъ видимый и невидимый діаволъ».

(Изъ «Лѣствицы» св. Іоанна, игум. Син. горы).

28. Пастухъ и царскій казначей.

I. Былъ у одного царя казначей. Царь очень любилъ его и во всемъ довѣрялъ ему. Другіе царскіе чиновники завидовали ему и задумали его погубить. Они узнали, что у казначея есть въ домѣ комната, куда никто не ходитъ, кромѣ него. Узнали они, что комната эта всегда заперта, и ключъ отъ нея казначей никогда никому не даетъ.

II. «У него тамъ собраны сокровища изъ царской казны», подумали завистники, «царская казна у него на рукахъ, царь ему довѣрястъ, такъ утаитъ, сколько хочетъ, ему не трудно». И донесли царю, что казначей казну царскую обкрадываетъ и деньги хранитъ у себя въ домѣ. Царь самъ захотѣлъ узнать правду, пошелъ въ домъ къ казначею и велѣлъ открыть ему двери той комнаты, про которую говорили ему завистники.

III. Казначей съ радостью исполнилъ приказаніе царя, повелъ его и отперъ дверь комнаты; царь увидалъ четыре голыя стѣны, простой сосновый столъ и скамью. На столѣ лежала старая котомка, какую носятъ пастухи, и пастушій рожокъ; а больше въ комнатѣ ничего не было. Удивился царь, и казначей сказалъ ему: «я былъ прежде пастухомъ, пасъ овецъ. Ты, государь, взялъ меня и далъ мнѣ высокую должность, но не забылъ я, чѣмъ былъ прежде. Велика твоя милость, живу я въ почетѣ и роскоши, но много у меня заботъ и горя. Каждый день въ этой комнатѣ вспоминаю о прежней своей счастливой жизни, когда я былъ простымъ работникомъ: никто мнѣ тогда не завидовалъ, и не было у меня враговъ».

29. Притча о яблокѣ.

I. Однажды люди толковали о счастьѣ: какое кому счастье суждено. Дѣло было не безъ зависти: больные завидовали здоровымъ, младшіе—старшимъ, а особливо бѣдные—богатымъ. Бѣдные утверждали, что только и есть счастье, что въ богатствѣ, и что если человѣкъ богатъ, то все ему нипочемъ.

II. Мудрецъ, выслушавъ всѣ эти неразумные толки, разсказалъ слѣдующую притчу.

Зналъ я одного богача; жилъ онъ въ раззолоченныхъ палатахъ, носилъ тонкое, дорогое платье, сладко ѣлъ, сладко пилъ, каждый день у него на дому было словно пиръ какой. Однажды пріѣхалъ къ богачу въ гости старый другъ; давно ужъ они не видались; на радости богачъ сдѣлалъ пиршество и созвалъ гостей. На столѣ были поставлены золотыя и серебряныя блюда, а въ блюдахъ были дорогія яства; кубки также были золотые, а въ кубкахъ пѣнились заморскія вина.

III. Долго сидѣли друзья за столомъ; ѣли и пили, и были веселы; лишь хозяинъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ, хотя и велъ потѣшную рѣчь съ своими гостями. Подъ конецъ обѣда пріѣзжій другъ сказалъ богачу: «Нигдѣ я не видалъ такого богатства и такой роскоши, какъ у тебя; должно сказать, что нѣтъ человѣка счастливѣе тебя въ цѣломъ свѣтѣ».

IV. Богачъ вздохнулъ, взялъ съ золотого блюда яблоко и подалъ его другу; яблоко было румяно и свѣжо на видъ, но когда его разломили—въ немъ сидѣлъ червякъ и точилъ его сердцевину.

Всѣ гости съ удивленіемъ посмотрѣли на богача, а богачъ промолвилъ: «То, что это яблоко, то и я: съ виду я счастливъ, а никому незамѣтно, что червякъ меня точитъ».

Съ этими словами богачъ развернулъ свое богатое платье, и всѣ увидѣли, что на груди его была страшная, неизлѣчимая язва, которая называется ракомъ и которая очень скоро сводитъ человѣка въ преждевременную могилу.

30. Какъ пріобрѣсти смиреніе.

Нѣкотораго старца спросили: какимъ образомъ душа можетъ стяжать [1]) смиреніе? Онъ отвѣчалъ: если она будетъ смотрѣть только на свои грѣхи. Этотъ старецъ говорилъ: совершенство человѣка—смиреніе. (Отечн. Епископа Игнатія).

БАСНИ.

31. Обозъ.

Шелъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами;
Не возикъ и не возъ: возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набитъ?
— Да пузырями. (*Дмитріевъ*).

32. Ворона и кувшинъ.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна.
Ворона бѣдная отъ жажды умирала,
И гдѣ-то на полѣ она
Кувшинъ съ водой сыскала;
Но вотъ бѣда:
Низка для ней была въ колодцѣ томъ вода.
Какъ станешь пить? Нельзя ей влѣзть туда;
Кувшинъ великъ—нельзя его Воронѣ сдвинуть,
Не только опрокинуть.
А надобно воды достать!

---

[1]) Стяжать—пріобрѣсть.

Вотъ стала камушки она въ него бросать:
Съ краями наравнѣ вода приподнялася—
И тутъ уже моя Ворона напилася. (*Измайловъ*).

33. Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ уложили—
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
«Ба! ты косой!»
Кричатъ ему: «пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ».
—«Вотъ, братцы», заяцъ отвѣчалъ:
«Да изъ лѣсу-то кто-жъ? все я его пугалъ
И вамъ доставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка».
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.
(*Крыловъ*).

34. Мірская сходка.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ...
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ
И разспросить того, другого,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худого.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
— Да что-же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ вѣрно были?
— Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить. (*Крыловъ*).

35. Пчела и мухи.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края
И стали подзывать съ собой пчелу:

Онѣ обидѣлись, что ихъ на родинѣ своей
Вездѣ гоняютъ изъ гостей.
«Путь добрый вамъ», пчела на это отвѣчала,
«А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ снискала —
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите, —
Вездѣ вамъ будетъ счастье то-жъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады науки лишь будутъ вамъ
И тамъ. (*Крыловъ*).

36. Собака и лошадь.

У одного крестьянина служа,
Собака съ лошадью считаться какъ-то стали:
«Вотъ», говоритъ Барбосъ: — «большая госпожа!
По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь — возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать;
И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу».
— «Конечно», лошадь отвѣчала:
— «Твоя правдива рѣчь;
Однакоже, когда-бъ я не пахала,
То нечего-бъ тебѣ здѣсь было и стеречь». (*Крыловъ*).

37. Крестьянинъ и змѣя.

Къ крестьянину вползла змѣя
И говоритъ: «Сосѣдъ! начнемъ жить дружно!
Теперь мени тебѣ стеречься ужъ не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,
И кожу нынѣшней весной перемѣнила».
Однако-жъ мужика змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: «Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же».
И вышибъ изъ сосѣдки духъ. (*Крыловъ*).

Госуд. [illegible]
5[illegible]

38. Лошадь и оселъ.

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Въ добро послужитъ намъ самимъ;
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ.
И лошадь шла порожнякомъ,
А на ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
«Нѣтъ мочи!» говоритъ, «я, право, упаду,
До мѣста не дойду».
И проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье—
Хоть часть поклажи снять съ него.
«Тебѣ не стоитъ ничего,
А мнѣ-бъ ты сдѣлала большое облегченье»,
Онъ лошади сказалъ.
— «Вотъ! чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!»
Сказала лошадь и помчалась.
Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.
И лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена. (*Хемницеръ*).

39. Мартышка и очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины [1]) себѣ она достала:
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:

---

[1]) Дюжина—12 однородныхъ предметовъ, напр. дюжина ложекъ. Поддюжина, слѣдовательно, равняется шести.

Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.
Къ несчастью, то-жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ. *(Крыловъ).*

40. Камень и червякъ.

«Какъ расшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!»
Про дождикъ говоритъ на нивѣ камень лежа:
«А рады всѣ ему, пожалуй—посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогого,
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего-то шелъ часа два—три.
Пускай же обо мнѣ разспросятъ:
Такъ я ужъ вѣки здѣсь! тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ;
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ».
— «Молчи!» сказалъ ему червякъ:
«Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ,
А ты на нивѣ сей пустое только бремя».

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ;
А прокуъ немъ, какъ въ этомъ камнѣ нѣтъ. *(Крыловъ).*

41. Прохожіе и Собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой.
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая... тамъ еще двѣ—три—и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.

Одинъ, было, уже прохожій камень взялъ.
— «И полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю.
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю».
И подлинно: прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали по-малу утихать...
И стало наконецъ совсѣмъ ихъ не слыхать.

Завистники на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ. *(Крыловъ).*

42. Стрекоза и муравей.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ:
Стрекоза ужъ не поетъ.
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она.
«Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой:
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй»!
— «Кумушка, мнѣ странно это!
Да работала-ль ты лѣто?»
Говоритъ ей муравей.
— «До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ:
Такъ что голову вскружило».

— «А! такъ ты»... — «я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла».
— «Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ пойди же, попляши»!— *(Крыловъ).*

ПОСЛОВИЦЫ

43. Пословицы о лѣни.

Рано встала, да мало напряла.—Работа въ рукахъ плеснѣетъ.—У него лѣнь за пазухой гнѣздо свила.—

44. Пословицы о бѣдности.

Тарасъ ѣсть пряники гораздъ, а Филатъ и кашѣ радъ.—Съ корочки на корочку перебивается.—У кого густо, а у насъ пусто.—Три кола вбито, да небомъ покрыто.—Ни коня, ни возу, ни того, что на возъ положить. Стужа да нужа—нѣтъ ихъ хуже, голодъ да холодъ—не легче того.—Съ сумой итти стыдно, а сидѣть дома тошно.—Кто нужды не знавалъ, до-сыта Богу не маливался.

45. Пословицы о земледѣліи.

Господь повелѣлъ отъ земли кормиться.—Держись за сошенку, за кривую ноженьку.—Глубже пахать, больше хлѣба жевать.—Добудь дѣдовскаго навозу—снопы будутъ валиться съ возу.—Заря деньгу родитъ.

46. Пословицы о бережливости.

Кто не бережетъ копейки, тотъ самъ не стоитъ рубля.—Денежка рубль бережетъ.—По каплѣ и море собирается.—Дальше спрячешь, скорѣе найдешь.—Глупому сыну не въ помощь богатство.

47. Пословицы о похвальбѣ.

Самъ поетъ, самъ слушаетъ, самъ похваливаетъ.—Звонко поешь, да гдѣ-то сядешь.—Похвальное слово гнило.—Въ хвасти нѣтъ сласти.

48. Пословицы о семейной жизни.

Не оставляй отца и матери на старости лѣтъ, и Богъ тебя не оставитъ.—У кого есть матка, у того головка гладка.—Какъ Богъ до людей, такъ и отецъ до дѣтей.—Родительское слово мимо не молвится.—Родительское благословеніе на водѣ

не тонетъ и въ огнѣ не горитъ.—Материна молитва со дна моря вынимаетъ.

Своя хатка—родная матка.—Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.—Въ семьѣ любовь да совѣтъ, такъ и нуждушки нѣтъ.—Въ семьѣ всѣ за одного и одинъ за всѣхъ.—Корми дѣда на печи: самъ будешь тамъ.—При солнышкѣ тепло, при родителяхъ добро.—На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ.

49. Пословицы какъ надобно жить съ людьми.

Не рой другому ямы: самъ въ нее попадешь.—Въ лихости и зависти нѣтъ ни проку, ни радости.—Убогаго слеза жидка, да ѣдка.—Богъ видитъ, кто кого обидитъ.—Обидѣть-то легко, да душѣ каково!—Какъ аукнется, такъ и откликнется.—Злой человѣкъ не проживетъ въ добрѣ вѣкъ.—Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.—Хлѣбъ-соль кушай, а правду слушай.—Кто правды не скажетъ, тотъ многихъ свяжетъ.—Дракою правъ не будешь.

50. Пословицы о человѣкѣ.

Руки работаютъ, а голова кормитъ.—Память въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣнье въ сердцѣ.—Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.—Рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ.—Совѣсть съ молоточкомъ: и настукиваетъ и наслушиваетъ.—На красиваго глядѣть хорошо, съ умнымъ жить легко.—Не вѣрь рѣчамъ, вѣрь своимъ очамъ.—Не глаза видятъ, а человѣкъ; не ухо слышитъ, а душа.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МІРЪ БОЖІЙ.

1. Осень.

Хорошъ лѣсъ осенью. Вѣтра нѣтъ, нѣтъ и солнца; ни свѣта, ни тѣни; ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе, золотые листья. Сырая земя упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. (*И. Тургеневъ*).

2. Сѣятель.

Вышелъ сѣятель сѣять,—и замерло сердце: что-то будетъ? На хлѣбѣ вся надежда, да на немъ же бѣдъ и напастей столько, что и не пересчитать всѣхъ. Бываетъ на хлѣбъ недородъ, а затѣмъ и голодъ и на людей голодная смерть. Можетъ-быть полонъ дворъ, а можетъ-быть корень вонъ. Можетъ хлѣбъ позябнуть на корню отъ раннихъ морозовъ, въ малоснѣжную зиму—отъ лютаго холода: намочатъ осенніе дожди землю, да вдругъ сорвется сухой морозъ безъ снѣгу,—зерно обволочется льдомъ, какъ стекломъ, и сопрѣетъ: нѣтъ ему никакой защиты, не стало ему тепла и угрѣвы подъ пушистыми снѣжными сугробами. Гніетъ хлѣбъ на корню отъ обильныхъ дождей; заливаясь ими, онъ мало подымается, не доходитъ зерномъ. Можетъ однако и подняться, и налиться зерномъ, да выпадетъ бѣшеный градъ, исколотитъ солому, выбьетъ ее съ корнемъ и повалитъ гнить на кормъ свиньямъ. Нападаетъ летучая мошка, подбирается ползучій червь и поѣдаетъ хлѣбъ въ зернѣ и наливахъ. Какъ не замирать сердцу на этотъ разъ? (*С. Максимовъ*).

3. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ...
Ну! тащися, сивка!
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!
Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка...
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

(*Кольцовъ*).

4. Грибы.

1. Когда осенью появится много грибовъ, то каждый день изъ деревни тянутся къ лѣсу партіи [1]) дѣтей и подростковъ.

2. Храбрая дѣтская ватага, съ кузовками [2]) за плечами и въ рукахъ, весело выходитъ изъ деревни. Какая-нибудь косматая барбоска или жучка сопровождаетъ въ лѣсъ партію своихъ любимцевъ, идущихъ по грибы.

3. Добравшись до мѣста, дѣти безопасно бродятъ по лѣсу и наполняютъ свои корзинки и кузовки цѣлыми сотнями грибовъ при громкихъ крикахъ «ау!» и задорномъ тявканьи барбоски или жучки. Наполнивъ корзинки, съ тяжелою ношею мокрыхъ грибовъ, дѣти возвращаются домой веселыя, довольныя, счастливыя: они чувствуютъ, что приносятъ пользу, что они уже люди и оказываютъ хозяйству серьезныя услуги.

(*Разинъ*).

5. Осень.

Посмотри, въ саду деревья
Обнаженныя стоятъ,
Все печально доцвѣтаетъ,
Листья по вѣтру летятъ.
Солнце красное не грѣетъ,
Не поютъ ужъ соловьи,

---

[1]) Партія дѣтей—толпа дѣтей.
[2]) Кузовокъ — корзинка.

Ночи холодны и темны,
И коротки стали дни.
Небо пасмурно и хмуро,
Мелкій дождикъ мороситъ...

Осень близко, осень злая
Къ намъ въ окошко ужъ глядитъ!...
(*В. Никитинъ*).

6. Осенній вѣтеръ.

I. Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное? Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину, поднимаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку, и какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство.

II. Но немертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ савапомъ, не встрѣчаетъ уже его ласковой рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтые листья. (*Григоровичъ*).

7. Лѣсъ осенью.

Осенніе листья по вѣтру кружатъ,
Осенніе листья въ тревогѣ вопятъ:
«Все гибнетъ, все гибнетъ! ты черенъ и голъ,
О, лѣсъ нашъ родимый, конецъ твой пришелъ!»
Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ:
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣетъ въ немъ сила для новой весны.
(*Майковъ*).

8. Овсяный кисель.

Дѣти! овсяный кисель на столѣ: читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ, и къ горшку не соваться!
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и данніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье: Господь васъ помилуй!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ, и весной заскородилъ.

Вотъ Господь Богъ сказалъ: «поди домой, не заботься:
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтётъ и созрѣетъ».
Слушайте-жъ дѣти: въ каждомъ зёрнышкѣ тихо и мирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго
Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ и не пьётъ, и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ, и въ ней не согрѣютъ;
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ, и сосётъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ родного зерна, и растётъ и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уполозъ изъ пелёнъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корму ищетъ въ землѣ и находитъ.
Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потёмкахъ... Какъ бы провѣдать,
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, творится?... Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь—Господь Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй!»

(*Жуковскій*)

9. Приходи, зима!

Приходи, зима!
Покрывай поля
Снѣжной скатертью!
Рѣки скуй, морозъ,
Ледяной корой;
Бѣлымъ инеемъ,
Словно серебромъ,
Дерева укрой!
Разрумянь скорѣй
Щеки дѣтскія,—
Зацвѣтутъ зимой
Розы алыя.
Полетятъ — помчатъ
Въ легкихъ саночкахъ
Дѣтки къ зимушкѣ
На веселый пиръ.
Приходи, зима!
Приходи скорѣй!
Приводи съ собой
Дни морозные,
Ночи звѣздныя!

(*С. Спиридовъ*).

10. Привѣтъ русской зимѣ.

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица — душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!
Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи,
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи...
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый:

Съ снѣгомъ — батюшка морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ...

Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша добрая забава,
Молодецкая зима!
(*Кн Вяземскій*).

11. Зима.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы [1])
Покрылъ холмы,
Луга и долы.

Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ;
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.
(*Баратынскій*).

12. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни чёрной хаты —
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.
(*Пушкинъ*).

13. Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась;
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь облака едва смотрѣла...
А нынче—посмотри въ окно!
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ;
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ. (*А. Пушкинъ*).

[1]) Т. е. снѣгъ.

14. Зимняя ночь.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.
Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча, горитъ.
Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.
Помолясь Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

(*Никитинъ*).

15. Прощальная пѣсня зимѣ.

Уходи, зима сѣдая,
Ужъ красавицы весны
Колесница золотая
Мчится съ горной высоты!
Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней, царицею цвѣтовъ,
Съ пѣлой арміей воздушной
Благовѣстныхъ вѣтерковъ!
А что шума, что гудѣнья,
Тешныхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!
Уходи себѣ скорѣй.
У нея ни лукъ, ни стрѣлы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты.
Да найдутъ и по оврагамъ:
Вонъ ужъ пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ.

(*А. Майковъ*).

16. Доброе дитя.

Была суровая зима. Снѣгъ покрылъ всю землю. Дома и гумна стояли занесенные снѣгомъ. Голодные воробьи уныло чирикали подъ стрѣхами: они думали, какъ теперь имъ трудно достать зернышекъ для пропитанія. О томъ же думала и маленькая Маня, единственная дочь богатыхъ родителей. Она собрала крошекъ хлѣба, прибавила къ нимъ немного зерна, вышла на дворъ и стала кормить воробьевъ, которые стаями слетались къ ней.

Увидѣвъ это, отецъ ея сказалъ: «Что ты мерзнешь на дворѣ, Маша? Иди въ комнаты, а то простудишься»!

— Мнѣ такъ жаль этихъ воробушковъ... Они такіе голодные,—отвѣтила Маша.—Я буду ихъ кормить, пока не потеплѣетъ на дворѣ!

— Но ты, дочка, вѣдь всѣхъ ихъ не накормишь,—сказалъ отецъ.

— А я думаю, папа—замѣтила дочь,—что въ каждомъ домѣ есть дѣти, которымъ жаль бѣдныхъ воробушковъ, и которыя покормятъ ихъ въ тяжелое для нихъ время.

— О, если-бъ это такъ было!—сказалъ отецъ.—Видишь ли, есть такіе люди, которые не пожалѣютъ и людей голодныхъ, а не то что воробьевъ!...

Истинно сказалъ Іисусъ: «если не обратитесь, и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное». (Матѳ. 18, 3).

(Изъ «Науки» Прот. Наумовича).

17. Ель.

Деревья весело шумѣли,
Когда вернулась къ нимъ весна,
И только ель одна межъ ними
Была безмолвна и мрачна.

Деревья жалобно шумѣли,
Когда настали холода;
Лишь ель молчала равнодушно
И зеленѣла какъ всегда.

(*А. Плещеевъ*).

18. Весна.

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ — цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый,
Послѣдній снѣжокъ...

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьи иномъ...

(*А. Майковъ*).

19. Видъ рѣки весною.

Видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ не только величественное, но страшное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованіе, и вдругъ—широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго пространства пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всѣмъ, что на ней находилось въ то время, съ обледенѣвшими прорубями, навозными кучами, вѣхами и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухимъ, но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрипомъ, плыветъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя... Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія глыбы встаютъ на дыбы, какъ будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ: рѣка прошла!... Осво-

божденная изъ полугодового плѣна мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ.
(*С. Аксаковъ*).

20. На полѣ.

I. Погода прекрасная. Кротко синѣетъ майское небо; гладкіе, молодые листья ракитъ блестятъ, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травкой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни.

II. Жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки, торчатъ по глыбочкамъ [1]); грачи на дорогѣ останавливаются, приникаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и тяжко отлетаютъ въ сторону.

III. За оврагомъ на горѣ мужикъ пашетъ; пѣгій жеребенокъ съ куцымъ [2]) хвостикомъ и взъерошенной гривкой бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью. (*И. Тургеневъ*).

21. Предъ грозою.

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы;
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.

Чу! за бѣлой грозной тучей
Прокатился глухо громъ;
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ.
(А. *Толстой*).

22. Гроза.

I. Уже давно вдали толпились тучи тяжелыя, росли, темнѣли грозно... Вотъ сорвалась и сдвинулась громада. Шумя плыветъ и солнце закрываетъ передовое облако; внезапный туманъ разлился въ воздухѣ: кружатся сухіе листья... птицы притаились... Изъ-подъ воротъ выглядываютъ люди, спускаютъ окна, запираютъ двери...

II. Большія капли падаютъ... и вдругъ помчалась пыль по дорогамъ, поднялся вихрь и по стѣнамъ и крышамъ ударилъ злобно; хлынули потоки дождя... заигралъ угловатый градъ... крутятся, бьются, мечутся деревья, столпились тучи...

III. Молнія! ждешь удара... загрохоталъ и прокатился громъ. Сильнѣе дождь... Широкими струями, волнуясь, льетъ и хле-

---

[1]) Глыбочки или глыбы—комья земли.
[2]) Куцый—короткохвостый или безхвостый.

щетъ онъ—и вѣтеръ съ воды срываетъ брызги... вновь ударъ! Черезъ село растрепанный, безъ шапки, мужикъ за стадомъ въ поле проскакалъ. А вслѣдъ ему другой кричитъ и машетъ... смятенье! (*И. Тургеневъ*).

23. Ландышъ.

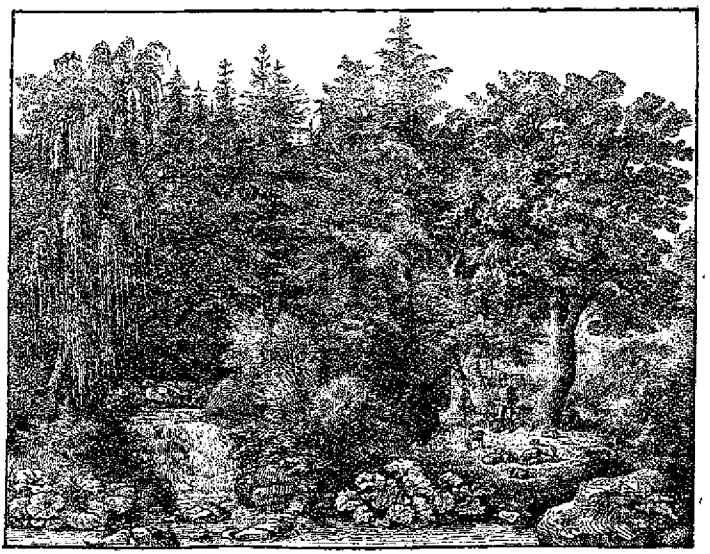
Цвѣтетъ онъ, стройный,
Въ тѣни густой,
Во мглѣ [1]) спокойной,
Во мглѣ сырой.
Цвѣтетъ весною
Вдали отъ селъ,
Боится зною
И жадныхъ пчелъ.

Чудесной силой
Цвѣтокъ объятъ,
Онъ весь—кадило,
Весь—ароматъ.
Къ Творцу вселенной,
Къ Его стопамъ,—
Онъ шлетъ смиренно
Свой ѳиміамъ.

(*Баронесса Е. К. Остенъ-Сакенъ*).

24. Лѣто.

Вотъ ужъ и красное лѣто
Къ намъ, улыбаясь, пришло!..
Вотъ и березка одѣта
Въ новое платье. Тепло!..



Въ полѣ цвѣты запестрѣли,
Въ рощѣ ужъ птички запѣли;
Все оживилось вокругъ,
Все торжествуетъ, мой другъ!..

[1]) Мгла—туманъ.

Вонъ, посмотри, деревушка
Влѣво на горкѣ стоитъ,
Вонъ и Ѳедота избушка
Чуть изъ-за тына глядитъ.
Дядѣ Ѳедоту забота,
Дядѣ большая работа —
Сѣти да неводъ чинить,
Скоро вѣдь рыбу ловить!..
Рѣчка-то важно, широко
Такъ и бѣжитъ, и бѣжитъ,
Змѣйкою вьется далеко,
Вьется, на солнцѣ блеститъ.
Скоро мы цѣлыми днями
Будемъ ходить за грибами
Шумной, веселой толпой
Въ лѣсъ, что шумитъ подъ горой.
Скоро малина поспѣетъ,—
Мы за малиною въ лѣсъ!
Тамъ ужъ и груша созрѣетъ...
(*В. Никитинъ*).

25. Засуха.

Ни тучки, ни вѣтра, и поле молчитъ;
Горячее солнце и жжетъ, и палитъ.
И пылью покрытая, будто мертва,
Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава,
И слышится только въ молчаніи дня
Веселыхъ кузнечиковъ звонъ — трескотня.
(*Никитинъ*).

26. Друзья земледѣльца.

I. Страшный вредъ причиняютъ насѣкомыя земледѣльцу, и трудно ему бороться съ ними: земледѣлецъ часто не видитъ своихъ враговъ и не знаетъ. Но у человѣка есть и друзья, которые усердно служатъ ему, охраняя его поля, сады и лѣса.

Бѣлоносые грачи во множествѣ истребляютъ гусеницъ и майскихъ хрущей.

Цѣлыми стаями летаютъ по полямъ и по лугамъ скворцы и поѣдаютъ вредныхъ насѣкомыхъ. Какъ бы въ благодарность за это, крестьяне устраиваютъ около своихъ домовъ скворешницы, въ которыхъ скворцы и выводятъ своихъ птенцовъ.

Безчисленное множество летающихъ и ползающихъ насѣкомыхъ поѣдается всякими мелкими пташками: бѣлогрудыя ласточки-щебетуньи, длиннокрылые стрижи, бойкія синички, желтозеленые чижики, красивые зяблики, пѣвуньи малиновки, соловьи, воробушки и другія птички истребляютъ за лѣто несчетное число бабочекъ, гусеницъ, жучковъ, мухъ, комаровъ и т. п. вредныхъ для земледѣльца и садовода насѣкомыхъ.

II. Въ лѣсу насѣкомыхъ преслѣдуютъ и пожираютъ дятлы, дрозды, иволги, кукушки и другія птицы.

Ночныхъ насѣкомыхъ ловятъ и поѣдаютъ летучія мыши и похожая на ласточку птичка козодой, или полуночникъ.

Всѣ птицы, которыя питаются насѣкомыми, пожираютъ ихъ въ несмѣтномъ числѣ, потому что насѣкомыя мало-питательны. Высчитано, примѣрно, что небольшая птичка королекъ уничтожаетъ за лѣто болѣе трехъ съ половиною милліоновъ насѣкомыхъ. Лазоревка съѣстъ въ лѣто не менѣе шести съ половиною милліоновъ яичекъ бабочекъ. Каждая птичка выводитъ лѣтомъ птенцовъ: трудно и высчитать, сколько насѣкомыхъ уничтожитъ въ лѣто вся семья птички!

III. Для своей собственной пользы человѣкъ долженъ заботиться, чтобы эти пернатые друзья его не покидали полей, луговъ и лѣсовъ. Не нужно пугать и тревожить птичекъ; не нужно разорять птичьихъ гнѣздъ, не нужно ловить насѣкомоядныхъ птичекъ и убивать ихъ. Въ иныхъ мѣстахъ для птичекъ нарочно устраиваютъ домики, въ родѣ нашихъ скворешницъ, чтобы дать птичкамъ пристанище.

27. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Пѣсней душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ—сухое убираютъ;
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ.
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши—врозь, дугою ноги,
И какъ-будто стоя спитъ.
Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

(*А. Майковъ*).

28. Какъ кошки ловятъ рыбу.

I. Хотя я зналъ, что кошки ловятъ рыбу, но никогда не слыхалъ и не видалъ, какъ онѣ производятъ эту работу.

Одинъ разъ въ маѣ сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшого проточнаго пруда, гдѣ водились окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травою, била икру плотва и для того выбрасывалась на траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ и прячется, растянувшись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту.

II. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который недалеко отъ меня копался въ своихъ грядахъ; онъ нисколько не удивился, а, напротивъ, разсказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякій день выходитъ на этотъ промыселъ кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега и ловятъ рыбу. (*С. Аксаковъ*).

29. Лѣтній вечеръ.

Солнце уже спускалось за лѣсъ. Оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ. Послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму [1]): все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу [2]). Пѣніе птичекъ особенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и наконецъ заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ,—и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе... На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка.

(*Гончаровъ*).

30. Страда.

Было около полудня. Солнце пекло невыносимо. Въ воздухѣ становилось жарко и душно, какъ въ раскаленной печкѣ. Кой-гдѣ, развѣ подъ воротами да навѣсами, бросавшими синевато-сквозныя тѣни, можно было найти убѣжище отъ зноя.

Въ деревнѣ царствуетъ тишина мертвая. Въ иное время въ тотъ же полдень, когда все отдыхаетъ отъ утреннихъ трудовъ, встрѣтишь хоть толпу ребятишекъ, играющихъ у колодца, или старушенку, разстилающую холстъ на лужайкѣ, или послышатся мѣрные удары валька [3]) съ ближайшаго плота; теперь все пусто, собака не пробѣжитъ по пыльной улицѣ.—Пора стоитъ

---

[1]) Форма—наружный видъ предметовъ.

[2]) Масса—толща, значительная груда веществъ.

[3]) Валекъ—деревянное орудіе съ рукояткою, которымъ колотятъ бѣлье при полосканіи.

рабочая, *страдная пора*, какъ называютъ ее въ деревняхъ. Теперь и старушки, и дѣтки ихъ, и даже животныя, все живмя живетъ въ полѣ. Вотъ почему такъ тихо въ деревнѣ, и кромѣ неугомонныхъ воробьевъ, перелетающихъ иногда цѣлыми стаями отъ одного конопляника къ другому, ничего не встрѣтишь на улицѣ. (*Д. Григоровичъ*).

31. Мельница.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ, и громъ.
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ.
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ.
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ;
Подъ жерновомъ муку родитъ,
Идетъ мука, — въ глаза пылитъ.
Объ мельникѣ и рѣчи нѣтъ:
Въ пыли, въ мукѣ, и лысъ и сѣдъ,
Кричитъ весь день.
Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила, слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.
Въ ночь темную, подъ крылышко
Головку подогнетъ
И спитъ — себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ. (*Никитинъ*).

32. Уженье.

Какъ только напились мы чаю, я сталъ просить отца, чтобъ онъ показалъ мнѣ уженье. Наконецъ мы пошли, и Евсеичъ съ нами. Онъ уже вырубилъ нѣсколько вязовыхъ удилищъ; поплавки сдѣлали изъ толстаго, зелёнаго камыша; привязали лесы и стали удить съ плота. Евсеичъ приготовилъ мнѣ самое лёгонькое удилище и навязалъ тонкую лесу съ маленькимъ крючкомъ. Онъ насадилъ на крючокъ крошечный кусочекъ мятаго хлѣба, закинулъ удочку и далъ мнѣ удилище въ правую руку, а за лѣвую—крѣпко держалъ меня отецъ; въ ту-же минуту поплавокъ привсталъ и погрузился въ воду. Евсеичъ закричалъ:

«тащи! тащи!» И я съ большимъ трудомъ вытащилъ порядочную плотичку. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совершенно не помнилъ себя отъ радости: я схватилъ свою добычу обѣими руками и побѣжалъ показать её матери. (*Аксаковъ*).

33. Лѣтній сонъ мальчика.

I. Среди теплаго-теплаго лѣтняго дня, подъ высокимъ тѣнистымъ деревомъ, въ густой травѣ лежалъ мальчикъ. Вотъ надъ самой головой его, на вѣткѣ дерева сѣла крошка-малиновка. Сѣла и довольная и счастливая запѣла свои пѣсни. Мальчикъ внимательно смотритъ на птичку. «Хорошо бы тебя, голубушку, поймать, да и въ клѣтку, пусть бы пожила у меня въ комнатѣ», думаетъ онъ. А самъ все слушаетъ и слушаетъ пѣсни малиновки. Вдругъ видитъ онъ—немного подальше, на другой вѣткѣ, виситъ клѣтка, а въ ней сидитъ щегленокъ. «Кто бы это повѣсилъ сюда клѣтку»? думаетъ онъ: «да никакъ и клѣтка то моя, съ моей птицей? Такъ и есть!» Мальчикъ хотѣлъ встать, но будто замеръ на мѣстѣ. Вдругъ щегленокъ заговорилъ человѣческимъ голосомъ. «Неужели тебѣ не жаль меня? Мнѣ такъ скучно въ этой клѣткѣ: я сижу здѣсь одинокій; а всѣ мои прежніе друзья, маленькія птички, летаютъ на свободѣ, поютъ, порхаютъ цѣлый день. Не такъ давно и я былъ свободенъ, я тоже пѣлъ на волѣ, веселился; а теперь я запертъ въ клѣткѣ... Пожалѣй же меня! О, какъ весело жилось намъ въ зеленомъ лѣсу. Какъ много, много разныхъ птичекъ тамъ было! мы всѣ весело пѣли, и рѣзвились вмѣстѣ. Да, хорошо то было житье! И ягодъ тамъ много, а въ полѣ много зернышекъ было. Всѣ мы были счастливы. Былъ у насъ и любимый ручеекъ: къ нему мы всѣ вмѣстѣ летали пить и купаться. А теперь вмѣсто прозрачнаго ручейка—у меня только чашка съ водою; вмѣсто ягодъ—сухое сѣмя, вмѣсто зеленаго лѣса—тѣсная клѣтка. О, какъ бы я желалъ быть на волѣ!»

II. Щегленокъ такъ грустно сказалъ это, что мальчикъ заплакалъ и очнулся: лежа на травѣ, онъ уснулъ, и весь разговоръ щегленка былъ слышенъ имъ во снѣ. Проснувшись, мальчикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя: малиновка уже улетѣла, а клѣтки никакой на вѣткѣ не было. Онъ тотчасъ пошелъ домой въ свою комнату, гдѣ пригорюнившись сидѣлъ въ клѣткѣ красивый щегленокъ. Мальчикъ, подойдя къ клѣткѣ, сказалъ птичкѣ: «хотя все, что я слышалъ, было только сномъ, но я не хочу больше отнимать у тебя свободы: я выпускаю

тебя!» Сказано—сдѣлано. Маленькая птичка съ звонкою пѣснею взвилась на воздухъ.

34. Изъ жизни голубей.

(Разсказъ стараго голубятника).

I Голубь! Да есть ли птица чище и красивѣе, и нѣжнѣе? Вѣдь, смотрѣть, такъ прелесть и загляденье! А если теперь, примѣромъ сказать, замѣчать всю ихъ жизнь, какъ они добры, чистоплотны, да пойдутъ у нихъ молодые,—и хоть завези ихъ за городъ (что и бывало съ моими голубями) да тамъ выпусти, и они къ тебѣ назадъ прилетятъ—такъ, вѣдь, это нужно понимать и цѣнить, что малыя птицы такую привязанность имѣютъ.

Господи, Боже мой! чего я отъ нихъ не насмотрѣлся, какихъ радостей не испыталъ... Выпустишь голубей, денекъ теплый; разбредутся они по крышѣ: кто гуляетъ, кто приляжетъ, кто нѣжничаетъ! Сидишь себѣ да глядишь на нихъ: блескъ, чистота, невинность!

Голуби созданы Господомъ не иначе, какъ на утѣшеніе человѣка.

II. Но какъ больно бываетъ для голубятника, если съ птицей случается какое-нибудь несчастіе. Я разумѣю здѣсь ея враговъ. Больше всѣхъ для нея опасны крысы. Прогрызутъ онѣ дыру въ голубятню и въ одну ночь истребятъ нѣсколько паръ. Ужасное зрѣлище! Вмѣсто тѣхъ, которые вчера тѣшили васъ своимъ полетомъ, весело ворковали, видны только пучки пуху, мѣстами съ мясомъ, перемятая, окровавленная головка и отгрызанныя лапки.

У голубей есть еще одинъ коренной ихъ врагъ—ястребъ.

Часто, когда стая весело вьется въ вышинѣ, вдругъ влетитъ онъ стрѣлою въ самую ея середину, ударитъ одного, бросится къ другому, разгонитъ всѣхъ и потомъ, выбравши котораго-нибудь, гонится за нимъ, залетаетъ ему впередъ, бьетъ его съ размаху острою грудью своею, схватываетъ когтями и тащитъ въ гнѣздо свое. Каждый ударъ, который наноситъ ястребъ голубю, отзывается въ сердцѣ охотника да такъ, какъ будто кто кольнетъ его. Есть что-то ужасное въ нападеніи сильнаго на беззащитное и незлобное существо!

35. Соловей въ неволѣ.

— Что же ты, соловушка, корму не клюешь?
Вѣшаешь головушку, пѣсенъ не поешь?

«На зеленой вѣточкѣ весело я жилъ,
Въ золотой же клѣточкѣ буду вѣкъ унылъ;
Зеленая вѣточка сердце веселитъ,
Золотая-жъ клѣточка умереть велитъ;
Подружка на вѣточкѣ тужитъ обо мнѣ,
Стонутъ малы дѣточки—до пѣнья ли мнѣ?»
—Отперто окошечко къ рощицѣ твоей,
Будь счастливъ, мой крошечка, улетай скорѣй!

36. Паукъ и пчела.

Въ ульѣ паукъ всему дивился:
«Посмотришь: эка тѣснота!
А цѣлый рой сюда явился
И сѣлъ безъ ссоръ вокругъ сота.
Жужжатъ и лѣпятъ общимъ хоромъ;
И каждой пчелкѣ мѣсто есть,
И сыты всѣ; нѣтъ мѣста спорамъ:
А сколько ихъ! не перечесть!
Скажи мнѣ, пчелка, что за диво?
И въ чемъ секретъ такой у васъ,
Что вы живете такъ счастливо?
Не то, что мы, — хоть меньше насъ.
У насъ одинъ лишь сѣть разставитъ,
Другой туда же лѣзетъ зря...»
— «Царица мудрая здѣсь правитъ,
А вы живете безъ царя!» (*Плещеевъ*).

37. Ласточка.

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ;
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.
Съ нею солнце краше,
И весна милѣй...

Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй!
Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой.

(*Плещеевъ*).

38. Сосна.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей, будто въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,

Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ. (*Лермонтовъ*).

39. Птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:

Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

(А. *Пушкинъ*).

40. Птичка и дѣти.

— «А, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь изъ сѣти;
Не разстанемся съ тобой
Ни за что на свѣтѣ».
«Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ,
Миленькія дѣти?
Отпустите полетать,
Развяжите сѣти».
— «Нѣтъ, не пустимъ, птичка, нѣтъ!
Оставайся съ нами;
Мы дадимъ тебѣ конфектъ,
Чаю съ сухарями». —
«Ахъ, конфектъ я не клюю,
Не люблю я чаю:
Въ полѣ мошекъ я ловлю,
Зернышки сбираю...»
— «Тамъ замерзнешь ты зимой
Гдѣ-нибудь на вѣткѣ;
А у насъ-то въ золотой
Будешь жить ты клѣткѣ!»
«О! не бойтесь: въ теплый край
Улечу зимою,
А въ неволѣ — свѣтлый рай
Будетъ мнѣ тюрьмою.»
— «Птичка, птичка! какъ любить
Мы тебя бы стали!

Не позволили-бъ грустить,
Все-бъ тебя ласкали.» —
«Вѣрю, дѣтки, но для насъ
Вредны ваши ласки:
Съ нихъ закрыла-бы какъ разъ
Я на вѣки глазки.»
— «Правда, правда, птичка! ты
Не снесешь неволи...
Ну, такъ Богъ съ тобой — лети
И живи на волѣ!»

41. Смерть дерева.

Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большого подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ: оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и, наконецъ, начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ съ возростающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!... Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка. (*С. Аксаковъ*).

42. Сумерки въ деревнѣ.

Полно тишиною
Все въ лѣсу, въ поляхъ;
Шепчутъ лишь порою
Струйки въ ручейкахъ.
Чашечки закрылись
Миленькихъ цвѣтовъ,
Птички воротились
Подъ домашній кровъ.
Какъ имъ тамъ привольно
Въ гнѣздышкахъ своихъ!
Дерево спокойно;
Вѣтерокъ затихъ.
Къ сладкому покою
Часъ для всѣхъ насталъ;
Щедрою рукою
Тотъ его послалъ,
Чье благословенье
Множество щедротъ,
Жизнь всему, движенье
И покой даетъ. (*Козловъ*).

43. Вечеръ.

Вечеръ отрадный
Легъ на холмахъ.
Вѣтеръ прохладный
Дуетъ въ поляхъ.
Дуетъ, лобзаетъ
Травку, цвѣты,
Тихо качаетъ
Розы кусты.
Роза младая
Льетъ ароматъ;
Птички, порхая,
Въ рощѣ свистятъ.
Всѣ веселятся,
Пляшутъ, поютъ,
Къ играмъ стремятся,
Къ шуткамъ зовутъ.
Вечеромъ въ полѣ
Мило гулять;
Мило по волѣ,
Други, играть!
Время терпѣнью,
Время трудамъ,
Время ученью,
Время гульбамъ.
Играмъ часъ смѣло
Мы отдадимъ;
Книгамъ день цѣлый
Мы посвятимъ.

(*Плещеевъ*).

44. Утро.

Ужъ солнца первый лучъ
Чудесно озолотилъ востока край,—
Вставай, дитя мое, вставай!
Игриво жаворонокъ вьется
Съ веселой пѣсенкой своей;
Чириканье повсюду раздается
Средь зеленѣющихъ вѣтвей.
Уже при солнечномъ сіяньи
Цвѣты, покрытые росой,
Какъ въ серебристомъ одѣяньи,
Блистаютъ новой красотой.
Прекрасно утра пробужденье!
Минутъ напрасно не теряй,
Молись въ сердечномъ умиленьи,—
Вставай, дитя мое, вставай!

(*Никитинъ*).

45. Ночь.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ:
Въ безмолвной тишинѣ почили даль и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

(*Пушкинъ*).

46. Ночь.

Глубокая ночь. Всѣ окружающіе меня предметы потонули въ темнотѣ и скрылись отъ моего взора.

Не видно болѣе зелени на лугу; исчезли блестящія краски на цвѣтахъ; исчезли дерева, стада, деревни: все потонуло во мракѣ.

Исчезъ и послѣдній огонь, мелькавшій изъ окна далекой хижины...

Но взгляни на небо: чуднымъ, блестящимъ сводомъ простерто оно надъ землею, и тысячи тысячъ звѣздъ сверкаютъ въ его неизмѣримомъ пространствѣ.

И всѣ эти неисчислимые міры, всѣ эти блестящія свѣтила двигаются—каждое по своей дорогѣ; и движеніемъ каждой звѣзды управляетъ всемогущая Рука Божія.

Если бы ты умѣлъ летать, и съ такою быстротою, съ какою летитъ стрѣла, пущенная изъ лука; если бы ты цѣлые милліоны лѣтъ все дальше и дальше летѣлъ отъ земли: то и тогда не долетѣлъ бы ты до конца твореній Божіихъ, и на пути твоемъ новыя звѣзды и новыя солнца являлись бы непрестанно предъ твоими глазами.

Разнообразны жители земли: суша, вода и воздухъ наполнены безчисленными существами; и тотъ, кто знаетъ жизнь и свойства только нѣкоторыхъ изъ нихъ, считается мудрымъ между сынами человѣческими.

А Богъ знаетъ каждое изъ малѣйшихъ существъ, и въ цѣлой вселенной нѣтъ мѣста, которое было бы скрыто отъ Его всевѣдѣнія.

47. Садъ.

Зеленѣйся, зеленѣйся
Мой зелёный садъ;
Расцвѣтайте, расцвѣтайте
Мои алые цвѣточки!
Поспѣвайте, поспѣвайте
Вкусны ягоды скорѣй!
Ко мнѣ будутъ, ко мнѣ будутъ
Мои гости дорогіе.

Сударь батюшка родимый
Будетъ по саду ходити,
Спѣлы ягоды щипати,
Меня младу похваляти,
Что горазда садъ садити,
Что горазда поливати,
Отъ морозу укрывати.

(*Народ. пѣсня*).

48. Пословицы о рыбахъ.

Рыба мелка, да уха сладка.—Спѣлъ-бъ и рыба пѣсенку, когда-бъ голосъ былъ.—Не учи плавать щуку: щука знаетъ свою науку.—Чтобъ рыбку съѣсть, надо въ воду лѣзть.—Котъ охотникъ до рыбы, да воды боится.—Не до шутокъ рыбкѣ, когда крючкомъ подъ жабру хватаютъ.

49. Пословицы о птицахъ.

Съ насъ бѣда, какъ съ гуся вода. — Одна ласточка весны не дѣлаетъ.—И крылья есть, да некуда летѣть.—Летаетъ хорошо, а сѣсть не умѣетъ.—Пушинка къ пушинкѣ и выйдетъ пе-

ринка.—Глупа та птица, которой гнѣздо свое не мило.—Знать звѣря по когтямъ.—Клюетъ носокъ, набиваетъ зобокъ. — Зобъ полонъ, а глаза голодные.—Соколу лѣсъ не въ диво.—Подстрѣленнаго сокола и ворона носомъ долбитъ. — Хоть подъ небеса летай, а все совѣ соколомъ не быть.—Знать сову по полету.

50. Пословицы о домашнихъ животныхъ.

Животинку водить, не разиня ротъ ходить.—Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.—Нужды нѣтъ, что плохо имя: было бы хорошо вымя.—Черная корова, да бѣлое молочко.—Лошадь человѣку крылья.—На лошадь не плеть покупаютъ, а овесъ.—Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается.—Куда одинъ баранъ, туда и все стадо.—И великъ верблюдъ, да зря бродитъ; малъ козелъ, да стадо водитъ. — Въ согласномъ стадѣ волкъ не страшенъ.—Говоритъ—словно жвачку жуетъ.

51. Пословицы о растеніяхъ.

Бобы не грибы: не посѣявъ, не взойдутъ.—Криво дерево, да яблоки сладки.—Отъ одного порченнаго яблока цѣлый возъ загниваетъ. — Безъ корня и полынь не растетъ.—По сѣмени и плодъ.—Не вѣрь козлу въ капустѣ, а волку въ овчарнѣ.—Съѣшь и морковку, коли яблочка нѣтъ.—Картошка хлѣбу присошка.—Красна ягодка, да на вкусъ горька.—Это еще цвѣточки, а ягодки впереди.—Весна цвѣтами красна, осень снопами.—По сѣмени и племя.—Хорошъ-бы цвѣтокъ, да остеръ шипокъ.—Отъ худого сѣмени не жди хорошаго племени.—Порожній колосъ выше стоитъ.—По зернышку ворохъ, по капелькѣ море.—Посѣяно съ лукошко, такъ и выросло немножко.—Грибы растутъ въ деревнѣ, а ихъ въ городѣ знаютъ.—Всякій грибъ въ руки берутъ, да не всякій грибъ въ кузовъ кладутъ.

52. Природа учитъ о Богѣ.

(Изъ твор. св. Тихона Задонскаго).

Смотришь на небо, такъ чудное, высокое и обширное, различными звѣздами украшенное; на солнце и луну сіяющія и всю поднебесную осіявающія; на облака, въ воздухѣ туда и сюда преходящія, и, какъ мѣхи, дождь точащія и напояющія нивы наши. Представляетъ тебѣ чувство и разумъ землю съ исполненіемъ ея: съ деревьями, травами, скотами, звѣрями, морями, озерами, рѣками, источниками и прочимъ украшеніемъ. Отъ видимыхъ перейди умомъ къ невидимымъ, отъ созданія міра къ Создателю. Да будетъ тебѣ случай сей удивляться: 1) всемо-

ществу Бога нашего, который все это сотворилъ изъ ничего единымъ словомъ [1]); 2) премудрости Его, который такъ премудро устроилъ; 3) благости Его, который все это сотворилъ для насъ. Такъ размышляющему и отъ созданія силу, премудрость и благость Создателя познающему слѣдуетъ съ Псалмопѣвцемъ радостно духомъ возвеселиться и воспѣвать: яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси! (Псал. CIII. 24).

53. Природа говоритъ о воскресеніи.

I. Взглянемъ весною на то мѣсто, гдѣ поблекла роза. Кустъ ея весь покрытъ новыми распуколками — новыми цвѣтами, которые благоухаютъ попрежнему.

II. Солнышко закатилось вчера въ глазахъ нашихъ. Ночь покрыла всю землю, всѣ краски потухли, всѣ звуки умолкли, а сегодня рано утромъ востокъ освѣтился новой зарею. Она позолотила вершины горъ и холмовъ. Жаворонки радостно поднялись къ небу, чтобъ пѣснями своими привѣтствовать восходящее солнце.

III. Я видѣлъ, какъ ослабѣвшій червячокъ самъ готовилъ себѣ могилку, какъ онъ, завернувшись въ куколку, лежалъ въ ней мертвый. Но черезъ нѣсколько времени онъ началъ прогрызать свою могилку и, полный силъ и красоты, раскрывъ пестрыя, блестящія крылья, взвился на воздухъ, радуясь новой жизни: червячокъ пропалъ, но изъ него вылетѣла бабочка. Точно такъ же обновится и жизнь человѣка: красота возстанетъ изъ тлѣнія, и новая жизнь возникнетъ изъ праха.

IV. Недолго пролежимъ мы въ землѣ, какъ сѣмя, брошенное въ нее, чтобы возстать въ новомъ видѣ.

Но кто же придетъ и отверзетъ гробы, кто пробудитъ мертвыхъ, кто соберетъ народы съ лица всей земли?

Онъ, нашъ Искупитель, явится на облакахъ небесныхъ съ силою и славою многою, съ сонмами ангеловъ, которые вострубятъ Его славу.

V. Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель человѣка, Другъ всѣхъ добрыхъ, придетъ во славѣ Отца Своего, потому что Онъ получилъ отъ Отца власть на небѣ и на землѣ.

И потому перестанемъ печалиться, что смерть уничтожаетъ жизнь; будемъ помнить, что Христосъ—побѣдитель смерти. Дитя безсмертія, радуйся и торжествуй! (Изъ соч. «Богъ въ природѣ»).

---

[1]) Быт. 1-я.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

РОДИНА.

1. Православная Русь.

I. Одна у человѣка родная мать, одна у него и родина. «Нѣтъ такого дружка, какъ родима матушка», говоритъ русскій человѣкъ; нѣтъ на свѣтѣ мѣста милѣе родины. Здѣсь все наше дорогое: родимый домъ, братья, сестры, родственники, товарищи дѣтства, сосѣди... Всякое деревцо, рѣчка, лужокъ, ласкавшіе нашъ дѣтскій взоръ, церковь, куда няня носила насъ на рукахъ и гдѣ учила впервые молиться, благовѣстъ родного храма, могилы близкихъ, — все это исполнено сладкихъ воспоминаній, которыхъ ничто не въ силахъ изгладить или замѣнить, — все это дѣлаетъ родину драгоцѣнною для нашего сердца на всю жизнь.

II. У каждаго человѣка своя родина—какая-нибудь деревня, городъ, село, гдѣ онъ родился, росъ, учился, игралъ и провелъ свое дѣтство. Общая же родина для всѣхъ русскихъ—матушка святая православная Русь—наше дорогое отечество.

III. Матушкой мы ее зовемъ за то, что она, какъ добрая мать, кормитъ насъ своимъ хлѣбомъ, поитъ своею водою, учитъ своимъ языкомъ, защищаетъ отъ враговъ, а когда умремъ—своею землею прикроетъ и кости наши. Наше она отечество потому, что въ ней споконъ вѣка жили отцы отцовъ и дѣдовъ нашихъ. Она для насъ страна святая, ибо мы дорожимъ ею и чтимъ ее, какъ святыню. Православная она, такъ какъ на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ ея исповѣдуется въ безчисленныхъ храмахъ Божіихъ православная вѣра.

IV. Все на Руси намъ, ея сынамъ, одинаково дорого и любопытно: степи, лѣса, рѣки, нивы, полное гумно; изба, покрытая соломой, съ рѣзными ставнями окна; въ степи кочующій обозъ; пѣсня косарей и жницъ; стукъ цѣповъ; праздничные хороводы; святочныя игры, игровыя сказки, пѣсни; вдохновенное слово родныхъ писателей; богатырскіе подвиги обороняющаго насъ воинства; памятники родной старины; сіяющіе кресты безчисленныхъ селъ и городовъ; торжественный гулъ колоколовъ и священныя могилы предковъ.

V. Велика и обширна святая Русь: около ста милліоновъ у нея сыновъ. Всѣ они повинуются одному Царю православному; всѣ одинаково Его любятъ и благословляютъ, и всѣ готовы душу положить за славу и честь своего дорогого отечества.

(Изъ «Родины» Радонежскаго)

2. Откуда и какъ пошла русская земля.

I. Болѣе тысячи лѣтъ назадъ Россію уже населялъ народъ, отъ котораго мы происходимъ. Народъ этотъ называлъ себя славянами и раздѣлялся на нѣсколько племенъ, которыя назывались поляне, древляне, сѣверяне, кривичи, ляхи, поляки и другіе. Только одно племя не имѣло особаго имени и называлось просто славянами: племя это сидѣло по берегамъ озера Ильменя и рѣки Волхова въ нынѣшней Новгородской губерніи.

II. У славянъ этихъ былъ городъ Новгородъ, у кривичей—Смоленскъ, у полянъ—Кіевъ. Городовъ тогда было немного, и состояли они изъ такихъ же хижинъ, какъ и селенія, только были побольше селеній. Городами назывались эти села потому, что были огорожены валомъ, обведены рвомъ, либо обнесены тыномъ или засѣкою. Деревнями земля наша въ то время тоже была небогата; земли было много, а народу мало; оттого деревни стояли рѣдко и были очень невелики.

III. Жили славяне въ худыхъ избахъ, которыя строили изъ лѣса; камня въ славянской землѣ было мало и каменнаго мастерства славяне не знали. Да и не сподручны были имъ каменныя жилья. Времена были неспокойныя; многіе люди только и жили грабежомъ; мирному селянину приходилось ждать врага во всякое время, отовсюду. А наѣдутъ лихіе люди, такъ ни чему спуску не дадутъ: что можно взять, возьмутъ, а остальное пожгутъ и поломаютъ. Лѣсу же вездѣ было много; новую избу срубить ничего не стоило. На всякій случай, чтобы можно было уйти при нежданномъ вражескомъ нападеніи, славяне въ избахъ своихъ дѣлали по два и по три выхода. А что у зажиточныхъ людей было подороже, то они прятали въ землю; оттого въ прежнія времена многимъ удавалось находить клады.

IV. При такой безпокойной жизни славяне однако не бросали земли впустѣ, а пахали пашню и сѣяли хлѣбъ. Почти всѣ славяне въ то время обрабатывали землю; лучшими земледѣльцами были поляне, только нѣкоторыя грубыя племена, напримѣръ древляне, не занимались этимъ дѣломъ совсѣмъ или занимались мало.

Кромѣ пахотной работы славяне жили и другими промыслами: ловили рыбу, били звѣря лѣснаго, разводили стада, водили пчелъ въ бортяхъ [1]), торговали съ сосѣдними народами. Лѣса въ славянскихъ земляхъ стояли огромные, звѣря въ нихъ было много всякаго; водились даже такіе, про которыхъ теперь и помину нѣтъ, напримѣръ, бобры. Рыбы въ рѣкахъ и озерахъ водилось тоже вдоволь. Торгъ славяне водили хлѣбомъ, шкурами звѣриными, воскомъ, медомъ. Большого торговаго промысла у нихъ не было, да и быть не могло: городовъ не было, и вездѣ можно было наткнуться на лихихъ людей, на грабителей. Оттого и ѣздили только при нуждѣ и торгъ вели не сухопутьемъ, а рѣками.

Рюрикъ, первый князь русскій.

V. Славяне были нрава добраго и очень гостепріимны. Выходя изъ дома, славянинъ не запиралъ дверь и на столѣ оставлялъ разную ѣду на случай, если зайдетъ странникъ; у иныхъ не считалось даже безчестіемъ, если хозяинъ, за бѣдностію, украдетъ что-нибудь для гостя. Съ плѣнными обходились славяне кротко и черезъ нѣсколько лѣтъ отпускали на волю.

Славяне были высоки ростомъ, статны, крѣпки тѣломъ, легко сносили и стужу, и зной. Они не любили биться съ врагами открытымъ боемъ, а выбирали мѣста узкія, закрытыя. Они хорошо плавали и могли долго держаться подъ водою. Для этого они брали въ ротъ выдолбленный тростникъ и плавали подъ водою такъ, чтобы конецъ тростника выходилъ выше воды; такъ и дышали. Бились они на войнѣ короткими копьями и стрѣлами; часто намазывали стрѣлы сильнымъ ядомъ.

VI. Почти всѣ славяне платили дань, подать, сосѣднимъ иноплеменнымъ народамъ, потому что тѣ были сильнѣе ихъ и къ ратному дѣлу больше привычны. Сѣверные славяне и сосѣди ихъ, финскія племена, давали дань варягамъ, народу, который жилъ за Варяжскимъ (Балтійскимъ) моремъ. Варяги земляпа-

[1]) Бортъ—дупло дерева въ лѣсу, въ которомъ поселился рой пчелъ.

шествомъ заниматься не любили, а разгуливали въ легкихъ лодкахъ по морю да грабили, забираясь иногда въ дальнія страны. Славянъ варяги знали давно, потому что добывали у нихъ хлѣбъ и мѣха, и потому, что черезъ славянскую землю лежалъ имъ путь въ Грецію, куда варяги ходили или на грабежъ, или наниматься въ службу къ греческимъ императорамъ. Но, высмотрѣвши все у славянъ, варяги вдругъ явились изъ-за моря въ ихъ землѣ и на ильменскихъ славянъ, на кривичей, да на нѣсколько финскихъ племенъ наложили дань. Племена стали платить дань, только платили не долго: года черезъ два имъ удалось выгнать варяговъ за море. Избавившись отъ враговъ, они однако не нашли себѣ покоя и мира: пошли неурядицы, война, грабежъ. Тогда ильменскіе славяне, кривичи, да два финскихъ племени: весь и чудь, собравшись, стали разсуждать, какъ бы завести у себя миръ и порядокъ. Рѣшили поставить князя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву. А чтобы князь не радѣлъ своему роду больше, чѣмъ другимъ, и не развелъ бы прежнихъ смутъ и усобицъ, они положили призвать князя чужого, изъ варяговъ.

Было между варягами одно небольшое племя, которое называлось «русь»; къ этому-то племени и отправились послы. Пришедши къ варягамъ-руси, послы сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами». И собрались три брата съ *родичами* своими, взяли съ собою всю русь, и въ 862 году пришли. Старшій братъ, Рюрикъ, построилъ Ладогу и сѣлъ въ ней: второй братъ, Синеусъ, сѣлъ на Бѣло-Озерѣ; третій братъ, Труворъ, въ Изборскѣ. Отъ нихъ-то и прозвалась земля «русскою».

(*Петрушевскій*).

3. Удѣльныя усобицы на Руси.

I. Самое большое зло было въ старинномъ обычаѣ князей— дѣлить между собою землю. Князья, Рюриковы потомки, владѣли русской землей сообща, подѣливши ее на удѣлы; сколько было князей, столько и удѣловъ. Между князьями одинъ былъ старшій и назывался *великимъ княземъ*; княжилъ онъ въ стольномъ городѣ русской земли. При Рюрикѣ стольнымъ городомъ, столицею, былъ Новгородъ, послѣ сталъ Кіевъ, а потомъ Владимиръ. Когда великій князь умиралъ, то на его мѣсто садился не старшій сынъ его, а старшій въ родѣ между всѣми князьями. Прежняя волость новаго великаго князя доставалась опять-таки

не сыну его, а старшему въ родѣ княжескомъ, по великомъ князѣ. Никто не владѣлъ своею волостью вѣчно, съ дѣтьми и внуками; всѣ двигались и переходили съ одного княжества на другое. Такіе переходы не могли всегда итти по правдѣ и по обычаю; подымались между князьями ссоры и войны. Великій князь другимъ князьямъ государемъ не былъ, а только заступалъ имъ отцово мѣсто, оттого слушались его мало. Если же онъ поступалъ не по правдѣ, или князьямъ казалось, что онъ не по-отцовски ихъ разсуживаетъ, то они подымались на него самого и бились съ нимъ, какъ съ своей ровней.

II. Чѣмъ больше становилось князей, тѣмъ больше разводилось усобицъ, и русскія рати рѣзались между собой, какъ враги заклятые. Коли не хватало своей силы, звали на подмогу иноземцевъ; кто звалъ венгеровъ, кто поляковъ, кто дикихъ половцевъ, что кочевали въ полуденныхъ степяхъ, по Волгѣ и Дону. Иноземцы, забравшись въ русскую землю, пустошили ее не жалѣя; доставалось тутъ и тѣмъ, на кого ратью шли, и тѣмъ, за кого шли. А коли иноземцевъ и не звали, то они приходили сами, особенно половцы. Зная, что за смутами да усобицами князьямъ не до нихъ, они грабили землю, жгли деревни и города, избивали, либо уводили въ полонъ народъ беззащитный.

III. Такъ тянулись не годъ и не два, а цѣлыя сотни лѣтъ. Русскіе люди разумѣли, что они братья, а между тѣмъ усобицы не утихали. Русская земля распалась на нѣсколько областей; въ каждой области княжилъ особый родъ княжескій: въ каждой былъ свой великій и свои удѣльные князья. Только въ одной изъ русскихъ земель не было особаго рода княжескаго, а сидѣли князья выборные; это было въ Новгородѣ.

(*Петрушевскій*).

4. Владиміръ-Мономахъ (1113—1125 г.) миротворецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю.

I. Вздохнула было не много Русь, когда сдѣлался великимъ княземъ внукъ Ярослава отъ третьяго его сына Всеволода, *Владиміръ*, прозванный по матери своей, дочери греческаго императора Константина Мономаха, *Мономахомъ*, что значитъ *единоборецъ*. Онъ былъ человѣкъ добрый, умный, просвѣщенный, богобоязненный и храбрый; онъ отлично понималъ, сколько бѣдъ приносятъ русской землѣ княжескія междоусобія и всегда старался всѣми силами водворить между родичами миръ. Въ этомъ смыслѣ онъ много работалъ еще до своего великаго княженія, и его всегда всѣ любили.

II. Все въ немъ нравилось народу. Какъ князь и судья, онъ былъ справедливъ, рѣшалъ дѣла по правдѣ, заступался за слабыхъ и ненавидѣлъ ссоръ, между тѣмъ какъ другіе князья о правдѣ-то мало заботились и болѣе надѣялись на свою силу. Они крѣпко держались извѣстной поговорки: «у сильнаго всегда безсильный виноватъ». Онъ любилъ установившіеся порядки и уважалъ старшинство, а потому не спорилъ, не домогался того, что не принадлежитъ ему по праву. О томъ же онъ всегда просилъ и братьевъ своихъ, мирилъ ихъ, и всѣ его прозвали за это братолюбцемъ.

Владимиръ Мономахъ.

III. Какъ частный человѣкъ, Мономахъ былъ добрымъ хозяиномъ, самъ за всѣмъ приглядывалъ, держалъ порядокъ въ домѣ, не тратилъ зря имущества и увеличивалъ казну, хотя и отличался необыкновенною щедростію.

IV. Всѣ имѣли къ нему доступъ; для всѣхъ онъ былъ ласковъ и привѣтливъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Мономахъ былъ страшною грозою для враговъ: достаточно половцамъ увидѣть его знамя, и они бѣгутъ безъ оглядки. Они обыкновенно съ весной, когда подростали травы, дѣлали свои военные набѣги на Русь. Мономахъ всегда старался предупредить ихъ. «Сдѣлалъ я», говорилъ, «83 большихъ похода, а малыхъ и не припомню. Двадцать разъ безъ одного заключалъ я съ половецкими князьями миръ, при отцѣ и безъ отца, и давалъ имъ много отъ себя скота и платьевъ; пустилъ же изъ оковъ болѣе 100 ихъ лучшихъ князей, да избилъ около 200».

V. Разъ, будучи еще удѣльнымъ княземъ, онъ задумалъ предупредить набѣгъ половцевъ и самому напасть на ихъ кочевья. Послалъ онъ сказать объ этомъ своему двоюродному брату въ Кіевъ. Тотъ передалъ рѣчь Владимира дружинѣ, но дружина отвѣчала: «теперь не время итти на половцевъ: отнимемъ пахаря отъ сохи». Тогда князья съѣхались на совѣщаніе, сѣли въ одномъ шатрѣ, двоюродный братъ съ своею дружиною, а Мономахъ съ своею, и всѣ молчали.

«Братъ!» сказалъ наконецъ Владимиръ, «ты старшій, скажи первый, какъ намъ промыслить о русской землѣ».

«Братъ! лучше ты начни».

— «Какъ-же мнѣ говорить», продолжалъ Мономахъ, «когда твоя и моя дружина противъ меня, будто я хочу погубить работниковъ и пашню. Но дивно мнѣ, дружина, что жалѣете пахаря и его лошадь, а того не понимаете, что когда начнетъ поселянинъ орать землю, придетъ половчанинъ, стрѣлою убьетъ пахаря, отниметъ лошадь, разоритъ село, захватитъ жену и дѣтей и сожжетъ его гумно... Объ этомъ не думаете? Лошади вамъ жаль, а самого его не жаль?»

«Правда, правда», вскричала дружина.

И князья рѣшили итти на поганыхъ.

VI. Пригласили на подмогу къ себѣ другихъ князей: кто пришелъ, а кто отговорился больнымъ. Отправились въ походъ. Пѣшіе плыли въ лодкахъ по Днѣпру, а конные ѣхали берегомъ; потомъ четыре дня шли степью къ Дону. Половцы собрались въ несмѣтномъ числѣ и сначала было рѣшили просить у руси мира, но раздумали и ударили на нее. Сѣча была злая съ обѣихъ сторонъ. Русскіе князья стояли крѣпко, дрались храбро и наголову разбили половцевъ. Однихъ только князей ихъ было убито 20 человѣкъ. Множество добычи, скота всякаго, овецъ, коней, верблюдовъ, кибитокъ и рабовъ досталось русскимъ. И разнеслась слава русскихъ по всѣмъ дальнимъ странамъ.

VII. Вотъ за все это любили Мономаха русскіе люди и называли его добрымъ страдальцемъ за русскую землю. Даже впослѣдствіи, когда приходилось народу и дружинѣ выслушивать приглашеніе князей итти на его родъ, то всѣ говорили: «нѣтъ, князь, за тебя мы готовы итти и съ дѣтьми, а на Владимировъ родъ не пойдемъ». Когда онъ умеръ, то весь народъ плакалъ о немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери. Лѣтописецъ говоритъ, что Владимиръ Мономахъ прославилъ русскую землю, какъ солнце, и слава его прошла по всѣмъ странамъ.

VIII. Передъ смертью своей вотъ какое «Поученіе» онъ оставилъ дѣтямъ.

«Дѣти мои, или кто другой! прочитавши эту грамоту, не смѣйтесь, а примите ее въ сердце. Если кому она не нравится, то пусть лучше скажутъ: собираясь въ дальній путь, говорилъ онъ нелѣпицу. Прежде всего будьте вѣрны своему слову. Разъ встрѣтили меня послы братьевъ на Волгѣ: «Присоединись къ

намъ», говорили братья, «выгонимъ Ростиславичей (Володаря и Василька) и позаймемъ ихъ волость; если не пойдешь съ нами, то и мы не будемъ помогать тебѣ». «Гнѣвайтесь, пожалуй», отвѣчалъ я, «не могу итти съ вами: я цѣловалъ крестъ, давая клятву жить въ мирѣ». Дѣти, ради Бога, не лѣнитеся, не тяжка заповѣдь Божія: слезы и милостыня—вотъ все, что спасетъ васъ.

Самое главное: не забывайте убогихъ, но сколько можете, по силѣ, кормите; и сироту, и вдовицу оправдайте сами, не давая сильнымъ обидѣть человѣка.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не дозволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти: не погубите ни одной души христіанской. Болѣе всего не имѣйте гордости въ своемъ сердцѣ и умѣ: всѣ мы смертны, сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что намъ дано, не наше, и поручено намъ на мало дней, и въ землѣ не хороните сокровищъ: то великій грѣхъ.

Въ дому своемъ не лѣнитеся; надо всѣмъ надзирайте сами, не полагайтесь на другихъ, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войну вышедъ, не лѣнитеся: не надѣйтеся на воеводъ; не предавайтеся ни ѣдѣ, ни питью, ни сну; сторожей сами разставляйте, и ночью, все устроивъ, лягте также при войскѣ, а встаньте рано; не снимайте оружія, не разглядѣвъ хорошенько, есть или нѣтъ опасность; отъ безпечности человѣкъ легко погибаетъ.

Когда путешествуете по своимъ землямъ, не дозволяйте своимъ отрокамъ (дружинѣ) наносить обиды ни въ селахъ, ни въ деревняхъ, чтобы не стали васъ проклинать. Гдѣ остановитесь, напоите и накормите хозяина, а болѣе всего чтите гостя, (т. е. торговаго человѣка) откуда бы онъ ни пришелъ, будетъ онъ простой человѣкъ, или знатный, или посолъ; если не можете одарить его, то хоть напоите и накормите: гости мимоходомъ разнесутъ по всѣмъ землямъ добрую или злую молву о человѣкѣ.

Больного посѣтите; мертвыхъ провожайте: мы и сами смертны; не пропустите ни одного человѣка безъ привѣта, всякому скажите доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ; за это намъ почетъ отъ другихъ земель. Лѣность—мать всякаго порока. Съ нею человѣкъ забудетъ и то, что умѣетъ, а чего не умѣетъ, тому не научится; но если, служите добру, то не будьте лѣнивы ни на какое доброе дѣло».

IX. Но умеръ Владимиръ Мономахъ, и все пошло по старому: снова ссоры, снова распри, и снова

Какъ барсы степные,
Разсѣялись половцы злые
По русской землѣ,
Въ пучину несчастій ее погружая...

Не стало уже человѣка, который соединилъ бы всѣхъ въ одно сердце. И пришлось стонать русской землѣ, пришлось ей плакаться. Да и

Какъ не стонать и не плакаться русской землѣ, вспоминая
Старое время и старыхъ князей! Нельзя же было вѣчно
Въ Кіевѣ стольномъ Владимиру старому княжить...

Нельзя-жъ было, по словамъ древняго поэта, приковать его къ горамъ кіевскимъ, чтобы онъ вѣчно сторожилъ родной край. Единодушія въ князьяхъ ни въ комъ не было. Хотя и ходили они опять на враговъ, на половцевъ, но, какъ прежде, болѣе въ одиночку: каждый шелъ въ свою голову, подъ своимъ знаменемъ, отдѣльно, чтобы добыть только себѣ одному славы, а потому успѣховъ было мало. Весьма картинно и живо воспѣвается одинъ изъ такихъ неудачныхъ походовъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ», замѣчательнѣйшемъ и поэтическомъ произведеніи нашей древней поэзіи. Здѣсь описанъ походъ Сѣверскаго князя Игоря, въ 1185 г., на половцевъ, окончившійся страшнымъ пораженіемъ русскихъ: истребленіемъ почти всего русскаго войска и плѣненіемъ самого князя, его брата и сына.

(Изъ «Исторіи Россіи для народа», Малинина).

5. Первое нашествіе татаръ.

1. Въ 1224 году явился народъ незнаемый; пришла неслыханная рать [1]), безбожные татары, о которыхъ никто хорошо не зналъ, кто они и откуда пришли, и что у нихъ за языкъ, и какого они племени, и какая у нихъ вѣра. Поплѣнивши многія страны, пришли они въ землю половецкую. Половцы не могли противиться имъ и побѣжали къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котянъ былъ тесть Мстиславу Мстиславовичу Галицкому: онъ пришелъ съ поклономъ къ князю Мстиславу, зятю своему, и ко всѣмъ князьямъ русскимъ, поднесъ имъ богатые дары, коней, верблюдовъ, буйволовъ и невольницъ и сказалъ: «Татары отняли нынче нашу землю, а завтра вашу возьмутъ; такъ защитите

[1]) Рать—воинство; брань, сѣча.

насъ; если же не поможете намъ, то мы нынче изсѣчены будемъ, а вы будете завтра изсѣчены». Котянъ умолялъ о пособіи зятя своего; а Мстиславъ сталъ умолять князей русскихъ, братью свою, говоря: «Если мы, братья, имъ не поможемъ, то они передадутся татарамъ, и у тѣхъ будетъ больше силы».

2. Князья думали, думали и, наконецъ, рѣшились помогать Котяну. Совѣтъ у нихъ былъ въ городѣ Кіевѣ, гдѣ говорили такъ: «Лучше намъ принять татаръ на чужой землѣ, чѣмъ на своей», и начали строить войско, каждый свои полки. Совокупивъ всю землю русскую противъ татаръ, князья пришли къ рѣкѣ Днѣпру. Тутъ татары прислали къ нимъ пословъ съ такими словами: «Слышимъ, что вы идете противъ насъ, послушавшись половцевъ; а мы вашей земли не занимали, ни городовъ, ни селъ вашихъ, и на васъ не приходили; пришли мы, попущеніемъ Божіимъ, на холоповъ своихъ и конюховъ, на поганыхъ половцевъ; возьмите съ нами миръ; а намъ съ вами рати нѣтъ; если побѣгутъ къ вамъ половцы, то вы бейте ихъ оттуда, а имѣнье ихъ берите себѣ, потому что, какъ слышно, они вамъ много зла дѣлаютъ; оттого мы ихъ бьемъ отсюда». Князья русскіе не послушались пословъ, но перебили ихъ; пошли противъ татаръ и стали на Днѣпрѣ.

6. Второе нашествіе татаръ.

1. Въ 1237 году пришли отъ восточной страны на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожные татары съ царемъ Батыемъ и послали пословъ своихъ, жену чародѣйку, да двухъ мужей съ нею, къ князьямъ рязанскимъ, прося у нихъ десятины со всего: съ князей, и съ людей, и съ коней бѣлыхъ, вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ и пѣгихъ. Князья рязанскіе отвѣчали имъ: «Если насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ». И послали рязанскіе князья къ князю Юрію Владимирскому просить помощи; но князь Юрій самъ не пошелъ и не послушалъ мольбы князей рязанскихъ: онъ хотѣлъ одинъ воевать особо. Тогда иноплеменники обступили городъ Рязань и огородили острогомъ [1]), а князь рязанскій затворился въ городѣ съ людьми. Татары взяли Рязань, князя Юрія убили.

Преданіе прибавляетъ, что жена его, княгиня Евпраксія прекрасная, оставалась тогда дома: она все стояла въ своемъ высокомъ теремѣ, держа на бѣлыхъ рукахъ сына, и смотрѣла—

1) Острогъ — укрѣпленіе изъ заостренныхъ сверху брезенъ, плотно одно подлѣ другого, стоящихъ вкованныхъ въ землю.

не возвращается ли князь. Вдругъ узнаетъ о его гибели. Горько заплакала княгиня и вмѣстѣ съ сыномъ бросилась изъ своего высокаго терема. Такъ и убилась до смерти Евпраксія прекрасная. Съ тѣхъ поръ это мѣсто называется «Заразъ» [1]).

2. Многихъ мужей, женъ и дѣтей разсѣкали татары мечами, другихъ разстрѣливали стрѣлами, иныхъ въ огонь бросали, остальныхъ вязали; многія святыя церкви огню предали, монастыри и села пожгли; имѣніе немалое собрали и потомъ пошли на Коломну. Въ ту же зиму пошли князья съ своею ратью изъ Владимира противъ татаръ; тогда же князь Юрій Владимирскій послалъ Еремѣя Глѣбовича въ сторожахъ воеводою. Обступили ихъ татары у Коломны и бились крѣпко. Была сѣча великая. татары пошли къ Москвѣ, взяли ее, убили воеводу, и князя Владимира, сына Юрьева, руками взяли; людей перебили отъ старцевъ до младенцевъ и, взявши много имѣнія, пошли прочь. Князь Юрій выѣхалъ изъ Владимира, урядивъ [2]) вмѣсто себя сыновей своихъ, поѣхалъ на Волгу и сталъ станомъ на рѣкѣ Сити, поджидая къ себѣ братьевъ, князей Ярослава и Святослава, съ полками.

3. Третьяго февраля, татары, какъ саранча, обсѣли Владиміръ. Владимирцы затворились въ городѣ. Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, ведя съ собою княжича Владимира Юрьевича, и начали спрашивать: «Великій князь Юрій въ городѣ ли?» Владимирцы пустили по стрѣлѣ на татаръ; тѣ пустили также по стрѣлѣ на городъ и на Золотыя ворота, потомъ сказали владимирцамъ: «Не стрѣляйте!» Когда владимирцы перестали стрѣлять, татары подъѣхали поближе къ воротамъ, показали гражданамъ Владимира и спросили: «узнаете ли своего княжича?» потому что онъ былъ унылъ лицомъ и изнемогъ отъ бѣды и нужды. Всеволодъ и Мстиславъ стояли на Золотыхъ воротахъ и узнали брата своего Владимира. Князья, бояре и всѣ граждане стали плакать, смотря на него. Князья сказали своей дружинѣ и воеводѣ: «Братья! лучше намъ умереть предъ Золотыми вратами за святую Богородицу и за правую вѣру, нежели быть въ ихъ волѣ». Татары, урядивъ станы свои около города Владимира, сами пошли и взяли Суздаль, разграбили церковь Богородицы, дворъ княжескій огнемъ пожгли, а людей старыхъ и молодыхъ изсѣкли. Былъ тогда трепетъ великій всюду. Множество полона [3])

---

1) Заразиться прежде значило „убиться“.
2) Урядить—приводить въ порядокъ, снарядить.
3) Полонъ—плѣнъ.

свели татары въ станы свои, а сами пришли ко Владимиру и начали лѣса и пороки [1]) ставить отъ утра до вечера, а ночью огородили тыномъ весь городъ. Князья, видя, что городу быть взяту, вошли въ церковь св. Богородицы и постриглись въ монахи отъ владыки Митрофана. Седьмого февраля, послѣ заутрени, татары приступили къ городу. Они зашли отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса и вошли по примету [2]) въ городъ черезъ стѣну и взяли до обѣда Новый городъ и запалили его огнемъ. Князья бѣжали въ Печерный городъ. Епископъ Митрофанъ, княгиня Юрьева съ дочерью, со снохами и со внучатами, и прочія княгини, множество бояръ и людей затворились въ церкви св. Богородицы. Татары отбили двери, наволочили лѣсовъ около церкви и въ церковь и зажгли: всѣ бывшіе здѣсь люди задохлись отъ великаго зноя; другіе погибли въ огнѣ, иные отъ оружія; а св. церковь разграбили и чудную икону Богоматери ободрали. Оттуда пошли на великаго князя Юрія. Одни шли къ Ростову, другіе къ Ярославлю, иные на Волгу. Оттуда поплѣнили всю страну и много городовъ.

4. Князь Юрій, узнавъ о взятіи Владимира, послалъ Дорожа съ 3,000 человѣкъ провѣдать про враговъ. Дорожъ прибѣжалъ и сказалъ: «Князь! уже татары насъ обошли». Услыхавъ это, Юрій сѣлъ на коня съ братомъ своимъ Святославомъ, племянниками, мужами и пошелъ противъ поганыхъ. Князь началъ ставить полки, и вотъ внезапно приспѣли Татары на Сить. Юрій, отложивъ всю печаль, пошелъ къ нимъ. Обои полки соступились. Была сѣча злая, и наши побѣжали предъ иноплеменниками. Тутъ убитъ былъ великій князь Юрій Всеволодовичъ на рѣкѣ Сити, и воины его многіе погибли. А Василька Константиновича руками взяли и повели въ станы свои съ большою нуждою. Дошедши до Шеренскаго лѣса, татары остановились и стали нудить Василька быть въ ихъ вѣрѣ и воевать вмѣстѣ съ ними. Но онъ не повиновался ихъ обычаю, не бралъ ни пищи ихъ, ни питья и говорилъ противъ нихъ такъ: «О, глухое царство и скверное! не отлучить вамъ меня отъ христіанской вѣры. Если я теперь и въ большой бѣдѣ, то Богъ навелъ ее на меня за грѣхи мои. Какой отвѣтъ дадите Богу, что погубили столько душъ безъ правды? За нихъ Богъ будетъ мучить васъ въ безконечные вѣки». Они скрежетали на него зубами, желая на-

[1]) Стѣнобитныя орудія.

[2]) Приметъ—лѣсъ и др. зажигательныя вещества, которыя во время осады привидывали къ строеніямъ для зажженія ихъ.

сытиться его крови, и убили его въ томъ лѣсу. Былъ князь Василько красивъ лицомъ, очами свѣтелъ, взоромъ грозенъ, необыкновенно храбръ, на охотѣ отваженъ, сердцемъ легокъ, и кто служилъ ему, тотъ не могъ забыть его до смерти.

5. Только ста верстъ не дошли татары до Новгорода. Воротился Батый и пришелъ къ городу Козельску, гдѣ былъ молодой князь, именемъ Василій. Поганые свѣдали, что у людей въ городѣ умъ крѣпкодушевный, что словами льстивыми нельзя взять города. Жители Козельска рѣшили не сдаваться Батыю, говоря: хотя князь нашъ и молодъ, но положимъ животъ [1]) свой за него; принявъ здѣсь славу этого свѣта, тамъ приемъ отъ Христа Бога вѣнцы небесные». Татары разбили стѣны и взошли на валъ; граждане рѣзались съ ними ножами; потомъ положили выйти на полки татарскіе и, вышедши изъ города, побили четыре тысячи враговъ, но и сами были всѣ перебиты. Батый взялъ наконецъ Козельскъ и истребилъ всѣхъ, до грудныхъ младенцевъ; а о князѣ Василіи неизвѣстно: говорятъ, будто онъ утонулъ въ крови, потому что былъ молодъ. Съ тѣхъ поръ татары не смѣли называть этого города Козельскомъ, но звали его злымъ городомъ, потому что они бились около него семь недѣль и потеряли троихъ сыновей Темниковыхъ; они искали ихъ, но не нашли во множествѣ труповъ.

6. Батый, взявши Козельскъ, пошелъ въ землю Половецкую. Отсюда началъ онъ посылать воеводъ своихъ на города русскіе: взятъ былъ городъ Переяславль копьемъ [2]); жители избиты. Въ то же время послалъ и на Черниговъ: обступили городъ въ силѣ тяжкой; князь Мстиславъ Глѣбовичъ, услыхавъ о нападеніи иноплеменныхъ, пришелъ на нихъ со всѣмъ войскомъ своимъ, но былъ побѣжденъ; множество воиновъ его побито, городъ взятъ и запаленъ огнемъ. Воевода татарскій пришелъ осмотрѣть Кіевъ и удивился красотѣ и величеству его; онъ прислалъ пословъ къ князю Михаилу и къ гражданамъ, желая прельстить ихъ, но они его не послушали. («Изъ Русск. лѣт. М. Соловьева»).

7. Скоро вся ужасная сила Батыева [3]), какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ

---

[1]) Животъ—жизнь.
[2]) Т.-е. приступомъ.
[3]) Батый—племянникъ татарскаго хана Октая, съ 300,000 воиновъ вторгнувшійся въ Россію.

слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій [1]) бодрствовалъ и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами могольскими [2]). Сей плѣнникъ сказывалъ о батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началась приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри [3]): тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачали воздухъ; копья трещали и ломались»; мертвыхъ издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ, но татары къ вечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости, отступили къ церкви Десятинной и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однако-жъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи: великодушная смерть казалась и воинамъ, и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ моголы отдыхали на развалинахъ стѣны, утромъ возобновили оное и сломили бренную [4]) ограду россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владимира, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества. (*Карамзинъ*).

6. Князь Иванъ Даниловичъ Калита и святитель Петръ.

1. Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный горо-

---

[1]) Димитрій — боярин, которому была поручена столица.
[2]) Могольскими—татарскими: татары иначе—моголы или монголы.
[3]) Дебри—рощи и лѣса.
[4]) Бренный—слабый, легко разрушаемый.

докъ. На той горѣ, гдѣ теперь Кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ, со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется «Спасъ на бору». Горы кругомъ были покрыты еще густымъ лѣсомъ, и кое-гдѣ развѣ расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невскаго, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ; митрополиты жили во Владимирѣ на Клязьмѣ, и Владиміръ былъ столицею великихъ князей. Объѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь. Въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ терему, надъ Москвою-рѣкою, частенько, долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ русской земли, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются; татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и идетъ повсемѣстная война и разореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

«Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны: вдаль не смотрятъ, а только думаютъ, какъ бы нынче прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся-то Русь пополамъ распалась; одна часть подъ Литву подпала, другая подъ татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и воздыхаютъ, а о томъ не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ, дѣтямъ и внукамъ, совсѣмъ отъ татаръ избавиться. Изо всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали «калита», полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Ты построй во имя Успенія Пресвятой Богородицы соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что если ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надо всѣми русскими городами; святители послѣ меня будутъ жить

въ немъ; руки его взойдутъ на плещи (т. е. на плечи) враговъ его, и Богъ прославится въ немъ».

II. Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. И сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ сосѣднихъ князей; иные, можетъ быть, и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его московское княжество заняло всѣ земли между Окой и Бѣлымъ озеромъ и Сухоной, всѣ нынѣшнія губерніи: Московскую, Ярославскую, Костромскую, и части Новгородской и Нижегородской; Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Мологѣ большую ярмарку. А какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобы не грабили товаровъ, тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при немъ на Руси «тишина великая»,—то въ земли его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ, и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали перебѣжать къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и дѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ татаръ. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита, а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Умиралъ Симеонъ и, передъ смертью, передавая престолъ свой брату Ивану Ивановичу, отцу Димитрія Донского, писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: «Слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли; слушайся затѣмъ, чтобъ и *свѣча не погасла*». А что разумѣлъ онъ подъ этой притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча тутъ значитъ то дѣло, что думалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце своимъ боярамъ, то-есть—освобожденіе отъ татаръ.

«Не погасла свѣча» ни при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Димитріи. *(А. Майкова).*

7. Мамаево побоище.

I. Послѣ хана Узбека, начались въ Ордѣ распри между князьями: вельможи взяли верхъ и поддерживали раздоръ, принимая сторону то одного хана, то другого. Пользуясь этимъ, въ

разныхъ городахъ Россіи, народъ уже не разъ избивалъ татаръ. Орда ослабѣла, тогда какъ московское княжество, со временъ Іоанна Калиты, очень усилилось. Въ 1378 году ордынскій ханъ, Мамай, пошелъ ратью на московскаго князя, Дмитрія Іоанновича, чтобы принудить его платить прежнюю дань.

Дмитрій Іоанновичъ Донской.

II. Войска русскія встрѣтились съ татарами на берегахъ рѣки Вожи (въ Рязанской области). Татары первые переѣхали черезъ рѣку, вскочили на коней, и съ дикимъ воплемъ быстро ударили на русскихъ. Дмитрій изрядилъ войско. Послѣ крѣпкой битвы, татары повернули свои копья и побѣжали за рѣку Вожу. Наши стали рубить и колоть ихъ: убили множество, а другихъ утопили въ рѣкѣ. Наступилъ вечеръ, и въ темнотѣ скрылись изъ глазъ враги, которые бѣжали всю ночь. На другой день утромъ былъ большой туманъ, и только передъ обѣдомъ Дмитрій могъ пойти слѣдомъ за татарами. Въ полѣ онъ нашелъ ихъ шатры и вежи [1]), телѣги и весь обозъ: все было разбросано въ безпорядкѣ, но сами непріятели удалились въ Орду.

III. Въ 1380 году Мамай соединилъ всю силу татарскую, чтобы отомстить за это пораженіе. Съ нимъ пошло много князьковъ разныхъ народовъ; кромѣ того, ему обѣщалъ помощь и Ягелло, князь литовскій, котораго отецъ, Ольгердъ, постоянно воевалъ съ Дмитріемъ Донскимъ. Мамай, надѣясь на свои полчища, сказалъ: «Пойдемъ на русскаго князя и на всю силу русскую, какъ было и при Батыѣ: христіанъ уничтожимъ, церкви попалимъ и законы ихъ изрубимъ». Когда къ Дмитрію Донскому пришла объ этомъ вѣсть, то онъ молвилъ: «Еще наша рука высока». Онъ послалъ за двоюроднымъ братомъ своимъ, Владимиромъ Андреевичемъ, и за другими князьями русскими. Почти всѣ соединились около московскаго князя, исключая Олега Рязанскаго. Область Рязанская передъ тѣмъ нѣсколько разъ была опустошена татарами, и Олегъ думалъ спасти свою вотчину покорившись Мамаю.

---

[1]) Вежи—палатки.

IV. Подъ начальствомъ Дмитрія собралось огромное русское войско, какого прежде не видано (до 150,000 или даже до 200,000)—и стало у Коломны, а Мамай со своими ордами расположился за Дономъ. Онъ послалъ къ московскому князю требовать дани, какую русскіе платили при Узбекѣ; Дмитрій готовъ былъ посылать хану дары, но не согласился давать прежней дани. 20 августа онъ двинулся на Оку, гдѣ соединился съ братомъ своимъ Владимиромъ Андреевичемъ. 6 сентября наши войска уже достигли Дона. При вѣсти о выступленіи Дмитрія Іоанновича въ походъ, по всей Москвѣ начался плачъ; русскія жены тосковали о своихъ дѣтяхъ, которыя пошли съ княземъ на острыя копья. «Бѣдныя наши дѣти! говорили онѣ: лучше бы намъ не родить ихъ, чѣмъ рождать на вѣрную смерть». Между тѣмъ пр. Сергій, игуменъ Троицкаго монастыря, тогда только что построеннаго, послалъ къ Дмитрію ободрительную грамоту и свое благословеніе. «Ступай, князь, писалъ онъ, Богъ и святая Богородица тебѣ помогутъ». Дмитрій устроилъ полки и сталъ держать совѣтъ. Одни говорили: «Иди, князь, за Донъ», а другіе напротивъ совѣтовали: «не ходи, сильно умножились враги наши; тутъ не одни татары, а Литва и рязанцы. Но великій князь именно для того и спѣшилъ впередъ, чтобъ не дождаться, пока Ягелло подастъ помощь Мамаю. Онъ велѣлъ мостить мосты на Дону и испытывать бродъ, и въ ночь сталъ переправляться черезъ рѣку.

V. На другой день, при восходѣ солнца, былъ густой туманъ, но въ третьемъ часу прояснилось; русскіе уже стояли за Дономъ въ чистомъ полѣ, при устьѣ Непрядвы. Это случилось 8 сентября. Скоро начали появляться татары. Отъ множества войскъ, которыя сошлись на этомъ полѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Куликовскаго, задрожала земля, загудѣли окрестные холмы. «Богъ намъ прибѣжище и сила»,—воскрикнулъ Дмитрій и вступилъ въ битву съ врагами. Такой битвы не слыхано отъ начала Руси. На цѣлыхъ десять верстъ все залито было кровью, отъ наваленныхъ труповъ не было проѣзда конямъ; тамъ русскій гнался за татариномъ, здѣсь татаринъ одолѣвалъ русскаго: все перемѣшалось въ свалкѣ. Наше пѣшее войско лежало избитое, трупъ на трупѣ. Татары одолѣвали. Но въ засадѣ, въ лѣсу, скрывались еще свѣжіе русскіе полки, подъ начальствомъ Владимира Андреевича и московскаго воеводы, Дмитрія Волынскаго. Владиміръ съ нетерпѣніемъ рвался на бой, но Волынскій его останавливалъ: «Еще нельзя: вѣтеръ дуетъ намъ въ лице», гово-

рилъ онъ. Скоро вѣтеръ перемѣнился. «Теперь пора»—сказалъ Волынскій. Засадное войско ударило на татаръ. Съ этими новыми силами, русскіе окрѣпли и сломили враговъ. Они гнали ихъ до рѣки Мечи (Красивая Меча въ Тульской губерніи) и захватили весь ихъ станъ.

VI. Владимиръ Андреевичъ, рѣшивъ побѣду, сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы. Ратники собрались, но между ними не было великаго князя. Начали разспрашивать: кто видѣлъ Дмитрія? Одни толковали, что онъ тяжело раненъ и надо его отыскивать между трупами; другіе видѣли, какъ онъ одинъ отбивался отъ четырехъ, но потомъ потеряли его изъ глазъ; кто-то сказалъ, что князь, весь израненный, пѣшкомъ удалился отъ битвы. Владимиръ Андреевичъ просилъ его со слезами отыскать брата, и обѣщалъ тому, кто найдетъ его большую награду. Всѣ разсѣялись по полю; скоро нашли тѣло любимца Дмитрія, Бренка, которому князь далъ свои латы и шлемъ; нѣкоторымъ попался трупъ одного изъ князей бѣлозерскихъ, похожаго на Дмитрія, и его было приняли за великаго князя. Наконецъ двое воиновъ, отошедъ въ сторону, увидѣли Дмитрія: усталый, онъ лежалъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева и едва дышалъ; его панцырь былъ избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны. Владиміръ Андреевичъ тотчасъ поскакалъ къ нему и съ радостью извѣстилъ его о побѣдѣ.

VII. Мамай бѣжалъ въ Орду, гдѣ побитъ былъ другимъ ханомъ Тохтамышемъ. Этотъ Тохтамышъ, захвативъ всю власть надъ татарами, пошелъ на Москву два года спустя послѣ Куликовской битвы, обманомъ взялъ ее и разорилъ въ то время, какъ Дмитрій въ Костромѣ собиралъ войско. Куликовская побѣда стоила дорого: въ живыхъ осталось не болѣе 40,000 и московскому князю невозможно было вступить въ новую борьбу съ татарами; Русь снова на нѣкоторое время обложена была данью. Но слава этой побѣды осталась въ памяти народной: Димитрій получилъ названіе Донского; въ нѣсколькихъ сказаніяхъ о Задонщинѣ, въ подражаніе «Слову о полку Игоревѣ», поется слава Дмитрію Іоанновичу и его брату Владиміру Андреевичу; приведемъ отрывки.

VIII. «Князья и бояре и удалые люди оставили домы свои и богатство, женъ, дѣтей и весь почетъ, чтобъ сложить свои головы за землю русскую... Великій князь Дмитрій Ивановичъ и братъ его, Владиміръ, наострили сердца свои мужествомъ и своею крѣпостью напомнили прадѣда своего, Володимира Кіев-

скаго. Эй, жаворонокъ, птица, въ красные дни утѣха! взойди подъ синія облака, спустись къ сильному городу Москвѣ, пой славу великому князю и его брату. Они, какъ соколы, поднялись съ земли русской на поля половецкія (задонскія). Кони ржутъ въ Москвѣ, бубны бьютъ въ Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенитъ слава по всей землѣ русской. Звонятъ вѣчевые колоколы въ великомъ Новгородѣ, стоятъ новгородскіе мужи у св. Софіи и творятъ такую жалобу: «Уже намъ, братья, не поспѣть на пособь великому князю, Дмитрію Ивановичу». Тогда орлы слетѣлись со всей полуночной стороны: то не орлы слетѣлись, выѣхали посадники изъ великаго Новгорода съ 7000 войска къ великому князю, Дмитрію Ивановичу, и къ брату его, Владимиру Андреевичу. Съѣхались всѣ русскіе князья, говоря: «Господинъ великій князь! уже наступаютъ поганые татары на поля наши; пойдемъ, господинъ, за быструю рѣку, Донъ: пусть наша отвага будетъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а молодымъ въ память». И отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ своей братьѣ: «Братцы мои милые, русскіе князья, мы съ вами одно гнѣздо великаго князя, Ивана Даниловича. До сихъ поръ, братцы, еще никому не давались мы въ обиду: ни соколу, ни ястребу, ни бѣлому кречету, ни тому псу, поганому Мамаю»...

IX. «Не стукъ стучитъ; не громъ гремитъ,—стучитъ сильная рать Дмитрія Ивановича и его брата, гремятъ удальцы золочеными шлемами, красными щитами... То не сѣрые волки завыли: идетъ татарская сила на землю русскую... Настала ночь; погасла заря. Дмитрій Волынецъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ великимъ княземъ на поле Куликово и слышатъ они, позади полковъ татарскихъ кричатъ вороны и галки, въ великой тревогѣ перелетаютъ птицы съ мѣста на мѣсто, а на рѣкѣ Непрядвѣ гуси, лебеди и утята плещутся крыльями. Волынецъ спросилъ великаго князя: «Что слышалъ, господинъ?» — «Великая гроза, братъ», отвѣчалъ князь. Волынецъ снова промолвилъ: «Оборотись теперь на полки русскіе». Князь оборотился, но тутъ была глубокая тишина. «Что, господинъ, слышалъ?» — «Ничего, братъ, не слышалъ, сказалъ великій князь, только видѣлъ: огненная зарница вспыхиваетъ, не угасая». — «Огонь—доброе знаменіе», молвилъ Волынецъ: «У меня есть еще примѣта»,—и онъ слѣзъ съ коня, припалъ къ землѣ правымъ ухомъ, долго такъ пролежалъ; наконецъ всталъ, но молчалъ, опустивъ голову. Великій князь понудилъ его говорить. «У меня двѣ примѣты, сказалъ Волынецъ: одна въ пользу, а другая печальная. Земля

плачется на двое: есть надежда, что мы побѣдимъ поганыхъ, но много христіанъ погибнетъ».

X. «Грянули копья и мечи булатные, топоры легкіе, щиты московскіе, шлемы нѣмецкіе... На томъ полѣ Куликовѣ сошлись сильныя тучи, а изъ нихъ засверкали молніи, загремѣли великіе громы; то сошлись русскіе удальцы съ татарами за свою великую обиду, а сіяли на нихъ золоченые доспѣхи и гремѣли русскіе князья булатными мечами о ханскіе шлемы: бились отъ утра до полудня въ субботу на Рождество Богородицы... Тогда среди труповъ человѣчьихъ борзые кони не могли скакать, а въ крови по колѣно бродили. Великій князь, Дмитрій Ивановичъ, говорилъ своимъ боярамъ: «Братья и бояре, и воеводы, и дѣти боярскіе: вотъ вамъ ваши московскіе сладкіе меды и великія мѣста. Тутъ добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, тутъ старый по молодѣетъ, а молодой добудетъ чести»... Тогда рубили татаръ безъ милости; ихъ трупами были поля засѣяны, а кровію текли рѣки... побросали они свое оружіе на землю и склонили голову подъ мечи русскіе... а русскіе удальцы разграбили татарскія узорочья: и доспѣхи, и коней, и воловъ, и верблюдовъ, и вино, и сахаръ... Зачѣмъ ты, поганый Мамай, посягалъ на русскую землю? не бывать тебѣ въ Батыя царя. У Батыя царя было 400,000 кованой рати, а воевалъ онъ всю русскую землю отъ востока до запада. И ты, царь Мамай, пришелъ съ многими силами, съ девятью ордами и семидесятью князьями, а нынѣ ты, поганый, бѣжишь самъ-девятъ въ лукоморье [1]). Не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовать въ полѣ, видно, тебя князья русскіе гораздо употчевали. Ни князей съ тобою, ни воеводъ: видно, гораздо упились у быстраго Дона, на полѣ Куликовѣ, на травѣковылѣ»...

XI. Димитрій Ивановичъ со своимъ братомъ, съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ остальными воеводами стали на костяхъ на полѣ Куликовѣ, у рѣчки Непрядвы. Страшно и жалостно было въ то время видѣть, какъ лежали христіанскіе трупы на берегу у великаго Дону, и Донъ рѣка три дня текла кровью. Великій князь сказалъ: «Сосчитайте, братья, сколько у насъ нѣтъ воеводъ и сколько нѣтъ молодыхъ людей». Тогда сказалъ московскій бояринъ, Михайло Александрычъ: «Государь, великій князь, у насъ нѣтъ сорокъ бояръ московскихъ, двѣнадцать князей бѣлозерскихъ, тридцать новгородскихъ посадниковъ, двад-

---

[1]) Лукоморье—морской изгучистый берегъ.

цать бояръ коломенскихъ, сорокъ серпуховскихъ, тридцать пановъ литовскихъ, двадцать бояръ переяславскихъ и т. д.—а всего посѣчено татарами полтретья ста тысячъ и три тысячи».

(Изъ разсказовъ Водовозова).

8. Родной край.

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ,
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай,
Волчій голосъ въ полѣ.

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь да тучи.

(*Гр. А. Толстой*).

9. Родина.

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ
Всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко,
Гдѣ и жить привольно.
Но и тамъ, при блескѣ
Голубого моря,
Наше сердце ноетъ
Отъ тоски и горя,—

Что не видятъ взоры
Ни березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ,
Сѣренькихъ какъ тучи.
Что же въ нихъ такъ сердцу
Дорого и мило?
И какая манитъ
Тайная къ нимъ сила?

(*Плещеевъ*).

10. Родина.

Мила мнѣ русская природа
И бытъ родного мнѣ народа,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляска съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ нашихъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,

И рѣкъ безбережный разливъ
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ.
Люблю я тройку удалую
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ безчисленны суда...

(*А. Толстой*).

11. Русскій гимнъ.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,

Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный,
Боже, Царя храни!

(*Жуковскій*).

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ III Александровичъ, Самодержецъ Всероссійскій.

(род. въ 1845 г. 26 февраля.)

12. Молитва за русскаго царя.

Держи свою десницу,
О Боже, надъ Царемъ,
Храни, Господь, Царицу
И весь державный домъ!

Пошли благословенье
На каждую семью,
Яви благоволенье
И милость намъ Свою!

13. Слава (гимнъ).

Славься, славься,
Нашъ русскій Царь!
Господомъ данный
Намъ Царь-Государь!

Да будетъ безсмертенъ
Твой Царскій родъ,
Да имъ благоденствуетъ
Русскій народъ. (*Глинка*).

Ея Императорское Величество Государыня Императрица
Марія Ѳеодоровна.
(род. въ 1848 г. 14 Ноября).

14. Многолѣтіе.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.
Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя Царское гремитъ.
Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское ура
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.
Прогреми жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: многи лѣта,
Православный русскій Царь!
(*Жуковскій*).

15. Патріотическое [1]) самопожертвованіе жизнію.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія башкирцы подняли кровопролитный бунтъ. Они изрубили въ Пермской губерніи нѣсколько эскадроновъ [2]) драгунъ [3]) и хотѣли взять хитростію

[1]) Патріотическій—внтекающій изъ любви къ родной землѣ. Патріотизмъ—любовь къ родинѣ, отечеству. [2]) Эскадронъ—отрядъ конницы.
[3]) Драгунъ—конный воинъ, который можетъ сражаться на конѣ и пѣшій.

Ачинскую крѣпость. Для этой цѣли одѣлись они въ мундиры убитыхъ драгунъ, сѣли на ихъ лошадей и поѣхали къ крѣпости. Но чтобъ ихъ вѣрнѣе почли за русскихъ, они сберегли у себя

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ
Николай Александровичъ.
(Род. 1868 г. Мая 6).

одного русскаго барабанщика и велѣли ему бить обыкновенный походъ. Уже приближались они къ крѣпости, и имъ хотѣли отворить ворота, какъ вдругъ барабанщикъ вмѣсто похода ударилъ тревогу. Тутъ гарнизонъ примѣтилъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и приготовился къ оборонѣ. Башкирцы тогда не отважились напасть на крѣпость и принуждены были отступить. Изъ мщенія они изрубили въ куски смѣлаго барабанщика въ виду его одноземцевъ.

16. Награжденная вѣрность и наказанная измѣна воина.

I. Въ войскахъ римскаго императора Константина Великаго носили знамя съ изображеніемъ креста Христова; его велѣно было носить впереди полковъ и приближать къ тому отряду, который утомлялся и ослабѣвалъ въ сраженіи: боголюбивый царь послѣ видѣнія чудеснаго знаменія креста на небѣ вѣровалъ, что

самъ Царь небесный и Владыка вселенной, побѣдившій крестомъ адъ и смерть, благословляетъ силу христолюбивыхъ воиновъ и даетъ побѣду благочестивымъ царямъ на сопротивные, что крѣпкіе поборники креста и вѣры въ Распятаго—крѣпки и въ борьбѣ со врагами.

II. Однажды державшій это знамя воинъ устрашился внезапнаго нападенія враговъ и, передавъ знамя другому, самъ бѣжалъ съ поля сраженія. Дерзнувшій спастись бѣгствомъ, когда другіе отражали нападеніе, уже находился внѣ полета стрѣлъ, какъ мгновенно пораженъ былъ на смерть, и палъ; между тѣмъ другой воинъ, который принялъ отъ бѣжавшаго и державъ знамя, при всей видимой опасности отъ стрѣлъ непріятельскихъ, остался живъ и невредимъ: враги Константина и защищаемаго имъ креста Христова нарочито направляли свои стрѣлы противъ державшаго знамя креста; множество стрѣлъ вонзалось въ самое знамя, но ни одна изъ нихъ не коснулась вѣрнаго долгу воина, какъ бы чудесно охраняемаго отъ смерти. Кто вѣренъ своему призванію и долгу, тому и при опасности—крѣпкая защита въ силѣ Божіей; измѣнникъ встрѣчается съ опасностію и тамъ, куда бѣжитъ отъ опасности. (Изъ «Воскр. Чт.» 1854 г.).

17. Пословицы о родинѣ.

Въ какомъ народѣ живешь, того обычая держись.—И кости по родинѣ плачутъ.—Съ родной стороны и ворона мила.—Научитъ горюна чужая сторона.—Велика святорусская земля, а вездѣ солнышко.—Москва всѣмъ городамъ мать.—Москва сердце, а Питеръ голова.—Родимая сторона—мать, чужая—мачеха.—Въ чужомъ мѣстѣ, что въ лѣсу.—Чужая сторона—дремучъ боръ.—Всякому мила своя сторона.—Любитъ и нищій свое рубище.—Богъ на небѣ, царь на землѣ. Свѣтится одно солнце на небѣ, а царь русскій на землѣ.—Одному Богу царь отвѣтъ держитъ.—Царю правда—лучшій слуга.—За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ.

18. Пословицы о царской власти.

Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится.—Богатъ Богъ милостью, государь—жалостью.—Чего Богъ не изволитъ, того и царь не изволитъ.—Царь повелѣваетъ, а Богъ на истинный путь направляетъ.—Грозенъ царь, да милостивъ Богъ.—При солнцѣ—тепло; а при государѣ—добро.—Близъ царя—близъ чести.—Ни солнышку на всѣхъ не угрѣть, ни царю на всѣхъ не угодить.—Народъ—тѣло, а царь—голова.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЦЕРКОВЬ.

1. Лучшее утѣшеніе въ жизни.

I. Знатный [1]) и очень богатый язычникъ [2]) крестился въ христіанскую вѣру. За это у него отняли всѣ имѣнія, отобрали всѣ богатства его, и даже жена и дѣти оставили его. Покинутый всѣми, онъ скитался [3]) по міру, не имѣя ни крова, ни хлѣба.

II. Нѣкто спросилъ его: «Какъ у тебя хватаетъ силы терпѣть столько лишеній и переносить столько горя, обидъ и неправды людской?» — «Моя радость, мое счастье отъ того, что я познналъ Христа Спасителя, такъ велики», отвѣчалъ тотъ, «что при нихъ я не чувствую ни горя, ни обиды, ни скорби».

2. Большой столъ.

I. Однажды, при началѣ жатвы, одинъ учитель сказалъ своимъ ученикамъ: «Сегодня я намѣренъ показать вамъ очень большой столъ, за которымъ въ теченіе цѣлаго года ѣдятъ и насыщаются не нѣсколько только голодныхъ людей, но цѣлыя тысячи народа со всѣми животными, которыя живутъ при нихъ.

II. Сказавъ это, онъ взошелъ съ дѣтьми на высокую гору и велѣлъ имъ посмотрѣть на обширныя, простиравшіяся на цѣлыя версты, прекрасныя плодородныя поля. «Вотъ видите, любезныя дѣти», сказалъ онъ, «это большой столъ, который ежегодно для всѣхъ созданій накрывается и обильно уставляется пищею нашимъ небеснымъ Отцомъ. Мы всѣ—Его гости, и Онъ, по благости Своей, насыщаетъ всѣхъ насъ съ безчисленнымъ множествомъ животныхъ. Поэтому и за искусно покрытымъ столомъ никогда не забывайте съ искреннею благодарностью обращаться къ Нему, вседержительному, невидимому Благодѣтелю».

III. Проникнутыя словами учителя, дѣти стали спускаться съ горы и во время пути одинъ изъ нихъ сказалъ: «Теперь только я вполнѣ понялъ молитву: «Господи! глаза всѣхъ смотрятъ на Тебя съ надеждою, и Ты даешь имъ пищу въ свое

---

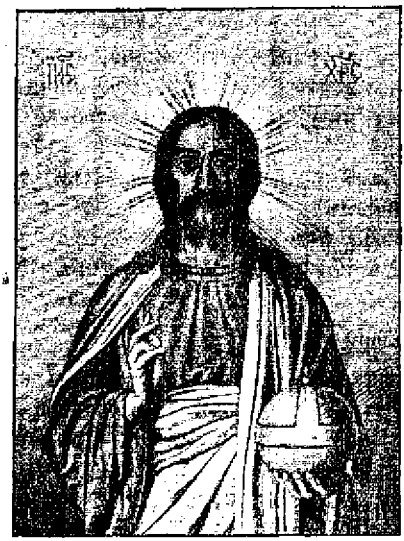
1) Знатный—знаменитый, извѣстный, важный.
2) Язычникъ—идолопоклонникъ, не знающій истиннаго Бога.
3) Скитаться—бродить, переходить съ мѣста на мѣсто, странствовать.

время. Ты открываешь Свою щедрую руку и наполняешь Своею милостію всякое живое существо».

(Изъ «Кн. для чтенія» Паульсона).

3. Спасительная сила имени Господа нашего І. Христа.

1. Въ книгѣ, именуемой Лимонарь, имѣется слѣдующее сказаніе объ аввѣ Іуліанѣ столпникѣ. Въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ жилъ Іуліанъ, завелся левъ и пожиралъ многихъ. Въ одинъ день старецъ призвалъ къ себѣ своего ученика и сказалъ ему: пойди ты за двѣ мили отсюда на югъ, тамъ лежитъ левъ, скажи ему: «смиренный Іуліанъ именемъ Іисуса Христа, Сына Божія Живаго, велитъ тебѣ удалиться изъ сей страны». Ученикъ пошелъ, нашелъ льва, сказалъ ему слова старца,—и левъ сейчасъ же удалился. Всѣ прославили Бога.



Спаситель.

2. Съ однимъ ученикомъ препод. Пафнутія случилась болѣзнь глаза и страшно мучила его. Преподобный, давъ ему свои четки, велѣлъ тысячу разъ проговорить эту молитву: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». Едва ученикъ успѣлъ совершить половинное число, какъ болѣзнь прошла.

4. Громоносный легіонъ [1]).

Императоръ Константинъ великій до вступленія своего на престолъ имѣлъ много враговъ, съ которыми и воевалъ довольно часто. Въ одну изъ таковыхъ войнъ армія его зашла въ нѣкоторую пространную, но дикую и совершенно безлюдную степь; воины начали томиться нестерпимою жаждою, и самъ Константинъ былъ въ затруднительнѣйшемъ положеніи; по счастію онъ узналъ, что между его легіонами былъ одинъ легіонъ, составленный изъ христіанъ. Константинъ, хотя не былъ еще въ это время просвѣщенъ святымъ крещеніемъ, но внутренно уважалъ

[1]) Легіонъ—отрядъ римскаго войска въ 6000 человѣкъ.

христіанскую вѣру и обратился къ этому легіону съ такою просьбою, чтобы христіане-воины искренно помолились Господу Іисусу Христу о дарованіи его арміи спасенія отъ неминуемой погибели. Легіонъ упалъ на колѣни—и вдругъ все небо покрылось черными тучами, загремѣлъ громъ, заблистали молніи и полился сильнѣйшій дождь. Войска утолили свою жажду, освѣжились, и вскорѣ одержали полную и рѣшительную побѣду надъ непріятелемъ. Константинъ въ память этого чудеснаго дѣйствія христіанскій легіонъ назвалъ «громоноснымъ».

5. Случай изъ жизни преподобн. Іакова Низибійскаго.

I. Св. Іаковъ, епископъ Низибійскій, жившій въ 4 вѣкѣ, былъ высокой, святой жизни и еще при жизни прославленъ отъ Бога даромъ чудотворенія: молитвами его градъ Низибія былъ твердо огражденъ и неоднократно спасаемъ отъ враговъ. Однажды св. епископъ шелъ изъ города въ одно селеніе. На пути встрѣтили его нищіе, которые, желая побольше получить подаянія, употребили лукавство Они положили одного изъ своихъ товарищей близъ дороги, научивъ притвориться мертвымъ. Когда св. Іаковъ приблизился, нищіе стали просить помощи для погребенія. Святый не обличилъ тотчасъ ихъ коварства, но далъ имъ милостыню и затѣмъ, вставъ предъ мнимоумершимъ, помолился о упокоеніи души его и оставленіи его согрѣшеній.

II. Какъ только св. Іаковъ отошелъ, нищіе, довольные тѣмъ, что удалась ихъ хитрость, подошли къ своему товарищу и ужаснулись, найдя его дѣйствительно умершимъ. Они бросились догонять святаго и, павши предъ нимъ на колѣна, просили прощенія въ своемъ проступкѣ. Св. Іаковъ, явившій силу благодати Божіей къ обличенію и наказанію обманщиковъ, дѣйствіемъ той же благодати утѣшилъ ихъ покаявшихся, возвративъ жизнь умершему ихъ товарищу.

6. Богатое одѣяло.

I. Жилъ богатый вельможа. Услышалъ онъ о великихъ подвигахъ святаго Іоанна Милостиваго; захотѣлось ему повидать его. Побывалъ вельможа у Іоанна и замѣтилъ, какая у него убогая постель, и какое изношенное на ней одѣяло. Возвратясь домой, вельможа послалъ ему новое одѣяло, красивое и дорогое. Преподобный не хотѣлъ обидѣть вельможу и въ ту же ночь уснулъ подъ новымъ одѣяломъ, но вдругъ проснулся и воскликнулъ: «Горе, тебѣ, грѣшному! Ты спишь подъ дорогою и нѣжною тка-

нію, тогда какъ нищіе, братья Христовы, зябнутъ на морозѣ. Сколько убогихъ, которымъ нечѣмъ прикрыть наготу свою! Сколько есть странниковъ, которые проводятъ ночь безъ крова и буйные вѣтры одолѣваютъ ихъ. Долой это покрывало! Пусть оно покроетъ бѣдныхъ!»

Какъ только наступило утро, Іоаннъ тотчасъ послалъ продавать одѣяло на торгъ.

II. Случайно пришелъ туда тотъ самый вельможа. Онъ увидалъ свое одѣяло, купилъ его и опять отправилъ къ Іоанну, прося усердно, чтобъ онъ самъ покрывался имъ. Старецъ принялъ, поблагодарилъ и опять велѣлъ продать его. Вельможа снова купилъ его и возвратилъ старцу. Старецъ въ третій разъ сдѣлалъ тоже и вельможа въ третій разъ купилъ одѣяло. Наконецъ праведникъ, удивляясь его щедрости, послалъ сказать ему: «увидимъ, кто изъ насъ прежде соскучится: я ли продавать, ты ли покупать?» И продолжали оба свою благочестивую продажу и покупку. Многихъ бѣдныхъ одѣлъ и накормилъ праведный Іоаннъ на вырученныя деньги. (Ч. М.).

7. Святая сила церковнаго благовѣста.

I. Однажды нужно было одному богатому купцу по дѣламъ переправиться за Волгу. А Волга только что тронулась и пошла; переѣхать на ту сторону никакъ нельзя. Купецъ рѣшился переночевать на постояломъ дворѣ, который (теперь двора нѣтъ, да и хозяинъ давно умеръ) за селомъ одинъ бобылемъ стоялъ. Содержалъ дворъ одинъ крестьянинъ. Купецъ ѣхалъ по торговымъ дѣламъ и везъ съ собою большія деньги. Помѣстилъ проѣзжаго хозяинъ въ отдѣльной комнатѣ, а самъ ночевалъ съ семьей чрезъ сѣни въ другой избѣ. Постоялецъ разговорился съ хозяиномъ: куда, какъ и зачѣмъ ѣдетъ. Лукавый силенъ, горами шатаетъ... Мужикъ замѣтилъ у купца много денегъ, соблазнился и—что бы вы думали? рѣшился убить проѣзжаго.

II. Наступила ночь. Купецъ съ дороги крѣпко уснулъ. Въ деревнѣ какіе запоры? да купцу и на мысль не приходило что-нибудь дурное... Мужикъ беретъ топоръ и тихонько крадется къ спящему; вотъ онъ ощупалъ постель... Вдругъ благовѣстъ къ заутрени... Мужикъ вздрогнулъ. Топоръ у него выпалъ изъ рукъ и грохнулся о полъ... Купецъ проснулся, зажегъ свѣчку... Передъ нимъ, ни живъ, ни мертвъ, стоитъ хозяинъ, а на полу топоръ...

III. Остолбенѣлъ мужикъ и бѣжать не могъ. — «Прости, Христа ради», сказалъ онъ, вставъ на колѣни предъ купцомъ

я горько заплакавъ, «винюсь, согрѣшилъ окаянный, задумалъ тебя убить и завладѣть твоими деньгами... Если бы ударъ святого колокола, словно громомъ грянувшій на мою грѣшную голову, не остановилъ меня, не образумилъ,—я бы сдѣлалъ худое дѣло: и твою, и свою душу загубилъ... Прости, прости!...» рыдалъ мужикъ.

— Богъ тебя проститъ, — отвѣчалъ ему купецъ, перекрестившись:—тебя мои деньги соблазнили: я тебѣ отдамъ ихъ всѣ, что есть со мною... Вотъ тебѣ бумажникъ; мнѣ жизнь дороже.

И купецъ подалъ ему бумажникъ съ деньгами.

Мужикъ только молилъ о прощеніи, плакалъ и ни за что не хотѣлъ брать денегъ.

Тогда рѣшилъ купецъ,—такъ какъ благовѣстъ спасъ ему жизнь,—пожертвовать эти деньги на новый колоколъ.

— Приходъ вашъ большой,—сказалъ купецъ,—и раскинулся далеко; въ будничные дни, можетъ быть, до иныхъ деревень и не достигаетъ гулъ Господняго благовѣста. А потому новый колоколъ закажу я въ Москвѣ позвонче, пудовъ въ двѣсти, и пусть онъ будетъ повседневнымъ. Пришлю его сюда отъ неизвѣстнаго съ письмомъ на имя священника, а въ письмѣ я ничего не скажу, а только завѣщаю, чтобы благовѣстили въ него по будничнымъ: пусть раздается благовѣстъ его по вся дни... Вѣдь благовѣстъ—голосъ Божій: заслышавъ его въ далекой деревнѣ, не одна христіанская душа перекрестится, вспомнитъ о Богѣ и, можетъ быть, удержится отъ злого дѣла...

IV. Такъ и сдѣлалъ добрый купецъ. Спустя нѣсколько времени колоколъ привезли, подняли, повѣсили: на немъ вылита надпись: «Пожертвованъ въ благодарность Богу за спасеніе погибавшаго». Что еще чудно: крестьянинъ, содержатель постоялаго двора, умеръ въ ту самую минуту, какъ въ первый разъ заблаговѣстили къ обѣднѣ въ новый колоколъ.

(Изъ «Солнышка» Радонежскаго).

8. Три друга. (Притча).

1. Одинъ человѣкъ имѣлъ трехъ друзей; будучи потребованъ къ царю, онъ испугался и искалъ себѣ защитника. Первый, котораго онъ считалъ своимъ лучшимъ другомъ, отказался съ нимъ итти; другой согласился проводить его до воротъ дворца, но отказался говорить въ его защиту; третій, котораго онъ наименѣе уважалъ, предсталъ съ нимъ предъ царя и такъ убѣдительно его защищалъ, что испросилъ ему освобожденіе.

2. Всякій человѣкъ имѣетъ трехъ друзей, когда смерть призываетъ его предстать предъ божественнаго Судію. Первый самый дорогой его другъ—деньги, не дѣлаетъ съ нимъ ни шагу; второй—его друзья и родственники—провожаютъ его до могилы, но не далѣе, и не избавляютъ его отъ суда; третій же—наименѣе имъ цѣнимый—законъ и добрыя дѣла являются съ нимъ предъ царя и избавляютъ его отъ осужденія.

9. Не осуждай.

Одинъ братъ въ скитѣ палъ въ грѣхъ. Братія собрались и послали за аввою Моисеемъ; но онъ не хотѣлъ итти. Пресвитеръ опять послалъ звать его такимъ образомъ: «иди, тебя ожидаетъ собраніе». Авва Моисей всталъ и пошелъ. Взявъ корзину съ дырами и наполнивъ ее пескомъ, онъ несъ ее позади себя. Братія, вышедшіе къ нему навстрѣчу, спрашиваютъ его: «Что это такое, отецъ?» Старецъ отвѣчалъ имъ: «Это грѣхи мои сыплются позади меня, но я не смотрю на нихъ, а пришелъ теперь судить чужіе грѣхи». Братія, услышавъ это, ничего не стали говорить согрѣшившему брату и простили его.

(Изъ «Достоп. сказ. о подв. свв. и блаж. отцевъ»).

10. Молитва за умершихъ.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ повѣствуетъ, что «у одного изъ святыхъ мужей былъ ученикъ, жившій безпечно. Что же? Смерть застигла его въ таковой безпечности. Милосердый Отецъ небесный, подвигнутый слезами и воплями старца, открылъ ему того юношу горящимъ въ пламени даже до выи [1]), подобно немилосердому богачу, упоминаемому въ притчѣ о Лазарѣ. Когда же святой подвергъ себя строгимъ подвигамъ поста и молитвы, съ крѣпкимъ воплемъ умоляя Бога, то увидѣлъ своего ученика, объятаго пламенемъ до пояса; наконецъ, когда св. мужъ присоединилъ болѣзни къ болѣзнямъ (то-есть еще болѣе усилилъ свою молитву), то Богъ въ видѣніи явилъ юношу старцу изъятымъ изъ пламени и совершенно свободнымъ».

11. О почитаніи святыхъ иконъ.

1. Св. Аѳанасій, архіепископъ Александрійскій, повѣствуетъ, что въ городѣ Виритѣ, гдѣ много было евреевъ, въ бѣдной хижинѣ жилъ одинъ христіанинъ; у него въ переднемъ углу ви-

1) Выя—шея.

сѣла икона Спасителя. Спустя нѣкоторое время христіанинъ этотъ купилъ себѣ новый домъ и покинулъ хижину, забывши въ ней, по усмотрѣнію Божію, икону Спасителя. Въ этой хижинѣ поселился еврей; онъ иконы не замѣтилъ. Однажды пришелъ къ нему въ гости одинъ другъ его, еврей же. Этотъ, сидя за столомъ, замѣтивъ икону, спросилъ хозяина: «какъ онъ, будучи еврей, держитъ въ своемъ домѣ христіанскую икону?» Хотя хозяинъ и увѣрялъ, что онъ не замѣчалъ доселѣ иконы, но гость этимъ не успокоился и пошелъ къ своему архіерею и старцамъ и объявилъ имъ объ этомъ.

2. Поутру всѣ евреи города собрались въ хижину, гдѣ была икона Спасителя, сняли ее со стѣны, начали ругаться надъ нею, а потомъ, подобно отцамъ своимъ, пригвоздили ее къ дереву, и одинъ изъ евреевъ ударилъ копьемъ въ ребро образа Господня; но, о чудо! тотчасъ изъ иконы потекла кровь и вода и наполнила цѣлый сосудъ. Великій страхъ объялъ всѣхъ бывшихъ тутъ евреевъ. Они составили совѣтъ и на немъ положили, что если отъ этой крови увидятъ какое-нибудь чудо, то всѣ увѣруютъ въ Распятаго. Сначала принесенъ былъ хромой отъ рожденія; ему помазали ноги кровью—и онъ тотчасъ сталъ здоровъ. Слухъ объ этомъ чудѣ разнесся по всему городу; приводили слѣпыхъ, бѣсноватыхъ, разслабленныхъ и прокаженныхъ—и всѣ получили исцѣленіе.

3. Всѣ евреи того города увѣровали во Христа, разсказали объ этомъ тамошнему епископу и приняли отъ него крещеніе со всѣми своими семействами, и построили въ этомъ городѣ церковь во имя Господа нашего Іисуса Христа.

Всякій христіанинъ долженъ покланяться святымъ иконамъ съ вѣрою и любовію, почитать ихъ честно и съ благоговѣніемъ. (Изъ кн. «Наставленіе въ законѣ Божіемъ» П. Аѳинскаго).

12. Средство жить въ мирѣ съ ближними.

1. Одинъ инокъ [1]), жившій въ небольшомъ монастырѣ, былъ доволенъ добрыми къ нему отношеніями пяти братій, но только съ однимъ не могъ сойтись и, вступивъ съ нимъ въ разногласіе, получалъ отъ него разныя оскорбленія. Не могъ снести этого инокъ, вышелъ изъ монастыря и поселился въ другомъ. Вскорѣ оказалось, что здѣсь два брата не полюбили его и всячески преслѣдовали. Въ досадѣ инокъ удалился въ третій мона-

---

[1])Инокъ—монахъ, отшельникъ, подвижникъ.

стырь, но тутъ уже нашлось пять братій, которые возненавидѣли его, оскорбляли и обижали. Инокъ опять ушелъ съ величайшею досадою изъ этого монастыря, но дорогой онъ ужаснулся, подумавъ: что будетъ, если вездѣ будетъ также? Что дѣлать? Какъ ужиться на мѣстѣ?

2. Вдругъ его озарила мысль о терпѣніи и преданности волѣ Божіей. Онъ взялъ листокъ бумаги, написалъ на немъ слова: «во имя Іисуса Христа, Сына Божія, терплю», положилъ его за поясъ и рѣшился всякій разъ, какъ придетъ досада, прочитывать эти слова. И дѣйствительно, поселившись въ первомъ попавшемся монастырѣ, инокъ при всякомъ неудовольствіи вынималъ записку и прочитывалъ написанныя на ней слова: «во имя І. Христа, Сына Божія, терплю». Духъ его, возмущенный досадою, скоро успокоивался силою животворящаго имени Спасителя, и инокъ окончательно утвердился въ мирномъ житіи среди братій.

13. Прежде самъ прости.

Аще (бо) отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ (Мѳ. 6, 14, 15), *Отпущайте и отпустятъ вамъ .. тою бо мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится вамъ!* (Лук. 6, 36, 38).

Вотъ какой разсказъ читаемъ мы въ житіи святителя Іоанна Милостиваго: былъ въ Александріи одинъ вельможа, который, не смотря на всѣ увѣщанія угодника Божія, не хотѣлъ и слышать о примиреніи съ своимъ врагомъ. Разъ святитель пригласилъ его въ свою домовую церковь на Божественную литургію. Вельможа пришелъ. Въ церкви никого не было изъ богомольцевъ, самъ патріархъ служилъ, а на клиросѣ былъ только одинъ пѣвецъ, которому вельможа и сталъ помогать въ пѣніи. Когда они начали пѣть молитву Господню: *Отче нашъ*, запѣлъ ее и святитель; но на словахъ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*—св. Іоаннъ вдругъ замолчалъ самъ и остановилъ пѣвца, такъ что вельможа одинъ пропѣлъ слова молитвы: *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*... Тутъ святитель обращается къ непримиримому вельможѣ и съ кроткимъ упрекомъ говоритъ: «Смотри, сынъ мой, въ какой страшный часъ и что говоришь ты Богу; оставь мнѣ, какъ и я оставляю... Правду ли ты говоришь? *Остав-*

ляешь ли?..» Эти слова такъ поразили вельможу, что онъ весь въ слезахъ бросился къ ногамъ архипастыря и воскликнулъ: «Все, что ни повелишь, владыко, все исполнить рабъ твой!» И исполнилъ: онъ въ тотъ же день помирился съ своимъ врагомъ и отъ всего сердца простилъ ему всѣ обиды. (*Ч. М.*).

14. О странноприимствѣ.

Св. Григорій, папа [1]) римскій, разсказываетъ слѣдующее: одинъ богатый человѣкъ каждый день имѣлъ обыкновеніе приглашать къ себѣ странниковъ, кормилъ ихъ и со всѣмъ семействомъ служилъ имъ. Однажды между обычными посѣтителями явился нѣкоторый новый, неизвѣстный ему странникъ. Хозяинъ пригласилъ его къ столу, а самъ между тѣмъ пошелъ за водою, чтобы по обычаю умыть руки. Съ водою онъ возвратился тотчасъ же, но къ удивленію своему, новаго посѣтителя на мѣстѣ его уже не увидалъ. Странолюбецъ недоумѣвалъ: что бы это значило? Но недоумѣніе его скоро разрѣшилось. Въ ту же ночь явился ему Господь и сказалъ: «Въ прежніе дни ты принималъ братій Моихъ меньшихъ, а вчера принялъ самого Меня. И вотъ Имѣющій прійти на судъ вмѣстѣ съ другими скажетъ и тебѣ: понеже единому отъ братій Моихъ меньшихъ сіе сотвори, то Мнѣ сотвори. И знай, что тѣхъ, которые прежде суда принимаютъ Меня въ лицѣ странныхъ, Я на судѣ взыщу Своими милостями».

И васъ взыщетъ Онъ Милосердый, своими милостями, если не по принужденію, но добровольно и съ христіанскою любовію вы дадите хоть временный пріютъ безпріютнымъ.

15. Мужественное исповѣданіе христіанской вѣры.

Святый мученикъ Варлаамъ [1]) за исповѣданіе имени Христова уже въ глубокой старости преданъ былъ суду и претерпѣлъ много мученій... Наконецъ нечестивые язычники, принуждая его къ идолопоклонству, привели въ капище Аполло́на, и, повелѣвъ протянуть руку надъ пылающимъ жертвенникомъ, положили на нее горящіе у́гли съ ливаномъ и смирною, въ томъ намѣреніи, что св. страдалецъ, чтобы избавиться отъ ужасныхъ мученій, вынужденъ будетъ отрясти эту жертву на идольскій алтарь; и если бы это случилось, хотѣли предъ нимъ воспле-

---

[1]) Папа—епископъ, архіерей города Рима.

[1]) Святый мученикъ Варлаамъ, уроженецъ Антіохіи Сирійской, жилъ въ царствованіе Діоклетіана. Память его ноября въ 10 день.

скать руками и съ хохотомъ сказать: «уже принесъ жертву богамъ нашимъ!» Но нечестивые и жестокіе язычники не могли восторжествовать надъ твердостію св. мученика: старецъ, держа въ рукѣ своей горящій огнь, явился тверже желѣза и, не тронувшись съ мѣста, не испустивъ ни одного вздоха, стоялъ до тѣхъ поръ, пока отгорѣли пальцы его и съ углями упали на жертвенникъ. Онъ произносилъ только тихимъ голосомъ: «Благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченіе и персты мои на брань» [1]). Такъ мужественъ и непобѣдимъ показался крѣпкій страдалецъ и воинъ Христовъ Варлаамъ! Имѣя десницу [2]) свою вмѣсто алтаря Господня, какъ говоритъ святый Василій Великій, онъ принесъ себя въ жертву всесожженія Господу и въ руцѣ Его предалъ святую душу свою. (Уч. благоч.).

16. Мужество христіанина.

I. Въ 257 году по Р. Х. воздвигнуто было императоромъ Валеріаномъ гоненіе на христіанъ; тяжесть его особенно пала на служителей алтаря. Въ числѣ прочихъ христіанъ представленъ былъ въ судилище и св. Лаврентій, діаконъ римской церкви.—Гдѣ сокровища вашего храма, спрашивалъ его Валеріанъ?—«Приходи, государь,—я укажу ихъ тебѣ», отвѣчалъ св. Лаврентій, и показывая потомъ на нищихъ, вдовъ, сиротъ, слѣпыхъ и хромыхъ, сказалъ: «вотъ они, вотъ эти сокровища, которыхъ драгоцѣннѣе ничего нѣтъ въ мірѣ и которыхъ не могутъ и не захотятъ лишить насъ и самые тираны.»

II. Осужденный потомъ на сожженіе, св. Лаврентій, изумивъ своею твердостію современниковъ, изумляетъ и потомство. Предъ его глазами приготовляли костеръ и желѣзную рѣшетку, на которую потомъ повергли его въ оковахъ.

Медленный огонь умножалъ мученія страдальца; но лицо его сіяло необычайнымъ величіемъ; страданія не вынудили у него ни одной жалобы, ни одного стона. Когда огонь пожралъ одну сторону его тѣла, онъ съ неизмѣняемою твердостію и мужествомъ сказалъ стражу: «испеклось, оборачивай». Въ этихъ словахъ св. мученика видна сила любви ко Христу, крѣпкой, аки смерть.

17. Урокъ обманщику.

I. Одинъ купецъ, для оборота въ торговлѣ, часто занималъ деньги у святаго Спиридона; когда же, возвращаясь, при-

---

[1]) Псал. 143. 1.
[2]) Десница—правая рука.

носилъ ему долгъ свой, старецъ обыкновенно приказывалъ ему самому положить деньги въ ящикъ, изъ котораго взялъ. Старецъ вѣрилъ купцу и не считалъ денегъ.

II. Многократно купецъ, съ позволенія святаго, бралъ и отдавалъ золото, и Господь благословлялъ его торговлю. Но однажды, соблазнившись, не положилъ купецъ принесенныхъ денегъ въ ящикъ и, обманувъ св. Спиридона, удержалъ у себя... Что же вышло? Не только утаенное золото не принесло ему никакого прибытка, но онъ вскорѣ обнищалъ совершенно.

III. Въ этой крайности приходитъ купецъ опять къ св. Спиридону и проситъ у него взаймы золота. Святой, по обыкновенію, послалъ его въ свою спальню за деньгами, но такъ какъ купецъ не положилъ въ ящикъ ничего, то и взять было нечего. Возвратившись съ пустыми руками, объявилъ онъ святому, что въ ковчегѣ золота нѣтъ. «Кромѣ твоей руки, доселѣ ничьей въ ковчегѣ не было», спокойно отвѣчалъ ему старецъ: «если бы ты положилъ тогда деньги, то теперь опять взялъ бы ихъ; роптать не на кого,—самъ виноватъ.» Пораженный стыдомъ, купецъ палъ къ ногамъ Спиридона. Старецъ немедленно простилъ его, но отпустилъ въ домъ уже не съ деньгами, ибо не имѣлъ ихъ, а только съ убѣдительнымъ наставленіемъ впередъ не осквернять совѣсти корыстію и обманомъ.

18. Постъ по принужденію не составляетъ заслуги предъ Богомъ.

Возвратясь однажды въ Тавеннисіотскій монастырь послѣ мѣсячнаго отсутствія, преп. Пахомій Великій узналъ, что поваръ во все время его отлучки не приготовлялъ варива, потому что братія питалась сухояденіемъ. «Чтобы времени не проводить въ праздности, пояснялъ поваръ, я плелъ рогожи для монастыря».—«А много ты сплелъ рогожъ»? спросилъ Пахомій.—«Пять сотъ», былъ отвѣтъ. Преподобный приказалъ ихъ сжечь при себѣ.—«Это тебѣ въ наказаніе, сказалъ Пахомій, за нарушеніе устава. Разъ положено готовить вариво—ты и обязанъ былъ исполнить повелѣнное. Не твое дѣло разсуждать—ѣдятъ ли или не ѣдятъ. Другой бы, можетъ, и поѣлъ, а ты заставилъ всѣхъ поневолѣ поститься. А постъ по принужденію не составляетъ заслуги предъ Богомъ». (*Ч. М. Май*).

19. Ангелъ-хранитель.

Однажды во время путешествія св. Поликарпъ, епископъ Смирнскій, остановился въ одной гостиницѣ, вмѣстѣ съ дьякономъ, на ночлегъ. Въ полночь явился ангелъ и приказалъ

Поликарпу тотчасъ же выбраться изъ гостиницы, ибо, по словамъ его, въ гостиницѣ этой совершалось много дурныхъ темныхъ дѣлъ, и Господь осудилъ ее на разрушеніе. Долго не могъ святый добудиться своего дьякона. Ангелъ три раза возвѣщалъ волю Божію, и только послѣ сего дьяконъ очнулся. Едва Поликарпъ съ нимъ вышелъ изъ гостиницы, какъ она рухнула и задавила ея обитателей. (*Четьи-Минеи. Февраль*).

20. Чудесное спасеніе отъ пожара.

«Между 1768 и 1769 годами зимою, не упомню мѣсяца и числа, въ Санкт-Петербургѣ, въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ сдѣлался въ поварнѣ пожаръ, отъ котораго неминуемо всѣ мы, малолѣтніе, сгорѣли бы, потому что пожаръ случился въ самую полночь, если бы особеннымъ чуднымъ образомъ не были спасены. Въ самую полночь, когда всѣ находились въ глубокомъ снѣ, вдругъ привратникъ слышитъ голосъ: «мы горимъ!» Онъ пробуждается, поднимаетъ голову съ постели и осматриваетъ, нѣтъ ли кого, и, не видя никого, опять легъ. Слышитъ вторично голосъ: «встань, мы горимъ!» Онъ всталъ, перетревожившись, и вездѣ осматриваетъ, гдѣ можно, даже и за печкою—нѣтъ ли кого, но и вторично никого не находитъ, и опять ложится. И въ третій разъ слышитъ голосъ: «да что же не встаешь? встань, мы горимъ!» Тогда онъ поспѣшно всталъ, вышелъ на дворъ и въ ужасѣ увидѣлъ сильный огонь, который быстро усиливался: если бы еще промедлить нѣсколько времени, пламя охватило бы всѣ зданія, и много людей сгорѣло бы. Тогда онъ побѣжалъ и всѣхъ перебудилъ насъ; мы не успѣли почти одѣться и обуться—кто босикомъ, кто въ одномъ чулкѣ, иной безъ платья, бросились изъ комнатъ, и въ такомъ положеніи должны были по снѣгу бѣжать на значительное пространство, и, благодареніе Всевышнему! всѣ были спасены, даже всѣ остались здоровы. А безъ этого чуднаго ангельскаго голоса, посланнаго отъ Бога, неминуемо всѣ бы сгорѣли».

(«Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ». М. Погодина).

21. Спокойствіе ближняго.

Преподобный Іоаннъ Коловъ однажды пошелъ съ нѣкоторыми братьями изъ скита. Дорогою застигла ихъ ночь, и провожатый къ несчастію сбился съ пути... «Что намъ дѣлать?» сказали Іоанну спутники: «скитаясь здѣсь, можно погибнуть».— «Не говорите провожатому ничего», отвѣчалъ старецъ: «бѣдный

устыдится и будетъ печалиться, досадовать и, можетъ быть, роптать... Лучше сдѣлаемъ вотъ что: я скажу, будто боленъ, что не могу итти далѣе, и останусь здѣсь, пока не разсвѣтетъ». Такъ и поступилъ. Прочіе объявили, что останутся съ нимъ: всѣ пробыли тутъ до утра и не причинили сокрушенія брату.

22. Какъ святые наказывали себя за невольную жестокость къ животнымъ.

Однажды св. Макарій на разсвѣтѣ сидѣлъ въ своей кельѣ; на ногу ему сѣлъ комаръ и впился въ нее. Давъ ему напиться крови, Макарій, когда почувствовалъ боль, раздавилъ его. Но послѣ сталъ раскаяваться, что отмстилъ за самого себя и за такой грѣхъ осудилъ себя—сидѣть нагимъ шесть мѣсяцевъ при скитскомъ (въ Египтѣ) болотѣ, которое находилось въ глухой пустынѣ. Комары здѣсь величиною равняются осамъ и прокусываютъ кожу даже у кабановъ. Ими онъ такъ былъ весь искусанъ и изъѣденъ, что нѣкоторые думали, не въ проказѣ ли онъ. Когда чрезъ шесть мѣсяцевъ онъ возвратился въ свою келью», то по голосу только узнали, что это самъ Макарій. (Ливсаикъ, стр. 73).

23. Примѣръ христіанской кротости императора Константина.

Аріане, негодуя на Константина Великаго за то, что онъ покровительствовалъ православнымъ, съ ругательствомъ ниспровергли его статуи въ Александріи. Когда потомъ побуждали императора къ отмщенію за эту дерзкую наглость, то онъ, положивши руку на лице свое, сказалъ: «я не чувствую никакого уязвленія», давая знать, что поступокъ аріанъ не причинилъ ему существеннаго вреда, и что онъ не намѣренъ мстить имъ за личное оскорбленіе. (В. Ч. XV.).

24. Братская любовь.

Нѣкоторый братъ изъ числа сирійскихъ пустынниковъ принесъ однажды аввѣ [1]) Макарію гроздъ винограду. Авва, который жилъ по духу христіанской любви, которая не ищетъ своего, отнесъ виноградъ другому брату, бывшему тогда больнымъ. Больной чрезвычайно обрадовался этому знаку любви святого мужа и возблагодарилъ за то Господа. Но, помышляя болѣе всего о благѣ ближняго, чѣмъ о своемъ собственномъ, не вкусилъ винограда, а отослалъ его къ другому брату. Этотъ сдѣ-

[1]) Авва—отецъ, старшій инокъ, настоятель монастыря.

лалъ то же и переслалъ четвертому. Такимъ образомъ гроздь обошелъ всѣ келіи братій и, переходя изъ рукъ въ руки, возвратился наконецъ опять къ тому, кто первый получилъ его въ даръ, къ аввѣ Макарію. Священная радость объяла душу праведника, когда онъ увидѣлъ между братіею любовь и воздержаніе, живо выражавшія слова божественнаго апостола: «не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви, ибо любящій другого исполнилъ законъ» (Рим. XIII. 8).

25. Радость и печаль духовныя равно пріятны Богу.

I. Два инока, однажды вышедши изъ своего монастыря, впали въ тяжкій грѣхъ, но они скоро одумались, тотчасъ возвратились въ свою обитель и открыли грѣхъ настоятелю. Настоятель по обыкновенію положилъ имъ приличное наказаніе, именно такое: они нѣсколько времени должны были прожить въ разныхъ кельяхъ, никуда не выходя, и питаясь хлѣбомъ и водою. Когда они прожили положенное время, настоятелю монастыря было свыше открыто во снѣ, что согрѣшившимъ инокамъ все прощено.

II. Настоятель на слѣдующій день велѣлъ освободить ихъ изъ заключенія. И вотъ, они явились къ нему; но какая чудная разность была между ними! Одинъ изъ нихъ былъ свѣжъ и полонъ лицемъ, какъ будто онъ питался самою вкусною пищею; другой, напротивъ, былъ сухъ и слабъ, какъ будто онъ цѣлый годъ ничего не ѣлъ. Удивляясь этому, настоятель спросилъ перваго: «что ты дѣлалъ въ своемъ заключеніи?—Я, отвѣчалъ онъ, день и ночь радовался и благодарилъ Бога, что Онъ не далъ мнѣ погибнуть въ грѣхѣ, а сподобилъ раскаяться». А ты что дѣлалъ? спросилъ онъ другого.—«А я, отвѣчалъ тотъ, непрестанно все плакалъ о своемъ грѣхѣ и просилъ у Бога прощенія». Значитъ, и радость Богу пріятна, когда человѣкъ радуется тому, чему должно, и печаль Ему пріятна, когда человѣкъ печалится ради Бога, и о томъ, о чемъ слѣдуетъ печалиться. (Изъ Пролога 15-е апрѣля).

26. Радость по поводу скорбей.

Нѣкоторый братъ тѣмъ былъ веселѣе духомъ, чѣмъ болѣе безчестили его и насмѣхались надъ нимъ. Онъ говорилъ: безчестящіе насъ и насмѣхающіеся надъ нами доставляютъ намъ средства къ преуспѣянію, а похваляющіе насъ вредятъ душамъ нашимъ. (Отечн. Еп. Игнатія).

27. О терпѣніи.

1. Хотите ли на опытѣ видѣть, какъ спасительно для души терпѣніе? Выслушайте, что разсказываетъ одинъ праведный мужъ, который сподобился видѣть тѣ мѣста, гдѣ по смерти покоятся святые [1]). Въ одномъ славномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ нѣкоего человѣка, и спросилъ его: «что ты дѣлалъ въ мірѣ, и чѣмъ заслужилъ такое мѣсто?»—Я былъ работникомъ у одного злого человѣка, отвѣчалъ тотъ, и много терпѣлъ отъ него до конца жизни. Послѣ онъ увидѣлъ другого человѣка въ столь же славномъ мѣстѣ, и спросилъ его: «ты чѣмъ занимался въ мірѣ?»—Я долго былъ боленъ и терпѣливо переносилъ свою болѣзнь.

2. Итакъ, вотъ что значитъ терпѣніе! Терпѣть такъ же спасительно для нашей души, какъ и заниматься спасеніемъ; переносить что-нибудь горестное такъ же полезно, какъ и дѣлать добрыя дѣла; удерживаться отъ словъ оскорбительныхъ для ближняго такъ же пріятно Богу, какъ и славословить Его непрестанно.

Итакъ слушатель благочестивый, все переноси терпѣливо, все—малое и великое. Нетерпѣніемъ ты не умалишь горя, а только прибавишь; огорченіемъ не утушишь оскорбленія, а только усилишь: такъ лучше терпи. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши (Лук. 21, 19).

Тотъ слабый имѣетъ духъ, кто всѣмъ огорчается, на все досадуетъ; такъ покажи своимъ терпѣніемъ, что ты не слабаго духа. Претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ (Матѳ. 10, 22); такъ терпи же—и ты спасешься.

(Изъ проп. Прот. Р. Путятина).

28. Молитва убогихъ.

I. Лѣтъ семьдесятъ назадъ жилъ въ Петербургѣ одинъ добрый и благочестивый вельможа. Къ сожалѣнію, онъ имѣлъ несчастіе подвергнуться немилости государя: на него взвели предъ государемъ какую-то клевету, отдали подъ судъ, и дѣло грозило тюрьмой. Несчастный вельможа заболѣлъ и слегъ съ горя въ постель.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ строгій подвижникъ Валаамскаго монастыря, отецъ Назарій. Онъ былъ знакомъ съ несчастнымъ вельможей и зашелъ утѣшить его въ скорби. Супруга вельможи встрѣтила Назарія словами: «Помолись, отецъ, чтобы дѣло моего мужа получило добрый исходъ».—»Хорошо»,

[1]) См. Прологъ на 21 іюля.

отвѣчалъ ей старецъ, «конечно, надо молиться Господу; но необходимо попросить ходатайства и приближенныхъ государя; дайте мнѣ немного денегъ, я самъ попрошу ихъ за васъ». Старцу подали золота. «Нѣтъ», сказалъ онъ, «это мнѣ не годится; нѣтъ ли мѣдныхъ или мелкаго серебра?» Подали тѣхъ и другихъ. Отецъ Назарій взялъ деньги и ушелъ.

II. Поздно вечеромъ приходитъ онъ опять къ вельможѣ и спокойно говоритъ: «Всѣ царскіе приближенные обѣщались похлопотать за васъ; успокойтесь и ждите радостныхъ вѣстей». И что же? Еще старецъ сидѣлъ у постели больного, какъ получается извѣстіе о благополучномъ окончаніи дѣла. Радостная вѣсть благотворно подѣйствовала на больного. Онъ началъ благодарить старца и просилъ его открыть ему, кто изъ приближенныхъ государя больше другихъ принималъ участіе въ немъ.

III. Тутъ только открылось, что о. Назарій ни у кого изъ ближнихъ къ государю не былъ и никого не просилъ. Вмѣсто того онъ ходилъ цѣлый день по улицамъ города и раздавалъ бѣднымъ деньги, взятыя имъ у вельможи. «Итакъ, благодарите Господа», сказалъ въ заключеніе старецъ: «Онъ, милосердый, внялъ молитвамъ убогихъ и положилъ на сердце доброму государю еще разъ пересмотрѣть ваше дѣло. Да не забывайте и вельможъ его, вашихъ благодѣтелей, нищихъ и убогихъ: они много могутъ у Господа Бога!» (Изъ «Троицкихъ Листковъ»).

29. Преподобный Макарій Египетскій.

1. Отечествомъ преподобнаго Макарія была Египетская страна, лежащая на сѣверо-западномъ берегу Африки. Родители преподобнаго жили сначала въ самомъ Египтѣ, гдѣ Авраамъ, отецъ Макарія, былъ пресвитеромъ; они были люди добрые, любили помогать странникамъ и неимущимъ. Уже въ ранней юности запала ему мысль объ иноческой жизни, но родители настаивали, чтобы Макарій женился и, убѣждаемый постоянно, онъ, наконецъ, уступилъ просьбамъ своихъ родителей. Скоро онъ однако овдовѣлъ. Съ тѣхъ поръ

Преподобный Макарій Египетскій.

храму Божію и божественнымъ книгамъ посвятилъ Макарій все свое время. Умеръ затѣмъ отецъ Макарія, умерла потомъ и мать. Все роздалъ Макарій, что̀ осталось послѣ отца и матери, и удалился въ пустыню. Одинъ старецъ съ любобію принялъ Макарія, научилъ его безмовному житію, показывалъ ему рукодѣлія иноковъ—корзины, и объяснялъ, какъ онѣ дѣлаются; потомъ устроилъ старецъ для Макарія особую келью, недалеко отъ своей, и отвелъ его въ новую келью, преподавъ ему наставленія о молитвѣ, пищѣ и рукодѣліи. Такъ началъ Макорій свое иноческое житіе.

2. Было сорокъ лѣтъ преподобному Макарію, когда получилъ онъ отъ Бога даръ исцѣленій и пророчества и удостоился священническаго сана. И много приходило народу къ преподобному Макарію: одни для молитвы, другіе для исцѣленія. Преподобный же, любя уединеніе, выкопалъ себѣ пещеру, чтобы скрываться въ ней отъ приходящихъ къ нему не вовремя и мѣщающихъ его молитвамъ. Однажды Макарій, ходя по пустынѣ, нашелъ черепъ человѣческій. Когда его жезлъ дотронулся до кости, то кость издала звукъ человѣческій. «Кто ты?» спросилъ старецъ, и отвѣчала кость: «Я былъ начальникомъ идольскихъ жрецовъ, жившихъ на этомъ мѣстѣ; а ты—Макарій, исполненный Духа Божія; когда ты молишься за насъ, находящихся въ мученіи, то мы ощущаемъ нѣкоторую отраду». Много народу стекалось къ преподобному. Ради стекающагося народа нужно было построить гостиницу, которую Макарій и устроилъ. Въ ней покоились больные и странники.

3. Кротость и смиреніе были всегда отличительными чертами преподобнаго. Разъ пришелъ къ нему одинъ изъ братіи и сказалъ: «Отецъ, научи меня, какъ мнѣ спастись.» — «Ступай къ тому мѣсту», сказалъ Макарій, «гдѣ лежатъ мертвые и злословь ихъ». Послушался братъ, пошелъ и злословилъ мертвыхъ, а потомъ возвратился къ преподобному. «Что же отвѣчали тебѣ мертвые на твое злословіе?» спросилъ старецъ. — «Ничего», отвѣчалъ инокъ.— «Поди теперь опять туда же и хвали мертвыхъ», училъ инока старецъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ. «Ну, что же теперь сказали тебѣ мертвые?» спросилъ Макарій у инока, когда тотъ возвратился къ нему.—«Ничего», былъ отвѣтъ его.—«Вотъ видишь, сказалъ Макарій, злословилъ ты ихъ,—они ничего не отвѣчали тебѣ; ты началъ хвалить,—и не отозвались они на твою хвалу. Такъ и ты, если хочешь спастись, будь, какъ мертвый: гонятъ тебя—не гнѣвайся; почитаютъ тебя—не возносись!»

4. Настала наконецъ блаженная кончина преподобнаго Макарія, на семьдесятъ девятомъ году его полезной для другихъ жизни. «Въ руки Твои, Господи предаю духъ мой», сказалъ умирающій старецъ, испуская духъ. Бесѣды Макарія Египетскаго о душѣ, о человѣкѣ, о внутреннихъ его совершенствахъ и пр. для всѣхъ христіанъ безсмертны. Онѣ весьма полезны: читайте ихъ!

30. Изъ жизни препод. Ѳеодосія.

I. Однажды великій князь Изяславъ посѣтилъ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго и остался у него обѣдать. На простомъ столѣ приготовлена была простая монашеская пища: черный хлѣбъ и обыкновенныя овощи. Но эта пища показалась такъ вкусна великому князю, что онъ съ изумленіемъ спросилъ преподобнаго Ѳеодосія: «у меня всего много, припасы дорогіе, приправа заморская, повара ученые, но я никогда дома не ѣлъ съ такимъ вкусомъ, какъ у тебя: отчего это происходитъ?» Государь! отвѣчалъ Ѳеодосій, у насъ братія, когда хотятъ варить пищу или печь хлѣбы, имѣютъ вотъ какой уставъ: сначала берутъ у настоятеля благословеніе, потомъ кладутъ три поклона предъ алтаремъ, зажигаютъ свѣчку изъ лампадки предъ образомъ Спасителя и этою свѣчей разводятъ огонь въ кухнѣ и хлѣбнѣ. Когда же нужно вливать въ котелъ воду, служитель говоритъ старцу: благослови, отче! а тотъ скажетъ: Богъ да благословитъ тебя, чадо! Такимъ образомъ у насъ все дѣлается съ благословеніемъ. Вотъ причина, почему у насъ все вкусно. А ваши слуги каждое дѣло начинаютъ съ ропотомъ и досадою другъ на друга. А гдѣ есть грѣхъ, тамъ не можетъ быть удовольствія. Кромѣ того, ваши дворецкіе часто бьютъ служителей за малѣйшую неисправность; а ихъ слезы также прибавляютъ много горечи въ кушанья, какъ бы они дороги ни были.

II. Великій князь согласился, что святой старецъ говоритъ правду, принялъ отъ него благословеніе и возвратился домой.

Урокъ Ѳеодосіевъ полезенъ и каждому изъ насъ: мы иногда безъ благословенія принимаемся за свои дѣла. Садясь за столъ, часто не читаемъ никакой молитвы, а иногда забываемъ и перекреститься.

Дѣти! принимаясь за какое бы то ни было дѣло, всегда молитесь Богу, или по крайней мѣрѣ перекреститесь и скажите въ себѣ: «Господи, благослови!»

31. Смиренный чудотворецъ.

I. Когда преподобный Сергій избиралъ себѣ мѣсто для пустыннаго безмолвія, онъ вовсе не заботился о томъ, чтобы имѣть воду по близости; трудолюбивому подвижнику даже было пріятно носить ее издалека, дабы тѣмъ еще болѣе утруждать свою плоть. Но съ умноженіемъ братіи недостатокъ воды становился все ощутительнѣе. Не разъ братія жаловались ему, что приходится далеко ходить за водою, и нѣкоторые, менѣе терпѣливые, даже говорили ему съ упрекомъ: «для чего на такомъ мѣстѣ построилъ ты обитель?» На это преподобный отвѣчалъ: «я хотѣлъ здѣсь безмолвствовать одинъ; Богу угодно было воздвигнуть здѣсь обитель во славу Его пресвятаго имени; дерзайте въ молитвѣ и не унывайте; если Онъ въ безводной пустынѣ далъ воду изъ камня непокорному народу еврейскому, то неужели Онъ оставитъ васъ, работающихъ Ему на семъ мѣстѣ день и ночь?» Разъ, послѣ такого наставленія братіи, онъ взялъ съ собою одного инока и пошелъ съ нимъ въ лѣсной оврагъ подъ монастыремъ; тутъ онъ нашелъ немного дождевой воды, преклонилъ надъ нею колѣна и помолился такъ: «Боже, Отче Господа нашего Іисуса Христа, сотворившій небо и землю и все видимое и невидимое, создавшій человѣка и не хотящій смерти грѣшника! Молимъ Тебя мы, грѣшные и недостойные рабы Твои: услыши насъ въ часъ сей и яви славу Твою! Какъ въ пустынѣ чудодѣйствовала крѣпкая десница Твоя, отъ камня воду источивъ, такъ и здѣсь яви силу Твою!—даруй намъ воду на мѣстѣ семъ и да уразумѣютъ всѣ, что Ты послушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу возсылаю-

Преподобный Сергій.

щихъ—Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ, аминь!»

II. Такъ молился угодникъ Божій, и едва произнесъ онъ молитву сію и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ мѣсто, гдѣ стояла дождевая вода, какъ вдругъ изъ-подъ земли пробился обильный источникъ холодной ключевой воды, и она потекла быстрымъ ручьемъ по долинѣ. Съ той поры многолюдная обитель Сергіева не имѣла уже недостатка въ водѣ. Преподобный Епифаній, ученикъ Сергіевъ, свидѣтельствуетъ, что бывали исцѣленія отъ воды сей и даже издалека присылали за нею для болящихъ, такъ что ручей тотъ получилъ прозваніе *Сергіевой рѣки*; но смиренный чудотворецъ, узнавъ о томъ, строго запретилъ братіи называть такъ изведенный молитвою его источникъ: «не я», говорилъ онъ, «а Господь далъ воду сію намъ недостойнымъ». И братія, изъ послушанія къ заповѣди своего святого старца, мало-помалу отвыкли отъ сего наименованія.

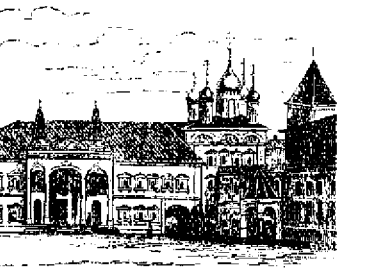
32. Изъ жизни святителя Алексія, митрополита Московскаго.

I. Св. Алексій, жившій въ трудное время монгольскаго ига, подъ которымъ стонала вся Россія, неусыпно заботился о благѣ церкви и государства. Онъ нѣсколько разъ путешествовалъ въ Орду—къ ханамъ, завоевателямъ Россіи, и всегда его путешествіе приносило много пользы церкви и отечеству. Такъ, къ великому князю Іоанну Іоанновичу явилось изъ Орды посланіе, въ которомъ ханъ писалъ, что жена его Тайдула, потерявши зрѣніе, прибѣгала напрасно къ разнымъ пособіямъ, и заключалъ словами: «Намъ говорили, что главный вашъ священникъ, о чемъ онъ ни помолится, будетъ услышанъ вашимъ Богомъ. Отпусти его къ намъ: онъ исцѣлитъ Тайдулу». Раздражить хана отказомъ было опасно для Россіи, но Алексій не смѣлъ разсчитывать на дѣйствительность своихъ молитвъ, и ханскій гнѣвъ могъ обрушиться на него; однако святитель не колебался и собрался въ путь.

II. Въ народной памяти осталось по поводу его отъѣзда чудное преданіе. Ночь стояла надъ Москвой. Онъ ждалъ разсвѣта, чтобъ покинуть, можетъ быть навсегда, родимый городъ, чтобъ принять смерть мученика, чтобъ оставить свой прахъ на чужбинѣ, и тоска лежала камнемъ на его сердцѣ. Онъ зажегъ фонарь, пошелъ въ Успенскій соборъ и, обнявъ съ рыданьемъ гробницу митрополита Петра, молилъ основателя храма, перваго святителя юной Москвы, быть ходатаемъ передъ Богомъ за него

и за Русь, и во время его молитвы зажглась внезапно лампада, висѣвшая надъ гробницей [1]).

III. Радостное извѣстіе привезъ по возвращеніи своемъ митрополитъ: Тайдула прозрѣла. Но вскорѣ совершились въ Ордѣ событія, которыя потребовали новаго путешествія Алексія. Ханъ былъ умерщвленъ сыномъ своимъ, который накладывалъ на насъ новую тяжелую дань. Слабая Русь должна была умилостивить своего владыку, и митрополитъ явился снова ея предстателемъ въ Ордѣ. Грозный ханъ уступилъ его увѣщаніямъ, отказался отъ своихъ требованій и между прочимъ подтвердилъ ярлыкомъ [2]) освобожденіе отъ налоговъ нашего духовенства.



Чудовъ монастырь въ Москвѣ.

Москва, провожавшая въ унынiи святителя, встрѣтила его въ радости. Великій князь съ малолѣтнимъ сыномъ Димитріемъ, облеченное въ праздничныя ризы духовенство съ крестами и иконами, бояре и народъ вышли къ нему навстрѣчу. Святитель Алексій скончался на 79 году жизни въ 1378 г. и погребенъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ и почиваютъ его святыя мощи. (*Толычевой*).

33. Святитель Тихонъ.

I. Святитель Тихонъ (въ мірѣ Тимоѳей) родился въ 1724 году отъ бѣднѣйшаго причетника (села Коропка въ предѣлахъ нын. Валдайскаго уѣзда) и вскорѣ по рожденіи лишился своего отца. Дѣтство и отрочество его прошли среди ужасающей нищеты: иногда цѣлый день приходилось ему работать у поселянъ ради одного куска хлѣба. Едва избѣгнувъ разбора (для отдачи въ военное званіе), среди великой нужды учился онъ въ Новгородской семинаріи, въ которой послѣ былъ наставникомъ. Нѣкоторыя особенныя обстоятельства (чудесное спасеніе отъ смертной опасности, чудныя видѣнія) расположили его къ принятію иночества, къ которому онъ давно стремился, и наконецъ,

---

[1]) По другому преданію: зажглась не лампада, а свѣча, во время молебна, который митрополитъ служилъ всенародно въ соборѣ предъ своимъ отъѣздомъ.

[2]) Ярлыкъ—ханская грамота, указъ.

по явному указанію свыше, онъ былъ избранъ въ епископы. Около двухъ лѣтъ (1761—1763) онъ былъ викаріемъ въ Новгородѣ и около четырехъ (1763—1767) на самостоятельной каѳедрѣ въ Воронежѣ. Во все это время онъ ревностно проповѣдывалъ и побуждалъ къ этому подчиненныхъ ему священниковъ. Въ Воронежѣ отъ времени язычества соблюдался праздникъ въ честь Ярилы, соединенный со множествомъ разныхъ безчинствъ. Одинъ разъ святитель неожиданно является на народную площадь среди самаго разгара веселья и начинаетъ обличительное слово, которое такъ подѣйствовало, что при немъ балаганы и лавки были сломаны, и праздникъ болѣе не возобновлялся. Усиленные труды разстроили его здоровье, и послѣдніе 16 лѣтъ (1767—1783) жизни онъ провелъ на покоѣ въ Задонскомъ монастырѣ.

II. Все время здѣсь, за исключеніемъ 4—5 часовъ тревожнаго отдыха, у него посвящалось молитвѣ, чтенію Слова Божія, дѣламъ благотворительности и составленію душеполезныхъ сочиненій. Ежедневно онъ былъ въ храмѣ. Дома, кромѣ обычныхъ часовъ молитвы, часто падалъ на колѣна и ницъ, и, обливаясь слезами, какъ бы самый тяжкій грѣшникъ, взывалъ: Господи, пощади, Господи, помилуй! Непремѣнно каждый день онъ читалъ по нѣскольку главъ изъ Священнаго Писанія и въ дорогу никогда не ѣздилъ безъ маленькой Псалтыри. Вся его 400-рублевая пенсія шла на благотворенія, и сюда же обращалось все, что получалъ онъ въ даръ отъ знакомыхъ. Часто въ простой монашеской одеждѣ онъ отправлялся въ ближайшій городъ (Елецъ) и посѣщалъ заключенныхъ въ тамошней тюрьмѣ: утѣшалъ ихъ, располагалъ къ покаянію и затѣмъ одѣлялъ милостыней. Самъ онъ былъ въ высшей степени нестяжателенъ и жилъ среди самой простой и бѣдной обстановки. Садясь за скудный столъ, онъ часто вспоминалъ о бѣднякахъ, не имѣющихъ такого, какъ онъ, пропитанія, и начиналъ себя упрекать за то, что, по его разсужденію, мало потрудился для церкви, и горькія слезы лились изъ его глазъ.

III. По природѣ горячій и вспыльчивый, онъ былъ удивительно кротокъ и незлобивъ: до земли кланялся келейнику, прося прощенія за какое-либо слово, показавшееся тому обиднымъ, и старался всегда платить добромъ, когда кто сдѣлаетъ ему какое-либо оскорбленіе. Разъ въ домѣ знакомаго онъ вступилъ въ бесѣду съ однимъ невѣровавшимъ дворяниномъ и кротко, но такъ сильно во всемъ опровергалъ безбожника, что гордый человѣкъ

не вытерпѣлъ и, забывшись съ кѣмъ говорилъ, ударилъ святителя въ щеку. Св. Тихонъ бросился ему въ ноги, прося прощенія за то, что привелъ его въ раздраженіе. Этотъ подвигъ незлобиваго смиренія такъ подѣйствовалъ на дерзкаго оскорбителя, что тотъ обратился къ вѣрѣ и послѣ былъ хорошимъ христіаниномъ. Особенно онъ любилъ бесѣдовать съ простымъ народомъ, утѣшалъ его въ тяжкой долѣ, помогалъ разореннымъ. Изъ монастырской слободы ходили къ нему дѣти: онъ училъ ихъ молитвамъ и одѣлялъ деньгами. Когда пойдетъ, бывало, онъ изъ церкви, они идутъ за нимъ; войдетъ въ келью и они за нимъ,—положатъ три поклона и громко скажутъ, по его наставленію: «Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ». Онъ спрашиваетъ: «Дѣти! гдѣ Богъ нашъ?» Они въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: «Богъ нашъ на небеси и на земли».—«Вотъ хорошо, дѣти!»—погладитъ ихъ по головкѣ, дастъ имъ по копейкѣ и по куску бѣлаго хлѣба, а въ лѣтнее время по яблоку. Когда же по слабости здоровья не бывалъ онъ въ храмѣ, дѣти посмотрятъ, что его нѣтъ, и уходятъ изъ церкви. Узнавая о томъ, преосвященный улыбался и говорилъ: «Бѣда, они бѣдные ходятъ для хлѣба».

IV. Блаженная кончина св. Тихона послѣдовала 13 августа 1783 года; черезъ 63 года открыты нетлѣнныя мощи его, а въ 1861 году (черезъ 76 лѣтъ) онъ торжественно причисленъ къ лику святыхъ угодниковъ.

Всякій православный христіанинъ съ великою душевною пользою и удовольствіемъ прочитаетъ сочиненія св. Тихона. Особенно замѣчательны его творенія: *Объ истинномъ христіанствѣ*, *Сокровище вѣры, отъ міра собираемое*, *Наставленіе христіанское* и др.

34. Корабль.

Видишь корабль, волнующійся на морѣ и бѣдствующій. Отъ сего разумѣй, что такъ и жизнь наша на морѣ міра сего бѣдствуетъ, и многоразличными напастями, какъ волнами, обуревается. А симъ научаешься часто и усердно молиться и воздыхать къ премудрому Управителю Христу, чтобъ не далъ твоему кораблецу въ волнахъ бѣдствій утонуть, но наставилъ бы достигнуть въ тихое и безопасное жизни вѣчной пристанище.

(Изъ «Твор. св. Тихона Задонскаго»).

35. Свѣча горящая.

Видишь, что свѣча горитъ, и далѣе сгораетъ. Этотъ примѣръ подаетъ тебѣ знать, что и жизнь наша, пока живемъ, какъ свѣча горитъ, а потомъ и угаснетъ,—и помнить кончину жизни, которая неизвѣстна, въ какой день и часъ будетъ, а потому всегда ожидать ея должно.

(Изъ «Твор. св. Тихона Задонскаго»).

36. Кротость.

Одинъ благочестивый старецъ (близъ Александріи), окруженный толпою невѣрныхъ, сталъ подвергаться со стороны ихъ не только злословію, но и ударамъ, и когда съ насмѣшкою говорили ему: «что удивительнаго сдѣлалъ вамъ Христосъ, котораго вы почитаете?» онъ отвѣчалъ: «то, что я не возмущаюсь и не оскорбляюсь этими и бо́льшими обидами, если бы вы ихъ нанесли мнѣ». (Изъ «Духовн. Цвѣтн.».)

37. Когда бываетъ услышана молитва?

1. Кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва не пріемлется Богомъ (Св. Исаакъ Сиринъ).

2. Молитва безъ любви не бываетъ услышана (Филар. митрополитъ Московскій).

3. Тщетны молитвы человѣка, желающаго мщенія (Авва Исаія).

38. Болѣзни.

1. Если поразитъ тебя болѣзнь, не унывай и не падай духомъ, но возблагодари Бога, что Онъ промышляетъ доставить тебѣ этою болѣзнію благо (Авва Исаія).

2. Нѣкоторый старецъ часто подвергался болѣзни. Случилось ему въ теченіе одного года не болѣть; старецъ очень скорбѣлъ объ этомъ и плакалъ, говоря: «оставилъ меня Господь мой и не посѣтилъ меня» (Древн. Патер.).

3. Кто переноситъ болѣзнь съ терпѣніемъ и благодареніемъ, тому вмѣняется она вмѣсто подвига и даже болѣе (Схимон. Сераф. Саровск.).

4. Кто терпитъ болѣзни и благодаритъ, тотъ мученическій вѣнецъ получаетъ (Златоустъ).

39. Помяни Христа.

1. Помяни Христа въ вертепѣ и въ темницѣ—и тебя не будетъ прельщать великолѣпно украшенный домъ (Филар. м. Московскій).

2. Помяни Христа обнаженнаго и облекаемаго въ одежду поруганія—и для тебя не желательна будетъ изящная [1]) одежда (Онъ же).

3. Помяни оцетъ и желчь, вкушаемые Христомъ: и ты не взалчешь роскошнаго пиршества (Онъ же).

4. Помяни Христа, пролившаго Свою кровь и за тѣхъ, которые проливали ее; помяни Его, возносившаго съ креста молитву и за тѣхъ, которые вознесли Его на крестъ: и ты не станешь думать о мщеніи врагамъ своимъ, но великодушно простишь имъ.

40. Богъ на тебя смотритъ.

1. Если ты стыдишься подобныхъ тебѣ грѣшниковъ, чтобы не увидѣли тебя грѣшащимъ: сколько болѣе ты долженъ страшиться Бога, который совершенно зритъ тайны сердца твоего (Авва Исаія).

2. Если хочешь всѣ дѣла свои хорошо дѣлать, то представляй себѣ, что Богъ на тебя смотритъ.

3. Если въ присутствіи царя мы не позволимъ себѣ никакой небрежности, а тѣмъ болѣе неприличія, но стараемся, чтобы всякое наше слово, всякое движеніе было ему благоугодно: то тѣмъ болѣе представляющій себя въ присутствіи Божіемъ не позволитъ себѣ никакого грѣха, поревнуетъ о святомъ дѣлѣ, благоугодномъ Богу (Филар. митроп. Московскій).

41. Благотворительность.

Сынъ мой! при благодѣяніи не дѣлай упрековъ и при всякомъ дарѣ удерживайся отъ оскорбительныхъ словъ. Слово не дороже ли подаянія? Но то и другое даетъ добрый человѣкъ. Глупецъ безжалостно дѣлаетъ упреки, и даръ скупца выжимаетъ слезы изъ глазъ (Изъ Книги премудрости Іисуса, сына Сирахова).

42. Богатство.

1. За первымъ богачомъ, какъ и за послѣднимъ нищимъ, идутъ въ вѣчность одни дѣла его—благія или злыя (Иннокентій, архіеп. Херсонскій).

2. Кто рабъ богатства, и хранитъ его какъ рабъ; а кто свергъ съ себя иго рабства, тотъ раздаетъ богатство, какъ господинъ (Блаж. Августинъ).

3. Богатые только тогда внидутъ въ царство небесное, когда введутъ ихъ бѣдные (Лук. 16,9).

---

[1]) Изящная—красивая, прекрасно сдѣланная.

43. Скупость.

У скупого одно натвержено слово: «нѣтъ у меня; не дамъ, потому что самъ бѣденъ». Дѣйствительно, ты бѣденъ и скуденъ всякимъ добромъ; бѣденъ ты любовію, бѣденъ человѣколюбіемъ, бѣденъ вѣрою въ Бога, бѣденъ вѣчнымъ упованіемъ (Св. Василій Великій).

44. Истина и ложь.

1. Истина никогда не тонетъ. Сколько бы ни погружали ее въ глубину, она всегда всплываетъ на поверхность воды.

2. Только на истинѣ и правдѣ основать можно спокойствіе себѣ и другимъ (Филар. м. Московскій).

3. Не только вѣрить должно истинѣ, но и говорить истину.

4. Говори всегда правду съ точностію и безъ уклончивости: и твоему простому слову будутъ вѣрить какъ клятвѣ (Филаретъ митроп. Московскій).

45. Какъ нужно поступать при видѣ согрѣшающаго твоего ближняго.

1. Когда что худое въ ближнемъ твоемъ увидишь или услышишь, то запечатлѣй уста твои молчаніемъ, а о немъ воздохни ко Господу, да исправитъ его; и о себѣ молись, чтобы въ такой же порокъ не впасть, потому что всякому паденію подлежимъ, какъ немощные (Св. Тихонъ Задонскій).

2. Когда увидишь ближняго твоего погрѣшающимъ, обратись къ Богу и скажи Ему съ признательностію, какъ блаженный Августинъ: «Ахъ, Господи! Ежели бы Ты попустилъ, я бы еще хуже его поступилъ».

46. Совѣтъ св. Іоанна Лѣствичника

«Если ты усладился или умилился какимъ словомъ молитвы, то остановись на немъ», говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ: ибо тогда хранитель нашъ молится вмѣстѣ съ нами». Отсюда—духовная радость, отсюда—чистыя мысли, благоговѣйныя чувства, святыя желанія.

47. Что надобно наблюдать при исповѣди?

Когда мы желаемъ очистить свою совѣсть отъ грѣховъ таинствомъ покаянія, то намъ надобно

1) имѣть твердую вѣру и надежду на Іисуса Христа;

2) имѣть сокрушеніе и соболѣзнованіе о томъ, что мы прогнѣвали Бога;

3) простить всѣмъ своимъ врагамъ и оскорбителямъ всѣ обиды, какія они намъ сдѣлали;

4) безъ всякой утайки, чисто и откровенно объявить грѣхи свои предъ духовникомъ;

5) положить твердое намѣреніе впередъ жить какъ можно осторожнѣе.

Вотъ, что долженъ исполнять тотъ, кто хочетъ, чтобы Богъ простилъ ему грѣхи его.

48. Преимущество церковной молитвы предъ домашней.

«Дома, конечно, молиться можно, говоритъ св. Златоустъ, но не можно такъ молиться, какъ въ церкви, гдѣ такое множество отцевъ, гдѣ возносится къ Богу единодушный гласъ. Ты не можешь такъ возноситься, когда одинъ станешь призывать Господа, какъ возноситься можешь, когда стоишь вмѣстѣ съ братіями; ибо здѣсь есть нѣчто болѣе—единеніе многихъ, союзъ любви, молитвы священниковъ. Для того и предстоятъ священники, чтобы молитвы народа, будучи слабѣе, совокуплялись съ ихъ сильнѣйшими и вмѣстѣ съ ними восходили на небо». (3 Бес. о непостиж.).

49. Дѣла, угодныя Богу.

(Изъ твор. св. Димитрія мит. Рост.)

Чистота,—Святымъ Духомъ всякая душа живится и чистотою возвышается и свѣтлѣется; всякій чистый во Христѣ пребываетъ и Христосъ въ немъ. Отъ нечистыхъ Господь отвращаетъ лице Свое.

Правда,—боговдохновенный пророкъ говоритъ: любящій неправду ненавидитъ свою душу, такъ какъ неправда всякая есть смертный грѣхъ.

Постъ,—необходимо приступать къ пищѣ поздно и ѣсть мало; воздерживающійся поселится въ раю: какъ птицѣ безъ крыльевъ невозможно летать, такъ человѣку безъ поста и молитвы нельзя спастись. Воздерживайся отъ пищи обильной, отъ пустого многословія, отъ всякой неправды и отъ хмѣльнаго питья.

Молитва къ Богу искренняя, сердечная, чистая отъ помышленій мірскихъ.

Состраданіе и *милостыня*,—если ты и не богатъ, подавай мало, но не скупись.

Любовь,—люби не только собратьевъ своихъ, но и враговъ, и ненавидящихъ, и зло причиняющихъ тебѣ, люби и не отмщай имъ зломъ.

Терпѣніе. Съ благодарностью переноси обиды, насмѣшки и поруганія.

Люби *смиреніе* и ни въ какомъ случаѣ не гордись.

Будь молчаливъ, не болтай безъ пользы, особенно же когда стоишь въ церкви святой.

Не будь лѣнивымъ къ дѣлу Божію, а, напротивъ, съ бодростью и охотою подвизайся всегда.

Не завидуй ни въ чемъ никому, не клевещи ни на кого, не лги, не осуждай никого, если даже и видишь собственными глазами какой-либо грѣхъ.

Живи постоянно съ молитвою въ душѣ, думай о смерти, о томъ, чтобы хранить заповѣди Господни; быть готовымъ всегда предстать на судъ, и отдать отвѣтъ Богу о всѣхъ грѣхахъ своихъ. Въ чемъ застанетъ насъ Господь, такъ и осудитъ: среди добрыхъ дѣлъ и въ покаяніи—благо намъ; застанетъ насъ во злѣ, не раскаявшихся,—горе намъ, ибо ожидаетъ за это насъ мука, конца не имѣющая. Приноси всегда истинное покаяніе о грѣхахъ Богу и своему отцу духовному, въ скорби и умиленіи; обѣщайся не грѣшить и согрѣшенія свои омывай слезами.

50. Поклоненіе Господу нашему Іисусу Христу.

(Изъ твор. св. Димитрія мит. Рост.)

Поклоняюсь рожденію Твоему отъ Отца безъ матери бывшему прежде творенія міра, и Твоему несказанному попеченію о насъ, Сыне Божій.

Поклоняюсь Твоему таинственному снисшествію, чрезъ нантіе Св. Духа, въ утробѣ Дѣвы воплощенію, Твоему рожденію и первому въ ясляхъ успокоенію. Поклонюсь и прославлю Твое обрѣзаніе, смиренное отъ раба крещеніе, на Ѳаворѣ преображеніе, славное и побѣдное шествіе въ Іерусалимъ на добровольное страданіе. Ты съ юныхъ лѣтъ принялъ на Себя всѣ труды, за насъ постился и подвизинчалъ, ходилъ и трудился, училъ и проповѣдывалъ, исцѣлялъ, воскрешалъ; воспоминая все это, прославляю, чту и съ любовью припадаю къ Тебѣ, милосердый Творецъ міра!

Поклоняюсь Твоей Тайной Вечери, когда Ты Самого Себя отдалъ въ снѣдь вѣрнымъ, прославляю Твое глубокое смиреніе, сказавшееся въ умовеніи ногъ ученикамъ Своимъ и молю Тебя: смири гордость души моей и научи меня кротости.

Поклоняюсь Твоему колѣнопреклоненію въ іерусалимскомъ саду, гдѣ съ кровавымъ потомъ молился Ты о томъ, чтобы прошла мимо Тебя чаша страданій. Теперь же молюся къ Тебѣ,

Господи: научи меня усердной молитвѣ и чашей спасенія напой меня.

Поклоняюсь Тебѣ, Господи, вспоминая Твои страданія—предательское цѣлованіе Іуды, взятіе, безчисленныя поруганія, нанесеніе ударовъ, заушенія и другія униженія. Представляя все это въ умѣ и въ сердцѣ своемъ, исполняюсь любовью и состраданіемъ къ Тебѣ, Господи, и приношу благодареніе за то, что Ты душу Свою положилъ за меня въ безконечной любви Своей.

Поклоняюсь Твоему, Судья мой, на смерть осужденію, мучительному несенію креста и Твоему среди двухъ разбойниковъ распятію, поклоняюсь и молю: не осуди меня по дѣламъ моимъ, дай мнѣ силу нести крестъ свой и распни меня со страстями и вожделѣніями моими.

Поклоняюсь пречистой главѣ Твоей, уязвленной ради меня острыми терновыми иглами, и прошу Тебя: искорени все злое, скверное, нечестивое изъ мыслей моихъ.

Поклоняюсь пречистымъ очамъ Твоимъ, залитымъ слезами и кровью ради меня, и молю Тебя: пусть очи мои не видятъ суеты мірской.

Поклоняюсь пресвятому лицу Твоему, какъ солнце сіявшему на горѣ Ѳаворѣ и такъ потемнѣвшему во дни страданій, и молю: пролей свѣтъ лица Своего на раба Твоего.

Поклоняюсь Твоимъ пресвятымъ устамъ, томившимся жаждою и вкусившимъ уксусъ съ желчью, и молю: наложи молчаніе на уста мои.

Поклоняюсь пресвятой язвѣ, что на правой рукѣ Твоей и молю: удостой меня стать по правую сторону Тебя, когда пріидешь Ты во славѣ Своей.

Поклоняюсь пречистой язвѣ Твоей на лѣвой рукѣ и молю: избавь меня отъ участи стоящихъ по лѣвую сторону славы Твоей.

Поклоняюсь пресвятой язвѣ Твоей на правой ногѣ и молю: наставь меня на правый путь покаянія.

Поклоняюсь пресвятой язвѣ Твоей на лѣвой ногѣ и молю: не допусти меня до пути нечестиваго.

Поклоняюсь пресвятой, пречистой и животворящей язвѣ Твоей на ребрахъ Твоихъ и сердцѣ Твоемъ и молю: порази жестокое сердце мое и уязви его любовью Своею такъ, чтобы я возлюбилъ Тебя всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею и чтобы изъ сокрушеннаго сердца моего потекли источники слезъ, омывающіе грѣхи мои.

Поклоняюсь святому тѣлу Твоему, ради меня израненному, и молю: исцѣли меня, всего покрытаго грѣхами.

Поклоняюсь пречистой наготѣ Твоей и молю: прикрой постыдную наготу души моей.

Поклоняюсь снятію со креста тѣла Твоего и погребенію и молю: пошли, чтобы я для міра сего былъ мертвъ.

Поклоняюсь и прославляю Твое во адъ сошествіе, Твою побѣду надъ смертію и Твое изъ гроба воскресеніе и молю: душу мою, плѣненную грѣхами, побѣди любовью Своею, ее умершую воскреси и отъ мукъ адскихъ избавь.

Поклоняюсь Твоему на небеса вознесенію, гдѣ сидишь Ты одесную Бога Отца, видишь мою немощь, слышишь мою грѣшную молитву и знаешь всѣ помышленія мои; молю Тебя, Господи: вознеси умъ мой отъ всего земного, укрѣпи немощь мою, исправь молитву мою, чтобы не былъ я осужденъ Тобою, когда пріидешь судить живыхъ и мертвыхъ.

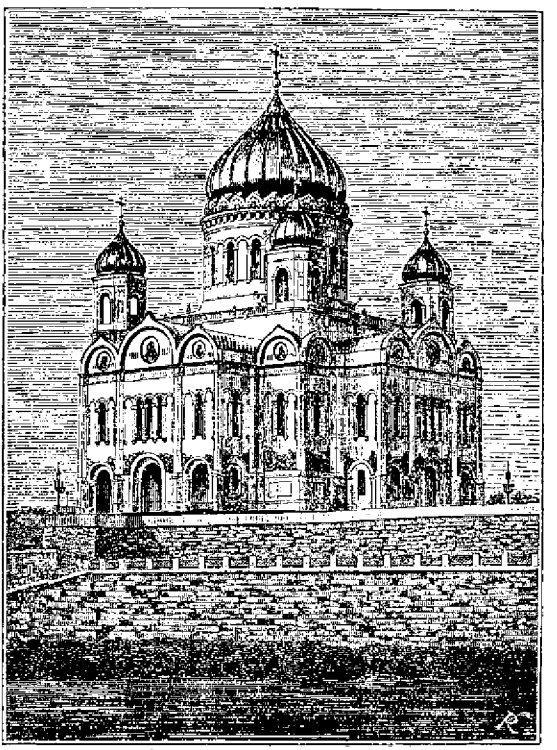
Павши на землю ницъ, восклицаю: воистинну достоинъ поклоненія Ты, Господи, предъ именемъ Котораго преклоняются всѣ существа неба, земли и преисподней. Преклоняю и я недостойный колѣна свои предъ Тобою, Господи, и молю: спаси меня по благости Твоей, а не по дѣламъ моимъ, спаси, какъ хочешь, какъ можешь, какъ знаешь. Я на Тебя только надѣюсь и ввѣряю себя волѣ Твой святой; дѣлай со мною, что хочешь—хочешь видѣть меня среди свѣта, благословляю Тебя, хочешь обречь во тьму, благословляю также; откроешь мнѣ двери милосердія—благо мнѣ, закроешь—благословенъ Ты, Господи; не погубилъ меня со беззаконіями моими—слава Твоему безмѣрному милосердію, погубишь меня—слава Твоему праведному суду!—

51. Что такое храмъ Божій?

I. Храмъ есть мѣсто присутствія Божія—Божій домъ. А потому мы должны стоять въ немъ чинно, съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, молиться усердно и думать только о Богѣ и душѣ своей.

II. Что такое еще храмъ Божій? Это домъ общественной молитвы. Его Самъ Богъ нарекъ молитвеннымъ домомъ: храмъ Мой храмъ молитвы наречется (Матѳ. 21, 13). Дѣйствительно, въ храмѣ, вдали отъ суеты мірской, намъ и молиться лучше. Здѣсь присутствуетъ Самъ Господь и близокъ къ нашимъ моленіямъ; здѣсь Ему приносится безкровная жертва. А у подно-

жія креста Господня какъ хорошо молиться! Во храмѣ мы имѣемъ цѣлый сонмъ [1]) за себя святыхъ молитвенниковъ. Взгляни на священный иконостасъ храма. Вотъ по правую сторону царскихъ вратъ—Господь нашъ І. Христосъ, а по лѣвую—Заступни-



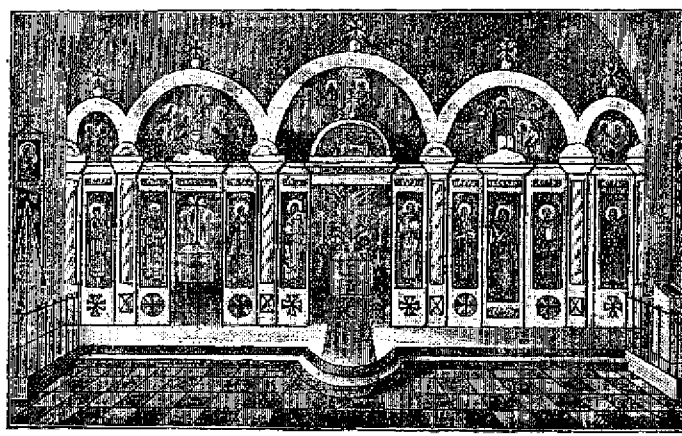
Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

ца грѣшныхъ. Взгляни на иконостасъ выше, гдѣ теплится лампада предъ образомъ Всевышняго; тамъ увидишь цѣлый рядъ угодниковъ Божіихъ, нашихъ молитвенниковъ и скорыхъ помощниковъ душамъ нашимъ. Въ храмѣ все насъ располагаетъ къ молитвѣ святой, богоугодной: и торжественность Богослуженія, и благоговѣйное чтеніе, и благозвучное пѣніе.

ІІІ. Что такое еще для насъ церковь—храмъ Божій? Это духовная врачебница (лѣчебница) душъ и тѣлесъ нашихъ. Въ без-

1) Сонмъ—соборъ.

законіяхъ мы зачинаемся, во грѣхахъ раждаемся. Но лишь появимся мы на свѣтъ Божій, святая церковь къ самой колыбели нашей приступаетъ съ своими врачебными пособіями. Такъ, во святомъ крещеніи омываетъ насъ отъ грѣха первороднаго, во св. муропомазаніи укрѣпляетъ дарами Духа Святаго; чрезъ слу-



Иконостасъ.

жителя Христова врачуетъ наши грѣховныя язвы въ таинствѣ покаянія, потомъ во всю жизнь питаетъ насъ тѣломъ и кровію Христовою во исцѣленіе души и тѣла. Когда мы сдѣлаемся больны и не въ силахъ сами приходить въ церковь за спасительнымъ врачевствомъ, она къ одру (постели) болѣзни нашей посылаетъ своихъ служителей съ таинствомъ елеосвященія для возстановленія нашего здоровья или съ таинствами тѣла и крови Христовой для напутствія въ жизнь загробную. Когда мы помремъ, когда, быть можетъ, отступятся отъ насъ и друзья, и родные, церковь и тутъ насъ не покидаетъ, а своими молитвами и пѣснопѣніями облегчаетъ страшный часъ смерти. Когда наши кости истаютъ въ могилѣ, когда наше имя совсѣмъ забудутъ на землѣ, св. церковь все-таки будетъ молиться о прощеніи грѣховъ нашихъ.

IV. О мать наша, православная церковь, какъ ты благодѣтельна для насъ грѣшныхъ! Все можетъ покинуть и забыть насъ: богатство и слава, честь и достоинства, отецъ и мать, друзья и сродники,—ты одна не забываешь и не покидаешь насъ даже послѣ смерти. Какъ же мнѣ не благоговѣть предъ

тобою и не любить тебя? Признательный сынъ ея и не пройдетъ мимо церкви, чтобъ своимъ поклономъ не выразить своего уваженія къ ней. Признательный сынъ ея печется о благоукрашеніи церкви и щедрою рукою подаетъ въ нее отъ своихъ трудовъ: онъ радуется, когда видитъ новую одежду на престолѣ, или икону на иконостасѣ.

52. Что такое православная Христова церковь?

I. Православная Христова церковь есть общество истинно вѣрующихъ въ Іисуса Христа. Основатель и Глава этой церкви есть Іисусъ Христосъ. *Она есть единая, святая, соборная и апостольская церковь. Единою* называется Христова церковь потому, что одинъ Іисусъ Христосъ ея основатель и глава, и одинъ Духъ Святый ее освящающій и въ ней дѣйствующій. Церковь Христова называется *святою*, потому что Іисусъ Христосъ освятилъ ее Своими страданіями и крестною смертію, и Духъ Святый всегда освящаетъ ее Своимъ присутствіемъ и благодатными дѣйствіями, и потому что свято ея ученіе, святы таинства, и главная цѣль ея есть освященіе вѣрующихъ въ Іисуса Христа. Называется *соборною* или каѳолическою, то есть *вселенскою* или *повсемѣстною*, потому что она простирается на всѣ времена и на всѣ мѣста по вселенной. Называется *апостольскою*, потому что апостолы первоначально насаждали и распространяли ее по всѣмъ странамъ міра, и чрезъ апостоловъ получила она отъ Самого Іисуса Христа Евангельское ученіе и спасительныя таинства.

II. Кто члены православной церкви Христовой? Всѣ истинно вѣрующіе въ Іисуса Христа, т. е. всѣ тѣ, которые искренно и съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ принимаютъ Его Божественное ученіе, содержатъ спасительныя таинства, повинуются Богомъ установленному священноначалію, и такимъ образомъ пребываютъ въ православной церкви, оказывая послушаніе церковнымъ заповѣдямъ и уставамъ, какъ покорныя дѣти.

III. Кто не принадлежитъ къ православной церкви Христовой? Всѣ невѣрующіе въ Іисуса Христа и не принимающіе ученія Его не принадлежатъ къ православной церкви Христовой. *Иже не имѣтъ вѣры*, говоритъ Господь, *осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16). *Слушаяй васъ*, говоритъ Господь апостоламъ и ихъ преемникамъ—(епископамъ т е. архіереямъ и священникамъ), *Мене слушаетъ, и отметаяйся* (отвергающійся) *васъ, Мене отме-*

тается, отметаяйся же Мене, отметается пославшаго Мене (Лук. 10, 16).

(Изъ поученій Евсевія Архіепископа Могилевскаго).

53. Свѣтлое Воскресеніе.

Свѣтлый день Христовъ явился,
Съ нимъ сопутствуетъ весна;
Зимней ночи мракъ сокрылся,
Жизнь природѣ отдана:
Воды плещутъ, льдины таютъ,
Хвалитъ Бога всяка тварь;
Въ радостяхъ сердца играютъ,
Зиждется [1]) любви алтарь. (*Князь И. Долгорукій*).

54. Величаніе.

Господь великъ!—Великъ и славенъ,—
И кто съ Нимъ во вселенной равенъ?!....
Предъ Нимъ и солнце и луна
Въ благоговѣніи нѣмѣютъ:
Его рука міровъ полна,
И міріадами [2]) Онъ свѣтъ,
Какъ сельскій сѣятель верна...
Господь великъ!—Великъ и славенъ,—
И кто съ Нимъ во вселенной равенъ?!... (*Ѳ. Глинка*).

55. Упованіе.

Какъ опирается пловецъ
Ретивой грудію о волны,
Такъ на Твою любовь, Отецъ!
Я оперся, надежды полный....
Играй, волна! кипи, волна!
Пылай, гроза! шуми, ненастье!
Запала въ душу мысль одна:
«Я гдѣ-нибудь да встрѣчу
счастье!»
(*Ѳ. Глинка*).

56. Не говори, что нѣтъ спасенья...

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ... (*Майковъ*).

57. Подражаніе псалму 1.

Блаженъ, кто мудрости высокой
Послушенъ сердцемъ и умомъ,
Кто при лампадѣ одинокой
И при сіяніи дневномъ

---

[1]) Зиждется—строится.
[2]) Міріада—неисчисленное множество.

Читаетъ книжку ту святую,
Гдѣ явенъ Божескій законъ:
Онъ не пойдетъ въ бесѣду злую,
На путь грѣха не ступитъ онъ.
Ему не нуженъ путь разврата:
Онъ лишній гость на томъ пиру,
Гдѣ братъ обманываетъ брата,
Сестра клевещетъ на сестру;
Ему ненуженъ праздникъ шумный,
Куда не входитъ стыдъ и честь,
Гдѣ суесловятъ вольнодумно
Хула, злорѣчіе и лесть.
(*Языковъ*).

58 Зачѣмъ...

Зачѣмъ ты липнешь все къ себѣ?
Предайся безусловно Богу,
И Самъ святой Своей рукой
Онъ поведетъ тебя въ дорогу,
И Самъ введетъ тебя въ покой!...
(*Ѳ. Н. Глинка*).

59. Надежда на Бога.

Надѣйся на Бога, дитя дорогое!
На милость Его уповай!
И дѣтскаго сердца моленье простое
Съ надеждой къ Нему возсылай.

—

Лишь въ утреннемъ небѣ заря загорится,
Смиренно колѣна склони,
Съ тобою, мой ангелъ, мы станемъ молиться
Источнику вѣчной любви.

—

Молиться мы станемъ душой умиленной,
Чтобъ міръ Онъ крыломъ осѣнилъ,
И чтобъ Всемогущій Создатель вселенной
Насъ грѣшныхъ, ничтожныхъ простилъ. (*Никитинъ*).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

1. Церковно-славянская азбука.

А а	азъ	А а	ѻ	оникъ	—
Б б	буки	Б б	Ꙋ ꙋ (оу)	укъ	У у
В в	вѣди	В в	Ф ф	фертъ	Ф ф
Г г	глаголь	Г г	Х х	хѣръ	Х х
Д д	добро	Д д	Ѿ ѿ	отъ	—
Є є	есть	Е е	Ц ц	цы	Ц ц
Ж ж	живѣте	Ж ж	Ч ч	червь	Ч ч
Ꙁ ꙁ	зѣло	З з	Ш ш	ша	Ш ш
З з	земля		Щ щ	ща	Щ щ
И и	иже	И и	Ъ ъ	еръ	Ъ ъ
І ї	—	І і	Ы ы	еры	Ы ы
К к	како	К к	Ь ь	ерь	Ь ь
Л л	люди	Л л	Ѣ ѣ	ять	Ѣ ѣ
М м	мыслете	М м	Ю ю	ю	Ю ю
Н н	нашъ	Н н	Ꙗ ꙗ Я я	я	Я я
О о Ꙩ ꙩ Ѡ ѡ	онъ	О о	Ѯ ѯ	кси	—
П п	покой	П п	Ѱ ѱ	пси	—
Р р	рцы	Р р	Ѳ ѳ	ѳита	Ѳ ѳ
С с	слово	С с	Ѵ ѵ	ижица	—
Т т	твердо	Т т			

2. Церковно-славянскія слова, употребляемыя подъ титлами.

А. А҃гг҃лъ (ангелъ), а҃гг҃льскій, А҃рха҃гг҃лъ (архангелъ), а҃рха҃гг҃льскій, А҃пл҃ъ (апостолъ), а҃пл҃ьскій.

Б. Б҃гъ (Богъ), бж҃ество (божество), бж҃ественный, Бц҃а (Богородица), Бл҃же́нъ (блаженъ), бл҃гослове́нъ (благословенъ), бл҃ть (благодать), бг҃обл҃тный (богоблагодатный).

В. В҃ла҃ка (Владыка), в҃ла҃чца (владычица), в҃ла҃чество, воскр҃нїе (воскресеніе).

Г. Г҃дь (Господь), г҃дство, г҃рь (государь), г҃динъ (господинъ), г҃жа҃ (госпожа).

Д. Д҃хъ (Духъ), д҃хо́вный, Д҃вдъ (Давидъ), д҃вца (дѣвица), д҃ство, д҃ша (душа), д҃нь (день).

Е. Е҃ство (естество), Е҃вл҃ї (Евангеліе), Е҃вл҃ї́стъ, Е҃пи҃скопъ (Епископъ), е҃пи҃скпство.

І. Ї҃ль (Израиль), Ї҃йльскій, Ї҃съ (Іисусъ), Ї҃ерли́мъ (Іерусалимъ).

К. К҃тъ (крестъ), кр҃ще́нїе (крещеніе), К҃тѝтель (Креститель).

Л. Л҃бвь (любовь).

М. М҃дръ (мудръ), м҃дость (мудрость), м҃лть (милость), м҃рдїе (милосердіе), м҃лтын҃ (милостыня), м҃лтва (молитва), м҃ти (мати), М҃рі́а (Марія), м҃тр҃ь (матерь), м҃ни́къ (мученикъ), м҃ни́чество (мученичество), м҃цъ (мѣсяцъ), м҃лнцъ (младенецъ).

Н. Н҃бо (небо), н҃бный, (небесный), нб҃м҃ре́нный (небомудренный), нн҃ѣ (нынѣ), н҃шъ (нашъ).

О. О҃цъ (отецъ), о҃чь (отечь), о҃чество, о҃ческъ.

П. Прем҃дость (премудрость), п҃рт҃ъ (пресвятъ), п҃рт҃олъ (престолъ), пр҃вны́ъ (праведенъ), пр҃подо́бенъ (преподобенъ), Прр҃о́къ (пророкъ), Пр҃тѐча (предтеча), п҃рно (присно).

Р. Р҃ство (рождество), р҃ственъ (рождественъ).

С. С҃тъ (святъ), сл҃нце (солнце), ср҃це (сердце), ср҃чный, стр҃ть (страсть), сщ҃е́нникъ (священникъ), Ст҃ль (Святитель).

Т. Тр҃ца (Троица), тр҃ческъ, тр҃ченъ, тр҃тъ (трисвятъ), тр҃то́е (трисвятое).

Оу҃. Оу҃чт҃ль (учитель), оу҃чн҃къ (ученикъ), оу҃чн҃цы, оу҃чн҃ицы (ученицы), оу҃чническъ.

Х. Хр҃то́съ (Христосъ), Хр҃то́въ, хр҃тіа́нинъ (христіанинъ).

Ц. Цр҃ь (царь), цр҃и́ца, цр҃ковь (церковь), цр҃тво, (царство), цр҃кій (царскій).

Ч. Чл҃къ (человѣкъ), чл҃чь (человѣчь), чл҃кій, чт҃ь (честь), ст҃ѣнъ, чтны́й.

3. Числа.

Церковныя.	Гражданскія.	Римскія.	
а҃	1	I	одинъ.
в҃	2	II	два.
г҃	3	III	три.
д҃	4	IV	четыре.
е҃	5	V	пять.
ѕ҃	6	VI	шесть
з҃	7	VII	семь.
и҃	8	VIII	восемь.
ѳ҃	9	IX	девять.
і҃	10	X	десять.
ія҃	11	XI	одиннадцать.
ів҃	12	XII	двѣнадцать.
іг҃	13	XIII	тринадцать.
ід҃	14	XIV	четырнадцать.
іе҃	15	XV	пятнадцать.
іѕ҃	16	XVI	шестнадцать.
із҃	17	XVII	семнадцать.
иі҃	18	XVIII	восемнадцать.
ѳі҃	19	XIX	девятнадцать.
к҃	20	XX	двадцать.
л҃	30	XXX	тридцать.
м҃	40	XL	сорокъ.

Церковныя.	Гражданскія.	Римскія.	
н	50	L	пятьдесятъ.
ѯ	60	LX	шестьдесятъ.
о	70	LXX	семьдесятъ.
п	80	LXXX	восемьдесятъ.
ч	90	XC	девяносто.
р	100	C	сто.
с	200	CC	двѣсти.
т	300	CCC	триста.
у	400	CD	четыреста.
ф	500	D	пятьсотъ.
х	600	DC	шестьсотъ.
ѱ	700	DCC	семьсотъ.
ѿ	800	DCCC	восемьсотъ.
ц	900	CM	девятьсотъ.
а	1000	M	тысяча.
аѿпи	1888	MDCCCLXXXVIII	тысяча восемьсотъ восемьдесятъ восемь.

4. Молитвы.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ святыхъ твоихъ, помилуй насъ. Аминь.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Слава тебѣ, Боже нашъ, слава тебѣ.

Царю небесный, Утѣшителю, Душе [1]) истины, Иже вездѣ сый [2]) и всѣмъ исполняяй, сокровище благихъ, и жизни подателю, приди, и вселися въ ны, и очисти ны [3]) отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ. (Трижды).

---

[1]) Духъ. [2]) Сущій. [3]) Насъ.

Слáва Ѻ҃цу, и сн҃у, и стóмоу дх҃у, и нынѣ [1]), и прúснш [2]), и во вѣки вѣкóвъ. Ами́нь.

Престáм Трце, помúлуй нáсъ: Гд҃и, óчúсти грѣхú нáшя: влáко, прости́ беззакóнія нáша: Сты́й, посѣти́ и íсцѣли нéмощи нáшя, íмене Твоегш рáди.

Гд҃и помúлуй, в҃. Слáва, и нынѣ:

Ѻ҃тче нáшъ, íже [3]) éси на нб҃сѣхъ! да стúтсм íмя Твоé: да прíидетъ цр҃твíе Твоé: да бу҃детъ вóля Твоя, ꙗкш на невéси и на земли. Хлѣвъ нáшъ насýщный дáждь нáмъ днéсь, и óстáви нáмъ дóлги нáшя, ꙗкоже и мы óставлáемъ должникóмъ нáшымъ: и не введи́ нáсъ во íскоушéніе, но íзбáви нáсъ ѿ лукáваго. Íкш Твоé éсть цр҃тво, и сúла, и слáва во вѣки. Ами́нь.

Мл҃твы оу҃трéннімъ.

Востáвше ѿ снá, припáдаемъ Ти, бл҃же, и а҃гельскýю пѣснь вопúемъ Ти, Сúльне: Стъ, Стъ, Стъ éси, Бже, Бцы́ею помúлуй нáсъ.

Слáва Ѻ҃цу, и сн҃у, и стóмоу дх҃у.

Ѿ óдра и снá воздви́гл мz éси, Гд҃и, оумъ мóй просвѣти́ и сéрдце, и оустнѣ мои́ ѿвéрзи, во éже пѣти Тz, Стáм Трце: Стъ, Стъ, Стъ éси, Бже, Бцы́ею помúлуй нáсъ.

И нынѣ и прúснш, и во вѣки вѣкóвъ. Ами́нь.

Напрáсно [4]) Сýдіz прíидетъ, и коегшóждо дѣ҃нія ꙗвнажáтсм [5]), но стрáхомъ зовéмъ въ полу҃ночи: Стъ, Стъ, Стъ éси, Бже, Бцы́ею помúлуй нáсъ.

Гд҃и помúлуй, в҃.

Слáва Ѻ҃цу, и сн҃у, и стóмоу дх҃у, и нынѣ, и прúснш, и во вѣки вѣкóвъ. Ами́нь.

Ѿ снá востáвъ, бл҃годарю Тz, Стáм Трце, ꙗкш мнóгіz рáди Твоéя бл҃гости и долготерпѣ́ніz, не прогнѣвалсм éси на мz лѣнúваго и грѣ́шнаго, ниже́ погу҃бúлъ мz éси со беззакóнми моúми, но чл҃колю́бствовалъ éси óбычнш, и въ нечáніи [6]) лежáщаго воздви́гл мz éси, во éже оу҃тренева́ти [7]) и славослóвити держáву [8]) Твою. И нынѣ просвѣти́ мои́ óчи мы́-

[1]) Теперь. [2]) Всегда. [3]) Который. [4]) Неожиданно. [5]) Откроются.
[6]) Въ нечáніи—въ безпечности. [7]) Во éже оу҃тренева́ти — чтобъ я встрѣтилъ утро. [8]) Держáва—сила.

сленным, Ѿвéрзи мои́ оу́ста, поу́чатисѧ словесе́мъ Твои́мъ, и̑ разу́мѣти запо́вѣди Твоѧ́, и̑ твори́ти во́лю Твою́, и̑ пѣти Тѧ̀ во и̑сповѣда́нїи серде́чнѣмъ, и̑ воспѣва́ти всесто́е и̑мѧ Твоё, Ѻ҃ц҃а и̑ С҃на и̑ Ст҃аго Дх҃а, нын҃ѣ и̑ при́сно, и̑ во вѣки вѣко́въ. А҃ми́нь.

Мл҃тва вечéрнѧѧ.

Бж҃е вѣ́чный и̑ Цр҃ю всѧ́каго созда́нїѧ, сподо́бивый мѧ̀ дѡ́же въ ча́съ сей доспѣ́ти [1]), прости́ ми грѣхи́, ѩ҆́же сотвори́хъ въ сей де́нь, дѣ́ломъ, сло́вомъ и̑ помышле́нїемъ: и̑ ѡ҆чи́сти, Гд҃и, смире́ннꙋ҆ю мою́ дꙋ́шꙋ҆ ѿ всѧ́кїѧ скве́рны пло́ти и̑ дх҃а. И̑ да́ждь мѝ, Гд҃и, въ нощь сей со́нъ прейти́ въ ми́рѣ [2]), да воста́въ ѿ смире́ннаго мо́ѧ ло́жа, бл҃гоꙋ҆гожда́ю престо́мъ и̑мени Твоемꙋ҆, во вс҃ дни живота́ [3]) моегѡ̀, и̑ попе́рꙋ҆ [4]) ворю́щымъ мѧ̀ враги́ плотскі́мъ и̑ безплотны́мъ: и̑ изба́ви мѧ̀, Гд҃и, ѿ помышле́нїй сꙋ҆ѣтныхъ, ѡ҆скверня́ющихъ мѧ̀, и̑ пе́хотей лꙋ҆ка́выхъ. Ꙗ҆́кѡ Твоё е҆́сть цр҃тво, си́ла и̑ сла́ва, Ѻ҃ц҃а и̑ С҃на, и̑ Ст҃аго Дх҃а, нын҃ѣ и̑ при́сно, и̑ во вѣки вѣко́въ. А҃ми́нь.

Мл҃твы ко Прест҃ѣй Б҃цѣ.

Милосе́рдїѧ две́ри ѿвéрзи на́мъ, благослове́ннаѧ Б҃городице, надѣю́щїисѧ на Тѧ̀ да не поги́внемъ, но да и̑зба́вимсѧ Тобо́ю ѿ бѣ́дъ: Ты́ бо е҆́си спасе́нїе ро́да Хр҃тїа́нскаго.

Прест҃а́ѧ Ꙗ҆́тце мо́ѧ Б҃городице, ст҃ы́ми Твои́ми и̑ всесі́льными моль-бе́ми ѿжени́ ѿ мене́ смире́ннаго и̑ ѻ҆каа́ннаго раба́ Твоегѡ̀ оу́нынїе, завне́нїе, неразу́мїе, нерадѣ́нїе, и̑ всѧ́ скве́рнꙋ҆, лꙋ҆ка́вꙋ҆ и̑ хꙋ́льнꙋ҆ помышле́нїе ѿ ѻ҆каа́ннаго моегѡ̀ се́рдца и̑ ѿ помраче́ннаго оу́ма моегѡ̀: и̑ погаси́ пла́мень страсте́й мои́хъ, ꙗ҆́кѡ ни́щь е҆́смь и̑ ѻ҆каа́ненъ, и̑ и̑зба́ви мѧ̀ ѿ мно́гихъ и̑ лю́тыхъ воспомина́нїй и̑ предпріѧ́тїй и̑ ѿ всѣ́хъ дѣ́йствъ злы́хъ свободи́ мѧ: ꙗ҆́кѡ бл҃гослове́нна е҆́си ѿ всѣ́хъ родѡ́въ, и̑ сла́вится прест҃ное и̑мѧ Твоё во вѣки вѣко́въ. А҃ми́нь.

---

[1]) Доспѣти—достигнуть. [2]) Прейти въ мирѣ—провести, мирно благополучно. [3]) Живота—жизни. [4]) Попер҃ꙋ—покорю.

Ѧнгельское привѣтствіе.

Бцѣ̀ родѝце Дѣво, радꙋ́йсѧ, Бл҃годатна́ѧ Мр҃іе, Гд҃ь съ Тобо́ю: благослове́на [1]) Ты въ жена́хъ, и благослове́нъ плодъ чре́ва [2]) Твоегѡ̀, ꙗ̆кѡ [3]) Спа̀съ [4]) родила́ ѐсѝ дꙋ́шъ на́шихъ.

Пѣснь Прест҃ѣй Бц҃ѣ.

Досто́йно ѐсть, ꙗ̆кѡ воистинꙋ̀, блажи́ти [5]) Тѧ̀ Бц҃ꙋ̀, присноблже́нивꙋю и пренепоро́чнꙋю, и Мр҃ть Бг҃а на́шегѡ; Честне́йшꙋю херꙋвимъ, и сла́вне́йшꙋю безъ̀ сравне́нїѧ серафи́мъ, безъ̀ и̑стлѣ́нїѧ Бг҃а Сло́ва ро́ждшꙋю, сꙋ́щꙋю Бц҃ꙋ̀ Тѧ̀ велича́емъ.

Мл҃тва ко сто́мꙋ Ѧ̆гг҃лꙋ храни́телю.

Ѧ̆гг҃ле Бж҃і́й, хранителю мо́й сты́й, на соблюде́нїе мнѣ̀ ѿ Бг҃а съ небесѣ̀ да́нный, прилѣ́жно молю́ тѧ: ты́ мѧ днесь просвѣти́, и ѿ всѣ́каго зла сохрани́, ко благо́мꙋ дѣ́нїю настави́, и на пꙋ́ть спасе́нїѧ напра́ви. Ѧ̆ми́нь.

Мл҃тва ѡ҆ Цр҃ѣ.

Спаси́ Гд҃и лю́ди Твоѧ̀, и благослови́ достоѧ́нїе Твоѐ: побѣ́ды Благовѣ́рномꙋ І҃мпера́торꙋ на́шемꙋ Ѧ̀леѯа́ндрꙋ Ѧ̀леѯа́ндровичꙋ на сопроти́вныѧ [6]) да́рꙋй, и Твоѐ сохраня́ѧ кр҃то́мъ Твои́мъ жи́тельство.

Мл҃тва пре́дъ о҆бѣ́домъ.

О҆чи всѣ́хъ на Тѧ̀, Гд҃и, ꙋ҆пова́ютъ, и Ты дае́ши и̑мъ пи́щꙋ во бл҃говре́мени [7]): ѿверза́еши Ты щедро́ꙋю рꙋ́кꙋ Твою́ и и̑сполня́еши всѣ́ко живо́тно благоволе́нїѧ.

Мл҃тва по́слѣ о҆бѣ́да.

Благодарю́ Тѧ̀, Хр҃тѐ Бж҃е мо́й, ꙗ̆кѡ насы́тилъ мѧ̀ ѐсѝ земны́хъ твои́хъ бла́гъ, не лиши́ мѧ̀ и̑ нб҃на́гѡ твоегѡ̀ ц҃тві́ѧ.

---

[1]) Благослове́на—прославленна, удостоена милостей Божіихъ. [2]) Плодъ чре́ва — младенецъ (здѣсь разумѣется Іисусъ Христосъ). [3]) Ꙗ̆ко — потому что. [4]) Спа́съ — Спаситель.

[5]) Блажи́ти—ублажать, прославлять.

[6]) На сопротивныѧ—на враговъ. [7]) Во бл҃говре́мени—въ надлежащее время.

Мо́литва пре́дъ оу́чє́нїемъ.

Пре҃вѣ҃тїй Гд҃и! низпосли́ на́мъ благода́ть Дх҃а Твоего́ С҃та́го, да́рствующаго и оу҃кр҃пля́ющаго дш҃е́вным на́шя си́лы, даны́, внима́ѧ преподава́емомꙋ на́мъ оу҃че́нїю, возрасли́ мы́ Тебѣ́, на́шему Созда́телю, во сла́вꙋ, роди́телемъ же на́шымъ на оу҃тѣше́нїе, цр҃кви и оте́чествꙋ на по́льзꙋ.

Мо́литва по́слѣ оу҃че́нїя.

Благодари́мъ Тебѣ́, Созда́телю, я҃ко сподо́билъ е҆сѝ на́съ благода́ти Твое́я, во е҃же внима́ти оу҃че́нїю: благослови́ на́шихъ нача́льниковъ, роди́телей и оу҃чи́телей, веду́щихъ на́съ къ позна́нїю бла́га, и пода́ждь на́мъ си́лꙋ и кр҃по́сть къ продолже́нїю оу҃че́нїя сего́.

Мо́литва св. Є҆фре́ма Сѷ́рина.

1. Гд҃и и вл҃ко живота́ моего́, дꙋ́ха пра́здности, оу҃ны́нїя, любонача́лїя и праздносло́вїя не да́ждь ми. (Поклонъ).

2. Дꙋ́ха же цѣломꙋ́дрїя, смиренномꙋ́дрїя, терпѣ́нїя и любвѐ да́рꙋй мѝ, рабꙋ́ твоемꙋ́. (Поклонъ).

3. Ѻ҆́й Гд҃и Ца́рю, да́рꙋй мѝ зрѣ́ти мо́я прегрѣше́нїя, и не ѡ҆сꙋжда́ти бра́та моего́: я҃ко благослове́нъ е҆сѝ во вѣ́ки вѣко́въ. А҆ми́нь. (Поклонъ).

5. Дв҃е гла́вныя за́повѣ́ди.

1. Возлюбиши Гд҃а Бг҃а твоего́ всѣ́мъ се́рдцемъ твои́мъ, и всею дꙋ́шею твое́ю, и всѣ́мъ оу҃мо́мъ твои́мъ, и всею кр҃по́стїю твое́ю.
2. И́ возлюби́ши бли́жняго своего́, я҃ко са́мъ себѣ́.

6. Де́сять за́повѣ́дей.

а҃. А҆зъ е҆смь Гд҃ь Бг҃ъ твой, да не бꙋдꙋ́тъ тебѣ́ во́зи и҃ны́, ра́звѣ [1]) Мене́.

в҃. Не сотвори́ себѣ́ кꙋми́ра, и всѧ́каго подо́бїя, е҆ли́ка [2]) на нб҃си́ горѣ́, и е҆ли́ка на земли́ низꙋ́, и е҆ли́ка въ водáхъ подъ землю́, да не покло́нишисѧ и҃мъ, ни послꙋ́жиши и҃мъ.

г҃. Не прі́емли и҃мене Гд҃а Бг҃а твоего́ всꙋ́е [3]).

д҃. По́мни де́нь сꙋббо́тный, е҃же святи́ти е҆го́: ше́сть дне́й дѣ́лай, и сотвори́ши (въ ни́хъ) всѧ́ дѣла́ твоѧ́, де́нь же седьмы́й сꙋббо́та Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ твоемꙋ́.

---

[1]) Ра́звѣ—кромѣ. [2]) Е҆ли́ка—который, сколькій. [3]) Всꙋ́е—напрасно.

ѕ. Чтѝ о́тца̀ твоегѡ̀ ѝ ма́терь твою́, да бла́го тѝ бу́детъ, ѝ да долголѣ́тенъ бу́деши на землѝ.

з. Не оу́бій.

и. Не прелюбы̀ сотворѝ.

і. Не оу́кради.

ѳ. Не послу́шествуй [1]) на дру́га твоего̀ свидѣ́тельства ло́жна.

і. Не пожела́й жены̀ бли́жняго твоего̀, не пожела́й до́мꙋ бли́жняго твоего̀, ни села̀ е́гѡ̀, ни раба̀ е́гѡ̀, ни рабы́ни е́гѡ̀, ни вола̀ е́гѡ̀, ни о́сла̀ е́гѡ̀, ни всѧ́каго скота̀ е́гѡ̀, ни всего̀, є́лика сꙋ́ть бли́жняго твоего́.

7. Запове́ди блаже́нства.

а. Блаже́ни [2]) ни́щіи а҃хомъ: я҃ко тѣ́хъ е́сть цр҃тві̀е небе́сное.

в. Блаже́ни пла́чꙋщіи: я҃ко ті́и оу҃тѣ́шатсѧ.

г. Блаже́ни кро́тціи: я҃ко ті́и наслѣ́дятъ зе́млю.

д. Блаже́ни а҃лчꙋ́щіи ѝ жа́ждꙋщіи пра́вды: я҃ко ті́и насы́тятсѧ.

є. Блаже́ни ми́лостиві̀и: я҃ко ті́и поми́ловани бу́дꙋтъ.

ѕ. Блаже́ни чи́стіи се́рдцемъ: я҃ко ті́и Бг҃а оу҃зрятъ.

з. Блаже́ни миротво́рцы: я҃ко ті́и сы́нове Бжі̀и нарекꙋ́тсѧ.

и. Блаже́ни и҃згна́ни пра́вды ра́ди: я҃ко тѣ́хъ е́сть цр҃тві̀е небе́сное.

ѳ. Блаже́ни е́стѐ, е҃гда̀ поно́сятъ ва́мъ, ѝ йдꙋ́тъ, ѝ рекꙋ́тъ всѧ́къ золъ глаго́лъ, на вы̀ лжꙋ́ще Мене́ ра́ди. Ра́дꙋйтесѧ ѝ весели́тесѧ, я҃ко мзда̀ [3]) ва́ша мно́га на небесѣ́хъ.

8. Сы́мволъ вѣ́ры.

1. Вѣ́рꙋю во є҃ди́наго Бг҃а О҃ц̑а, Вседержи́теля, Творца̀ нб҃ꙋ̀ ѝ землѝ, ви́димымъ же всѣ́мъ ѝ неви́димымъ. 2. Ѝ во є҃ди́наго Гд҃а І҃са Хр҃та, Сн҃а Бжі̀а, Є҃диноро́днаго, йже ѿ О҃ц̑а рожде́нна пре́жде всѣ́хъ вѣ́къ: свѣ́та ѿ свѣ́та, Бг҃а ѝ́стинна ѿ Бг҃а ѝ́стинна, рожде́нна, не сотворе́нна, є҃диносꙋ́щна О҃ц̑ꙋ̀, ѝмже всѧ́ бы́ша. 3. На́съ ра́ди [4]) человѣ́къ, ѝ на́шего ра́ди спасе́нія, сше́дшаго съ нб҃съ, ѝ воплоти́вшагосѧ ѿ Дх҃а Сг҃а, ѝ Маріи Дв҃ы, ѝ вочеловѣ́чшасѧ. 4. Распя́таго же за ны̀ [5]) при Понті́йстѣмъ

[1]) Послу́шествовать—свидѣтельствовать.

[2]) Блаженъ—счастливъ. [3]) Мзда̀—награда.

[4]) На́съ ра́ди—за насъ. [5]) За ны̀—за насъ.

Пілáтѣ, и страдáвша, и погребéнна. 5. И воскрéшаго въ трéтій дéнь по писáнїемъ. 6. И возшéдшаго на небесá, и сѣдáща одесную Óтца. 7. И пáки грядýщаго со слáвою сýдити живы́мъ и мéртвымъ, є҆гóже Цр҃твію не бýдетъ конц҃á. 8. И въ Дх҃а Ст҃áго, Гд҃а, животворя́щаго, и҆́же ѿ Óтца и҆сходя́щаго, и҆́же со Óтцемъ и Сы́номъ спокланя́ема и сославима, глáвшаго Прр҃óки. 9. Во є҆ди́ну Ст҃ýю, Собóрнýю и Апл҃ьскýю Цр҃ковь. 10. И҆сповѣ́дýю є҆дино крещéніе во ѿставлéніе грѣхóвъ. 11. Чáю [1]) воскрéнїе мéртвыхъ. 12. И жи́зни бýдýщаго вѣ́ка. Áминь.

9. Прáвила вѣ́ры и благочéстїя.

Трú глáвныя добродѣтели:

Вѣ́ра, Надéжда, Любóвь.

Сéдмь тáинствъ Нóвàго Завѣ́та:

Крещéніе. Мýропомáзаніе. Причащéніе. Покаáніе. Сщéнство. Брáкъ. Елеѡсщéніе.

Сéдмь дарóвъ Дх҃а Ст҃áго:

Премýдрость. Рáзумъ. Совѣ́тъ. Крѣ́пость. Вѣ́дѣніе. Благочéстіе. Стрáхъ Бжі́й.

Дéвять плодóвъ Дх҃а Ст҃áго:

Любóвь. Рáдость. Мúръ. Долготерпѣ́ніе. Бл҃гость. Мл҃рдіе. Вѣ́ра. Крóтость. Воздержáніе.

Сéдмь дѣ́лъ мл҃ти внѣ́шнихъ:

Áлчýщаго напитáти. Жáждýщаго напоúти. Нагáго ѡдѣ́ти. Стрáннаго въ дóмъ вводúти. Больнáго посѣщáти. Ходúти къ сýщимъ въ темни́цѣ. Оумéршаго погребáти.

Сéдмь дѣ́лъ мл҃ти дх҃óвныхъ:

Согрѣшáющаго и҆справлáти. Невѣ́дýщаго настáвити. Сомнящемýсѧ дóброѣ совѣ́товати. Ѡ спасéніи ближнáгѡ Гд҃а молúти. Печáльнаго ѹ҆тѣшáти. Нести́ непрáвды съ терпѣ́ніемъ. Ѡбúды повúннымъ прощáти.

[1]) Чáю—ожúдаю.

Сѣдмь грѣховъ смертныхъ, имже противостоятъ
чтымъ добродѣтели:

Гордость.	Смиреніе.
Сребролюбіе.	Нелюбостяжаніе.
Блудъ.	Цѣломудріе.
Гнѣвъ.	Кротость.
Чревоугодіе.	Воздержаніе.
Зависть.	Доброжелательство.
Уныніе (отчаяніе).	Упованіе (надежда).

Четыре послѣднимъ и достойнопамятнымъ:

Смерть. Судъ Божій. Геенна (адъ). Цртво нбное.

10. Изреченія изъ священнаго писанія.

1. Сыне, чти Гда, и укоренишися (Прит. з: а).

2. Бга бойтеся, царя чтите (а Петр. в: ѳі).

3. Всею душею твоею благоговѣй Гдеви, и іереи его чти (Сир. з: ла).

4. Всяка душа властемъ предержащымъ да повинуется. Нѣсть во власть, аще не ѡ Бга: сущымъ же власти ѡ Бга учинены суть. Тѣмже противляйся власти, Божію повелѣнію противляется (Рим. гі: а, в).

5. Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да найдетъ ти благословеніе ѡ них. Благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же (проклятіе) матерня искореняетъ до ѡснованія (Сир. г: и, ѳ).

6. Всѣмъ сердцемъ твоимъ прославляй отца твоего, и матерних болѣзней не забуди: помяни, яко тѣма рождена еси, и что има воздаси, якоже они тебѣ (Сир. з: кѳ, л).

7. Да веселится отецъ и мати ѡ тебѣ, и да радуется рождшам тя (Прит. кг: кѣ).

8. Чада, послушайте родителей своихъ во всемъ: сіе бо угодно есть Гдеви (Колос. г: к).

9. Повинуйтеся наставникомъ вашымъ и покоряйтеся: тіи бо вдятъ (заботятся) ѡ душахъ вашихъ (Евр. гі: зі).

10. Не безчести человѣка въ старости его: ибо и ты самъ состаревшися (Сир. и: зі).

11. Ю҃нїи, повинѝтесѧ стáрцемъ (а Петр. ѕ҃: ѳ҃).

12. Всѧ́ко сло́во гнѝло (худое, непристойное) да не и҆схо́дитъ и҆з҃ ꙋ҆ст҃ъ ва́шихъ (Ефес. д҃: к҃ѳ҃).

13. А҆́ще кто̀ рече́тъ, та́кѡ люблю̀ Бга́, а҆ бра́та своего̀ ненави́дитъ, ло́жь е҆́сть (а҆ Іѡа́н. г҃: к҃).

14. А҆́ще дрꙋ́гъ дрꙋ́га любимъ, Бгъ въ на́съ пребыва́етъ (а҆ Іѡа́н. д҃: ві).

15. Люба́й бра́та своего̀, во свѣтѣ пребыва́етъ, и҆ соблáзна въ не́мъ не́сть: а҆ ненави́дмй бра́та своего̀, во тмѣ̀ е҆́сть, и҆ во тмѣ̀ хо́дитъ (а҆ Іѡа́н. в҃: г҃, аі).

16. Всѧ́, е҆ли́ка а҆́ще хо́щете, да творѧ́тъ ва́мъ человѣ́цы, та́кѡ і҃ вы творѝте и҆́мъ (Матѳ. з҃: ві).

17. А҆́ще (бо) ѿпꙋ́щаете человѣ́кѡмъ согрѣше́нїѧ и҆́хъ, ѿпꙋ́ститъ и҆ ва́мъ О҆́цъ ва́шъ нева́сный: а҆ще ли не ѿпꙋ́щаете человѣ́кѡмъ согрѣше́нїѧ и҆́хъ, ни О҆́цъ ва́шъ ѿпꙋ́ститъ ва́мъ согрѣше́нїй ва́шихъ (Матѳ. ѕ҃: д҃, ѕі).

18. Бꙋ́дите милосе́рди, я҆́коже и҆ О҆́цъ ва́шъ милосе́рдъ е҆́сть (Лꙋ́кі ѕ҃: л҃ѕ).

19. Ми́лꙋѧй ни́ща, взаи́мъ даётъ Бгови (Прѝтч. з҃: ѳі).

20. Всѣ́мъ пави́тисѧ на́мъ подоба́етъ пре́дъ сꙋ́дищемъ Хр҃то́вымъ (в҃ Кор. ѕ҃: і҃).

21. О҆́ко не ви́дѣ, и҆ ꙋ҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша, и҆́же ꙋ҆гото́ва Бгъ люблю́щымъ е҆́го (а҆ Кор. в҃: ѳ).

11. Разска́зы и҆з҃ жи҆тїа́ св. прⷪ҇нагѡ Фїларе́та Ми́лостиваго.

1. И҆зы́де повелѣ́нїе цр҃ское всѣ́мъ во́инмъ собра́тисѧ въ полкы̀ и҆ и҆́ти проти́вꙋ везвѣ́жныхъ пога́нъ, на цр҃ство Гре́ческое востаю́щихъ, всѧ́къ же во́инъ дабы̀ бы́лъ до́брѣ вооꙋжѣ́нный и҆ два̀ коня́ и҆́мꙋщій. Причтѣ́нъ же бы́сть къ тѣ́мъ полка́мъ нѣ́кій ꙋ҆бо́гій во́инъ и҆́менемъ Ми҆силіи́, и҆́мꙋщій е҆́диного то́чію [1]) коня́, и҆ внеза́пꙋ и҆ сей ко́нь и҆́здше [2]). Во́инъ же ꙋ҆бо́гій, не и҆́мый чи́мъ и҆но́го кꙋпи́ти коня́, тече́ [3]) къ бл҃же́нномꙋ Фїларе́тꙋ, и҆ рече́ [4]): господи́не мо́й Фїларе́те, поми́лꙋй мѧ́, вѣ́мъ, я҆́кѡ и ты̀ ѿбнища́лъ е҆сѝ до сѣ́ла, и҆ не и҆́маши бо́льши, то́кмѡ е҆ди́наго коня́:

[1]) То́чію—только. [2]) И҆здше—пал. [3]) Тече́—пошел. [4]) Рече́—сказал.

Ова́че Бга ра́ди мр҃одова́вз ѡ҃ мнѣ, да́жды мѝ и҃ того́ коня́ своего́, да не впадꙋ́ въ рꙋ́цѣ тысѧщника, и҃ ѡ҃ негѡ́ лю́тѣ бі҃ень бꙋ́дꙋ. Бл҃же́нный же Фїларе́тъ рече́ ѥ҃мꙋ́: поими́, бра́те, коня́ моего́, и҃ йди́ съ мі҃ромъ: Ова́че сі҃е вѣ́ждь, ꙗ҃кѡ не тысѧщникова ра́ди на тѧ̀ прещені́ѧ, но мр҃тви ра́ди Бж҃ї́а даю́ тебѣ̀ его́. Вси́нз же, прїи́мъ коня́ ѡ҃ ст҃а́гѡ, ѿи́де сла́вꙗ Бга.

2. И҃ ѡ҃стасѧ ꙋ҃́же ѹ҃ ст҃а́гѡ Фїларе́та є҃ди́на тѣ́кмѡ кра́ва съ телѧ́темъ, и҃ ѡ҃сѣ́лъ є҃ди́нъ, и҃ пчелъ нѣ́коликѡ ꙋ҃льѣ́въ. Ꙋ҃бо́гїй же нѣ́кто и҃здалеча́, слы́шавъ ѡ҃ мр҃тивомъ Фїларе́тѣ, прїи́де къ немꙋ́ молѧ́сѧ, и҃ глаго́ла: гн҃и́не, хощꙋ́ да мѝ да́си є҃ди́но теля́ ѿ ста́дъ твои́хъ, да и҃ а҃зъ стажꙋ́ нача́токъ бл҃гословені́ѧ твоегѡ́: вѣ́мъ во, ꙗ҃кѡ дарова́ніе твоѥ́ бл҃гове́но е́сть, и҃ а҃ще гдѣ̀ вни́детъ въ до́мъ, разбогати́тъ е҃го́, и бл҃гове́ніе и҃спо́лнитъ. Бл҃же́нный же Фїларе́тъ, съ ра́достїю поимъ теля́, дадѐ просѧ́щемꙋ́, ре́къ: Бг҃ъ, бра́те, да сотвори́тъ тѝ множа́йшее бл҃гове́ніе, и҃ ꙋ҃мно́житъ, є҃ли́ка а҃ще тре́бꙋеши. Чл҃къ же то́й поклони́всѧ ѿи́де, веды́й теля́ съ собо́ю. Кра́ва же, ѡ҃зира́ющисѧ сѣ́мѡ и҃ ова́мѡ, смотря́ше теля́те своегѡ́, и҃ ꙗ҃кѡ не ꙋ҃зрѣ̀ е҃гѡ́, нача́ сѣлѡ́ тꙋ́жити, ве́лїимъ гла́сомъ рыча́щи, ꙗ҃кѡ сожалѣ́ти ѡ҃ не́й всѣ́мъ дома́шнимъ, а҃ наипа́че женѣ́ бл҃же́ннаго, ꙗ҃же со мно́гою ско́рбїю и҃ стена́ніемъ возопи́ къ немꙋ́: кто́ не посмѣ́ется младоꙋ́мїю твоемꙋ́; ви́ждꙋ ꙋ҃́же днесь, ꙗ҃кѡ нима́лѡ ѡ҃ мнѣ̀ сꙋпрꙋ́гѣ твоей не врежеши, и҃ ча́да замори́лъ е҃сѝ, е҃ще́ же и҃ безсловѣ́сным домашницы не помиловалъ, но без̾ милосе́рдїѧ теля́ ѿ сосе́цъ ѥ҃мꙋ́ ѿлꙋчи́лъ е҃сѝ, и҃ комꙋ́ бл҃городѣ́ніе сотвори́лъ е҃сѝ; до́мъ твой ѡ҃зло́билъ, и҃ о҃нагѡ просѧ́щагѡ не ꙋ҃богати́лъ е҃сѝ: ꙋ҃ о҃нагѡ во теля́ без̾ ма́тере погѝбнетъ, ꙋ҃ на́съ же кра́ва без̾ теля́ти тꙋжи́ти и҃ рыча́ти бꙋ́детъ, и҃ ка́ѧ по́льза во о҃бои́хъ; Сі҃е слы́шавъ честны́й мꙋ́жъ Фїларе́тъ ѿ женꙋ́ своемꙋ́, рече́ къ не́й кро́ткимъ гла́сомъ, гл҃а: нн҃ѣ̀ войстинnꙋ́ до́врѣ и҃ пра́ведно рекла́ е҃сѝ, ѻ҃ же́но, ꙗ҃кѡ не мр҃тивъ и҃ не мр҃дъ е҃смь, поне́же разꙋ́михъ мла́до теля́ ѿ ма́тере е҃го́: но бꙋ́детъ лꙋ́чшее де́ло сі҃е, е҃же сотворю́. И҃ ше́дъ спѣ́шно въ сле́дъ чл҃ве́ка, пове́дшагѡ теля́, нача́ зва́ти: возврати́сѧ, чл҃ве́че, возврати́сѧ съ теля́темъ, ꙗ҃кѡ ма́терь е҃гѡ́ не даетъ на́мъ поко́ю, вельмѝ [1]) ревꙋ́щи при две́рехъ до́мꙋ. Ни҃щїй же сі҃е ѡ҃ бл҃же́ннагѡ ꙋ҃слы́шавъ, мня́ше ꙗ҃кѡ ѿ́ма ѹ҃ негѡ́ да́нное теля́ хо́щетъ, и҃ глаго́лаше въ себѣ̀ скорбѧ́: ꙋ҃вы́ мнѣ̀, ꙗ҃кѡ нѣ́смь досто́инъ и҃́мѣти ѿ

[1]) Вельмѝ — очень.

бл҃же́ннагѡ сегѡ̀ мѹ́жа на бл҃гове́ніе и̑ е̑дина́гѡ сегѡ̀ ма́лагѡ скота́, се́ во жалѣ́мъ ѹ̑ не́мъ зове́тъ мѧ̀, да ѿ́имет҃ъ е̑гѡ̀ ѿ̀ менѐ. Возвраща́ющѹ́сѧ же съ телѧ́темъ ч҃лов҃ѣ́кѹ̀ томѹ́, се́ телѧ̀ ѹ̑зрѣ́вши свою̀ ма́терь тече́ къ не́й, та́кожде и̑ матерь тече́ къ телѧ́ти своемѹ̀ рев҃ѹ́щи, е̑́же ви́дѧщи Ѳеѻ́зва, жена̀ Фїларе́това, радова́шесѧ, ꙗ̑кѡ телѧ̀ въ до́мъ возвращено бы́сть. Бл҃же́нный же Фїларе́тъ, ви́дѣвъ ч҃лов҃ѣ́ка ѻ̑наго скѹ́рвна и̑ ничто́же гл҃ати смѣю́ща, рече́ къ немѹ̀: вра́те, гл҃стъ подрѹ́жіе мое́, ꙗ̑кѡ грѣ́хъ сотвори́хъ, разлѹ́чивъ телѧ̀ ѿ̀ своем҃ѹ̀ ма́тере, и̑ до́вре гл҃етъ: поймѝ ѹ̑во съ телѧ́темъ и̑ матерь е̑гѡ̀ вкѹ́пѣ, и̑ и̑ди́, и̑ Гд҃ь да бл҃гви́тъ тѧ̀, и̑ ѹ̑мно́житъ сі́ѧ въ домъ̀ твое́мъ, ꙗ̑коже дре́вле и̑ моѐ ста́до. Ч҃лов҃ѣ́къ же, пое́мь кра́вѹ съ телѧ́темъ, ѿ̀иде ра́дѹ́ѧсѧ: и̑ бл҃гви Бг҃ъ до́мъ е̑гѡ̀ Фїларе́та ра́ди ѹ̑гѡ́дника своегѡ̀, толи́кѡ во скота́ ѹ̑мно́жисѧ ѹ̑во́гомѹ̀ ч҃лов҃ѣ́кѹ̀ томѹ́, ꙗ̑кѡ бы́ти ѹ̑ негѡ̀ мно́жае дв҃ѹ́хъ ста́дъ волѡ́въ и̑ кра́въ доѝлицъ.

3. По ма́лѣмъ же вре́мени бы́сть гла́дъ въ странѣ́ то́й, честны́й же мѹ́жъ Фїларе́тъ въ послѣ́днюю нищет҃ѹ̀ прише́дъ, не и̑ма́ше чи́мъ пита́ти жены̀ свою̀ и̑ ча́да. Ѹ̑слы́шавъ же бл҃же́ннаго Фїларе́та въ таково́мъ ѹ̑во́жествѣ вѣ́дствѹ̀ющаго, нѣ́кто ѿ̀ дре́внихъ дрѹ́гѡвъ е̑гѡ̀, вога́тъ сы́й, посла̀ е̑мѹ̀ четы́ри ѻ̑сла̀ ѡ̑времене́ны, носѧ́щыѧ по десѧти́ спѹ́дѡвъ [1]) пшени́цы. Сі́ѧ прі́имъ бл҃же́нный, поклони́сѧ до земли́. Та́же простере́ръ рѹ́цѣ и̑ ѻ̑чи возве́дъ на нб҃о, хвалѹ̀ воздаде́ Бг҃ѹ̀, гл҃а: бл҃годарю́ тѧ̀ Гд҃и Бо́же мо́й, ꙗ̑кѡ не̑ ѡ̑ста́вилъ е̑́сѝ раба̀ твоегѡ̀, и̑ не презрѣ́лъ е̑́сѝ ѹ̑повна́ющагѡ на тѧ̀. Таково́е помѝлованіе Бо́жіе ꙗ̑кѡ ѹ̑зрѣ́ жена̀ е̑гѡ̀, ѡ̑ложи́вши серде́чнѹ̀ ско́рбь, и̑ съ кро́тостію рече́ къ своемѹ̀ мѹ́жѹ̀: господи́не, да́ждь мѝ достойнѹ̀ ча́сть пшени́цы, та́кожде и̑ ча́дѡмъ на́шымъ, е̑́ще же и̑ зае́мное ѹ̑ сосѣ́дѡвъ ѿ̀даждь: ты́ же взе́мши свою̀ ча́сть, сотвори́ съ не́ю, е̑́же хо́щеши. Ѻ̑на же по гл҃ѹ̀ жены̀ своем҃ѹ̀ сотвори́, и̑ раздѣли́ пшени́цѹ̀, взѧ̀ себѣ́ пя́ть спѹ́дъ, и̑ ты́мъ въ два̀ днѝ разда́ли ѹ̑бо́гимъ. Ѿ̀ се́мъ па́ки [2]) разгнѣ́васѧ на него̀ жена̀ е̑гѡ̀, и̑ не хотя́ше съ ни́мъ ниже́ ꙗ̑сти, но ѻ̑сѡ́вь съ ча́ды ѻ̑тай [3]) мѹ́жа своегѡ̀ трапе́зѹ̀ и̑мѣ́ше. Во е̑ди́нѣ же ѿ̀ дне́й вни́де къ ни́мъ по ма́лѹ̀ бл҃же́нный Фїларе́тъ, и̑ рече́: прі́имѝте, дѣ́ти, и̑ менѐ къ трапе́зѣ, а̑́ще не ꙗ̑кѡ ѻ̑ц҃а́, то̀ поне́ [4]) ꙗ̑кѡ го́стѧ и̑ стра́нна, ѻ̑ни́ же возмнѣ́вшесѧ прі́ѧша е̑гѡ̀.

---

[1]) Спѹ́дъ—мѣра зернистаго хлѣба. [2]) Па́ки—опять, снова. [3]) Ѻ̑тай—тайно. [4]) Поне́—по крайней мѣрѣ, хотя.

4. Й бы́сть сты́й Фїларе́тъ весьма́ ни́щъ и́ оу́богъ, ничто́же и́мый, то́кмѡ е́дины пче́лы, и я́ще когда́ прихожда́ше къ нем҃ѣ оу́богїй просѧ́, о́нъ, не и́мый хлѣба, ниже́ что́ ино, ходѧ́ къ оу́льемъ, и взима́ѧ ѿ ни́хъ ме́дъ, дава́ше ни́щемѹ́: ѿ того́же ме́да и́ сама́ ѣдя́ше и́ чада́ е́гѡ. Та́же домаши́ни е́гѡ ви́дяще, та́кѡ и́ ме́да лиша́ютсѧ, ѝдо́ша та́й къ пче́ламъ, и ѡ҆брѣ́тше е́дины то́чію послѣ́днїй оулей съ ме́домъ, и то́й до конца́ и́стребѝша. Во оу́трїе же па́ки прїи́де къ прⷭ҇вномѹ́ ни́щїй, просѧ́ мѣ́тыни, о́нъ же ше́дъ ко оу́лью и́ ѡ҆вёрзъ и́, ѡ҆брѣ́те то́цъ, не и́мый же что́ и́но да́ти ни́щемѹ́, совлече́ съ себе́ вёрхнюю о҆де́ждѹ, и дадѐ ѥ́мѹ́. Е҆гда́ же са́мъ прїи́де въ до́мъ въ е́диной о҆де́ждѣ, рече́ къ нем҃ѣ жена́: гдѣ́ е́сть о҆де́жда твоѧ́; е҆да́ и́ тѣ́ дала́ е́сѝ ни́щемѹ́; О́нъ же рече́: сквозѣ́ пче́лы ходѧ́, та́мѡ ю҆ ѡ҆ста́вихъ. Сы́нъ же е́гѡ ше́дъ на о́но мѣ́сто, поиска́ о҆де́жды о́тца́, и не ѡ҆брѣ́тъ, сказа мт҃ри своей, о́на́ же не терпѧ́щи мѫ́жа своего́ нелѣ́потнѡ въ е́диной о҆де́ждѣ ходѧ́щаго зрѣ́тти, свою́ о҆де́ждѹ претвори́ на мѫ́жескѹ́, и ѡ҆блече́ его́. Сѝце и́ въ ни́щетѣ сы́й милости́вый Фїларе́тъ, е́ликѡ можа́ше, доброхо́тною ще́дростїю подава́ше.

12. Тропа́рь и конда́къ на Рождество́ Христо́во.

Тропарь. Рⷭ҇тво твоѐ, Хⷭ҇те Бо҃же на́шъ, возсіѧ́ мі́рови свѣ́тъ ра́зѹма, (т. е. озарилъ міръ свѣтомъ богопознанія) въ не́мъ бо звѣзда́мъ слꙋ́жа́щіи, звѣ́здою оу҆ча́хѹсѧ, Тебѣ́ кла́нѧтисѧ сл҃нцꙋ́ пра́вды, и Тебѐ вѣ́дѣти (т. е. познавать) съ высоты́ восто́ка: Гд҃и, сла́ва тебѣ́.

Кондакъ. Два́ днесь пресꙋ́щественнаго (который выше всякаго существа) рождае́тъ, и земл҃а вертепъ (пещеру) непристꙋ́пномꙋ прино́сит: А҆гг҃ли съ па́стырьми (пастухами) славосло́вятъ, волсви́ же со звѣ́здою пꙋтешествꙋ́ютъ: на́съ бо ра́ди роди́сѧ О҆тро́ча мла́до, предвѣ́чный Бг҃ъ (потому что для насъ родился младенецъ, который есть вѣчный Богъ).

13. Тропа́рь и стихи́ра на Па́схꙋ.

Тропарь. Хⷭ҇то́съ воскре́се и́зъ ме́ртвыхъ, сме́ртїю сме́рть попра́въ (т. е. разрушивъ), и сꙋ́щимъ во гробѣ́хъ (т. е. находящихся во гробахъ) живо́тъ (т. е. жизнь) дарова́въ.

Стихира. Воскресе́нїе твоѐ Хⷭ҇те Спсе́, а҆гг҃ли пою́тъ на нб҃сѣ́хъ, и на́съ на земли́ сподо́би, чи́стымъ се́рдцемъ Тебѣ́ сла́вити.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Подготовительныя письменныя упражненія [1]).

Пріученіе къ вѣрному списыванію и диктовкѣ

Задача 1. Списать правильно слѣдующія слова: Ученикъ. Домъ. Школа. Отецъ. Мать. Церковь. Учитель. Священникъ. Поле. Садъ. Сестра. Братъ. Бумага. Книга. Перо. Столъ. Классъ. Кладбище Лѣсъ. Хлѣбъ. Огородъ. Крестьянинъ. Земледѣлецъ.

Правило. При началѣ письма и послѣ точки ставь всегда большую (прописную) букву.

Задача 2. Слѣдующія слова списать правильно, начиная каждое слово съ большой буквы и ставя въ концѣ его точку: весна зима осень лѣто понедѣльникъ вторникъ среда четвергъ пятница суббота воскресенье урокъ статья картинка карандашъ игла нитка пуговица рубашка шапка сапоги рукавицы палка прутъ колъ бревно дерево.

Задача 3. Списать слѣдующіе примѣры и подчеркнуть въ словахъ букву ь.

Больше, меньше, тоньше, раньше, сильнѣе, Васька, Ванька, льдина, мельница, маленькое кольцо, стальные коньки, большая польза, скромненькій мальчикъ, красненькіе колпельки, комья грязи Портной шьетъ платье. Дядя пьетъ квасъ. Бушуетъ сильная вьюга. Ульи пусты. Чье это ружье? Настасья и Татьяна—родныя сестры. Коля заболѣлъ сильною корью. Шуба овечья тепла. Въ лѣсахъ раздаются птичьи голоса. Крестьянинъ пашетъ. Деньги любятъ счетъ. Мальчикъ поймалъ воробья. Скоро начнется ученье. Прочитай письмо. Домъ занятъ жильцами. Почитай мать. Учись прилежно. Трудись усердно. Не тронь чужой вещи. Русскій царь—отецъ большой семьи—государства. Молись Богу.

Задача 4. Слѣдующія слова списать и вставить, гдѣ нужно, букву ь.

Вол-ный, Ол-га, Тат-яна, капел-ка, напен-ка, зор-ка, плат-е, сем-я, молот ба, п-ютъ, ш-ютъ. Тетен-ка. Дяден-ка. Мамен-ка.

---

[1]) Замѣтка для учителя. Само собою разумѣется, что учитель объясняетъ дѣтямъ всякую задачу, показываетъ ея требованія, прежде нежели предложить ее дѣтямъ для исполненія.

Задача 5. Списать слѣдующіе примѣры и подчеркнуть въ срединѣ словъ букву *ѣ*.

Объявить, отъѣхать, съѣсть, подъѣхать, подъемъ, предъявить, разъяснить. Скоро мы разъѣдемся. Объѣдки бросили собакамъ. Учитель разъяснилъ урокъ.

Задача 6. Слѣдующія слова списать и вставить, гдѣ нужно, букву *ѣ*.

С-ѣлъ, с-ѣхалъ, об-ѣдать, с-емка. Раз-яренный левъ опасенъ. Пустыня сномъ об-ята. Гости под-ѣхали къ воротамъ и в-ѣхали на дворъ. До того дожили, что ножки с-ёжили.

Задача 7. Списавъ слѣдующія слова, поставить надъ буквою *и* въ каждомъ словѣ знакъ ˇ.

Мои, свои, твои, чаи, рои, твердыи, синіи, христіанскіи, добрыи, худои, милыи, волчіи, летучіи.

Задача 8. Изъ слѣдующихъ примѣровъ выписывать въ одинъ рядъ слова съ буквою *ы*, а въ другой — съ буквою *и*.

Билъ — былъ, пилъ — пылъ, високъ — высокъ, кликъ — клыкъ, губи — губы, милъ — мылъ, мило — мыло, Миша, мышь, нить — нить. Собрались плыть. Привезли много плитъ. Метла пылитъ. Онъ пилитъ дрова. Отецъ простилъ сына. Чай простылъ.

Образецъ работы.

Слова съ буквою *ы*:	Слова съ буквою *и*:
Былъ, пылъ, высокъ и т. д.	Билъ, пилъ, високъ и т. д.

Задача 9. Выписать слова, въ которыхъ *е* звучитъ какъ *ё*.

Зерно — зёрна. Слеза — слёзы. Ведро — вёдра. Село — сёла. Шесть — шостъ. Пчела — пчёлка. Лёнъ — лёнь. Мёдъ — мёдь. Ель — ёлка. Чернила высохли. Черная смородина. Старушка поплелась. Старикъ поплелся. Туча пронеслась. Ураганъ пронесся. Воры увели лошадь. Отецъ увелъ сына. Ручеекъ течетъ. Кленъ растетъ. Теплый денекъ настаетъ.

Правило. Гдѣ е звучитъ какъ ё, пиши е, а не ѣ.

Задача 10. Списать слова, вставивъ *е* или *ѣ*.

М-лъ полъ. П-къ хлѣбы. Н-съ дрова. В-зъ сѣно. Пч-лка улетѣла. Ч-рная шапка. С-рая птичка. Маленькій пос-локъ.

Задача 11. Выписать слова съ буквою *я*.

Пальцы — пяльцы, мать — мять, малъ — мялъ, мясо, масло, правда, прямо, пряжа, кража, тряпочка, трава, прясло, править.

Задача 12. Придумать и написать нѣсколько словъ, въ которыхъ была бы буква *я* (напр. червячокъ, стряпуха, пятачокъ и т. под.).

Задача 13. Изъ слѣдующихъ словъ выписать слова съ буквою *у*.

Пилу. Пилю. Люди. Луди. Сюда. Суда. Тюкъ. Тукъ. Трудъ. Хрюкать. Рука. Рюмка. Крюкъ. Утюгъ. Дюжина. Дубина. Пріютъ. Утка. Іюнь. Дубъ. Отецъ пошелъ удить рыбу.

Задача 14. Выписать слова съ буквою *п*.

Хлопъ. Лобъ. Шубка. Тряпка. Сноп. Ознобъ. Тулупчикъ. Голубчикъ. Зубъ. Супъ. Шапка. Столбъ. Пробка. Покупка. Ошибка. Гибкій. Лишкій. Ступка. Трубка.

Задача 15. Выписать слова съ буквою *ф*.

Ровъ. Шарфъ. Клювъ. Кровь. Кофта. Лавка. Скуфья. Кувшинъ. Отливъ. Давка. Сафьянъ. Кафтанъ. Готовъ. Поливка. Туфли. Вызовъ. Обувь. Штрафъ. Смѣтливъ. Овца.

Задача 16. Списать слова и подчеркнуть букву *х*.

Лугъ. Духъ. Слухъ. Могъ. Мохъ. Шагъ. Сапогъ. Пухъ. Рогъ. Пѣтухъ. Испугъ. Плугъ. Другъ. Посохъ. Шорохъ. Набѣгъ. Порогъ. Порохъ. Страхъ. Врагъ. Мохъ. Охъ.

Задача 17. Выписать слова съ буквою *д*.

Доска. Тоска. Прудъ. Прутъ. Радъ. Ротъ. Плотъ. Утка. Разладъ. Мѣтка. Нитка. Задхлый. Подрядчикъ. Кадка. Ухватка. Бродъ. Знать по лицу, сколько лѣтъ молодцу. Въ зимній холодъ всякій молодъ. Хоть рѣдко, да мѣтко. Это еще цвѣтки, а ягодки впереди. Остатки бываютъ сладки.

Задача 18. Списать слова и подчеркнуть букву *с*.

Глазъ. Гласъ. Возъ. Разъ. Тряско. Просьба. Рѣзьба. Алмазъ. Сбруя. Ось. Букетъ розъ. Святой образъ. Онъ говоритъ просто, безъ всякихъ прикрасъ. Сбылось одно, сбудется и другое. Здоровье дороже денегъ.

Задача 19. Выписать слова съ буквою *ж*.

Ножъ. Ковшъ. Крышка. Кружка. Птичка. Бѣдняжка. Рубашка. Пряжка. Ландышъ. Дрожь. Пушка. Денежка. Ложка. Чашка. Дрожки. Ватрушка. Кочерыжка. Стружки. Исподтишка. Лицомъ пригожъ, а на дѣло не гожъ. Бумага, книжка, ножъ, карандашъ — весь ученическій запасъ.

Задача 20. Слѣдующіе примѣры списать и подчеркнуть въ каждомъ словѣ гласныя буквы и полугласную.

Подъ лежачій камень и вода не течетъ. Отъ своего слова не отрекайся. Новая метла чисто мететъ. Конецъ дѣлу вѣнецъ. Конь ушами придетъ, удила грызетъ, шею словно лебедь гнетъ, копытомъ землю деретъ. Много звѣздъ сіяетъ на небѣ. Это мой лучшій другъ.

Образецъ работы. Подъ лежачій камень и т. д.

Задача 21. Слѣдующія слова списать, раздѣливъ при этомъ чертою каждое слово на столько частей (слоговъ), сколько въ немъ гласныхъ буквъ.

Разметалъ паукъ свои тенета въ простѣнкѣ: теперь берегись, мухи! Благовѣщенье—великій праздникъ. У кого много занятій, тому не до шалостей. Время и терпѣніе смягчаютъ страданія и горести. Сознаніе—половина исправленія. Русскій солдатъ отличается смѣтливостью и смѣлостью при опасности, мужествомъ и храбростью въ сраженіяхъ, терпѣніемъ и выносливостью въ походѣ и при лишеніяхъ походной жизни, послушаніемъ и точнымъ исполненіемъ приказаній начальства.

Образецъ работы. Раз-ме-талъ па-укъ сво-и те-не-та въ про стѣн-кѣ: те-перь бе-ре-гись, му-хи!

Правило. Изъ одной строки въ другую слова нужно переносить по слогамъ [1]).

Задача 22. Изъ слѣдующихъ примѣровъ выписать сначала слова односложныя, потомъ двухсложныя, дальше трехсложныя и наконецъ многосложныя, раздѣливъ слова чертой на слоги.

Яма. Птица. Онъ. Мы. Я. Рыба. Сказка. Сарай. Горькій. Роса. Пауки. Прохладно. Работникъ. Ремесленникъ. Трудолюбивый. Рай. Садъ. Ужъ. Ухо. Ты. Они. Край. Трактирщикъ. Береза. Соль. Чернильница. Комната. Окно. Дно. Рѣка. Берегъ. Лѣсъ. Переулокъ. Улица. Село. Церковь. Хлѣбъ. Нива. Ну. Дай. Нищій. Книга. Водовозъ. Садовникъ. Черезсѣдельникъ. Человѣкъ. Работа пріятнѣе бездѣлья. Сегодняшней работы не откладывай на завтрашній день.

Образецъ работы. Слова односложныя: Онъ, мы, я и т. д.

Слова двухсложныя: Я-ма. Пти-ца. Ры-ба. Сказ-ка и т. д.

Задача 23. Слѣдующіе примѣры списать и поставить надъ каждымъ словомъ, гдѣ слѣдуетъ, удареніе, означая его знакомъ ´.

Честное имя дороже богатства. Добрый человѣкъ надежнѣе каменнаго моста. Смерть не щадитъ ни богатаго, ни бѣднаго, ни добраго, ни злого. Просящему дай, голодающаго накорми, голаго прикрой, болящаго посѣти. Всегда надѣйся на Бога.

Образецъ работы. Чéстное и́мя дорóже богáтства. Дóбрый человѣкъ надéжнѣе кáменнаго мóста и т. д.

---

[1]) Замѣтка для учителя. Впослѣдствіи ученику нужно будетъ дополнить это правило такъ: слогъ, состоящій изъ одной буквы, нельзя ни оставлять, ни переносить на другую сторону.

Задача 24. Списать примѣры и поставить ударенiе надъ каждымъ словомъ, которое напечатано письменными буквами [1]).

Въ яйцѣ есть *бѣлокъ*. Въ лѣсу много *бѣлокъ*. Я *плачу* горькими слезами. Я *плачу* подать. Изъ пшеницы дѣлается бѣлая *мука*. Голодъ великая *мука*. Волны били о *берегъ* рѣки. Я *берегъ* заработанныя деньги. Въ Россiи есть большiя *рѣки*. Судно пристало къ берегу *рѣки*. Сѣнокосъ торопятся кончить въ *ведро*. *Ведро*—это посуда. Вотъ умныя *головы*. Въ нашей волости хорошiй *голова*. Что *стоитъ* фунтъ орѣховъ? Нашъ домъ *стоитъ* на берегу рѣки. Вешнiя воды сильно разлились. Дай мнѣ стаканъ *воды*. У насъ хорошiе *хлѣба*. У него нѣтъ *хлѣба*. У него болятъ *ноги*. Онъ уже безъ *ноги*. Вы *пили* воду? *Пили* дрова. Купи *соли*. *Соли* супъ. *Моли* Бога. Въ нашемъ домѣ много *моли*. Пріѣхали *гости*. *Гости* у насъ. Я *мою* руки. Возьми *мою* палку. Я *знакомъ* съ нимъ. Какимъ *знакомъ* нужно обозначать ударенiя въ словахъ? [2]).

Задача 25. Слѣдующiя слова списать, измѣнивъ ихъ при списываніи такъ, чтобы послѣ неяснаго согласнаго звука (*в* или *ф*? *з* или *с*? *ж* или *ш*? *г* или *к* или *х*? *б* или *п*? *д* или *т*?) стоялъ гласный звукъ:

1) Морковь. Нарывъ. Кровь. Рукавъ. Церковь. Лавка. Сливки. Травка. Головка. Веревка. Ровъ. Овца. Дровъ. Головъ. Разливъ.

2) Картузъ. Обозъ. Подвязки. Замазка. Сказка.

3) Ложь. Сторожъ. Кружка. Ложка. Книжка. Стружка. Ежъ. Ножъ. Дрожь.

Врагъ. Другъ. Кругъ. Лугъ. Стогъ. Порогъ. Легкiй. Ногти.

5) Зубъ. Лубъ. Сугробъ. Лобъ. Столбъ. Зубчикъ. Ошибка. Пробка. Трубка.

6) Сладкiй. Гвоздь. Городъ. Жолудь. Кладъ. Ледъ. Медъ. Лодка. Загадка. Тетрадка. Грядка. Водопадъ.

Ходъ работы: Моркови, морковокъ...
Картуза...
Лжи, лжецъ...
Враги, врага, враговъ...
Зуба, зубовъ, зубастый...
Сладокъ, сладость и т. п.

---

[1]) Замѣтка для учителя. Послѣ выписки каждой пары предложенiй ученикъ пусть и разставляетъ ударенiя. Этимъ способомъ механическое списываніе будетъ одновременно оживляться умственнымъ упражненiемъ.

[2]) Замѣтка для учителя. Цѣль всѣхъ изложенныхъ до сихъ поръ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы постепенно пріучить зрѣнiе дѣтей къ внимательному наблюденiю за каждою буквою списываемаго слова и слухъ ихъ къ отчетливому различенiю звуковъ диктуемаго слова, безъ чего дальнѣйшiя письменныя работы не могутъ совершаться надлежащимъ образомъ.

Правило. Чтобы не сдѣлать ошибки при письмѣ въ сомнительномъ (неясномъ) согласномъ звукѣ, слѣдуетъ слово (съ сомнительнымъ звукомъ) измѣнить такъ, чтобы послѣ сомнительнаго согласнаго звука стоялъ гласный.

Задача 26. [1]) Списать, вставивъ, гдѣ слѣдуетъ, букву—верхнюю или нижнюю.

Старый дѣ$\frac{т}{д}$ъ везетъ во$\frac{з}{с}$ъ дро$\frac{в}{ф}$ъ.

Тру$\frac{д}{т}$ъ человѣка кормитъ.

Краси$\frac{в}{ф}$ъ са$\frac{д}{т}$ъ весною.

Мой бр$\frac{т}{д}$ъ—мой лучшій дру$\frac{г}{х}$ъ.

Работники копали ро$\frac{в}{ф}$ъ и нашли кла$\frac{д}{т}$ъ.

Лоша$\frac{д}{т}$ку кормятъ овсомъ.

Ска$\frac{з}{с}$ка скла$\frac{д}{т}$ка, а пѣсня былъ.

Ло$\frac{ж}{ш}$ка де$\frac{г}{х}$ти испортила всю кад$\frac{д}{т}$ку меду.

Въ зимній холо$\frac{д}{т}$ъ всякій моло$\frac{к}{т}$ъ.

Задача 27. Списать слова, вставивъ пропущенную букву *ж* или *ш*.

Но-ъ. Ло-ка. Ло-ь. Лачу-ка. Кни-ка. Дене-ка. Сторо-ъ. Стри-ъ. Мы-ь. Дро-ь. Чи-ъ. Ча-ка. Мы-ка. Пря-ка. Со-ка. Бума-ка. Сторо-ка. Стару-ка. Задви-ка.

Задача 28. Списать слова, вставивъ пропущенную букву *б* или *п*.

Ба-ка. Су-ъ. Зу-ъ. Гри-ъ. Ря-чикъ. Ша-ка Цѣ-ъ. Хлѣ-ъ. Гро-ъ. Сру-ъ. Погре-ъ. Прору-ь. Шу-ка. Тру-ка. Ду-ъ. Сту-ка. Ло-ъ. То-ь. Стол-ъ. Сно-ъ. Оши-ка. Купилъ у ку-ца двѣ шу-ки. Глу-ъ. Попалъ на рѣкѣ въ глу-ъ. Старый ду-ъ крѣпокъ, а молоденькій сла-ъ. Ро-кій. Про-ка. Гу-ка. Ги-кій. То-кій.

Задача 29. Списать слова, вставивъ пропущенную букву *в* или *ф*.

Петро-ъ. Ивано-ъ. Нары-ъ. Рука-ъ. Клю-ъ. Ло-ъ рыбы. Бро-ъ. Морко-ь. Жерно-ъ. Хлѣ-ъ. Ле-ъ. Кро-ь. Ла-ка. Да-ка. Тра-ка. Глубокій ро-ъ.

---

[1]) Замѣтка для учителя. Эта задача, какъ и нѣкоторыя другія значительныя по объему, исполняется не въ одинъ, а въ нѣсколько пріемовъ—смотря по лѣтамъ и развитію дѣтей.

Задача 30. Списать слова, вставивъ пропущенную букву *г*, *к* или *х*.

Дол-ъ. Лу-ъ. Ша-ъ. Сто-ъ. Кру-ъ. Снѣ-ъ. Моз-ъ. Бере-ъ. Творо-ъ. Доро-ъ онъ мнѣ, какъ лучшій мой дру-ъ. Бра-ъ ты мнѣ или другъ? Нашъ лу-ъ затопило. Я купилъ плу-ъ. Ро-ъ. Жемчу-ъ. Сегодня большой тор-ъ. Слу-ъ. Ду-ъ. Онъ ловитъ му-ъ. Сту-ъ. Я сажалъ лу-ъ. Су-ъ.

Задача 31. Списать слова, вставивъ пропущенную букву *з* или *с*.

Моро-ъ. Гу-ъ. Во-ъ. Лѣ-ъ. Гла-ъ. Гря-ъ. О-ъ. Но-ъ. Обо-ъ. Ква-ъ. Ра-ъ. Ма-ъ. Воло-ъ.

Задача 32. Списать слова, вставивъ пропущенную букву *д* или *т*.

Ме-ъ. Ле-ъ. Го-ъ. Са-ъ. Гра-ъ. Лебе-ь. Пру-ъ. Кла-ъ. Ма-ъ. Дего-ь. Плу-ъ. Пру-ъ. Тру-ъ. Огоро-ъ. Наро-ъ. Лоша-ь. Гвоз-ь. Кос-ъ. Тетра-ь. Ка-ка. Коло-ка. Рѣше-ка. У-ка. Нахо-ка. Ло-ка. Лоша-ка. Пала-ка. Моне-ка. Сла-кій.

Задача 33. Списать слова, подчеркнувъ въ нихъ букву *о*, которая произносится какъ *а*.

Холодная вода. Рогатая скотина. Сосна — хвойное дерево. Вода окружаетъ островъ. Пахарь заботливо смотрѣлъ за своею лошадью: поилъ ее ключевой водой, кормилъ хорошимъ овсомъ. Поля и холмы покрыты бѣлымъ ковромъ холодной зимы.

Рѣшеніе: Холодная вода...

Задача 34. Изъ примѣровъ 33-ей задачи выбрать и написать слова, въ которыхъ буква *о* звучитъ какъ *а*, измѣнивъ при этомъ ихъ такъ, чтобы удареніе пало на *о*.

Рѣшеніе: Хóлодъ. Вóды...

Правило. Чтобы при письмѣ не сдѣлать ошибки въ сомнительномъ гласномъ звукѣ, нужно слово измѣнить такъ, чтобы удареніе пришлось надъ этимъ звукомъ.

Задача 35. Какъ написать правильно: домкомъ или дамкомъ?

Ст$\frac{о}{а}$лица? К$\frac{о}{а}$са? Г$\frac{о}{а}$в$\frac{о}{а}$рить? См$\frac{о}{а}$ла? Г$\frac{о}{а}$л$\frac{о}{а}$ва? Д$\frac{о}{а}$р$\frac{о}{а}$гой?

Задача 36. Написать правильно подъ диктовку учителя слѣдующіе примѣры [1]) и потомъ поправить написанное, смотря въ книгу.

---

[1]) Замѣтка для учителя. Здѣсь выбраны такіе примѣры, относительно которыхъ существуетъ правило: пиши каждое слово такъ, какъ оно произносится. Дѣтямъ нужно только напомнить, что всякая рѣчь начинается съ прописной буквы, а въ концѣ ея нужно ставить точку. Къ этому нужно добавить, что каждое слово нужно писать отдѣльно.

Русь стара. Голь хитра. Была игра. Косы тупы. Ноги босы. Яйца круты. Сабли остры. Храмъ высокъ. Работа трудна. Мысль быстра. Мы рады. Я спалъ. Ты добръ. Я иду туда. Ты ступай сюда. Между садами росъ ленъ.

Задача 37. Сдѣлать то же со слѣдующими примѣрами: Мой братъ купилъ лисью шубу. Добрая слава тутъ и стала. Валитъ сила сильная. Царю нужна голая правда. Бываютъ споры и между друзьями. Зайца ноги носятъ. Волка зубъ кормитъ. Нужда умъ даетъ. Пастухи дали быкамъ травы. Хоть пруды пруди.

Задача 38. Сдѣлать то же со слѣдующими словами: Мой дядя страдалъ глазною болью. Глаза смотрятъ. Руки работаютъ. Музыкантъ играетъ. Дитя спитъ. Работникъ несетъ воду. Сани новы. У насъ будутъ гости.

Задача 39. Сдѣлать то же со слѣдующими словами: Стальная иголка. Мышка мала. Нашъ домъ красивъ. Моего брата зовутъ Иваномъ. У насъ много всякаго добра. Окунь вкусная рыба. Гуси плыли. Онъ дряхлъ. Мать стара. Мой дядя добръ.

Задача 40. Выучить наизусть слѣдующее стихотвореніе и потомъ, не смотря въ книгу, написать его правильно въ свою тетрадь.

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой,
Отъ хлада, жажды и страданья.
Куска лишь хлѣба онъ просилъ:
И вворъ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку.
(Лермонтовъ)

Задача 41. То же сдѣлать съ слѣд. стихотвореніемъ:

Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другого;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужого.
(Державинъ).

Задача 42. Сдѣлать то же съ баснею: «Обозъ» (стр. 39).

Задача 43. Сдѣлать то же съ баснею: «Ворона и кувшинъ» (стр. 39).

Задача 44. Сдѣлать то же съ баснею: «Крестьянинъ и змѣя» (стр. 41).

Задача 45 Сдѣлать то же съ стихотв «Лѣсъ осенью» (стр. 49).

Задача 46. Сдѣлать то же съ стихотв. «Зимняя дорога» (стр. 51).

Задача 47. Сдѣлать то же съ стихотв. «Зимняя ночь» (стр. 52).

Задача 48. Сдѣлать то же съ стихотв. «Предъ грозою» (стр. 54).

Задача 49. Сдѣлать то же съ стихотв. «Птичка» (стр. 63).

Задача 50. Сдѣлать то же съ тихотв. «Зачѣмъ» (стр. 129).

Задача 51. Сдѣлать то же съ стихотв. «Надежда на Бога» (стр. 129).

Конецъ.

ДОБРОЕ СЛОВО.

ВТОРОЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ
Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В.В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1890.

ДОБРОЕ СЛОВО.

ВТОРОЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ

Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В.В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Февраля 6 дня 1890 года.

Цензоръ Протоіерей *Симеонъ Вишняковъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Содержаніе, характеръ и планъ «Добраго Слова», какъ книги для класснаго чтенія, примѣненной къ потребностямъ народной школы, мы уже выяснили въ предисловіи къ первой нашей книжкѣ («Доброе Слово» — первый годъ обученія). Въ дополненіе къ сказанному мы считаемъ необходимымъ присовокупить слѣдующее:

1. Въ составъ второй части «Добраго Слова», равно какъ первой и третьей, помимо разнаго рода прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, вошла большая часть тѣхъ образцовъ, кои указаны «Учебными Планами» Министерства Народнаго Просвѣщенія. Только тѣ изъ образцовыхъ произведеній нашей литературы, указанныхъ въ означенныхъ «Планахъ», не могли найти себѣ мѣста въ нашей книгѣ для класснаго чтенія, которыя недоступны ни по своей формѣ, ни по своему содержанію для учениковъ народныхъ школъ.

2. Внося въ содержаніе «Добраго Слова» образцовыя поэтическія и прозаическія произведенія, мы не позволили себѣ дѣлать какое-либо сокращеніе въ нихъ или пересказъ ихъ своими словами. Выбравъ или цѣлое произведеніе, или отрывокъ его, представляющій нѣчто законченное—цѣлое и вполнѣ отвѣчающее намѣченной нами цѣли при составленіи книги для класснаго чтенія въ народныхъ школахъ, мы позволили себѣ только сдѣлать къ нему необходимыя подстрочныя примѣчанія и помѣстить его въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ даннаго отдѣла. Только къ произведеніямъ (число коихъ весьма ограниченно), которыя не принадлежатъ перу образцовыхъ писателей, хотя по своему содержанію и формѣ вполнѣ пригодны для помѣщенія въ книгѣ, предназначенной для чтенія въ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ, мы дозволили себѣ вполнѣ свободно относиться и дѣлали необходимыя въ нихъ сокращенія, измѣненія формы и т. под., что вызывалось педагогическими соображеніями и что, однакожъ, не противорѣчило содержанію и направленію обрабатываемой статьи.

3. Выбирая образцовыя произведенія или отрывки изъ нихъ, принадлежащіе поэтамъ и писателямъ какъ до-Пушкинскаго, такъ и послѣ-Пушкинскаго періода, мы старались главнымъ образомъ о томъ, чтобы они, помимо своего образовательнаго и воспитательнаго характера, вполнѣ пригодны были для ознакомленія учениковъ народной школы со всѣмъ богатствомъ, разнообразіемъ и красотами отечественной рѣчи со стороны ея художественнаго (разумѣемъ всѣ виды словесныхъ произведеній), логическаго, стилистическаго и грамматическаго построенія. Само собой разумѣется, что доступность и примѣнимость избираемыхъ образцовъ для того школьнаго возраста, для котораго предназначены наши книги для чтенія, имѣлись въ виду прежде всего.

4. Если мы въ нашихъ книгахъ для класснаго чтенія даемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по географіи, естественной исторіи, русской и церковной исторіи и т. д., то вовсе не съ цѣлію придать нашей книгѣ характеръ какой-то школьной энциклопедіи, что и недостижимо и не педагогично. Наша цѣль въ этомъ случаѣ та, чтобы сообщеніемъ ученику народной школы этихъ немногихъ свѣдѣній при помощи статей, отличающихся образцовымъ изложеніемъ, съ одной стороны обогатить его *рѣчь* и поставить его въ возможность къ дальнѣйшему *самообразованію* и чтенію книгъ историческихъ, духовныхъ, по земледѣлію, естествознанію и т. п. областямъ знаній, а съ другой—затронуть и развить въ немъ *любовь* къ знанію и просвѣщенію вообще.

5. Наконецъ, во устраненіе могущихъ возникнуть недоразумѣній, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно названій отдѣ-

ловъ, принятыхъ въ «Добромъ Словѣ». Мы не желали расположить собранный и обработанный нами матеріалъ изъ сокровищницы нашей свѣтской и духовной литературы такъ, какъ это сдѣлано въ большинствѣ книгъ для дѣтскаго чтенія, гдѣ обыкновенно встрѣчаются отдѣлы: разсказы, стихотворенія, сказки, басни, описанія и т. п. Мы убѣждены, что такое расположеніе учебнаго матеріала въ книгѣ для дѣтскаго чтенія болѣе чѣмъ неумѣстно; оно является чисто случайнымъ и не оправдывается никакими вѣскими соображеніями. Статьи и стихотворенія при такой системѣ ихъ расположенія (т. е. случайнаго совпаденія *по формѣ*, при чемъ по содержанію они часто не имѣютъ ничего общаго) являются разбросанными безъ всякаго порядка по всей книгѣ. Мы старались устранить это неудобство. Всѣ прозаическія и поэтическія статьи не являются у насъ разбросанными по цѣлой книгѣ безъ опредѣленнаго порядка, но строго распредѣлены въ надлежащіе отдѣлы и поставлены каждая по возможности на своемъ мѣстѣ. Мы руководились при этомъ тою мыслію, что статьи и стихотворенія, расположенныя безъ опредѣленнаго плана и системы, не могутъ произвести того *впечатлѣнія* на умъ и воображеніе дѣтей, какое они безъ сомнѣнія произведутъ, будучи сгруппированы въ одномъ отдѣлѣ. Къ тому же такая группировка однородныхъ по содержанію статей значительно облегчаетъ дѣятельность еще мало развитой въ дѣтяхъ школьнаго возраста той духовной способности, благодаря которой представленія, получаемыя въ разное время объ одномъ и томъ же предметѣ, объединяются и обобщаются въ одно общее представленіе — понятіе. Напримѣръ: статьи, вошедшія въ отдѣлы: человѣкъ, міръ Божій, родина и т. д. встрѣчаются только въ этихъ отдѣлахъ и больше нигдѣ. И мы надѣемся, что рядъ этихъ однородныхъ по содержанію статей въ концѣ концовъ произведетъ въ душѣ то настроеніе и сообщитъ ей тотъ кругъ понятій, которыя мы имѣли въ виду, обработывая планъ книгъ и распредѣляя весь назначенный для чтенія матеріалъ въ извѣстныя группы—отдѣлы. Къ этому считаемъ необходимымъ добавить, что распредѣленіе статей по содержанію отнюдь не препятствовало намъ соблюсти педагогическій законъ: «отъ легкаго къ трудному, отъ простого къ сложному». Мы сначала (Д. Сл. г. I) помѣщаемъ самые простые и краткіе разсказы и стихотворенія, а потомъ (Д. Сл. г. II) постепенно переходимъ къ болѣе сложнымъ и длиннымъ; далѣе встрѣчаются описанія, сравненія и т. п. образцы почти всѣхъ словесныхъ произведеній.

Конечно, мы могли назвать свои отдѣлы иначе. Напримѣръ вмѣсто названій: человѣкъ (1-й отдѣлъ), міръ Божій (2-й отдѣлъ), родина (3-й отдѣлъ), церковь (4-й отдѣлъ), мы могли бы принять такое наименованіе отдѣловъ: обще-литературный (человѣкъ), естественно-научный (міръ Божій), историко-географическій (родина), духовно-нравственный и церковно-историческій (церковь). Но мы этого потому не сдѣлали, что наши названія, совершенно *тожественныя по смыслу* означеннымъ, точнѣе и опредѣленнѣе указываютъ на существенное содержаніе статей каждаго отдѣла; впрочемъ, дѣло не въ названіи, а въ дѣлѣ [1]).

Составитель.

Москва. 1890 г. 30 января.

---

[1]) Здѣсь же, хотя подъ строкой, не излишне сказать, что басни нами отнесены къ первому отдѣлу (человѣкъ), потому что, хотя въ нихъ выведены животныя, но *всякому* извѣстно, что подъ ними и ихъ рѣчами нужно разумѣть человѣка, его заблужденія, недостатки и пороки. — Пословицы же о животныхъ отнесли къ отдѣлу: міръ Божій (гдѣ между прочимъ говорится о животныхъ) единственно потому, что въ нихъ рѣчь *только* о животныхъ, а отнюдь не о человѣкѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отдѣлъ первый.

Человѣкъ.

1. Поле и школа. (Изъ „Р. Сл.“). 1
2. Счастливая находка..... —
3. Капустные листья..... 2
4. Самоиспытаніе (Изъ Крummахера)..... 3
5. Пастухъ. (Оттуда же)..... —
6. Раскаяніе. (Изъ „Дѣтск. міра“ Ушинскаго)..... 4
7. Степанъ Ворошилинъ. В. Даль. 5
8. Нечистоплотный крестьянинъ. Его же..... 7
9. У кого совѣсть не чиста, тому и тѣнь кочерга-висѣлица. (Изъ „Кн. для чт.“ Сердобольскаго)..... 8
10. Чужое добро. (Разсказъ стараго столяра). А. Слинкій. 11
11. Добра не забывай, обиду прощай. Кн. Одоевскій..... 12
12. Терпѣнье и трудъ все перетрутъ..... 15
13. Флоръ Силинъ. Карамзинъ.... 16
14. Подвигъ крестьянина Марина. М. Погодинъ..... 18
15. Пахарь Иванъ Анисимычъ. Д. В. Григоровичъ..... 21
16. Красный фонарь. Вутечичъ ... 24
17. Разсказы дѣдушки Пахома. Прот. Никольскій..... 25
18. „Христосъ воскресе!“ М. Салтыковъ..... 29
19. Счастливый учитель..... 30
20. Монахъ изъ офицеровъ и деньщикъ. Достоевскій..... 33
21. Красныя яблочки. (Извл. съ перед. слога изъ „Тр. л.“).. 34
22. Житель Аѳонской горы. Кн. В. Ѳ. Одоевскій..... 36
23. Братская помощь. (Изъ „Родины“ Радонежскаго)..... 37
24. Царская награда за геройскій подвигъ дѣвочки. (Изъ „Сел. Вѣсти.“ за 1887 годъ)..... 38
25. Подвигъ безстрашія и человѣколюбія каз. Василія Грабъ. (Изъ журн. „Досугъ и Дѣло“.) 39
26. Чудный домикъ. К. Ушинскаго —
27. Цѣна души человѣческой. Дух. Цвѣтникъ..... 40
28. Велика вещь человѣкъ..... —
29. Человѣкъ и верблюдъ. (Аллегорія). Жуковскій..... 41
30. Притча о дубовой бочкѣ. В. Даль..... 43
31. Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любитъ. Гр. Л. Толстой. —
32. Примѣръ сыновней любви. (Ист. Вѣсти.)..... 44
33. Казачья колыбельная пѣсня. Лермонтовъ..... 45
34. Мать и дитя. А. Плещеевъ. 46
35. Сердце матери. (Изъ „Родины“ Радонежскаго)..... —
36. Материнская любовь. С. Аксаковъ..... 47
37. Родительское благословеніе. (Извлеч. съ сокр. изъ № 230. „Троицк. листк.“)..... 49
38. Слава труду. (Изъ стих. Беранже)..... 51
39. Наслѣдство. Никитинъ..... —
40. Косарь. Кольцовъ..... 52
41. Счастливая старость. Я. Гротъ. —
42. Нищій. Никитинъ..... 53
43. Смерть нищаго. М. Бѣлинскій.. 54
44. Счастіе. Ѳ. Миллеръ..... —
45. Ищи того, что прочно, безконечно. Его же..... —
46. Завтра. Б. Ѳеодоровъ..... —
47. Хоровая пѣсня дѣтей. Кн. Одоевскій..... 55
48. Утренняя пѣсня. Одоевскій.. 56
49. Трудись. Его же..... 57

Басни.

50. Волкъ и журавль. Крыловъ.. —
51. Пастухъ. Его же..... 58
52. Лисица и оселъ. Его же..... —
53. Кукушка и орелъ. Его же.... 59

Стран.

54. Скворецъ. Его же. 60
55. Два мужика. Его же... ..... —
56. Бѣлка. Его же..... 61
57. Скупой и курица. Его же..... 62
58. Раздѣлъ. Его же..... —
59. Демьянова уха. Его же..... 63
60. Тришкинъ кафтанъ. Его же... 64
61. Оселъ и соловей. Его же..... 65
62. Ларчикъ. Его же..... 66
63. Муравей и зерно. Хемницеръ.. —
64. Воробьи и овсянка. Измайловъ..... 67
65. Пословицы..... ..... —
66. Какъ сохранить здоровье 70

Отдѣлъ второй.

Міръ Божій.

1. Божій міръ. Жуковскій 72
2. Жаворонокъ. Его же..... —
3. Весенній гимнъ. Щербина. .. 78
4. Наступленіе весны. Пушкинъ.. —
5. Весна въ деревнѣ. А. Почерскій ..... —
6. Что ты спишь, мужичокъ? Кольцовъ..... 74
7. Весною. Плещеевъ 75
8. Вскрытіе рѣки. С. Аксаковъ.. —
9. Весенній дождь. А. Фетъ 76
10. Весна (Изъ твор. св. Тихона Зад.)..... 77
11. Наступленіе лѣта. Аксаковъ.. —
12. Привѣтъ лѣту. Никитинъ 78
13. Восходъ солнца. Пушкинъ.... 79
14. Туча. Его же..... —
15. Лѣтомъ. (Изъ „Родн. Сл.“).. —
16. На сѣнокосѣ. С. Аксаковъ... 80
17. Грибы. Его же 81
18. Садъ. И. Тургеневъ..... 82
19. Урожай. Кольцовъ ..... —
20. На нивахъ. Жуковскій..... 84
21. Хлѣбная уборка. Гр. Л. Толстой. —
22. Жители лѣса. С. Аксаковъ... 85
23. Осень идетъ. А. Пушкинъ ... 86
24. Листья. Ѳ. Тютчевъ..... —
25. Октябрь. А. Пушкинъ.. . . 87
26. Осень въ деревнѣ. Григоровичъ ..... —
27. Осень. Майковъ..... —
28. Зима стоитъ. А. Пушкинъ... 88
29. Зима. Суриковъ..... —
30. Первопутье. А. Пушкинъ 89
31. На воздушномъ океанѣ. Лермонтовъ ..... —
32. Растительный и животный міръ. По кн. „Наше родное“.... —
33. Осина. Тургеневъ 97
34. Береза. А. Фетъ..... 98
35. Могильная сосна. Козловъ.... —

Стран.

36. На сѣверѣ дубъ одинокій. Фетъ. 99
37. Яблони. Гр. Л. Толстой..... —
38. Подсолнечникъ. (Изъ „хрест. Полевого“) 100
39. Что говоритъ человѣку лилія? —
40. Почка съ вишневаго дерева .. 101
41. Каменный уголь. (Изъ „Пер. раз. изъ ест. ист.“ Вагнера). 102
42. Сажа. (Изъ Дѣт. чт.) 104
43. Наши хлѣбныя растенія. (Изъ „Дѣтскаго міра“ Ушинскаго). 105
44. Три пальмы. Лермонтовъ 106
45. Когда волнуется желтѣющая нива. Лермонтовъ..... 108
46. Садъ въ деревнѣ Плюшкина. Н. Гоголь ..... —
47. Лѣсъ. Кольцовъ..... 109
48. Дерево..... 111
49. Пожаръ. А. Пушкинъ ..... —
50. Птичка. Плещеевъ..... 112
51. Капустная бабочка. изъ Р. Сл. —
52. Птичій дворъ. Н. Гоголь..... 113
53. Голубь. С. Аксаковъ 114
54. Пѣніе соловья. И. Тургеневъ. —
55. Соль. (Изъ „Перв. кн. д. чт.“ Паульсона)..... 116
56. Аспидная доска. (Изъ „Первая разск. изъ ест. ист.“ Г. Вагнера)..... 117
57. Тепло. Л. Толстой..... 118
58. Куда дѣвается вода изъ моря? Гр. Л. Толстой ..... —
59. Когда сохнетъ вода, что дѣлается съ этой водой? Его же. —
60. Сырость. Его же..... 119
61. Можно ли словить воздухъ? Водоновозъ..... —
62. Горизонтъ 120
63. Страны свѣта..... —
64. Вселенная ..... —
65. Какія мысли и чувства должны пробуждаться у христіанина при взглядѣ на небо? (По статьѣ протоіерея. І. Наумовича: „Божій міръ“) 122

Отдѣлъ третій.

Родина.

1. Русское государство..... 123
2. Родина. Жуковскій 124
3. Сословія..... —
4. Народы Россіи..... —
5. Русь. Никитинъ..... 129
6. Эскимосы. Гр. Л. Толстой ... 130
7. Цыганы. А. Пушкинъ 131
8. Малороссія. Гр. А. Толстой . —
9. Степь. Никитинъ..... 132
10. Украинская ночь. Н. Гоголь.. —

Стран.

11. Днѣпръ. Гоголь 133
12. Кавказъ. А. Пушкинъ ..... —
13. Кавказскіе лѣса. Лермонтовъ. 134
14. Кисловодскъ. Его же ..... —
15. Черкесская пѣсня. А. Пушкинъ. 135
16. Въ Крыму. Гр. А. Толстой .. —
17. На Волгѣ. Н. Некрасовъ .... —
18. Деревня (въ средней Россіи). Григоровичъ 136
19. Село. Тургеневъ ..... —
20. Ермакъ, завоеватель Сибири. Изъ „Второй рус. кн. для чт.". Гр. Л. Толстого) 137
21. Осада Троицко-Сергіевск. монастыря въ 1608—1610 годахъ. (Передѣлано съ сокращеніями изъ брош. „Осада Троицко-Сергіева монаст." изд. ред. ж. „Мірской Вѣстникъ") 148
22. Мининъ и Пожарскій. (Изъ „Родн. стар.") 147
23. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. (Оттуда же) 148
24. Смерть патріарха Гермогена. Розенгеймъ 149
25. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Соловьевъ 151
26. Подвигъ Ивана Сусанина. Рылѣевъ 152
27. Царь Алексѣй Михайловичъ. (По Исторіи д. народа Малинина) 154
28. Столица древняя. К. Аксаковъ. 157
29. Въ Кремлѣ. А. Майковъ. .... —
30. Пѣснь русскому царю. Жуковскій 158
31. Русскій солдатъ. (Изъ брош. „Наши воины православ.". Желиховскаго) 159

Отдѣлъ четвертый.

Церковь.

1. Вѣрность. (Притча) 162
2. Единственное сокровище для человѣка-Богъ. (Сокращ. изъ „Учил. благоч." 163
3. Коль славенъ Господь. Жуковскій 164
4. Единое благо. А. Майковъ... —
5. Могу ли я увидѣть Бога? Я. Гротъ ..... —
6. Воскресен. Христово. Кн. Горчакова 165
7. Спаситель. Гр. А. Толстой .. —
8. Тропарь на день Преображенія Господня. Филаретъ, М. Московскій 166

Стран.

9. Чертогъ Твой вижу, Спасе мой! Кн. Вяземскій ..... —
10. Убѣжище. Ѳ. Глинка ..... —
11. Жизни дорога. Его же 167
12. Цѣль жизни. Митр. Филаретъ. —
13. Отчего? Ѳ. Н. Глинка ..... —
14. Спасеніе Россіи ходатайствомъ Богоматери. (Ист. рус. церкви, Филарета Гумилевскаго пер. 2, стр. 26) ..... —
15. Небесная гостья. (Изъ кн. „Житіе и подвиги препод. Сергія Радон." Іер. Никона 168
16. Ангелъ. М. Лермонтовъ 170
17. Чудесная книга ..... —
18. Сельскій священникъ. Козловъ. 171
19. Сельская церковь. Некрасовъ. 172
20. Свѣча передъ иконой. Майковъ. —
21. Всенощная въ деревнѣ. И. Аксаковъ ..... —
22. Св. Апостолъ Андрей Первозванный. (Изъ Ч. Минеи) . 173
23. Св. Поликарпъ, епископъ Смирнскій. Прот. І. Наумовичъ .. 175
24. Святые седмь отроковъ Ефесскихъ (изъ Ч. М.) 177
25. Святый великомученикъ Георгій (Ч. М) 178
26. Правдивость христіанина (В. Ч. XII. 326) 179
27. Необыкновен. милостыня (Ч.М.) 180
28. Образъ благотворенія (Русск. Паломн. № 25, 1887 г.) 181
29. Повиновеніе власти (Уч. бл. т. II) 184
30. Нестяжательность святит. Спиридона (Ч. М. Дек.) 185
31. Корень лиліи (В. чт.) 186
32. Время жатвы есть изображеніе того времени, въ которое наступитъ конецъ свѣта Арх. Григорій ..... —
33. Алый гробикъ. Николай Сушковъ 187
24. Милыхъ, что умерли... А. Майковъ 188
35. Рай. (Изъ брош. „Рай и адъ". Изд. Русск. Аѳон. Пантел. монастыря) ..... —
36. Повѣсть препод. Анастасія Синаита о томъ, какъ Богъ милуетъ и прощаетъ человѣка за неосужден. ближняго. (Изъ „Воскресн. бесѣдъ", издан. „Общ. Люб. Дух. Просв." 1888 годъ 189
37. Польза душамъ усопшихъ отъ поминовенія на литургіи. (Изъ Пролога) 190
38. Исправленіе поровъ. (Кіево-Печерскій патерикъ) .....

39. Изреченіе св. Тихона Воронежскаго о воровствѣ. (Т. IV. 70) —
40. Наказанное корыстолюбіе. (Изъ „Собр. сочин. и писемъ“ Святогорца) 192
41. Послушаніе есть великая добродѣтель. (Достоп. сказ. о подвиж. св. отецъ, стр. 227. 3) —
42. Какъ святые смотрѣли на болѣзни 193
43. Два состоянія. Ѳ. Глинка ..... —
44. Жажда небеснаго. Ю. Жадовская ..... —
45. Христіанину. Ѳ. Глинка 194
46. Ободреніе. Его же ..... —
47. Я задремалъ, главу понуря. Гр. А. Толстой ..... —
48. А. Обязанности къ Богу 195
49. Б. Обязанности къ ближнимъ .. 197
50. В. Обязанности къ самому себѣ 200

Отдѣлъ пятый.

Церковно-славянское чтеніе.

1. Крещеніе Ольги. (Изъ Нестор. лѣтописи) 207

2. Праздники Господніе и Богородичные.

Рождество Пресвятыя Богородицы (8 сентября) .. .. —
Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы (21 ноября) 208
Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы (25 марта) 209
Рождество Господа нашего Іисуса Христа (25 декабря) 210
Срѣтеніе Господне (2 февраля) 211
Богоявленіе Господне (6 января) .. 212
Преображеніе Господне (6 августа) 213
Входъ Господень въ Іерусалимъ ... 214
Воскресеніе Христово 215
Вознесеніе Господне 216
Сошествіе Святаго Духа 217
Успеніе Пресвятыя Богородицы (15 августа) 218
Воздвиженіе Честнаго Креста Господня (14 сентября) 219

3. Псалмы.

Псаломъ 50-й ....
Псаломъ 90-й .....

Приложеніе.

Письменныя упражненія.

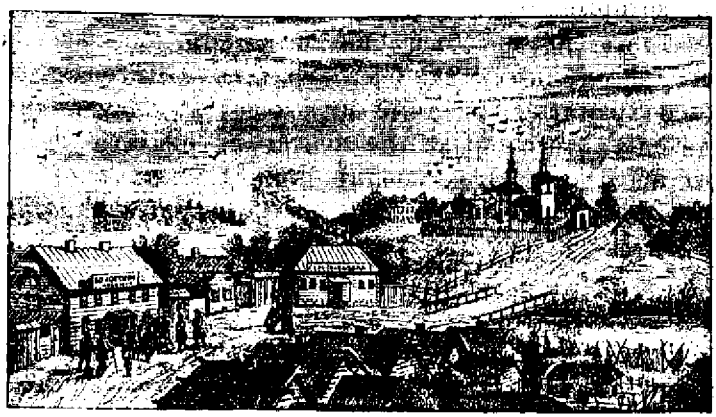
Упражненія въ усвоеніи самыхъ необходимыхъ грамматическихъ свѣдѣній 221
Письменныя работы въ связи съ книгою для чтенія 227

БИБЛІОТЕКА ... ОБЩЕСТВЕННОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

1. Поле и школа.



Люди пашутъ поле, зерномъ посыпаютъ: дѣти ходятъ въ школу слово Божье слушать. Зернышко ложится въ мягкую землицу: слово Божье входитъ въ души молодыя. Дождемъ землю смочитъ, солнышкомъ пригрѣетъ: умнымъ словомъ, лаской душу согрѣваютъ. Подъ землей, въ потемкахъ, не улежатъ зерна: не загинетъ въ сердцѣ доброе ученье. Выглянутъ посѣвы яриной зеленой: скажется ученье умными рѣчами. Поле обольется жатвой золотистой: взойдетъ Божье слово добрыми дѣлами. Господи, пошли намъ въ пору дождь в ведро! Отче, возрасти въ насъ сѣмена благія! *(Изъ «Р. Сл.»).*

2. Счастливая находка.

1. Въ одномъ городѣ купецъ потерялъ кошелекъ съ сотнею золотыхъ монетъ. О своей потерѣ онъ сдѣлалъ въ газетахъ объявленіе и обѣщалъ нашедшему кошелекъ съ деньгами выдать половину находки въ награду. Черезъ нѣсколько дней явился къ

купцу солдатъ, который принесъ найденный имъ кошелекъ съ деньгами и сталъ требовать обѣщанной награды. Купецъ же, желая отдѣлаться отъ уплаты вознагражденія, сталъ увѣрять солдата, что въ кошелькѣ, кромѣ сотни монетъ, находился еще драгоцѣнный камень и что солдатъ для полученія обѣщанной награды обязанъ ему возвратить и камень. Солдатъ увѣрялъ, что, напротивъ, камня въ кошелькѣ не было. Дѣло дошло до судьи.

II. Выслушавъ обѣ стороны, судья постановилъ слѣдующій приговоръ: «Такъ какъ купецъ утверждаетъ, что въ потерянномъ имъ кошелькѣ кромѣ сотни золотыхъ монетъ находился еще драгоцѣнный камень, солдатъ же говоритъ, что камня въ найденномъ кошелькѣ не было, то ясно, что солдатъ нашелъ не тотъ кошелекъ, который былъ потерянъ купцомъ. А потому купецъ долженъ сдѣлать новое объявленіе о потерѣ кошелька съ деньгами и съ драгоцѣннымъ камнемъ; солдатъ же обязанъ въ теченіе 40 дней хранить найденный имъ кошелекъ съ деньгами. Если же въ теченіе этого срока не явится къ солдату хозяинъ кошелька, то находка должна вполнѣ принадлежать солдату».

Такъ былъ наказанъ жадный и неблагодарный купецъ.

3. Капустные листья.

I. Одна мать насадила въ своемъ огородѣ разныхъ овощей. Однажды она сказала своей дочери: «Посмотри, Лиза: видишь эти желтоватыя крупинки на капустномъ листѣ? Это—яйца гусеницъ, которыми ты часто любуешься и изъ которыхъ выходятъ такія бабочки, какъ вонъ та, что летаетъ тамъ,—видишь? Гусеницы эти очень вредны для капусты, и сегодня послѣ обѣда ты осмотришь всѣ листья и раздавишь на нихъ яйца. Тогда капуста будетъ цѣла и зелена».

Лиза подумала, что еще успѣетъ этимъ заняться, и скоро объ этомъ дѣлѣ позабыла вовсе.

II. Мать заболѣла и нѣсколько недѣль не выходила изъ дому. Когда же она выздоровѣла, то взяла Лизу за руку и повела къ капустѣ. Что же увидѣла Лиза? Капуста была до-чиста съѣдена гусеницами! Однѣ кочарыжки торчали изъ земли. Смущенная и огорченная Лиза принялась плакать. Тогда мать сказала: «это тебѣ урокъ: *никогда не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня*. Еще иному можетъ тебя научить этотъ случай: *всякое зло и вредъ легко уничтожить вначалѣ; если же оно возьметъ верхъ, то съ нимъ не сладишь*».

4. Самоиспытаніе.

I. У одного благочестиваго отца былъ дурной сынъ, который, несмотря на всѣ отеческія увѣщанія, проводилъ время въ обществѣ безнравственныхъ товарищей и предавался всей необузданности страстей своихъ. Такимъ образомъ сердце его постоянно становилось испорченнѣе, и все доброе въ немъ, казалось, исчезло. Несчастный отецъ скорбѣлъ втайнѣ о развращенной жизни сына и—молился.

По прошествіи нѣкотораго времени отецъ сильно занемогъ и, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ своего сына. Когда сынъ явился къ постели умирающаго отца, онъ сказалъ ему: «не бойся, сынъ мой, не думай, что я буду дѣлать тебѣ теперь упреки за твое поведеніе. Вотъ я умираю и оставляю тебя наслѣдникомъ всего моего имущества; за это исполни ты послѣднюю мою просьбу; ее легко исполнить, и потому ты непремѣнно долженъ обѣщать мнѣ это и сдержать свое обѣщаніе».

II. Сынъ изъявилъ полную готовность исполнить волю своего отца, если только это для него возможно. Тогда умирающій отецъ сказалъ: «обѣщай мнѣ, сынъ мой, что ты, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, по смерти моей, каждый вечеръ будешь приходить въ эту комнату и полчаса оставаться въ ней въ уединеніи».

Сынъ обѣщалъ;—тогда отецъ благословилъ его и вскорѣ потомъ умеръ. Сынъ, похоронивши отца, возвратился къ своимъ товарищамъ и жилъ попрежнему, предаваясь всякаго рода удовольствіямъ. Но какъ скоро наступалъ вечеръ, ему приходило на память его обѣщаніе, и образъ умирающаго отца убѣждалъ его сдержать обѣщаніе. Сначала было ему трудно быть одному въ комнатѣ; ему казалось это скучнымъ, и какой-то страхъ обнималъ его. Но онъ преодолѣлъ себя ради даннаго обѣщанія и думалъ, что два мѣсяца пройдутъ скоро.

Но тутъ-то открылись у него глаза на его поведеніе: совѣсть его заговорила, и страхъ Божій объялъ душу его; онъ пришелъ въ самого себя, увидѣлъ пропасть, къ которой вела его порочная жизнь, началъ плакать и сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. *(Изъ Круммахера).*

5. Пастухъ.

I. Мальчикъ—пастухъ пасъ въ полѣ корову подлѣ одного сада. Взглянувши вверхъ на вишневое дерево, замѣтилъ онъ

висѣвшія на немъ спѣлыя, темно-красныя вишни, и ему захотѣлось сорвать ихъ; онъ оставилъ корову и взлѣзъ на дерево.

II. Животное, оставленное безъ надзора, бродивши по полю, пробралось и въ садъ, и отчасти поѣло, а отчасти потоптало въ немъ цвѣты и огородную зелень. Мальчикъ, увидѣвши это, пришелъ внѣ себя отъ гнѣва, соскочилъ съ дерева, побѣжалъ въ садъ, нагналъ корову и сталъ бить ее самымъ жестокимъ образомъ.

III. Между тѣмъ, отецъ, видѣвшій все происходившее, подошелъ къ мальчику, взглянулъ на него сердито и спросилъ: кому слѣдуетъ это наказаніе — тебѣ ли, или животному, которое не знаетъ, что худо и что хорошо? Меньше ли ты увлекся своимъ пожеланіемъ, нежели животное, которымъ ты долженъ былъ управлять? и ты такъ жестокосердно поступаешь, забывая свой разсудокъ и свой собственный проступокъ?—Мальчику очень стыдно стало предъ отцомъ; онъ смутился и покраснѣлъ отъ стыда.

(Изъ Круммахера).

6. Раскаяніе.

I. Отецъ своими руками насадилъ цѣлый рядъ плодовыхъ деревьевъ лучшей породы. Онъ очень обрадовался, когда черезъ три или четыре года показались на нихъ первые плоды; хотя, какъ обыкновенно на молодыхъ деревьяхъ, этихъ плодовъ было немного, но отцу очень хотѣлось попробовать, каковы они будутъ на вкусъ.

Плоды еще не созрѣли, когда въ садъ забрался сынъ сосѣда, мальчикъ шаловливый и злой. Онъ подговорилъ хозяйскаго сына, который былъ моложе его, и они вдвоемъ такъ усердно похлопотали около маленькихъ деревьевъ, что на нихъ остались одни листья. Пришелъ хозяинъ сада и, взглянувъ на опустѣвшія деревья, очень огорчился. «Безсовѣстныя дѣти», сказалъ онъ, «вы лишили меня удовольствія, котораго я такъ долго ожидалъ!» Эти слова, сказанныя безъ гнѣва, но съ горестью, глубоко запали въ сердце хозяйскаго сына. Онъ побѣжалъ къ своему злому сосѣду и сказалъ ему:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ огорчился батюшка, когда увидалъ, что мы надѣлали! Теперь у меня не будетъ ни минуты покоя. Батюшка не будетъ любить меня больше, какъ прежде; но навѣрное накажетъ презрѣніемъ, которое я вполнѣ заслужилъ.

— Глупъ, братъ, ты, какъ я вижу! отвѣчалъ ему сынъ сосѣда: почемъ же узнаетъ твой отецъ, кто это сдѣлалъ? Ты только смотри, самъ не проговорись.

Но когда Володя (такъ звали хозяйскаго сына) возвратился домой и увидѣлъ, что отецъ его встрѣчаетъ по-прежнему дружески, то въ сердцѣ у него что-то кольнуло, и онъ почувствовалъ, что самъ не можетъ подбѣжать къ отцу съ прежнею радостію.

Какъ же мнѣ, подумалъ онъ, смотрѣть весело на того, кого я такъ огорчилъ. О, нѣтъ! Я не могу по-прежнему веселиться. Что-то давитъ мнѣ сердце.

II. Черезъ нѣсколько времени отецъ пошелъ съ дѣтьми въ садъ и далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку прекрасныхъ плодовъ, въ томъ числѣ и Володѣ. Дѣти прыгали весело и ѣли; но Володя закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

— «Что съ тобою, дитя мое? о чемъ ты плачешь?» спросилъ его заботливо отецъ. Володя не могъ выдержать болѣе душевной муки и, рыдая, сказалъ отцу: «Ахъ! я не стою того, чтобы ты называлъ меня своимъ сыномъ, и не могу переносить болѣе, что ты считаешь меня добрымъ мальчикомъ, когда я сдѣлалъ такое злое дѣло. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше; не дари мнѣ ничего; накажи меня, чтобы я могъ къ тебѣ опять приходить спокойно; избавь меня отъ мученій, которыя чувствую. Накажи меня за мой безсовѣстный поступокъ, потому что я... я обобралъ молодыя деревья!» Услышавъ это, отецъ взялъ сына за руку, ласково привлекъ его къ себѣ, обнялъ и сказалъ: «я прощаю тебя, дитя мое, и дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось въ другой разъ что-нибудь скрывать отъ меня: тогда мнѣ не будетъ жаль моихъ яблокъ».

(Изъ «Дѣтскаго міра» Ушинскаго).

7. Степанъ Ворошилинъ.

1. Въ одномъ изъ удѣльныхъ имѣній *) Симбирской губерніи жило семейство Ворошилиныхъ. Они были крестьяне зажиточные и работящіе; у отца пятеро сыновей на возрастѣ, всѣ погодки **), да еще двѣ, либо три дочери. Жили они мирно, спокойно. Богъ благословилъ труды работящихъ сыновей и заботы старика отца: не знали они ни горя, ни печали, какъ вдругъ сказанъ былъ рекрутскій наборъ: Ворошилинымъ, какъ пятерикамъ, не миновать очереди; молодые ребята стали призадумываться, а дѣвки да бабы принялись плакать.

*) Удѣльныя имѣнія—царскаго дома, не помѣщичьи.

**) Погодки—одинъ старше другого на годъ.

II. Глядя на это, старикъ созвалъ въ воскресенье послѣ обѣдни всѣхъ сыновей и сталъ имъ говорить слѣдующее:

— Вотъ, дѣти, государь требуетъ съ насъ солдата; дѣлать нечего: не итти же одинокому, не итти и двойникамъ, либо тройникамъ, не обижать изъ-за насъ другихъ, а итти, видно, кому-нибудь изъ васъ. Не тужите: свѣтъ не клиномъ сошелся; не только свѣту, что въ окнѣ; доброму человѣку вездѣ житье будетъ: что тутъ, что тамъ; тутъ работали на себя, да на царское подушное, *) не на боку же лежали; а тамъ послужите на государя: за то кормить станетъ. Коли солдатъ мой живъ будетъ, такъ, дастъ Богъ, милость царскую заслужитъ: вы всѣ ребята добрые; а коли кости его закопаютъ,—и на это власть Господня; Онъ же и смилуется надъ нимъ. А кто пойдетъ, ужъ тому меня, старика, не видать больше: надо проститься; я и то чужой вѣкъ заживаю; пора и честь знать. Живите вы дружно, мирно, чтобъ ни попреку, ни поклепу у васъ не было; чтобъ помощь была отъ брата брату; чтобъ другъ за друга Богу молились, хоть врозь, хоть вмѣстѣ жить будете; уважайте начальство, какое у кого будетъ, и повинуйтесь ему; уважайте старшаго по мнѣ, чтите братъ брата. Ну, кто же изъ васъ идетъ?

Младшій сынъ Степанъ за словомъ повалился въ ноги отцу и просилъ благословенія.

— Два старшіе брата у меня женатые, сказалъ онъ: третій уже засваталъ невѣсту, а четвертый, Григорій, слабъ, на службу не годится: я иду.

III. Прошло времени годовъ 20 слишкомъ; старикъ Ворошилинъ давно въ землѣ, сыновья его посѣдѣли, выростили каждый полонъ домъ дѣтей; благословилъ Богъ и ихъ достаткомъ, нужды не знаютъ; хозяекъ набрали хорошихъ и живутъ безъ горя; но о Степанѣ и слуху нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ проходившій отставной солдатъ одного съ нимъ полка сказывалъ, что живъ онъ и здоровъ и начальство его любитъ. Вѣсть эта пришла еще при жизни отца, и ей онъ порадовался; а съ тѣхъ поръ ничего о Степанѣ не слышно.

IV. Около Покрова, когда старшій братъ Ворошилинъ уже собирался отдавать замужъ дочь и зазвалъ на вечеръ въ избу свою сватовъ и сватей **) жениха, постучался кто-то въ ворота; а какъ не скоро пошли отпирать (не до того было), то онъ стук-

---

*) Подушное—подать съ души, т. е. съ человѣка.

**) Сваты и сватьи—родственники и родственницы жениха.

нулъ посохомъ своимъ и въ окошко. Побѣжала дѣвочка хозяйская, отперла калитку и, прибѣжавъ опять, сказала отцу, что де служивый пришелъ, просится на ночлегъ. «Зови его сюда на радость», сказалъ Ворошилинъ, «коли Богъ посылаетъ гостя на праздникъ мой, такъ не отказывать же ему. У меня же и братъ Степанъ былъ когда то служивымъ, помяни его Господь въ царствіи своемъ; чай, померъ давно»; и перекрестился.

V. Входитъ служивый, изъ себя еще молодецъ, болѣе сорока годовъ не будетъ, и видный такой, что хоть куда. Помолился, поздоровался, поблагодарилъ, что пустили, свалилъ съ плечъ котомку, да и сталъ среди избы и глядитъ на людей: который де изъ нихъ кто? кого узнаю? Смотрѣлъ долго, и они на него глядятъ; да и спросилъ: а что, братья мои любезные, помните ли вы совѣтъ отцовскій? молились ли вы за меня Богу? а я за васъ молился.

Тутъ крикъ такой пошелъ на всю избу, что никто слова чужого не разберетъ, да и самъ своего не услышитъ. Всѣ узнали Степана; кто обнимаетъ его, кто кланяется въ ноги ему, кто спереди, кто съ тылу, кто сбоку; ну, словомъ, приняли Степана, какъ выходца съ того свѣта, разспрашивали обо всемъ до самой полуночи. *(В. Даль).*

8. Нечистоплотный крестьянинъ.

I. Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ Иванъ. Славный былъ малый, такой здоровый, краснощекій, и былъ онъ человѣкъ работящій. Одна за нимъ была бѣда: бывало придетъ въ воскресенье въ церковь Божію—волосы на немъ всклокочены, зипунъ въ грязи, рубашка черная, какъ будто сейчасъ изъ болота. Вотъ какъ выйдутъ крестьяне изъ церкви да сберутся на погостъ—о томъ, о семъ поговорить, сосѣди и спрашиваютъ Ивана: «Или ты, Иванъ, по субботамъ въ баню не ходишь?» А онъ въ отвѣтъ: нѣтъ, недосужно было... А они опять: «да что-жъ на тебѣ рубашка-то черная?»—А онъ въ отвѣтъ: говорятъ вамъ, недосужно было, родимые.

II. И все ему было недосужно. За обѣдъ бывало сядетъ—рукъ не вымоетъ, встанетъ по утру—глазъ не вытретъ; а въ домѣ-то у него грязи на полу на цѣлую четверть, а въ избѣ-то свиньи и телята, а на немъ-то самомъ вши такъ вереницею и ползаютъ. Станутъ Ивану говорить, что онъ живетъ не хорошо, а Иванъ въ отвѣтъ: «и такъ живетъ! наше дѣло крестьянское». Но не все то въ животъ, что живетъ; и съ Иваномъ эта пословица сбылась.

III. Отъ нечистоты сдѣлалась у Ивана на рукахъ короста, а по всему тѣлу чирья. Зудъ страшный! Съ тѣла спалъ, сдѣлался такой блѣдный, какъ смерть; что въ руки возьметъ, такъ изъ рукъ кровь и течетъ.—Что съ тобой? спрашивали его сосѣди. «Божій гнѣвъ», отвѣчалъ онъ сквозь слезы.—Правда, сказалъ ему въ отвѣтъ одинъ крестьянинъ: Божій гнѣвъ бываетъ на тѣхъ, которые не любятъ себя въ чистотѣ держать. Если бы ты почаще въ баню ходилъ, да чистую рубашку надѣвалъ, то у тебя бы коросты не было.—Но Иванъ все не вѣрилъ, что чистотою здоровье и у человѣка, и у скота держится. Взяли Ивана въ больницу и лѣчили, вылѣчили, свели коросту и чирья; вымыли, вычесали, бѣлую рубаху надѣли и выпустили, приговаривая: въ другой разъ будь, Иванъ, умнѣе.

IV. Но что же случилось? Сбирали работниковъ на сосѣдній красильный заводъ,—плата была хорошая; пошелъ и Иванъ на заводъ. Ну, извѣстное дѣло, на заводахъ бываетъ всякая всячина, иногда и ядовитая. Что-то Ивану дали мѣшать; онъ мѣшалъ, мѣшалъ, а потомъ, по обычаю, не умывши рукъ, схватился за хлѣбъ и ну убирать его со всѣмъ, что на хлѣбъ отъ рукъ прилипло. Какъ вдругъ поднялись у Ивана судороги въ животѣ,—туда, сюда, катался, катался, да Богу душу и отдалъ. Такъ его и жизнь скончалась.

На чистоту времени не много идетъ, а чистота здоровье даетъ. Вставши, умойся да Богу помолися; грѣхъ не мытому, нечесанному Богу молиться. Надо чаще въ баню ходить или купаться и чистое бѣлье надѣвать. Отъ того будешь чистъ, а отъ чистоты будешь здоровъ, людямъ пріятенъ и Богу угоденъ.

(В. Даль).

9. У кого совѣсть не чиста, тому и тѣнь кочерги—висѣлица.

I. У одного богатаго купца изъ крестьянъ было нѣсколько домовъ; всѣ эти дома онъ отдавалъ въ наймы подъ квартиры. Въ подвальномъ этажѣ одного изъ этихъ домовъ жила бѣдная вдова, солдатка, съ пятью малолѣтками, изъ которыхъ самому старшему было не болѣе семи лѣтъ, а самый маленькій былъ еще грудной. Комната, которую занимала солдатка, была темная да сырая, дверь къ ней скрипѣла, въ полу были большія дыры и щели; сквозь нихъ свободно бѣгали мыши и крысы: хлѣба положить никуда нельзя было—сейчасъ съѣдятъ. Богатый и дня не прожилъ бы въ такой квартирѣ, а нужда чего не дѣлаетъ?

Вдова по неволѣ жила въ этомъ подвалѣ—дѣваться некуда было. Она гдѣ полы вымоетъ, гдѣ бѣлье постираетъ, а гдѣ и сошьетъ что-нибудь: этимъ только и кормилась съ своими малютками и кое-какъ выплачивала хозяину полтора рубля за квартиру. Все бы это еще ничего—какъ-нибудь можно бы перебиваться, да вотъ какой грѣхъ вышелъ: у солдатки захворала одна дочка корью, а у грудного ребенка зубы стали прорѣзываться: плачутъ они день и ночь, совсѣмъ сокрушили мать; отойти нельзя, не то что работать.

II. Прошелъ мѣсяцъ. Приходитъ отъ хозяина приказчикъ за деньгами, а гдѣ ихъ взять?—«Батюшка, Аркадій Семенычъ!» проситъ вдова, «обожди ты, Христа ради, деньги; вотъ дѣтишки поправятся, примусь опять за работу,—уплачу сполна, что слѣдуетъ за квартиру».

Приказчикъ былъ такой жалостливый: «я-то обождалъ бы», говоритъ, «да ты знаешь—воля не моя—хозяйская; доложу хозяину—отсрочитъ, и слава Богу! Да только навряд ли онъ это сдѣлаетъ: онъ у насъ такой, Богъ съ нимъ, крутой, да скупой». Приказчикъ ушелъ, давши на прощаньи дѣтямъ пряниковъ.

III. На другой день чуть свѣтъ приходитъ въ квартиру солдатки дворникъ и гонитъ ее изъ дому: хозяинъ де нищихъ держать не хочетъ; много, говоритъ, ихъ на свѣтѣ—всѣхъ не накормишь; чтобы завтра же, говоритъ, и духу твоего въ домѣ не было». Что будешь дѣлать! Солдатка одѣла всѣхъ ребятишекъ, кромѣ больной дѣвочки, въ разное старье и пошла съ ними къ купцу—просить отсрочки. А купецъ жилъ за городомъ на дачѣ. Входитъ солдатка на дворъ; а на дворѣ собака, да такая злющая! увидала лохмотья на ребятишкахъ, да какъ бросится на нихъ! совсѣмъ было искусала,—спасибо, дворникъ вышелъ и отогналъ. Вотъ кое-какъ допустили наконецъ солдатку до купца. Выходитъ къ ней мужчина изъ себя толстый, высокій и краснолицый. Она сейчасъ бухъ—въ ноги! и дѣти за ней. «Батюшка, отецъ ты нашъ родной, Пантелей Сидорычъ!» завопила вдова, «не губи ты насъ... куда я дѣнусь сама-шеста, съ дѣтьми-то? Пообожди, родимый, деньги за квартиру! Богъ тебя наградитъ за призрѣніе сиротъ»! А дѣти со словъ матери тоненькими, жалобными голосками пищатъ: «ба-тю-шка... о-тецъ... на-гра-дитъ Го-сподь... си-ротъ»... А сами глазенки исподтишка на стѣны пялятъ: имъ, вишь, въ диковинку украшеніе-то и убранство на стѣнахъ. Такъ слезно умоляла солдатка купца подождать деньги, что самаго безчувственнаго человѣка и того тронуло бы за душу;

а нашъ купецъ и усомъ не ведетъ, да еще какъ закричитъ: «много васъ, нищихъ, по бѣлому свѣту шатается! всѣхъ пускать даромъ на квартиру, самъ безъ рубашки останешься. Сказано, чтобъ завтра же тебя здѣсь не было, такъ нечего и толковать!» И захлопнулъ дверь.

IV. На другой день ни свѣтъ, ни заря солдатка отнесла всѣ свои пожитки, какіе были у ней, къ постоялкѣ, сосѣдкѣ; у ней же оставила и больную дочку на время, а сама съ грудным ребенкомъ на рукахъ и съ другими дѣтьми поплелась въ деревню, на родину, гдѣ и родныхъ-то у ней вовсе не было. Сынишка держится за платье матери съ одной стороны, старшая дочурка—съ другой, а меньшая держитъ за руку брата,—такъ они цѣпью и идутъ по городу, заглядывая въ окна и поджидая, не кинетъ-ли кто имъ копеечки на хлѣбъ.

V. Купецъ, между тѣмъ, сладко пообѣдавши, отправился въ садъ (дѣло было лѣтомъ)—отдохнуть въ бесѣдкѣ. Легъ, а заснуть не можетъ; чудится ему будто кто-то стонетъ: «куда намъ дѣваться, куда намъ дѣваться?» Всталъ съ постели, обошелъ кругомъ сада—нѣтъ ни души! только ручеекъ, что протекалъ по саду, журчитъ тихо, пробираясь съ камешка на камешекъ. «Что за чудо!» думаетъ купецъ. Легъ опять, закрылъ глаза и только-что забылся,—чей-то голосъ шепчетъ ему: «грѣхъ! грѣхъ! грѣхъ! Сироты! сироты! сироты!» Купецъ какъ вскочитъ!—никого нѣтъ! только ласточки на осинѣ отъ прохладнаго вѣтерка потихоньку пошевеливаются. «И чего только не почудится!» сказалъ про себя купецъ и опять легъ. Заснулъ. А день былъ такой знойный. Тучки давно ужъ ходили по небу; наконецъ онѣ сгустились и почернѣли; вдали засверкала молнія, загремѣлъ громъ, поднялась буря. А купцу чудится, будто кто-то кричитъ ему на ухо сердитымъ голосомъ: «погублю, погублю, за ребятъ погублю!» И опять: «погублю, погублю!» Ворочается купецъ и силится во снѣ какъ-нибудь себѣ уши заткнуть. Вдругъ хлынулъ дождь какъ изъ ведра. Купцу снится, будто на него мелкіе камешки съ потолка посыпались и кричатъ: «засыплемъ, засыплемъ, живого засыплемъ!» Купецъ не вынесъ,—вскочилъ съ испугу и пустился домой безъ оглядки. Прибѣгаетъ домой и сейчасъ же посылаетъ приказчика за солдаткой и наказываетъ ему, «поди: отыщи ты мнѣ ее, гдѣ хочешь, и приведи!» А самъ весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.

VI. Приказчикъ пошелъ прямо къ той постоялкѣ, у которой вдова оставила свою больную дочку. Приходитъ туда и видитъ—

подъ иконами стоитъ столъ, на немъ лежитъ та дѣвочка. «А гдѣ же мать-то?» спрашиваетъ посланный.—«Пошла, вишь, въ деревню, на родину», отвѣчаетъ постоялка, «а меня попросила поводиться дня четыре съ дѣвочкой. А дѣвочка возьми, да и помри—теперь не знаю, что мнѣ и дѣлать». Приказчикъ сунулъ женщинѣ въ руку четвертакъ и побѣжалъ скорѣе къ хозяину. Приходитъ и видитъ—хозяинъ словно не въ своемъ умѣ: сидитъ и что-то все шепчетъ и крестится. Возлѣ него стоитъ и плачетъ жена и уговариваетъ его: «это тебѣ во снѣ попритчилось, батюшка Пантелей Сидорычъ: кто днемъ залѣзетъ въ садъ и станетъ камнями бросаться!» А купецъ все сидитъ и что-то шепчетъ. Лицо у него все поблѣднѣло и осунулось, глаза мутные, дикіе, волосы растрепанные. Какъ только онъ увидалъ приказчика, кинулся на него, схватилъ за воротъ и кричитъ: «говори—привелъ, аль нѣтъ?» Когда тотъ разсказалъ, гдѣ теперь солдатка и что сталось съ ея дочкой, купецъ какъ захохочетъ, да какъ закричитъ не своимъ голосомъ: «ай-ай-ай, убьютъ, убьютъ!» Тутъ домашніе догадались, что онъ совсѣмъ рехнулся, и послали за лѣкаремъ. Лѣкарь пользовалъ больного недѣли двѣ, потомъ видитъ, что ему легче нѣтъ, велѣлъ свезти его въ сумасшедшій домъ. Купецъ пробылъ тамъ мѣсяца два и померъ. Передъ смертью, немного опамятовавшись, онъ все приставалъ къ женѣ и къ прислугѣ и жалобно просилъ: «приведите вы, ради Бога, ихъ ко мнѣ, когда они придутъ». (*Изъ «Кн. для Чт.» Сердобольскаго*).

10. Чужое добро.

(Разсказъ стараго столяра).

I. У насъ на дворѣ есть столярное заведеніе. Зазвалъ я къ себѣ разъ хозяина этого заведенія по пустячному дѣлу—(шкафъ поправки потребовалъ)—и разговорились мы со старикомъ до самыхъ вечеренъ. Слово за слово, и разсказалъ мнѣ старикъ о себѣ, какъ онъ началъ свое дѣло.

— «Я, сударь, тридцатый годъ на этомъ дворѣ хозяйничаю. А попалъ-то я сюда нежданно, негаданно. Царство небесное покойному домовладѣльцу: онъ меня на ноги поставилъ. Жилъ я у подрядчиковъ въ мастерахъ, если же случалось безъ мѣста быть, ходилъ по знакомымъ господамъ починки дѣлать. «Нѣтъ-ли работы какой?»—Покойный баринъ мнѣ и далъ бюро [1]) чинить. Устроился я

1) Бюро—родъ комода, съ открывающимся столомъ и ящиками.

въ сараѣ, сталъ работать... Тяжко мнѣ было въ ту пору: изъ деревни то и дѣло слышишь: «высылай, да высылай оброкъ», а у меня и вовсе ничего. Радъ я былъ той работѣ. Принялся за нее. Вижу: бюро старинное; что ящичковъ, что дверецъ!— хитро устроено. Разобралъ я его. Баринъ самъ показывалъ мнѣ секреты эти, какъ что отпереть надо, да, знать, не все и онъ разумѣлъ въ нихъ...

II. Ушелъ баринъ... Сталъ я заднюю стѣнку внутри отчищать,—вдругъ—щелкъ!... гляжу: выскочилъ ящичекъ... бумаги въ немъ какія-то написаны, письма... Перебирать началъ... Господи!... толстая пачка ассигнацій [2])! за ней другая... третья... Я этакъ руками ихъ прикрылъ и глаза зажмурилъ, а волосъ у меня дыбомъ... Чего-чего тутъ не передумалось!... И вотъ же спасъ меня Господь: вѣришь ли, сударь? — минуты не сомнѣвался. Вошелъ къ барину:—«Андрей Митрофановичъ», говорю, «бумаги въ бюрѣ нашлись». О деньгахъ не помянулъ: совѣстно было признаться, что покопался ужъ въ нихъ.—«Что, говоритъ, за бумаги?»—Да какъ разсмотрѣлъ,—«ахъ, говоритъ, Пименъ! ну какъ же мнѣ тебя отблагодарить? Вѣдь здѣсь за сто тысячъ!»— Даже заплакалъ. И я прослезился.—«Батюшка мой», говоритъ, «умеръ скоропостижно, и дѣловъ его я вовсе не зналъ; однако догадывался, что деньги не всѣ мнѣ достались, и—каюсь—поклепалъ даже чиновниковъ, что опись имущества совершали».

III. Ну, сударь, наградилъ онъ меня по-царски. А тутъ еще флигелекъ у него старый пустовалъ (его снесли ужъ).— «Хозяйничай», говоритъ, «Пименъ, въ немъ, и платы съ тебя никакой не положу. Съ этого случая, сударь, и окрѣпъ я».

Тутъ старикъ вздохнулъ и прибавилъ: «Такъ-то, сударь. Вотъ благодѣтеля-то моего ужъ и въ живыхъ нѣтъ; а я, благодареніе Господу, черезъ него счастливъ сталъ, и бо́льшаго не желаю». (*А. Сивицкій*).

11. Добра не забывай, обиду прощай.

I. Зналъ я въ Ростовѣ двухъ купцовъ: одного звали Гаврилой, другого—Ѳедоромъ; хоть и не родня, но такіе были друзья, что со свѣчкой поискать; съизмолоду хлѣбъ-соль водили; гдѣ одинъ, тамъ и другой: въ подряды ли, въ поставщики ли—все вмѣстѣ, и барыши пополамъ; люди были зажиточные; у одного дочь, а у другого сынъ, и смекали Гаврила съ Ѳедоромъ, что

[2]) Ассигнаціи—бумажныя деньги.

когда ихъ дѣтки подростутъ, то ихъ бы между собою поженить, чтобы породниться. Но вотъ что случилось:

Однажды, на именинахъ, Гаврила съ Ѳедоромъ подгуляли; а тутъ ужъ, извѣстное дѣло, лукавый того и ждетъ, чтобы на грѣхъ натолкнуть. Вотъ ни съ того, ни съ сего пришло Гаврилѣ въ голову, что Ѳедоръ чрезъ него много пользы получилъ по поставкамъ, и сталъ Гаврила подтрунивать надъ Ѳедоромъ, а Ѳедоръ надъ Гаврилой; отъ шутки пошло дѣло на упреки. «Ты мой хлѣбъ ѣлъ», говорилъ Гаврила; «нѣтъ, ты мой хлѣбъ ѣлъ», отвѣчалъ Ѳедоръ, и заспорили пуще прежняго. Хмѣльнымъ было не размыслить, что польза была имъ обоимъ, одному отъ другого, и польза отъ того, что были между ними совѣтъ да любовь, отъ того, что вели свои дѣла дружно и помогали одинъ другому. Не о томъ шла теперь у нихъ рѣчь, а только старались они какъ бы другъ дружку погорше оскорбить. На бѣду, Гаврила сказалъ какое-то задорное слово, а Ѳедоръ, не стерпѣвъ обиды, хвать Гаврилу за бороду — у пьяныхъ ужъ такой обычай. Вотъ друзья чуть было не въ потасовку; насилу ихъ гости растащили и по домамъ развели.

II. Вотъ на другой день у Гаврилы хмѣль прошелъ, а обида на сердцѣ, и сталъ онъ думать, какъ бы Ѳедору отомстить; думать долго было нечего, дѣла у нихъ были общія, разные счеты и разсчеты. Сыскалъ Гаврила какого-то сутягу подъячаго, выгнаннаго изъ службы за пьянство и взятки, и подъячій разомъ, за цѣлковикъ, настрочилъ Гаврилѣ жалобу въ судъ на Ѳедора. Что было въ той жалобѣ — самъ Гаврила не выразумѣлъ, а подписалъ онъ ее потому, что для Ѳедора она была обидчива; и радъ Гаврила, что друга доконалъ; анъ не тутъ-то было. Ѳедоръ нашелъ также совѣтника, такого же подъячаго, и тотъ, насупротивъ Гавриловой жалобы, настрочилъ жалобу на Гаврилу отъ Ѳедора. Вотъ и пошло дѣло; а сутяги знай ихъ съ толку сбиваютъ: вотъ то напиши, вотъ тѣмъ упрекни, вотъ такое-то словцо вверни; сбиваютъ Гаврилу съ Ѳедоромъ, да съ нихъ же за то деньги берутъ; подъячіе наживаются, а друзья разоряются. То смотришь: подрядъ лопнулъ, поставка не пошла, а тамъ заводъ продали, а вотъ и дома каменные съ молотка порѣшили. Чѣмъ больше друзья разорялись, тѣмъ больше сердчали, и каждый обвинялъ другого въ своемъ несчастіи: Гаврила Ѳедора, а Ѳедоръ Гаврилу. Дошло до того, что хоть съ сумой итти поміру. У Ѳедора еще остался въ городѣ деревянный домишко, а Гаврила давно уже жилъ на квартирѣ, да и за квартиру-то не

чѣмъ было платить. Съ горя принялся онъ попивать сильно. Однажды сидитъ онъ ночью хмѣльной и думаетъ: «Вишь-ты, еще Ѳедоръ въ своемъ домѣ важничаетъ, да онъ же меня обидѣлъ, а вотъ меня, горемычнаго, хозяинъ съ квартиры гонитъ—хоть на улицѣ спи. Не дамъ же я врагу надо мною тѣшиться»... И лукавый шепнулъ на ухо Гаврилѣ страшный грѣхъ: поджечь домъ у Ѳедора. «Авось, говоритъ, не узнаютъ, а врага-то я славно доконаю».

III. И съ такою грѣшною мыслью вышелъ Гаврила изъ дома; дѣло шло ужъ къ утру, къ заутрени звонили. Идетъ Гаврила мимо церкви,—видимо, ангелъ Божій сжалился надъ грѣшною душою Гаврилы и вложилъ ему желаніе въ церковь войти; церковь только-что отворили, никого еще изъ міряпъ не было,—Гаврила вошелъ, перекрестился, смотритъ на иконы—и обомлѣлъ, какъ-будто онъ ихъ въ первый разъ видитъ.

На первомъ образѣ Спаситель, въ раздранной ризѣ предъ Пилатомъ и Иродомъ, и внизу надпись: «Онъ не поносилъ, когда Его поносили»; на другомъ образѣ истязаніе Спасителя и внизу надпись: «Онъ не грозилъ, хотя и страдалъ»; на третьемъ образѣ распятіе Спасителя и внизу надпись: «Отче! прости имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ». Гаврила долго смотрѣлъ на образа; вдругъ слезы брызнули изъ глазъ: онъ упалъ на колѣни, сталъ молиться...

Въ эту минуту вошелъ въ церковь Ѳедоровъ артельщикъ и прямо къ Гаврилѣ. «Я васъ ищу», сказалъ онъ, «Ѳедоръ Яковлевичъ сильно занемогъ и проситъ васъ съ нимъ видѣться». Гаврила пошелъ за артельщикомъ. При входѣ его въ комнату, гдѣ лежалъ больной, Ѳедоръ сказалъ: «Гаврила! виноватъ я передъ тобою! прости меня!»—«Мнѣ не въ чемъ прощать тебя, братъ Ѳедоръ!» отвѣчалъ Гаврила; они подали другъ другу руки, обнялись, и оба долго плакали.

IV. И какъ-будто примиреніе съ другомъ было для больного лѣкарствомъ; оно успокоило его душу, успокоило и тѣло. Мало-по-малу Ѳедоръ началъ оправляться, а потомъ и совсѣмъ оправился. Гаврила съ Ѳедоромъ, прогнавши сутягъ, снова дружно принялись за дѣло. Мудрено было поправить, что они сами по глупой ссорѣ разстроили, и часто они жалѣли и обвиняли себя въ такомъ неразумьи, но все-таки, съ горемъ пополамъ, они принялись за прежнюю работу и, къ утѣшенію, замѣтили, что работа вдвоемъ дѣлалась сподручнѣе годъ отъ года. Трудно имъ было, но по-крайней мѣрѣ, при добромъ мирѣ, по-міру не пошли.

(Кн. Одоевскій).

12. Терпѣнье и трудъ все перетрутъ.

I. Въ одномъ селѣ жилъ крестьянинъ. Звали его Иванъ Терпигоревъ. Недаромъ досталось ему это прозвище: онъ и точно много горя вытерпѣлъ на своемъ вѣку. Былъ онъ и смышленый и работящій, да крѣпко не везло ему много лѣтъ сряду. То его полосу градомъ побьетъ, то на скотъ падежъ придетъ, то бурнымъ ливнемъ все его сѣно съ лугу подмоетъ и въ рѣку унесетъ.

II. Бился, бился мужикъ, работалъ за троихъ и чуть только изъ бѣды, казалось, выбился—вдругъ новая напасть! Въ самыя Петровки, когда онъ былъ на сѣнокосѣ съ семьей своей, разразилась гроза надъ деревней, ударила въ Терпигореву избу, запалила ее, какъ свѣчку, и, пока сосѣди сбѣжались да свои избы отъ пожара отстаивать стали, Терпигорева изба сгорѣла до-тла. Осталась отъ нея только печка съ трубою.

III. Прибѣжалъ Иванъ съ поля съ женою и съ ребятишками, посмотрѣлъ на свое горе и голову повѣсилъ...

«Теперь я совсѣмъ голъ и съ женою, и съ малыми ребятишками, и головы приклонить ни мнѣ, ни имъ некуда»!..

Потужили сосѣди съ Иваномъ, повыли, поплакали бабы съ его женою и разошлись по своимъ домамъ, подъ свои крыши, а бѣдному Ивану пришлось въ пустой овинъ съ семьей перебраться. И такое-то взяло его, бѣднаго, горе, что ужъ работа ему и въ умъ нейдетъ, и сонъ ему очей не смыкаетъ...

«Нѣтъ, видно, мнѣ ни въ чемъ ни доли, ни удачи не видать, и работать не стоитъ. Все равно — работай не работай, придется мнѣ съ малыми ребятишками по міру ходить»!

IV. Въ такихъ думахъ пролежалъ онъ до самаго свѣта. Чуть только утро забрезжилось, видитъ Иванъ надъ самою своею головою большого паука. У него вчерашней грозой всѣ его мережки порвало и попутало. И возится паукъ, и работаетъ изъ всей мочи, и тянетъ во всѣ стороны свои тонкія, прозрачныя нити, и прядетъ и сучитъ своими когтистыми лапками, то спускаясь, то вновь подымаясь вдоль стѣнки овина. Вотъ кажется, и совсѣмъ бы сѣть его готова, только бы сѣсть ему царькомъ въ серединѣ да выжидать залетныхъ гостей,—такъ нѣтъ же!.. Дунулъ вѣтерокъ въ щель овина и опять все сорвалъ и запуталъ! И опять терпѣливый паукъ пошелъ вверхъ и внизъ спускаться, и опять онъ пошелъ сновать, сучить и прясть свои нити... И опять та же бѣда! Залюбовался Иванъ пауковой работой, заглядѣлся на нее: словно въ первый разъ ее видѣлъ. И видѣлъ

Иванъ, какъ паукъ двѣнадцать разъ обрывался со своей паутиной, и двѣнадцать разъ принимался вновь вязать ее и крѣпить къ потолку и стѣнамъ, пока, наконецъ, устояла паутина противъ напора вѣтра — и самъ паукъ забился въ свое гнѣздо на отдыхъ.

V. «Господи, Боже мой!» подумалъ Иванъ: «вѣдь, вотъ, ужъ какая малая тварь, а вѣдь, какой въ ней разумъ Господь вселилъ! какимъ ее терпѣніемъ надѣлилъ! Вѣдь, вотъ, бился, бился, двѣнадцать разъ обрывался, а своего добился! Неужто же меня паукъ разуму учить долженъ? Развѣ даромъ, что ли, люди говорятъ: «терпѣнье да трудъ все перетрутъ!» И вышелъ онъ на другой день со всѣми людьми на работу, и трудился, что есть мочи, все лѣто, и далъ Господь Богъ ему урожай на хлѣбъ, какого никогда еще у него не бывало. Подъ осень люди помогли ему кое-какую избенку сколотить. А Иванъ не унывалъ и работать не уставалъ: на зиму на печь не завалился, а вдаль отъ семьи на заработки ушелъ. Къ веснѣ пришелъ и денегъ принесъ. Скоро Иванъ опять хозяйствомъ поправился и не хуже другихъ поживать сталъ.

13. Флоръ Силинъ.

I. По сіе время не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страшнаго года, который живетъ въ памяти у низовыхъ *) жителей подъ именемъ «голоднаго»,—того лѣта, въ которое отъ долговременной засухи пожелтѣвшія поля орошаемы были однѣми слезами горестныхъ поселянъ,—той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались въ селахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и житницахъ своихъ,—и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домы свои, просили милостыню на дорогахъ и, несмотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи, подъ открытымъ небомъ, проводили на снѣгу.

II. Я жилъ тогда въ деревнѣ близъ Симбирска, былъ еще ребенкомъ, но умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ. Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ въ то время Флоръ Силинъ, трудолюбивый поселянинъ, который всегда лучше другихъ обрабатывалъ землю, всегда болѣе другихъ сбиралъ хлѣба и никогда не продавалъ всего, что сбиралъ, почему на гумнѣ его стояло всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ. Пришелъ худой годъ—и всѣ жи-

*) Низовой житель—житель города, лежащаго по Волгѣ ниже Симбирска.

тели той деревни обнищали всѣ, кромѣ осторожнаго Флора Силина. Но осторожность была не единственною его добродѣтелью. Вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ и, пользуясь несчастіемъ ближнихъ, разбогатѣть, онъ вдругъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ: «Послушайте, братцы! вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдемъ на гумно, пособите мнѣ обмолотить скирда четыре и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ». Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія. Слухъ объ этомъ благодѣяніи Флора Силина разнесся въ окрестности.

III. Бѣдные изъ другихъ жительствъ приходили къ нему и просили хлѣба. Добрый Флоръ называлъ ихъ братьями своими и ни одному не отказывалъ.

— Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой, — говорила ему жена.

— Богъ велитъ давать просящимъ,—отвѣчалъ онъ.

IV. Небо услышало молитву бѣдныхъ и благословило слѣдующій годъ плодородіемъ. Поселяне, одолженные Флоромъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою.

— Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти,— говорили они: одинъ Богъ можетъ заплатить за твое доброе дѣло, а мы возвращаемъ съ благодарностью то, что у тебя заняли.

— Мнѣ ничего не надобно, отвѣчалъ Флоръ: у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога: не я, Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ.

Напрасно приступали къ нему должники его.

— Нѣтъ, братцы,—говорилъ: — нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсѣять полей своихъ и теперь нуждаются; въ нашемъ околодкѣ не мало такихъ найдется... Поможемъ имъ—и Богъ благословитъ насъ.

— Хорошо,—сказали тронутые поселяне,—хорошо. Будь потвоему. Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молиться.

Въ одной сосѣдней деревнѣ сгорѣло 14 дворовъ. Флоръ Силинъ послалъ на каждый дворъ по два рубля денегъ и по косѣ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того сгорѣла другая деревня. Поселяне, лишенные почти всего имущества своего, прибѣгнули

къ извѣстному великодушію Флора Силина. На тотъ разъ не было у него денегъ.

— У меня есть лишняя лошадь, сказалъ онъ: возьмите и продайте ее. *(Карамзинъ).*

14. Подвигъ крестьянина Марина.

I. Всякое безкорыстное движеніе на спасеніе или въ пользу ближняго должно быть внесено неизгладимыми чертами въ лѣтопись человѣчества вообще. Благодаря Всевышнему, въ русскомъ человѣкѣ любовь къ ближнему развита во всей христіанской простотѣ и прямотѣ ея, и часто мы видимъ на дѣлѣ умилительное и трогательное проявленіе этого высокаго, святого чувства. Впишемъ въ исторію человѣколюбія еще одного русскаго человѣка.

Крестьянинъ государственныхъ имуществъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ, занимался кровельнымъ мастерствомъ и хозяйствовалъ, какъ онъ самъ говоритъ, съ своимъ отцомъ; впослѣдствіи онъ занялся котельнымъ мастерствомъ и поступилъ на Колпинскій заводъ.

Въ 1852 году Маринъ отправился на родину повидаться съ родными, и въ началѣ марта 1853 года собрался въ обратный путь въ Петербургъ. Доѣхавъ до Москвы на лошадяхъ, онъ съ товарищами—ихъ всего было десять человѣкъ—опоздалъ на машину, и долженъ былъ переночевать въ Москвѣ. Утромъ на другой день отправлялся товарный поѣздъ, а потому Маринъ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ до трехъ часовъ того же дня, 11 марта.

«Люди деревенскіе вѣдь любопытны,—такъ разсказываетъ Маринъ, а я въ Москвѣ и съ роду не бывалъ! Вотъ и пошли мы полюбопытствовать на чудеса Бѣлокаменной. Зашли въ Успенскій соборъ, приложились къ святымъ мощамъ; пошли къ Ивану Великому на колокольню, а оттуда въ Охотный рядъ. Тамъ сказали намъ, что случился пожаръ: Большой театръ горитъ... Время было около полудня. Вотъ мы пошли и на пожаръ посмотрѣть»...

II. Маринъ прибылъ на пожаръ уже въ самый разгаръ его. Театръ горѣлъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всѣмъ направленіямъ, вылетало въ крыши и окна.

Во время пожара, трое изъ мастеровыхъ театра выскочили въ окошко верхняго этажа на крышу и долго бѣгали по ней, не находя спасенія, будучи окружены со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ, въ минуту отчаянія, соско-

чили съ крыши внизъ и убились до смерти. Третій остался на крышѣ и, задыхаясь отъ дыму, преслѣдуемый пламенемъ, жалобно молилъ о спасеніи.

Но, казалось, и ему суждено было погибнуть. Не было ни одной лѣстницы, которая могла бы достать до крыши высокаго зданія, и несчастный находился въ неизбѣжной крайности: или погибнуть отъ пламени, которое постепенно приближалось къ нему, или послѣдовать за своими товарищами, броситься внизъ. Не переставая до послѣдней минуты уповать на благость Всевышняго, бѣднякъ укрылся отъ дыма и жара въ такомъ мѣстѣ на крышѣ, откуда вѣтеръ отдувалъ пламя...

Между тѣмъ Маринъ, братъ его и товарищи, молча смотрѣли снизу на страшное зрѣлище.

«Молчу,—разсказываетъ Маринъ,—а сердце у меня такъ и просится, какъ бы способъ дать христіанской душѣ...»

— Товарищи! вскрикнулъ онъ вдругъ—подождите, я пойду, спасу человѣка.

Товарищи посмотрѣли на него сперва въ недоумѣніи.

— Съ Богомъ! сказали они наконецъ: доброе дѣло сдѣлаешь.

Не медля ни минуты, Маринъ обратился къ начальству съ просьбою дозволить ему спасти погибавшаго. Позволеніе было немедленно дано. Маринъ снялъ шубу, шапку, передалъ ихъ городовому и остался въ рубахѣ. Запастись веревкою и взявъ съ собою брата, онъ скоро пошелъ къ лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, но далеко недостававшей до крыши.

Дойдя до лѣстницы, Маринъ набожно перекрестился и смѣло пошелъ вверхъ. Лѣстница была трехколѣнная, но все таки она далеко не доставала до крыши. Обвивъ веревку вокругъ пояса, Маринъ, благословясь, ухватился за водосточную трубу, и по ней сталъ взбираться наверхъ.

Внизу толпы народа слѣдили за дѣйствіями безстрашнаго крестьянина; вверху пламя распространялось съ яростію; слышался стукъ и трескъ валившихся стропилъ, и посреди этого грознаго шума—плачевный вопль несчастнаго.

Маринъ взбирался по водосточной трубѣ.

«Было холодно, вѣтрено,—разсказываетъ онъ—а я и не чувствую: съ тѣхъ поръ какъ возымѣлъ намѣреніе спасти христіанскую душу, у меня такое сердечное воспаленіе сдѣлалось, что такъ въ жаръ и бросило...»

Горячія руки прилипаютъ къ холодному желѣзу водосточной трубы, а Маринъ лѣзетъ все выше и выше.

«Трещитъ труба, небольно крѣпка была, голубушка, а стало быть, такъ ужъ Богу угодно было, и я взобрался на карнизъ; тамъ благо полегче стало: я сталъ на твердую ногу...»

Братъ, оставшійся на лѣстницѣ, подалъ Марину на веревкѣ ухватъ, а онъ помощію этого же ухвата передалъ веревку бѣдняку, находившемуся на крышѣ посреди пламени.

— Зачаливай (прикрѣпи) за что ни попало! крикнулъ Маринъ, да только смотри, покрѣпче.

Погибавшій зацѣпилъ веревку за крюкъ, находившійся на подъѣздной крышѣ театра. Маринъ сложилъ веревку вдвое, чтобы вѣрнѣе было и, приказавъ находившемуся на крышѣ спускаться осторожно, придерживаясь руками за веревки, а колѣнями за водосточную трубу, самъ спустился первый.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій Марина видно, что при благородномъ движеніи сердца, онъ сохранилъ спокойствіе ума.

III. Пока Маринъ спускался по лѣстницѣ, а спасенный имъ по водосточной трубѣ, въ толпѣ проявилось чудное, высокое, истинно русское движеніе. Головы обнажились, и крестное знаменіе, символъ [1]) безмолвной молитвы, сопровождало и подвигъ одного и спасеніе другого...

Тутъ дѣйствительность краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

Въ то же время, когда сошелъ внизъ Маринъ, спасенный имъ находился уже на лѣстницѣ и внѣ всякой опасности.

«Только-что я сошелъ внизъ,—разсказываетъ Маринъ—какъ ко мнѣ подошелъ баринъ въ шинели и каскѣ — не могу знать кто—и далъ мнѣ двадцать пять рублей серебромъ...»

Многіе изъ присутствующихъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, тѣснились къ отважному и великодушному русскому человѣку, и предлагали ему, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ, кто гривенникъ, кто цѣлковый, кто нѣсколько копеекъ...

— Спасибо! молодецъ! дай тебѣ Богъ здоровья! слышалось со всѣхъ сторонъ.

«А куда дѣвался бѣдный, что былъ на крышѣ, — говоритъ Маринъ—мнѣ неизвѣстно, да и не мое дѣло; благо живъ остался... А ко мнѣ подошелъ господинъ адъютантъ [2]), далъ мнѣ записку и отправилъ меня на извозчикѣ въ канцелярію [3]), гдѣ и списали все, какъ было...»

---

[1]) Символъ—знакъ, образъ, выраженіе.

[2]) Дежурный адъютантъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, гвардіи штабсъ-ротмистръ, князь Абамелекъ.

[3]) Московскаго военнаго генералъ-губернатора.

Во все это время Маринъ до того сохранилъ присутствіе духа, что заботился только о томъ, какъ бы не ушла безъ него машина.

Въ три часа онъ сидѣлъ уже въ вагонѣ, а въ пятницу, 13 марта, прибылъ въ Колпино, гдѣ служилъ прежде. Не теряя времени, отправился онъ къ прежнему своему начальнику, г. Флотову и, какъ хорошій работникъ, былъ принятъ; тутъ же выпросился онъ на денекъ въ Петербургъ къ своей родной теткѣ, имѣющей на Васильевскомъ островѣ лавку.

Повидавшись съ теткой, Маринъ собрался уже обратно въ Колпино на работу, какъ былъ призванъ къ оберъ-полицеймейстеру.

IV. Подвигъ самоотверженія былъ уже доведенъ до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величеству благоугодно было увидѣть Марина.

Съ трепетнымъ сердцемъ и полный благоговѣнія, вступилъ русскій мужичекъ въ чертоги русскаго царя. Ни на яву, ни даже во снѣ не представлялось никогда ему, простому человѣку, что Господь удостоитъ его зрѣть вблизи лицо царево, слышать изъ устъ царскихъ милостивое слово, къ нему обращенное...

Его Императорское Величество соизволилъ принять Марина въ своемъ кабинетѣ и обратиться къ нему съ слѣдующими словами: «Спасибо за доброе дѣло. Поцѣлуй Меня и разскажи, какъ Богъ помогъ». Въ простыхъ словахъ разсказалъ Маринъ, какъ было дѣло. Государь Императоръ, благосклонно выслушавъ разсказъ, сказалъ: «Ступай съ Богомъ, и будетъ нужда, такъ приходи ко Мнѣ, когда хочешь». Его Величество соизволилъ приказать наградить Марина медалью, установленною за спасеніе погибавшихъ, и выдать ему сто пятьдесятъ рублей серебромъ.

(М. Погодинъ).

15. Пахарь Иванъ Анисимычъ.

I. Иванъ Анисимычъ, или просто Анисимычъ (такъ звали старика), принадлежалъ къ числу тѣхъ трудолюбивыхъ, дѣловыхъ пахарей стараго вѣка, которые, къ величайшему сожалѣнію, переводятся годъ отъ году. Особенно рѣдко теперь встрѣчаются они въ нашихъ мѣстахъ. По мѣрѣ того, какъ развивался у насъ фабричный промыселъ, воздѣлываніе полей приходило въ упадокъ; челнокъ, красная рубаха и гармонія замѣтно смѣняли соху, балалайку и лапти. Въ

послѣдніе годы одинъ Анисимычъ исключительно, можно сказать, жилъ своимъ полемъ. Его не сокрушили даже неурожайные годы. Онъ продолжалъ пахать, боронить и сѣять даже и въ то время, когда фабрики стали приносить очевидныя выгоды противъ пашни. Но не упрямство управляло имъ, не закоснѣлая привычка къ старому прадѣдовскому ремеслу; не управляли имъ также расчетъ и тонкая смѣтливость: старикъ нимало не соображалъ о томъ, что не вѣкъ же продлятся неурожайные годы, не вѣкъ же миткалю будетъ цѣна высокая. Мнѣ сказывали, онъ считалъ даже грѣшнымъ дѣломъ впередъ загадывать: «что будетъ, то все въ рукѣ Господа; словесами, либо думой тутъ не поможешь», говорилъ онъ. Старикъ не разставался съ полями потому только, кажется, что свыкся съ ними и шибко къ нимъ привязался. Мудренаго нѣтъ: онъ началъ привыкать къ нимъ еще въ то время, когда покойная его мать, отправляясь на жнитво, носила его туда въ люлькѣ. А это было очень давно: Анисимычъ доживалъ уже теперь восьмой десятокъ.

II. Меня особенно поражали въ немъ всегда необычайная кротость нрава, чистота помысловъ и благочестіе. Единственная вещь, быть можетъ, которой не любилъ онъ, было миткалевое производство, но никогда, однакожъ, не относился онъ съ насмѣшкой, злобой или пренебреженіемъ, когда рѣчь заходила объ этомъ предметѣ. Онъ, помнится, покручивалъ сѣдою головою и говорилъ: «Худое ремесло то, когда ничего не дѣлаешь! Коли человѣкъ кормится фабриками, стало и въ нихъ прокъ есть. Не хороша только жизнь фабричная—вотъ что похвалить нельзя: не хороши эти гулянки, да кабаки, да пищалки эти (такъ называлъ онъ гармоники). Что денегъ-то даютъ хозяева», присовокуплялъ онъ обыкновенно, «за этимъ гнаться нечего: деньги только въ соблазнъ вводятъ. Нашему брату денегъ не надобно: былъ бы хлѣбъ святой. Есть хлѣбъ—ни въ чемъ, значитъ, недостатка не будетъ, потому, что хлѣбъ всѣмъ надобенъ, всякому то-есть человѣку; на что хочешь, можно промѣнять его!... По моему, пахота самое, выходитъ, первое дѣло!» заключалъ всегда старикъ, рѣдко пропускавшій случай поговорить о ремеслѣ своемъ, когда былъ въ духѣ, стараясь при этомъ выставлять всѣ его выгоды. «Да! пахота всякому ремеслу голова! Какое ни есть рукомесло, ужъ это все, значитъ, живешь при немъ, какъ словно не въ удовольствіи: фабриканту ли какому, или хозяину работаешь, имъ, примѣрно, и отвѣчать должонъ. Люди-то не равны—вотъ что! И хорошо сдѣлаешь, всѣми силами стараешься, да не уго-

дишь: ну, сердце-то и кипитъ въ тебѣ, все не въ удовольствіи... Ну, а съ пахотой этого не бываетъ: самъ себѣ работаешь, самъ себѣ и отвѣчаешь: старался—значитъ, тебѣ же хорошо; полѣнился, не родилось ничего—самъ, выходитъ, на себя пеняй!... И живешь покойнѣе, потому, выходитъ, серчать не на кого: весь ты, какъ есть, во власти Господней!»

III. Въ жизни пахаря, которая протекла такъ же покойно и тихо, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ, было однакожъ одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили объ этомъ, слова не сказали: думали сдѣлать лучше. Но разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, перваго, который попался. Но случай этотъ его поразилъ сильно только по своей неожиданности. Прійдя въ себя, старикъ побѣжалъ въ контору и просилъ, чтобы ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ трехъ сыновей въ городъ.

До сихъ поръ еще многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очереднаго имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой, шестидесятилѣтній старикъ.—«Ваше благородіе!» сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія:—«очередь за моею семьею. У меня три сына... пытался—не могу выбрать: всѣ равно дороги!... Соблаговолите позвать всѣхъ трехъ... выбирайте ужъ лучше сами!»... Въ комнату вошли три парня, одинъ краше другого. Двое стали по правую руку отца, одинъ по лѣвую. Старикъ обнялъ поочередно всѣхъ трехъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову: «Всѣ милы!... всѣ дороги! всѣ хороши»!.. Тутъ дыханіе какъ бы стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головою, тяжко вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокоивать. Онъ попросилъ позволенія кинуть жребій. Вынувъ изъ кошелька три мѣдные гроша, онъ подалъ ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ бросить ихъ въ шапку.

—«Вамъ, ваше благородіе», сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ:—«вамъ, я вижу... вы о нихъ также жалѣете... прикажите ужъ лучше позвать какого ни-на-есть человѣка, который не видалъ меня съ ними... Пускай ужъ лучше онъ жеребій вынетъ»... Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему: «Какъ вынешь жеребій, никому не показывай... мнѣ отдай»...

Жеребій вынутъ. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ

къ окну, взглянулъ на него, дрогнулъ, но тотчасъ же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ.—«Вася», вымолвилъ онъ, обратясь къ младшему:—«Вася... голубчикъ мой! подойди ко мнѣ»...—Онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча и наконецъ произнесъ: «Ты былъ... да, былъ ты мнѣ хорошимъ сыномъ... всегда хорошъ былъ... будь же хорошимъ солдатомъ царю нашему»...—Онъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ ладонью лицо, пошелъ къ двери. (*Д. В. Григоровичъ*).

16. Красный фонарь.

I. Кто ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги выстроены маленькіе красивые домики-будки сторожей. Сторожа, живущіе въ этихъ домикахъ, постоянно смотрятъ за тѣмъ, чтобы рельсы и все полотно дороги были въ порядкѣ. Поэтому каждый изъ сторожей ежедневно осматриваетъ весь путь отъ своего домика и до сосѣдней будки. Если онъ находитъ полотно дороги въ порядкѣ, то при проѣздѣ поѣзда становится у своего домика днемъ съ зеленымъ флагомъ въ рукахъ, а ночью съ зеленымъ фонаремъ. Если же сторожъ замѣтитъ, что гдѣ-нибудь сломался рельсъ, сгнила старая шпала, или размыло дорогу дождемъ, то онъ тотчасъ же становится возлѣ этого мѣста днемъ съ краснымъ флагомъ, а ночью съ краснымъ фонаремъ и тѣмъ даетъ знать машинисту, что путь испорченъ. Увидитъ машинистъ эти красные сигналы, догадается объ опасности и останавливаетъ поѣздъ, чтобы не попасть въ бѣду, чтобы не перебить людей, которыхъ онъ везетъ и которые довѣрили ему свою жизнь. Не дай Богъ, если сторожъ или машинистъ забудутъ свое дѣло: погибнутъ тогда и поѣздъ, и люди!

II. Въ одномъ такомъ сторожевскомъ домикѣ жилъ желѣзнодорожный сторожъ Колечкинъ. Онъ уже много лѣтъ жилъ на этомъ мѣстѣ и усердно исполнялъ свою тяжелую службу: передъ каждымъ поѣздомъ осматривалъ онъ свой участокъ на дорогѣ, каждый поѣздъ и днемъ, и ночью встрѣчалъ съ флагомъ или съ фонаремъ въ рукахъ; въ зимнее время, не смотря ни на холодъ, ни на вьюгу, онъ старательно сметалъ снѣгъ съ дороги и очищалъ рельсы ото льда. Но не мало хлопотъ и работы Колечкину было и лѣтомъ.

III. Однажды — это было въ іюлѣ мѣсяцѣ — день случился очень жаркій, а къ ночи стала собираться гроза. Зашумѣли высокія сосны, заскрипѣли, застонали и другія деревья; землю оку-

тала непроглядная ночь. Дождь ливнемъ хлынулъ на землю. Буря вырывала съ корнями многія деревья, опрокидывала телеграфные столбы, рвала въ куски проволоку.

IV. Въ это самое время Колечкинъ съ фонаремъ въ рукахъ осматривалъ свой участокъ. Онъ уже приближался къ своей будкѣ, какъ вдругъ страшная молнія ослѣпила его, а ударъ грома оглушилъ и повалилъ его на землю. Молнія ударила въ чугунные рельсы, разметала ихъ во всѣ стороны и зажгла будку Колечкина.

«Боже, Боже мой! что-то будетъ съ поѣздомъ? погибнутъ всѣ, погибнутъ!» вскрикнулъ Колечкинъ, когда немного очнулся и осмотрѣлся кругомъ. Собравши послѣднія силы, онъ всталъ на ноги; вдали послышался свистокъ локомотива. Колечкинъ, не имѣя въ рукахъ краснаго фонаря, быстро зажегъ свой простой фонарь, потушенный бурей, оторвалъ лоскутъ отъ своей красной рубахи, покрылъ этимъ лоскутомъ стекла фонаря, прибавилъ какъ можно больше огня и, сидя на полотнѣ дороги, поднялъ этотъ фонарь кверху...

V. А будка горитъ, горитъ все имущество Колечкина; только длинные огненные языки высовываются изъ-подъ крыши, да искры разносятся по вѣтру...

Смотритъ Колечкинъ вдаль, глазъ не спускаетъ; а сердце у него бьется, въ глазахъ темнѣетъ. Далеко, далеко по дорогѣ показались два огонька: это мчится на всѣхъ парахъ поѣздъ... «Вотъ налетитъ сейчасъ, соскочитъ съ рельсъ, разобьется, погибнутъ всѣ!» думаетъ Колечкинъ. Однако не случилось такъ, какъ думалось Колечкину. Машинистъ замѣтилъ красный фонарь и замедлилъ ходъ машины; за нѣсколько же шаговъ до Колечкина поѣздъ совсѣмъ остановился, а обезсиленный Колечкинъ безъ чувствъ повалился на землю. *(Вутечичъ).*

17. Разсказы дѣдушки Пахома.

I. Дѣдушка Пахомъ умный и добрый старичекъ, за что его всѣ любятъ и уважаютъ. Богъ благословилъ его всякимъ добромъ. У дѣдушки хорошій домъ. Около дома садъ. Въ саду у него растутъ яблоки, груши, сливы, вишни, малина, крыжовникъ и смородина. У дѣдушки много лошадей, коровъ, овецъ, свиней, гусей и куръ. Много у него ржи, овса и всякаго хлѣба.

У дѣдушки большая семья: три сына женатыхъ, да шесть внучатъ. Дѣдушка любитъ внучатъ, ласкаетъ ихъ, дѣлаетъ имъ иг-

рушки, сказываетъ сказки; дѣти любятъ дѣдушку и всегда слушаются его.

II. Дѣдушка уже старый старичекъ: у него нѣтъ болѣе силы работать. Онъ грамотенъ, читаетъ книги самъ и дѣтей учитъ грамотѣ. Учитъ ихъ молитвамъ, учитъ ихъ всему хорошему. Дѣдушка учитъ внуковъ, какъ надо жить по-Божьему.

«Разскажу я вамъ, дѣти, про себя», говорилъ дѣдушка Пахомъ внукамъ. «Былъ я молодъ. Жили мы двое съ женой. Наши дѣти были еще маленькія. Былъ въ нашемъ селѣ крестьянинъ Тихонъ. Работалъ онъ изо всѣхъ силъ, потому что у него была большая семья. Пришла весна. Настала пора пахать. Всѣ наладили сохи и собирались на утро ѣхать въ поле. Вдругъ, въ эту ночь украли у Тихона лошадей. Взвылъ мой мужикъ голосомъ: «что мнѣ теперь дѣлать! Останется моя земля непаханною! Умру я съ дѣтьми съ голоду!» Хотѣлъ было онъ нанять на пахоту, да некого: всѣ свою землю пашутъ. Положилъ онъ въ мѣшечекъ хлѣба и пошелъ розыскивать своихъ лошадей.

Жаль мнѣ стало бѣднаго мужика, и подумалъ я: вотъ, еслибы у меня земля осталась непаханною, я желалъ бы, чтобы ее вспахали. А Спаситель говоритъ въ Евангеліи: чего себѣ желаешь, то дѣлай и другимъ. Лошади были у меня хорошія. Я поспѣшилъ вспахать и обсѣять свою землю, да вспахалъ и обсѣялъ и Тихоновы пашни. Двѣ недѣли Тихонъ искалъ своихъ лошадей. Не нашелъ и воротился домой. Идетъ онъ своимъ полемъ, видитъ, на его пашняхъ овесъ уже всходитъ, и не вѣритъ Тихонъ своимъ глазамъ. Спрашиваетъ у встрѣтившагося ему сосѣда: кто вспахалъ и обсѣялъ мои пашни? Сосѣдъ говоритъ ему: я видѣлъ, ихъ пахалъ Пахомъ. Тихонъ прямо съ поля прибѣжалъ ко мнѣ, заплакалъ и говоритъ: «Пахомъ Ивановичъ! во вѣкъ не забуду того, что ты для меня сдѣлалъ».

«И въ самомъ дѣлѣ не забылъ. Этимъ лѣтомъ въ нашемъ селѣ была горячка. Заболѣлъ и *я*, а вскорѣ захворала и моя хозяйка, и слегли мы оба. Тихонъ, какъ узналъ объ этомъ, сталъ ходить къ намъ каждый день; натаскаетъ воды, нарубитъ дровъ, накормитъ скотину. Жена его топила нашу печь, кормила и обмывала ребятъ. Дочери его попеременно ухаживали за нами. Долго я лежалъ и долежалъ до рабочей поры. И стала меня мучить забота: кто теперь будетъ убирать съ поля мою рожь, пропадетъ она въ полѣ, и останусь я безъ хлѣба. Прошла недѣля. Тихонъ приходитъ ко мнѣ такой веселый и говоритъ: «слава Богу, Пахомъ Ивановичъ! Рожь твою мы сжали, скажи теперь,

на какое мѣсто ее возить». Я и хозяйка моя такъ этому обрадовались, что стали выздоравливать и скоро совсѣмъ оправились.

III. «Еще разскажу вамъ, что было со мною въ другой разъ», говорилъ дѣдушка Пахомъ. «Покойный мой батюшка, когда я былъ еще небольшимъ парнемъ, биралъ меня съ собою въ дорогу. Въ дорогѣ онъ помогалъ всякому, у кого случится какая-нибудь бѣда. Бывало, увидитъ у какого проѣзжаго—завязъ возъ, и говоритъ мнѣ. «Пойдемъ, Пахома, пособимъ: Богъ велитъ помогать всякому человѣку въ нуждѣ, и тебѣ люди помогутъ, когда случится съ тобою бѣда». Бывало, по поясъ войдемъ въ грязь или въ воду, а все помогаемъ. Сломается ли у кого колесо или телѣга, тоже пособимъ справить; лошадь ли у кого станетъ, привяжемъ его возъ къ своему возу и кой-какъ дотащимъ до ближайшей деревни.

«Въ одно время, осенью, я поѣхалъ въ городъ муку продавать. Продалъ, ссыпалъ и поѣхалъ домой. Пошелъ сильный дождь; подулъ холодный—прехолодный вѣтеръ. Дорога сдѣлалась грязная-прегрязная. Нагналъ я какого-то мужика и поѣхалъ за нимъ. А дождь все сильнѣе и сильнѣе: я весь промокъ и прозябъ; наступалъ вечеръ, а до двора оставалось верстъ десять. Съѣхали мы подъ гору къ мостику. Вижу на дорогѣ, возлѣ моста, ложитъ человѣкъ. И говорю я товарищу: остановись, братъ, человѣкъ лежитъ, подымемъ его.—«Богъ съ нимъ», отвѣчалъ онъ; «я самъ чуть живъ, окоченѣлъ отъ холода». — «Или у тебя души христіанской нѣтъ», говорю я ему, «Богъ велитъ помогать всякому человѣку, вѣдь онъ подъ дождемъ на холоду умретъ».— «Богъ съ нимъ», опять отвѣчалъ мужикъ; «пожалуй съ нимъ бѣды наживешь: наѣдетъ кто на насъ, скажутъ, что мы его убили». И поѣхалъ мужикъ дальше.

«Слѣзъ я съ телѣги. Сталъ окликать и толкать лежащаго. Ни слова. Вижу, онъ безъ памяти, а дышитъ. Что дѣлать? Одинъ я не подыму его на телѣгу, высоко. Вотъ я подвезъ телѣгу къ нему поближе, разостлалъ въ ней солому, снялъ съ нея колесо, одна сторона у ней обнизилась, и я кой-какъ втащилъ въ телѣгу лежащаго. Подложилъ ему подъ голову веретье, одѣлъ его войлокомъ и поѣхалъ. Стало темно, хоть глазъ выколи. Проѣхалъ я съ версту, слышу, кто-то стонетъ. Иду на стонъ, вижу—лежитъ другой человѣкъ. «Братъ, спаси!» — чуть-чуть проговорилъ онъ,—лошади убили, замерзаю». Я самъ почти замерзъ. Но жалость взяла меня. Подвезъ я и къ этому телѣгу, опять снялъ колесо, положилъ и этого въ телѣгу и опять надѣлъ колесо.

«Лошадь моя кой-какъ потащилась. А я пошелъ пѣшкомъ возлѣ телѣги. Ужъ помаялся я въ это время! Темь непроглядная; грязь по колѣно; дождь льетъ какъ изъ ведра; вѣтеръ пронизываетъ насквозь, лошадь устала, останавливается. Ухватился я рукою за тяжъ и сталъ тащить телѣгу вмѣстѣ съ лошадью. Тащилъ, тащилъ и остановился. Умаялся, не тронусь съ мѣста. Присѣлъ отдохнуть. Слышу, залаяли собаки. Значитъ, наше село близко Всталъ, опять потащилъ телѣгу. Шаговъ пять пройду и отдохну. Такъ я кое-какъ и дотащился до дому.

«Позвалъ сосѣдей. Внесли убитыхъ въ избу. Снали съ нихъ мокрую одежду. Надѣли на нихъ сухія рубашки, положили ихъ на теплую постель и одѣли. Послѣ поднятый мною пересталъ стонать. А другой опамятовался. Тогда мы узнали, что поднятый мною прежде—купецъ изъ Москвы. Ѣхалъ онъ съ ямщикомъ закупать хлѣбъ. На горѣ, передъ мостомъ, выскочилъ изъ канавы заяцъ. Лошади испугались и понесли. На мосту телѣга хватилась колесомъ о перила. Купецъ упалъ съ телѣги и ударился объ камень. Черезъ версту упалъ и ямщикъ, а лошади ускакали. Купецъ говорилъ, что ему больно ногу зашибло. Мы посмотрѣли—видимъ, нога переломлена. Утромъ я поѣхалъ за костоправомъ. Костоправъ справилъ, перевязалъ ему ногу и приказалъ ему шесть недѣль не трогаться съ мѣста. Ямщикъ дня черезъ три оправился и уѣхалъ домой. А купецъ пролежалъ у насъ шесть недѣль.

«Черезъ шесть недѣль нога его срослась, и онъ сталъ ходить. Надо было ему домой отправляться. Уѣхалъ купецъ. Мнѣ стало жаль его, и стало на душѣ хорошо, что привелось сдѣлать доброе дѣло. Черезъ недѣлю я получаю съ почты повѣстку, что мнѣ прислали изъ Москвы двѣсти рублей. Ѣду на почту. Получаю письмо съ деньгами. Въ письмѣ купецъ пишетъ ко мнѣ: «прими, любезный Пахомъ Ивановичъ, эту малую отъ меня благодарность. Прими, пожалуйста, а то я не буду покоенъ». Ну, взялъ деньги. Пятьдесятъ рублей изъ нихъ отдалъ въ церковь за его здоровье, и пятьдесятъ рублей далъ сосѣду купить лошадь. У него была одна, и та издохла.

Съ той поры всѣ изъ нашего села стали продавать свой хлѣбъ одному этому купцу. Пріѣдемъ, бывало, къ нему, обрадуется намъ, какъ роднымъ; даетъ за хлѣбъ хорошую цѣну; лошадей нашихъ велитъ поставить у себя на дворѣ; насъ угощаетъ какъ у праздника; мнѣ, хозяйкѣ моей и дѣтямъ всякій разъ надаетъ подарковъ и гостинцевъ.

IV. «Въ одно время собрались мы въ дорогу. Съ вечера насыпали въ сани муки, увязали воза и согласились выѣзжать рано утромъ. Ночью, въ самый сонъ, слышу, стучатъ въ окно и кричатъ: «вставайте! горите! пожаръ!» Вскочили мы съ хозяйкой. Видимъ, кругомъ все занялось. Схватили ребятъ и выскочили въ томъ, въ чемъ спали. Оглянулся я назадъ, вижу: весь домъ и дворъ въ огнѣ и не помню, что тогда со мною было. Сосѣдъ Иванъ съ пожара насъ всѣхъ взялъ къ себѣ. А на другой день наши поѣхали въ Москву. Пріѣзжаютъ къ купцу. Онъ спрашиваетъ: «что же не пріѣхалъ Пахомъ Ивановичъ?» Наши говорятъ ему: «да съ нимъ несчастіе случилось, сгорѣлъ бѣдный: все у него погорѣло—и домъ, и хлѣбъ, и скотина, остался въ одной рубашкѣ».

«Черезъ недѣлю послѣ пожара сидѣлъ я подъ окномъ. Такъ мнѣ было грустно и тяжело, что мочи нѣтъ. Вижу, подъѣзжаютъ двѣ тройки, на передней сидитъ мой купецъ. Входитъ онъ въ избу, а за нимъ тащутъ узлы и мѣшки. Взглянулъ онъ на меня, заплакалъ, и я заплакалъ. Обнялъ меня и говоритъ: «не плачь, Пахомъ Ивановичъ, заживешь лучше прежняго; ты меня спасъ отъ смерти, и я спасу тебя. Родительское благословеніе твое сгорѣло, вотъ тебѣ отъ меня Божіе благословеніе»,—и подаетъ мнѣ образъ въ серебряной ризѣ и въ позолоченомъ кіотѣ; «а вотъ тебѣ хлѣбъ-соль»,—и сталъ класть на столъ бѣлые хлѣбы, а на лавку ставить запечатанныя бутылки; «а вотъ тебѣ одѣться и обуться»,—и наложилъ на другую лавку рубашекъ, сапоговъ, платковъ, ситцу, кафтановъ, полушубковъ, шапокъ и рукавицъ; «а вотъ тебѣ тысяча рублей на домъ, на хлѣбъ, на скотину и на всѣ домашнія потребности».

«Я стоялъ, какъ вкопанный, и не могъ выговорить ни слова: такъ онъ меня озадачилъ. Потомъ сталъ благодарить его. А онъ мнѣ говоритъ: «не благодари, пожалуйста, Пахомъ Ивановичъ, я у тебя всегда останусь въ долгу».

«На его деньги я построилъ этотъ домъ, купилъ лошадей, коровъ, овецъ и все нужное для хозяйства и еще осталось у меня денегъ. Если бы я не помогъ человѣку въ бѣдѣ, то навѣкъ остался бы нищимъ». *(Прот. Пикольскій).*

18. „Христосъ воскресъ!“

I. Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепелъ и тихъ, отчего въ небѣ горятъ милліоны здѣздъ, отчего природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно сад-

жить отъ полноты нахлынувшаго вдругъ веселія; отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ-будто поднимаетъ, какъ-будто уноситъ какою-то невидимою волною? «Христосъ воскресъ!» звучатъ колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города; «Христосъ воскресъ!» журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ; «Христосъ воскресъ!» говорятъ шпили церквей, внезапно одѣвшіеся огнями; «Христосъ воскресъ!» привѣтливо шепчутъ вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ; «Христосъ воскресъ!» откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

П. Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ, только что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту радостную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какою-то чуткою надеждой. Я еще вчера видѣлъ, какъ добрая купчиха Пелагея Ивановна хлопотала и возилась, изготовляя несчетное множество куличей и пасхъ, окрашивая сотни яицъ и запекая въ тѣстѣ десятки окороковъ.

— Куда вамъ такое множество куличей, Пелагея Ивановна?— спросилъ я ее.

— И, батюшка, все изойдетъ для «несчастненькихъ!—отвѣчала она, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Ужасно люблю я Пелагею Ивановну. Это именно почтеннѣйшая женщина! «Несчастненькими» она называетъ арестантовъ, и, кажется, всю жизнь свою посвятила на то, чтобы какъ-нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія. Она не спрашиваетъ, кто этотъ арестантъ, которому рука ея подаетъ милостыню Христовымъ именемъ: разбойникъ ли онъ, воръ, или просто «прикосновенный». Въ глазахъ ея всѣ они просто—«несчастненькіе», и вотъ каждый воскресный день отправляются изъ ея дома цѣлыя вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и «несчастненькіе» благословляютъ имя Пелагеи Ивановны, зовутъ ее «матушкой» и «кормилицей»... И я того мнѣнія, что если кто-нибудь на семъ свѣтѣ заслужилъ царствіе небесное, то конечно Пелагея Ивановна больше всѣхъ. *(М. Салтыковъ).*

19. Счастливый учитель.

Въ одномъ городѣ жилъ столѣтній старецъ учитель. Весь вѣкъ свой онъ не зналъ никакой роскоши и, забывая о себѣ, думалъ только о ближнихъ своихъ. Всѣ любили и глубоко уважали почтеннаго старца. Какъ то разъ встрѣтился съ нимъ одинъ богатый человѣкъ. Вотъ богачъ этотъ и говоритъ старику учителю:

«Я много слышалъ о вашей добротѣ, о вашей мудрости и давно собирался попросить васъ, чтобы вы научили меня, какъ достигнуть истиннаго счастья на землѣ. Скажите, Бога ради, какъ вы пріобрѣли тотъ душевный покой, безъ котораго невозможно прожить столько лѣтъ?»

Старецъ, подумавъ минутку, отвѣчалъ богачу: «Когда-то и я былъ молодъ, и мнѣ улыбалось то, что многіе называютъ счастіемъ: богатство, почести, слава. Я только и думалъ, какъ бы достигнуть такого счастья. Одинъ разъ я задумался объ этомъ и уснулъ. Вдругъ вижу во снѣ — стоитъ передо мною, въ бѣлой, какъ снѣгъ, блистающей одеждѣ, прекрасный юноша: «Ты хочешь найти счастье, такъ иди за мною!» сказалъ онъ мнѣ. Я всталъ и послѣдовалъ за нимъ. Онъ привелъ меня на какую-то высокую гору и говоритъ: «смотри вотъ туда!» Я сталъ вглядываться. Предъ глазами моими лежалъ прекрасный садъ, точно рай, а посреди сада возвышался роскошный дворецъ. Среди рѣдкихъ и дорогихъ цвѣтовъ и деревъ сада, извивались во всѣ стороны дорожки, усыпанныя золотистымъ пескомъ. Запахъ цвѣтовъ, чудныя пѣсни безчисленныхъ птицъ и звуки музыки разносились по всему саду. А за садомъ разстилались, убѣгая въ безконечную даль, прекрасныя нивы и богатѣйшіе луга. По дорожкамъ сада, взадъ и впередъ, ходилъ хозяинъ дворца, сада и всего окружающаго ихъ. Лицо его было пасмурно, глаза опущены въ землю. Сзади его шла толпа слугъ. Одинъ подносилъ ему дорогіе плоды, другой подавалъ самое лучшее вино. Но видно, богачу все было не по вкусу. Онъ едва дотронется губами до вина, взглянетъ на плоды, и тотчасъ отвернется, а лицо его искривится, точно отъ боли.

«Теперь пойдемъ въ другое мѣсто,» сказалъ мнѣ чудный проводникъ мой. Мы перешли на другую сторону горы. Тамъ я увидѣлъ лѣсъ, среди котораго, точно въ муравейникѣ, копошилось множество людей. Они занимались вырубкою и корчеваніемъ лѣса. Я сталъ слѣдить за работникомъ, который былъ ближе другихъ ко мнѣ. Потъ градомъ катился съ него. Руки его, не переставая ни на минуту, сыпали тяжелые удары топоромъ. Когда наступилъ полдень, онъ положилъ на время топоръ, вынулъ кусокъ чернаго, какъ земля, хлѣба, съ глубокимъ чувствомъ возвелъ очи къ небу и помолился Богу, сѣлъ на пень, и сталъ ѣсть съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто онъ ѣлъ не вѣсть что. Поѣлъ, поблагодарилъ въ усердной молитвѣ Бога, передохнулъ и снова принялся за свою тяжелую работу. Во снѣ часы летѣли точно

минуты. Вотъ спустился на землю вечеръ. Работникъ сдалъ свою работу надсмотрщику и, получивъ отъ него немного денегъ, купилъ коровай хлѣба и пошелъ домой. Его маленькая, покосившаяся на бокъ, избушка стояла далеко, далеко, на горѣ. Навстрѣчу ему вышла жена и выбѣжали трое небольшихъ дѣтокъ. Весело подпрыгивая, дѣтки поздоровались съ отцомъ и стали просить у него хлѣба. Онъ досталъ ножикъ и отрѣзалъ имъ по ломтю хлѣба. Дѣти хватились за хлѣбъ, точно за какое лакомство. Казалось, не было никого счастливѣе ихъ, такъ какъ не каждый день имъ приходилось ѣсть хлѣбъ. Поѣвши хлѣба, они пришли и усѣлись всѣ возлѣ своей избушки. Дѣти обступили отца со всѣхъ сторонъ и руками своими обтирали потъ съ лица его. А отецъ, улыбаясь дѣткамъ, бралъ ихъ на колѣни и, цѣлуя и лаская ихъ, училъ любить Бога, дающаго хлѣбъ насущный. Вся семья была весела, довольна и вполнѣ счастлива.

«Теперь ты видишь», сказалъ мнѣ спутникъ мой: «покой душевный, довольство жизнію — дѣти любви. *Кто не трудится, чтобы сдѣлать другихъ возможно счастливье, тотъ самъ никогда не будетъ счастливъ.* Зарой его по самую шею въ золото, дай ему самыя лучшія кушанья и напитки, онъ все-таки не будетъ счастливъ. Если душа человѣка мертва, если человѣкъ, избѣгая полезнаго труда, предается праздности и удовольствіямъ, тѣлу его очень скоро надоѣсть всякая роскошь и нѣга. Среди богатства, среди роскоши, совѣсть его нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ ему: «я дармоѣдъ, я ѣмъ и пью чужой трудъ». Каждый бѣднякъ, будь онъ земледѣлецъ, ремесленникъ, поденщикъ, учитель, священникъ, солдатъ, который въ потѣ лица своего трудится для семьи и для ближнихъ своихъ, счастливѣе богача, забывающаго свои обязанности къ другимъ людямъ. Честный трудъ даетъ здоровье, крѣпитъ тѣло и ведетъ за собою довольство и покой душевный. Кто кормитъ свою родину трудами своими, тотъ спокойно и сладко спитъ на голой скамейкѣ, подложивъ кулакъ подъ голову; а праздный богачъ всю ночь ворочается на своей дорогой постели, тревожась за цѣлость своихъ богатствъ».

Сказавъ это, спутникъ мой исчезъ. Я проснулся и съ тѣхъ поръ пересталъ думать только о себѣ, о своемъ счастіи. Я рѣшилъ всю жизнь мою всѣми силами своими служить ближнимъ моимъ. Я добровольно избралъ себѣ учительство и этой святой обязанности отдался всѣмъ сердцемъ. Моимъ богатствомъ, моею роскошью были—мои ученики. Безъ учениковъ я не могъ жить, какъ безъ насущнаго хлѣба. Съ того времени прошло уже много

лѣтъ. И вотъ я вижу вокругъ себя богатые плоды моихъ трудовъ и вполнѣ счастливъ. «Хотите ли и вы найти счастье», заключилъ старецъ, обратившись къ внимательно слушавшему его богачу: «полюбите всѣмъ сердцемъ вашихъ ближнихъ: всѣхъ безпріютныхъ, заброшенныхъ сиротъ, всѣхъ бѣдныхъ вдовъ, будьте имъ отцемъ и братомъ; полюбите, по заповѣди Христовой, всѣхъ несчастныхъ, не жалѣйте имъ помощи; сдѣлайтесь благодѣтелемъ вашихъ ближнихъ, потрудитесь для нихъ и не только для ихъ временнаго благополучія, но и для вѣчнаго спасенія ихъ души, словомъ, наполните свою жизнь честнымъ трудомъ на пользу ближнихъ и во славу Божію — и вы найдете истинное счастіе—начинательное здѣсь и полное и совершенное въ будущей загробной жизни».

20. Монахъ изъ офицеровъ и деньщикъ.

Странствуя, встрѣтилъ я однажды въ губернскомъ городѣ К. бывшаго моего деньщика Афанасія, а съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ нимъ, было уже восемь лѣтъ. Нечаянно увидѣлъ меня онъ на базарѣ, узналъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и, Боже, какъ обрадовался, такъ и кинулся ко мнѣ: «Батюшка, баринъ, вы ли это? Да неужто васъ вижу!» Повелъ меня къ себѣ.

Былъ уже онъ въ отставкѣ, женился, двухъ дѣтей младенцевъ уже прижилъ. Проживалъ съ супругой своей мелкимъ торгомъ на рынкѣ съ лотка. Комнатка у него бѣдная, но чистенькая, радостная. Усадилъ меня, самоваръ поставилъ, за женой послалъ, точно я праздникъ какой ему сдѣлалъ, у него появившись. Подвелъ ко мнѣ дѣтокъ: «благословите, батюшка!»

— Мнѣ ли благословлять, отвѣчаю ему, инокъ я простой и смиренный, Бога о нихъ я помолю, а о тебѣ, Афанасій Павловичъ, и всегда, на всякій день, Бога молю.

Онъ смотритъ на меня и все не можетъ представить, что я, прежній баринъ его, офицеръ, предъ нимъ теперь въ такомъ видѣ и въ такой одеждѣ: заплакалъ даже.

— Чего-же ты плачешь, говорю ему, незабвенный ты человѣкъ, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостенъ и свѣтелъ путь мой.

Многаго не говорилъ, а все охалъ и качалъ на меня головой умиленно. «Гдѣ-же ваше, спрашиваетъ, богатство?» Отвѣчаю ему: «въ монастырь отдалъ, а живемъ мы въ общежитіи».

Послѣ чаю сталъ я прощаться съ нимъ, и вдругъ онъ вынесъ мнѣ полтину, жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю,

суетъ мнѣ въ руку, торопится: «это ужъ вамъ,—говоритъ,—странному, путешествующему, пригодится вамъ, можетъ, батюшка». Принялъ его полтину, поклонился ему и супругѣ его и ушелъ обрадованный. И больше я ужъ съ тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Былъ ему господинъ, а онъ мнѣ слуга, а теперь, какъ облобызались мы съ нимъ любовно и въ духовномъ умиленіи, межъ нами великое человѣческое единеніе произошло. (*Достоевскій*).

21. Красныя яблочки.

I. Жилъ въ Москвѣ одинъ купецъ, сколько богатый, столько же и благочестивый: каждому бѣдняку онъ старался помочь, никому не отказывалъ и въ деньгахъ, и въ добромъ совѣтѣ. Онъ пріютилъ одного безпомощнаго калѣку, кормилъ и одѣвалъ его. Умеръ добрый купецъ—и наслѣдники выгнали бѣднякa изъ теплаго угла на улицу. Съ горючими слезами пошелъ калѣка на могилу своего благодѣтеля и, вдоволь наплакавшись, тутъ же и уснулъ съ горя.

II. И вотъ является ему во снѣ покойный купецъ и спрашиваетъ: «О чемъ ты такъ плачешь, Степанъ Ильичъ?» — «Какъ же мнѣ не плакать, отвѣчаетъ тотъ, когда двери вашего дома для меня уже заперты? Какъ я теперь буду безъ васъ доживать свой вѣкъ?» Глубоко вздохнулъ явившійся и говоритъ ему: «если ужь двери моего дома для тебя заперты, то иди въ четвертый домъ направо отъ моего магазина; тамъ есть купецъ (онъ назвалъ его по имени); ступай къ нему и скажи: «ради тѣхъ красныхъ яблочковъ, о которыхъ ты знаешь, дай мнѣ три тысячи рублей», и онъ тебѣ дастъ, и ихъ достанетъ на твой вѣкъ, только молись о моей душѣ.»

III. Проснулся Степанъ Ильичъ, перекрестился и побрелъ туда, куда ему было сказано. Приходитъ въ указанный магазинъ и застаетъ тамъ большую суету: кто мѣряетъ матерію, кто считаетъ деньги, кто записываетъ. Не безъ страха подошелъ онъ къ самому хозяину, который сидѣлъ за большимъ прилавкомъ и смотрѣлъ, какъ росло его богатство каждый часъ. Увидѣвъ калѣку, купецъ поднялся и привѣтливо подалъ ему монету. Ободренный его добротою, калѣка сказалъ ему, что видѣлъ онъ такой сонъ, который не смѣетъ даже разсказать, что приснился ему покойный его благодѣтель и сказалъ ему вотъ что.—Купецъ слушалъ калѣку со вниманіемъ, потомъ положилъ на себѣ крестное знаменіе и сказалъ: «не только три тысячи, но еслибы покой-

никъ велѣлъ дать тебѣ десять тысячъ ради красныхъ яблочковъ, и тогда я съ удовольствіемъ бы тебѣ далъ!» И онъ приказалъ прикащику тутъ же отсчитать три тысячи рублей. Никогда не видавшій у себя столько денегъ калѣка упалъ въ ноги купцу и сказалъ: «ни за что не возьму этихъ денегъ, пока вы не скажете мнѣ, что это за красныя яблочки, ради которыхъ вамъ не жаль такой суммы!»

IV. И купецъ разсказалъ ему вотъ что. «Въ молодости своей я былъ очень бѣденъ и торговалъ яблоками на копейки. Покойный часто покупалъ у меня яблоки, чтобы только доставить мнѣ пользу.

Разъ шелъ проливной дождь. Я промокъ до костей и очень прозябъ; продать во весь день не удалось ничего, такъ что вечеромъ не на что было купить и хлѣба. Иду по улицѣ и кричу: яблоки красныя—хорошія! Покойный увидалъ меня въ окно и позвалъ къ себѣ. Вхожу на дворъ—полонъ дворъ гостей: это былъ день его свадьбы. Идти въ палаты не смѣю, смотрю—онъ выходитъ самъ. «Бѣдный Николка, говоритъ онъ: что это ты въ такой дождь не сидишь дома?» Я сказалъ, что я еще не ѣлъ сегодня,—ничего не удалось продать. Онъ взялъ у меня корзину съ яблоками и говоритъ: «подожди тутъ!» А самъ пошелъ въ палаты. Тамъ всѣ гости окружили его съ вопросами: что это значитъ? А онъ говоритъ: «мы тутъ пируемъ, братцы—гости любезные, а торговецъ этими яблоками еще не ѣлъ сегодня и проситъ купить у него этотъ товаръ».—А что вы заплатили за него? спрашиваетъ одинъ богачъ.—«Сто рублей».—Это дешево, я даю 300! говоритъ гость.—«А я—500!» говоритъ другой: «надо помочь бѣдняку.»—Тогда покойникъ говоритъ имъ: «я уже раньше васъ купилъ,—не угодно ли у меня купить по 50 р. за яблочко?»—Хорошо! сказали гости—и золото посыпалось на столъ. Было 60 яблоковъ, и покойный вынесъ мнѣ за нихъ 3,000 рублей.

V. Со слезами радости и съ цѣлымъ кошелькомъ червонцевъ пошелъ я прямо въ церковь поблагодарить Бога за такое неслыханное счастье. «Не попусти мнѣ, Господи, загордиться,—такъ молился я тамъ,—подай мнѣ, Господи, смыслъ и умѣнье, какъ распорядиться этимъ добромъ честно, во славу Твою, на счастье себѣ и ближнимъ моимъ!» Вотъ съ чего разжился я, по милости Божіей; вотъ почему съ радостью даю и тебѣ три тысячи, чтобы онѣ съ моей руки такъ же умножились, какъ у меня съ руки покойнаго благодѣтеля! Вотъ тебѣ и объясненіе, что такое красныя яблочки!»

VI. Такъ заключилъ купецъ свой поучительный разсказъ.
(Извл. съ перед. слога изъ «Тр. Л.»).

22. Житель Аѳонской горы.

I. На Аѳонской горѣ жилъ ученый, благочестивый мужъ; смолоду онъ научился разнымъ наукамъ; зналъ цѣлебную силу травъ и кореньевъ; часто онъ ходилъ по хижинамъ бѣдныхъ людей, лѣчилъ больныхъ, утѣшалъ умирающихъ. И были ему отъ всѣхъ любовь и почетъ.

II. Однажды ту страну посѣтила страшная зараза—чума моровая. Люди заболѣвали, и многіе умирали; во всѣхъ хижинахъ были больные и отвсюду посылали за добрымъ и ученымъ лѣкаремъ, чтобы пришелъ онъ утѣшить и помочь страждущимъ.

III. Безъ устали ходилъ по больнымъ добрый лѣкарь и раздавалъ лѣкарство; иногда, когда могъ захватить болѣзнь во время, онъ вылѣчивалъ; но чаще безпечные люди присылали за лѣкаремъ тогда, когда ужъ больной былъ при послѣднемъ издыханіи, когда уже никакія лѣкарства помочь не могутъ, а неразумные люди упрекали и бранили добраго лѣкаря, какъ-будто онъ былъ виноватъ въ ихъ безпечности.

IV. Эти упреки оскорбили добраго лѣкаря; изнемогъ онъ и отъ усталости, и пришло ему на мысль: «зачѣмъ тружусь я для людей, да еще для неблагодарныхъ? зачѣмъ я жертвую собою для неразумныхъ, которые не считаютъ, кому я помогъ моимъ лѣкарствомъ, а только жалуются, что не вылѣчиваю полумертвыхъ? зачѣмъ я подвергаю себя опасности заразиться отъ больныхъ, мнѣ вовсе чужихъ? Останусь я спокойно на горѣ: чума сюда не заходитъ; а тамъ, внизу, пусть заболѣваютъ неразумные—мнѣ дѣла нѣтъ; ихъ вина».

V. Въ этихъ мысляхъ онъ пошелъ на гору; вдругъ видитъ онъ, невдалекѣ, растетъ прекрасный цвѣтокъ, и такой онъ красивый! и такой отъ него запахъ!

«Вотъ, подумалъ лѣкарь, и цвѣтокъ меня тому же научаетъ, растетъ онъ здѣсь, на горѣ, красуется, и ни до кого ему нѣтъ дѣла; ему здѣсь хорошо: вѣтерокъ повѣваетъ, солнышко грѣетъ, роса обливаетъ; и растетъ онъ здѣсь не кому другому, а только себѣ на радость. Такъ буду и я жить, думать только о себѣ, а о другихъ не заботиться».

VI. Между-тѣмъ онъ наклонился надъ цвѣткомъ, чтобы лучше его разглядѣть. Смотритъ: внутри цвѣтка—мертвая пчела: соби-

рая медъ и цвѣточную пыль, она ослабѣла, прилипла къ цвѣтку и замерла.

Лѣкарь посмотрѣлъ, подумалъ, и краска стыда выступила у него на лицѣ; «Боже!» сказалъ онъ, «прости меня за мое уныніе и неразуміе! По Твоей волѣ набрелъ я на этотъ цвѣтокъ, чтобы простое насѣкомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала медъ? не для себя, а для другихъ. Также какъ и мнѣ, ей никто не скажетъ спасибо; также какъ и меня, ее всякій гналъ, а между тѣмъ она все трудилась и на трудѣ свою жизнь положила. Прости, Господи! мое уныніе и неразуміе. Умудри и меня, какъ Ты умудрилъ пчелу — медоносицу»!

И снова началъ лѣкарь собирать цѣлебныя травы, и снова до пота лица сталъ ходить по хижинамъ и помогать больнымъ, утѣшать умирающихъ. *(Кн. В. Ѳ. Одоевскій).*

23. Братская помощь.

I. Воскресенье въ деревнѣ (18 іюля 1876 г.). Сельская церковь полна молящихся. Старичекъ священникъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, говоритъ съ амвона обступившимъ его прихожанамъ о безчеловѣчныхъ мученіяхъ, которыя терпятъ славяне отъ турокъ...

Въ церкви безмолвная тишина. Изрѣдка слышатся глубокіе вздохи; на глазахъ у многихъ слушателей блестятъ слезы... «Спаси, Господи, и помилуй!» шепчутъ женщины и крестятся.

— «Помогите, православные, страждущимъ братьямъ!» такъ кончилъ священникъ свое слово.

II. Храмъ огласился рыданіями. Толпа заволновалась... По мѣдной тарелкѣ, вынесенной дьячкомъ изъ алтаря и положенной на столикъ, зазвучали копейки, пятаки и серебряныя монеты.

Вонъ женщина положила на тарелку полотенце съ красной каймой, другая платокъ, третья указывая на тарелку, суетъ въ руку что-то пятилѣтней дочуркѣ; дѣвочка побѣжала къ столику и положила на тарелку серебряный перстенекъ.

Старый солдатъ снимаетъ съ груди Георгіевскій крестъ и несетъ туда же, на общій жертвенникъ братской любви къ роднымъ страдальцамъ...

Въ короткое время столъ заваленъ былъ полотенцами, платками, холстами. Святая жертва!...

III. Золотое сердце у тебя, нашъ родной русскій народъ!... Скудна природа, тебя окружающая; трудно достается тебѣ твой

черствый хлѣбъ; дымна и холодна твоя курная избушка. Но ты всегда былъ печальникомъ, защитникомъ слабаго, обездоленнаго. Всѣ сказки, что тобой сказаны, сложены въ защиту — утѣху сироты бездомнаго, люда горемычнаго, безталаннаго. Противно тебѣ всякое лукавство и двоедушіе. Ненавистны тебѣ люди гордые, ехидные: змѣи - горынычи, бабы-яги, лютыя свекрови, злыя мачехи... Сираго, убогаго ты къ сердцу жмешь и грѣешь: гонимымъ сироткамъ—Марьюшкамъ, обижаемымъ дурачкамъ—Иванушкамъ даришь ты вѣнцы царскіе, строишь дворцы—терема хрустальные, посреди садовъ съ золотыми рѣшетками, на деревьяхъ тамъ растутъ золотыя яблоки, распѣваютъ—поютъ птицы райскія...

IV. Золотое сердце у тебя, нашъ родной русскій народъ!

Въ рабствѣ спасенное,
Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное!
Спитъ, словно мертвая,
Русь недвижимая...
А загорится въ ней
Искра незримая—
Встали не бужены,
Вышли не прошены;
Жита по зернышку
Горы наношены.
Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!..

(*Изъ «Родины» Радонежскаго*).

24. Царская награда за геройскій подвигъ дѣвочки.

I. Осенью 1887 года въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, по Воскресенской улицѣ, на огородномъ мѣстѣ, шестилѣтній мальчикъ Димитрій, играя, забросилъ палку въ колодезь, имѣющій пять аршинъ глубины, какъ это потомъ было вымѣрено. Желая достать палку, мальчикъ и самъ упалъ въ колодезь и пошелъ ко дну. Собралось нѣсколько человѣкъ народа и, въ числѣ прочихъ, дѣвочка 14 лѣтъ. Она быстро сбросила съ себя платье и въ одной рубашкѣ нырнула въ колодезь; но эта попытка оказалась безуспѣшною: дѣвочка вынырнула, едва не задохнувшись; однако еще три раза нырнула въ этотъ колодезь, несмотря на то, что онъ былъ наполненъ грязной, вонючей жидкостью, служившею для поливки огорода, для чего туда сбрасывалась всякая дрянь. Наконецъ, самоотверженной дѣвочкѣ удалось вытащить мальчика, который общими усиліями собравшагося народа былъ приведенъ въ чувство и только сдѣлался боленъ. Дѣвочка также захворала.

II. О такомъ подвигѣ самоотверженія было представлено Его Императорскому Величеству, и Государь Императоръ въ 20-й день

сентября 1887 года Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: шлиссельбургской мѣщанкѣ, 14-ти-лѣтней дѣвочкѣ Анисьѣ Никифоровой, за оказанный ею подвигъ самоотверженія, кромѣ награжденія ея серебряною медалью, съ надписью: «За спасеніе погибавшихъ», и выдачи ей 25 руб. единовременнаго пособія,—производить, впредь до выхода ея въ замужество, ежемѣсячное, изъ суммъ Его Величества, денежное пособіе по 5 р. и затѣмъ при выходѣ въ замужество отпустить единовременно на приданое 200 рублей.

III. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что эта дѣвочка не имѣетъ отца и живетъ при матери, которая существуетъ продажею молочныхъ скоповъ, перебиваясь кое-какъ. Петербургская городская дума постановила позаботиться о воспитаніи этой дѣвочки въ какомъ-либо городскомъ учебномъ заведеніи.

(*Изъ «Сельск. Вѣст.» за 1887 г.*).

25. Подвигъ безстрашія и человѣколюбія казака Василія Грабъ.

14-го апрѣля 1824 года, Ямбурскаго уѣзда, въ деревнѣ Кобылякахъ, загорѣлась ночью изба крестьянина Семена Николаева, котораго на бѣду не было дома, а хозяйка такъ перепугалась, что едва только сама успѣла выскочить изъ огня, а своихъ двоихъ дѣтей выхватить не успѣла. Крестьяне сбѣжались и принялись тушить пожаръ. Въ это время случился въ деревнѣ и прибѣжалъ на пожаръ казакъ 7-го Черноморскаго эскадрона, Василій Грабъ. Весь домъ былъ въ огнѣ, а малютки, которыхъ уже душилъ дымъ и припекалъ жаръ, испускали отчаянный крикъ. Грабъ кинулся въ огонь, вскочилъ въ окно, схватилъ обоихъ дѣтей и съ ними выскочилъ изъ горѣвшаго дома живъ и здоровъ. Страшно было видѣть, какъ Грабъ полѣзъ въ огонь: всѣ полагали, что онъ найдетъ себѣ тамъ вѣрную смерть, но казакъ полѣзъ въ огонь съ молитвою и вынесъ младенцевъ невредимыми: Господь помиловалъ его и ихъ. Государь Императоръ за славное дѣло это пожаловалъ казаку Грабъ медаль съ надписью: «За спасеніе погибавшихъ» и пятьсотъ рублей денегъ.

(*Изъ журн. «Досугъ и Дѣло»*).

26. Чудный домикъ.

Чудный я знаю домикъ и съ полнымъ хозяйствомъ. Есть въ немъ мельничка, есть въ немъ и кухня, гдѣ день и ночь готовится теплая пища. Въ этомъ домикѣ множество ходовъ и пе-

реходовъ, и проворные маленькіе слуги разносятъ по нимъ теплую пищу во всѣ уголки дома. Есть въ этомъ домѣ неугомонный распорядитель. Ни днемъ, ни ночью не засыпаетъ онъ ни на минуту: все тукъ, да тукъ, и гонитъ проворныхъ слугъ во всѣ углы дома, гдѣ только спрашивается пища, питье и тепло. Есть въ этомъ домѣ обширная горница, куда свободно входитъ чистый воздухъ; есть два свѣтлыя окошечка съ подвижными ставеньками: ночью эти ставеньки запираются, днемъ отпираются. Въ домикѣ живетъ невидимая хозяйка. Хоть этой хозяйки и не видно, но она все знаетъ, всѣмъ распоряжается и все оживляетъ; для нея то и хлопочетъ распорядитель, для нея-то и работаютъ маленькіе слуги, она-то и смотрится въ свѣтлыя окошечки, подымаетъ и опускаетъ ставеньки; ея невидимые глаза—мысли далеко видятъ. Уйдетъ хозяйка изъ дому—и все заснетъ, замолкнетъ, обезсилитъ. Распорядитель перестанетъ стучать, слуги остановятся въ переходахъ и во всемъ домикѣ станетъ тихо, пусто и холодно, а ставеньки на вѣки закроютъ окошечки.

Изъясненіе. Домикъ—человѣкъ. Мельничка—зубы. Кухня—желудокъ. Неугомонный распорядитель—сердце. Обширная горница—ротъ, дыхательное горло и легкія. Два свѣтлыя окошечка—глаза. Невидимая хозяйка—душа человѣка. Уходъ хозяйки изъ дому—смерть человѣка.

27. Цѣна души человѣческой.

Когда императоръ Ѳеодосій узналъ, что жители Антіохіи влачили по грязи статую его супруги, то онъ приказалъ разрушить городъ. Что сдѣлаетъ Богъ намъ, если мы грѣхомъ оскверняемъ душу—Его образъ и храмъ?

Хотите ли знать цѣну вашей души? Посмотрите на цѣну искупленія: не золото цѣлаго міра, не міръ весь, со всѣмъ, что въ немъ есть, но самъ Богъ былъ цѣною нашего выкупа (Златоустъ).

Одинъ святой мужъ, при видѣ прекрасной и роскошно одѣтой женщины, горько заплакалъ и сказалъ: «Она сдѣлала для украшенія своего смертнаго тѣла болѣе, чѣмъ я для моей безсмертной души». *(Дух. Цвѣтн.)*

28. Велика вещь человѣкъ! (Пр. Сол. XX, 6).

Такъ велика, что самъ великій Цѣнитель и Судія всѣческихъ ставилъ ее выше всѣхъ вещей въ мірѣ. *Кая польза человѣку*, говорилъ Онъ, *аще пріобрящетъ міръ весь, душу же свою отщетитъ? (т. е. душу свою погубитъ).*

Велика вещь человѣкъ, потому что вещь эта произошла отъ Величайшаго, вслѣдствіе великаго совѣта, и стоила не мало. И *рече Богъ: сотворимъ человѣка* (Быт. 1, 26). И *созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 11, 7).

Велика вещь человѣкъ, потому что вещь эта имѣетъ величайшее значеніе и чрезвычайно много заключаетъ въ себѣ. И *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27).

Велика вещь человѣкъ, потому что предназначена для великихъ цѣлей. *Сотвори Богъ человѣка.... да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли* (Быт. 1, 26).

Велика вещь человѣкъ, потому и паденіе этой вещи превратило и опрокинуло за собою все. *Вѣмы, яко вся тварь совоздыхаетъ и собользнуетъ съ нами даже до нынѣ. Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю* (человѣка) (Рим. 8, 20—22).

А какъ цѣнится эта великая вещь у самихъ человѣковъ? Чему не подчиняется? На что не мѣняется?

Человѣкъ подобенъ сыну и наслѣднику великаго царя, который, находясь съ малолѣтства въ изгнаніи, забылъ о своемъ великомъ происхожденіи и столь же великомъ предназначеніи.

Посему первый и послѣдній урокъ человѣку долженъ быть: *познай самого себя*!.. (В. В. IV. 267).

29. Человѣкъ и верблюдъ. (Аллегорія) [1]).

Верблюдъ.

I. Чрезъ степь однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать, храпѣть, бросаться; путникъ испугался и побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ у самой онъ дороги водоемъ ужасной глубины, но безъ воды. Изъ нѣдра темнаго его торчали вѣтвями длинными кусты малины, разросшейся межъ трещинами стѣнъ, покрытыхъ мохомъ старины. Въ него, гонимый бѣшенымъ верблюдомъ, путникъ въ испугѣ прянулъ: онъ за гибкій сукъ малины ухватился и повисъ надъ тем-

[1]) Аллегорія—иносказаніе, т. е. разсказъ, въ которомъ подъ видомъ однихъ предметовъ и лицъ нужно понимать другіе предметы и лица.

ной бездной. Голову поднявъ, увидѣлъ онъ разинутую пасть верблюда надъ собой: его схватить рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ глаза ко дну пустого водоема: тамъ змѣй ворочался и на него зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая, что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ. Такъ онъ и висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ межъ двухъ погибелей. И что жъ еще ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кустъ малины (за который онъ держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ стѣны состарѣвшейся водоема входилъ,—двѣ мыши, бѣлая одна, другая черная, сидѣли рядомъ на корнѣ, и его поочередно съ большою жадностію грызли, землю со всѣхъ сторонъ скребли и обнажали всѣ вѣтви корня, а когда земля шумѣла, падая на дно, оттуда выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто спѣша провѣдать, скоро-ль мыши корень перегрызутъ, и скоро-ль съ ношей кустъ къ нему на дно обрушится. Но что же? Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ на ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ малины, зрѣлыхъ, крупныхъ; сильное желаніе полакомиться ими зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ: и грознаго верблюда надъ собою, и подъ собою на днѣ далекомъ змѣя, и двухъ мышей коварную работу: оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда, внизу зіять голодной пастью змѣя, и въ сторонѣ грызть корень и копаться въ землѣ мышей, а самъ, рукой добравшись до ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать и ѣсть,— и страхъ его пропалъ...

II. Ты спросишь, кто этотъ жалкій путникъ?—человѣкъ. Пустыня же съ водоемомъ—свѣтъ; а путь черезъ пустыню—наша жизнь земная; гоняющійся за путникомъ верблюдъ есть врагъ души, тревогъ создатель—грѣхъ. Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно на вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной, гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта смерть—тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ, чтобъ вѣтка тонкая переломилась. А мыши? Ихъ названье день и ночь: безъ отдыха, смѣняяся, онѣ работаютъ, чтобы сукъ твой, вѣтку жизни, которая межъ смертію и свѣтомъ тебя невѣрно держитъ, перегрызть: прилежно черная грызетъ всю ночь, прилежно бѣлая грызетъ весь день; а ты, прельщенный ягодой душистой, усладой чувствъ, желаній утоленьемъ, забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ, и смерть—внизу зіяющаго змѣя, и быструю работу дня и ночи—мышей, грызущихъ тонкій корень жизни: ты все забылъ—тебя манитъ одно невѣрное минуты наслажденье. Вотъ свѣтъ и жизнь, и смертный человѣкъ! *(Жуковскій).*

30. Притча о дубовой бочкѣ.

I. Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клепки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы—и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ; въ бочкѣ этой люди воду возятъ; на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ; нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко: ведрами не наносишься.

II. Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами-ль клепки между собою повздорили да вмѣстѣ жить раздумали—не знаю; да только разсыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клепки, подъ ногами навалявшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ея и на свѣтѣ не бывало.

III. Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это православный прадѣдъ твой; клепки—все его сѣмя: и малъ и великъ; обручи—честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ и живитъ, и питаетъ односемьянъ: покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ, въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались клепки врознь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь, и слуху объ нихъ не стало. *(В. Даль).*

31. Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любитъ.

Я и такъ брата люблю, а больше за то, что онъ за меня въ солдаты пошелъ. Вотъ какъ было дѣло: стали бросать жеребій. Жеребій палъ на меня, мнѣ надо было итти въ солдаты, а я тогда недѣлю какъ женился. Не хотѣлось мнѣ отъ молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говоритъ: «какъ Петрушкѣ итти, онъ молодъ». Дѣлать было нечего, стали меня собирать. Сшила мнѣ жена рубахи, собрала мнѣ денегъ, и на завтра надо было итти на ставку въ городъ. Матушка убивалась — плакала, а я какъ подумаю, что итти надо, такъ сердце сожмется, точно на смерть иду.

Собрались мы ввечеру всѣ ужинать. Никому и ѣсть не хотѣлось. Старшій братъ, Николай, лежалъ на печи и все молчалъ. Молодайка моя выла. Отецъ сидѣлъ сердитый. Какъ матушка поставила на столъ кашу, такъ никто ее и не тронулъ. Матушка стала звать Николая съ печи ужинать. Онъ сошелъ, перекрестился, сѣлъ у стола, да и говоритъ: «не убивайся, матушка. Я пойду за Петрушку въ солдаты, я старше его. Авось не пропаду. Отслужу, да и приду домой. А ты, Петръ, безъ меня покой батюшку съ матушкой и жену мою не обижай». Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться, стали собирать Николая. По утру, когда я проснулся, какъ пораздумалъ, что за меня братъ идетъ, стало мнѣ тошно. Я и говорю: «не ходи, Николай, мой чередъ, я и пойду». А онъ молчитъ и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба въ городъ на ставку. Онъ становится, и я становлюсь. Оба мы ребята хорошіе, стоимъ—ждемъ, не бракуютъ насъ. Старшій братъ посмотрѣлъ на меня—усмѣхнулся и говоритъ: «будетъ, Петръ, ступай домой. Да не скучайте по мнѣ, я своей охотой иду». Заплакалъ я и пошелъ домой. А теперь какъ вспомню про брата, кажется бы жизнь за него отдалъ. *(Гр. Л. Толстой).*

32. Примѣръ сыновней любви.

I. Въ царствованіе Петра Великаго стольникъ [1]) Желябужскій сдѣлалъ важное преступленіе, за которое законы осуждали его на смертную казнь. Судъ приговорилъ его къ положенному законами наказанію, и смертный приговоръ былъ уже подписанъ государемъ. Несчастный долженъ былъ готовиться къ неминуемой смерти. Никакихъ средствъ не было къ его спасенію. Но онъ имѣлъ у себя сына, который съ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался нѣжною любовію къ родителямъ.

II. Молодой человѣкъ, пораженный несчастіемъ отца и безчестіемъ, которое падало на все семейство его, рѣшился пожертвовать своею жизнію за спасеніе родителя. Встрѣтивъ государя, при выходѣ его изъ дворца, онъ падаетъ къ ногамъ его и съ рыданіемъ говоритъ: «Государь! Отецъ мой нарушилъ долгъ свой противъ Бога и отечества и приговоренъ къ смертной казни. Не смѣю роптать на приговоръ твой, но дерзаю прибѣгнуть къ твоему милосердію. Повели, великій государь, вмѣсто отца моего

---

[1]) Стольникъ—придворный чиновникъ, имѣвшій смотрѣніе за царскимъ столомъ.

предать казни меня. Я съ радостію жертвую жизнію за виновника моей жизни. Государь! Не откажи мнѣ въ моемъ сердечномъ желаніи заплатить отцу за воспитаніе, избавить мать отъ потери мужа, братьевъ и сестеръ отъ сиротства, и все потомство отъ поношенія».

Императоръ Петръ Великій.

III. Государь, тронутый до слезъ горячею любовію нѣжнаго сына, поднялъ его и, поцѣловавъ, сказалъ: «За воспитаніе такого сына, какъ ты, прощаю отца твоего и возвращаю его тебѣ и всему вашему семейству. Сверхъ того, жалую тебя чиномъ и мѣстомъ, которое занималъ отецъ твой, въ полной увѣренности, что ты лучше его будешь исполнять должность, на тебя возлагаемую». *(Ист. Вѣстн.).*

33. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою,
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное [1]) житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье!
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью!..
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду—
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой.
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать,
Стану цѣлый день молиться,
Но ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, молясь Богу,
Ставь передъ собой.

---

[1]) Бранный—военный.

Да, готовясь въ бой [2]) опасный,
Помни мать свою...

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

(Лермонтовъ).

34. Мать и дитя.

Комнату лампада слабо озаряла,
Мать, надъ колыбелью наклонясь, стояла.
А въ саду сердито выла буря злая,
Подъ окномъ деревья темныя качая.
На малютку сына нѣжно мать глядѣла,
Колыбель качая, тихо пѣсню пѣла:
«Ахъ, уймись ты, буря! Не шумите, ели!
Мой малютка дремлетъ сладко въ колыбели.
Ты, гроза Господня, не буди ребенка!
Пронеситесь, тучи черныя, сторонкой!
Спи, дитя, спокойно!.. Вотъ гроза стихаетъ:
Матери молитва сонъ твой охраняетъ.
Завтра, какъ проснешься и откроешь глазки,
Снова встрѣтишь солнце, и любовь, и ласки».

(А. Плещеевъ).

35. Сердце матери.

„Ты, родима моя матушка!
Въ день денна моя печальница,
Въ ночь—ночная богомолица!“

(Народ. пѣсня).

I. Такъ поетъ русская вылившаяся изъ глубины сердца пѣсня. «Нѣтъ такого дружка, какъ родима матушка», говоритъ умная наша пословица. Кто такъ искренно, какъ мать, порадуется нашему счастію и раздѣлитъ наше горе? Чье сердце одинаково горитъ любовью и къ чаду разумному, и къ дѣтищу безталанному? Къ послѣднему душа матери лежитъ еще больше, нежели къ первому; прижимаетъ мать къ своей груди уродливое, неудавшееся чадо и молится о немъ еще больше, еще жарче.

II. Въ пѣснѣ говорится: «Посреди поля чистаго, подъ ракитовымъ кустомъ лежитъ избитъ, израненъ, исколотъ добрый молодецъ. Что не ласточки, не касаточки вкругъ тепла гнѣзда увиваются—увивается тутъ родна матушка; она плачетъ, какъ рѣка льется; а родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ; молодая жена плачетъ, какъ роса падетъ; солнышко взойдетъ—росу высушитъ»... Ручей лѣтомъ пересыхаетъ—горе сестры скоротечно; слезы жены, подобно росѣ, непродолжительны; но рѣка

[2]) Бой—битва, сраженіе.

не перестанетъ течь,—мать до гробовой доски будетъ оплакивать смерть своихъ дѣтей...

Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но въ мірѣ есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ;
Ей не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

III. Пройдутъ года, десятки лѣтъ послѣ смерти сына или дочери, а старушка-мать все теплитъ лампадку предъ образомъ, все шепчутъ ея уста дорогое имя и слезы влажатъ тусклыя, старческія очи.

Родимая матушка, дѣти, денная печальница о васъ, ночная богомолица! Отвѣчайте же ей взаимной любовью, благодарностію; окружите старость ея попеченіями, и благословеніе Божіе почіетъ на васъ. (*Изъ «Родины» Радонежскаго*).

36. Материнская любовь.

I. Моя мать, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ города К., *) заставила моего дядьку, Евсеича, побожиться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ, безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщалъ, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнію, и что его отдали въ больницу. Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцомъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могутъ имѣть и понятія: дорога прорывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажара, т. е. снѣгъ, насыщенный водою: ѣхать почти было невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выѣхала въ тотъ же день въ К. съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея, Ѳеодоромъ.

II. Ѣхала мать день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ некованыхъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ, въ одну лошадь. Всѣхъ саней было четверо: въ трехъ сидѣло по одному человѣку безъ всякой поклажи, которая вся помѣщалась на четвертыхъ саняхъ. Только такимъ образомъ была какая-нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользуясь морозными утренниками, которые на этотъ разъ продолжались, по счастію, до половины апрѣля. Въ десять дней до-

*) К.—Г. г. Казань.

тащилась моя мать до большого села, Мурзихи, на берегу Камы; здѣсь пошла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, и потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможности; но за то изъ Мурзихи надобно было переѣхать черезъ Каму. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь, и никто не согласился переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя должна была ночевать въ Мурзихѣ. Боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дому въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе материнское сердце; они обѣщали ей, что, если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подморозитъ, они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды.

III. До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колѣняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака, и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ льдомъ затянулъ лужи. На зарѣ шестеро молодцевъ, рыбаковъ по промыслу, каждый съ шестомъ или багромъ, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руки обѣихъ женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Ѳедору и отправились, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось, и надобно было пройти около трехъ верстъ.

IV. Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Ѳедоръ и Параша просто ревѣли, прощались съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ итти впередъ; но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и веселѣе. Провожатые поглядывали на нее и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ черезъ трещины; мать моя нигдѣ не хотѣла сѣсть на чуманъ (нѣчто вродѣ легкихъ санокъ), и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ ямского берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость; сейчасъ постлали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ поло-

женіи дотащили ее до самаго двора въ Шуранѣ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, т. е. половину своихъ денегъ, но честные люди не захотѣли воспользоваться: они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнаціями). Съ изумленіемъ слушая изъявленіе горячей благодарности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощанье: «дай вамъ Богъ благополучно доѣхать», и немедленно отправились домой, потому что мѣшкать было некогда: рѣка прошла на другой день. Все это подробно разсказала мнѣ Параша. Изъ Шурана, въ двое сутокъ, мать моя доѣхала до К., остановилась гдѣ-то на постояломъ дворѣ и чрезъ полчаса была въ гимназіи, гдѣ я жилъ. (*С. Аксаковъ*).

37. Родительское благословеніе.

Дорожите, дѣти, благословеніемъ родительскимъ, если хотите, да благо вамъ будетъ и да долголѣтны будете на земли! Дорожите этимъ сокровищемъ, котораго никто и никогда не можетъ похитить у васъ! Съ благословеніемъ родительскимъ никакія бѣды и напасти не страшны будутъ вамъ; съ нимъ и въ счастьѣ-довольствѣ вы не забудетесь. Не даромъ говоритъ мудрая пословица: «родительское благословеніе со дна моря достанетъ,—оно въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ». *Въ родительскомъ благословеніи дѣйствуетъ благословеніе Самого Бога.* Самъ Богъ—Отецъ Небесный, сотворивъ нашихъ праотцевъ, благословилъ ихъ Своимъ Отеческимъ благословеніемъ (Быт. 1, 28) и опредѣлилъ, чтобы *благословеніе отчее утверждало домы чадъ* (Сир. 3, 9).

Къ несчастію, не всѣ дѣти знаютъ цѣну этого великаго сокровища. Есть дѣти, которые ни во что ставятъ родительское благословеніе и за то лишаются Божія благословенія. Вотъ поучительный разсказъ изъ недавнихъ временъ,—разсказъ, свидѣтельствующій, какъ дѣти должны дорожить самымъ *знаменіемъ родительскаго благословенія—св. иконою*, какова бы она ни была по внѣшнему виду. Молодой человѣкъ, сынъ одной благочестивой помѣщицы, отправлялся на службу въ Петербургъ. Мать при отъѣздѣ благословила его Ахтырскою иконою Божіей Матери. Икона была простая, безъ ризы, на видъ невзрачная, темная, какъ обыкновенно эта икона рисуется. Было уже лѣто около того времени, какъ празднуется въ честь Ахтырской иконы Божіей Матери, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ. Путникамъ нужно было выбраться на большую дорогу, глухою стенью, заросшею высокою травой и бурьяномъ. И вотъ юноша, оставшись въ каретѣ

на-единѣ, съ иконою въ рукахъ, которую его мать подала ему въ карету съ напутственными словами и слезами, и которую ему некуда было дѣть, предался мечтамъ о своемъ будущемъ: о роскошной жизни въ Петербургѣ, о знакомствѣ съ знатными особами, о блестящемъ обществѣ. Взглянувши на образъ, бывшій у него въ рукахъ, темный, невзрачный, онъ подумалъ, что при такой обстановкѣ, какая его ожидаетъ, ему будетъ стыдно поставить у себя такую икону, и вотъ, недолго думая, онъ—страшно сказать—вышвырнулъ святой образъ изъ кареты въ густую, высокую траву и продолжалъ мечтать. Путешествіе кончилось благополучно. Юноша пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Когда устроилась квартира, то дядька, размѣщая вещи, вспомнилъ про св. образъ и спросилъ у барина—гдѣ онъ? Баринъ сказалъ, что онъ вышвырнулъ его еще въ степи... Дядька пришелъ въ ужасъ и тутъ-же сказалъ, что не будетъ ему счастья безъ материнскаго благословенія: «материнская молитва со дна моря достанетъ», сказалъ старикъ, «а кто ее не почитаетъ, тотъ счастья вѣкъ не знаетъ». Баринъ успокоилъ дядьку, а самъ развлекся и позабылъ о своемъ поступкѣ; но—не надолго. Вскорѣ что-то приключилось ему весьма непріятное, и дядька не преминулъ напомнить ему о материнскомъ благословеніи. Юноша промолчалъ; но съ тѣхъ поръ его поступокъ сталъ приходить ему на умъ всякій разъ, какъ-только постигала его какая-нибудь непріятность. Онъ служилъ въ Петербургѣ года два или три, служба шла для него весьма неудачно. Непріятности повторялись чаще и чаще; а дядька всякій разъ твердилъ о материнскомъ благословеніи. Наконецъ получилось извѣстіе о смерти матери, и юноша совершенно упалъ духомъ, потерявши возможность испросить у нея прощеніе и вторичное благословеніе. Тутъ-то дядька приступилъ къ барину съ настоятельными совѣтами и увѣщаніями бросить службу, ѣхать на родину и употребить всѣ возможныя средства къ розысканію иконы. У самого юноши явилось сильное раскаяніе; онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ опять домой. Проѣхали уже степью нѣсколько верстъ; вдругъ лошади сбѣсились и понесли... карету опрокинули и повредили; баринъ вывалился, дядька и кучеръ тоже... наконецъ лошади умаялись и остановились. Кучеръ и дядька по слѣду измятой травы нашли ихъ стоящими и спокойно щиплющими траву. Барина въ каретѣ не оказалось. Кучеръ и дядька отправились искать барина... наконецъ нашли: но какъ?! Онъ лежалъ въ обморокѣ, съ окровавленнымъ лицомъ, а подъ головой икона..., та самая Ахтырская икона Божіей Матери, которою мать благословила его, про-

вожая въ Петербургъ, и которую онъ такъ легкомысленно выбросилъ вонъ изъ экипажа! Дядька и кучеръ въ изумленіи пали на колѣни; а юноша, опамятовавшись и увидѣвши св. образъ, зарыдалъ горячими слезами, благодаря Господа за Его милость и вразумленіе. Онъ порѣшилъ итти домой пѣшкомъ, неся въ рукахъ съ честію св. икону. Потомъ онъ построилъ въ своемъ имѣніи церковь, которая и теперь тамъ существуетъ во славу Божіей Матери и въ честь св. иконы Ахтырской; а самую икону, покрывъ дорогою ризою, поставилъ въ церкви какъ храмовую, сказавъ, что онъ не достоинъ, чтобъ этотъ чудотворный образъ украшалъ жилище его, какъ тяжко согрѣшившаго предъ Господомъ и предъ св. иконою Пресвятой Его Матери.

Такъ вразумилъ Богъ этого юношу, добраго сердцемъ, но легкомысленнаго, и научилъ его дорожить родительскимъ благословеніемъ. Дорожите, дѣти, и вы этимъ сокровищемъ, если желаете, чтобы на васъ почивало Божіе благословеніе!

(Извлеч. съ сокращ. изъ № 230 «Троицк. листк.»).

38. Слава труду.

Слава святому труду!
Бѣдность и трудъ
Честно живутъ,
Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
Слава святому труду!
Дружно-же, дѣти!
Громкую славу споемъ
Тѣмъ, кто живетъ въ этомъ мірѣ
Честнымъ трудомъ.
Слава святому труду!
Бѣдность и трудъ
Честно живутъ,
Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
Слава святому труду!

(Изъ стих. Беранже).

39. Наслѣдство.

Не осталося
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.
Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.
Въ горѣ, въ черный день,
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ
Смотришь соколомъ;
На распашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.
И мила душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

(Никитинъ).

40. Косарь.

Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости—прощай,
Село родное...
Въ края дальніе,
Пойдетъ мо́лодецъ...
Что внизъ по́ Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слобо́душки...
Степь разду́мольная
Далеко вокругъ,
Широко́ лежитъ,
Ковылемъ травой
Разстилается...

***

Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ другъ
Съ косой острою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и по́перекъ,
Съ ней хотѣлося...

***

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную...
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На ряду съ травой
Вы засохнете!
Нагребу копенъ,
Намету стоговъ:—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

(Кольцовъ).

41. Счастливая старость.

«Ты, дѣдушка, старъ», ученикъ говоритъ:
«Весь сѣдъ, и волосъ лишь немного сберегъ;

«Лѣтами ты старъ, но здоровъ и не хилъ—
«Скажи: отчего, старичокъ?»
— Въ дни юности, другъ мой, старикъ возразилъ:
Я помнилъ, что юность летитъ какъ стрѣла:
Не тратилъ я даромъ здоровья и силъ,
Чтобъ послѣ внезапно нужда не пришла.—

«Ты, дѣдушка, старъ», ученикъ говорилъ,
«Вѣдь съ юностью кончится радости срокъ,
«А ты о прошедшемъ еще не тужилъ—
«Скажи: отчего, старичокъ?»
— Въ дни юности, другъ мой, старикъ возразилъ:
Я помнилъ, какъ юности дни коротки:
О будущемъ думалъ я, что ни творилъ,
Чтобъ прошлое могъ вспоминать безъ тоски.

«Ты, дѣдушка, старъ», ученикъ говорилъ,
«А жизнь коротка: твой конецъ недалекъ:
«Ты веселъ; про смерть разговоръ тебѣ милъ.
«Скажи: отчего, старичокъ?»
— Да, другъ мой; я веселъ, и вотъ отчего—
Причину замѣть ты—старикъ возразилъ:
Я въ юности помнилъ Творца моего,
А Онъ за то старость мою не забылъ. (*Я. Гротъ*).

42. Нищій.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

—

Надѣваетъ-ли суму неволя,
Не охота-ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

—

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное, Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой.

(*Никитинъ*).

43. Смерть нищаго.

Пришелъ онъ, старецъ величавый;
Кто онъ—Богъ вѣсть; съ своей сумой,
Въ одеждѣ бѣдной и дырявой,
Пришелъ на берегъ онъ морской.

—

И легъ онъ на прибрежный камень,
Тяжелый посохъ уронилъ,
И взоръ, гдѣ гаснулъ жизни пламень,
Въ лазурь безгранную вперилъ.

—

Надъ нимъ, какъ ангелъ, проносилась
По небу тучка. День сіялъ.
Морская даль не серебрилась.
И знойный воздухъ не дышалъ.

—

Въ одеждѣ бѣдной и дырявой,
Съ сумою, съ посохомъ, въ пыли,
Онъ умеръ гордый, величавый,
Какъ царь непризнанный земли.

(М. Бѣлинскій).

44. Счастіе.

Хочешь ли счастьемъ земнымъ всегда въ тишинѣ наслаждаться?
Зависти въ сердцѣ не знай къ тѣмъ, кто счастливѣй тебя,
Сравнивай долю свою не съ ихъ завидною долей,—
Сравнивай съ долею тѣхъ, кто злополучнѣй тебя.

(Θ. Миллеръ).

45. Ищи того, что прочно, безконечно.

Ты пріобрѣлъ сокровище земное,—
Къ чему восторгъ?—ничтожно это все!
Ты потерялъ сокровище земное,—
Къ чему печаль?—ничтожно это все.
Здѣсь, на землѣ, какъ ты, ничто не вѣчно:
Ищи того, что прочно, безконечно. *(Θ. Миллеръ).*

46. Завтра.

«*Завтра*, завтра, не сегодня!»
Такъ лѣнивцы говорятъ;
Завтра свой урокъ начну,
Завтра не хочу лѣниться,
Завтра надо потрудиться;
Нынче, лучше, поиграть,—
Вотъ сужденіе какое!
Для чего же не теперь?

Завтра сдѣлаемъ другое.
Нынче это сдѣлай; вѣрь,
Что на каждый день есть дѣло;
Что поспѣло, то созрѣло.
Что ты сдѣлалъ, то съ концомъ.—
Вижу я, и—поздравляю,
А что сдѣлаешь потомъ,
Я, дружокъ, еще не знаю.
День за днемъ, вся жизнь пройдетъ—
Невозвратно и мгновенно.
Быстро каждый часъ летитъ.
Далѣ, далѣ время мчитъ!
Каждымъ часомъ настоящимъ
Въ жизни пользоваться знай;
Мигомъ дорожи летящимъ;
Завтрому не довѣряй.
Коль до завтра ты отложишь,
Что сегодня сдѣлать можешь,
Будешь часто горевать...

(*Б. Ѳеодоровъ*).

47. Хоровая пѣсня дѣтей.

Дружно, братцы, пѣсню грянемъ!
Отдохнемъ—и смѣло
Мы опять работать станемъ,
Примемся за дѣло.

—

Хоромъ, хоромъ пойте дружно,
Намъ во всемъ согласье нужно.
Гдѣ согласье заведется,
Славно, славно тамъ живется:
Все кипитъ, все удается...
Дружно, дружно, веселѣй!

—

Гдѣ разладъ—прощай веселье,
Радость улетѣла,
Тамъ не клеится ни пѣнье,
Ни игра, ни дѣло.

—

Хоромъ, хоромъ пойте дружно,
Намъ во всемъ согласье нужно.
Гдѣ согласье заведется,
Славно, славно тамъ живется,
Все кипитъ, все удается...
Дружно, дружно, веселѣй!

—

Гдѣ разладъ—тамъ грустно, скучно.
Тамъ житье плохое...
Будь же съ нами неразлучно,
Дружество святое!

Хоромъ, хоромъ пойте дружно,
Намъ во всемъ согласье нужно.
Гдѣ согласье заведется,
Славно, славно тамъ живется:
Все кипитъ, все удается...
Дружно, дружно, весели!

(*Кн. Одоевскій*)

48. Утренняя пѣсня.

Встань поутру, не лѣнись!
Мыломъ вымойся, утрись.
Кто растрепанъ, не умытъ,
Тотъ собой людей смѣшитъ.
Зубы, десны крѣпче три
И снаружи, и снутри;
Чистымъ гребнемъ причешись,
Да и Богу помолись.
Долго спать тебѣ невпрокъ,
Лишь забудешь про урокъ,
Ты за книжку—повторить,
А ужъ начали звонить.
Знай заранѣе, что взять,
Времени чтобъ не терять.
Въ классъ когда итти велятъ,
Тутъ ужъ некогда искать.
То забылъ налить чернилъ,
То пера не очинилъ;
Книжку бросилъ безъ пути,
А потомъ и не найти.
Но въ порядкѣ что лежитъ,
Подъ руку само бѣжитъ.
Въ классѣ быть, такъ не зѣвать,
А стараться понимать!
Кто зѣваетъ — негодяй;
Ты ему не подражай.
Слышишь новое—смекни,
Да въ тетрадкѣ очеркни;
Полѣнился, пропустилъ—
Смотришь: завтра позабылъ,
А написано—прочтешь,
Лучше въ толкъ себѣ возьмешь.

(*Одоевскій*)

49. Трудись!

Если любить кто трудиться,
Воленъ тотъ и отдыхать,
Погулять и порѣзвиться,
Да и книжку почитать.
Что за стыдъ!
Какъ не знать
Ни читать, ни писать?
Я и книжку прочту,
Да и счеты сведу.
Станемъ дружно мы трудиться
И другъ другу помогать!
Надо многому учиться,
Чтобы малое узнать.
На другихъ погляжу,
Да свой умъ приложу.
До чего не дойду,
То я въ книжкѣ найду.
Не страшна работѣ бѣдность!
Кто работаетъ, тотъ сытъ.
Кто къ труду имѣетъ ревность,
Богъ того благословитъ.
Помолись
И трудись!
Только знай не лѣнись:
Безъ нужды проживешь
И отраду найдешь.
(*Одоевскій*)

БАСНИ.

50. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить
И просить горю пособить.
Журавль свой длинный носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть и съ трудностью большою

Волкъ.

Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный;
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ

И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!
Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся.—
(*Крыловъ*).

51. Пастухъ.

У Саввы, пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ),
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ
Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ,
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада
И безпощадно ихъ деретъ.
«И не диковина», твердитъ народъ:
«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»
Вотъ волка стали стеречи.
Но отчего-жъ у Саввушки въ печи
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?
(Изъ поваренковъ, за грѣхи,
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья! пустой вашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то Савва. (*Крыловъ*).

52. Лисица и оселъ.

«Отколѣ умная бредешь ты, голова?»
Лисица, встрѣтясь съ осломъ, его спросила.
— Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.

И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По своему:
Кто зубомъ, кто рогами...
— «Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?»
Лиса осла перерываетъ.
— «Вотъ-на!» оселъ ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!»

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды;
Но упади лишь съ высоты—
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

(*Крыловъ*).

53. Кукушка и орелъ.

Орелъ.

Орелъ пожаловалъ кукушку
въ соловьи.
Кукушка въ новомъ чинѣ,
Усѣвшись важно на осинѣ,
Таланты въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась;
Глядитъ—всѣ прочь летятъ;
Одни смѣются ей, а тѣ ее
бранятъ.
Моя кукушка огорчилась,
И съ жалобой на птицъ къ
орлу спѣшитъ она.
«Помилуй!» говоритъ: «по
твоему велѣнью
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!»
— «Мой другъ!» орелъ въ отвѣтъ: «я царь, но я не
Богъ:
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить,
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить;
Но сдѣлать соловьемъ кукушки я не могъ.

(*Крыловъ*).

54. Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщался чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

—

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился!
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ честью;
Но скворушка услышь, что хвалятъ соловья—
А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью—
И думаетъ: «постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ».
И подлинно запѣлъ;
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый скворушка, ну что за прибыль въ томъ?
Ной лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ. (*Крылов*).

55. Два мужика.

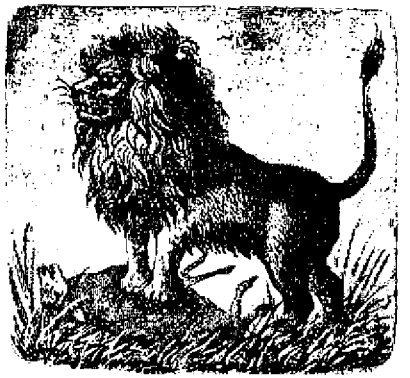
«Здорово, кумъ Ѳаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель, поживаешь!»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;

Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заропилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь—я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ, о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару,
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня впотьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
— «Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже-ль и впотьмахъ.

(*Крыловъ*).

56. Бѣлка.

У льва служила бѣлка:
Не знаю, какъ и чѣмъ; но дѣло только въ томъ,
Что служба бѣлкина угодна передъ львомъ;
А угодить на льва, конечно, не бездѣлка.
За то обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ;
Обѣщанъ—между тѣмъ все время улетаетъ;
А бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ
И скалитъ передъ львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотритъ: по лѣсу то тамъ, то сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ;
Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ,



Левъ

Орѣшки, знай себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ.
Но наша бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,
Глядитъ—нельзя никакъ:
На службу льву ее то кличутъ, то толкаютъ.
Вотъ бѣлка наконецъ ужъ стала и стара,
И льву наскучила: въ отставку ей пора.
Отставку бѣлкѣ дали
И, точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на отборъ орѣхъ къ орѣху—чудо!
Одно лишь только худо—
Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ. (*Крыловъ*)

57. Скупой и курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь, такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

—

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про скупого:
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ курицу имѣлъ (какъ это ни завидно!),
Котора яица несла;
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее разрѣзалъ онъ. И что-же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха. (*Крыловъ*).

58. Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши

Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
«Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте,
А счеты послѣ мы сведемъ!»
— «Мнѣ только тысячу мою сперва додайте!»
Шумитъ другой:
Я съ мѣста не сойду долой».
— «Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны!»
Еще одинъ кричитъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!
Да какъ, за что и почему?»
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

—

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Не рѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей. *(Крыловъ).*

59. Демьянова уха.

— «Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай!»
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло».
— « Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ».
— «И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравіе ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

Еще хоть ложечку! Да, кланяйся, жена!»
Такъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.
«Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ:
«Зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой. (*Крыловъ*).

60. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплатилъ.—Кафтанъ [1]) опять готовъ,
Лишь на четверть голѣе руки стали,
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ,
А Тришка говоритъ: «такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка—малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой!
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы [2]).—

—

Такимъ же образомъ видалъ я иногда,—
Иные господа,

---

[1]) Кафтанъ—верхняя одежда, въ родѣ сюртука, которую носили въ прошломъ столѣтіи.

[2]) Камзолъ—платье безъ рукавовъ, которое носили подъ кафтаномъ, какъ теперь жилеты.

Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ:
Посмотришь,—въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ. —
(*Крыловъ*).

61. Оселъ и соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: «Послушай ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище;
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье:
Велико-ль, подлинно, твое умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался:

Соловей.

Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу авроры [1]):
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ.
Ещъ-бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей! (*Крыловъ*).

---

[1]) „Аврора" латинское слово—утренняя заря. „Любимцемъ и пѣвцемъ авроры" соловей здѣсь названъ потому, что онъ обыкновенно поетъ на зарѣ.

62. Ларчикъ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

—

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка,
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ, и Ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою».
Вотъ за Ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ». Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался;
А Ларчикъ просто открывался. (*Крыловъ*).

63. Муравей и зерно.

Готовя муравей запасъ, нашелъ зерно,
Межъ мелкими одно
Весьма большое.
Не муравью бы съ нимъ, казалось, совладать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать;
И потащилъ зерно большое.

Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, около зерна мой муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться;
Но тяжесть трудъ перемогла—
И муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, а муравей—въ другую.
Не трогая струну людскую,
Мнѣ только муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать. (*Хемницеръ*).

64. Воробьи и овсянка.

Накрывши сѣтью воробьевъ,
Мужикъ имъ говорилъ: «Вотъ я васъ всѣхъ, воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали!
Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону—
Всѣмъ головы сверну,
И въ кашицу... Да ты, овсянка, какъ попала?»
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:
— Послушай, мужичокъ, всю истину скажу:
Я съ ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня; ничѣмъ тебѣ я не врежу.
Ужъ-ли поступишь такъ со мной, какъ съ воробьями?
—«Да не помилую, конечно, и тебя!
Пеняй сама ты на себя:
Зачѣмъ была съ плутами? (*Измайловъ*).

65. Пословицы.

а) о трудѣ и праздности.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего. — Безъ дѣла жить, только небо коптить.—Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ.—Богъ труды любитъ.—Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи.—Столъ поставятъ, такъ и работать заставятъ.—Не потрудиться—такъ и хлѣба не родится.—Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ.—Работа да руки—надежныя въ людяхъ поруки.—Праздность—мать пороковъ.

б) объ языкѣ и словѣ.

Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ.—Языкъ до Кіева доведетъ. — Много знай, да мало бай.—Не спѣши языкомъ, то-

ропись дѣломъ.—Ѣшь калачи, да меньше лепечи.—За правое дѣло говори смѣло. — Ласковое слово и кость ломитъ.—Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.—Умныя рѣчи пріятно и слушать.

в) о здоровьѣ.

Живи просто: проживешь лѣтъ со сто.—Здоровье всему голова. — Чистота здоровье сохраняетъ, а воздержность разумъ укрѣпляетъ.—Не думай быть нарядным, а думай быть опрятнымъ.—Баня мать вторая.—Привычка вторая натура.—Не все то ѣшь, что видишь.

Работай до поту, покушаешь въ охоту.—Коли хлѣба край, такъ и подъ елью рай. - Безъ соли, безъ хлѣба половина обѣда.—Сытое брюхо къ ученью глухо.

Здоровому врачъ не надобенъ.—Боль врача ищетъ.—У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.—Больному въ ѣдѣ не вѣрь.—Больному и золотая кровать не поможетъ.—Кровь отворить—гвоздь въ гробъ вколотить.—Отъ смерти нѣтъ лѣкарства.—Прежде смерти не должно умирать.—Не по старости мрутъ, не по молодости живутъ.—Деньги—мѣдь, одежда—тлѣнъ, а здоровье—всего дороже.—Гдѣ пиры да чаи, тамъ и немочи.—Держи голову въ холодѣ, животъ въ голодѣ, а ноги въ теплѣ.

г) объ отношеніи къ чужой собственности.

Украсть—въ бѣду попасть.—Хоть съ умомъ воровать, а бѣды не миновать.—Украдешь песчинку—заплатишь полтинку.—Сколько вору ни воровать, а висѣлицы не миновать.—По дѣломъ вору и мука.—Не тотъ воръ, кто крадетъ, а тотъ воръ, кто концы хоронитъ.—Кто укралъ, у того одинъ грѣхъ, а у кого украли, у того десять [1]).—Лучше съ убыткомъ торговать, нежели съ барышемъ воровать.—Лучше по міру сбирать, чѣмъ чужое взять,—чужое взять — свое потерять.—Краденое порося и въ ушахъ визжитъ.—Краденое богатство исчезаетъ, какъ ледъ таетъ.—Нашелъ, да не объявилъ—все равно, что утаилъ.—Воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели.

д) о терпѣніи.

Богъ терпѣлъ, и намъ велѣлъ.—Подумаешь—горе; а раздумаешь—воля Господня.—Свѣтъ стоитъ до тьмы, а тьма до свѣту; не все ненастье,—будетъ и ведро; не узнавъ горя,—не узнаешь

---

1) То-есть: такой человѣкъ можетъ оговорить невинныхъ лицъ въ кражѣ, чѣмъ конечно, тяжко согрѣшитъ.

и радости.—Лихо терпѣть, а оттерпится—слюбится.—Не гнѣви Бога ропотомъ, а молись Ему шопотомъ; на Бога положишься—не обложишься (не обманешься);—Богъ тучу пронесетъ и ведро принесетъ; Богъ намочитъ, Богъ и высушитъ.—Колотись, бейся, а все надѣйся.—Коли тутъ житья нѣтъ, жди перехода на тотъ свѣтъ. — За терпѣнье Богъ даетъ спасеніе. — Терпѣнье даетъ умѣнье.—Терпя въ люди выходятъ.

Исподволь и сырыя дрова загораются. — Капля долбитъ камень.—Терпѣніе и трудъ все перетрутъ.—Терпи, казакъ, атаманъ будешь.—Поживи въ рабахъ, будешь и въ господахъ.

е) о грѣхѣ, преступленіи и наказаніи.

Одинъ Богъ безъ грѣха.—Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ?—Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ? — Отъ грѣха не уйдешь, и отъ бѣды не упасешься. — Не можетъ человѣкъ безгрѣшнымъ быть въ свой вѣкъ.—Нѣту дерева, гдѣ бы птица не сидѣла, нѣту и мужика, кой бы былъ безъ грѣха.—Отъ запада до востока нѣтъ человѣка безъ порока.—Кто въ грѣхѣ, тотъ и въ отвѣтѣ.—Дураку законъ не писанъ. — Старымъ и больнымъ законъ не лежитъ.—Только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ.—Невольный грѣхъ живетъ на всѣхъ.—Кто станетъ доносить, тому головы не сносить.—Невольный грѣхъ отпускается.—Кто переноситъ вѣсти, тому бы на день плетей по двѣсти.—Для разума не много чести, чтобы знать и сказывать лишь вѣсти.—За худыя дѣла слетитъ и голова. — Кого честь не беретъ, того палка пройметъ.—Кнутъ не мучитъ, а добру учитъ.—Кто плутъ, для того сдѣланъ кнутъ.—Бьютъ не ради мученья, а ради ученья.—Побьютъ, такъ скажи спасибо, что ума даютъ.—За битаго двухъ небитыхъ даютъ, да и то не берутъ.—Повинную голову и мечъ не сѣчетъ.—Карать да миловать—Богу и царю.

ж) о дружбѣ.

Другъ и братъ великое дѣло: не скоро его добудешь.—Онъ не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.—Для друга нѣтъ круга: и семь верстъ не околица.—Для милаго дружка и сережка изъ ушка. — Старый другъ лучше новыхъ двухъ. —Свой своему поневолѣ другъ.

з) о томъ, что не должно завидовать чужому счастью и надо быть довольну своимъ жребіемъ.

Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.—Посади свинью за столъ: она и ноги на столъ.—Въ чужія сани не садись. — Всякій ку-

ликъ въ своемъ болотѣ великъ. — Большому кораблю большое и плаванье.—Въ большомъ мѣстѣ сидѣть, много ума имѣть.—Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ.—Не все то золото, что блеститъ.—На безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ.—Выше лба уши не ростутъ.

и) о пользѣ ученія и знанія.

Науки вѣрнѣй золотой поруки. — Азъ да буки, а потомъ и науки.

Кто больше знаетъ, тому и книги въ руки.—Не перомъ пишутъ—умомъ.—Пиши, да не спѣши.—Добръ конь, да не ѣзжанъ; дорогъ парень, да не ученъ.—Безъ муки нѣтъ и науки.—Одной пчелѣ Богъ съ роду далъ науку. — Не школа учитъ — охота.—Наука не пиво: въ ротъ не вольешь. — Не учась и лаптя не сплетешь.

і) о правдѣ.

Всѣхъ враловъ не переврешь.—Извѣришься въ иглѣ, не повѣрятъ въ рублѣ. — Будь въ маломъ правдивъ, и въ большомъ станутъ вѣрить.—Враньемъ или неправдой весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься.

66. Какъ сохранить здоровье.

Великое благо для всякаго человѣка—здоровье. Какъ оно дорого, человѣкъ только тогда узнаетъ, когда потеряетъ его. Нѣтъ ничего легче потерять здоровье, но вернуть потерянное здоровье часто бываетъ очень и очень трудно. Кто хочетъ сберечь здоровье, кто желаетъ прожить долгій вѣкъ, пусть твердо запомнитъ слѣдующія правила. Для здоровья и долгой жизни служатъ—

1. *Чистый воздухъ.* Избу, въ которой живешь, каждый день, и зиму и лѣто, надо провѣтривать. Для этого въ каждой комнатѣ въ окнѣ должна быть форточка. Ходи и работай побольше на свѣжемъ воздухѣ, хотя бы и въ дурную погоду.

2. *Чистая свѣжая вода.* Пріучи себя каждый день натощахъ пить хоть немного воды. Вода очиститъ тебѣ желудокъ и поможетъ переваривать то, что ты съѣшь. Днемъ также чаще пей воду. Водопійцы долго живутъ, рѣже хвораютъ и легче переносятъ болѣзни. Каждый день, вставая съ постели, мой лицо, руки, шею студеною чистою водою, а если можно, то ежедневно обтирай водою и все тѣло. Это первое лучшее лѣкарство противъ множества болѣзней.

3. *Заботься о чистотѣ бѣлья и постели.* Непремѣнно, хотя разъ въ недѣлю, перемѣни бѣлье, ходи въ баню, и провѣтривай одѣяло, подушки и тюфякъ.

4. *Дѣлай побольше движенія.* Теперь движеньемъ тѣла лѣчатъ различныя болѣзни. Кто проводитъ жизнь въ движеніи, тотъ всегда здоровѣе и живетъ дольше. При работѣ въ движеніи крѣпнетъ и здоровѣетъ тѣло.

5. *Остерегайся безсонныхъ ночей.* Раньше ложись спать, раньше вставай: будешь гораздо здоровѣе.

6. *Кушай всегда умѣренно и не пей никакихъ крѣпкихъ напитковъ:* помни всегда, что водка есть страшный ядъ, который болѣе чѣмъ наполовину сокращаетъ жизнь человѣка: помни крѣпко, что водка даетъ людямъ обманчивое удовольствіе на часъ, а заставляетъ потомъ страдать недѣли, мѣсяцы и годы; никогда не забывай, что пьющіе водку пріучаются къ ней постепенно, мало-по-малу; берегись, какъ огня, и одной рюмки; берегись, какъ злѣйшихъ твоихъ враговъ, тѣхъ людей, которые потчуютъ тебя виномъ и могутъ навѣки погубить твою душу и тѣло.

7. Лѣкарствами пользуйся только въ крайней нуждѣ, и никогда не обращайся къ знахарямъ, а ищи совѣта у знающаго и разумнаго доктора.

8. Крови не открывай никогда. Кровь—сила человѣка. Кровопусканіе полезно только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МІРЪ БОЖІЙ.

1. Божій міръ.

Стоитъ величественный домъ
На скрытомъ основаньи;
Но навсегда остаться въ немъ
Нельзя, при всемъ желаньи.
По непостижнымъ чертежамъ
Исполнено строенье;
Въ немъ свѣточъ вспыхиваетъ самъ—
И ярко освѣщенье.
Покрытъ весь домъ тотъ бирюзой [1]),
Опалами [2]) и прочимъ,
Но незнакомъ никто земной
Съ его Великимъ Зодчимъ [3]). (*Жуковскій*).

2 Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ [4]);
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури [5]) жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя». (*Жуковскій*).

---

1) Бирюза—драгоцѣнный камень свѣтло-голубого цвѣта.
2) Опалъ—драгоцѣнный камень молочно-бѣлаго цвѣта.
3) Зодчій—строитель.
4) Зардѣть—покраснѣть, покрыться румянцемъ.
5) Лазурь—свѣтло-синій цвѣтъ.

3. Весенній гимнъ.

Сладко на солнцѣ дремлю я,
Слышу паденіе водъ,
И надо мною, ликуя,
Пташекъ поетъ хороводъ.
Легкое вѣтра дыханье
Всюду несетъ ароматъ,
Воздухъ исполненъ сіянья,
Пестрыя мушки жужжатъ,
Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтковъ,
Пчелы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ.
Чашей сребристой—лилея,
Жукъ—изумрудомъ блеститъ;
Сѣть паутины, бѣлѣя,
Въ зелени темной виситъ.
Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
Ящерицъ рѣзвыхъ семьи,
И, шелестя, пропадаютъ,—
Будятъ меня въ забытьи...
Я подъ крыломъ у природы
Чистъ и безскорбенъ живу,
Полнъ первобытной свободы;
Все мнѣ, какъ сонъ на яву.
О, Міродержецъ! Отрадно
Стройность въ душѣ ощутить...
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить!...

(*Щербина*).

4. Наступленіе весны.

Гонимы вешними [1]) лучами
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года [2]);
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса,
Какъ будто пухомъ, зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой [3])
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

(*Пушкинъ*).

5. Весна въ деревнѣ.

По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась молодая зелень. Погода хорошая; со всхода до заката солнце свѣтитъ и грѣетъ; въ небѣ ни облачка... Рѣчки и ручьи шумно бурлятъ;

---

[1]) *Вешній*—весенній.
[2]) *Утро года*—весна.
[3]) *Келья восковая*—ячейка, куда пчелы кладутъ медъ.

луга затоплены; легкій вѣтерокъ рябитъ широкія воды, и дрожащими золотыми переливами ярко горятъ онѣ на вешнемъ солнцѣ.

По деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ перековываетъ—пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ!

«Поднимайся, рожь зеленая! охрани тебя, матушку, небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещенымъ людямъ вдоволь хлѣбушка!»... молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочутъ: гряды въ огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ—не дождутся Егорьева дня [1]), когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонятъ въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода—голода.

Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ. Звонкія пѣсни разливаются по деревнѣ. Парни, дѣвки весну окликаютъ:

Весна, весна красная,
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашонкахъ, по лѣтнему, кишатъ на улицѣ. Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо глядѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ они весеннюю пѣсню:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ...
Солнышко, покажись,
Красное, нарядись!

адуница пришла!... Красная горка [2])!... Веселье-то какое!...

(*А. Печерскій*).

6. Что ты спишь, мужичокъ?...

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя не ляди:

Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ—по травѣ
Хоть шаромъ покати.

---

[1]) Апрѣля 23-е.

[2]) Красная горка—народное названіе понедѣльника Ѳоминой недѣли. Радуница—вторникъ Ѳоминой недѣли.

Изъ клѣтей — домовой
Соръ метлою посмелъ [1])
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ,
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба
Какъ старушка стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой;
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ бѣдою сидишь,
И весь день на печи
Безпросыпу лежишь.
А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну —
Бражку ковшикомъ пьютъ.

(*Кольцовъ*).

7. Весною.

Въ старый садъ вхожу я. Росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ;
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтной бабочки крылья
И слѣды воробья на пескѣ.

За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.
Какъ любовью и радостью дышитъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ.

(*Плещеевъ*).

8. Вскрытіе рѣки.

I. Съ крыльца нашего подъѣзда была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется.

И наконецъ пришелъ этотъ желанный день и часъ. Торопливо заглянулъ Евсеичъ [2]) въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ

---

[1]) Поэтъ, конечно, самъ не вѣритъ въ домового, говоритъ же о немъ въ насмѣшку, примѣняясь къ повѣрью простого народа.

[2]) Старый слуга.

голосомъ сказалъ: «Бѣлая тронулась!» Мать позволила, и въ одну минуту, тепло-одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда.

Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другого. Стоявшіе около меня люди сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, котораго ревъ долеталъ до ушей моихъ, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ, и скрылась за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова.

Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ, потому что всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе, и скоро перебрались на берегъ.

II. Ледъ все еще шелъ крѣпкою, сплошною, неразрывною безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: «пойдемъ, соколикъ, въ горницу: рѣка еще не скоро взломается, а ты прозябнешь. Лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трогаться». Я очень неохотно послушался; но за то мать была очень довольна и похвалила Евсеича и меня.

Въ самомъ дѣлѣ, не ближе, какъ черезъ часъ, Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается. Мать опять отпустила меня на короткое время, и, одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидѣлъ новую, тоже невиданную мною, картину: ледъ трескался и ломался на отдѣльныя глыбы; вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую, большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчала сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи, иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ явственно долеталъ до моихъ ушей. (*С. Аксаковъ*).

9. Весенній дождь.

Еще свѣтло,—подъ окномъ
Въ разрывы облакъ солнце блещетъ
Воробей своимъ крыломъ,
Въ пескѣ купаяся, трепещетъ,

—

А ужъ отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса,

И будто въ золотой пыли
Стоитъ за ней опушка лѣса.
—
Двѣ капли брызнули въ стекло,
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ.

Отъ липъ душистымъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло.—

(*А. Фетъ.*)

10. Весна.

(Изъ твор. св. Тихона Задонскаго).

Видишь, что во время весны все какъ будто оживляется и вновь отрождается: земля издаетъ изъ нѣдръ своихъ плоды, деревья одѣваются листьями, травы зеленѣютъ и украшаются цвѣтами, которое все во время зимы, какъ мертвое было; воды, замерзшія и покрытыя льдомъ, растаеваютъ и протекаютъ, и вся поднебесная тварь облекается въ новый видъ и какъ будто вновь созидается. Отъ сей чувственной весны да возведетъ вѣра умъ твой къ прекрасной и желаемой веснѣ, которую обѣщалъ Богъ въ Писаніи Своемъ святомъ, въ которой тѣла отъ начала міра усопшихъ вѣрныхъ изъ земли, какъ сѣмена, силою Божіею прозябнувши, востанутъ и облекутся въ новый, прекрасный видъ, одѣнутся въ ризу безсмертія, примутъ вѣнецъ доброты отъ руки Господа, процвѣтутъ яко финиксъ, и яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножатся, насаждени въ дому Господни и во дворѣхъ Бога нашего [1]), яко невѣста украсятся красотою, и яко земля, произрастающая цвѣтъ свой, и яко вертоградъ сѣмена своя, прозябнутъ; и веселіе вѣчное надъ главою ихъ, и радостію возрадуются о Господѣ [2]). Тогда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе. Тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда? [3]). Такъ восхищаяся духомъ къ желаемой оной веснѣ, сѣй всякій нынѣ съ вѣрою и надеждою, Божіею помощью, благихъ трудовъ сѣмена, да тогда пожнешь съ радостію.

11. Наступленіе лѣта.

До чтенія ли, до письма ли было тутъ, когда душистыя черемухи зацвѣтаютъ, когда почки на березахъ лопаются, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснѣжными тюльпанами, называемыми *сонъ*, лиловаго, голубого, желтоватаго и бѣлаго цвѣта, когда полѣзутъ вездѣ изъ

[1]) Псал. XCI. 13—14; [2]) Пс. LXI; 4; [3]) 1 Кор. XV. 54—55.

земли свернутыя въ трубочку травы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ, когда жаворонки съ утра до вечера висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, разсыпаясь въ своихъ журчащихъ, однообразныхъ, замирающихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватали меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда Божьи коровки и всѣ букашки выползаютъ на Божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькаютъ, шмели и пчелы зажужжатъ; когда въ водѣ движенье, на землѣ шумъ, въ воздухѣ трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ... А сколько мнѣ было дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яицахъ грачи, надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускаютъ они сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ; какъ поселяются зорки и малиновки въ смородиныхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожили, зашевелились, какъ муравьи показались сначала по-немногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать и нырять подъ крыши строеній въ старыя свои гнѣзда; какъ клохтала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятокъ, и какъ коршуны кружились, плавали надъ ними... О, много было дѣла и заботы мнѣ!..

(*Аксаковъ*).

12. Привѣтъ лѣту.

Что за раздолье широкое лѣтомъ!
Все, что таилось, невѣдомо гдѣ,
Вызвано теплымъ, живительнымъ свѣтомъ;
Радость, движенье и звуки—вездѣ.
Что за могучая сила родится
Въ Божьемъ созданьи! не чудо-ль творится?..
Все обновляется, дышитъ, поетъ,
Все пробуждается, счастьемъ живетъ.
Вотъ на водѣ расширяется кругъ...
Слышишь, какъ весело плещется рыбка?
Въ рощу пойдешь ли, въ просторный ли лугъ—
Звуки вездѣ, и привѣтъ, и улыбка...
Пѣснями полонъ развѣсистый садъ,
Съ пѣснями мошки надъ озеромъ вьются,
Ржанье коня и блеяніе стадъ
Вечеромъ въ звучной дали раздаются...

Всѣ голоса точно слились въ одинъ;
Радостный міръ такъ глубоко—спокоенъ
И, отъ земли до небесныхъ вершинъ,
Мирно и счастливо весь онъ настроенъ.

(Никитинъ).

13. Восходъ солнца.

Румяной зарею
Покрылся востокъ.
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

—

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ.
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

—

Сѣдые туманы
Плывутъ къ облакамъ.
Гусей караваны [1])
Несутся къ лугамъ

—

Проснулися люди,
Спѣшатъ на поля.
Явилося солнце,
Ликуетъ [2]) земля.

(Пушкинъ).

14. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! пора миновалась:
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская цвѣточки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ. *(Пушкинъ).*

15. Лѣтомъ.

Всю щедрую [3]) руку Создатель открылъ:
И рощи, и нивы богатствомъ залилъ.
Одѣты деревья, одѣты кусты,
Кругомъ по травѣ запестрѣли цвѣты.

—

Привольно стадамъ на зеленыхъ лугахъ;
Привольно и рыбкѣ въ прохладныхъ струяхъ.

[1]) Караваны гусей—длинныя вереницы или *большая стая* гусей.
[2]) Ликовать—радоваться.
[3]) Щедрый—милостивый, охотно дѣлающій добро.

Въ садахъ между листьевъ желтѣютъ плоды,
И пахаря зрѣютъ на нивахъ труды.

—

Въ лугу ужъ звенитъ и сверкаетъ коса,
А въ рощицѣ птичьи твердятъ голоса:
«Какъ славно здѣсь, мальчикъ, въ прохладной тѣни!
«Иди къ намъ скорѣй, на травѣ отдохни;
«Послушай, какую мы пѣсню поемъ,
«Какъ щедрому лѣту хвалу воздаемъ».

—

«Не лѣто хвалите», имъ мальчикъ сказалъ:
«Хвалите Того вы, Кто лѣто намъ далъ!»

(Изъ Род. Сл.).

16. На сѣнокосѣ.

Какой легкій воздухъ, какой чудесный запахъ разносился отъ близкаго лѣса и скошенной травы, изобиловавшей множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, которые отъ знойнаго солнца уже начали вянуть и издавать особенный, пріятный ароматическій запахъ. Нетронутая трава стояла стѣной, въ поясъ вышиной, и крестьяне говорили: «что за трава! медвѣдь медвѣдемъ!»

По зеленымъ, высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Мнѣ сказали, что онѣ подбираютъ разныхъ букашекъ, козявокъ и червячковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнаженной землѣ. Подойдя поближе, я своими глазами удостовѣрился, что это совершенная правда. Сверхъ того я замѣтилъ, что птица клевала и ягоды. Въ травѣ клубника была еще зелена, за то необыкновенно крупна; на открытыхъ же мѣстахъ она уже поспѣвала. Изъ скошенныхъ же рядовъ мы съ отцомъ набрали по большой кисти такихъ ягодъ, изъ которыхъ иныя попадались крупнѣе обыкновеннаго орѣха; многія изъ нихъ хотя еще не покраснѣли, но были уже мягки и вкусны.

Изъ лѣсного оврага, на днѣ котораго, лихо журча, бѣжалъ маленькій родничекъ, неслось воркованье дикихъ голубей, или горлинокъ, слышался даже кошачій крикъ и заунывный стонъ иволги; звуки эти были такъ различны, противоположны, что я долго не хотѣлъ вѣрить, что это кричитъ одна и та же миловидная, желтенькая птичка. Изрѣдка раздавался пронзительный трубный голосъ желны...

Вдругъ кобчикъ вылетѣлъ на поляну, высоко взвился и, кружась надъ косцами, которые выпугивали иногда изъ травы маленькихъ птичекъ, сторожилъ ихъ появленіе и падалъ на нихъ, какъ молнія изъ облаковъ. Его быстрота и ловкость были такъ увлекательны, а участіе къ бѣдной птичкѣ такъ живо, что крестьяне привѣтствовали громкими криками и удальство ловца, и проворство птички, всякій разъ, когда она успѣвала упасть въ траву и скрыться въ лѣсу. (*С. Аксаковъ*).

17. Грибы.

Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось въ Потаенномъ Колкѣ мостъ—мостомъ [1]),—какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу съ своими пчелами,—взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно ломать грузди [2]). Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшились отправиться въ лѣсъ, въ сопровожденіи цѣлой дѣвичьей и многихъ женщинъ.

Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли пѣшкомъ впередъ. Когда отъѣхали отъ дому съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тетушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело. Я мало слыхалъ пѣсенъ, и онѣ привели меня въ восхищеніе. Румяная Матрена имѣла чудесный голосъ и была запѣвалой. Когда мы подъѣхали къ лѣсу, я подбѣжалъ къ Матренѣ и похвалилъ ея прекрасный голосъ.

Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ. Евсеичъ, тетушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на пядь, ходили по молодому лѣсу, неподалеку другъ отъ друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: «здѣсь непремѣнно должны быть грузди: такъ и пахнетъ груздями»—и вдругъ закричала: «ахъ, я наступила на нихъ!» Я ви-

---

1) Т. е. чрезвычайно много.

2) Т. е. собирать грузди.

дѣль, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папоротника, вынимала грузди оттуда и клала въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей; мы также принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, проросшихъ всякими лѣсными травами и цвѣтами. Отецъ мой особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: «посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ, они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ снизу-то обросли, и какъ пахнутъ!» Въ самомъ дѣлѣ, молоденькіе груздочки были какъ-то очень миловидны и издавали острый запахъ.

Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили лошадей, а Евсеичъ принялся громко кричать: «пора домой! Собирайтесь всѣ къ лошадямъ!» Нѣкоторые голоса ему откликались. Мы не вдругъ нашли свои дроги, или роспуски, и еще долѣе бы ихъ проискали, если бъ не заслышали издали фырканья и храпѣнья лошадей. *(С. Аксаковъ).*

18. Садъ.

I. Расположенный по длинному скату пологаго холма, садъ состоялъ изъ четырехъ ясно обозначенныхъ отдѣленій. Передъ домомъ, шаговъ на двѣсти, разстилался цвѣтникъ, съ песчаными прямыми дорожками, группами акацій и сиреней и круглыми клумбами; налѣво, до самаго гумна, тянулся фруктовый садъ, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной, малиной; прямо противъ дома возвышались большимъ сплошнымъ четырехъ-угольникомъ липовыя скрещенныя аллеи. Направо видъ преграждался дорогой, заслоненной двойнымъ рядомъ серебристыхъ тополей; изъ-за купы плакучихъ березъ виднѣлась крутая крыша оранжереи.

II. Весь садъ нѣжно зеленѣлъ первой красой весенняго расцвѣтанія: не было еще слышно лѣтняго, сильнаго гудѣнья насѣкомыхъ; молодые листья лепетали, да зяблики кое-гдѣ пѣли, да двѣ горлинки ворковали все на одномъ и томъ же деревѣ, да куковала одна кукушка, перемѣщаясь всякій разъ, да издалека, изъза мельничнаго пруда приносился дружный грачиный гамъ, подобный скрыпу множества телѣжныхъ колесъ. (*И. Тургеневъ*).

19. Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась.

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ,
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали,—
Богу-Господу
Помолилися.

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,

Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ.

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;

Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди семьями
Принялися жать
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

(Кольцовъ).

20. На нивахъ.

Легкій вѣтеръ въ полѣ чистомъ
Гнетъ колосики волной
И по нивѣ золотистой
Точно стелетъ пеленой.
Вотъ гречиха ужъ поспѣла,
Кашей темною дрожитъ,
Вся отъ солнца загорѣла,
Не бѣлѣетъ, не блеститъ.

Зарябѣлся, зажелтѣлся,
Словно перышки разнесъ,
Золотой парчей одѣлся
Раскудрявленный овесъ.
Будто солнцу улыбаясь,
На соломкѣ молодой
Дремлетъ, медленно качаясь,
Ржи колосикъ золотой.

(Жуковскій).

21. Хлѣбная уборка.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она переклады-

вала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью; съ другой стороны мужики въ однѣхъ рубашкахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому раскаленному полю. Староста въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками [1]) въ рукѣ, снявъ свою поярковую [2]) шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду платкомъ и покрикивалъ на бабъ. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными столбами вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго поту, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которыя разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

(Гр. Л. Толстой).

22. Жители лѣса.

I. На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева; пищатъ рябчики; хрипятъ вальдшнепы; воркуютъ каждая по-своему всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно-мелодически перекликаются иволги; стонутъ рябыя кукушки; постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы; трубятъ желны; трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски,—и все многочисленное, крылатое, мелкое, пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яица и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

II. Въ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола,—большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, коп чики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики ауканьемъ и хохотомъ лѣшаго?

(С. Аксаковъ.)

---

[1]) Бирка—палочка, на которой зарубками обозначается счетъ вещей.
[2]) Поярокъ—шерсть, снятая съ ярки (т.-е. молодого барана).

23. Осень идетъ.

Ужъ небо осенью дышало;
Ужъ рѣже солнышко блистало;
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ [1])
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И, въ часъ полуденный, въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.

(А. Пушкинъ).

24. Листья.

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и метели,
Закутавшись, спятъ.
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хоть вѣкъ не желтѣетъ,
Но вѣкъ не свѣжа.

—

Мы-жъ, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ,
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!
Но птички отпѣли,
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры [2]) ушли.
Такъ что же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше-ль за ними
И намъ улетѣть?

—

О, буйные вѣтры,
Скорѣе! скорѣй!
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей!

---

[1]) Караванъ—длинная стая птицъ.
[2]) Зефиръ—тихій лѣтній вѣтерокъ.

Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ,—
Летите, летите,
Мы съ вами летимъ!

(Ѳ. Тютчевъ).

25. Октябрь.

Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній холодъ; путь ужъ промерзаетъ;
Журча еще, бѣжитъ за мельницу ручей;
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшилъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы.
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.
Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я полное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ тѣни ихъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою одѣты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

(А. Пушкинъ).

26. Осень въ деревнѣ.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста—ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячей печкѣ свои продрогшіе члены. Все живущее прячется, куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ теплое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя Шавки и Жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому хорошо и тепло. *(Г. Григоровичъ).*

27. Осень.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло тончу я ногой
Вешнюю лѣса красу.

Съ холоду щеки горятъ;
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ.

(*Майковъ*).

28. Зима стоитъ.

Зима стоитъ. Трещатъ морозы.
Пошли съ товарами обозы
По Руси-матушкѣ гулять,
Слѣды въ сугробахъ прокладать.
Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ.
Рѣка, болото—всюду мостъ,
За тысячу и за двѣ верстъ...
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Но веселъ онъ!.. Идетъ, кряхтитъ,
Казну на подати копитъ.
Посвистывай теперь на волѣ,
Холодный вѣтеръ, въ чистомъ полѣ!
Кружись, сердитая мятель,—
Стелись, пуховая постель!

(*А. Пушкинъ*).

29. З и м а.

Бѣлый снѣгъ пушистый
Въ воздухѣ кружится
И на землю тихо
Падаетъ, ложится.

И подъ утро снѣгомъ
Поле забѣлѣло,
Точно пеленою
Все его одѣло.

Темный лѣсъ, что шапкой
Принакрылся чудной—
И заснулъ подъ нею
Крѣпко, непробудно...

Божьи дни коротки,
Солнце свѣтитъ мало;
Вотъ пришли морозцы—
И зима настала.

Труженикъ—крестьянинъ
Вытащилъ санишки;
Снѣговыя горы
Строятъ ребятишки.

Ужъ давно крестьянинъ
Ждалъ зимы и стужи
И избу соломой
Онъ укрылъ снаружи,

Чтобы въ избу вѣтеръ
Не проникъ сквозь щели,
Не надули-бъ снѣга
Вьюги и мятели.

Онъ теперь покоенъ—
Все кругомъ укрыто,
И ему не страшенъ
Злой морозъ, сердитый.

(*Суриковъ*).

30. Первопутье.

Зима.... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ—нибудь.
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ.
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ;
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.
(*А. Пушкинъ*).

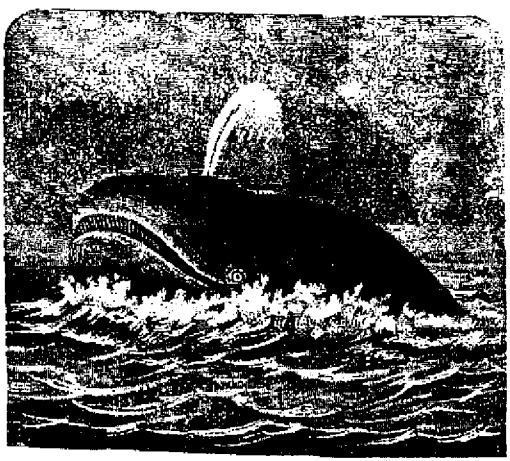
31. На воздушномъ океанѣ.

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, не печаль,
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
(*Лермонтовъ*).

32. Растительный и животный міръ.

Каждая страна отличается отъ другихъ своею растительностію и животными, и природа одной мѣстности не похожа на природу другихъ мѣстъ.

Въ холодныхъ странахъ растительность самая бѣдная; такъ, въ мѣстностяхъ Россіи, прилегающихъ къ берегамъ Ледовитаго океана, травъ почти нѣтъ, а растутъ мохъ да ягоды—клюква и брусника; изъ деревьевъ встрѣчаются толь-



Китъ.

Гага.

ко низкорослыя стелющіяся по землѣ березки и можжевельникъ. Животныя холоднаго пояса также немногочисленны. Въ холодныхъ моряхъ водится величайшій изъ морскихъ звѣрей—*китъ*.

Въ умѣренномъ климатѣ [1]) растительность гораздо разнообразнѣе; такъ, напримѣръ, въ лѣсахъ Россіи растутъ хвойныя и

Тюлень.

Куница.

лиственныя деревья, на поляхъ сѣются различныя хлѣбныя растенія: рожь, пшеница, ячмень, овесъ, просо, гречиха; въ садахъ вызрѣваютъ: яблоки, груши, вишни, сливы и разнообразны ягоды; луга покрываются въ лѣтнее время травами и цвѣ-

Осетръ.

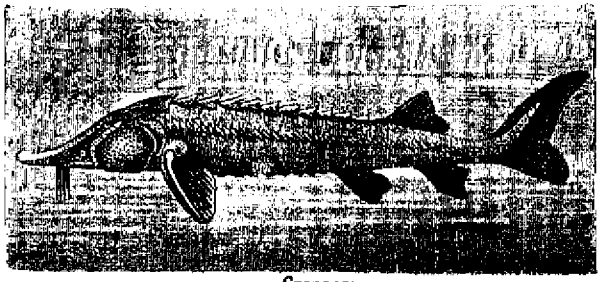
Бѣлый медвѣдь.

Бурый медвѣдь.

тами. Животныя здѣсь также многочисленнѣе и разнообразнѣе,

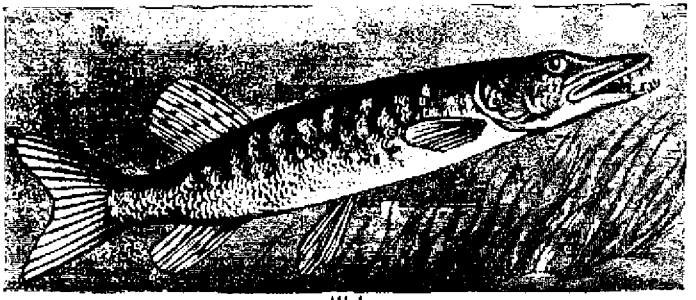
[1]) Климатъ—воздухъ сухой, сырой, теплый, умѣренный.

чѣмъ въ холодныхъ странахъ. Такъ въ лѣсахъ Россіи водятся медвѣди, лоси, волки, лисицы, рыси, зайцы и пр.



Стерлядь.

Бобръ.



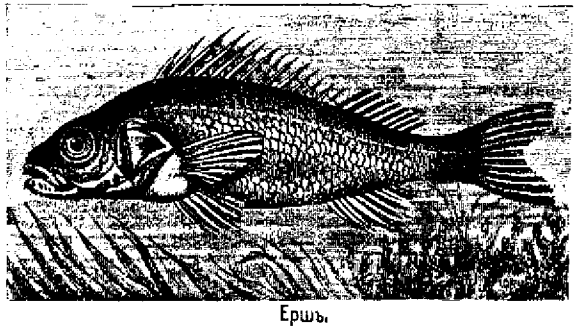
Щука.

Дятелъ.

Лебедь.

Самою богатою растительностію отличаются страны *тропическія* съ теплымъ климатомъ. Здѣсь растенія поражаютъ своимъ разнообразіемъ, величественнымъ ростомъ, необыкновенно боль-

шими листьями и красивыми цвѣтами. Нѣкоторыя деревья достигаютъ тамъ въ вышину до шестнадцати саженъ, а въ толщину

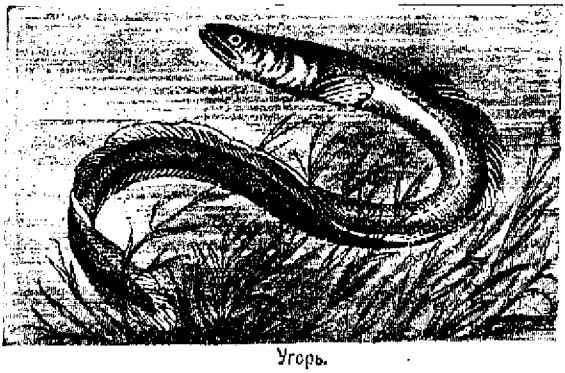


Ершъ.

Сахарный тростникъ.

Моржъ.

Хлѣбное дерево и его плодъ.

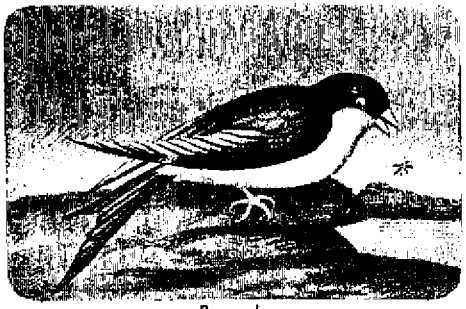


Угорь.

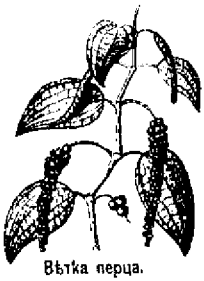
Банань.

до 10 саженъ; въ дуплахъ такихъ деревьевъ можетъ помѣститься до сотни людей; болотные тростники тропическихъ странъ не

уступаютъ по величинѣ нашимъ деревьямъ. Изъ деревьевъ—великановъ жаркаго пояса особенно замѣчательны: *финиковыя и кокосовыя пальмы*. Плоды этихъ пальмъ употребляются въ пищу,



Ласточка.



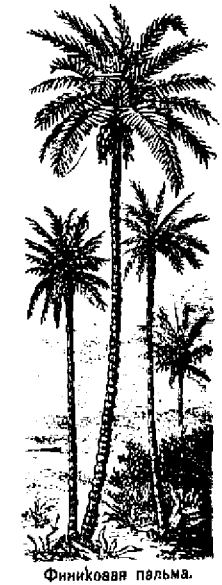
Вѣтка перца.

Вѣтка кофейнаго дер

Смоковница.

Вѣтка мускатнаго орѣха.

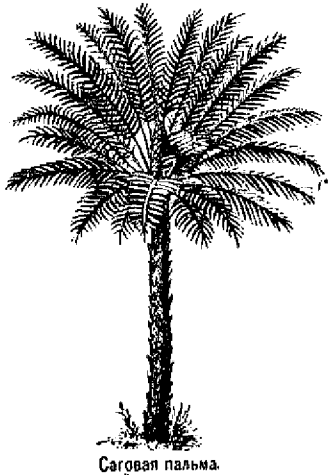
Баобабъ.



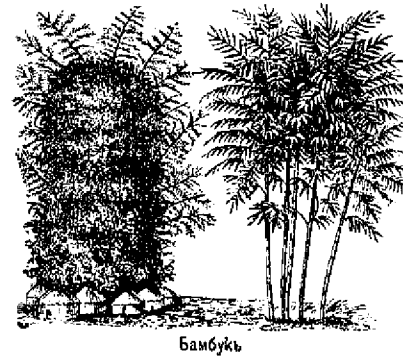
Финиковая пальма.

листья идутъ на приготовленіе корзинъ, тканей, покрышку домовъ, а стволы на топливо или постройку жилищъ. Въ жаркомъ климатѣ воздѣлываютъ совсѣмъ другія полезныя растенія, нежели

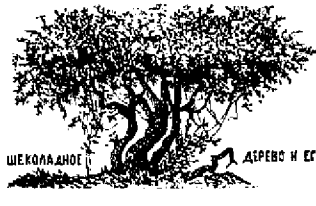
у насъ: вмѣсто *ржи и пшеницы*—*рисъ* и *маисъ* (кукуруза), вмѣсто *льна* и *конопли*—*хлопчатникъ*, доставляющій *хлопчатую бумагу* или *вату*; вмѣсто *свекловицы*—*сахарный тростникъ*. Кромѣ



Саговая пальма.



Бамбукъ.



Шоколадное дерево и его плодъ.

Таро.

Вѣтка хлопчатника.

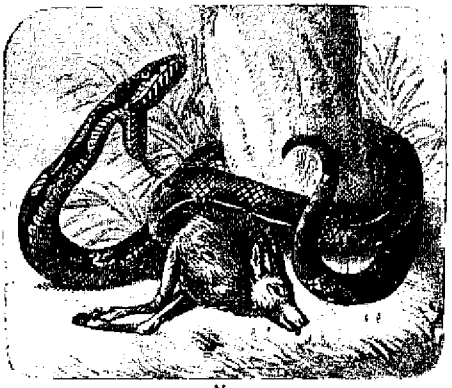
Вѣтка чайнаго дер

Страусъ.

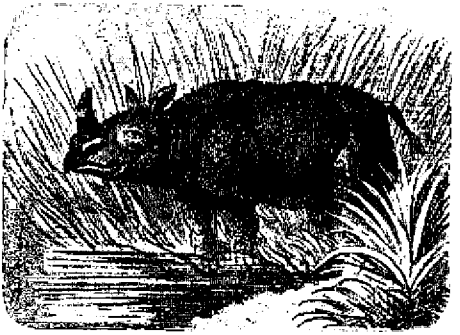
того въ жаркихъ и теплыхъ странахъ растетъ *масличное дерево*, изъ ягодъ котораго добываютъ *деревянное масло*, *ливанскіе кедры*, доставляющіе благовонную смолу—*ладонъ* и *чайное дерево*, изъ листьевъ котораго приготовляется чай. Рисъ, подобно нашимъ хлѣбнымъ растеніямъ, сѣется на поляхъ или плантаціяхъ; онъ

особенно любитъ сырую почву и въ болотистыхъ мѣстностяхъ даетъ иногда урожай въ самъ—триста. Хлопчатникъ также разводится на плантаціяхъ. Хлопчатникъ бываетъ въ вышину около сажени; плодъ его—коробочка, внутри которой находятся зерна, обросшія тонкими нитями хлопка. Когда плоды созрѣваютъ, работники вынимаютъ изъ нихъ хлопокъ и очищаютъ его отъ сѣмянъ. Изъ хлопка на фабрикахъ выдѣлываются разнообразныя хлопчатобумажныя ткани. Чайныя деревья растутъ преимущественно въ Китаѣ. Это дерево разводятъ также на плантаціяхъ. Три раза въ годъ съ чайныхъ деревьевъ собираютъ листья. Листья эти подогрѣваютъ сначала на желѣзныхъ сковородахъ, а потомъ разсыпаютъ на рогожи и скатываютъ въ трубочки. Въ этомъ видѣ чайный листъ, или чай, и отправляется на продажу.

Не менѣе разнообразны и замѣчательны и животныя жаркаго пояса. Въ жаркихъ странахъ водятся *обезьяны*, громадныя яще-



Удавъ.



Носорогъ.

Казуаръ.

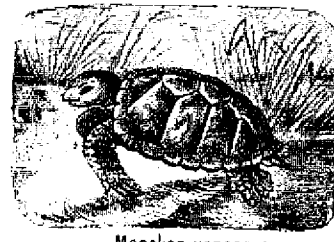
Попугай.

рицы—*крокодилы* и огромныя змѣи—*удавы*; въ непроходимыхъ

тропическихъ лѣсахъ живутъ самыя разнообразныя птицы—*попуги*, *райскія птицы*, крошечныя птички—*колибри;* насѣкомыя

Райская птица.

Гіена.



Морская черепаха.

Тапиръ.

Бегемотъ.

Слонъ.

Жирафф̀ъ.

жаркихъ странъ также разнообразны; такъ, напримѣръ, тамош-

нія *бабочки* поражаютъ своею величиною и красотою крыльевъ; изъ жаркихъ странъ залетаетъ къ намъ и та *саранча*, которая опустошаетъ поля южной Россіи. Но самые замѣчательные звѣри жаркаго пояса: *слонъ*, *левъ* и *верблюдъ*.

Тигръ.

Левъ.

Крокодилъ.

Совокупность всѣхъ растеній какой-нибудь страны называется *флорою* этой страны, а совокупность всѣхъ животныхъ какой-нибудь страны называется *фауною*. (По кн. «Наше родное»).

33. Осина.

Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину, съ ея блѣдно-лиловымъ цвѣтомъ и сѣро-зеленой металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ въ воздухѣ; не люблю я вѣчное качаніе ея круглыхъ, непріятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ; она бываетъ хороша только въ ясные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она при-

ходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца, и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, или когда, въ ясный вѣтреный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленіемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слѣтѣть и умчаться вдаль. *(Тургеневъ).*

34 Береза.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный [1]) нарядъ.
Люблю игру денницы [2])
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу съ вѣтвей.
(А. Фетъ).

35. Могильная сосна.

На кладбищѣ, тихо качаясь,
Росла молодая сосна;
Съ ней вѣтеръ шептался игривый;
Ему отвѣчала она...
Ее освѣжалъ по долинѣ
Чуть слышно текущій потокъ;
Корнямъ ея—сочную пищу
Дарилъ золотистый песокъ.
Гордяся своей красотою
Росла молодая сосна;
Вдругъ вѣтви ея опустились,
Зачахла, завяла она...
«Скажи мнѣ, сосна молодая,
Спросилъ ее вѣтеръ любя,
Зачѣмъ ты склонилась уныло?
Скажи, что сгубило тебя?
Иль солнце тебя не ласкаетъ,
Не кормитъ песокъ золотой,
Иль буря, не зная пощады,
Шумя пронеслась надъ тобой?»
Полна безнадежнаго горя
Сосна отвѣчала: О нѣтъ!
Земля не скупится на пищу:
Повсюду прохлада и свѣтъ.
Не буря, шумя на просторѣ
До срока сгубила мой вѣкъ:
Корнями вросла я въ могилу,
Въ могилу, гдѣ злой человѣкъ,
И въ сердце холоднаго трупа
Пустила я корни свои...
То сердце не знало участья,
То сердце не знало любви...
Съ тѣхъ поръ я зачахла и вяну,
Померкъ мой блестящій нарядъ;
Я гибну, по жиламъ струится
Тлетворный [3]), губительный ядъ...
Засохли широкія вѣтви
Спасенья отъ гибели нѣтъ;
Я къ осени кончу страданья,
И вьюга завѣетъ мой слѣдъ.
(Козловъ).

---

[1]) Траурный—печальный.
[2]) Денница—утренняя заря.
[3]) Тлетворный—вредный, губительный.

36. На сѣверѣ дубъ одинокій.

На сѣверѣ дубъ одинокій
Стоитъ на пригоркѣ крутомъ;
Онъ дремлетъ, сурово покрытый
И снѣжнымъ, и льдянымъ ковромъ.

Во снѣ ему видится пальма,
Въ далекой, восточной странѣ,
Въ безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скалѣ...

(Фетъ).

37. Яблони.

I. Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь и три года весною и осенью окапывалъ ихъ и на зиму завертывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвертый годъ, когда сошелъ снѣгъ, пошелъ я смотрѣть свои яблони. Онѣ потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцовитая и налитая: сучки всѣ были цѣлы, и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но, когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самой землею, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину— какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую яблоню,—и на другой было то же самое. Изъ двухсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолою и воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ же спали. Вышли маленькіе листики, и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухъ сотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки и то все дикіе.

II. Кора у деревьевъ—тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку,—и чрезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листы и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива—и дерево будетъ жить: но если кора пропадетъ, дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умретъ, во-первыхъ, потому, что кровь вытечетъ, а во-вторыхъ, потому, что крови не будетъ уже ходу по тѣлу.

Такъ и береза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ. *(Гр. Л. Толстой).*

38. Подсолнечникъ.

1. Корень у подсолнечника однолѣтній, крѣпкій, вѣтвистый, усаженный многочисленными мочками; цвѣтомъ онъ бѣлъ.

2. Стебель отъ полсажени до сажени и выше, прямо стоящій, наверху иногда вѣтвистый, толщиною обыкновенно пальца въ два; наверху онъ согнутъ внизъ и вздувается, при переходѣ въ соцвѣтеніе. Весь стебель подсолнечника покрытъ жесткими волосами, а внутри содержитъ большую сердцевину.

3. Крупные листья, снабженные черенками, расположены на стеблѣ поочередно; по очертанію своему и формѣ они сердцевидны, пильчаты, шероховаты, съ лица темно-зеленые, съ изнанки блѣдно-зеленые.

4. Многочисленные цвѣты подсолнечника сидятъ на одномъ общемъ ложѣ и окружены общею поволокою, состоящею изъ листовыхъ чешуй, вслѣдствіе чего всѣ они кажутся однимъ огромнымъ цвѣткомъ.

5. Плодомъ подсолнечника бываютъ сѣмячки пепельно-сѣраго цвѣта.

6. Подсолнечникъ родомъ изъ Мексики; тамъ изъ его плодовъ добываютъ хорошее масло и муку для хлѣба.

7. У насъ, въ Россіи, разведеніе подсолнечника идетъ очень успѣшно, особенно въ Саратовской губерніи, гдѣ имъ засѣваются огромныя пространства.

8. Наше подсолнечное масло идетъ даже за границу, а сухими стеблями подсолнечника успѣшно замѣняютъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ топливо. *(Изъ Хрест. Полевого).*

39. Что говоритъ человѣку лилія? [1]).

«Я бѣла, какъ первый снѣгъ: будь и ты чистъ и свѣтелъ душою. Росту я открыто: будь и ты откровененъ [2]), прость и

---

[1]) Лилія—луковичное растеніе, цвѣтокъ.

[2]) Откровенный—истинный, прямодушный, чистосердечный.

невиненъ сердцемъ. Я всегда обращена къ небу и клоню мою головку къ солнцу: приклоняй и ты голову на святую молитву, а душой взирай туда, гдѣ живетъ Богъ святый и возлюбленный. Съ неба течетъ ко мнѣ роса: съ неба притечетъ и къ тебѣ благодать [1]) Господня, если ты будешь ждать ее, какъ я жду росы небесной утро и вечеръ. Я дѣлю мой душистый запахъ и мою нѣжную влагу со всѣми, кто хочетъ: раздѣляй и ты свои дарованія [2]), свои труды и все, что имѣешь, съ братьями—людьми. Я служила образцомъ для украшенія въ храмѣ Соломона: служи и ты по своей чистотѣ и благочестію примѣромъ душевной красоты въ церкви Христовой; пусть твои слова, поступки, обращеніе съ людьми будутъ примѣромъ для твоихъ братій. Смотря на меня, человѣкъ, воспоминай о томъ, какъ Господь любитъ Свою Церковь; всею душою, всѣмъ сердцемъ люби и ты своего Господа».

40. Почка съ вишневаго дерева.

I. Недавно мнѣ было очень грустно и тяжело на душѣ. Меня мучили заботы. Я не смѣлъ надѣяться на помощь людей, а до Бога мнѣ казалось далеко. Въ печальномъ раздумьи вышелъ я погулять въ саду. Не давая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я сорвалъ почку съ вишневаго дерева. Была ранняя весна, всѣ деревья казались голыми, какъ зимою. Почка эта не могла еще быть весенней почкой. Нѣтъ, она родилась еще прошлымъ лѣтомъ. И въ самомъ дѣлѣ, лѣто вѣдь не только даетъ листья, цвѣты и плоды на одинъ годъ: оно создаетъ кромѣ того милліоны почекъ для будущей весны. Но почка вещь нѣжная. Мало-ли что можетъ случиться съ ней въ теченіе цѣлаго года! Каково ей осенью, когда холодный вѣтеръ качаетъ деревья, и зимою въ морозъ и непогоду? Почка, которая была у меня въ рукахъ, пережила всѣ эти испытанія.

«Что дѣлала ты зимою, капелька?» говорилъ я мысленно, возвращаясь къ себѣ домой.

II. Потомъ я началъ раздѣвать ее, и мало-по-малу я вникъ въ ея тайну.

Какъ вы думаете, во что была одѣта почка?

Сперва я снялъ съ нея тринадцать крошечныхъ, чешуйчатыхъ оболочекъ, похожихъ на чешуи еловыхъ шишекъ. Подъ ними

---

[1]) Благодать—помощь свыше, милость, обиліе.

[2]) Дарованія—способности, умѣнье.

оказалось еще три мягкихъ, плотныхъ оболочки, немного больше первыхъ, а подъ этими еще три, мягче и плотнѣе первыхъ. Итого: шесть одѣялъ и тринадцать покрышекъ! Понятно, что почкѣ тепло подъ ними!

Что же, думаете, нашелъ я между двумя изъ этихъ одѣялъ? Крошечное насѣкомое, шириною въ волосъ, вдругъ побѣжало по моей рукѣ въ ту минуту, когда я, развернувъ оболочки, невольно разбудилъ его отъ зимняго сна. Заботливая мать уложила его лѣтомъ въ теплую постельку, и оно спокойно проспало много мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ другія, побольше и посильнѣе его, погибали отъ холода.

А подъ всѣми этими одѣяльцами спали настоящія почки, три маленькіе зародыша, изъ которыхъ лѣтомъ образовались бы цвѣты, а позднѣе, въ іюлѣ, сладкія вишни... Они были похожи на спящихъ малютокъ. Имъ не пришла еще пора встать. Не мнѣ, вѣдь, слѣдовало бы разбудить ихъ, а теплому, свѣтлому солнцу, которое уже начало согрѣвать природу и готовило радостный пріемъ своимъ любимымъ дѣтямъ. Мнѣ стало жалко, что я не далъ имъ выспаться вдоволь. Но такъ какъ я ужъ разъ растревожилъ ихъ, мнѣ захотѣлось еще ближе разсмотрѣть моихъ красотокъ: я развернулъ послѣднюю оболочку, и что же я увидѣлъ? Тутъ хранились бѣлые, прозрачные лепестки, украшенные нѣжною сѣтью розовыхъ жилокъ, а въ самой серединкѣ пучокъ золотыхъ стебельковъ — будущіе пестики и тычинки цвѣтка. Этихъ стебельковъ было тридцать пять. Всѣ они были готовы развернуться, и въ свое время образовать красный, сочный плодъ.

III. Кто бы могъ подумать, что въ скромной, невзрачной почкѣ скрывается цѣлый міръ, полный жизни и красоты! Кто бы могъ себѣ представить это множество разнообразныхъ частей, и всю эту прелесть и это совершенство! И не одна, а тысячи такихъ дивныхъ почекъ виднѣются на обнаженныхъ вѣтвяхъ нашихъ деревьевъ! Я долго смотрѣлъ изъ окна, думая объ этихъ безчисленныхъ, на видъ безжизненныхъ созданіяхъ. Небесный Отецъ не забываетъ ни одного изъ нихъ. Неужели же Онъ забудетъ меня? Нѣтъ, нѣтъ и ко мнѣ скоро придетъ свѣтлое солнышко, и я тоже согрѣюсь и развернусь подъ вліяніемъ его отрадныхъ лучей!

41. Каменный уголь.

I. Въ темномъ лѣсу, на глубокомъ, черномъ болотѣ, стояло большое дерево: на немъ росли только сучья да листья, а цвѣтовъ

и плодовъ на немъ вовсе не было. Ни одна птичка не жила на этомъ деревѣ и не вила гнѣздышка; въ цѣломъ лѣсу не было ни одной бѣлки. Только комары да мухи жужжали тамъ въ сыромъ воздухѣ. Глухо и пусто было въ этомъ болотистомъ лѣсу. Дерево мало-по-малу состарѣлось; корни его погнили. Вотъ подулъ вѣтеръ и пошатнулъ стволъ; дерево упало и погрязло въ черномъ болотѣ. Черезъ него переползали большія ящерицы. Его покрыла грязная, илистая вода.—Волны наносили на него песку и глины и зарывали все глубже и глубже. Зеленые листья его почернѣли и сгнили, а стволъ былъ до того сдавленъ тяжелымъ слоемъ песку и тины, что дерево стало твердо, какъ камень.

То же самое случилось и съ сосѣдними деревьями. Прошло нѣсколько сотъ лѣтъ. Болото понемногу занесло землею, и оно высохло. На немъ поселились люди, развели сады и поля, построили городъ и деревни. Никто и не зналъ, что подъ ними глубоко въ землѣ были зарыты мертвыя деревья.

II. Разъ какъ-то рудокопы вырыли въ землѣ большую глубокую яму—шахту. Они искали въ землѣ благородныхъ металловъ, а нашли черный зарытый лѣсъ. «А! каменный уголь! Ну, въ добрый часъ!» радостно воскликнули они и сообщили о находкѣ другимъ людямъ. Скоро мертвыя деревья опять очутились надъ землею, подъ лучами краснаго солнышка, и снова начали жить, но конечно, уже совсѣмъ иначе, нежели жили прежде.

Одинъ кусокъ древеснаго ствола попалъ на кухню: его разожгли и, такимъ образомъ, при его помощи сварили супъ, зажарили мясо и испекли пирожное. Другой кусокъ попалъ въ комнату, въ угольную корзину, которая стояла у камина. Бабушка развела въ комнатѣ огонь и положила туда этотъ кусокъ; дѣти смотрѣли, какъ онъ загорѣлся и ярко запылалъ, освѣщая всю комнату. Понемногу онъ нагрѣлъ комнату, хотя на дворѣ въ это время свистѣлъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, и деревья трещали отъ мороза. Третій кусокъ попалъ на газовую фабрику. Тамъ его раскалили въ плотно закрытомъ котлѣ и превратили въ горючій воздухъ. Этотъ горючій воздухъ, или свѣтильный газъ, провели подъ землею, по длиннымъ чугуннымъ трубамъ, въ уличные фонари и въ нѣкоторые дома. Тамъ его зажгли, и въ самыя темныя ночи на улицахъ и въ комнатахъ стало свѣтло. Газъ горитъ свѣтлѣе всякой свѣчки и лампы. Четвертый кусокъ каменнаго угля попалъ на желѣзную дорогу, въ паровозъ. Затопили печку паровоза; онъ зашумѣлъ, запыхтѣлъ, и весь поѣздъ

быстро понесся изъ города въ городъ и повезъ съ собою множество людей и поклажи.

Остался еще одинъ кусокъ отъ чернаго древеснаго ствола: онъ былъ особенно твердъ и блестящъ. Изъ него токарь сдѣлалъ красивыя, черныя, блестящія пуговицы для новаго платья мальчика; онѣ блестятъ на солнцѣ, какъ настоящіе драгоцѣнные камни. (*Изъ «Пер. раз. изъ ест. ист.». Вагнера*).

42. С а ж а.

I. Въ темномъ лѣсу стоитъ маленькая хижина; каждое утро съ восходомъ солнца отворяется ея низкая дверь, и изъ нея выходитъ человѣкъ. На немъ темное платье, на головѣ черная шляпа, а за спиной большой мѣшокъ. Для чего ему этотъ мѣшокъ? Что онъ положитъ въ него? и что вообще онъ тутъ дѣлаетъ?

Человѣкъ этотъ собираетъ щепки и опилки, оставшіяся послѣ рубки деревъ. Онъ собираетъ отпавшіе куски коры и иглы хвойныхъ деревъ; онъ не прихотливъ и довольствуется разнымъ соромъ и древесными остатками, которыми пренебрегаютъ другіе дровосѣки.

Все это онъ прячетъ въ свой мѣшокъ и уноситъ съ собою въ хижину. Возлѣ хижины онъ сложилъ изъ камней печку съ высокой, дымовой трубой. На верхнее отверстіе трубы человѣкъ этотъ надѣваетъ длинный, широкій мѣшокъ. Все то, что онъ набралъ въ лѣсу: корни, иглы и проч., онъ кладетъ въ печь и зажигаетъ ихъ. Тяга въ печкѣ слаба. Воздуха мало проходитъ въ нее; поэтому весь этотъ соръ горитъ не яркимъ, свѣтлымъ пламенемъ, а медленно тлѣетъ и даетъ много густого и темнаго дыма. Дымъ проходитъ по трубѣ въ мѣшокъ; здѣсь онъ садится на стѣнки мѣшка мохнатыми хлопьями въ видѣ черной сажи.

II. Пока печка топится человѣкъ сколачиваетъ изъ тонкихъ дощечекъ маленькія бочки и связываетъ ихъ небольшими деревянными обручами. Снявъ съ трубы мѣшокъ, онъ вытряхаетъ изъ него сажу въ эти боченки и заколачиваетъ ихъ сверху маленькими деревянными крышками. При такой работѣ онъ, конечно, становится черенъ, какъ трубочистъ.

Когда ему удастся наполнить сажей нѣсколько большихъ и малыхъ бочекъ, онъ сваливаетъ ихъ на телѣжку и отвозитъ ихъ въ городъ. Здѣсь ее покупаетъ всякій, кому нужна черная краска. Обойщикъ печатаетъ ею на обояхъ рисунки. Красильщикъ

смѣшиваетъ ее съ гумми-арабикомъ въ густое тѣсто, рѣжетъ, и кладетъ въ формы—и получаетъ черную краску, которую и кладетъ въ ящикъ съ красками. Ею раскрашиваютъ дѣти бороды и усы солдатамъ на картинкахъ. Каменщики употребляютъ ее для раскрашиванія стѣнъ. Типографщики дѣлаютъ изъ нея черную краску и печатаютъ ею картины и книги. Даже сапожнику нужна эта сажа для приготовленія ваксы. (*Изъ Дѣтск. чт.*).

43. Наши хлѣбныя растенія.

Если мы въ половинѣ лѣта выйдемъ на поле гдѣ-нибудь возлѣ Москвы, то навѣрное залюбуемся, какъ волнуются и точно бѣгутъ по отлогимъ холмамъ разноцвѣтныя полосы хлѣбовъ. Здѣсь желтѣетъ густая рожь, тамъ синѣетъ еще недозрѣвшій овесъ, возлѣ кланяется до земли усатый ячмень; а за нимъ, подальше отъ дороги, зеленѣетъ курчавый горохъ.

Пойдемъ осторожнѣе по межамъ и разсмотримъ поближе, что растетъ на каждой нивѣ. Съ перваго же взгляда замѣтимъ мы, что всѣ эти растенія, кромѣ гороха, похожи одно на другое и своими колѣнчатыми соломинками, пустыми въ серединѣ, и своими длинными узкими листьями, съ продольными жилками, и своими корнями въ видѣ пучка нитокъ, и, наконецъ, своими колосьями, хотя у ячменя колосъ съ такими длинными усами, какихъ нѣтъ у ржи, а у овса разсыпался метелкою. Только курчавый горохъ принадлежитъ къ другой семьѣ растеній: и листья у него не такіе, круглѣе, и жилки на листьяхъ расползаются во всѣ стороны, и зернышки спрятаны въ стручья, какъ у бобовъ; а хорошенькій синеватый или розоватый цвѣточекъ похожъ на мотылька съ поднятыми крылышками.

Если бы мы вышли на поле гдѣ-нибудь поюжнѣе, въ Малороссіи, то увидали бы еще болѣе разнообразія. Здѣсь, возлѣ ржи и овса, огромныя поля покрываетъ пшеница, съ толстыми, будто гранеными колосьями и тучнымъ зерномъ; просо, со своими метелками, наклоняющимися почти до земли, и гречиха съ красными стебельками и бѣлорозовыми цвѣточками. Разсмотримъ эти хлѣбныя растенія и найдемъ, что пшеница и просо, по формѣ своихъ листьевъ и соломинокъ, принадлежатъ къ одному семейству съ рожью. Одна только гречиха со своими бѣлорозовыми цвѣтами, своими трехъ-угольными зернами и вьющимся корнемъ, принадлежитъ къ другому отдѣлу растеній.

Для жителя среднихъ губерній Россіи нѣтъ растенія милѣе

ржи; онъ не даромъ зоветъ ее своею кормилицею и говоритъ, что *рожь кормитъ всѣхъ сплошь, а пшеничка — по выбору, и что аржаной хлѣбушка пшеничному калачу дѣдушка.* Но въ южной черноземной полосѣ Россіи сѣютъ больше пшеницу и развозятъ ее оттуда по всѣмъ губерніямъ, вывозятъ и въ чужія государства.

(Изъ «Дѣтскаго міра» Ушинскаго).

44. Три пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей [1]) зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать.
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ»...
И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки [2]);
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали
И черныя очи оттуда сверкали...

---

1) Куща—то же, что сѣнь, палатка; здѣсь зеленой кущей названа листва дерева.

2) Вьюки—такъ называются кожаные или холщевые мѣшки, которые перекидываютъ черезъ спину вьючнаго животнаго (лошади, осла, верблюда) такъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ тяжесть была равна.

И, станъ худощавый къ лукѣ [1]) наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса [2]) вились въ безпорядкѣ;
И съ крикомъ, и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.
Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ;
Кувшины, звуча, наполнялися водою,
И гордо кивая махровой [3]) главою
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.
Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,

Пальмы.

---

1) Лукою называется изогнутая передняя часть сѣдла.
2) Фарисъ—наѣздникъ.
3) Махровый—раскидистый, роскошный.

И пали безъ жизни питомцы столѣтій [1])!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный [2]) свой путь совершалъ караванъ—
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло...

(Лермонтовъ).

45. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу [3])
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога. (*М. Лермонтовъ*).

46. Садъ въ деревнѣ Плюшкина.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполтѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся

---

[1]) Пальмы здѣсь названы питомцами столѣтій потому, что онѣ росли нѣсколько сотъ лѣтъ.

[2]) Урочный—положенный, заранѣе назначенный.

[3]) Сага—древнее народное сказаніе.

на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный [1]) стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею, или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи, и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители [2]), темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы — листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада нѣсколько высокорослыхъ не вровень другимъ осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и ницшенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности. (*Н. Гоголь*).

47. Лѣсъ.

Что дремучій лѣсъ
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

---

[1]) Колоссальный — большой, величественный.

[2]) Капитель — верхняя часть столба, колонны.

Что Бова—силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,—

Ты стоишь—поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей—бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь—поникъ—
И не ратуешь...

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль—было—
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя-ль—было—
Дни—роскошество,
Другъ и не другъ твой
Прохлаждаются...

У тебя-ль—было,
Поздно вечеромъ,
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ:

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймётъ тебя
Вѣтромъ, холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя;
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься,
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.

Буря всплачется
Лѣшимъ—вѣдьмою
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь
Затуманился...

Одичалъ, замолкъ,
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...

Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать во время сна
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули.

Съ богатырскихъ плечъ — Не большой горой,
Сняли голову— — А соломинкой.—

(*Кольцовъ*).

48. Дерево.

Всѣ деревья имѣютъ двѣ главныя части: нижнюю, подъ землей, и верхнюю, надъ землей. Нижняя, подземная часть дерева называется *корнемъ*, а верхняя, растущая надъ землей, *стволомъ*. Стволъ приноситъ бо́льшую пользу человѣку, нежели корень, и имѣетъ наибольшую цѣнность: онъ идетъ на топливо, на постройку жилыхъ и служебныхъ строеній и на разныя подѣлки. Стволъ не во всю длину дерева одинаково толстъ; часто мы видимъ деревья съ слабой, тонко-вѣтвистой вершиной. Если мы разрѣжемъ стволъ дерева поперекъ, то увидимъ, что площадь разрѣза имѣетъ бо́льшее или меньшее число правильныхъ круговъ, и они не вездѣ одинаковаго цвѣта. Круги эти называютъ годичными слоями; по числу ихъ опредѣляютъ лѣта дерева. Ближайшіе къ корѣ слои бываютъ нѣсколько свѣтлѣе и бѣлѣе, чѣмъ слои внутренніе, и уступаютъ имъ въ твердости и прочности. Эти болѣе свѣтлые и ближайшіе къ корѣ слои называются *оболонью* или *болонью*, а тѣ, внутренніе—*древесиной*. Въ постройкахъ, требующихъ крѣпкаго и прочнаго лѣса, о́болонь *всегда* стесываютъ. Послѣдній слой болони, лежащій подлѣ самой коры дерева, называютъ *заболонью;* она, образуясь отъ исходящаго сока, весною бываетъ въ видѣ слизи и твердѣетъ только къ осени. Вотъ почему такъ легко бываетъ отдѣлять кору отъ дерева весною. Самые внѣшніе слои разрѣза, облегающіе дерево, называютъ *корою*; ближайшіе къ древесинѣ—*лубомъ*, а у молодыхъ деревъ—*лыкомъ*; слѣдовательно, лубъ и кора не одно и то же. Итакъ, разсматривая дерево, мы видимъ, что лубомъ и лыкомъ называютъ внутреннiе молодые слои коры, а заболонью и бо́лонью—молодые слои древесины.

49. Пожаръ.

Въ одну минуту пламя охватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались; пылающія бревна стали падать; красный дымъ вился надъ кровлею.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись.

Новое явленіе привлекло всеобщее вниманіе: кошка бѣгала

по кровлѣ пылающаго сарая, недоразумѣвая, куда прыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное съ жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь. Мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе. «Чему смѣетесь, бѣсенята?» сказалъ кузнецъ: «Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь!» И поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою. Она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей слѣзъ внизъ. *(А. Пушкинъ).*

50. Птичка.

«Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края!

Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камышъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра;
Скучно! Холодно! Какъ будто
Не весенняя пора».

— Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда:
Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ
Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подъ кровлей
Горемыки бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей.
Никогда ея не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдую я много
Про иной, чудесный свѣтъ:
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни тревогъ, ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

(Плещеевъ).

51. Капустная бабочка.

Мальчикъ поймалъ на огородѣ бѣленькую бабочку и принесъ къ отцу.

— Это превредная бабочка, сказалъ отецъ: если ихъ разведется много, то пропадетъ наша капуста.

— Неужели эта бабочка такая жадная?—спрашиваетъ мальчикъ.

— Не самая бабочка, а ея гусеница, — отвѣчалъ отецъ: бабочка эта нанесетъ крохотныхъ яичекъ, а изъ яичекъ выползутъ

червячки: ихъ-то и зовутъ гусеницами. Гусеница очень обжорлива: она только и дѣлаетъ, что ѣстъ да растетъ. Когда она вырастетъ, то дѣлается куколкой. Куколка не ѣстъ, не пьетъ, лежитъ безъ движенія; а потомъ вылетитъ изъ нея бабочка, такая же, какъ вотъ эта. Такъ превращается всякая бабочка: изъ яичка въ гусеницу, изъ гусеницы въ куколку, изъ куколки въ бабочку; а бабочка нанесетъ яичекъ и замретъ гдѣ-нибудь на листкѣ.

(*Р. Сл.*)

52. Птичій дворъ.

Подошедши къ окну, Чичиковъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды: окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индюшкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ, преграждалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, покрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое; для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ, съ распростертыми руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы,

но показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ видно было—гдѣ стоявшую запасную, почти новую телѣгу, а гдѣ и двѣ. *(Н. Гоголь).*

53. Голубь.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемою [1]) чистоты, кротости и любви,—и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми ветхо и ново-завѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками: слова ласки и сожалѣнія: «голубчикъ» и «голубушка», постоянно слышны въ рѣчахъ простого народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живетъ мужъ съ женой, какъ согласны брать съ сестрой, какъ дружны между собой пріятели и пріятельницы,—непремѣнно скажутъ: «Они живутъ, какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга». Желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: «У него голубиная душа». Сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: «Охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя». Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ, какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла, какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго: все такъ кротко, спокойно, граціозно [2]). Народъ глубоко чувствуетъ нравственныя качества голубей и питаетъ къ нимъ особенную любовь. Русскихъ голубей, безъ сомнѣнія, переродившихся изъ дикихъ, многіе домохозяева кормятъ хлѣбными зернами, ставятъ имъ по́лки для гнѣздъ, и всякій хозяинъ считаетъ благопріятнымъ знакомъ, если голуби хорошо ведутся у него на дворѣ. Крестьяне никогда не ѣдятъ голубей, и во многихъ деревняхъ не позволяютъ ихъ стрѣлять. *(С. Аксаковъ).*

54. Пѣніе соловья.

Соловьи у насъ здѣсь [3]) дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя, всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то вотъ

---

[1]) Эмблема—знакъ.
[2]) Граціозно—прекрасно.
[3]) Во Мценскомъ (Орл. г.), Чернскомъ и Бѣлевскомъ (Тульск. г.) уѣздахъ.

еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ эдакъ тру и вдругъ: ви!—эдакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна,—а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: пульканье—эдакъ: пуль, пуль, пуль, пуль... Второе: клыканье—клы, клы, клы, какъ желна... Третье: дробь—выходитъ, примѣрно, какъ по землѣ разомъ дробь просыпятъ. Четвертое: раскатъ—трррррр... Пятое: пленканіе—почти понять можно: плень, плень, плень. Шестое: лѣшева дудка—этакъ протяжно: го-го—го-го—го, а тамъ коротко: ту! Седьмое: кукушкинъ перелетъ. Самое рѣдкое колѣно; я только два раза въ жизни его слыхивалъ—и оба раза въ Тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ. Восьмое: гусачекъ: га-га-га-га... У Малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ. Девятое: юлиная стукотня. Какъ юла,—есть птица, на жаворонка похожая,—или какъ вотъ органчики бываютъ,—эдакій круглый свистъ: фюіюіюіюю... Десятое: починъ—эдакъ: ти-и-вить,—нѣжно малиновкой. Это, по настоящему, не колѣно, а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, нотнаго соловья, оно еще вотъ какъ бываетъ: начнетъ тии—вить—а тамъ: тукъ! Это оттолочкой называется. Потомъ опять—тии—вить... тукъ! тукъ! Два раза оттолочка—и въ полъ-удара, эдакъ лучше; въ третій разъ тии—вить—да какъ разсыплетъ вдругъ, дробью или раскатомъ—едва на ногахъ устоишь—обожжетъ! Эдакой соловей называется съ ударомъ или съ оттолочкой.

У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ скорѣе и другое, и—смѣшался. Дуракъ-дуракомъ и остался. А хорошій—нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать—не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ—такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно—дробь что-ли,—сперва книзу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ—надо такъ сказать. Одного я такого слышалъ у Мценскаго купца Ш-ва; вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціей былъ проданъ.

(И. Тургеневъ).

55. Соль.

I. Соль есть минералъ [1]); она и добывается изъ морской воды, и выкапывается изъ земли.

Возьмите стаканъ воды и насыпьте туда соли: она сейчасъ же распустится, и, посмотрѣвъ на воду, нельзя будетъ догадаться, что въ стаканѣ, кромѣ воды, есть и соль; но стоитъ только попробовать, и вы по соленому вкусу воды сейчасъ же узнаете, что она содержитъ въ себѣ соль. Поставьте эту воду куда-нибудь и оставьте ее: черезъ нѣкоторое время вся вода испарится, и на днѣ стакана останутся очень маленькіе прозрачные камушки, называемые кристалликами, образовавшіеся изъ брошенной вами въ сосудъ соли; она-то по испареніи воды и преобразовалась въ эти кристаллики.

II. Морская вода содержитъ въ себѣ довольно соли въ распущенномъ видѣ; вотъ какъ добываютъ соль изъ морской воды:

Около моря выкапываютъ мелкіе пруды, куда и впускаютъ морскую воду, послѣ чего закапываютъ канаву, которая проводила воду изъ моря. Пруды эти мало-по-малу высыхаютъ, и на ихъ днѣ остаются такіе же кристаллики, какъ и въ нашемъ стаканѣ; но въ него вы насыпали совсѣмъ чистую, уже приготовленную для употребленія соль; кристаллики же, образующіеся на днѣ прудовъ, еще не чистая соль: ее нужно прежде очистить, выварить, что дѣлается въ соляныхъ варницахъ; послѣ того она уже можетъ быть употреблена въ дѣло.

Не одна морская вода содержитъ въ себѣ соль; есть и озера и ключи съ соленой водой; но для добыванія соли и изъ этой воды поступаютъ такимъ же образомъ.

III. Сказано было, что соль кромѣ морской воды добывается еще и изъ земли: но здѣсь она въ твердомъ видѣ, и находится на довольно значительномъ разстояніи отъ поверхности земли; чтобы ее достать, нужно раскапывать землю и откалывать ее кусками, потому что она обыкновенно составляетъ одну сплошную массу [2]).

Такая твердая, каменная соль добывается у насъ, въ Россіи, главнымъ образомъ въ Илецкой Защитѣ, въ Оренбургской губерніи; есть у насъ и озера съ соленой водой; изъ нихъ самое замѣчательное—Эльтонъ въ Саратовской губерніи.

---

1) Минералами называются металлы (т. е. золото, серебро, желѣзо и т. п.), глины, драгоцѣнные и простые камни.

2) Масса—значительная груда веществъ, толща.

IV. Соль полезна не только какъ приправа кушанья, гдѣ она, улучшая вкусъ, необходима для здоровья; но солью же сохраняютъ въ прокъ мясо различныхъ животныхъ и птицъ, различные плоды и растенія; если бы ихъ не посолить, то они бы испортились и пропали даромъ.

(Изъ «Перв. кн. д. чт.» Паульс.)

56. Аспидная доска.

I. Гора состояла изъ многихъ твердыхъ каменныхъ породъ: кремня, глины, желѣза и друг. На ней росли деревья и трава. Зимой морозъ, а лѣтомъ солнце, дождь и вѣтеръ подмачивали горныя скалы. Онѣ крошились и растирались въ мелкій пыльный порошокъ. Листья и стебли разлагались и превращались также въ черный порошокъ. Вѣтеръ уносилъ порошокъ въ долину, а дождь смывалъ его, и уносилъ сначала въ горный потокъ, а потомъ въ ручей. И тотъ и другой дѣлались отъ этого и мутны, и грязны.

II. Эти мутныя воды сбѣгали въ долину и далѣе по ней въ озеро. Весело рѣзвились въ нихъ рыбы. Но въ озерѣ вода стояла спокойно. Здѣсь она отдыхаетъ отъ своей работы и быстраго бѣга: и всѣ мутныя частички осѣдаютъ на дно. Тамъ на днѣ образуется слой темнаго илу. Въ немъ копошится цѣлый міръ разныхъ червей и слизняковъ. Гора, между тѣмъ, становилась съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. На дно озера ложился каждый годъ новый слой илу. Озеро становилось все мельче и мельче. Новый илъ еще очень рыхлъ и мягокъ, а старый становился все тверже и тверже. Мелкія частички его крѣпче и крѣпче соединялись между собою и образовали плотные, твердые слои, лежавшіе другъ на другѣ, какъ листья въ большой книгѣ. Такимъ образомъ изъ мягкаго, озернаго ила образовался крѣпкій, плотный аспидъ, и, смотря на него, никто не подумаетъ, что онъ образовался изъ обратившейся въ порошокъ глины, кремня, желѣза и травы.

III. Современемъ отъ большой горы остался только маленькій холмикъ, озеро высохло, а его воды утекли въ море. На аспидѣ старой озерной почвы выросли новыя деревья и травы, и люди выстроили на ней свои хижины.

Но вотъ пришли землекопы и стали рыть глубокія шахты [1]). Они выламывали аспидные пласты большими кусками и выносили ихъ наверхъ, на свѣтъ и воздухъ. Одни отдѣляли ихъ широ-

---

[1]) Шахта—углубленія въ землѣ для добыванія камня, руды и т. п.

кими молотами на тонкіе слои, рѣзали по линейкѣ острымъ ножомъ и придавали имъ четыреугольную форму; другіе сглаживали ихъ сначала рѣзцами, затѣмъ полировали песчинками и водой; третьи отполировывали ихъ угольнымъ порошкомъ и масломъ, а четвертые вкладывали ихъ въ аккуратныя деревянныя рамы. Такъ были изготовлены твоя и многія другія аспидныя доски.

(Изъ «Пер. раз. изъ ест. ист.» Г. Вагнера).

57. Тепло.

1. Отчего на чугункѣ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

2. Отчего стаканъ лопается, если нальешь въ него кипятокъ?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипятокъ, разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто, гдѣ нѣтъ кипятка, остается попрежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

Отъ тепла все раздается, расширяется, а отъ холода все сжимается. *(Л. Толстой).*

58. Куда дѣвается вода изъ моря?

I. Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течетъ въ ручьи, изъ ручьевъ въ рѣчки, изъ рѣчекъ въ большія рѣки, а изъ большихъ рѣкъ течетъ въ моря. Съ другихъ сторонъ въ моря текутъ другія рѣки, и всѣ рѣки текутъ въ моря съ тѣхъ поръ, какъ міръ сотворенъ.

II. Куда дѣвается вода изъ моря? Отчего она не течетъ черезъ край?

Вода изъ моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, потомъ изъ тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ по землѣ. Изъ тучъ вода падаетъ на землю. Съ земли стекаетъ въ болота и ручьи. Изъ ручьевъ течетъ въ рѣки; изъ рѣкъ въ море. Изъ моря опять вода поднимается въ тучи; тучи разносятся по землѣ. *(Гр. Л. Толстой).*

59. Когда сохнетъ вода, что дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздается и вся расходится на такія маленькія частички, что ихъ глазомъ не видать, и уходитъ въ воздухъ. Частички эти—*пары*, носятся въ

воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тепелъ. Но остуди воздухъ—и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ виденъ.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдетъ паромъ и будетъ сухо. Поддай еще—вода опять разойдется. Если баня горяча, летучей воды разойдется въ воздухѣ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воздухѣ бани, и его не будетъ видно. Воздухъ бани впитаетъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь еще поддавать, то воздухъ напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечетъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

(Гр. Л. Толстой).

60. Сырость.

Отчего зимою двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимою дерево насытится водой, какъ губка, и его разопретъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ, и оно съежится.

Отчего слабое дерево — осина больше разбухаетъ, а дубъ меньше?

Оттого, что въ крѣпкомъ деревѣ—дубѣ, пустого мѣста меньше и водѣ некуда набираться, а въ слабомъ деревѣ—осинѣ пустого мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустого мѣста, и оттого гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчелъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилого дерева: самые лучшіе ульи бываютъ изъ гнилой лозины. Отчего это? Оттого, что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ, и для пчелъ въ такой колодѣ воздухъ легче. *(Гр. Л. Толстой).*

61. Можно ли словить воздухъ?

Видалъ ли ты воздухъ? Онъ вездѣ около тебя, а ты его не видишь. А можно ли слышать, какъ шумитъ воздухъ? Вотъ, вѣтеръ загудѣлъ въ трубѣ и свиститъ во всякой щели дома. Что же такое вѣтеръ? Это воздухъ, который двигается, бѣжитъ съ мѣста на мѣсто. Чуть воздухъ побѣжитъ, ударится обо что-нибудь, и слышенъ шумъ, свистъ, трубишь ли ты въ рожокъ, или играешь на дудочкѣ, или машешь хлыстомъ. Склей себѣ изъ бумаги закрытый мѣшочекъ, да въ маленькую дырочку надуй его и потомъ ударь по немъ кулакомъ, твой мѣшочекъ громко щелкнетъ и разорвется. Это вырвался изъ него воздухъ, который ты

нагналъ изо рта. Когда ты бѣжишь, то чувствуешь, какъ воздухъ ударяется тебѣ въ лицо. Значитъ, и ловить воздухъ нечего, потому что онъ вездѣ съ тобою, и ты имъ дышишь. Окунись съ головой въ воду, вездѣ вокругъ тебя будетъ вода. Такъ и воздухъ со всѣхъ сторонъ тебя окружаетъ, да еще входитъ тебѣ и въ грудь, и въ желудокъ. *(Водовозовъ).*

62. Горизонтъ.

Если мы выйдемъ въ открытое мѣсто, то увидимъ вокругъ себя большое пространство земли, ограниченное кругомъ, въ срединѣ котораго мы будемъ стоять сами, и намъ будетъ казаться, что на краяхъ его небо сходится съ землею. На самомъ дѣлѣ, небо нигдѣ не сходится съ землею; люди отправлялись все въ одну сторону, и пріѣзжали на то же мѣсто съ другой стороны. Видимое нами кругомъ себя пространство называется нашимъ *кругозоромъ* или *горизонтомъ*.

63. Страны свѣта.

Утромъ, когда начинаетъ разсвѣтать, одна сторона неба дѣлается красною: это утренняя заря. Затѣмъ, изъ-за края неба, т.-е. *изъ-за горизонта*, появляются яркіе золотые лучи и немного погодя выплываетъ, восходитъ красное солнышко. То мѣсто, *та точка горизонта*, гдѣ *солнце восходитъ*, называется *востокомъ*.

Вечеромъ солнце приходитъ на противоположную сторону неба, спускается все ниже и ниже, и наконецъ заходитъ *за горизонтъ*. *То мѣсто горизонта, та точка горизонта, гдѣ солнце заходитъ* (*западаетъ*), *называется западомъ*.

Если стать лицемъ къ востоку, то *направо отъ востока будетъ та точка горизонта, которая называется югомъ*.

Налѣво отъ востока будетъ четвертая главная точка горизонта—*сѣверъ*.

Точки горизонта: востокъ, западъ, югъ и сѣверъ называются главными *странами свѣта*.

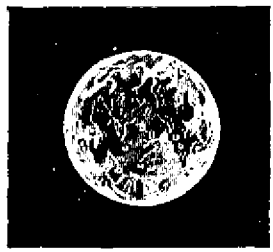
64. Вселенная.

I. Земля, на которой мы живемъ, и все, что есть на землѣ, и все небо съ солнцемъ, луною (мѣсяцемъ) и звѣздами—все это вмѣстѣ называется міромъ, вселенной или природою.

II. Земля, какъ и луна, которая меньше земли въ пятьдесятъ ра и отстоитъ отъ нея на 350 тысячъ верстъ, имѣетъ форму

громнаго шара. Кругосвѣтные путешественники, выѣхавши изъ какого-нибудь мѣста и держась въ своемъ пути постоянно одного и того же направленія, возвращались въ то же мѣсто, откуда выѣхали, но только съ противоположной стороны. Это возможно только при шаровидности земли.

Земля.



Луна.

Горы, долины и другія неровности, встрѣчающіяся на землѣ, не мѣшаютъ ей имѣть видъ шара, подобно тому, какъ песчинки и маленькіе бугорки, находящіеся на поверхности большого мяча, не мѣшаютъ ему быть шаромъ.

III. Велика земля, на которой мы живемъ: поперечникъ земли 12,000 верстъ, а окружность ея равняется 36,000 верстъ. Но посмотри въ звѣздную ночь на небо и пересчитай, если можешь, сколько на немъ звѣздъ. А каждая звѣзда во много разъ больше земли, только такъ далека отъ насъ, что нужны цѣлые годы, десятки и даже сотни лѣтъ, чтобы полетомъ птицы долетѣть до ближайшихъ къ намъ звѣздъ.

IV. Но если сравнить землю съ солнцемъ, то окажется, что земля—песчинка въ сравненіи съ нимъ. Ученые узнали, что солнце есть шаръ, величина котораго равняется 1,400,000 такихъ шаровъ, какъ земля, которая отстоитъ отъ него на 140 милліоновъ верстъ.

V. Подумай же, какъ неизмѣримо могущество Бога, который однимъ словомъ сотворилъ все безчисленное множество свѣтилъ небесныхъ и все сотворенное содержитъ въ своей власти, подумай съ умиленіемъ и восклицай съ святымъ царемъ и пророкомъ Давидомъ: «Велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его и разума Его нѣсть числа!»

65. Какія мысли и чувства должны пробуждаться у христіанина при взглядѣ на небо!

Когда взглянешь на небо, безчисленными звѣздами усыпанное, вознесись мыслію твоею къ Творцу твоему! Возвеличи имя Его, Отца вселенной! Онъ далъ законы всѣмъ этимъ безчисленнымъ звѣздамъ, поставилъ каждую на своемъ мѣстѣ и назначилъ имъ опредѣленные пути для ихъ движенія. Онъ далъ и тебѣ свой законъ черезъ Сына Своего, Господа Спасителя нашего Іисуса Христа. Исполняй же этотъ законъ, не уклоняясь отъ него, какъ исполняютъ свой законъ солнце и луна, и звѣзды небесныя. Когда утромъ, возставъ отъ сна, узришь на востокѣ великое свѣтило, которое по волѣ премудраго и всеблагаго Бога освѣщаетъ и согрѣваетъ землю, даетъ ей жизнь и изобиліе земныхъ плодовъ, ты вмѣстѣ съ св. церковію воспой Богу, показавшему намъ свѣтъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! Хвалимъ Тя, благословимъ Тя, кланяемтися, славословимъ Тя!»... Поюще Богу, очисти твое сердце отъ звѣрскихъ похотей, отъ гнѣва, зависти, лукавства, люби ближнихъ твоихъ, какъ и Отецъ небесный, посылающій солнце Свое и дождь Свой на праведныхъ и неправедныхъ, Который всегда милуетъ и щедритъ, Который веселитъ сердца наши и, посылая скорби, не перестаетъ любить насъ, вразумляя насъ, чтобы мы не возгордились, не возносились, не забыли о Немъ, Творцѣ нашемъ!

Горній міръ, звѣздное небо пусть напомнятъ тебѣ, христіанинъ, твою будущую загробную жизнь и сладкія слова Спасителя: *«Въ дому Отца Моего обители многи суть»* (Іоан. 14, 2). Есть гдѣ успокоиться безсмертнымъ душамъ нашимъ для вѣчнаго созерцанія чудесъ Божіихъ и вѣчнаго наслажденія тѣми благами, которыхъ, по слову апостола, не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, которыя не взошли на сердце человѣка (1 Кор. 9), и которыя Богъ уготовалъ любящимъ Его.

(*По статьѣ Протоіерея І. Наумовича: «Божій міръ»*).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

РОДИНА.

1. Русское государство.

Наше русское царство, обширнѣйшее изъ всѣхъ государствъ на свѣтѣ, называется Россійскою имперіею и управляется Самодержавнымъ Государемъ Императоромъ.

Россія раздѣлена на губерніи; въ каждой губерніи есть губернскій городъ и нѣсколько уѣздныхъ.

Губерніей управляетъ губернаторъ, котораго назначаетъ Государь. Въ уѣздахъ наблюдаютъ за порядками уѣздные исправники.

Уѣзды раздѣлены на станы, а станы на волости.

За порядкомъ въ волости наблюдаетъ волостной старшина, котораго выбираютъ жители селъ на сходкахъ.

Для того, чтобы судить, т.-е. разбирать тяжбы и обвиненія, установлены разные суды: волостные, мировые и окружные.

Для завѣдыванія общественнымъ хозяйствомъ въ городахъ и уѣздахъ установлены думы, земскія собранія, земскія и городскія управы.

Думы и земства должны заботиться, чтобы дороги и мосты были въ исправности, чтобы были больницы, лѣкаря, школы, учителя, чтобы, на случай голода, былъ въ запасѣ хлѣбъ въ магазинахъ и пр. и пр.

Всѣ безъ исключенія старшины, судьи, чиновники, какіе только есть въ Россіи, обязаны исполнять то, что поручено имъ и что они должны дѣлать по закону.

Законы издаетъ у насъ только самъ Царь, и никто кромѣ Его не имѣетъ права издавать ихъ.

Законы объявляются всенародно и печатаются въ книгахъ; значитъ, всякій грамотный можетъ ихъ самъ прочитать.

(Изъ „Зерн.“ Т. Луб.)

2. Родина.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія [1]),
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнитъ!..
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

(Жуковскій).

3. Сословія.

Сословія: крестьяне, мѣщане, купцы, военные, духовные, дворяне.

Дворяне служатъ царю и отечеству. Духовные наставляютъ насъ истинамъ нашей православной вѣры. Военные защищаютъ отечество отъ враговъ. Купцы торгуютъ, т.-е. доставляютъ намъ все необходимое для жизни, чего нѣтъ у насъ подъ руками. Мѣщане занимаются различными мастерствами и ремеслами. Крестьяне обрабатываютъ землю и добываютъ изъ нея предметы, необходимые для жизни.

Одна пчела немного меду натаскаетъ. Одной рукой и узла не завяжешь.

4. Народы Россіи.

ВЕЛИКОРУССЪ.

МАЛОРОССЪ.

Составъ народонаселенія Россійской Имперіи представляетъ

1) Бытіе—жизнь.

большое разнообразіе, какъ по происхожденію, языку и вѣроисповѣданію, такъ и по образу жизни, занятій и степени образо-

БѢЛОРУССЪ.

САМОѢДЪ.

ФИННЪ.

ЛОПАРЬ.

ванія. Въ Россіи считается около 100 различныхъ народовъ, принадлежащихъ къ 12 различнымъ племенамъ: *племя славянское* есть главное и преобладающее. Оно заключаетъ болѣе 76 милліоновъ душъ и составляетъ три четверти всего населенія импе-

ріи. Неславянскія племена составляютъ одну четверть общей массы жителей и состоятъ изъ разныхъ малочисленныхъ народовъ.

ЛИТОВЕЦЪ.

БУРЯТЪ.

ПОЛЯКЪ.

ХИВИНЕЦЪ.

Къ *славянскому племени* принадлежатъ: русскіе и поляки.

Русскіе по различію нарѣчій своихъ раздѣляются на: 1) великоруссовъ, 2) бѣлоруссовъ и 3) малороссовъ.

1) *Великоруссы* составляютъ болѣе половины всѣхъ жителей имперіи: число ихъ простирается до 55 милліоновъ. Они

составляютъ главную массу населенія внутри Россіи. Всѣ великоруссы исповѣдуютъ православную вѣру и говорятъ русскимъ

ИМЕРЕТИНЕЦЪ, АРМЯНИНЪ и КАБАРДИНЕЦЪ.

ЦЫГАНЪ.

ТАТАРИНЪ

языкомъ, наиболѣе распространеннымъ и обработаннымъ; они отличаются тѣлесною силою, предпріимчивостью, трудолюбіемъ; кромѣ земледѣлія, занимаются другими разнаго рода промыслами и въ промышленности издѣльной, въ торговлѣ и образованіи превосходятъ всѣхъ другихъ коренныхъ обитателей имперіи.

2. *Бѣлоруссовъ* считается до 3 милліоновъ. Народъ этотъ одного происхожденія съ великоруссами, исповѣдуетъ также пра-

ЕВРЕЙ.

БАШКИРЪ.

вославную вѣру, но говоритъ особеннымъ нарѣчіемъ, болѣе мягкимъ, къ которому примѣшано много польскихъ словъ. Бѣлоруссы занимаются преимущественно земледѣліемъ, но населяютъ страну весьма мало плодородную.

3. *Малороссовъ* насчитываютъ до 11 милліоновъ. Малороссіяне говорятъ также особеннымъ нарѣчіемъ, весьма мягкимъ и благозвучнымъ. Главную особенность этого нарѣчія составляетъ замѣна русскихъ буквъ *ы* и *ъ* буквою *и*. Кромѣ того въ немъ много словъ, заимствованныхъ изъ языка польскаго. Малороссы исповѣдуютъ православную вѣру. Главное занятіе ихъ составляетъ земледѣліе и скотоводство, но и другіе промыслы между ними распространяются весьма успѣшно.

Поляки—славянскій народъ, исповѣдующій католическую вѣру, имѣющій свой языкъ. Число ихъ простирается до 5 милліоновъ. Къ народамъ неславянскимъ принадлежатъ литовцы, латыши, финны, черемисы, зыряне, вотяки, самоѣды, татары, остяки, башкиры, киргизы, якуты, армяне, грузины, евреи, цыганы и многіе др. И все это многочисленное населеніе, простирающееся до ста десяти милліоновъ, повинуется одной верховной власти, которая сосредоточена въ рукахъ Государя Императора, Самодержца Всероссійскаго.

5. Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ—
Вижу даль степей
Зеленѣется;
И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

**
*

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

**
*

Гляну къ сѣверу—
Тамъ въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится,
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю...

**
*

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя-ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

**
*

И давно-ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная?
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася;
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Черными облакомъ!
Но лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань,—
Вдругъ со всѣхъ сторонъ
Поднялася Русь,—
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,

Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами
Улеглися спать
Гости навѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!...

* *
*

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.
По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;

* *
*

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову.

(Никитинъ).

6. Эскимосы.

1. На свѣтѣ есть земля, гдѣ только три мѣсяца бываетъ лѣто, а остальное время бываетъ зима. Зимой дни бываютъ такіе короткіе, что только взойдетъ солнце, тотчасъ и сядетъ. А три мѣсяца въ самую середину зимы, солнце совсѣмъ не восходитъ, и всѣ три мѣсяца темно. Въ этой землѣ живутъ люди; ихъ называютъ эскимосами. Люди эти говорятъ своимъ языкомъ, другихъ языковъ не понимаютъ и никуда изъ своей земли не ѣздятъ. Ростомъ эскимосы бываютъ невелики, но головы у нихъ очень большія. Тѣло у нихъ не бѣлое, а бурое, волосы черны и жестки. Носы у нихъ тонкіе, скулы широкія, глаза маленькіе.

2. Эскимосы живутъ въ снѣговыхъ домахъ. Они строятъ ихъ такъ: нарубятъ изъ снѣгу кирпичей и сложатъ изъ нихъ домъ, какъ печку. Вмѣсто стеколъ они вставляютъ въ стѣны льдины, а вмѣсто дверей они дѣлаютъ длинную трубу подъ снѣгомъ и черезъ эту трубу влѣзаютъ въ свои дома. Когда приходитъ зима, ихъ дома совсѣмъ заноситъ снѣгомъ, и у нихъ дѣлается тепло. Ѣдятъ эскимосы оленей, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей. Они ловятъ рыбу въ морѣ крючками на палкахъ и сѣтями. Звѣрей они убиваютъ изъ луковъ стрѣлами и копьями. Эскимосы ѣдятъ сырое мясо.

3. У нихъ нѣтъ льна и пеньки, чтобы дѣлать рубахи и веревки, нѣтъ и шерсти, чтобы дѣлать сукно; веревки они дѣлаютъ изъ жилъ звѣрей, а платье—изъ звѣриныхъ кожъ. Они складываютъ двѣ кожи шерстью наружу, протыкаютъ рыбьими костями и сшиваютъ жилами. Такъ же они дѣлаютъ рубахи, штаны и сапоги. Желѣза у нихъ тоже нѣтъ. Они дѣлаютъ копья и стрѣлы изъ костей. Больше всего они любятъ ѣсть звѣриный и рыбій жиръ. Женщины и мужчины одѣваются одинаково; у женщинъ только бываютъ очень широкіе сапоги. Въ эти широкія голенищи сапоговъ они кладутъ маленькихъ дѣтей, такъ и носятъ ихъ.

Въ срединѣ зимы у эскимосовъ бываетъ три мѣсяца темно, а лѣтомъ солнце совсѣмъ не садится, и ночей совсѣмъ не бываетъ.

(Гр. Л. Толстой).

7. Цыганы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ,
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.

(А. Пушкинъ).

8. Малороссія.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый,
Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,

Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И въ облакахъ, клубясь надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

(Гр. А. Толстой).

9. Степь.

По всей степи—ковыль, по краямъ все туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ,
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день,
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь.
А цвѣты-то цвѣты! Какъ живые стоятъ,
Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,
Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
Коротка да безъ слезъ, отъ заботъ далека.
Вотъ и рѣчка... не вѣрь! то подъ жгучимъ лучемъ
Отливается топкій ковыль серебромъ.
Высоко, высоко въ небѣ точка дрожитъ,
Колокольчикъ веселый надъ степью звенитъ,
Въ ковылѣ гудовень—и поютъ и жужжатъ;
Раздаются свистки, молоточки стучатъ;
Средь дорожки глухой пыль столбомъ поднялась,
Закружилась, въ широкую степь понеслась...
На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ!
Необъятная гладь! неоглядный просторъ!

(Никитинъ).

10. Украинская ночь.

Знаете-ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ. Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ [1]) благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ [2]) спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно,

---

[1]) Океанъ—большое море.
[2]) Ландшафтъ—картина природы, сельскій видъ.

все торжественно. А на душѣ и необъяснно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба. Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ—гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ. (*Н. Гоголь*).

11. Днѣпръ.

Какъ чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ онъ сквозь лѣса и горы полныя водыы свои! Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глянешь—и не знаешь, идетъ или нейдетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ.

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали.

(*Гоголь*).

12. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады:
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,

Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени,
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной... (*А. Пушкинъ*).

13. Кавказскіе лѣса.

Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ:
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И вотъ дорогою прямой пустился я...
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.
Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ;
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
...Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ. (*Лермонтовъ*).

14. Кисловодскъ.

Вотъ уже три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Здѣсь все дышитъ уединеніемъ, здѣсь все таинственно: и густыя сѣни лино-

---

1) Мечеть—молитвенный домъ у мусульманъ, т. е. турокъ, арабовъ, персовъ и татаръ.

выхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами,—и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны,—и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями зеленыхъ травъ и бѣлой акаціи, — и постоянный сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые бѣгутъ дружно взапуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. (*Лермонтовъ*).

15. Черкесская пѣсня.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

—

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

—

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Веселый пляшетъ хороводъ...
Бѣгите, русскія дѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

(*А. Пушкинъ*).

16. Въ Крыму.

Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ;
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ,
А изъ камня вытекая,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

(*Гр. А. Толстой*).

17. На Волгѣ.

О, Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ,
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ.
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кучи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камушки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль раннюю мою...

(*Н. Некрасовъ*).

18. Деревня (въ средней Россіи).

Широко стлался зеленый лугъ; медленно и плавно расхаживали по немъ бѣлые, какъ снѣгъ, гуси; селезни и пестрыя утки, подвернувъ голову подъ сизое крылышко, лежатъ тамъ и сямъ неподвижными группами. Далѣе сверкала рѣка съ своими обрывистыми берегами, обросшими лопухомъ и кустарникомъ, изъ которыхъ мѣстами выбивались длинные, сухіе стебли дикаго щавеля, и торчали фіолетовыя верхушки колючаго репейника. За рѣкою виднѣлось черное взбороненное поле; далѣе, вправо, мѣстность подымалась горою. По главнымъ ея отлогостямъ, изрѣзаннымъ промоинами и проточинами, разростался постепенно все выше и выше сосновый лѣсокъ; мѣстами рыжее высохшее дерево, вырванное съ корнемъ весеннею водою, перекидывалось чрезъ оврагъ висячимъ мостомъ. Влѣво тянулось пространное болото; камышъ, кочки и черные кустарники покрывали его на всемъ протяженіи; по временамъ, цѣлыя вереницы дикихъ утокъ съ крикомъ подымались изъ густой травы и носились надъ водою. Тамъ и сямъ синѣвшая холмистая даль перемежалась снова серебристыми блесками рѣки.

Безконечная сѣрѣющая даль, въ которой двигались почти незамѣтными точками телѣга или спутанная лошадь, постепенно синѣла, синѣла, и наконецъ все болѣе и болѣе съуживавшіеся планы ея сливались мутною линіею съ сквозною голубаго неба.

(*Григоровичъ*).

19. Село.

Село съ своими избушками и скирдами, зелеными конопляниками и тощими ракитами издали казалось островомъ среди необозримаго моря распаханныхъ черноземныхъ полей. Посреди села находился небольшой прудъ, вѣчно покрытый гусинымъ пухомъ, съ грязными, изрытыми берегами; въ ста шагахъ отъ пруда, на другой сторонѣ дороги, высился господскій деревянный домъ, давно пустой и печально подавшійся на бокъ; за домомъ тянулся заброшенный садъ; въ саду росли старыя, безплодныя яблони, высокія березы, усѣянныя вороньими гнѣздами; на концѣ главной аллеи, въ маленькомъ домикѣ (бывшей господской банѣ) жилъ дряхлый дворецкій и, покашливая, каждое утро, по старой привычкѣ, тащился черезъ садъ въ барскіе покои.

(*Тургеневъ*).

20. Ермакъ, завоеватель Сибири.

I. При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми, на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хорошая земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, а по рѣкѣ озера рыбныя, и никто на той землѣ не живетъ, только захаживаютъ татары.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Строгоновы написали царю письмо: «Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберемъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу татарамъ».

Царь согласился и отдалъ имъ землю. Строгоновы послали прикащиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гуляющаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину, и никакихъ оброковъ не брали, только живи, и когда нужда, выходи съ народомъ биться съ татарами. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

II. Прошло лѣтъ 20. Строгоновы купцы еще сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало этой земли на 140 верстъ. Захотѣли они еще болѣе земли. Верстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этой землей сибирскій князекъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился царю русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали царю: «Отдалъ ты намъ землю, *мы ее подъ твою руку покорили*: [1]) теперь воровской царекъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и

---

[1]) Это значитъ—мы ее подчинили твоей власти.

насъ разворить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведемъ».

Царь согласился и отписалъ: «Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте».

III. Вотъ Строгоновы, какъ получили отъ царя письмо, послали приказчиковъ еще собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дону. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ атамана [1]) и плаваютъ на стругахъ [2]), перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали приказчики на Волгу и стали спрашивать: «какіе тутъ казаки слывутъ [3])? Имъ и говорятъ: «казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ; есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимофеича, атамана. У того человѣкъ 1000 народа, и его не только народъ и купцы боятся, но и царское войско къ нему приступить не смѣетъ».

И поѣхали приказчики къ Ермаку атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ приказчиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью [4]).

IV. Къ Успенью пришли къ Строгонову казаки — человѣкъ 600 съ атаманомъ Ермакомъ Тимофеичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгоновъ на ближнихъ татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ, когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говоритъ: «я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете». А Ермакъ и говоритъ: «я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ несовладаешь, набаловались. Дай намъ работу». Строгоновъ и говоритъ: «идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землею. Васъ и царь наградитъ». И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

---

[1]) Атаманъ—предводитель, начальникъ казаковъ.

[2]) Стругъ—плоскодонное гребное судно.

[3]) Слыть—прослыть—быть у людей въ добромъ или дурномъ мнѣніи.

[4]) Т. е. къ 15 числу Августа мѣсяца.

«Вы меня срамите передъ хозяиномъ — все безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдете? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловлятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа».

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились итти. Пошелъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ итти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ-татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ, мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ и думаетъ: «хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся—разворятъ меня». Согласился Строгоновъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

V. 1-го сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20 человѣкъ. Плыли они четыре дня на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и верстъ 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ и выгрузили всю снасть: и струга побросали, а наладили телѣги, уложили все и пошли сухопутьемъ — черезъ горы. Мѣста все были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню, на рѣку. Тутъ опять постояли и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней и пошли мѣста еще веселѣе: луга, лѣса, озера. И рыбы, и звѣря много; и звѣрь не пуганый. Проплыли еще день, выплыли въ Туру-рѣку. Тутъ по Турѣ-рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ немъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьемъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: «какіе они люди и подъ *чьей рукой живутъ?* [1])» Татары говорятъ, что они сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показали.

---

[1]) Т. е. власть какого царя признаютъ?

VI. Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится; а мѣста что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ несильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почетнаго стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что онъ за человѣкъ? Онъ говоритъ: «я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городкѣ».

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя: «Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства?» Таузикъ все разсказалъ. Говоритъ: «Кучумъ первѣйшій царь въ свѣтѣ. Городъ его—Сибирь—самый большой городъ въ свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума-царя счету нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ».

А Ермакъ говоритъ: «Мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять, русскому царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ—счету имъ нѣтъ, у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки, стрѣлы. Вотъ смотри».

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололъ, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: «ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что ты видѣлъ. Пускай онъ покорится, а не покорится, такъ и его погубимъ». И отпустилъ Таузика.

VII. Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ, и все къ Сибири-городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ—на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: «это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ—Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьетъ».

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушелъ.

VIII. Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, бы-

струю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трехъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошелъ, вернулся и говоритъ: «Тутъ живетъ Кучумовъ слуга Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка».

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

«Ну, ребята, если не возьмемъ этого городка, татары запируютъ и намъ ходу не дадутъ. Чѣмъ скорѣе страха зададимъ, тѣмъ намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ». Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и меду много, похоронили мертвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Не далеко проплыли, смотрятъ—на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки. Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ [1]). «Ну что, ребята, какъ быть?»

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: «надо мимо плыть»; другіе говорятъ: «назадъ итти».

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: «зачѣмъ ты насъ завелъ сюда? Вотъ перебили уже изъ насъ сколько, да переранили; и всѣ мы тутъ пропадемъ». Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью, Ивану Кольцо: «ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?»

А Кольцо и говоритъ: «а я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра: а не завтра, такъ даромъ на печи помремъ. По мнѣ—выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ,—что Богъ дастъ».

Ермакъ и говоритъ: «ай молодецъ, Ваня! такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не

---

[1]) Собралъ кругъ—собралъ казаковъ для совѣта.

видите сами? Назадъ итти—перебьютъ; мимо плыть—перебьютъ; здѣсь стоять—перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку—везетъ и по ровному везетъ, а какъ придется въ гору, заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ-возилъ ее коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ ее батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось: прямо на татаръ ломить».

Засмѣялись казаки, говорятъ: «видно ты, Тимофеичъ, умнѣе нашего; насъ, дураковъ, и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать».

Ермакъ и говоритъ: «Ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они еще насъ всѣхъ не видали. Разобьемтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучки въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ—выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьемъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ».

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили — справа Иванъ Кольцо, слѣва—Мещерякъ атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошелъ въ самый городъ Сибирь. И насѣлъ туда Ермакъ все равно какъ царемъ.

IX. Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири; а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо итти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: «Маметкулъ опять на тебя идетъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ-рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ и самого Маметкула забралъ живьемъ и привезъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, и по Оби рѣкамъ, завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдешь.

X. Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла

къ Строгоновымъ и письмо. «Я, говоритъ, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привелъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ». И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

XI. Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ все держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи все не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача-посла, говоритъ: «мы тебѣ покорились, а насъ Ногайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ человѣкъ, татары бросились на нихъ и побили. Казаковъ еще меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь городъ товаръ везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти. Ермакъ взялъ съ собой 50 человѣкъ и пошелъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришелъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, и не нашелъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только полегли спать казаки: откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣло его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и татары замирились.

(*Изъ «Второй рус. кн. для чт.» Гр. Л. Толстого*).

21. Осада Троицко-Сергіевскаго монастыря

въ 1608—1610 годахъ.

1. Почти триста лѣтъ тому назадъ трудно и тяжко было жить на Руси. Древняго царскаго Рюрикова рода не стало; нынѣ благополучно царствующій благословенный домъ Романовыхъ еще не правилъ Россіею; была пора какого-то безначалія и безвластія, а оттого развелись разбои, грабежи, измѣна, и сильны стали надъ нами наши враги. Народъ бросилъ честный трудъ, разбѣжался по лѣсамъ и, привыкнувъ къ бродяжничеству, да своеволію, свирѣпѣе лютаго недруга сталъ грабить и жечь свою

же родную страну. Честныхъ людей некому было и защищать— царя не было, всюду измѣна и враги: Бушевала, словно кровавое море, несчастная, безначальная русская земля. Пировали тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, веселились среди мертвыхъ тѣлъ; добрыхъ людей замучивали лютыми пытками до смерти, бросали съ высокихъ крутыхъ береговъ въ глубокія быстрыя рѣки, или разстрѣливали.

Опустѣли города; заглохли селенія. Въ старомъ жильѣ человѣка селился звѣрь, и тамъ, гдѣ при царяхъ счастливо жили и весело, въ мирѣ, трудились люди,—бродили медвѣди и волки, завелись лисицы и зайцы. Всюду летала смерть. Вороны черными стаями сидѣли на трупахъ, а мелкія пташки вили себѣ гнѣзда въ выѣденныхъ черепахъ непогребенныхъ людей.

Въ это «смутное» время гнусный самозванецъ, извѣстный подъ названіемъ «тушинскаго вора», пользуясь общею неурядицей, собралъ вокругъ себя цѣлыя ватаги отступниковъ, измѣнниковъ и злодѣевъ, призвалъ на помощь Литву и Поляковъ, которые тогда еще не были покорены и всегда только искали предлоговъ, чтобы вести съ нами кровавыя войны. Вся эта непрошеная, нестройная рать, или, лучше сказать—скопище воровъ и разбойниковъ, двинулась отъ Владимира и Переяславля къ Москвѣ. Враги шли быстро, все по пути разрушали и жгли, пока не добрались до Троицкаго-Сергіева монастыря: въ монастырѣ этомъ приготовили мужественный отпоръ недругу иноки, небольшое число вѣрныхъ присягѣ и родинѣ воиновъ и окружное населеніе.

И. Тушинскій воръ со своими полчищами не случайно набрелъ на монастырь: обитель святого Сергія весьма вредила измѣнникамъ и мятежникамъ и ревностно оберегала вѣру и отечество.

Находившіеся въ монастырѣ иноки и войско были весьма дѣятельны, и далеко во всѣ стороны не давали ни проѣзда, ни прохода вражескимъ шайкамъ: ловили вражьихъ гонцовъ и отнимали у нихъ грамоты, разбивали разбойничьи скопища, снабжали Москву деньгами, хлѣбомъ, однимъ словомъ, постоянно тревожили и держали на стражѣ злодѣевъ. Отсюда же между прочимъ разсылались грамоты во всѣ концы земли русской съ мольбою помочь погибающей родинѣ и защитить св. вѣру. Имена архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, составлявшихъ и разсылавшихъ чрезъ гонцовъ эти грамоты, останутся навсегда въ памяти русскихъ.

Какъ только въ обители и ея окрестностяхъ узнали о приближеніи враговъ въ столь значительномъ числѣ, навстрѣчу имъ вышли изъ монастыря воеводы наши, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, и завязали отчаянный бой. Цѣль этого боя была двоякая: во-первыхъ, нужно было сразу показать злодѣямъ, какъ русскіе умѣютъ отстаивать вѣру, отечество и обитель святого Сергія; а во-вторыхъ, необходимо было дать возможность и время всѣмъ жителямъ монастырскихъ слободъ сжечь свои дома и перебраться съ семействами и скарбомъ въ монастырь.

Бой былъ упоренъ и продолжителенъ. Наши сдержали всѣ натиски вдесятеро сильнѣйшаго численностью врага, не отступили ни на шагъ, и, когда возвратились въ стѣны монастыря, цѣли ихъ были достигнуты: враги убѣдились, что безъ правильной осады съ Троицкою твердынею имъ ничего не подѣлать; а окрестное населеніе все перешло въ монастырь и успѣло выжечь строенія, отнявъ тѣмъ самымъ у непріятеля возможность пріютиться въ нихъ.

На слѣдующій день Сергіева обитель была обложена со всѣхъ сторонъ. Всѣ дороги къ ней были такъ заняты злодѣями, что ни съ одной стороны свободнаго прохода къ монастырю не осталось. Но монастырь уже приготовился къ продолжительной осадѣ и упорной защитѣ. Настоятель монастыря, архимандритъ Іоасафъ, своимъ личнымъ примѣромъ и пламеннымъ усердіемъ къ православію и Россіи сталъ душою труднаго дѣла обороны святой обители. Смотря на доблестнаго старца этого, съ твердостью готовившагося на всякіе труды и лишенія, никто не отказывался содѣйствовать ему съ самоотверженіемъ, внушаемымъ его назидательными увѣщаніями.

Несмотря однако на значительное скопленіе народа, воиновъ въ обители было немного: нѣсколько монаховъ, прежде служившихъ въ войскахъ, небольшое число служилыхъ людей, находившихся при Долгорукомъ и Голохвастовѣ, да нѣкоторое число вооруженныхъ, хотя и вовсе необученныхъ ратному дѣлу, поселянъ. Всего въ обители набралось до 3,000 плохо вооруженныхъ защитниковъ, которые должны были бороться съ 30,000 довольно хорошо вооруженнаго войска!

III. Польскіе и литовскіе люди, обложивъ монастырь и выдвинувъ напоказъ всѣ свои осадныя орудія и приспособленія, стали пробовать, нельзя-ли какъ-нибудь, хитростью или обманомъ, взять монастырь. И прислали они къ осажденнымъ льстивыя гра-

моты. «Мы,—говорятъ,—желаемъ вамъ добра; покоритесь намъ. и царь нашъ Дмитрій Іоанновичъ (такъ звали они своего тушинскаго вора) васъ наградитъ. А не сдадитесь—возьмемъ васъ силою и тогда перебьемъ всѣхъ до единаго».

Но обманули коварныхъ, кичливыхъ враговъ ихъ надежды: вмѣсто покорности они встрѣтили твердый и рѣшительный отказъ.

Тогда Сапѣга и Лисовскій приказали немедленно итти приступомъ со всѣхъ сторонъ; и въ десяти мѣстахъ, въ близкомъ отъ стѣнъ монастыря разстояніи, поставили пушки. 3-го октября началась пальба изъ всѣхъ пушекъ. Осажденные, приготовившись къ смерти чрезъ таинства покаянія и причащенія и надѣясь на помощь Божію и ходатайство преподобнаго Сергія, мужественно отражали всѣ нападенія враговъ.

Въ это время особенно отличался одинъ крестьянинъ села Молокова, по прозванію Суета. Человѣкъ этотъ былъ огромнаго роста и необычайной силы. Товарищи обыкновенно подсмѣивались надъ нимъ, что онъ воевать не умѣетъ,—а тутъ, откуда у него взялась храбрость. Ухвативъ обѣими руками свой огромный бердышъ, онъ воскликнулъ: «сегодня или умру, или прославлюсь»! и ринулся на враговъ. Онъ такъ славно рубилъ ихъ, что сдержалъ натискъ всего полка пана Лисовскаго и своимъ примѣромъ до того воодушевилъ свою дружину, уже начавшую отступать, что люди его окончательно одолѣли ватаги Лисовскаго.

Сколько затѣмъ ни было приступовъ, всѣ они были отражены, несмотря на то, что стѣны обители были ветхи и осажденныхъ съ каждымъ днемъ все убывало отъ развившейся цынги и другихъ болѣзней.

Сила Божія по молитвамъ пр. Сергія чудесно разрушала всѣ дѣйствія враговъ, и Сапѣга, къ стыду своему, не могъ выгнать изъ обители «сѣдачихъ грачей», какъ онъ называлъ престарѣлыхъ старцевъ-монаховъ.

4-го января 1610 года, ночью, пришла къ Троицѣ подмога отъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, въ 500 человѣкъ отборныхъ воиновъ; облегавшія монастырь скопища злодѣевъ окончательно упали духомъ и, послѣ кровавой битвы 12-го января, пропали всѣ до послѣдняго, убѣжавъ къ Дмитрову.

Такъ кончилась шестнадцати-мѣсячная осада Троицкаго Сергіева монастыря. Безсмертною славою покрыли себя его мужественные защитники, и великую службу сослужили они своему дорогому отечеству. *(Передѣлано съ сокращеніями изъ брош. «Осада Троицко-Сергіева монастыря», изд. ред. ж. «Мірской вѣстникъ»).*

22. Мининъ и Пожарскій.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1611 года одна изъ грамотъ Троицкой обители была получена въ Нижнемъ Новгородѣ. Рѣшили прочесть ее въ соборѣ. Ударили въ большой соборный колоколъ, и народъ скоро наполнилъ всю церковь, такъ какъ день былъ празд-

Козьма Мининъ.

Князь Пожарскій.

ничный. Послѣ обѣдни соборный протоіерей обратился къ народу и сказалъ: «Православные христіане, горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнетъ Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Что намъ творить? Не постоять-ли за православную вѣру и за святую соборную церковь Богородицы и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ? А вотъ грамота властей Живоначальныя Троицы монастыря Сергіева». Послѣ того была прочитана грамота, присланная изъ Троице-Сергіевой обители. Народъ былъ сильно тронутъ; многіе плакали. «Горе намъ, говорили въ толпѣ, гибнетъ Московское государство».

Когда народъ вышелъ изъ церкви и столпился у паперти, къ нему обратился Козьма Мининъ, гражданинъ нижегородскій, со слѣдующею рѣчью:

«Православные христіане!—коль хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ достоянія нашего... дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и станемъ челомъ бить [1]), искать,

[1]) Т. е. просить о чемъ-нибудь, кланяться до земли.

кто-бы вступился за православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ!... Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ... Мы поднимемся,—другіе города приступятъ къ намъ, и мы избавимся отъ враговъ».

Горячая рѣчь Минина пришлась по сердцу всѣмъ. Тутъ же начались пожертвованія на святое дѣло—освобожденіе родины отъ враговъ. Несли со всѣхъ сторонъ и деньги, и драгоцѣнности.

Стали думать, кого бы выбрать вождемъ ополченія. Выборъ палъ на князя Пожарскаго. Онъ уже прежде сражался съ поляками въ Москвѣ и лѣчился въ это время отъ ранъ въ своемъ имѣніи. Къ нему отправили бить челомъ. Онъ сказалъ посланнымъ: «Радъ я за вѣру православную страдать до смерти, а вы изберите изъ горожанъ такого человѣка, который былъ бы со мною у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ». Нижегородскіе послы задумались было, но князь Пожарскій помогъ имъ.—«Есть у васъ въ городѣ», сказалъ онъ, «Козьма Мининъ. Онъ человѣкъ бывалый: ему такое дѣло за обычай».

Вѣсть о снаряженіи нижегородцевъ быстро разнеслась по другимъ городамъ. Пожарскій съ нижегородцами разослалъ грамоты. «Теперь мы, Нижняго-Новгорода всякіе люди, говорилось въ грамотѣ, идемъ на помощь Московскому государству. Къ намъ изъ многихъ городовъ прибыли ратные люди. И вамъ поскорѣе итти. Непремѣнно надо быть вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и на поляковъ вмѣстѣ итти»... Грамоты эти повсюду читали на сходкахъ, составляли приговоры, собирали деньги. Городъ сносился съ городомъ. Поднималась вся русская земля. (*Изъ «Родн. стар.»*)

23. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

Наступилъ 1612-й годъ. Поляки, узнавъ о русскомъ ополченіи, пришли къ патріарху Гермогену и сказали: «Напиши нижегородцамъ, чтобы они оставались вѣрны польскому королевичу».—«Да будетъ надъ ними милость Божія, отвѣчалъ патріархъ, и отъ нашего смиренія благословеніе, а на враговъ нашихъ и на измѣнниковъ да изліется отъ Бога гнѣвъ, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Не понравилась такая рѣчь полякамъ; они стали морить Гермогена голодомъ, и вскорѣ страдалецъ-патріархъ скончался.

Въ августѣ мѣсяцѣ русское ополченіе подошло къ Москвѣ. На помощь полякамъ, засѣвшимъ въ Москвѣ, поспѣшилъ было новый отрядъ поляковъ, но Пожарскій разбилъ его подъ самою Мос-

квою, а потомъ обложилъ Москву. Цѣлый мѣсяцъ держались осажденные поляки въ Кремлѣ, а затѣмъ принуждены были сдаться.

25-го октября 1612 года отворились кремлевскія ворота, и русскіе торжественно вступили въ Кремль. Впереди съ крестомъ и иконами шло духовенство, во главѣ котораго былъ архимандритъ Діонисій. Въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, и русскій народъ благодарилъ Бога за освобожденіе отъ враговъ. (*Изъ «Родн. стар.»*).

24. Смерть патріарха Гермогена.

Обездолена крамолой, [1])
Въ безднѣ смуты утопая,
Какъ корабль гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.

—

На Москвѣ пануютъ ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло выбранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный;

—

И, засѣвъ въ Кремлѣ, поляки
И измѣнники—бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшеномъ угарѣ.

—

Вдругъ нежданное извѣстье!
Все въ испугѣ, все въ смущеньи:
Нижній-Новгородъ поднялся,
Собралося ополченье!

—

Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землей—
И съ могучей земской ратью
Скоро будетъ подъ Москвой!...

—

Истомленнаго страданьемъ,
Въ узахъ тягостнаго плѣна,
Непощадно мучатъ ляхи
Патріарха Гермогена,

Патріархъ Гермогенъ.

Вымогая, чтобъ святитель
Грознымъ пастырскимъ прещеньемъ
На Москву низовой рати
Задержалъ бы наступленье.

—

Но безсильны надъ владыкой
Все—и лесть, и истязанье:
Шлетъ святитель вѣрной рати
Не запретное посланье,

—

А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
Онъ ее благословляетъ
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляетъ...

[1]) Крамола—мятежъ, смута.

Изможденъ святитель пыткой,
Истощились старца силы,—
И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти
Отворяетъ дверь могилы.

—

Но душа его святая,
На порогѣ самомъ рая,
Все болѣетъ и томится
О судьбѣ родного края;

—

И, въ предсмертной агоніи,
Помертвѣлыми устами
Все о немъ онъ молитъ Бога,
Молитъ жарко со слезами.

—

Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
Преисполнясь ѳиміамомъ,
Чуднымъ свѣтомъ озарился, —

—

И предсталъ предъ страстотерпцемъ
Убѣленный сѣдинами,
Въ черной инока одеждѣ,
Нѣкій старецъ, ветхій днями.

—

И прозрѣньемъ духа свыше,
Умирающій святитель
Угадалъ, что сей нежданный—
Не отъ міра посѣтитель.

—

Былъ то Сергій преподобный,
Радонежскій чудотворецъ,
Вѣстникъ милости Господней,
Божьей правды ратоборецъ.

—

«Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ!»
Кротко молвилъ гость чудесный:
«Услыхалъ твою молитву
Сердцевѣдецъ Царь Небесный.

«На твое за Русь родную
Призирая сокрушенье,
Онъ тебѣ, мой братъ, со мною
Посылаетъ утѣшенье.

—

«Шлетъ тебѣ Онъ благовѣстье:
Отжени тоску сомнѣнья,—
Не погибнетъ Русь святая,
Близокъ часъ ея спасенья!

—

«Не погибнетъ Русь святая,
Врагъ надъ ней не вознесется;
Сила земская возстала,—
Братъ мой, вѣруй: Русь спасется!

—

«Сокровенны для живущихъ
Тайны Божья Провидѣнья;
Но тебѣ Господь, въ часъ смертный,
Посылаетъ откровенье!»

—

Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
Скрылось чудное видѣнье...
Старецъ взоръ возвелъ на небо
И воскликнулъ въ умиленьи:

—

«Русь не сгибнетъ! Русь спасется!...
Боже благости великой!
Отпущаеши Ты съ миромъ
Нынѣ, Господи Владыко,

—

Своего раба—прими же
Ты его въ Свою обитель!»
И почилъ съ послѣднимъ словомъ
Успокоенный святитель.

—

Опочилъ онъ, русскимъ людямъ

Крѣпко вѣрить завѣщая, Что отъ всяческой невзгоды Отстоится Русь святая. (*Розенгеймъ*).

25. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

26 октября 1612 года Кремль и вся Москва были очищены отъ поляковъ. Разосланы были грамоты по областямъ, чтобъ присылали отовсюду въ Москву знатныхъ духовныхъ лицъ и выборныхъ изъ другихъ сословій, лучшихъ, разумныхъ людей. Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. 21 февраля 1613 года былъ послѣдній соборъ: каждое сословіе подало письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія были сходны: всѣ указывали на одного человѣка, шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита (впослѣдствіи патріарха) Филарета Никитича. Онъ приходился прежнимъ царямъ роднею ближе всѣхъ. Изъ этого рода была первая супруга Іоанна Грознаго—Анастасія. Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ это время въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, съ матерью, монахинею Марѳою Ивановною. Соборъ, провозгласивши его царемъ, назначилъ нѣсколько знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ѣхать къ нему и отъ имени всѣхъ чиновъ людей просить, чтобъ былъ государемъ и ѣхалъ въ Москву.

13 марта соборные послы пріѣхали въ Кострому, а на другой день пошли въ Ипатьевскій монастырь съ крестнымъ ходомъ и со всѣми костромичами. Услыхавши отъ пословъ просьбу ѣхать въ Москву и царствовать, Михаилъ отказался, Марѳа Ивановна говорила: «Сынъ мой еще очень молодъ, а русскіе люди стали малодушны, троимъ государямъ [1]) присягнули и потомъ измѣнили; кромѣ того, государство разстроено въ конецъ, прежнихъ сокровищъ царскихъ нѣтъ, земли розданы, служилые люди обѣднѣли; откуда будущему царю давать жалованье служилымъ лю-

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

[1]) Самозванцу Лжедимитрію, Василію Ивановичу Шуйскому и наконецъ польскому королевичу Владиславу.

дямъ, дворъ свой содержать и какъ противъ недруговъ стоять? Наконецъ, митрополитъ Филаретъ въ заточеніи у польскаго короля: узнавши, что выбрали въ цари его сына, король отомститъ за это на отцѣ».

Соборные послы отвѣчали, что избранъ Михаилъ по Божьей волѣ, а три прежніе государя садились на престолъ по своей волѣ, не право, отчего во всѣхъ русскихъ людяхъ и было несогласіе и междоусобіе; теперь же русскіе люди наказались и всѣ пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ.

Послы долго упрашивали Михаила и мать его; наконецъ стали грозить, что въ случаѣ отказа государство совершенно разорится, и Богъ взыщетъ на Михаилѣ это разореніе.

Тогда Марѳа Ивановна благословила сына принять престолъ.

2 мая 1613 года Михаилъ пріѣхалъ въ Москву и 11 іюля вѣнчался на царство. Россія получила настоящаго царя.

(Соловьевъ).

26. Подвигъ Ивана Сусанина.

Когда поляки, шатавшіеся цѣлыми толпами около Москвы, узнали объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, тогда они рѣшились извести новопоставленнаго русскаго царя, который жилъ еще въ костромской своей деревнѣ. Отправившись для совершенія злодѣйскаго умысла, они раздѣлились на нѣсколько шаекъ, и одна изъ нихъ сбилась съ дороги; это было зимою, въ сильную метель. Имъ встрѣтился крестьянинъ дворцоваго села Домнина, Иванъ Сусанинъ, котораго поляки остановили и разспрашивали о мѣстопребываніи Михаила Ѳеодоровича. Онъ вызвался къ нимъ въ проводники, и поляки обѣщали наградить его пригоршнями золота. Сусанинъ заводитъ ихъ по дорогѣ къ себѣ въ деревню, угощаетъ ихъ, поитъ, а между тѣмъ тайно посылаетъ своего сына предувѣдомить царя о близкой опасности. Злодѣи, поужинавъ, отогрѣвшись и немного соснувъ, съ полуночи собрались въ дорогу, предводимые Сусанинымъ, который, своротя по проселочной дорогѣ, по сугробамъ и оврагамъ завелъ ихъ въ непроходимый лѣсъ. Выбившись изъ силъ, поляки стали подозрѣвать проводника и, махая надъ старческою его головой саблями, вскричали: «ты обманулъ насъ!» — «Не я», спокойно отвѣчалъ имъ Сусанинъ: «не я, вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдамъ вамъ жизнь и здоровье царя-государя. Богъ подкрѣпилъ меня: царь Михаилъ спасенъ!» Поляки въ бѣшенствѣ изрубили его на мелкія части и сами погибли отъ стужи и голода.

«Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!»
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробицахъ снѣга,
Знать, намъ не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути!
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!
Веди-жъ насъ, такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—не долго у насъ до бѣды!»
Сусанинъ ведетъ ихъ.
Стоятъ, не шелохнясь, и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза;
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ...
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы [1]),
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый...
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще [2]) насторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьи и мертво, и глухо...
«Куда ты завелъ насъ?» Ляхъ старый вскричалъ.
«Туда, куда нужно!» Сусанинъ сказалъ.
«Убейте, замучьте! моя здѣсь могила!
Но знайте, и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя мнили во мнѣ вы найти:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ.
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ.»
«Злодѣй!» закричали враги, закипѣвъ:
«Умрешь подъ мечами!»—«Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!»
И сабли надъ старцемъ свистя засверкали:

---

[1]) Сарматы—поляки. [2]) Вотще—напрасно.

«Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!»
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила! *(Рылѣевъ).*

27. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Послѣ смерти Михаила Ѳеодоровича, спасшаго Россію отъ окончательнаго распаденія и разоренія, давшаго ей миръ, спокойствіе и процвѣтаніе, вступилъ на престолъ сынъ его царь Алексѣй Михайловичъ и тридцать лѣтъ правилъ государствомъ. Вскорѣ послѣ него Русь входитъ въ другой складъ государственной жизни и начинаетъ свою *новую исторію.*

I. Молодой царь отличался весьма привлекательною наружностью: онъ былъ бѣлый, румяный, съ темнорусыми волосами, красивой окладистой бородой и пріятными съ кроткимъ выраженіемъ глазами. Лицо есть зеркало души: Алексѣй Михайловичъ отъ природы былъ надѣленъ прекрасными качествами и оставилъ по себѣ память своимъ умомъ, мягкостью, добротою и врожденнымъ изяществомъ [1]). Чтеніемъ книгъ и бесѣдами съ знающими, развитыми и опытными людьми онъ еще болѣе развилъ свой умъ и былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Вскорѣ по вступленіи на престолъ государь задумалъ жениться. По обыкновенію собрали до *двухсотъ* дѣвицъ. Царь выбралъ себѣ въ супруги дочь небогатаго касимовскаго помѣщика, боярышню Всеволожскую. Но когда ее въ первый разъ одѣли въ царское платье, то ей, по происканъ боярина Морозова, оставшагося дядькой молодого Алексѣя Михайловича и боявшагося потерять свою власть съ приближеніемъ ко двору родни будущей царицы, нарочно сильно затянули волосы, отчего она упала въ обморокъ. Царю объяснили этотъ случай падучей болѣзнью. Царь повѣрилъ и сослалъ въ Сибирь и ее и ея родню за то, что скрыли было болѣзнь. Послѣ того Морозовъ сосваталъ государю дочь своего сподручника, боярина Милославскаго, *Марью Ильиничну.* Свадьба вышла блестящая; только не играли въ трубы и органы и не били въ литавры, какъ дѣлывалось прежде на царскихъ свадьбахъ, а пѣвчіе распѣвали духовные стихи и пѣснопѣнія.

II. Примѣрнымъ семьяниномъ, христіаниномъ и русскимъ человѣкомъ сталъ жить Алексѣй Михайловичъ. Онъ очень любилъ свою жену и дѣтей и постоянно заботился о нихъ. Вставалъ

---

[1]) Изящество—любовь къ прекрасному, благородному.

онъ въ четыре часа утра. *Постельничій* со *спальниками* и *стряпчими* подавали ему платье и одѣвали его. Потомъ царь выходилъ въ *крестовую*, гдѣ его встрѣчалъ духовникъ—*крестовый попъ и дьяки*; здѣсь начиналось моленіе, чтеніе полунощницы, поклоненіе иконѣ того святого, чья память праздновалась въ этотъ день, и окропленіе святою водою, которая доставлялась изъ монастырей отъ святыхъ угодниковъ. Послѣ сего читалось назидательное *слово* изъ сборниковъ, называемыхъ *Златоустами*, *Златоструями*, *Измарагдами* и т. п. именами. Затѣмъ царь, если почивалъ особо, посылалъ спросить о *здоровьи* царицы и входилъ къ ней здороваться. Потомъ вмѣстѣ съ царицею онъ шелъ въ *верховую церковь* во дворцѣ къ заутренѣ и ранней обѣднѣ. Послѣ заутрени съѣзжались во дворецъ къ государю бояре *бить челомъ*, т. е. здороваться земными поклонами. Поговоривъ немного съ боярами о дѣлахъ, государь съ ними отправлялся къ поздней обѣднѣ, въ теченіе которой иногда не переставали все-таки докладывать ему про нужныя дѣла.

III. Послѣ обѣдни до двѣнадцати часовъ царь занимался съ боярами государственными работами; потомъ бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а онъ шелъ къ обѣду. Къ царскому столу иногда приглашались нѣкоторые изъ уважаемыхъ и близкихъ бояръ. Къ обыкновенному столу Алексѣя Михайловича подавали ржаной хлѣбъ, не много вина, овсяную брагу, легкое пиво съ коричневымъ масломъ и самыя простыя блюда: сначала холодныя и печенья, потомъ жареное и затѣмъ похлебки и ухи. Въ постные дни Алексѣй Михайловичъ почти ничего не ѣлъ. Но въ нѣкоторые торжественные обѣды подавалось до *семидесяти* блюдъ, которыя раздавались въ видѣ царской подачи, какъ знакъ чести и милости, боярамъ. Послѣ обѣда царь, какъ и всякій русскій, ложился спать часа на три до вечеренъ. Къ этому времени съѣзжались опять бояре и вмѣстѣ съ царемъ слушали вечерню. Послѣ вечерни государь проводилъ время въ семейномъ кругу и между друзей. Это время посвящалось также на развлеченія и удовольствія, изъ которыхъ любимѣйшими были игры въ шахматы, чтеніе духовно-назидательныхъ и церковно-историческихъ книгъ, а также лѣтописей и сказаній и затѣмъ на бесѣду и разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, о старинѣ и т. п. Алексѣй Михайловичъ при дворѣ держалъ для такихъ бесѣдъ многолѣтнихъ старцевъ, жившихъ на полномъ царскомъ содержаніи. Иногда развлекались въ *потѣшной палатѣ* пѣснями, плясками, скоморохами и др.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Алексѣй Михайловичъ любилъ смотрѣть сценическія представленія, для чего при дворцѣ былъ устроенъ *первый* въ Россіи театръ. Зимою государь, особенно по праздникамъ, смотрѣлъ на бой медвѣдя съ охотникомъ, а въ прочее время ѣзживалъ на любимую соколиную охоту. День оканчивался ужиномъ и молитвой.

IV. Занимаясь дѣлами государства, Алексѣй Михайловичъ находилъ время и для хозяйственныхъ занятій, особенно лѣтомъ. Онъ съ семьей обыкновенно на лѣто уѣзжалъ въ ближнія къ Москвѣ села и преимущественно въ село *Коломенское*. Здѣсь государь и государыня занимались хозяйствомъ и собственноручно работали въ огородѣ и въ саду. Здѣсь у царя былъ красивый двухъ-этажный деревянный, на каменномъ фундаментѣ, дворецъ, который одинъ современникъ называетъ *восьмымъ чудомъ свѣта*. Отъ построекъ царя Алексѣя Михайловича въ этомъ селѣ до-нынѣ уцѣлѣли только: *подъѣздныя ворота* и *каменный челобитный столбъ*, на который просители могли класть свои челобитныя (то есть прошенія). Осталась еще церковь *Вознесенія*, сооруженная Василіемъ III; вокругъ этой церкви идетъ крытая паперть съ каменнымъ *царскимъ мѣстомъ*, откуда Алексѣй Михайловичъ любилъ глядѣть на окрестныя мѣста и Москву-рѣку.

Обычный порядокъ жизни государя нарушался разными торжественными случаями: пріемомъ посольствъ, богомольными выходами въ каждый большой праздникъ и др. Здѣсь царь являлся въ несказанномъ великолѣпіи.

Къ обѣднѣ Алексѣй Михайловичъ либо шелъ пѣшкомъ, либо ѣхалъ, одѣтый, лѣтомъ,—въ легкій шелковый *опашень* и *золотую шапку* съ мѣховымъ околомъ, зимою,—въ *шубу* и *горлатную лисью шапку;* въ рукахъ у него всегда былъ посохъ. Въ великіе праздники: Рождество Христово, Богоявленіе, Пасху и др. надѣвался иногда *царскій нарядъ*, состоявшій изъ *порфиры, короны, бармъ, наперснаго креста и царскаго жезла*. Всѣ одежды царскія были, конечно, очень дорогія и блестѣли золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Соотвѣтственно царю, и бояре должны были одѣваться въ пышные наряды. Особенно торжественно совершался выходъ царя на *Іордань* и въ *Вербное воскресеніе*, когда царь всенародно велъ подъ патріархомъ коня, который изображалъ собою осла, а патріархъ — Спасителя. Народъ, встрѣчая царя и видя «его пресвѣтлыя очи», билъ ему челомъ. Передъ большими праздниками Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ тюрьмы, больницы и богадѣльни. Онъ утѣ-

шалъ несчастныхъ и раздавалъ имъ милостыню. Милостыню онъ раздавалъ также собственноручно нищимъ и убогимъ и даже въ мясопустную недѣлю угощалъ послѣднихъ въ столовой палатѣ и самъ съ ними обѣдалъ. *(По разн. источн.)*

28. Столица древняя.

Столица древняя, родная,
Ея ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать—и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.

—

У ней съ землей одна невзгода,
Одно веселье, общій трудъ.
Ея дѣла—любовь народа—
Ей право первенства даютъ.

—

За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая полчища племенъ;
За Русь не разъ она терпѣла
И поношеніе и плѣнъ.
Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла—
И съ нею русская земля.

—

Ея удѣлъ—всегда тревожить
Враговъ Россіи заклятыхъ.
Ее унизить, уничтожить
Не разъ пыталась злоба ихъ.

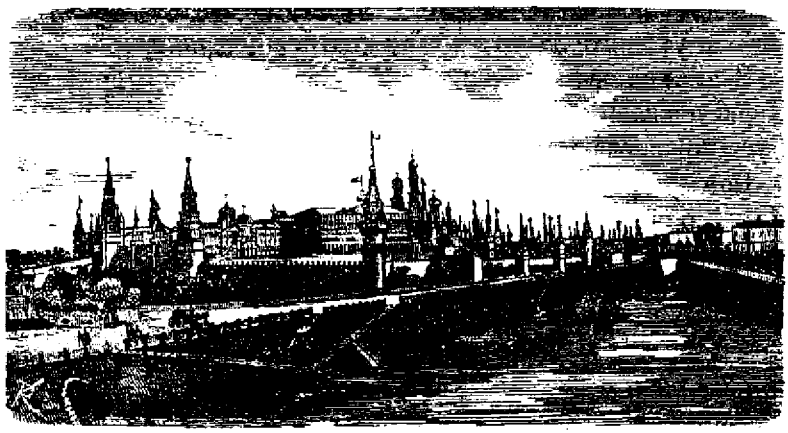
—

Но въ страхъ врагамъ, но въ радость краю
Она, великая, сильна,—
И старый кличъ я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

(*К. Аксаковъ*).

29. Въ Кремлѣ.

Вхожу ли въ старый Кремль, откуда взглядъ привольно
Покоится на всей Москвѣ первопрестольной,



Въ соборы-ль древніе, съ гробницами царей,
Первосвятителей, когда кругомъ читаю

На доскахъ ихъ имена, и возлѣ нихъ внимаю
Молитвы шопоту притекшихъ къ нимъ людей,
А тамъ, въ сіяніи иконъ святые лики,
И мѣсто царское, и патріаршій тронъ,
А между тѣмъ гудитъ, гудитъ Иванъ Великій,
Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущій звонъ,—
Благоговѣніемъ душа моя объята,
И все мнѣ говоритъ: «сіе есть мѣсто свято!»...
Смотри: когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ святого Спаса
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ,—
Бесѣда вѣщая таинственно велася
Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыка
На собираніе народа своего.
Святителевъ завѣтъ исполнился великій:
По-малу собралась вкругъ бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся русская земля,
И каждый градъ свою здѣсь церковь строилъ,
И высилась Москва!.. (*А. Майковъ*).

30. Пѣснь русскому царю.

Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все-жъ недостойное
Прочь отжени!

* * *

Воинство бранное,
Славой взбранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ —
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

* * *

О Провидѣніе,
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе,
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,

Вѣрнымъ спутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

(*Жуковскій*)

31. Русскій солдатъ.

I. Чего-чего русскій солдатъ на своемъ вѣку не справитъ? Чѣмъ только не послужитъ царю, Россіи, да своимъ отцамъ-командирамъ?.. Во всѣхъ странахъ онъ побываетъ, всякаго дѣла насмотрится, со всякимъ народомъ сживется, ко всякимъ трудамъ привыкнетъ. Охранитъ, защититъ, грудью отстоитъ наше православное воинство свою мать—Россію, отъ всякихъ ея враговъ!.. Велитъ царь батюшка—и въ чужія земли пойдетъ: и тамъ недруговъ его усмиритъ!.. Заселитъ пустыни безплодныя, изъ-за сотенъ верстъ подъ солнцемъ палящимъ, по сыпучимъ пескамъ проведетъ въ нихъ воды благодатныя; дороги проложитъ, города выстроитъ, чрезъ пучины мосты перекинетъ, нивы, поля засѣетъ, засадитъ, а придется отстаивать заселенныя мѣста, такъ онъ безропотно своими же костями удобритъ, своей честной кровью польетъ!..

II. А на покоѣ, глядишь: онъ по книжкѣ буквы выводитъ—грамотѣ самъ учится и другихъ обучаетъ. Прикажетъ начальство—солдатъ и хлѣбъ испечетъ, и кашу сваритъ и, на походѣ, всякія тебѣ кушанья приготовитъ. Нѣтъ у командира повара—солдатъ за повара! Нѣтъ кучера—онъ и за кучера. Да это что еще? Нѣту нянюшки у дѣтокъ—солдатъ-деньщикъ ихъ и выпянчитъ, и выходитъ, и выраститъ. Да еще и матери-командиршѣ, въ случаѣ нужды, найдетъ время бѣлье постирать, воротнички, оборочки разгладить. Всяко бываетъ!.. На все у солдата и умѣнья и охоты хватитъ, только будь ты съ нимъ ласковъ, позволь ты ему къ себѣ привязаться, смотри на него, какъ на живую душу, какъ на человѣка способнаго любить за добро твое такъ-же, какъ и готоваго умирать, когда надо, за отечество.

III. Одного только не умѣетъ сдѣлать солдатъ нашъ: не умѣетъ сдаваться врагу! Не умѣетъ тѣмъ болѣе измѣнить отечеству, забыть присягу, долгъ, честь солдатскую и вѣру православную...

Нѣтъ! Этого онъ не сумѣетъ сдѣлать.

Въ первомъ случаѣ, коли ужъ подойдетъ такое горе, что одолѣетъ вражья сила, не хватитъ силушки оборониться,—онъ, не задумываясь, взорветъ себя и товарищей своихъ на воздухъ, какъ сдѣлалъ это безсмертный Архипъ Осиповъ: честную душу Богу

отдастъ, а тѣломъ многострадальнымъ придавить, вмѣстѣ съ землей и каменьями, враговъ царя своего и родины. А что до измѣны, то мученическія кончины Данилова, унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, и Никитина фейерверкера 21-й артиллерійской бригады, еще недавно подтвердили, что воину православному куда легче дать съ себя живого кожу ремнями содрать, чѣмъ измѣнить вѣрѣ Христовой или научить враговъ, какъ стрѣлять изъ русской пушки въ русскихъ людей.

IV. Разскажемъ здѣсь, для памяти русскому народу, объ этихъ подвигахъ солдатскихъ.

Безсмертнымъ зовутъ Архипа Осипова потому, что и понынѣ, и навсегда отданъ приказъ вызывать его при вечернихъ перекличкахъ Тенгинскаго полка, гдѣ служилъ онъ и геройски погибъ. И какъ только раздается кличъ: «Архипъ Осиповъ!» такъ ефрейторъ отвѣчаетъ: «погибъ во славу русскаго оружія!» И точно во славу. Было это въ 1840 году, на восточномъ берегу Чернаго моря, въ Михайловскомъ укрѣпленіи. Въ томъ году Шамиль поднялся съ большими скопищами, напали они на маленькіе форты [1]) по берегу моря, въ которыхъ чуть не всѣ люди были измучены лихорадками и находились больше въ лазаретахъ, чѣмъ въ караулахъ. Передъ тѣмъ адмиралъ Серебряковъ объѣзжалъ ихъ на пароходѣ и приказывалъ гарнизонамъ, въ случаѣ нападенія, бороться до послѣдней крайности, а въ случаѣ совершеннаго безсилія продолжать борьбу совѣтовалъ не сдаваться въ плѣнъ, а лучше взорвать крѣпость порохомъ.

7-го февраля неожиданно взятъ фортъ Лазаревъ, гдѣ изъ 200 человѣкъ всего 60 солдатъ было здоровыхъ. Погибли всѣ, кромѣ раненыхъ и больныхъ 30 человѣкъ, взятыхъ горцами въ плѣнъ. 22-го февраля взято укрѣпленіе Вельяминовское, гдѣ 400 человѣкъ 6 сутокъ бились противъ 8,000 черкесовъ. Когда оставалось въ живыхъ менѣе 70, капитанъ Папахристо схватилъ зажженный фитиль и побѣжалъ къ пороховому погребу, но непріятель, ворвавшійся въ крѣпость, бросился на него и изрубилъ въ куски.—22-го марта взято Михайловское укрѣпленіе, но въ плѣнъ никто не взятъ, потому что рядовой Тенгинскаго полка, Осиповъ, успѣлъ зажечь пороховой складъ, когда черкесы ворвались въ него. Взрывомъ этимъ было убито и переранено такое множество горцевъ, что непріятель не могъ далѣе продолжать набѣга и разбрелся, развозя по ауламъ своихъ раненыхъ. Архипу

1) Фортъ—отдѣльное укрѣпленіе для обороны

Осипову поставленъ памятникъ въ городѣ Владикавказѣ, гдѣ онъ изображенъ съ фитилемъ въ рукахъ, въ ту минуту, какъ онъ приблизилъ его къ бочкѣ съ порохомъ.

V. Даниловъ съ Никитинымъ еще ждутъ своихъ памятниковъ, которыхъ столь же достойны.

Ѳома Даниловъ, унтеръ-офицеръ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, изъ крестьянъ Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, взятъ былъ въ плѣнъ кипчаками 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ. Самъ ханъ кипчакскій обѣщалъ ему не только помилованіе, но награду и почести, если онъ только отречется отъ Христа и перейдетъ въ его службу—учить стрѣльбѣ его войско. Даниловъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ умереть въ христіанствѣ, чѣмъ измѣнить вѣрѣ и царю... Тогда ханъ приказалъ не просто убить его, а мучить и среди пытокъ останавливаться и спрашивать: «Не измѣнилъ ли мыслей? Не перейдешь ли въ нашъ законъ?» И каждый разъ воинъ-мученикъ твердо отвѣтствовалъ: «Не отрекусь отъ Христа! не измѣню отечеству!» Съ тѣмъ онъ и умеръ въ жестокихъ страданіяхъ. Мучители его, въ изумленіи, сами почтили его погребеніемъ съ почестями на свой ладъ и назвали Ѳому Данилова — батыремъ, по-нашему богатыремъ. И воистину онъ былъ православный богатырь!.. Государь положилъ вдовѣ его и дочери пенсію; дворяне Самарской губерніи собрали имъ 1.320 руб. и приняли дочь его на воспитаніе въ учебное заведеніе.

VI. Фейерверкеръ 21-ой артиллерійской бригады Никитинъ во время Текинской экспедиціи, въ 1879 году, при Геокъ-Тепе, взятъ былъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ пушкой. Текинцы обѣщались отпустить его, съ тѣмъ, чтобъ онъ направилъ на русскихъ пушку и научилъ ихъ стрѣлять. Онъ отказался наотрѣзъ. Тогда дикари велѣли сдирать съ него полосами кожу и такимъ образомъ звѣрски замучили его, но поколебать не могли.

Такъ скончались славной смертью эти трое русскихъ героевъ. Ихъ подвиги извѣстны, но какое множество нашихъ воиновъ погибло не менѣе мужественно и славно, — да только о смерти ихъ никто не узналъ!

Кланяемся вамъ низко, доблестные русскіе солдаты! Вѣчная память погибшимъ въ бояхъ за отечество братьямъ нашимъ! Многія лѣта, громкая слава нашему православному воинству!

(*Изъ брош. «Наши воины православные» Желиховскаго*).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЦЕРКОВЬ.

1. Вѣрность. (Притча).

I. Одинъ языческій царь призвалъ къ себѣ христіанскаго епископа и потребовалъ, чтобы онъ отказался отъ своей вѣры. Но епископъ кротко и спокойно отвѣтилъ: «Этого я не могу сдѣлать». Царь разгнѣвался и воскликнулъ [1]): «Развѣ ты не знаешь, что жизнь твоя въ моей власти? одно мое мановеніе [2])—и тебя не будетъ на свѣтѣ!» — «Знаю, знаю это», отвѣчалъ епископъ; «но позволь мнѣ, царь, предложить одинъ вопросъ на твое рѣшеніе. Представь себѣ, государь, что вѣрнѣйшій слуга твой попалъ въ руки враговъ твоихъ. Враги твои всячески старались заставить раба того измѣнить [3]) тебѣ. Но онъ непоколебимъ [4]) въ своей преданности [5]) и вѣрности тебѣ. Тогда враги твои, снявъ одежды съ раба того, прогнали его съ посмѣяніемъ. Теперь скажи, государь: когда рабъ тотъ, поруганный и обнаженный за вѣрность тебѣ, вернется къ тебѣ, не вознаградишь ли ты его честью и славою за поруганіе и не дашь ли лучшія одежды для прикрытія наготы его?»

II. «Конечно такъ!» отвѣчалъ царь, «но къ чему ты это говоришь?» Тогда благочестивый епископъ сказалъ: «Царь, ты можешь снять съ меня эту земную одежду, т.-е. лишить меня этой жизни; но Господь мой облечетъ меня въ новую, лучшую одежду».

Выслушавъ это, царь отпустилъ епископа и больше не сталъ требовать отреченія его отъ христіанской вѣры.

---

1) Воскликнуть—говорить громко, кричать, вскрикивать.
2) Мановеніе—знакъ рукою, головою или глазами, въ видѣ приказанія.
3) Измѣнить—нарушить вѣрность, перейти къ противнику.
4) Непоколебимый—твердый, стойкій.
5) Преданность—приверженность, вѣрность, искренняя любовь.

2. Единственное сокровище для человѣка—Богъ.

I. Въ Царыградѣ жилъ нѣкоторый гражданинъ, весьма богатый и человѣколюбивый. Имѣя одного у себя сына, онъ не старался оставить ему богатое наслѣдство, какъ дѣлали многіе, и свое имѣніе раздавалъ щедрою рукою неимущимъ. Но этого еще недостаточно было для человѣка богоугоднаго: онъ хотѣлъ имѣть и то утѣшеніе, чтобы, представъ у страшнаго Судіи небеснаго, онъ могъ Ему сказать: «се азъ и чадо мое»! хотѣлъ и сына своего сдѣлать столько же милостивымъ къ бѣднымъ и несчастнымъ, сколько былъ милостивъ къ нимъ и самъ.

Въ одинъ день, призвавъ его къ себѣ и показавъ всѣ свои богатства, онъ спросилъ у него: «Любезный сынъ! что болѣе желаешь получить отъ меня въ наслѣдство: эти ли сокровища, или Христа Спасителя?» Юноша, воспитанный въ страхѣ Божіемъ, рѣшительно отвѣчалъ ему: «Христа, болѣе ничего»! Восхищенный такимъ отвѣтомъ сына, отецъ еще болѣе началъ расточать свое имѣніе нищимъ и несчастнымъ, такъ что по смерти своей оставилъ ему только насущный хлѣбъ и честное имя. Добродѣтельный юноша, изъ богача сдѣлавшись почти убогимъ, нисколько не сожалѣлъ о томъ, ибо надѣялся на Христа — на это великое сокровище, которое у него осталось.

II. Въ томъ же городѣ жилъ нѣкоторый вельможа, славный богатствомъ и благочестіемъ. Онъ имѣлъ у себя супругу, также благочестивую, и единственную дочь, воспитанную въ страхѣ Божіемъ. Когда дѣвица достигла совершеннаго возраста, родители ея сказали другъ другу: «какого жениха изберемъ нашей дочери? богатаго и, можетъ быть, гордаго?... но онъ будетъ оскорблять ее, принудитъ гоняться за суетою свѣта, научитъ тщеславиться... Нѣтъ, изберемъ лучше человѣка средняго состоянія, но добраго и богобоязненнаго, который приметъ дочь нашу какъ особенный даръ неба. Пойдемъ въ церковь Божію», сказали они, «будемъ молиться о счастіи нашего дитяти,—и кто первый войдетъ въ храмъ Божій, тотъ пусть будетъ супругъ ея».

Вознеся пламенную молитву къ Богу, отецъ и мать дѣвицы сѣли и ждали, чѣмъ небесный Промыслъ рѣшитъ судьбу любезнѣйшей ихъ дочери... Вдругъ входитъ тотъ юноша, о которомъ мы ранѣе сказали. Подозвавъ его къ себѣ, они спросили: кто онъ и откуда? и услышавъ, что онъ сынъ такого-то въ Бозѣ усопшаго щедролюбца, возблагодарили Бога и сказали ему: «Христосъ Спаситель усыновилъ намъ тебя; прими отъ насъ руку

нашей дочери, а съ нею и богатство наше!—Все это даетъ тебѣ самъ Богъ».

Благочестивый юноша служитъ примѣромъ, что Богъ никогда не оставляетъ въ нищетѣ того, кто единственно изъ любви къ Нему расточаетъ свои сокровища. (*Сокращ. изъ «Учил. благоч.»*)

3. Коль славенъ Господь.

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, [1])
Не можетъ изъяснить языкъ:
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ [2]) на землѣ великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ!
Въ ночи, во дни сіяньемъ равенъ!

О, Боже, въ Твое селенье
Да внидутъ наши голоса,
Да взыдетъ наше умиленье
Къ Тебѣ, какъ утренняя роса.
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ.
Тебя, Господь, поемъ и славимъ!
(*Жуковскій*).

4. Единое благо.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится,
И въ двери райскія къ ночлегу постучится...
Блаженъ, кого тогда небесный серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ,
И двери отопретъ, и тотъ пришлецъ усталый
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой! (*А. Майковъ*).

5. Могу ли я увидѣть Бога?

«Ахъ, маменька, могу ли я
Когда—нибудь увидѣть Бога
Среди небеснаго чертога?»
— Но, развѣ ты, душа моя,
Его не видишь безпрерывно
Во всемъ, что вкругъ тебя живетъ:
Въ полетѣ птички, въ блескѣ водъ,
Въ цвѣткѣ, во всей природѣ дивной?
Когда вставая, иль ложась,
Сложивши руки, ты читаешь
Свою молитву, всякій разъ

---

[1]) Сіонъ—св. гора въ Іерусалимѣ, на которой былъ построенъ храмъ Соломоновъ. Здѣсь—небо.

[2]) Былинка—маленькая травка.

Тогда у Бога ты бываешь,
Ты видишь Господа...—«Но я
Желалъ бы, маменька, глазами
Его увидѣть тамъ, надъ нами,
Гдѣ рай, гдѣ бабушка моя.
Тамъ, няня говоритъ, въ сіяньи,
Въ великолѣпномъ одѣяньи,
Въ вѣнцѣ, на тронѣ золотомъ,
Непостижимый возсѣдаетъ:
Простертъ хоръ ангеловъ кругомъ
И въ гимнахъ Бога восхваляетъ.
Вотъ тамъ бы я когда-нибудь
Желалъ на Господа взглянуть!»
— Мой сынъ, будь добръ и чистъ душою,
Тогда увидишь ты Его,
Не подъ одеждою земною,
О! нѣтъ, прекраснѣе того,
Какимъ ты мнѣ Его представилъ.
Онъ духъ; Его престолъ —весь міръ,
Которымъ Онъ любовь прославилъ;
Гдѣ вызвалъ жизнь на чудный пиръ!
Любить Его чистосердечно,
Его стараться *познавать*,
И *сходства* въ духѣ съ Нимъ искать,—
Есть видѣть Господа, и вѣчно!
Желаешь ли того? Учись,
Добра не оставляй дорогу,
Все совершеннѣй становись;
Тогда ты ближе будешь къ Богу,
Достойнѣй Вышняго Отца,
Тогда ты, сынъ мой,—о блаженство!
Увидишь свѣтлый ликъ Творца
Затѣмъ, что ликъ сей—Совершенство!

(*Я. Гротъ*).

6. Воскресеніе Христово.

Въ день Пасхи, радостно играя,
Высоко жаворонокъ взлетѣлъ
И, въ небѣ синемъ исчезая,
Пѣснь Воскресенія запѣлъ.
И пѣснь ту громко повторяли
И степь, и холмъ, и темный лѣсъ.
Проснись земля,—они вѣщали,—
Проснись: твой Царь, твой Богъ воскресъ!
Проснитесь горы, долы, рѣки!
Хвалите Господа небесъ!
Побѣждена Имъ смерть вовѣки!
Проснись и ты, зеленый лѣсъ!
Подснѣжникъ, ландышъ серебристый,
Фіалка—зацвѣтите вновь,
И возсылайте гимнъ душистый
Тому, Чья заповѣдь—любовь!

(*Кн. Горчакова*).

7. Спаситель.

Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренью Онъ училъ;
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Не терпитъ гнѣва Онъ, ни мщенья,

Онъ проповѣдуетъ прощенье,
Велитъ за зло платить добромъ.
Есть неземная сила въ Немъ:
Слѣпымъ Онъ возвращаетъ зрѣнье,
Даритъ и крѣпость, и движенье
Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
Ему признанія не надо:
Сердецъ мышленье отперто;
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ Спасителемъ Онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку,
И никого не осудилъ.
То, видно, Богомъ мужъ избранный.
Онъ тамъ, по онполъ Іордана
Ходилъ какъ посланный небесъ;
Онъ много тамъ свершилъ чудесъ;
Теперь пришелъ Онъ, благодушный,
На эту сторону рѣки;
Толпой прилежной и послушной
За Нимъ идутъ ученики. *(Гр. А. Толстой).*

8. Тропарь на день Преображенія Господня.

Преобразился днесь Ты на горѣ, Христе,
И славу тамъ Твою ученики узрѣли,
Дабы, когда Тебя увидятъ на Крестѣ,
Страданье вольное Твое уразумѣли,
И проповѣдали вселенной до конца,
Что Ты — Сіяніе Отца. *(Филаретъ, М. Моск.).*

9. Чертогъ Твой вижу, Спасе мой!

Чертогъ Твой вижу, Спасе мой!
Онъ блещетъ славою Твоею;
Но я войти въ него не смѣю,
Но я одежды не имѣю,
Дабы предстать мнѣ предъ Тобой.
О, Свѣтодавче, просвѣти
Ты рубище души убогой;
Я нищимъ шелъ земной дорогой;
Любовью и щедротой многой
Меня къ слугамъ Своимъ причти!
(Кн. Вяземскій)

10. У б ѣ ж и щ е.

Пока пройдетъ нечестія мечта,
И вредныя разсѣются внушенья,
Зароемся въ ученіе Христа
И отсидимся въ крѣпости терпѣнья!
(Ѳ. Глинка).

11. Жизни дорога.

Чудное дѣло жизни дорога!
Пропасть да бездна: трудно безъ Бога!
Радостей свѣтскихъ ложны объятья!...
Ложны, невѣрны всѣ предпріятья...
Кинемся къ людямъ—люди въ тревогѣ.
Гдѣ-же покоя добудемъ мы?.. Въ Богѣ!
Есть у насъ книга съ Божіимъ Словомъ.
Если сгрустнется въ мірѣ суровомъ,
Къ ней обратися: книга святая—
Къ радостямъ рая дверь золотая!... *(Θ. Глинка).*

12. Цѣль жизни.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана!

Познавать Бога въ твореньи,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!
(Митр. Филаретъ).

13. О т ч е г о?

Отчего мы часто стонемъ
Отъ земныхъ работъ,
И порою словно тонемъ
Въ омутѣ заботъ?

Оттого, что голосъ тайный
Часто шепчетъ намъ:
«Быть земной—есть быть случайный,
«Домъ родимый—тамъ!..

«Тамъ и слуха нѣтъ о горѣ,
«Нѣтъ земныхъ заботъ:
«Есть и море—только море
«Тихихъ счастья водъ!..

«Выше звѣздъ необозримый
«Небосклонъ лежитъ;
«Тамъ для насъ непостижимый
«Нашъ Отецъ царитъ...

«Въ тѣ надзвѣздныя святыни,
«Въ тотъ кипучій свѣтъ,
«Нѣтъ полета для гордыни,
«Для порока нѣтъ!...»
(Θ. Н. Глинка).

14. Спасеніе Россіи ходатайствомъ Богоматери.

Въ 1395 году грозная туча собралась надъ Россіею. Тамерланъ, побѣдитель востока, побѣдитель Тохтамыша, шелъ на Россію. Всѣ храмы московскіе были отверсты съ утра до глубокой ночи; народъ постился и со слезами молился объ отвращеніи гнѣва Божія. Великій князь Василій просилъ митрополита, чтобы

принесена была икона Богоматери, съ которою боголюбивый князь побѣдилъ болгаръ. Необозримыя толпы народа со слезами и на колѣнахъ встрѣчали Богоматерь; слышенъ былъ одинъ голосъ всѣхъ: Матерь Божія! спаси землю русскую! И Матерь христіанъ спасла Россію. Въ тотъ самый день и часъ, когда жители Москвы встрѣтили икону чудотворную на Кучковомъ полѣ,—Тамерланъ, испуганный видѣніемъ жены свѣтоносной, поспѣшно вышелъ изъ Россіи. Такъ Тамерланъ, не причинивъ вреда Россіи, успѣлъ только въ томъ, что, къ счастію Россіи, сокрушилъ орду Кипчакскую. «Намъ, князь,—писалъ современникъ пр. Кириллъ,—намъ, которые видѣли преславныя и великія чудеса Пречистой Госпожи Богородицы, остается душою и сердцемъ радоваться, со страхомъ помышлять о томъ, какъ въ послѣдній сей родъ сподобилъ насъ Богъ Пречистою Своею Матерію такъ чудесно избавить христіанскій родъ отъ нашествія иноплеменныхъ враговъ».

(Ист. рус. церкви, Филарета Гумилевскаго, пер. 2, стр. 26).

15. Небесная Гостья.

I. Однажды, въ глубокую ночь, преподобный Сергій совершалъ свое келейное правило и передъ иконою Богоматери пѣлъ акаѳистъ, что́ онъ дѣлалъ, по своему обычаю, ежедневно. Часто взиралъ онъ на святую икону и усердно молилъ Матерь Божію о своей обители. «Пречистая Мати Христа моего», взывалъ святой старецъ, «ходатаица, заступница и крѣпкая помощница рода человѣческаго! Буди и намъ недостойнымъ ходатаицей,—присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призритъ Онъ милостиво на святое мѣсто сіе, посвященное въ похвалу и честь Его святого имени на вѣки! Тебя, Матерь сладчайшаго моего Христа Іисуса, призываемъ на помощь рабы Твои, ибо Ты имѣешь великое дерзновеніе у Сына Твоего и Бога! Будь же всѣмъ спасительное упокоеніе и пристанище!»

Такъ *молился* преподобный; его чистое сердце горѣло благодатнымъ пламенемъ, его смиренный умъ весь погруженъ былъ въ молитву, и онъ, какъ дитя, въ простотѣ души бесѣдовалъ съ Пречистой Матерію всѣхъ, возлюбившихъ чистымъ сердцемъ Ея Божественнаго Сына.

II. Окончивъ молитву, онъ сѣлъ для отдохновенія; но вдругъ его святая душа ощутила приближеніе небеснаго явленія, и онъ сказалъ своему келейному ученику, преподобному Михею: «бодрствуй, чадо: мы будемъ въ сей часъ имѣть чудесное посѣщеніе».

Едва сказалъ онъ это, какъ послышался голосъ: «се, Пречистая грядетъ!»...

Тогда старецъ всталъ и поспѣшно вышелъ въ сѣни: здѣсь осіялъ его свѣтъ паче солнечнаго, и онъ узрѣлъ Преблагословенную Дѣву, сопровождаемую апостолами Петромъ первоверховнымъ и Іоанномъ дѣвственникомъ—Богословомъ... Не въ силахъ будучи вынести этого чуднаго сіянія и неизреченной славы Матери Свѣта, преподобный Сергій палъ ницъ; но благая Матерь прикоснулась къ нему рукою и ободрила его словами благодати: «не бойся, избранниче Мой», изрекла Она, «Я пришла посѣтить тебя; услышана молитва твоя объ ученикахъ твоихъ; не скорби больше и объ обители твоей: отнынѣ она будетъ имѣть изобиліе во всемъ, и не только при жизни твоей, но и по отшествіи твоемъ къ Богу Я не отступна буду отъ мѣста сего, и всегда буду покрывать его»... Сказала такъ и—стала невидима...

III. Вострепеталъ старецъ отъ страха и радости; нѣсколько минутъ былъ какъ бы въ восторженномъ состояніи, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что ученикъ его Михей лежитъ на полу, какъ бы умершій: великій наставникъ могъ видѣть Царицу Небесную и слышалъ голосъ Ея; а ученикъ, пораженный ужасомъ, не въ состояніи былъ видѣть все и видѣлъ только свѣтъ небесный...

— «Встань, чадо мое», кротко сказалъ старецъ. Михей пришелъ въ чувство, поднялся, но тутъ же упалъ къ ногамъ пр. Сергія. «Скажи, отче, Господа ради», говорилъ онъ: «что это за чудное видѣніе? Душа моя едва не раздѣлилась отъ тѣла»...

Но Сергій и самъ еще не могъ говорить отъ душевнаго волненія, только лицо его цвѣло небесною радостію. «Подожди, чадо», сказалъ онъ ученику: «и моя душа трепещетъ отъ этого видѣнія».

Когда наконецъ старецъ нѣсколько успокоился, то послалъ Михея пригласить двоихъ благоговѣйныхъ мужей изъ братіи—Исаакія молчальника и Симона экклесіарха. Тѣ поспѣшили на зовъ своего старца-игумена, и онъ разсказалъ имъ все, что сейчасъ было у него въ келліи. И всѣ вмѣстѣ совершили они молебное пѣніе Богоматери, а пр. Сергій всю ночь провелъ безъ сна, внимая умомъ Божественному видѣнію, которое было вѣнцомъ его подвиговъ еще здѣсь, на землѣ. «Не гаданіемъ, не въ сонномъ видѣніи, а на яву видѣлъ онъ Матерь Божію, какъ видѣлъ Ее нѣкогда преподобный Аѳанасій Аѳонскій», замѣчаетъ при семъ лѣтописецъ.

IV. По древнему преданію, записанному въ Никоновой лѣтописи, это небесное посѣщеніе было въ постъ Рождества Христова, въ ночь съ пятницы на субботу и, какъ думаютъ, въ 1384 году...

Въ благодарное воспоминаніе сего чуднаго посѣщенія, въ обители пр. Сергія установлено каждую пятницу, съ вечера, совершать всенощное бдѣніе, съ акаѳистомъ Богоматери, въ юго-западномъ притворѣ Троицкаго собора, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стояла келлія пр. Сергія, и гдѣ красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествіе небесной Гостьи. А каждую субботу послѣ ранней литургіи въ церкви пр. Никона, въ томъ же притворѣ, совершается молебное пѣніе во славу Богоматери, при чемъ поется нарочито составленный, по образу пасхальнаго, канонъ въ воспоминаніе сего посѣщенія (попеременно съ двумя другими канонами).
(*Изъ кн. «Житіе и подвиги препод. Сергія Радон.» Іер. Никона*).

16. Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ.
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

—

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

—

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

—

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

(*М. Лермонтовъ*).

17. Чудесная книга.

За дальней Сибирью, по сосѣдству съ Китаемъ, на берегу Тихаго океана, лежитъ страна Японія, языческой вѣры; но теперь въ ней довольно сильно распространяется и Евангельское ученіе, и есть уже не мало православныхъ христіанъ, имѣющихъ даже нѣсколько своихъ священниковъ изъ японцевъ. Разсказываютъ слѣдующую любопытную исторію, какъ началось тамъ христіанство.

Одинъ знатный японецъ изъ города Іеддо (столица Японіи)

разъ вышелъ погулять на берегъ морского залива. Незадолго передъ тѣмъ изъ гавани отплыли англійскіе и американскіе корабли. На мѣстѣ стоянки ихъ вельможа увидѣлъ плавающимъ какой-то предметъ и приказалъ своему провожатому достать его изъ воды. Это была книга. Взявши ее въ руки, японецъ увидѣлъ, что книга эта напечатана на иностранномъ языкѣ и читать ее онъ не можетъ. Отъ голландскихъ купцовъ узналъ онъ, что это Новый Завѣтъ на англійскомъ языкѣ и что множество людей вѣрятъ въ него, какъ въ слово Божіе. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ японецъ узналъ, что книга эта переведена на китайскій языкъ, который онъ понималъ, и можетъ быть куплена въ китайскомъ городѣ Шанхаѣ. Онъ написалъ туда, и книгу выслали. Тогда въ обществѣ пяти — шести друзей сталъ онъ время отъ времени ее почитывать и знакомиться, что̀ въ этой святой книгѣ заключается. Въ душу читавшихъ палъ духовный свѣтъ. Слово Христово такъ тронуло вельможу, какъ не трогало до того времени никакое другое писаніе. Самъ онъ говорилъ о своемъ чтеніи такъ: «Никогда прежде не видалъ я такой личности (какъ Христосъ) и не слыхалъ ничего подобнаго; не читывалъ ничего въ этомъ родѣ и не мечталъ о подобныхъ вещахъ; никогда не представлялъ себѣ возможности подобныхъ рѣчей и дѣлъ». Чтеніе Евангелія продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ услыхавши, что въ ближній городъ Нангасаки пріѣхалъ одинъ христіанскій миссіонеръ (проповѣдникъ Христовой вѣры), японецъ пригласилъ его къ себѣ, бесѣдовалъ съ нимъ и на всѣ свои вопросы получилъ удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ знаменитый японскій сановникъ и двое изъ его друзей безъ всякаго посторонняго вліянія увѣровали въ Того, о Комъ говоритъ Писаніе. Когда они обратились къ миссіонеру съ просьбой о крещеніи, онъ нашелъ ихъ къ принятію крещенія совершенно подготовленными. Это были первые японцы, увѣровавшіе во Христа.

18. Сельскій священникъ.

У церкви сельской, за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ, догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.

(Козловъ).

19. Сельская церковь.

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ;
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу [1]),
И апостола Павла съ крестомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ—старикъ
На свою колокольню—руину [2]);
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись—и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведреномъ днѣ...

(Некрасовъ).

20. Свѣча предъ иконой.

Дорогъ мнѣ предъ иконой,
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженный
Чьей, невѣдомо, рукой.
Знаю я—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ,—
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ.
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и утѣшенья
Въ вѣчность глянувшей души.

(Майковъ).

21. Всенощная въ деревнѣ.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной—
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится.

---

[1]) Карнизъ—стѣнное украшеніе подъ потолкомъ.
[2]) Руина—старое, развалившееся зданіе.

Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая.
Воздвигла Божій храмъ
Сума торговая—
И службы Божія
Богато справлены:
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ, и младъ войдетъ—
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится.
И стройно клирное
Несется пѣніе
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ.
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладона.
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

(И. Аксаковъ).

22. Св. Апостолъ Андрей Первозванный.

I. Апостолъ Андрей называется «Первозваннымъ» потому, что онъ первый послѣдовалъ за Спасителемъ, слушая Его проповѣдь къ народу. Онъ и братъ его Петръ родились въ Виѳсаидѣ и занимались рыболовствомъ. Спаситель, увидя ихъ за этимъ занятіемъ, сказалъ: «подите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ.»

II. Послѣ вознесенія Господня и сошествія Святаго Духа, апостолы разошлись учить народы слову Божію. Апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ Греціи, въ Малой Азіи, на берегахъ Чернаго моря и дошелъ до страны Скиѳовъ. Эта страна, въ то время дикая и неизвѣстная, находилась на югѣ теперешней Россіи; о ней тогда мало знали. Наставляя этихъ дикарей, св. Андрей съ терпѣніемъ переносилъ гоненія отъ язычниковъ и варваровъ за свое ученіе и своей кротостью все-таки находилъ послѣдователей Христу. Онъ доходилъ до того мѣста, гдѣ построенъ былъ впослѣдствіи Кіевъ, и водрузилъ крестъ на одномъ изъ холмовъ его, сказавъ при этомъ: «здѣсь возсіяетъ благодать Божія».

III. Былъ онъ и въ Византіи и ужъ въ преклонныхъ лѣтахъ дошелъ до города Патръ, гдѣ его ожидала мученическая смерть. Слушая его святое ученіе, многіе жители, въ томъ числѣ и жена самого правителя Егеата и братъ его философъ [1]) Стратоклей, оставили идоловъ и обратились къ истинному Богу. Самъ прави-

[1]) Философъ—любитель мудрости.

тель города въ это время былъ въ Римѣ, гдѣ царствовалъ тогда жестокій императоръ Неронъ.

IV. Возвратившись домой, Егеатъ узналъ, что христіанство сильно распространяется по городу и проникло даже въ его семейство. Полный гнѣва, онъ сталъ принуждать св. Андрея принести жертвы языческимъ богамъ. Но тотъ открыто и смѣло сталъ проповѣдывать ему ученіе Христа и уговаривалъ самого Егеата тоже увѣровать въ Спасителя.

Егеатъ началъ хулить Господа и ученіе.

«— За это ложное ученье, говорилъ онъ, Іудеи распяли Учителя Твоего Іисуса».

— О если бы ты захотѣлъ понять тайну креста! воскликнулъ Андрей.—Не неволею, а добровольно пострадалъ на немъ Спаситель нашъ, чтобы искупить людей своихъ.

— Удивляюсь, сказалъ Егеатъ,—какъ ты можешь вѣровать въ человѣка, который какимъ-бы то ни было образомъ, волею или неволею, былъ пригвожденъ ко кресту?

Смерть крестная у Римлянъ считалась самою позорною казнію, на нее осуждали самыхъ злѣйшихъ преступниковъ.

V. Андрей сталъ славить Господа и объявилъ Егеату, что съ радостью приметъ крестную смерть за имя Господне, и началъ объяснять тайну искупленія рода человѣческаго черезъ крестную смерть Іисуса Христа. Егеатъ велѣлъ Андрея посадить въ темницу. Въ молитвѣ и въ бесѣдахъ съ вѣрующими провелъ Андрей всю ночь.

VI. На другое утро Егеатъ сталъ снова убѣждать св. Андрея отречься отъ Господа. Но, когда тотъ отказался, онъ велѣлъ его жестоко бить и началъ опять грозить ему крестною смертью.

— Я болѣе скорблю о твоей гибели, сказать на это св. Андрей, нежели о своихъ страданіяхъ, потому что мои страданія продолжатся день, два, а твои—будутъ безъ конца.

VII. Егеатъ, чтобы продлить страданія святого, велѣлъ не пригвоздить, а привязать его ко кресту. Когда вели святого на казнь, народъ толпился вокругъ него и спрашивалъ: чѣмъ согрѣшилъ этотъ праведникъ? Но Андрей своими внушеніями усмирилъ народъ, начинавшій сильно волноваться. Андрея привязали къ кресту и высоко подняли. Мучительно было висѣть святому, не имѣя ни малѣйшій опоры. Но и въ этихъ страшныхъ мученіяхъ онъ съ креста продолжалъ поучать народъ.

VIII. Дни и ночи проходили такимъ образомъ. Св. старецъ не переставалъ бесѣдовать съ народомъ; но продолжительное его мученіе

усиливало ропотъ и неудовольствіе въ окружающихъ. Наконецъ, народъ съ крикомъ окружилъ домъ Егеата, требуя снять св. страдальца со креста. Егеатъ, устрашась волненія, самъ пошелъ на мѣсто казни, чтобы при немъ сняли св. Андрея со креста.

IX. Когда слуги Егеата начали отвязывать святого страдальца отъ креста, апостолъ Андрей поднялъ глаза къ небу и воскликнулъ: — не допусти, Господи, снять меня съ креста и не лиши меня подобія Твоей смерти. Не дай поколебаться тѣмъ, кто возлюбилъ Тебя черезъ мое ученіе... Прими меня съ миромъ». Сказавъ это, апостолъ умеръ, а лице его просіяло небеснымъ свѣтомъ.

(Изъ Ч. М.).

23. Святый Поликарпъ, Епископъ Смирнскій.

I. Какъ яркое свѣтило, сіялъ своею мудростію и святостію жизни св. Поликарпъ въ малоазіатскомъ городѣ Смирнѣ. Число вѣрующихъ все больше и больше возрастало, увеличиваясь новыми христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ. Это-то и было причиною, что закоренѣлые въ своихъ предразсудкахъ іудейскіе и языческіе старшины, изъ боязни, чтобы ихъ вѣра не исчезла окончательно, обратили свои взоры на св. Поликарпа и задумали погубить его. Чтобы легче достигнуть своей цѣли, они стали распускать разные ложные и нелѣпые толки о христіанахъ, которымъ вѣрили темные язычники и разносили ихъ по всей странѣ.

II. Такъ, язычникамъ удалось подслушать разговоры христіанъ о томъ, что они въ своихъ богослужебныхъ собраніяхъ ѣдятъ Тѣло и пьютъ Кровь Господню. Не понимая значенія и сущности величайшаго таинства христіанскаго, установленнаго Самимъ Спасителемъ, преподавшимъ Своимъ ученикамъ подъ видомъ хлѣба и вина Свое Пречистое Тѣло и Кровь, язычники распространили по всей странѣ молву, будто христіане на своихъ собраніяхъ ѣдятъ тѣло и пьютъ кровь убиваемыхъ ими язычниковъ. Это нѣсколько похоже на то, какъ нѣкоторые суевѣрные христіане и въ наше время распускали слухъ, яко бы евреи употребляютъ въ пищу кровь христіанскихъ дѣтей. Очевидно, это — грѣшная и безумная клевета, какою была и клевета на первыхъ христіанъ, будто тѣ ѣдятъ тѣло и пьютъ кровь человѣческую. Но въ тѣ времена правду трудно было найти. Пущенная въ ходъ противъ христіанъ клевета быстро распространялась по городамъ и селамъ, и всюду ей вѣрили. Народъ яростно озлобился на христіанъ; каждый язычникъ считалъ своею священною обязанностью доносить на христіанъ и убивать этихъ кровопійцъ, питающихся тѣ-

ломъ человѣческимъ! Тяжкія времена настали для невинныхъ христіанъ. Станетъ, бывало, какой-нибудь озлобленный язычникъ выдумывать и разсказывать разныя небылицы о христіанахъ, и вокругъ него собирается толпа разъяреннаго народа. Попадается вблизи домъ христіанскій, язычники нападутъ на него, грабятъ и, ломаютъ все; всякаго христіанина, попавшагося въ ихъ руки, подвергаютъ страшнымъ мукамъ и истязаніямъ и затѣмъ безжалостно убиваютъ. Хуже всего приходилось, когда язычники схватывали христіанъ на ихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Къ нимъ туда врывалися съ оружіемъ въ рукахъ, рубили мечами, убивали дубинами. Суда и защиты негдѣ было искать христіанамъ. Все начальство—и гражданское, и военное—составляли язычники, жестокіе гонители Христовой вѣры, которую они считали вредною и гибельною съ ея высокими правилами о любви къ ближнему и свободѣ человѣческой!

III. Въ 167 году въ городѣ Смирнѣ іудеи сговорились съ язычниками перебить всѣхъ христіанъ. Собрались толпы народа, и несчастныхъ христіанъ ловили и немилосердно мучили. «Гдѣ Поликарпъ»? кричала толпа; «гдѣ оскорбитель нашихъ боговъ»? разнесся по улицамъ крикъ. Скоро узнали, что св. мужъ находится недалеко, въ загородномъ домѣ, съ своими друзьями на молитвѣ. Разъяренные язычники тотчасъ окружили домъ. Хозяинъ дома вмѣстѣ съ Поликарпомъ вышли къ толпѣ и велѣли угостить ее разными кушаньями и напитками. Пока жадные язычники ѣли и пили, св. Поликарпъ молитвою готовился къ предстоящей смерти. Потомъ схватили его и съ безчестьемъ, поруганіемъ и побоями повели къ правителю города. Начальникъ, взглянулъ на святое лицо мученика, почувствовалъ къ нему уваженіе, старался избавить отъ лютой смерти и ласково говорилъ ему: «ты видишь, старикъ, противъ тебя озлобленъ народъ; смерть твоя неизбѣжна, если ты не отречешься отъ Христа и не поклонишься нашимъ богамъ». Спокойно и безъ страха св. Поликарпъ отвѣтилъ на это: «Восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Христу, и Онъ ничѣмъ не оскорбилъ меня. Какъ я могу хулить и оскорблять Царя моего, Который спасъ меня»? — «Да, я вижу, сказалъ правитель, что тебѣ хочется умереть. Но ты подумай только, какая страшная смерть предстоитъ тебѣ; ты погибнешь отъ когтей и зубовъ лютыхъ звѣрей». — «Прикажи выпустить ихъ на меня: не боюсь я ихъ», безстрашно молвилъ св. старецъ. — «Я прикажу тебя сжечь огнемъ», грозилъ начальникъ.

— И огонь твой мнѣ не страшенъ: онъ погоритъ немного и потухнетъ.

Такой разговоръ продолжался въ судѣ больше часу, и народъ, наполнявшій дворъ суда, соскучился и сталъ волноваться. Вдругъ раздался неистовый крикъ: «сжечь на кострѣ противника нашихъ боговъ! Несите дрова и солому! Смерть ему!»... И правитель утвердилъ этотъ смертный приговоръ. Бѣшеная толпа опять схватила мученика, опять стала издѣваться надъ нимъ и, наконецъ, взвела на костеръ и зажгла его. Съ радостной улыбкой и свѣтлымъ взоромъ смотрѣлъ святой старецъ на приготовленный для него костеръ. Потомъ возвелъ очи къ небу, помолился, возблагодарилъ Господа, сподобившаго его мученической смерти, и мужественно вступилъ въ огонь среди неистовыхъ криковъ восторга язычниковъ и тихихъ слезъ христіанъ, съ болью въ сердцѣ наблюдавшихъ смерть своего великаго пастыря и учителя.

Любящіе и благодарные ученики собрали и сохранили пепелъ своего сожженнаго учителя.

Такъ окончилъ жизнь свою одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ Христовой церкви, ученикъ св. Іоанна Богослова. Сожгли его тѣло, но не могли сжечь безсмертнаго духа, веселящагося нынѣ въ райскихъ обителяхъ Отца Небеснаго.

(Прот. Наумовичъ).

24. Святые седмь отроковъ Ефесскихъ.

I. Въ царствованіе римскаго императора Декія, жестокаго гонителя христіанъ, изъ числа многихъ исповѣдниковъ вѣры Христовой, не хотѣвшихъ поклоняться идоламъ, открыто объявили себя христіанами седмь отроковъ, изъ лучшихъ фамилій Ефесскихъ гражданъ. Имъ данъ былъ срокъ обдумать, что имъ лучше избрать: свободу ли и всѣ возможныя почести, если они признаютъ языческихъ боговъ, или мучительную смерть за имя и званіе христіанъ. Благочестивые отроки, отъ младенчества воспитанные въ христіанскомъ благочестіи, единодушно рѣшились пострадать за вѣру Христову. Они данное имъ время употребили на дѣла благотворенія бѣднымъ и затѣмъ, чтобы въ безмолвіи лучше укрѣпиться на подвигъ мученичества, они удалились за городъ въ одну пещеру и тамъ пребывали въ прилежной уединенной молитвѣ.

II. Когда узнали объ удаленіи ихъ въ пещеру и ихъ твердой рѣшимости остаться христіанами, царь велѣлъ заживо схоронить ихъ въ пещерѣ, заваливъ входъ въ нее камнями. Но Господь, восхотѣвъ явить славу имени Своего, опредѣлилъ, чтобы эти св. отроки на много лѣтъ уснули и потомъ силою Божіею пробудились отъ своего чуднаго сна, засвидѣтельствовавъ тѣмъ истину и

нашего воскресенія изъ мертвыхъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Чрезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ, когда владѣтелю мѣста, гдѣ была пещера, понадобились камни и онъ отобравши ихъ, открылъ входъ въ пещеру, тогда св. мученики, въ нетлѣніи тѣлесъ своихъ почивавшіе въ этой пещерѣ, силою Господа І. Христа воскресли и, какъ бы пробудившись отъ сна, воздали обычную утреннюю хвалу Богу. Потомъ одинъ изъ нихъ, по имени Ямвлихъ, вышедши изъ пещеры, отправился въ городъ, чтобы купить себѣ пищи.

III. Въ это время вѣра христіанская уже распространилась въ Бимской имперіи, и потому воскресшій отрокъ, представлявшій городъ Ефесъ исполненнымъ идольскихъ капищъ, какимъ онъ былъ въ царствованіе Декія, изумился, увидавъ на всѣхъ вратахъ города знаменіе креста Христова и услышавъ повсюду произносимое безъ страха имя І. Христа. Сначала изумленный отрокъ подумалъ, что онъ заблудился и вошелъ въ другой городъ, но ему сказали, что этотъ городъ дѣйствительно Ефесъ, гдѣ онъ родился и гдѣ онъ уже не находилъ ни извѣстныхъ ему зданій, ни встрѣчалъ знакомыхъ ему лицъ. Потомъ когда Ямвлихъ за купленный хлѣбъ сталъ давать серебряную монету, имѣвшую надпись и изображеніе одного изъ древнѣйшихъ царей, то торговецъ, подумавъ, что отрокъ нашелъ древнее сокровище, задержалъ его и представилъ начальнику города, которому онъ и разсказалъ все случившееся съ нимъ и его шестью товарищами. Начальникъ города и епископъ отправились къ пещерѣ и дѣйствительно нашли въ ней отроковъ, чрезъ которыхъ явлено было людямъ столь дивное успеніе и возстаніе. Всѣ прославляли Бога, дивнаго во святыхъ своихъ, и утвердились такимъ образомъ въ истинѣ воскресенія мертвыхъ. Когда святые седмь отроковъ вскорѣ послѣ того снова уснули сномъ смерти до будущаго всеобщаго воскресенія, то въ честь и память ихъ устроили торжество, и св. церковь, сопричисливъ ихъ къ лику св. мучениковъ, воспоминаніемъ ихъ дивнаго успенія и возстанія возбуждаетъ и въ насъ спасительную мысль о нашемъ воскресеніи изъ мертвыхъ въ день всеобщаго суда.—*(Изъ Ч. М).*

25. Св. великомученикъ Георгій.

Св. великомученикъ Георгій происходилъ изъ Каппадокіи отъ христіанъ и получилъ хорошее воспитаніе. Поступивъ въ воинскую службу, онъ обратилъ на себя вниманіе императора своею мужественною красотою и скоро сдѣлался военачальникомъ. По своему званію, онъ участвовалъ въ государственныхъ совѣщаніяхъ.

Увидѣвъ, что дѣйствія правительства направляются противъ христіанъ, онъ рѣшился исповѣдать и защищать свою вѣру. Распорядившись своимъ имуществомъ, онъ явился въ совѣтъ императора, гдѣ въ тотъ день должна была рѣшиться участь христіанъ, и мужественно защищалъ ихъ. Георгія сперва заковали въ колоды и на грудь его навалили камень; потомъ привязали къ колесу, обращавшемуся надъ желѣзными гвоздями, и ими терзали его тѣло; полагали его въ негашеную известь; далѣе его обули въ сапоги съ острыми гвоздями и били воловьими жилами до тѣхъ поръ, пока тѣло его съ кровію какъ-бы прикипѣло къ землѣ. Но послѣ всякой казни тѣло св. великомученика, вслѣдствіе молитвы къ Господу, мгновенно исцѣлялось. Императоръ Діоклитіанъ, приписывал эти чудеса волшебству, приказалъ знаменитому тогда волшебнику Аѳанасію приготовить отраву для св. Георгія, но и отрава не произвела на него своего дѣйствія. Изумленный волшебникъ торжественно исповѣдалъ Іисуса Христа и былъ обезглавленъ, по приказанію императора. Тогда Діоклитіанъ льстивыми обѣщаніями сталъ склонять Георгія къ отреченію отъ христіанства. Георгій изъявилъ желаніе итти въ храмъ Аполлона. Императоръ и Георгій, сопровождаемые дворомъ и народомъ, входятъ въ храмъ; всѣ ожидаютъ, что св. мученикъ принесетъ жертву богамъ. Но св. Георгій сотворилъ крестное знаменіе—и идолы съ шумомъ упали на землю. Тогда императоръ, по требованію жрецовъ, приказалъ отсѣчь исповѣднику голову. Чудесныя страданія св. Георгія обратили ко Христу супругу Діоклитіанову Александру и множество другихъ язычниковъ. Царица Александра также сдѣлалась мученицею за Христа. *(Ч. М).*

26. Правдивость христіанина.

Блаженный Августинъ повѣствуетъ о св. Фирмѣ, епископѣ Тагасты въ Африкѣ, слѣдующее. Одинъ изъ языческихъ князей въ Африкѣ преслѣдовалъ и искалъ убить невиннаго друга св. Фирма. Гонимый, не находя нигдѣ убѣжища, довѣрился дружбѣ и состраданію епископа и былъ имъ скрытъ; но сыщики княжескіе открыли его убѣжище и съ угрозами требовали у св. Фирма указать мѣсто, гдѣ скрылся другъ его. «Я не могу вамъ ничего сказать, отвѣчалъ онъ, потому что не могу ни солгать, ни открыть убѣжища того, кого вы ищете». Его подвергли мучительной пыткѣ и грозили даже смертію. «Я сумѣю перепесть и мученія, сумѣю и умереть, отвѣчалъ доблестный пастырь, но ничего не выскажу вамъ теперь, когда мнѣ предстоитъ измѣнить

или истинѣ, или любви христіанской». Изумленный величіемъ души епископа, князь языческій далъ ему обѣщаніе не только не убивать, но и не преслѣдовать его друга.

«Какихъ похвалъ не заслуживаетъ, восклицаетъ блаженный Августинъ, этотъ славный пастырь, возлюбившій истину до того, что и при самой смерти не захотѣлъ осквернить устъ своихъ ложью!» *(В. Ч. XII. 326).*

27. Необыкновенная милостыня.

I. Святый Павлинъ, епископъ Ноланскій, былъ прежде сенаторомъ [1]) римскимъ и имѣлъ большое состояніе, но все расточилъ на дѣла милосердія, потому что необыкновенно былъ милостивъ и сострадателенъ къ бѣднымъ. Когда же впослѣдствіи времени онъ былъ епископомъ въ Ноланѣ, и вандалы, напавши на Италію, захватили въ плѣнъ и отвели въ Африку многихъ изъ принадлежащихъ къ его епархіи [2]), тогда онъ все, что имѣлъ, и что было въ епископіи, роздалъ для выкупа плѣнныхъ и на пропитаніе обнищавшимъ отъ варварскаго нашествія, такъ что у него уже рѣшительно ничего не осталось.

II. Въ это время приходитъ къ нему одна бѣдная вдова и, рыдая, говоритъ ему: «Мой сынъ, единственная опора въ старости моей, взятъ въ плѣнъ вандалами, и, какъ слышно, находится у вандальскаго князя, зятя царскаго; умоляю твою святыню, дай мнѣ что-нибудь на выкупъ его».

III. Растроганный рыданіемъ бѣдной матери до глубины сердца, св. Павлинъ не зналъ, что ему дѣлать. Доселѣ онъ никому не отказывалъ въ милостынѣ и никого не отпускалъ отъ себя безъ утѣшенія. И вдругъ родилась у него необыкновенная мысль, а съ мыслію соединилась и твердая рѣшимость, и онъ сказалъ ей: «Нечего мнѣ дать тебѣ, кромѣ себя самого; итакъ, я отдаю себя въ твою власть; возьми и отдай меня, какъ бы своего раба, за сына своего». Услышавши отъ него такія слова, вдова приняла ихъ какъ бы за насмѣшку; но святитель увѣрилъ ее, что онъ говоритъ ей правду, и уговорилъ ее отдать его за сына.

IV. И вотъ, они отправились къ вандаламъ. Тамъ вдова пала къ ногамъ князя, у котораго находился сынъ ея, и со слезами умоляла отдать ей сына, который только одинъ у ней; но князь и слышать не хотѣлъ о томъ. Когда же она, указавъ ему на

---

[1]) Сенаторъ—членъ сената, высшаго правительственнаго мѣста.

[2]) Епархія—область (губернія), духовныя дѣла которой находятся подъ управленіемъ архіерея.

угодника Божія, Павлина, сказала, что она отдастъ его вмѣсто сына; тогда князь, спросивши его, какое знаетъ онъ ремесло, и узнавши отъ него, что онъ искусный садовникъ, согласился принять его вмѣсто юноши.

V. Вдова съ сыномъ возвратились домой; а св. Павлинъ остался работать въ саду князя. Князь часто началъ ходить въ садъ и, разговаривая съ новымъ своимъ садовникомъ, увидалъ въ немъ большой разумъ, и любилъ бесѣдовать съ нимъ.

VI. Въ одинъ день св. Павлинъ открылъ ему, что въ скоромъ времени совершатся важныя для него событія, и совѣтовалъ ему не отлучаться изъ столицы. Князь сообщилъ объ этомъ царю. Царь, подумавши, сказалъ: «Я хотѣлъ бы видѣть этого человѣка». Когда же св. Павлинъ, по приказанію князя, принесъ къ царскому столу зелень и плоды, царь, увидѣвъ его, смутился, и, подозвавъ къ себѣ зятя своего, сказалъ: «Я видѣлъ этого человѣка во снѣ; узнай отъ него, кто онъ такой. Мнѣ кажется, онъ не изъ простыхъ, потому что я видѣлъ его въ какомъ-то великомъ санѣ».—Князь, отведши его въ сторону, спросилъ его, кто онъ?—Человѣкъ Божій отвѣчалъ: «Я рабъ твой, принятый тобою вмѣсто сына вдовы».—«Я не о томъ спрашиваю тебя, кто ты нынѣ, но кто ты былъ въ своей сторонѣ», сказалъ ему князь, и заклиналъ его сказать ему всю правду. Тогда человѣкъ Божій, хотя и съ прискорбіемъ, открылъ ему, что онъ былъ епископомъ.

VII. Услышавъ это, господинъ его испугался и со смиреніемъ сказалъ ему: «Проси у меня, что ты хочешь; я желалъ бы отпустить тебя на твою сторону съ великими дарами». На это угодникъ Божій отвѣчалъ ему: «Одной милости прошу у тебя: отпусти всѣхъ плѣнниковъ изъ страны моей».

VIII. Просьба св. Павлина была исполнена; собраны были всѣ плѣнники изъ паствы его, и переданы ему. И добрый пастырь, напутствованный многими дарами, отправился въ отечество съ словеснымъ стадомъ своимъ, и былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ торжествомъ, радостію и съ безчисленными благословеніями.

(Ч. М.).

28. Образъ благотворенія.

Смотрите, не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго (Мо. VI, 1).

Въ тѣ дни, когда св. Василій Великій со славою правилъ Кесарійскою паствою, жилъ близъ Кесаріи одинъ пресвитеръ име-

немъ Анастасій. Былъ онъ мужъ добродѣтельный, воздержный, кроткій, особенно-же милосердный къ убогимъ и благотворительный. Его жена, Ѳеогнія, была достойною подругою своего добродѣтельнаго супруга; четырнадцать лѣтъ прожили они въ любви и согласіи, не какъ мужъ съ женою, а какъ братъ съ сестрою. Не имѣя дѣтей, они всѣ свои заботы, всю свою любовь отдали бѣднымъ, нищимъ, убогимъ и странникъ; оттого благодать Божія преизобильно почила на святыхъ супругахъ.

Св. Василій Великій.

Однажды св. Василій Великій сказалъ своему клиру: «дѣти мои, идите со мною, и мы узримъ славу Божію». Сказавъ это, великій святитель, окруженный клиромъ, вышелъ изъ города, не сообщивъ никому, куда онъ хочетъ итти.

Но благочестивый Анастасій силою Святаго Духа увѣдалъ, что св. архипастырь хочетъ посѣтить его домъ, и сказалъ своей женѣ-сестрѣ: «я иду работать на поле; ты-же, сестра моя, убери жилище наше, а въ девятый часъ, взявъ кадильницу и возженную свѣчу, выйди навстрѣчу святаго Василія архіепископа, который идетъ посѣтить насъ, грѣшныхъ». Удивилась благочестивая Ѳеогнія чуднымъ словамъ своего мужа, но безпрекословно исполнила все, приказанное имъ.

Въ девятомъ часу она вышла изъ дому и съ великою честью встрѣтила св. архипастыря. Св. Василій, благословивъ ее, спросилъ: «здрава-ли ты, Ѳеогнія»? Услышавъ свое имя, добродѣтельная жена удивилась и отвѣчала: «здрава, святитель Божій, раба твоя».—«Гдѣ Анастасій, братъ твой»? спросилъ ее снова святитель. «Владыко»,—отвѣчала она,—«онъ мужъ мой, и теперь работаетъ въ полѣ; но я сейчасъ пойду и призову его». «Не трудись», сказалъ св. Василій, «дома братъ твой».

Когда всѣ подошли къ дому пресвитера, ихъ встрѣтилъ самъ

Анастасій. Поклонившись св. архипастырю, онъ облобызалъ его и, введши въ домъ свой, омылъ ноги его. Потомъ всѣ пошли въ церковь, и св. Василій приказалъ Анастасію совершить божественную литургію. Напрасно смиренный пресвитеръ отказывался, предоставляя эту честь высокому гостю, — святитель напомнилъ ему о святости послушанія, и Анастасій приступилъ къ совершенію безкровной Жертвы. И вотъ, когда онъ предстоялъ св. престолу, Духъ Святый сошелъ въ видѣ огненнаго облака, осѣнившаго священнослужителя и весь алтарь, такъ что всѣ присутствующіе ужаснулись.

Пріобщившись св. таинъ, всѣ снова пошли въ домъ пресвитера, гдѣ гостепріимный хозяинъ предложилъ своимъ гостямъ скромный обѣдъ. Во время обѣда Василій Великій обратился къ Анастасію и спросилъ: «Скажи мнѣ, братъ мой, какое у тебя есть имѣніе, и какъ ты живешь? Повѣдай все откровенно».— «Святитель Божій», отвѣчалъ тогда пресвитеръ, «я человѣкъ грѣшный; имѣю я двѣ пары воловъ, и на одной пашу самъ свое поле, а на другой—мой работникъ. Доходы съ одной пары идутъ на наше содержаніе, а съ другой—на милостыню бѣднымъ; въ работахъ помогаетъ мнѣ жена моя»... «Зови ее сестрою,—прервалъ тогда его рѣчь прозорливый святитель,—и повѣдай мнѣ о прочихъ твоихъ добрыхъ дѣяніяхъ». «Владыко святый,—былъ смиренный отвѣтъ Анастасія,—я человѣкъ грѣшный и не знаю за собой никакой добродѣтели».

Тогда св. Василій сказалъ ему: «встань, пойдемъ вмѣстѣ со мною». Они встали изъ-за стола, и святитель, подведши хозяина къ запертой двери въ одну комнату, приказалъ: «отвори ее».— «Святитель Христовъ,—отвѣчалъ Анастасій,—не изволь входить сюда, ибо здѣсь лежитъ мое имѣніе».—«Я для того и пришелъ, чтобы видѣть твое имѣніе», произнесъ св. архипастырь и приказалъ дверямъ открыться. Тотчасъ двери сами собою отверзлись, и святитель, вошедши въ комнату, увидѣлъ здѣсь лежащаго на одрѣ неизлѣчимаго больного, за которымъ тайно отъ всѣхъ ухаживали хозяинъ и его благочестивая супруга. «Зачѣмъ»,—обратился тогда къ Анастасію Великій Василій,—хотѣлъ ты скрыть отъ меня свое богатство?—«Отецъ мой и владыко», оправдывался смущенный пресвитеръ, «прости меня, но этотъ страдалецъ очень раздражителенъ и сварливъ, и я боялся, что онъ оскорбитъ тебя».

Тогда св. архипастырь похвалилъ милосердіе Анастасія и сказалъ: «оставь меня въ этой комнатѣ на сегодняшнюю ночь, ибо

хочу и я раздѣлить съ тобою награду твою». Всѣ вышли и затворили двери, оставивъ святителя одного съ больнымъ.

Страдалецъ отъ лютыхъ мукъ лежалъ, какъ мертвый. Но великій чудотворецъ обратился за помощью къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ и всю ночь молился Господу. На утро-же онъ подошелъ къ одру болящаго и произнесъ надъ нимъ молитву. И тотчасъ всталъ разслабленный здравымъ и воскликнулъ: «слава Тебѣ, Боже, творящій волю боящихся Тебя»! Этотъ возгласъ услышалъ Анастасій и его прочіе гости, и когда они подошли къ комнатѣ больного, изъ нея вышелъ великій чудотворецъ Василій, ведя за руку исцѣленнаго, который славилъ Бога и святого Василія, и своего милосердаго хозяина, пресвитера Анастасія. *(Русск. Паломн. № 25-й 1887 г.).*

29. Повиновеніе власти.

Греческій царь Валентъ, держась Аріевой [1]) ереси, осудилъ на изгнаніе за рѣку Истръ Евсевія, епископа Самосатскаго. Чиновникъ, для исполненія этого приговора прибывшій въ Самосаты, не зналъ, какъ приступить къ дѣлу своему; ибо народъ любилъ святителя и готовъ былъ лучше рѣшиться на общій бунтъ, нежели отдать его въ руки неправосудія. Узнавъ это, св. Евсевій, поздно вечеромъ, призываетъ съ себѣ царскаго посланника и, принявъ ласково, говоритъ ему: «молчи и никому не объявляй причины твоего сюда прибытія; въ противномъ случаѣ, народъ взбунтуется и убьетъ тебя; я не хочу быть виновникомъ твоей смерти».

Послѣ того, Евсевій совершилъ вечернее славословіе Богу и, когда настала ночь, открылъ тайну и намѣреніе одному изъ слугъ. Въ началѣ ночи онъ возсталъ съ ложа своего и вышелъ изъ дома архіерейскаго, сопровождаемый вѣрнымъ сопутникомъ, который несъ за нимъ возглавіе и книгу—все богатство, которое святитель взялъ съ собою. Достигнувъ рѣки Ефрата, текущей близъ стѣнъ города, онъ отдалъ себя въ руки царскаго чиновника и, сѣвши въ лодку, поплылъ къ городу Зевгмѣ.

Жители Самосатскіе, узнавъ о судьбѣ своего любимаго святителя, пришли въ сильное волненіе, всѣ рыдали, всѣ спрашивали, въ которую сторону св. Евсевій направилъ путь свой, и когда узнали, что цѣлію его путешествія, на первый разъ, есть городъ Зевгма, сѣли въ разныя лодки и съ поспѣшностію устре-

---

1) Аріане—еретики, нечестиво и ложно учившіе о Сынѣ Божіемъ.

мились за архіереемъ Божіимъ. Они достигли его тамъ, гдѣ надѣялись; ихъ плачъ и рыданіе слышны были издалека.

Какихъ ни истощали тутъ они просьбъ и моленій, чтобъ возвратить къ себѣ пастыря своего и учителя! какихъ ни употребляли убѣжденій! они припадали къ ногамъ его, омочали ихъ своими слезами, увѣряя, что паства его достанется какому-нибудь хищному волку-аріанину; но св. Евсевій на каждое новое убѣжденіе отвѣчалъ только этими словами: *всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется; нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіеся же себѣ грѣхъ пріемлютъ* [1]). Такъ, дѣти мои, каждый разъ присовокуплялъ онъ: невозможно мнѣ, подданному, противиться царскому повелѣнію; также и вы, какъ подданные, будете несчастны здѣсь и въ будущей жизни, если не будете послушны волѣ царской. Я первый, въ семъ случаѣ, готовъ обвинить васъ».

Народъ, видя непреклонность своего пастыря, представлялъ ему на путь разные дары: иной злато и сребро, иной одежды, иной рабовъ; но святому человѣку, кромѣ книги и самой простой одежды, ничего было не нужно. Единственно въ угожденіе духовныхъ чадъ своихъ, онъ взялъ съ собою нѣсколько маловажныхъ вещей—напомнилъ всѣмъ, чтобы твердо держались догматовъ православной вѣры, помолился о нихъ, благословилъ и отправился въ предлежащій путь. *(Уч. бл. т. II).*

30. Нестяжательность святителя Спиридона.

I. Однажды императоръ Констанцій, сынъ Константина Великаго, будучи боленъ, увидѣлъ во снѣ, что Спиридонъ можетъ исцѣлить его; онъ призвалъ его, и, дѣйствительно, Господь исцѣлилъ царя молитвами святого епископа. Констанцій захотѣлъ богато наградить его и предлагалъ ему много денегъ; но святитель отказался отъ даровъ и говорилъ царю: «что я сдѣлалъ для тебя, то сдѣлалъ я по любви; по любви къ тебѣ я переплылъ море и предпринялъ трудный и дальній путь; а ты за любовь мою хочешь платить деньгами, которыя суть источникъ всякаго зла и вражды». Но царь настаивалъ, и тогда Спиридонъ, принявъ отъ него деньги, тотчасъ же роздалъ ихъ бѣднымъ.

II. Въ другой разъ Спиридонъ, усмотрѣвъ въ ученикѣ своемъ желаніе земного богатства, сказалъ ему: «что ты все думаешь о

---

1) Къ Римл. XIII, 1, 2.

суетномъ, желая земного богатства, селъ и виноградниковъ. Все это не имѣетъ истинной цѣны и обманываетъ человѣка, привлекая его мысли и желанія. Можемъ ли мы думать объ этомъ, когда знаемъ, что у насъ на небесахъ богатство неотъемлемое, домъ нерукотворенный? Того богатства ищи, котораго у тебя никто не отниметъ, которое не перейдетъ отъ тебя къ другому, но будетъ вѣчно принадлежать тебѣ, если ты его однажды пріобрѣтешь». *(Ч. М. Дек.).*

31. Корень лиліи.

Въ сжатой рукѣ одной египетской муміи [1]) нашли однажды старый засохшій корень какого-то растенія. Сколько лѣтъ прошло, какъ онъ былъ погребенъ вмѣстѣ съ муміей, никто не зналъ; одни говорили, что двѣ, а другіе—три тысячи лѣтъ назадъ. Извѣстно только, что сухой найденный корень положили въ сырую землю, и вотъ, черезъ нѣсколько времени, показалось изъ земли свѣжее растеніе, и скоро расцвѣла изъ него прекрасная, душистая лилія.

Образъ лиліи представляетъ сердцу нашему радостное утѣшеніе.

Мертвое тѣло, которое мы, можетъ быть, сегодня положимъ въ могилу, опять воскреснетъ.

Посѣянное тлѣннымъ, безобразнымъ, распадающимся, выростетъ въ нетлѣніи, славѣ и великолѣпіи.

Это можетъ показаться невѣрующему очень удивительнымъ; но и перерожденіе усохшаго корня лиліи въ цвѣтущее состояніе и красоту не менѣе чудесно. Одинъ и тотъ же всемогущій Богъ совершаетъ оба чуда. Чудеса природы, если ихъ вѣрно разсматривать, подтверждаютъ вѣру нашу въ другія еще большія чудеса милости Божіей.

Мертвые опять воскреснутъ. Мы всѣ должны будемъ итти ко Христу, потому что Онъ есть «воскресеніе и животъ»; и такъ какъ Онъ Своею собственною кровью омылъ наши грѣхи, то и будемъ умолять Его, чтобы Онъ приготовилъ насъ къ воскресенію, жизни и славѣ Божіей.

32. Время жатвы есть изображеніе того времени, въ которое наступитъ конецъ свѣта.

Когда въ полѣ хлѣбъ созрѣлъ и пришла пора сжать, вы говорите: «скоро пройдетъ лѣто, наступитъ осень и кончится годъ».

---

1) Мумія—трупъ человѣка, сохранившійся цѣлымъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Это зависѣло отъ тѣхъ мазей и порошковъ, которыми намазывали и посыпали тѣло покойника.

Какъ въ полѣ, такъ и въ цѣломъ мірѣ есть свой годъ, — годъ великій, безмѣрный, заключающій въ себѣ не сто лѣтъ, не тысячу, не пять тысячъ, а много столѣтій и тысячелѣтій,—столько, сколько угодно будетъ Господу,—и этотъ годъ когда-нибудь кончится, т. е. пройдетъ весна міра, пройдетъ лѣто, міръ своею жизнію и дѣлами склонится къ осени, и тогда ему конецъ. Въ полѣ у васъ все цвѣтетъ, красуется, спѣетъ до жатвы: въ мірѣ живутъ люди, стоятъ деревни, цвѣтутъ города, красуются царства и народы до той страшной годины, когда волею Господнею положится всему предѣлъ и межа. Въ полѣ, видя между пшеницею негодную траву, вы говорите: «не тронь ея, не топчи пшеницы, пускай растетъ, пока поспѣетъ пшеница». Въ мірѣ между людьми добрыми, видя людей злыхъ, Господь говоритъ: «пускай они живутъ до поры, до времени; не стану ихъ наказывать, чтобы вмѣстѣ съ ними не наказать людей добрыхъ».

Наконецъ, въ полѣ, когда хлѣбъ поспѣлъ, пшеница зажелтѣлась, а вмѣстѣ съ нею выросла и трава, вы говорите: «все созрѣло, пора за серпы, пора за жниво», такъ и въ мірѣ: когда добрые поспѣютъ въ добрѣ, праведные и святые, какъ пшеница, вызрѣютъ въ правдѣ и святости, а злые во злѣ, порочные и грѣшные почернѣютъ, какъ куколь, во грѣхахъ и порокахъ: тогда Господь скажетъ: «пора Мнѣ взять мечъ правосудія Моего и пожать нечестивыхъ отъ земли, а праведныхъ собрать, какъ пшеницу, въ житницу Мою, т.-е. въ царство небесное.

Вотъ какимъ образомъ кончина міра похожа на жатву.

(Арх. Григорій).

33. Алый гробикъ.

Передъ царскими вратами
Алый гробикъ: чье дитя,
Подъ увядшими цвѣтами,
Ручки бѣлыя скрестя,
Мирно ждетъ благословенья
На далекій путь?... Лети!
Ты, лети, лети въ селенья
Дѣтскихъ душъ! ты по пути
И моихъ тамъ встрѣтишь: милый,
Вѣрный вѣстникъ, разверни
Свѣтло-ангельскія крылья,
Взвѣйся, мчись, несись, вспорхни
Въ небеса, надъ звѣзднымъ сводомъ.
Въ тонкій, выспренній эфиръ [1]),
Гдѣ, носясь изъ міра въ міръ,
Цѣпью, порознь, хороводомъ,
Миріады [2]) миріадъ
Дѣтскихъ душъ поютъ, ликуютъ,
Вьются, плаваютъ, парятъ,
Славятъ, хвалятъ, торжествуютъ
Славу въ вышнихъ!.. О! скорѣй,

---

[1]) Эфиръ—тончайшее вещество (воздухъ), которое, по мнѣнію ученыхъ, наполняетъ собою все небесное пространство.

[2]) Миріада—неисчислимое множество.

Рати ангеловъ небесной
Новобранецъ неизвѣстный,
Улетай!...—моихъ дѣтей
Отыщи тамъ; ихъ тамъ двое:
Заглядѣнье—первенецъ!
Красоты такой Творецъ
Не создастъ ужъ! а второе,
Миловидное, живое,
Прелесть, чудо, не дитя!
Какъ любилъ ихъ страстно я!
Полетай же, ангелъ новый!
Сбрось же тлѣнія покровы
И въ нетлѣнье облекись!...
Ты узнаешь ихъ, мой милый!
Познакомься, подружись
Съ ними, вѣстникъ легко-крылый!
Дай имъ вѣсточку о насъ:
Ты скажи имъ, что, смирясь
Передъ Промысломъ, молитвой
Услаждаемъ мы печаль!
Мы не ропщемъ; но намъ жаль,
Такъ ихъ жаль, такъ сердцу трудно,
Знаетъ это только Богъ!...
Отнеси гостинецъ скудный
Имъ на память: скорби вздохъ
И слезу любви!... родныя
Улыбнутся намъ, въ залогъ,
Что, по ихъ молитвамъ, Богъ
Съединитъ насъ...
... Литургія
Совершилась: унесутъ
Алый гробикъ—и спадутъ
Съ духа цѣпи плотяныя....
Духи дѣтскіе возьмутъ
Въ сонмъ свой душу, имъ родную...
Мчись, душа! пари! несись!..—
Нашимъ дѣтямъ поклонись
И отдай по поцѣлую.

(Николай Сушковъ).

34. Милыхъ, что умерли...

Милыхъ, что умерли,
Образы свѣтлые
Въ сердцѣ своемъ схорони!
Тамъ они—ангелы
Будутъ хранители
Въ жизненныхъ буряхъ тебѣ!

(А. Майковъ).

35. Р а й.

Апостолъ Павелъ еще при жизни въ нашемъ мірѣ былъ восхищенъ до третьяго неба— *аще въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, не вѣмъ*, говоритъ онъ, *былъ восхищенъ въ рай и слышалъ тамъ неизреченныя слова*, которыхъ нельзя пересказать человѣку. Природа рая, благолѣпіе небесъ, изобиліе тамъ благодатнаго блаженства такъ превышаютъ все изящное [1]) и пріятное земное, что св. апостолъ для изображенія видѣннаго имъ въ священномъ изступленіи употребилъ слѣдующія выраженія: *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его. Намъ же Богъ открылъ есть Духомъ своимъ* (Кор. 2. 9—10).

---

1) Изящное—прекрасное.

Изъ извѣстныхъ намъ видѣній святыхъ угодниковъ Божіихъ припомнимъ видѣніе св. Андрея, юродиваго ради Христа, пребывшаго вышеестественно въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль въ созерцаніи невидимаго міра и повѣдавшаго другу своему іерею Никифору въ доступныхъ человѣческому пониманію образахъ и выраженіяхъ слѣдующее о раѣ: «Я увидалъ себя въ раю прекрасномъ и удивительномъ и, восхищаясь духомъ, размышлялъ: что это?... Знаю, что живу въ Константинополѣ; какъ же очутился здѣсь—понять не могу. Я видѣлъ себя облеченнымъ въ самое свѣтлое одѣяніе, какъ бы истканное изъ молній; вѣнецъ былъ на главѣ моей, сплетенный изъ чудно-прекрасныхъ цвѣтовъ; и я былъ опоясанъ поясомъ царскимъ. Радуясь этой красотѣ, дивясь умомъ и сердцемъ несказанному благолѣпію Божія рая, я ходилъ по немъ и веселился. Тамъ были многіе сады съ высокими деревьями; они колебались вершинами своими и увеселяли зрѣніе; отъ вѣтвей ихъ исходило великое благоуханіе. Одни изъ деревьевъ непрестанно цвѣли, другія украшались златовидными листьями, иныя имѣли на себѣ различные плоды несказанной красоты и пріятности. Невозможно тѣхъ деревъ уподобить ни одному дереву земному: Божія рука, а не человѣческая насадила ихъ. Птицъ въ этихъ садахъ было безчисленное множество: иныя изъ нихъ были съ златовидными крыльями, другія—бѣлыя какъ снѣгъ, а иныя—разнообразно испещренныя; онѣ сидѣли на вѣтвяхъ райскихъ деревъ и пѣли прекрасно; отъ сладкаго пѣнія ихъ я не помнилъ себя; такъ услаждалось мое сердце; и казалось мнѣ, что гласъ пѣнія ихъ досягалъ даже до высоты небесной. Стояли тѣ прекрасные сады рядами, какъ бы полкъ противъ полка. Въ то время, какъ я ходилъ между ними въ веселіи сердца, увидѣлъ рѣку великую, текущую посреди ихъ и ихъ напояющую. На другомъ берегу рѣки былъ виноградникъ, котораго лозы, украшенныя златыми листьями и златовидными гроздіями, широко раскидывались. Дышали тамъ отъ четырехъ странъ вѣтры тихіе и благоухающіе; отъ ихъ дыханія колебались сады и производили дивный шумъ листьями своими. *(Изъ брош. «Рай и адъ». Изд. Русск. Авон. Пантел. монастыря).*

36. Повѣсть препод. Анастасія Синаита о томъ, какъ Богъ милуетъ и прощаетъ человѣка за неосужденіе ближняго.

Нѣкоторый инокъ проводилъ дни свои во всякомъ нерадѣніи и, въ лѣности проживъ всю жизнь свою, приближался къ смерти. И когда разболѣлся послѣднею смертною болѣзнью и уже былъ

при послѣднемъ издыханіи, нисколько не убоялся своей смерти, но разлучался отъ тѣла тихо, радостно и съ улыбкою на лицѣ. Бывшіе при этомъ братія съ изумленіемъ сказали ему: «мы видѣли тебя, братъ, проводившимъ жизнь въ нерадѣніи и теперь не знаемъ, откуда у тебя въ этотъ страшный часъ такое спокойствіе и улыбка сладкая». Братъ, немного приподнявшись на одрѣ, сказалъ имъ: «подлинно, честные отцы, я проводилъ жизнь свою во всякомъ нерадѣніи и вотъ теперь принесены были предъ меня и прочтены всѣ записанныя злыя дѣла мои. Ангелы Божіи сказали: «знаешь ли это?» я отвѣчалъ: «знаю хорошо, однако съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ міръ и постригся, я не осудилъ человѣка, не имѣлъ ни на кого злобы и молю, дабы на мнѣ исполнилось слово Христа; ибо Онъ сказалъ: не осуждайте, дабы не быть осужденными, оставьте и оставится вамъ». Когда я сказалъ это, св. ангелы разорвали запись грѣховъ моихъ. Посему-то я съ радостію и безпечально и отхожу къ Богу». Послѣ этихъ словъ братъ предалъ съ миромъ Господу душу свою. (*Изъ «Воскр. бесѣдъ», изд. «Общ. люб. дух. просв.» 1888 г.).*

37. Польза душамъ усопшихъ отъ поминовенія на литургіи.

«Былъ, говоритъ св. Григорій Двоесловъ, монахъ, который, разболѣвшись къ смерти, повѣдалъ своему родному брату, что имъ въ кельи скрыто золото. А нужно замѣтить, что монастырь, въ которомъ онъ жилъ, былъ общежительный, и уставъ его былъ таковъ, чтобы у братій все было общее, и никто не имѣлъ права что-либо считать своимъ и, тѣмъ болѣе, утаивать. Послѣ о поступкѣ инока узнали и другіе монахи, а затѣмъ, какъ начальнику, сказано было и мнѣ. Чтобы инокъ почувствовалъ тяжесть своего грѣха и раскаялся въ немъ, я запретилъ братіямъ навѣщать его. А послѣ его смерти, чтобы на будущее время отвлечь другихъ отъ подобнаго грѣха, повелѣлъ похоронить его внѣ монастырскаго кладбища и на его могилу бросить утаенное имъ золото. Все было исполнено. Но вотъ прошло тридцать дней послѣ его смерти, и мнѣ стало чрезвычайно жаль его. Думая, что въ загробномъ мірѣ онъ страдаетъ, я сталъ изыскивать средства, чтобы облегчить его участь, и остановился на слѣдующемъ. Призвавши эконома, [1]), я повелѣлъ ему отслужить по умершемъ тридцать заупокойныхъ литургій и заповѣдалъ также всѣмъ тво-

---

[1]) Экономъ—смотритель за хозяйствомъ монастыря.

рить общую молитву о немъ. Такое распоряженіе мое было для усопшаго чрезвычайно благотворно. Въ самый день, когда была совершена по немъ послѣдняя—тридцатая—литургія, онъ явился своему родному брату и сказалъ: «доселѣ, братъ, я жестоко и страшно страдалъ; теперь же мнѣ хорошо, и я нахожусь въ свѣтѣ». Братъ умершаго передалъ о своемъ видѣніи инокамъ, и всѣ они убѣдились, что покойный былъ избавленъ отъ муки ради спасительной принесенной за него жертвы». (*Изъ Пролога*).

38. Исправленіе воровъ.

У св. Григорія печерскаго былъ маленькій огородецъ, гдѣ росли посѣянныя имъ овощи и плодовитыя деревья. Разъ забрались къ нему воры, набрали овощей и плодовъ, взяли на плечи ношу и хотѣли итти, но вдругъ почувствовали, что они не могутъ сойти съ мѣста. И стояли они неподвижно два дня подъ гнетомъ своего бремени. Наконецъ начали они кричать: «господинъ нашъ Григорій, пусти насъ! Мы не будемъ больше дѣлать такъ и покаемся во грѣхахъ своихъ». Услышали это монахи, пришли и перехватали ихъ, но не могли свести съ мѣста. И спросили они воровъ: «когда пришли вы сюда»? Воры же отвѣчали: «мы стоимъ здѣсь два дня и двѣ ночи». Монахи же сказали: «какъ же мы постоянно выходили и не видали васъ»? Воры же сказали: «если бы и мы васъ видѣли, то со слезами молили бы отпустить насъ. Но вотъ уже изнемогши, начали мы кричать. Молите теперь старца, чтобы онъ отпустилъ насъ». Тогда пришелъ Григорій и сказалъ имъ: «такъ какъ вы всю жизнь праздны, крадете чужіе труды, а трудиться не хотите, то теперь стойте здѣсь праздно и прочія лѣта до конца вашей жизни». Они же со слезами молили старца, обѣщая, что не сдѣлаютъ въ другой разъ такого грѣха. Умилился старецъ и сказалъ: «если хотите работать и отъ труда своего другихъ питать,—я отпущу васъ». Воры клялись, что не ослушаются его. Тогда Григорій сказалъ: «благословенъ Господь Богъ! Съ этихъ поръ будете вы работать на святую братію: приносите отъ труда своего на нужды ихъ». И такъ отпустилъ ихъ. Воры эти окончили жизнь свою въ Печерскомъ монастырѣ, ходя за огородомъ. (*Кіевопечерскій патерикъ*).

39. Изреченіе св. Тихона Воронежскаго о воровствѣ.

Похищенное чужое добро, говоритъ св. Тихонъ Воронежскій, какъ огонь, въ домъ вшедше, все прочее имѣніе поядаетъ. Ибо гдѣ неправда, тамъ и клятва Божія; гдѣ же клятва Божія, тамъ

никакого добра не будетъ, но всякое злополучіе послѣдуетъ». «Хищники и грабители подобны человѣку, черпающему воду рѣшетомъ. Изъ рукъ ихъ вытекаетъ все, что они похищаютъ и собираютъ, какъ рѣшетомъ черпаемая вода». «Похищай и хватай, человѣче, говоритъ тотъ же святитель, похищай, какъ хочешь и что хочешь, однако же знай, что все изъ рукъ твоихъ вытечетъ и твое собственное неправда, какъ огонь, потребитъ». (Т. 4. 70).

40. Наказанное корыстолюбіе.

Въ 1834 г. случился въ Вятской губерніи голодъ; отъ этого хлѣбъ такъ вздорожалъ, что иные, скупые, могли тогда обогатиться, не имѣя состраданія къ бѣдствующимъ отъ голода. И вотъ одинъ крестьянинъ, жившій неподалеку отъ Вятки, накопилъ множество хлѣба и не вывозилъ его до тѣхъ поръ на продажу, пока цѣна не возвысилась до рубля сер. за пудъ, что чрезвычайная рѣдкость въ тѣхъ мѣстахъ. Большая выручка денегъ обрадовала скупого селянина; онъ приходитъ въ каѳедральный соборъ и служитъ благодарственный молебенъ св. Николаю за то, что такъ подорожалъ хлѣбъ, а между тѣмъ молится, чтобъ еще повысились цѣны.

И что же? Впослѣдствіи было дознано, что въ то самое время, когда скупой безумно молился о несчастіи бѣднаго народа, откуда ни появись въ домѣ его огонь, который скоро перешелъ въ жестокій пожаръ, охватившій и истребившій не только домъ, но и амбары съ хлѣбомъ и рѣшительно все. На возвратномъ пути изъ Вятки къ дому несчастный скупецъ получилъ извѣстіе о постигшей его бѣдѣ, и вмѣсто того, чтобы познать въ этомъ дѣйствіе гнѣва и правды Божіей и исправиться, въ отчаяніи удавился! Такимъ образомъ и исполнилось слово псалмопѣвца: и молитва его да будетъ въ грѣхъ (Пс. 108. 7). *(Изъ «Собр. сочин. и писемъ» Святогорца).*

41. Послушаніе есть великая добродѣтель.

Пришли однажды къ великому Аввѣ Памво изъ скита четыре брата, одѣтые въ кожу, и каждый изъ нихъ разсказывалъ о добродѣтели другого. Одинъ постился много, другой былъ нестяжателенъ, третій пріобрѣлъ великую любовь, о четвертомъ они говорили, что онъ уже двадцать два года прожилъ въ повиновеніи старцу. Авва Памво отвѣчалъ имъ: «скажу вамъ, что выше всѣхъ добродѣтель послѣдняго: каждый изъ васъ по своей волѣ пріобрѣлъ ту добродѣтель, которую имѣетъ, а сей, отвергшись сво-

ей воли, исполняетъ волю другого. Такіе люди подобны исповѣдникамъ, если они до самаго конца пребудутъ въ послушаніи. *(Достоп. сказ. о подвиж. св. отецъ стр. 227. 3)*

42. Какъ святые смотрѣли на болѣзни.

Былъ одинъ мужъ, который часто страдалъ отъ разныхъ недуговъ. Случилось, что въ одинъ годъ его не постигла никакая болѣзнь. Благочестивый человѣкъ началъ плакать и скорбѣть, говоря: «оставилъ меня Господь и не восхотѣлъ въ нынѣшній годъ посѣтить меня [1]).» Другой, равный ему въ терпѣніи, во время тяжкой болѣзни, отказался отъ предложеннаго ему братомъ въ утѣшеніе яства, сказавъ: «повѣрь, братъ, тридцать лѣтъ желалъ бы я провесть въ этой болѣзни [2]).» Думаю, что эти люди не переносили бы такъ благодушно страданій, если бы не надѣялись за терпѣніе ихъ получить отъ Господа болѣе воздаяній, чѣмъ за другія добрыя дѣла.

43. Два состоянія.

Душа томна,
Душа полна
Невыразимой мукой:
Всегда одна,
Мрачна, больна
Неотразимой скукой.
Почто жъ она
И такъ хладна,
И такъ темна,
Какъ въ дебряхъ дикая пещера?
Ее своимъ
Лучемъ святымъ
Не озаряетъ вѣра!
Душа играетъ, веселится,
Какъ юный агнецъ средь полей:
Вездѣ родство, къ ней все тѣснится,
И тайный міръ открылся ей.
Вотъ крылья ангеловъ златыя—
Съ нихъ жизни сѣется роса,
И часто съ ласкою святые
Ей говорятъ про небеса....
Все жизнь и цвѣтъ: скалы, пещеры
Блестятъ, какъ царственный чертогъ!
Что жъ сталось съ ней? Блаженство вѣры
Открылъ ей благодатный Богъ!
(Ѳ. Глинка.)

44. Жажда небеснаго.

Исцѣли меня, Благость превѣчная!
Исцѣли мои раны сердечныя!
Предъ Тобою я въ прахѣ лежу
И небесной отрады прошу.
О, возьми Ты всѣ блага непужныя,
Услади мою душу недужную,

---

1) Руфин. Жит. отцевъ. Кн. 3. 158.
2) Достопам. сказ. о подвижн.—Москва, 1846 стр. 114.

И божественной силой любви
Благотворно меня оживи!
Уничтожь во мнѣ силой чудесною
Все земное; пошли мнѣ небесное!
О небесномъ молю я въ тиши—
Не отвергни моленій души!

(Ю. Жадовская).

45. Христіанину.

Христіанинъ! не скучай!
Тайны неба изучай!
Душу Богу поручай,
И, съ сердечной вѣрой, чай
Отъ Него великихъ благъ;
Но гляди, чтобъ, невзначай,
Не подкрался хитрый врагъ!
Сердце въ правдѣ укрѣпи!
Сушь душевныя степи
Чаще слезъ дождемъ кропи.
Вѣрь: одинъ сердечный вздохъ
Высоко оцѣнитъ Богъ.

—

Время кратко не губи:
Будь смиренъ, трудись, люби!
Въ домъ молитвы учащай,
Домъ убогихъ навѣщай!
Всѣмъ добро твори—и знай,
Бросивъ въ сторону унылость,
Что Всезрящій, страшный Богъ
На судѣ хоть правъ и строгъ,
Но у Бога—есть и милость.

(Θ. Глинка).

46. Ободреніе.

Христіанинъ! что стоишь
Такъ уныло?
Что такъ хладенъ и молчишь,
Какъ могила?
Кинь грѣхи свои въ купель
Покаянья,
И заблещетъ ярко цѣль
Воздаянья.

Ужъ проходитъ и бѣжитъ
Міръ грѣховный,
И вдали иное зритъ
Глазъ духовный.
Ужъ растреснулась стѣна
Прегражденья,
И глядитъ на насъ весна
Возрожденья.

(Θ. Глинка).

47. Я задремалъ, главу понуря.

Я задремалъ, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

*
* *

Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,
И вынги ржавчину покоя,
И прахъ бездѣйствія смети!

*
* *

Да вспряну я Тобой подъятый,
И, внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь таившійся издамъ!

(Гр. А. Толстой.)

48. А. Обязанности къ Богу.

1. Богъ непостижимъ.

1) Нѣтъ имени, которое бы вполнѣ могло выразить Бога: такъ нельзя постигнуть Его всего (Златоустъ).

2) Мы должны радоваться тому, что Богъ непостижимъ, потому что Онъ будетъ предметомъ познанія чрезъ всю вѣчность. Если-бы умъ понялъ Его, то остался-бы безъ дѣйствія, а это для него—мука (Иннокен. архіеп. Херсон.).

2. Безъ Бога ничего не дѣлается.

1) Въ приключеніяхъ жизни слышится голосъ Провидѣнія, зовущій человѣка на путь Господень (Филар., м. Москов.).

2) Вѣруй, что все случающееся съ нами, до самаго малѣйшаго, бываетъ по промыслу Божію, и тогда ты безъ смущенія будешь переносить все, находящее на тебя (Авва Дорофей).

3. Богъ всегда съ нами.

Св. Антоній Великій, бывъ искушаемъ и мучимъ злыми духами, не зрѣлъ Іисуса Христа въ своемъ мученіи. Потомъ, увидѣвши Его, воззвалъ съ горячностію: «Гдѣ Ты былъ, Господи мой, гдѣ Ты былъ?» — Я былъ здѣсь и смотрѣлъ на твое мужество и терпѣніе, былъ отвѣтъ Спасителя (Ѳеофанъ Прокоповичъ).

4. Милосердіе Божіе.

1. Неизмѣримый океанъ поглощаетъ одинаково и воды рѣки широкой, протекшей величаво многія страны, и скромныя струи ручейка, едва примѣтнаго: такъ въ безднѣ благодати Божіей исчезаютъ тяжкія грѣхопаденія наравнѣ съ малѣйшими, ничтожнѣйшими погрѣшностями (Игнатій, еп. Кавказ.).

2. Представь себѣ искру, впавшую въ море: можетъ ли она остаться цѣла, или оттуда снова появиться? Что искра въ отношеніи къ морю, тоже и порокъ въ отношеніи къ человѣколюбію Божію, да еще и не то же, а гораздо менѣе. Море, хотя и велико, но имѣетъ предѣлы, а человѣколюбіе Божіе безпредѣльно. (Златоустъ).

5. Священное Писаніе.

Вода по свойству своему мягка, а камень твердъ. Но если надъ камнемъ виситъ жолобокъ, то вода, стекая каплями, мало-по-малу пробиваетъ камень: такъ и Слово Божіе мягко, а сердце наше грубо: но если человѣкъ часто слушаетъ (или читаетъ) Слово Божіе, то страхъ Божій приходитъ въ сердце его (Авва Пименъ).

6. Богъ не отвергаетъ кающагося.

Одинъ воинъ спросилъ авву Моса: «ужели Богъ принимаетъ покаяніе»? Послѣ продолжительнаго наставленія старецъ спрашиваетъ его: «Скажи мнѣ, возлюбленный, бросаешь ли ты свою одежду, когда она раздерется?» Воинъ говоритъ: «Нѣтъ, я зашиваю и потомъ опять ношу ее». Старецъ сказалъ ему: «Итакъ, если ты бережешь свою одежду, ужели Богъ не пощадитъ своего созданія?»

7. Воистину великъ Богъ.

Въ образованіи червя и мошки видно несравненно болѣе искусства, нежели въ лучшихъ произведеніяхъ ума человѣческаго. Многіе сооружаютъ великолѣпныя зданія, изобрѣтаютъ удивительныя машины, строятъ огромные корабли; но сильнѣйшіе и остроумнѣйшіе изъ нихъ могутъ ли образовать ползучее насѣкомое, летающую птичку, зеленѣющую травку, или даже составить песчинку? Воистину *великъ Богъ!* И единъ Онъ великъ и въ великомъ и въ маломъ земли (Филар., митр. москов.).

8. Богъ близокъ къ человѣку.

1. До Бога ни низко, ни близко, ни далеко, потому что Онъ вездѣсущъ, и потому ближе къ тебѣ, нежели твоя душа къ твоему тѣлу; только умѣй найти эту близость вѣрою и молитвою. Близокъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ (Пс. 144, 18). (Филар., м. московскій).

2. Богъ всегда близокъ къ человѣку по Своему вездѣсущію, а человѣкъ не всегда близокъ къ Богу по своей ограниченности, невниманію, разсѣянности (Онъ же).

3. О, душе моя! Богъ всегда съ тобою, а ты живешь, какъ бы Онъ былъ весьма далекъ отъ тебя.

4. Отъ насъ зависитъ быть далеко отъ Бога, а Онъ всегда находится близко.

5. Быть близко или далеко отъ Бога зависитъ отъ самого человѣка, потому что Богъ вездѣ (Златоустъ).

9. Чудо любви Божіей.

Особенно великое чудо любви Божіей, котораго мы не увидимъ и въ вѣчности (потому что это предѣлъ возможной любви)—есть посланіе въ міръ Сына Божія. Много значитъ не оскорбляться преступленіемъ, болѣе—простить, еще болѣе—послѣ прощенія благодарить; но несравненно много принять Богу образъ

человѣческій, страдать и умереть. Это подлинно есть чудо въ нравственномъ мірѣ (Іоанн. 15, 13; Римл. 5, 8)! Въ этомъ одномъ обнаружилось сердце Божіе такъ, что если бы забыто было ученіе о совершенствахъ Божіихъ, то въ этомъ одномъ заключалось бы все богословіе (Иннокент., архіеп. Херс.).

10. Причащеніе.

1. Если ты удивляешься, какъ Христосъ часто снѣдаемъ бываетъ и не умаляется, но цѣлъ во вѣки пребываетъ, тогда удивляйся и тому, когда отъ одной свѣчи зажжешь другія свѣчи, а свѣтлости въ ней не умалишь. (Св. Димитр. Ростов.).

2. Если удивляешься, какъ въ такой малой части Таинъ— весь полный Христосъ, дивись и тому, какъ въ такомъ маломъ зернѣ (зрачкѣ) глаза твоего цѣлые города вмѣщаются и имъ объемлются. (Онъ же).

3. Когда ты приступаешь къ страшной чашѣ, приступай такъ, какъ бы ты пилъ отъ самаго ребра Христова. (Златоустъ).

11. Какъ въ церкви стоять.

Въ церкви стоя, прилежно внимай чтенію и пѣнію: оттуда породится умиленіе, истинная молитва, сердечное пѣніе и благодареніе. Берегись убо тѣломъ стоять въ церкви, а умомъ бродить внѣ церкви. Стоя убо въ церкви тѣломъ, стой сердцемъ и духомъ, яко передъ Богомъ стоишь. (Изъ твор. св. Тихона Задонскаго).

49. В. Обязанности къ ближнимъ.

1. О любви къ ближнимъ.

1. Если любишь Бога, то надобно любить и того, кого Богъ любитъ, потому что когда мы любимъ кого, то любимъ и того, кого любимый нами любитъ (Св. Тихонъ Задон.).

2. Господь любитъ всѣхъ насъ, и мы должны любить всѣхъ (Филар. архіеп., Черниг.).

3. Тяжело тебѣ, когда никто не хочетъ раздѣлять съ тобою горя твоего: *спѣши же дѣлить горе ближняго твоего* (Филар., архіеп. Черниг.).

4. Хочешь, чтобы тебя любили человѣки? Люби человѣковъ. Хочешь, чтобы тебѣ дѣлали добро всѣ безъ изъятія? Дѣлай и ты добро всѣмъ безъ изъятія. Пріятно было бы тебѣ, если бы съ тобою всѣ обращались кротко и смиренно? Будь самъ кротокъ и смиренъ предъ всѣми (Филар., м. Москов.).

2. Богатый.

Богатый не хозяинъ есть богатства, ему отъ Бога даннаго, но приказчикъ и расходчикъ, который даровавшему Господу отвѣтъ долженъ воздать въ свое время. Ибо никто ничего съ собою не принесъ въ міръ, кромѣ тѣла нагого, и потому ничего своего не имѣетъ, но все, что ни имѣетъ, Божіе есть добро (Св. Тих. Задон.).

3. Безъ милостыни и молитва безплодна.

1. Милостивъ Богъ и преклоняется естественнымъ милосердіемъ на молитву, но на молитву милостивыхъ же (Св. Тихонъ Задон.).

2. Съ какою надеждою будешь молиться Богу, когда самъ не слушаешь молитвы подобныхъ тебѣ людей? (Онъ же).

3. Какъ будешь просить съ прочими въ церкви: «подай, Господи», когда самъ не подаешь нищимъ, а можешь подать (Онъ же)?

4. Какими устами скажешь: «услыши мя, Господи!» когда самъ не слышишь бѣднаго, или вѣрнѣе — въ бѣдномъ Самого Христа, вопіющаго къ тебѣ (Онъ же)?

5. Съ какимъ упованіемъ прострешь руки свои къ Создателю своему, когда самъ подобнаго себѣ, простирающаго руки, отвращаешься (Онъ же)?

4. Благотворенія или милостыня.

1. Невозможно, рѣшительно невозможно безъ милостыни достигнуть даже только вратъ царствія небеснаго (Златоустъ).

2. Идите и наслѣдуйте царствіе Божіе, скажетъ Господь милостивымъ, не потому, что вы не согрѣшили, а потому, что милостынями очистили грѣхи свои (Блаж. Августинъ).

3. Дешевою цѣною благотворенія человѣкамъ мы можемъ пріобрѣтать безцѣнное царствіе Божіе (Филар., м. Москов.).

4. Милостыню ты подаешь нищему, а пріемлетъ ее Христосъ (Златоустъ).

5. Ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе (Авва Евагрій).

6. Нѣтъ почти ни одного бѣднаго, который могъ бы по-праву уклониться отъ исполненія долга милостыни (св. Григор. Богосл.).

7. Не тотъ искренно милосердъ, кто даетъ отъ своихъ избытковъ, но тотъ, кто лишаетъ себя и нужнаго въ пользу бѣдныхъ (Блаж. Августинъ).

8. Неужели удержишь руку твою отъ благотворенія потому, что испыталъ, или предвидишь неблагодарность? Вспомни твоего Спасителя, который, хотя видѣлъ предъ собою девять неблагодарныхъ противъ одного благодарнаго, не удержался отъ благотворенія всѣмъ (Лук. 17, 12 — 19). (Филаретъ, м. Московскій).

5. Осужденіе.

1. Добрый человѣкъ всѣхъ людей видитъ добрыми, а злой и лукавый не только криво, но и прямо ходящихъ, подозрѣваетъ, укоряетъ, осуждаетъ и злословитъ (Духовн. Маргар.).

2. Человѣкъ, осуждающій другихъ, походитъ на зеркало, которое въ себѣ всѣхъ отображаетъ, а себя не видитъ (Св. Димитр. Ростов.).

3. При видѣ согрѣшающаго брата отнюдь не осуждай его, а говори себѣ: «я самъ не безгрѣшенъ; какое же имѣю право судить другого»? (Св. Димитрій Ростовскій).

4. Авва Агаѳонъ, когда видѣлъ какое-нибудь дѣло и помыслъ побуждалъ его къ осужденію,—говорилъ самому себѣ: «Агаѳонъ! Не дѣлай самъ того-же!» И помыслъ его успокоивался.

5. Бойтесь кого-либо осуждать даже въ сердцѣ своемъ, а не только открыто (Авва Исаія).

6. Изъ слова св. Іоанна Златоуста о томъ, какъ подобаетъ чтить іерея.

«Если іерей, говоритъ Златоустъ,—право учитъ, не на жизнь его смотри, но слушай ученіе его. И не говори: почему же онъ меня учитъ, а самъ того не исполняетъ?—На немъ лежитъ обязанность учить всѣхъ, а если онъ не исполняетъ того, чему учитъ другихъ, за это онъ Господомъ осудится. А если ты не будешь слушать его, также осудишься, ибо такъ говоритъ Господь: «слушаяй васъ, Мене слушаетъ; а отметаяйся васъ, Мене отметается; и иже васъ хулитъ, Мене хулитъ». — Не дѣло, братіе, овцамъ хулить пастыря; онъ за васъ и за братій вашихъ каждый день службу приноситъ; утромъ и вечеромъ въ церкви и внѣ церкви Бога молитъ о васъ. О всемъ этомъ размыслите и почтите его, какъ отца. Скажешь: «онъ грѣшенъ и золъ». Да тебѣ что за дѣло? Если и добрый за тебя будетъ молиться, какая тебѣ польза, если ты не вѣренъ? А если ты вѣренъ, то тебѣ нисколько не повредитъ его недостоинство. Благодать отъ Бога подается: іерей только уста отверзаетъ, а творитъ все Богъ».

50. Обязанности къ самому себѣ.

1. Познаніе самого себя.

1. Всего легче обманывать самого себя и, надмеваясь пустою славою, почитать себя чѣмъ-то, будучи ничѣмъ (Св. Григор. Богосл.).

2. Многіе хотятъ знать, что дѣлается въ чужихъ странахъ; а что въ своей душѣ находится, не ищутъ (Св. Тихонъ Задон.).

3. Не прежде засыпай, пока не размыслишь о грѣхахъ, совершенныхъ тобою въ продолженіе дня (Златоустъ).

2. Привычки.

1. Какъ дерево, чѣмъ болѣе растетъ, тѣмъ болѣе въ землю корень свой впускаетъ: такъ чѣмъ болѣе растетъ грѣховный обычай, тѣмъ глубже въ сердцѣ человѣческомъ утверждаетъ свой корень (Св. Тихонъ Задон.).

2. И хорошую привычку и худую питаетъ время, какъ дрова питаютъ огонь (Св. Петръ Дамаскинъ).

3. Какъ дерево, чѣмъ больше будетъ, тѣмъ съ большею трудностію исторгается изъ земли: такъ чѣмъ болѣе усилится и утвердится грѣховный обычай, тѣмъ съ большею трудностію отъ него освобождается человѣкъ (Св. Тихонъ Задон.).

3. Слава.

1. Не тотъ славенъ, кого міръ славитъ, но тотъ, кого Богъ прославитъ (Св. Тихонъ Задон.).

2. Кто желаетъ вѣчной и истинной славы, о временной славѣ не заботится (Ѳома Кемп.).

3. Если хочешь достигнуть славы, презирай славу; а если будешь гоняться за славою, лишишься славы (Златоустъ).

4. Всѣ человѣки Божіи не любятъ быть въ славѣ между человѣками (Филар., м. Москов.).

4. Зависть.

1. Зависть не дозволяетъ наслаждаться тѣмъ, что имѣетъ, потому что терзается желаніемъ того, чего не достаетъ (Филар., архіеп. Черниг.).

2. Зависть подобна моли, снѣдающей ту одежду, въ которой родится. И она снѣдаетъ то сердце, въ которомъ рождается (Св. Димитрій Ростов.).

3. Какъ ржавчина изъѣдаетъ желѣзо, такъ зависть душу, въ которой живетъ она (Св. Васил. Велик.).

4. Не такъ моль и червь снѣдаютъ дерево и волну (шерсть), какъ горячка зависти снѣдаетъ самыя кости завистниковъ и отравляетъ здравіе души ихъ (Златоустъ).

5. Зависть есть корень убійства (Златоустъ).

6. Зависть есть дочь гордости: умертви мать, и дочь ея погибнетъ (Блаж. Августинъ).

5. Тщеславіе и самохвальство.

1. Лучше не дѣлать ничего славнаго въ мірѣ, нежели сдѣлавъ, безмѣрно хвалиться (Св. Дим. Ростов.).

2. Убѣгай тщеславія—и сподобишься славы въ будущемъ вѣкѣ (Авва Исаія).

6. Совѣсть.

1. «Пусть меня всѣ хулятъ», говоритъ св. Тихонъ Задонскій,— «только бы меня совѣсть хвалила».

2. Совѣсть—истинное домашнее судилище. Преступникъ можетъ избѣжать иногда суда человѣческаго, но онъ никогда не избѣжитъ суда своей совѣсти (Св. Григорій Богосл.).

3. Только тѣхъ не судитъ совѣсть, которые достигли верха добродѣтели или порока (Авва Θалассій).

7. О довольствѣ своимъ состояніемъ при нищетѣ и низкомъ званіи.

1. Не прельщайся чужимъ добромъ, ибо и свое скоро оставишь (Св. Димитр. Ростов.).

2. Земное счастіе состоитъ не въ обиліи земныхъ благъ, а въ довольствѣ и спокойствіи духа, большею частію недоступныхъ людямъ, надѣленнымъ избыткомъ земныхъ благъ (Прот. В. Нечаевъ, нынѣ еп. Виссаріонъ).

3. Отъ вѣрности въ маломъ зависитъ успѣхъ въ великомъ. «Хочешь ли быть великимъ, начинай съ самаго малаго», говоритъ блажен. Августинъ.

8. Назначеніе христіанина подражать Христу.

Христіанинъ есть тотъ, кто, сколько возможно человѣку, подражаетъ Христу словами, дѣлами и помышленіями (Св. Іоаннъ Лѣств.).

Св. Григорій Нисскій сравниваетъ христіанъ съ живописцами. «Каждый изъ насъ», говоритъ онъ, «есть живописецъ собственной своей жизни. Наша душа есть какъ бы полотно, добродѣтели—краски; Іисусъ Христосъ есть образецъ, съ котораго мы

должны списывать». — Прекрасное сравненіе! Какъ живописецъ имѣетъ въ умѣ, въ воображеніи и передъ глазами предметъ, который хочетъ представить на полотнѣ: такъ христіанинъ при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ устремлять взоры на Іисуса Христа. И какъ кисть, водимая рукою живописца, кладетъ на полотно цвѣты, подобные тѣмъ, какіе онъ находитъ въ образцѣ: такъ воля наша, вспомоществуемая благодатію, чрезъ исполненіе добродѣтелей, усматриваемыхъ въ Іисусѣ Христѣ, силится напечатлѣть Его образъ въ душѣ нашей, и мы становимся болѣе или менѣе христіанами, смотря потому, болѣе или менѣе сходства имѣемъ со Іисусомъ Христомъ. (Изъ «Цвѣтн. дух.»).

§9. Смиреніе.

1. Смиреніе есть непремѣнная добродѣтель тварей; одному Богу прилично величіе (Иннок., архіеп. Херсон.).

2. Великъ тотъ, кто чувствуетъ свое ничтожество предъ Богомъ (Карамзинъ).

3. Люби смиреніе: оно покроетъ всѣ грѣхи твои (Св. Антон. Велик.).

4. Тщетны труды того, кто внѣ смиренія постится много и несетъ тяжкіе подвиги (Авва Исаія)!

5. Хочешь ли быть великимъ? — Будь меньше всѣхъ. (Мар. 9, 35). (Св. Ефремъ Сиринъ).

6. Самая лучшая мѣра смиренія—считать себя худшимъ изъ всѣхъ тварей (Св. Димитр. Ростов.).

7. Не тотъ показываетъ смиренномудріе, кто охуждаетъ самъ себя; но тотъ, кто будучи укоренъ другимъ, не уменьшаетъ къ нему любви (Св. Іоаннъ Лѣств.).

8. Смиренный не помнитъ зла, причиненнаго ему другими, и не осуждаетъ человѣка согрѣшающаго. Такимъ образомъ онъ тремя способами получаетъ отпущеніе грѣховъ себѣ: какъ не судящій—не судится, какъ смиренномудрый—оправдывается, какъ прощающій—получаетъ прощеніе (Св. Аѳан. Александр.).

10. Время и вѣчность.

1. Каждый часъ, каждая минута дорога: потому что даны со счетомъ, и въ нихъ потребуютъ отчета (Филар., архіеп. Чернигов.).

2. Временемъ надобно пользоваться: оно подобно желѣзу, которое, если остынетъ, неудобно будетъ къ кованію (Петръ Великій).

3. Посредствомъ времени можно пріобрѣсть все,—самое небо и блаженную вѣчность, а времени невозможно пріобрѣсть ни за что (Иннок., архіеп. Херсон.).

4. Посвящай начатки дня твоего Господу; ибо кому прежде отдашь ихъ, того они и будутъ. «По началу утра», сказалъ нѣкто, «я предузнаю все теченіе дня моего». (Св. Іоаннъ Лѣств.).

5. Когда отходишь ко сну, вспомни о смерти, которой сонъ есть образъ и преддверіе (Филар., м. Москов.).

11. Употребленіе дара слова.

1. Щади языкъ; онъ часто произноситъ то, что лучше было-бы утаить (Св. Нилъ Синайскій).

2. Мудрый передумываетъ много, прежде чѣмъ онъ говоритъ, именно: *что, кому, гдѣ* и *когда* онъ долженъ говорить (Св. Амвр. Медіолан.).

3. Нѣкто сказалъ о себѣ: *девять помышленій ублажихъ въ сердцы моемъ, а десятое изреку языкомъ* (Сир. 25, 9). Такъ берегутъ слово знающіе цѣну его (Филар., митр. Москов.)!

4. Предпочитай молчаніе, потому что оно удерживаетъ отъ многаго вреда (Св. Исаакъ Сиринъ).

5. Если будешь соблюдать молчаніе, то найдешь покой вездѣ, гдѣ бы ты ни жилъ (Авва Пименъ).

12. Не отчаивайся.

1. Согрѣшить—дѣло человѣческое; отчаиваться—сатанинское (Св. Нилъ Синайскій).

2. Отчаиваться значитъ самому у себя отнимать милость Божію, которую Господь каждую минуту готовъ подать (Филар., митр. Москов.).

3. Сколько бы грѣховъ ни было у кого, и какъ бы велики они ни были, у Бога милосердія еще болѣе; потому что какъ Онъ Самъ безконеченъ, такъ и милость Его безконечна (Св. Тихонъ Задонскій).

4. Не отчаивайся, потому что Господь милостивъ; но не будь и безпеченъ, потому что Онъ праведенъ (Златоустъ).

13. Гордость.

1. Всѣ грѣхи мерзки предъ Богомъ, но мерзостнѣе всѣхъ гордость (Св. Антоній Велик.).

2. Гордость есть доказательство скудости ума (Златоустъ).

3. Считай всякаго человѣка превосходнѣе себя (Св. Варсонофій Велик.).

4. Блаженъ, кто имѣетъ предъ очами день исшествія, и возненавидѣлъ гордость, прежде чѣмъ обличена естественная наша ничтожность согнитіемъ во гробѣ (Св. Ефремъ Сиринъ).

14. Не смущайся поношеніемъ.

Поношеніе служитъ омовеніемъ душевныхъ страстей,—въ этомъ пусть убѣдитъ тебя сама простонародная поговорка. Ибо мірскіе люди, когда лично осыпаютъ кого безчестіями, хвалясь тѣмъ передъ другими, говорятъ: «помылъ я такого-то». И это совершенная правда (Изъ «Лѣствицы» св. Іоанна, игум. Син. горы).

15. С к о р б и.

1. Какъ невозможно человѣку не испытать смерти, такъ и прожить безъ скорбей. (Златоустъ).

2. Когда отецъ оставляетъ сына безъ наказанія и попускаетъ ему по своей волѣ жить, то видно, что онъ отринулъ его отъ себя: такъ, когда и Богъ оставляетъ человѣка безъ наказанія, то это есть знакъ отверженія его отъ Божіей милости; и не иное, что такому послѣдуетъ, какъ терпѣть на себѣ вѣчный гнѣвъ Божій. (Св. Тихонъ Задон.).

3. Правда Божія требуетъ, чтобы грѣшникъ былъ наказанъ за грѣхи свои. Если же нужно грѣшнику непремѣнно быть наказаннымъ, то лучше ему быть наказану здѣсь и терпѣть съ благодареніемъ временное наказаніе, нежели въ будущемъ вѣкѣ безконечно мучиться. (Св. Тихонъ Задон.).

4. Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй въ ней никого, кромѣ себя, и говори: «это случилось со мною за грѣхи мои». (Авва Оръ).

5. Не говори: «ахъ! какъ я несчастливъ!» Но говори: «еще мало мнѣ этого за грѣхи мои». (Иннокентій, митропол. Москов.).

6. Какая въ томъ добродѣтель, чтобъ охотно принимать пріятное? Но скорбное принять благодушно, по благоговѣнію къ волѣ Божіей,—вотъ подвигъ, вотъ добродѣтель, вотъ залогъ награды. (Филаретъ, митропол. Москов.)!

7. Терпи скорби; потому что въ нихъ, какъ розы въ тернахъ, растутъ и воспитываются добродѣтели. (Св. Нилъ Синайскій).

8. Врачъ душъ и тѣлесъ употребляетъ оружіе скорбей, чтобъ исторгнуть корни и загладить слѣды грѣха, и огнемъ страданія выжигаетъ заразу наклонности къ грѣховнымъ услажденіямъ (Филар., и. Москов.).

9. Чтобы стяжать терпѣніе въ скорбяхъ и искушеніяхъ,—вѣруй, что все дѣлается съ нами по волѣ Божіей (Схимон. Парѳеній).

10. Не страшитъ тебя ни отецъ, ни учитель, ни начальникъ, ни законодатель, ни судія? Не пристыжаетъ тебя другъ? Не ис-

правляетъ тебя и совѣсть?—Такъ приходитъ тѣлесная болѣзнь, и нерѣдко исправляетъ все (Златоустъ).

16. Утѣшеніе въ несчастіи.

1. Всѣ святые жизнь свою проводили въ скорбяхъ и печаляхъ, въ страданіи, терпѣніи и гоненіи: ты-ли одинъ хочешь оставаться безъ всякаго страданія и печали? Или ты одинъ только хочешь быть изъ числа избранныхъ Божіихъ, не желая ничего потерпѣть? Да не будетъ сего (Св. Димит. Ростов.)!

2. Если опасность, бѣдствіе, скорбь колеблютъ твое мужество, истощаютъ твое терпѣніе: помяни Матерь Господа, стоявшую при крестѣ Его (Филар., м. Москов.).

3. Если и Христосъ, не сотворившій грѣха, пострадалъ: можно-ли намъ грѣшнымъ роптать на страданіе? (Онъ-же).

4. Если Христосъ, безвинный, за наши вины соизволилъ перенесть скорбь и тугу смертную: ты-ли не покоришься перенести безъ сравненія меньшую скорбь, безъ сомнѣнія за нѣкія вины твои предъ Богомъ, хотя можетъ быть и безвинно предъ человѣками? (Филар., м. Москов.).

5. Терпи до конца со Христомъ и Христа ради, если хочешь со Христомъ царствовать (Ѳома Кемп).

17. Спасеніе души.

1. Какъ зло дѣлать, такъ и добра не дѣлать — грѣхъ есть. (Св. Тихонъ Задон.).

2. Не дѣлать добра потому только, что отъ того можетъ произойти нѣчто неблагопріятное, значитъ отказываться всегда дѣлать добро (Иннокен. Архіеп. Херсон.).

3. Хочешь-ли безъ труда творить добродѣтель? Разсуждай о трудѣ, что онъ временный, а о наградѣ, что она вѣчная (Св. Нилъ Синайскій).

4. Чѣмъ болѣе кто приближается къ Богу, тѣмъ болѣе видитъ себя грѣшнымъ (Авва Дороѳей).

5. Пока человѣкъ не предстанетъ на судъ Божій, не услышитъ рѣшительнаго о себѣ опредѣленія и не увидитъ присужденнаго ему мѣста, до тѣхъ поръ онъ не можетъ знать, угоденъ-ли онъ Богу, или нѣтъ (Авва Исаія).

6. Забвеніе добрыхъ своихъ дѣлъ есть самое безопасное ихъ хранилище (Златоустъ).

7. Добрыя дѣла цѣнятся по намѣренію (Св. Амвр. Медіолан.).

8. Глава и сущность (можно сказать, душа) всѣхъ добродѣ-

телей есть любовь, безъ которой ни постъ, ни бдѣніе, ни труды ничего не значатъ. Діаволъ всему можетъ подражать въ человѣкѣ: назовемъ-ли постъ? и онъ ничего не ѣстъ; бдѣніе, но и онъ никогда не спитъ и всегда, *рыкая, ходитъ* (1 Петр. 5, 8). Только одна любовь и смиреніе не подражаемы для него (Блажен. Августинъ).

18. Изреченія о грѣхѣ.

1. О! грѣхъ самое ужасное зло въ мірѣ. Бѣгите грѣха по крайней мѣрѣ для того, чтобы какъ можно менѣе тяготѣли надъ вами бѣдствія земныя (Филар., архіеп. Черниг.).

2. Лучше избирай умереть, когда того нужда требуетъ, нежели согрѣшить (Св. Тихонъ Задон.).

3. Ничто не сокрыто отъ Судіи; поэтому напрасно стараемся грѣшить скрыто (Св. Нилъ Синайскій).

4. Одинъ старецъ сказалъ: «чудное дѣло! Мы приносимъ молитвы такъ, что представляемъ Бога присущимъ и слушающимъ слова наши; а когда грѣшимъ, то дѣлаемъ такъ, какъ бы Онъ не видѣлъ насъ» (Древн. Патер.).

5. «Запрещены праздныя слова и праздныя мысли. Это ужслишкомъ тяжело», говорятъ легкомысленные; «безъ нужды строго», думаютъ неразумѣющіе: «праздныя слова», говорятъ, «невредны, а праздныя мысли,—еще менѣе». Да, мелкія насѣкомыя, большею частію, не ядовиты и не смертоносны; однако хотѣлъ ли бы ты жить въ воздухѣ, ими наполненномъ, гдѣ непрестанно они толпятся, летятъ въ глаза, жужжатъ въ уши, тревожатъ осязаніе, и сотнями наносятъ подлинно не смертельныя раны (Филар., м. Москов.)?

6. Считая то и другое малымъ, не доходятъ ли до того, что никакого грѣха не считаютъ великимъ (Филар., архіеп. Черниг.)?

7. Не дѣлай зла, даже и въ шутку, ибо случается, что иной сначала шутя дѣлаетъ зло, а послѣ и нехотя имъ увлекается (Авва Дороѳей).

8 Пока проступокъ малъ еще и не созрѣлъ, истреби его, прежде нежели пуститъ вѣтви въ широту и станетъ созрѣвать (Св. Исаакъ Сиринъ).

9. Грѣхъ есть горящій огонь. По мѣрѣ уменьшенія вещества онъ угасаетъ, а по мѣрѣ прибавленія—разгорается (Св. Маркъ Подвижн.).

10. Угашай искру, пока въ пламень не возрасла, и убивай врага, пока онъ малъ (Св. Тихонъ Задон.).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

1. Крещеніе Ольги.

Въ лѣто ҂sy҃г. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгородъ. Бѣ тогда царь именемъ Костянтинъ; приде къ немъ Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смысленъ, удивився царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ съ нами“.

Она же разумѣвши рече къ царю: „азъ погана есмь [1]), да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ: аще ли ни, то не крещюся“; и крести ю царь съ патрїархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патрїархъ о вѣрѣ, и рече ей: „благословенна ты въ женахъ рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму отстави; благословити тя хотятъ сынове рустіи въ послѣдній родъ внукъ твоихъ“.

И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о воздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши главу, стояше яко губа напаѣма, внимающи ученьемъ; и поклонившися патрїарху, глаголющи: „молитвами твоими, владыко, да сохранена будуу отъ сѣти непріязньны“. Бѣ же речено ей во крещеньи Олена, такоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. И благослови ю патрїархъ и отпусти ю. (Изъ Нестор. лѣтописи).

2. Праздники Господскіе и Богородичные.

Рождество Пресвятыя Богородицы (8 Сентября).

Въ невемицѣмъ градѣ [2]) Іудеистѣмъ, Назаретѣ, живяше [3]) нѣкій благочестивый и боголюбивый мужъ, именемъ Іоакимъ. Жена ему бысть [4]) стая и праведная Анна. Праведницы сіи, достигше старости, не имѣста

[1]) Я не христіанка. [2]) града—города. [3]) Живяше—жилъ. [4]) Бысть—была.

чáдъ [1]), занѐ [2]) Áнна вѣ̀ неплóды. Їωакíмъ и̑ Áнна непрестáнно молúста [3]) Гⷣа, да дáрꙋетъ и̑ма чáдо. Молúтва прáведныхъ оу̑слы̑шана бы̑сть Бг҃омъ. Онъ послà и̑ма въ стáрости глꙋбо́цѣй вели́ю [4]) и̑ неизрече́нную рáдость, дарова́въ и̑ма дщéрь [5]), Марíю, и̑́же [6]) послѣ́дꙋ [7]) бы̑сть пренепоро́чная Мáтерь Гⷣа нáшегω Їи҃са Хр҃та, и̑ застꙋпница ро́да христiáнска.

Введе́нїе во хра́мх Престы́я Бц҃ы (21 Ноября).

Їωакíмъ и̑ Áнна, роди́телѧ преблагослове́нной Дв҃ы Марíи, е́ще до рожде́нїѧ Ѥ̀мꙋ, дáста о҃бѣтъ Бг҃ꙋ посвяти́ти Ѥ̀мꙋ чáдо, е́же [8]) бꙋдетъ

Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы.

дано и̑ма ѿ Гⷣа: тáко и̑ сотвори́ста прáведницы. Ѓгда́ престѣ́й Дв҃ѣ Марíи, и̑́же бы̑сть [9]) и̑спрошéна и̑ми ѿ Гⷣа, и̑сполнúшасѧ три̑ лѣ́та [10]),

[1]) Чáдо—дитя. [2]) Занѐ—потому что. [3]) Молúста—молились. [4]) Вели́ю—великую. [5]) Дщéрь—дочь. [6]) И̑́же—которая. [7]) Послѣ́дꙋ—впослѣдствіи. [8]) Ѥ̀́же—которое. [9]) И̑́же бы̑сть—которая была. [10]) Лѣ́та—года.

Іоаки́мъ и А̑нна созва́ста всѣ́хъ сро́дникъ і зна́емыхъ свои́хъ, пригласи́ста О̑троковицу́ [1]), сверстницъ дщере́ [2]) своея́, и о̑блекше ю̆ [3]) я̑ко дщерь царе́ву, съ возжже́нными свѣ́тріи, при множествѣ наро́да, велелѣпно [4]) введо́ста ю̆ во хра́мъ Іерусали́мскій. Во хра́мѣ сем преблагопоро́чная Мари́а пребы́сть до и̑сполне́нія вре́мени воспита́нія своего́, подвизаю́щися въ моли́твѣ, богомы́сліи, чте́ніи сло́ва Бо́жія и̑ ины́хъ добродѣте́лехъ.

Благовѣще́ніе Престы́я Бцы́ Сро́дницы (25 Марта).

(Ева́нгеліе о̑ Лу́ки, гл. а̑, ст. кѕ—ки).

По́сланъ бы́сть А̑ггла Гаврии́лъ о̑ Бга во гра́дъ Галиле́йскій, е̑мужде [5])

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.

и̑мя Назаре́тъ, къ дѣ́вѣ о̑бручє́нѣй мужеви, е̑муже и̑мя Іо́сифъ, о̑

[1]) О̑троковица—дѣвочка. [2]) Дщерь—дочь. [3]) О̑блекше ю̆—одѣвъ ее. [4]) Велелѣпно—величественно, торжественно. [5]) Е̑мужде—которому.

домѹ Дв҃дова: и и҃мя дв҃ѣ Маріа́мѣ. И вше́дъ къ Не́й А҃гг҃лъ, рече́: ра́дѹйсѧ, благода́тнаѧ, Гд҃ь съ Тобо́ю, бл҃гослове́нна Ты въ жена́хъ: Она́ же ви́дѣвши, смѹ́тисѧ ѡ҆ словесѝ е҆гѡ̀ и҃ помышлѧ́ше, каково́ бѹ́детъ цѣлова́ніе [1]) сіе́, И҃ рече [2]) А҃гг҃лъ Е҆й: не бо́йсѧ, Маріа́мѣ, ѡ҆брѣ́ла бо е҆сѝ благода́ть оу҃ Бг҃а. И҃ се́ зачне́ши во чре́вѣ, и҃ роди́ши Сн҃а, и҃ нарече́ши и҃мя Е҆мѹ́ Іи҃съ. Сей бѹ́детъ вели́й [3]) и҃ Сн҃ъ Вы҃шнягѡ нарече́тсѧ: и҃ да́стъ Е҆мѹ́ Гд҃ь Бг҃ъ престо́лъ Дв҃да Отца́ е҆гѡ̀: и҃ воцари́тсѧ въ домѹ́ Іа́кѡвли во вѣ́ки, и҃ ца́рствію е҆гѡ̀ не бѹ́детъ конца́. Рече́ же Маріа́мѣ ко А҃гг҃лѹ: ка́кѡ бѹ́детъ сіе́, и҃дѣ́же [4]) мѹ́жа не зна́ю; И҃ ѿвѣ́щавъ А҃гг҃лъ, рече́ Е҆й: Дх҃ъ Стый на́йдетъ на Тѧ́, и҃ си́ла Вы҃шнягѡ ѡ҆сѣни́тъ Тѧ́: тѣ́мже [5]) и҃ раждаемое свѧ́то, нарече́тсѧ Сн҃ъ Бж҃ій. И҃ рече́ Маріа́мѣ: се́ раба́ Гд҃нѧ, бѹ́ди Мнѣ по глаго́лѹ твоемѹ́. И҃ ѿи́де [6]) ѿ Нея́ А҃гг҃лъ.

Рж҃тво́ Гд҃а на́шего Іи҃са Хр҃та́ (25 Декабря).

(Е҆ѵ҃ліе ѿ Лѹки, гл. в҃, ст. а҃—д҃).

И҃зы́де повелѣ́ніе ѿ Ке́сарѧ А҃вгѹ́ста, написа́ти всю҆ всел҃е́нн҃ую. [7]) Сіе́ написа́ніе пе́рвое бы́сть владѧ́щѹ Сѵ̀ріею Ки҃ріни́ю. [8]) И҃ и҃дѧ́хѹ вси҆ написа́тисѧ, ко́ждо [9]) во свое́й гра́дъ. И҃зы́де же и҃ Іѡ́сифъ ѿ Галіле́и, и҃з҃ гра́да Назаре́та во Іѹ́дею, во гра́дъ Дв҃довъ, и҃же нарица́етсѧ [10]) Вифлее́мъ: зане́ [11]) бы́ти е҆мѹ́ ѿ домѹ́ и҃ ѻ҆те́чества [12]) Дв҃дова, написа́тисѧ съ Маріе́ю ѡ҆бручѐ́нною е҆мѹ́ женою, сѹ́щею непра́здною. Бы́сть же, е҆гда́ бы́ша та́мѡ [13]), и҃сполни́шасѧ дніе́ роди́ти Е҆й: и҃ роди́ Сн҃а своего́ пе́рвенца, и҃ повѝтъ е҆гѡ̀ [14]), и҃ положѝ е҆гѡ̀ въ я҆сляхъ: зане́ не бѣ и҃мъ мѣ́ста во ѻ҆би́тели. И҃ па́стыріе бѣ́хѹ въ тѡ́йже странѣ́, бдя́ще [15]) и҃ стрегѹ́ще стра́жѹ ночны́ю ѡ҆ ста́дѣ свое́мъ. И҃ се́ [16]) А҃гг҃лъ Гд҃нь ста́ въ ни́хъ [17]), и҃ сла́ва Гд҃нѧ ѡ҆сі҃ѧ́ а҆хъ: и҃ оубоя́шасѧ стра́хомъ вели́мъ. И

---

[1]) Цѣлова́ніе—привѣтствіе. [2]) Рече́—сказалъ. [3]) Вели́й—великъ. [4]) И҃дѣ́же—когда. [5]) Тѣ́мже—поэтому. [6]) И҃ѿи́де—отошелъ. [7]) Написа́ти всю҆ всел҃е́нн҃ую—сдѣлать перепись по всей землѣ. [8]) Владѧ́щѹ Сѵ̀ріею Ки҃ріни́ю—въ правленіе Квириніи Сиріею. [9]) Ко́ждо—каждый. [10]) Нарица́етсѧ—называется. [11]) Зане́ бы́ти е҆мѹ́—потому что онъ былъ. [12]) Ѻ҆те́чества—рода. [13]) Е҆гда́ бы́ша та́мѡ—когда были тамъ. [14]) Повѝтъ е҆гѡ̀—спеленала его. [15]) Бдя́ще—не спя и содержа ночную стражу. [16]) Се́—вотъ. [17]) Ста́ въ ни́хъ—сталъ среди нихъ.

рече́ и҃мъ А҃гг҃лъ: не бо́йтесѧ: се́ бо [1]) благовѣствю́ю ва́мъ ра́дость вели́ю, и҆́же [2]) бу́детъ всѣ́мъ лю́демъ: я҆́кш родисѧ ва́мъ днесь Спсъ, и҆́же е҆́сть Хр҃то́съ Г҃дь, во гра́дѣ Давдовѣ. И҃ се́ ва́мъ зна́менїе: [3]) ѡ҆брѣ́-

Рождество Христово.

щете [4]) младе́нца повита́, лежа́ща въ я҆́слехъ. И҃ внезапу́ [5]) бы́сть со А҃гг҃ломъ мно́жество во́йй [6]) небе́сныхъ, хвалѧщихъ Б҃га, и҃ глаго́лющихъ: сла́ва въ вы́шнихъ Б҃у, и҃ на земли́ ми́ръ, въ человѣ́цѣхъ благоволе́нїе.

Ѻ҆рѣ́тенїе Г҃не (2 Февраля).

(Ѕ҃ѵ́лїе ѿ Лу́ки, гл. в҃, ст. к҃е—л҃в).

Бѣ [7]) человѣ́къ во Іерусали́мѣ, е҆му́же и҃мя Сѵ́меѡ́нъ: и҃ человѣ́къ сей пра́веденъ и҃ благочести́въ, чая́ [8]) ѹ҆тѣ́хи Ї҆и́лены, и҃ Дх҃ъ бѣ Ст҃ъ въ

[1]) Бо—ибо, потому что. [2]) И҃же—которая. [3]) Зна́менїе—знакъ. [4]) Ѡ҆брѣ́щете—найдете. [5]) Внеза́пу—внезапно, вдругъ. [6]) Мно́жество во́йй — многочисленное воинство. [7]) Бѣ—былъ. [8]) Чая́—ожидая.

нѣмъ. И̑ бѣ ѥ̑мꙋ ѡ̑бѣщáнно Дх҃омъ Сты́мъ, не ви́дѣти сме́рти, прежде дáже [1]) не ви́дитъ Хр҃та Гд҃на. И̑ прии́де Дх҃омъ въ це́рковь: ѥ̑гда введоста [2]) роди́теля Отрочá Їисa, сотвори́ти и̑́ма по о̑бы́чаю зако́нномꙋ ѡ̑ Не́мъ: и̑ то́й прі́емъ [3]) Є̑го на рꙋ́кꙋ свою̀, и̑ благослови́ Бг҃а, и̑ речѐ: Ны́нѣ ѿпꙋщáеши рабà твоего̀, ꙗ̑́ко, по глаго́лꙋ [4]) твоемꙋ, съ ми́ромъ: ꙗ̑́кѡ ви́дѣстѣ о̑́чи мои̑ спасе́нїе твоѐ, ѥ̑же є̑си̑ ꙋ̑гото́валъ предъ лице́мъ всѣ́хъ люде́й: свѣ́тъ ко ѡ̑́кровéнїе [5]) ꙗ̑зы́ковъ, и̑ сла́вꙋ люде́й твои́хъ Їи̑лѧ.

Бг҃оявле́нїе Гд҃не (6 Января).

(Є̑ѵ҃ліе ѿ Мáрка, гл. а̑́, ст. ѳ—а̑і).

Прии́де Їи̑съ ѿ Назаре́та Галіле́йскагѡ, и̑ крⷭ҇ти́сѧ ѿ Їѡа́нна во Їор-

Крещеніе Господне.

---

[1]) Прéжде дáже—доподлѣ. [2]) Є̑гдá введóста—когда внели. [3]) Тóй прі́емъ—онъ взялъ. [4]) По глаго́лꙋ — по слову. [5]) Во ѡ̑́кровéнїе—ко просвѣщенію.

дáнѣ. И ѧ҃ѕіе [1]), восходя́ ѿ воды́, ви́дѣ разводя́щасѧ [2]) нб҃сы, и́ Дх҃а ꙗ҆́кш го́лꙋ́бь сходя́ща на́нь. [3]) И гла́съ бы́сть съ нб҃се: Ты є҆́си Сн҃ъ мо́й возлю́бленный, ѿ Не́мже [4]) благоволи́хъ.

Преображе́нїе Гд҃не (6 Августа).

(Ѕ҃ѵліе ѿ Матфе́а, гл. з҃, ст. а҃—и҃).

Поѧ́тъ [5]) Їи҃съ Петра́, и́ Ꙗ҆́кшва, и́ Їѡа́нна бра́та є҆гѡ̀, и́ возведе́ и҃ха на горꙋ́ высоку́ є҆ди́ны. И́ преобразѝсѧ пре́дъ ни́ми, и́ просвѣти́сѧ лице́ є҆гѡ̀ ꙗ҆́кш со́лнце, ри́зы [6]) же є҆гѡ̀ бы́ша бѣлы́ ꙗ҆́ко свѣтъ. И́ се́

Преображеніе Господне.

ꙗ҆ви́стасѧ [7]) и҃мъ Мѡѷсе́й и́ Ѩлі́а, съ Ни́мъ глаго́люща. Ѿвѣщава́въ же Пе́тръ рече́ ко Їи҃сови: Гд҃и, добро̀ є҆́сть на́мъ зд҃ѣ [8]) бы́ти: а҃ще [9])

---

[1]) Ѧ҃ѕіе—тотчасъ. [2]) Разводя́щасѧ—разверзающаяся. [3]) На́нь — на Него. [4]) Ѿ Не́мже—о Которомъ. [5]) Поѧ́тъ—взялъ. [6]) Ри́зы—одежды. [7]) Ꙗ҆ви́стасѧ—явились. [8]) Зд҃ѣ—здѣсь. [9]) А҃ще—если.

хо́щеши, сотвори́мъ здѣ́ три́ сѣ́ни [1]), Тебѣ́ є҆ди́нѹ, и҆ Мѡ҃ѷсе́еви є҆ди́нѹ, и҆ є҆ди́нѹ И҆лі́и. Є҆щ҃е́ же є҆мѹ́ глаго́лющѹ [2]), се҆ о҆́блакъ свѣ́телъ ѡ҆сѣни́ и҆̀хъ, и҆ се гла́съ и҆̀зъ о҆́блака глаго́лѧ: сей є҆́сть сы́нъ мо́й возлю́бленный, и҆̀ Не́мже благоволи́хъ: того́ послу́шайте. И҆ слы́шавше оу҃ченицы, паде́ша ни́цы [3]), и҆ оу҃вожа́шасѧ сѣ́лѡ [4]). И҆ приступи́ль І҃ї҃съ, привосну́всѧ и҆̀хъ, и҆ рече́: воста́ните, и҆ не бо́йтесѧ. Возве́дше же о҆́чи свои́, никого́же ви́дѣша, то́кмѡ [5]) І҃ї҃са є҆ди́наго.

Вхо́дъ Гдн҃ь въ Іерѹсали́мъ.

(Є҆ѵ҃лі҃е ѿ Матѳе́а, гл. ка҃, ст. а҃—а҃і).

Є҆гда́ прибли́жишасѧ во Іе҃рли́мъ, и҆ прі҃идо́ша въ Вѳфсфагі́ю къ

Входъ Господень въ Іерусалимъ.

горѣ́ Є҆леѡ́нской, тогда́ І҃ї҃съ посла́ два́ оу҃ченика́, глаго́лѧ и҆̀ма: и҆ди́та въ

[1]) Сѣ́ни—тѣни, кущи. [2]) Є҆щ҃е́ же є҆мѹ́ глаго́лющѹ—когда онъ еще говорилъ. [3]) Паде́ша ни́цы—пали на лица. [4]) Сѣ́лѡ—очень. [5]) То́кмѡ—только.

вѣсь [1]), ꙗ҆́же прямѡ̀ вама́, и҆ а҆́бїе ѡ҃брѣ́щета ѻ҆слꙋ̀ привѧ́зано, и жребѧ̀ съ ни́мъ: ѡ҃рѣши́вша [2]) приведи́та мѝ. И҆ а҆́ще вама́ кто̀ рече́тъ что̀, рече́та: ꙗ҆́кѡ гдь є҆ю̀ [3]) тре́бꙋетъ: а҆́бїе же пе́слетъ ѧ̀ [4]). Ше́дша же оу҆ченика́, и҆ сотвори́ша, ꙗ҆́коже повелѣ̀ и҆̀ма їи҃съ, приведо́ста ѻ҆слꙋ̀ и҆ жребѧ̀, и҆ возложи́ша верхꙋ̀ є҆ю̀ ри҃зы свои́мъ, и҆ всѣ́де верхꙋ̀ и҆́хъ. Мно́жайшіи же наро́ди постила́хꙋ ри҃зы свои́мъ по пꙋ́ти: дрꙋ́зіи же рѣза́хꙋ вѣ́тви ѿ дре́въ, и҆ постила́хꙋ по пꙋ́ти. Наро́ди же предходѧ́щіи є҆мꙋ̀ и҆ вслѣ́дствꙋющіи [5]) зва́хꙋ, глаго́люще: [6]) ѠСа́нна [7]) сы҃ꙋ̀ Дв҃довꙋ̀: благослове́нъ гра́дый во и҆́мя гдне: ѠСа́нна въ вы́шнихъ. И҆ вше́дшꙋ є҆мꙋ̀ [8]) во і҆ерли́мъ, потрясе́сѧ вѣ́сь гра́дъ, глаго́лѧ: кто̀ е҆́сть сей́; Наро́ди же глаго́лахꙋ: сей́ е҆́сть їи҃съ проро́къ, и҆́же ѿ Назаре́та Галіле́йска.

(Це́рковь пра́здноꙋетъ сіѐ собы́тіе въ шестꙋ́ю недѣ́лю Вели́каго поста́).

Воскресе́нїе Хр҃то́во.

(Ева҃ліе ѿ Матѳе́а, гл. к҃и, ст. ѧ—і҃).

Въ ве́черъ же сꙋ́ббѡтный [9]), свѣта́ющи во е҆ди́нꙋ ѿ сꙋ́ббѡтъ [10]) прїи́де Мари́а Магдали́на, и҆ дрꙋга́я Мари́а, ви́дѣти гро́бъ. И҆ се тр҃съ [11]) бы́сть ве́лій: Аг҃гла̀ бо гдня сше́дъ съ нб҃се́, приступль ѿпали́ ка́мень ѿ две́рій гро́ба, и҆ сѣдѧ́ше на не́мъ. Бѣ́ же зра́къ [12]) его̀ ꙗ҆́кѡ мо́лнїа, и҆ ѡ҃дѣ́ніе е҆гѡ̀ бѣло̀ ꙗ҆́кѡ снѣгъ. ѠСтраха́ же е҆гѡ̀ сотрясо́шасѧ стрегꙋ́щіи, и҆ бы́ша ꙗ҆́кѡ ме́ртви. ѠСвѣщава́въ же Аг҃гла, речѐ жена́мъ: не бо́йтесѧ вы, вѣ́мъ во [13]), ꙗ҆́кѡ і҆и҃са распа́таго и҆́щете. Нѣ́сть здѐ: воста́ бо, ꙗ҆́коже рече: прі҃и́дѣте, ви́дите мѣ́сто, и҆дѣ́же лежа́ гдь. И҆ ско́рѡ ше́дше рцы́те [14]) оу҆ченико́мъ є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ воста́ ѿ ме́ртвыхъ: и҆ сѐ варѧ́етъ вы̀ [15]) въ Галіле́и, та́мѡ є҆го̀ оу҆зрите. сѐ рѣ́хъ вамъ̀. И҆ и҆зше́дше ско́рѡ ѿ гро́ба со ѕтра́хомъ и҆ ра́достїю ве́лію, тек̀остѣ [16]) возвѣсти́ти оу҆ченико́мъ

---

[1]) Вѣсь—село. [2]) ѠСрѣши́вша—отвязавъ. [3]) Є҆ю—ихъ. [4]) ѧ̀—ихъ. [5]) Вслѣдствꙋющіи—сопровождающіе. [6]) Зва́хꙋ глаго́люще—восклицали, говоря. [7]) ѠСанна—благословеніе. [8]) И҆ вшедшꙋ̀ є҆мꙋ̀—когда онъ вошелъ. [9]) Въ ве́черъ сꙋ́ббѡтный — по прошествіи субботы. [10]) Свѣта́ющи во е҆ди́нꙋ ѿ сꙋ́ббѡтъ—на разсвѣтѣ перваго дня недѣли. [11]) Тр҃съ—землетрясеніе. [12]) Зра́къ—видъ. [13]) Вѣ́мъ во—ибо я знаю. [14]) Рцы́те—скажите. [15]) Варѧ́етъ вы̀ — предварлетъ васъ. [16]) Тек̀о́сте—побѣжали.

Ѳгѡ. Ѳгда́ [1]) же и҆дѧ́ста҄ возвѣсти́ти оу҆ченико́мъ Ѳгѡ҆, и҆ сѐ І҃съ срѣ́тe ѧ҆, глаго́лѧ: ра́дꙋйтесѧ. Ѻ҆нѣ́ же приступи́вше ѧ҆́стесѧ [2]) за но́зѣ Ѳгѡ҆,

Воскресеніе Христово.

и҆ поклони́стесѧ Ѳмꙋ. Тогда́ глаго́ла и҆́ма І҃съ: не бо́йтесѧ: и҆́дите, возвѣсти́те бра́тіи мое́й, да и҆́дꙋтъ въ Галиле́ю, и҆ тꙋ́ [3]) Мѧ҆ ви́дѧтъ.

Вознесе́нїе Гд҃не.

(Лꙋ́кі гл. к҃д, ст. и҃, до полови́ны и҃в. Дѣ́ѧ. гл. а҃. ст. ѳ҃—а҃ѳ. Лꙋ́кі гл. к҃д. ст. и҃в).

И҆зве́дъ и҆́хъ (и҆҃ѧшѧ І҃съ) вонъ [4]) до Виѳа́нїи: и҆ воздви́гъ рꙋ́цѣ [5]) свои́, и҆ благослови́ и҆́хъ. И҆ бы́сть, ѐгда́ благословлѧ́ше и҆́хъ, ѿста́ ни҆́хъ, и҆ возноша́шесѧ на не́бо. И҆ тіи́ поклони́шасѧ Ѳмꙋ́. Зрѧщымъ

[1]) Ѳгда́—когда. [2]) и҆҃ѧтсѧ—ухватились. [3]) Тꙋ́—тамъ. [4]) Вонъ до Виѳа́нїи—вонъ изъ города (Іерусалима) до Виѳаніи. [5]) Воздви́гъ рꙋ́цѣ—поднялъ руки.

имъ [1]) (апостоламъ), взятсѧ, и облакъ подѧтъ Его ѿ очію ихъ. И егда взирающе вѣхѹ [2]) на нево, идѹщѹ Емѹ, и се мѹжа два стаста предъ ними во одежди вѣлѣ, иже и рекоста: Мѹжіе Галілейстіи, что

Вознесеніе Господне.

стоите, зряще на нево; сей Іисъ, вознесыйсѧ ѿ васъ на нево, такожде [3]) пріидетъ, имже образомъ [4]) видѣсте Его идѹща на нево. И возвратишасѧ во Іерѹсалимъ съ радостію великою: и вѣхѹ выну [5]) въ церкви, хвалящіе и благословящіе Бга.

Сошествіе Стаго Дха.

(Дѣяній гл. ї, ст. а—ѳ).

Егда скончаваашасѧ дніе пѧтдесѧтницы, бѣша вси апли единодѹшно вкупѣ [6]). И бысть внезапѹ съ небесе шѹмъ, якѡ носимѹ дыханію

---

[1]) Зрящымъ имъ—когда они т. е. апостолы, смотрѣли. [2]) Взирающе вѣхѹ—смотрѣли. [3]) Такожде—также. [4]) Имже образомъ—каким. [5]) Выну—всегда. [6]) Вкупѣ—вмѣстѣ.

вѣрнѹ [1]), и̑ испо́лни вре́сь до́мъ, и̑дѣ́же бѧ́хѹ сѣдя́ще. [2]). И̑ я̑ви́шасѧ и̑мъ расдѣля́еми я̑зы́цы я̑ко ѻ̑гнєнни: сѣ́де же на є̑дино́мъ ко́емждо [3]) и̑хъ. И̑ испо́лнишасѧ вси́ Дха Ст҃а, и̑ нача́ша глаго́лати и̑ны́ми я̑зы́ки, я̑коже Дх҃ъ дая́ше и̑мъ проѣщава́ти. Бѧ́хѹ же во Іерѹсали́мѣ живѹщїи Іѹдє́и мѹ́жіе благоговѣ́йнїи [4]) ѿ всегѡ́ я̑зы́ка [5]), и̑же подъ небесе́мъ. Бы́вшѹ же гла́сѹ семѹ́, сни́десѧ наро́дъ, и̑ смѧте́сѧ [6]), я̑ко слы́шахѹ є̑ди́нъ кі́йждо и̑хъ свои́мъ я̑зы́комъ глаго́лющихъ и̑хъ. Дивлѧ́хѹсѧ же вси́ и чѹдя́хѹсѧ, глаго́люще дрѹ́гъ ко дрѹ́гѹ: не се́ ли вси́ сі́и сѹ́ть глаго́лющїи Галіле́ане; И̑ ка́ко мы́ слы́шимъ кі́йждо свои́ я̑зы́къ на́шъ, въ не́мже роди́хомсѧ; Оужаса́хѹсѧ же вси́ и̑ недоумѣва́хѹсѧ, дрѹ́гъ ко дрѹ́гѹ глаголюще: что́ оубѡ́ хо́щетъ сі́е бы́ти;

Оуспе́нїе Прест҃ы́ѧ Бц҃ы̀ Го́родицы (15 Августа).

Ѡ̀ днѝ всечестна́гѡ оуспе́нїѧ своегѡ прест҃а́ѧ Дв҃а Мари́ѧ извѣще́на бы́сть ѿ А̑рха́гг҃ла Гаврі́ила пре́жде трє́хъ дне́й, и̑ досто́йнѡ пригото́висѧ къ нем҃ѹ. Ко дню́ сем҃ѹ, по и̑зволе́нїю Бж҃ію, вси́ А̑г҃ли совра́шасѧ чѹ́дєснѡ во Іерѹсали́мъ. Гд҃ѹ Бг҃ѹ оугѡ́дно бы́сть, да вѣ́дѧтъ вси́ А̑п҃ли свидѣ́тели ми́рной конча́ины Бгома́тере: да ви́дѧтъ, ка́кѡ Сы́нъ Є̑мѹ́ Іи̑съ Хр҃то́съ въ со́нмѣ [7]) сты́хъ А̑г҃гл҃ъ прі́ѧ [8]) въ рѹ́цѣ свою́ пречи́стѹю дѹ́шѹ Мт҃ре своє́ѧ, и̑ да послѹ́жатъ Є̑́й во блаже́ннѣй конча́инѣ Є̑мѹ́, преда́вше сто́е тѣ́ло Є̑мѹ́ землѣ́, что́ и̑ сотвори́ша сті́и А̑п҃ли. Вси́ о̑нѝ съ возжже́нными свѣщы́, съ ѱалмопѣ́нїемъ и̑ моли́твами бг҃олѣ́пнѡ несо́ша о̑дръ [9]) съ тѣ́ломъ Бц҃ы̀ Го́родицы, є̑же че́стнѣ и̑ преда́ша землѣ́ въ Геѳсимані́йстѣй ве́си [10]), недале́че ѿ Іерѹсали́ма. А̑г҃лъ О̑ума́ не бы́сть во Іерѹсали́мѣ, є̑гда́ престо́висѧ преблагослове́ннаѧ Дв҃а Мари́ѧ. Трє́мъ дне́мъ мину́вшымъ [11]), при́и̑де и̑ се́й во Іерѹсали́мъ, и̑ оувѣ́дѣвъ ѿ конча́инѣ и

---

[1]) Ѩкѡ носи́мъ дыха́нїю вѣ́рнѹ—как во время сильнаго вѣтра. [2]) Бѧ́хѹ сѣдя́щє—они сидѣли. [3]) На є̑ди́номъ ко́емждо и̑хъ—на каждомъ изъ них. [4]) Благоговѣ́йнїи—именитые. [5]) Ѩзы́ки—народъ. [6]) Омяте́ѧ—взволновался, встревожился. [7]) Въ со́нмѣ—съ множеством. [8]) Прі́ѧ—принялъ. [9]) Ѻ̑дръ—постеля. [10]) Ве́сь—селенія, деревня. [11]) Трє́мъ дне́мъ мину́вшымъ—по прошествіи трехъ дней.

погребе́нїи Присноде́вы, восхоте́ оу҃ви́дѣти гро́бъ и́ честно́е тѣ́ло є҃г҃о́: є҃гда́ же ѡ҃кры́тъ бы́сть гро́въ, въ не́мъ не ѡ҃бре́тесѧ [1]) тѣ́лесе є҃г҃о́. Г҃дь, тридне́вию воскресы́й и҃зъ ме́ртвыхъ, воскресѝ въ тре́тїй де́нь ѿ гро́ба и́

Успеніе Пресвятыя Богородицы.

пречи́стую Мтр҃ь свою́. Въ ве́черъ тогѡ́же дне́, всѝ а҃г҃ли оу҃ви́дѣша пре-сто́ую ца҃рицу҃ нашу҃ Бц҃ы́ ро́дицу҃ на воздусѣ́, и҃́же рече́ и҃мъ: Ра́дуйтесѧ, А҃зъ е҃́смь присно [2]) съ вами.

Воздви́женїе честна́гѡ Креста́ Г҃дн҃а (14 Сентября).

Кре́стъ, на не́мже [3]) пло́тїю [4]) постра́да і оу҃мре Г҃дь на́шъ Іи҃съ Хр҃то́съ, о҃колѡ тре́хъ вѣкѡ́въ вѣ́ сокры́тъ ѿ Хр҃істі́анъ. Ѡ҃бре́тенъ бы́сть [5]) сей пречестны́й Кре́стъ Госпо́день, по и҃зволе́нию Бо́жию, св. благовѣ́рною и равноапо́стольною царицею Еле́ною, ма́терью Ри́мскагѡ Импера́тора, св

[1]) не ѡ҃бре́тесѧ—не оказалось. [2]) При́сно—всегда. [3]) На не́мже—на которомъ. [4]) Пло́тїю—тѣломъ. [5]) Ѡ҃бре́тенъ бы́сть—найденъ былъ.

равноапо́стольнагѡ Кѡнстантѝна, и́же пе́рвый и́зъ Императо́ровъ Ри́мскихъ воспріѧ́ [1]) вѣ́рꙋ Хрїстіа́нскꙋю и́ содѣ́ла госпо́дствꙋющею во вселе́нной. Ѡбрѣ́те же свѧты́ма равноапо́стольнаѧ Ѥле́на Кре́стъ Госпо́день на горѣ́ Голго́ѳѣ, въ пещи́рѣ, кꙋпно со кресты́ двꙋ́хъ разбо́йникъ, распя́тыхъ со Ї҃сомъ Хр҃то́мъ и ѹ҆вѣдѣ́въ по чꙋ́десѣ воскресе́нїѧ мертвеца́ чрезъ при-

Воздвиженіе честнаго Креста Господня.

косновє́нїе сегѡ̀ къ немꙋ́, ꙗ҆кѡ̀ ѻ҆нъ е҆́сть воистинꙋ́ Кре́стъ Хр҃то́въ, воздви́же, си́рѣчь [2]) подъ́ѧ е҆го́ и́зъ земли́ дла поклоне́нїѧ и́ чествова́нїѧ хрїстїа́нѡмъ. Сегѡ̀ ра́ди [3]) са́мый пра́здникъ, ꙋ҆стано́вленный въ по́мять всера́достнагѡ собы́тїѧ сегѡ̀ нарече́сѧ [4]) Воздви́женїемъ честнагѡ Крестꙋ́ Госпо́днѧ.

---

[1]) Воспріѧ́—принялъ. [2])Си́рѣчь—то есть. [3]) Сегѡ ра́ди—поэтому. [4]) Нарече́сѧ—названъ былъ.

III. Псалмы.

Псало́мъ 50-й (покаянный).

Номи́луй мѧ́ [1]), Бо́же, по вели́цѣй ми́лости твое́й, и́ по мно́жеству щедро́тъ [2]) твои́хъ, и́чи́сти беззако́ніе мое́. Наипа́че [3]) и́мый мѧ́ и́ беззако́нія моегѡ́ и́ и́ грѣ́ха моегѡ́ и́чи́сти мѧ́. Я́кѡ беззако́ніе мое́ а́зъ [4]) зна́ю и́ грѣ́хъ мо́й предо мно́ю е́сть вы́нѹ [5]). Тебѣ́ е́дино́мѹ согрѣши́хъ, и́ лѹка́вое пред тобо́ю сотвори́хъ. Я́кѡ да и́правди́шисѧ во словесѣ́хъ твои́хъ, и́ повѣди́ши, внегда́ сѹди́ти ти́ [6]). Се́ бо въ беззако́нїихъ зача́тъ е́смь, и́ во грѣсѣ́хъ роди́ мѧ ма́ти мо́ѧ. Се́ бо и́стинѹ возлюби́лъ е́си, безвѣ́стнаѧ и́ та́йнаѧ премѹ́дрости твоеѧ́ я́вилъ мѝ е́си. Ѡкропи́ши мѧ́ и́ссѹ́по́мъ [7]), и́ и́чи́ѭсѧ: и́мы́еши мѧ́, и́ па́че [8]) сне́га ѹ́бѣлю́сѧ. Слу́хѹ моемѹ́ да́си ра́дость и́ весе́лїе: возра́дѹютсѧ ки́сти смире́нныѧ. Ѡврати́ лице́ твое́ и́ грѣ́хъ мои́хъ, и́ всѧ́ беззаки́нїѧ мо́ѧ и́чи́сти. Се́рдце чи́сто созижди́ во мнѣ́, Бо́же, и́ дѹ́хъ пра́въ и́бнови́ во ѹ́тро́бѣ мое́й [9]). Не и́вре́ржи мене́ и́ лица́ твоегѡ́, и́ Дха́ твоегѡ́ Ста́го не и́ми́ и́ мене́. Воздаждь мѝ ра́дость спасе́нїѧ твоегѡ́, и́ Дхо́мъ Бча́щимъ ѹ́тверди́ мѧ. Нау́чѹ беззако́нныѧ пѹ́темъ твои́мъ, и́ нечести́вїи къ тебѣ́ и́врата́тсѧ. И́зба́ви мѧ́ и́ кровее́й, Бо́же, Бо́же спасе́нїѧ моегѡ́ возра́дѹетсѧ а́зы́къ мо́й пра́вдѣ твоеѧ́. Гдѝ, ѹ́стнѣ мои́ и́ве́рзеши, и ѹ́ста́ мо́ѧ возвѣ́ста́тъ хвалѹ́ твою́. Я́кѡ а́ще бы восхотѣ́лъ е́си же́ртвы далъ бы́хъ ѹ́бы: всесожже́нїѧ не бла́говоли́ши. Же́ртва Бѹ́ дѹ́хъ сокрѹше́нъ, се́рдце сокрѹше́нно и́ смире́нно Бг̃ъ не ѹ́ничи́житъ. Ѹ́блажи́ [10]) Гдѝ, бла́говоле́нїемъ твои́мъ Сі́ѡна, и́ да созижди́тсѧ стѣ́ны Іерѹсали́мскїѧ. Тогда́ бла́говоли́ши же́ртвѹ пра́вды, возноше́нїе и́ всесожига́емаѧ: тогда́ возложа́тъ на Салта́рь твои́ телцы́.

Псало́мъ 90.

Живы́й въ по́мощи Вы́шнягѡ, въ кро́вѣ Бг̃а нёбнагѡ водвори́тсѧ. Рече́тъ Гдви: заста́пникъ мо́й е́си, и́ прибѣ́жище мое́, Бг̃ъ мо́й и́ ѹ́пова́ю

---

[1]) Мѧ́—меня. [2]) Щедро́та—милость. [3]) Наипа́че—болѣе всего. [4]) А́зъ—я. [5]) Вы́нѹ—всегда. [6]) Я́кѡ да и́правди́шисѧ.... сѹди́ти—такъ что ты праведенъ въ приговорѣ твоемъ и чистъ въ судѣ твоемъ. [7]) Ѵссѡ́пъ—трава, употреблявшаяся у евреевъ для кропленія жертвенною кровію. [8]) Па́че—лучше, болѣе. [9]) Во ѹ́тро́бѣ мое́и—внутри меня. [10]) Ѹ́блажи́—облагодѣтельствуй.

на него. Ѩкѡ тóй ѝзвáвитъ тѧ ѿ сѣти лóвчи, и ѿ словесе мятéжна. Плещмá [1]) своíма ѡсѣнúтъ тѧ, и подъ крилѣ ѥгѡ́ надѣешисѧ. Ѻрýжїемъ ѡбы́детъ тѧ ѝстина ѥгѡ́, не оу́боúшисѧ ѿ страáха нощнáгѡ, ѿ стрѣлы́ летѧщїѧ во днú, ѿ вéщи во тмѣ преходѧщїѧ, ѿ срѧща [2]) и бѣса полу́деннагѡ [3]). Падéтъ ѿ страны́ твоеѧ ты́сѧща, и тмá ѡдесну́ю тебѣ́, къ тебѣ́ же не приближитсѧ. Ѻбáче [4]) очíма твоíма смóриши, и воздаѧнїе грѣ́шникѡвъ оу́зриши. Ѩкѡ ты Гди, оу́повáнїе моѐ: Вы́шнѧго положúлъ ѥси́ прибѣ́жище твоѐ. Не прíйдетъ къ тебѣ́ злó, и рáна не приближитсѧ тѣлесú твоемý. Ѩкѡ а҃гг҃лѡмъ своíмъ заповѣ́стъ ѡ тебѣ́, сохранúти тѧ во всѣ́хъ пу́тéхъ твоúхъ. На рýкáхъ вóзмýтъ тѧ, да не когдá прéткнéши ѡ кáмень нóгý твою́. На а҃спїда и василúска [5]) наступúши, и попереúши льва и smíѧ. Ѩкѡ на мѧ оу́пова, и ѝзбáвлю и, покры́ю и, ꙗкѡ позна́ ѩмѧ моѐ. Воззовéтъ ко мнѣ́, и оу́слы́шý ѥгѡ́: съ нúмъ ѥ́смь въ скóрби, ѝзмý ѥгѡ́, и прослáвлю ѥгѡ́. Долготóю днéй ѝспóлню ѥгѡ́, и ꙗ҃влю ѥмý спасéнїе моѐ.

---

[1]) Плещмá плещи—плечи, рамена. [2]) Ѻрѧща—нападеніе; зараза. [3]) Полу́денный—бывающій въ полдень. Бѣсъ полу́денный—въ рус. пер. зараза, опустошающая въ полдень; съ греч. языка—бѣшенство, бываемое въ полдень отъ палящихъ лучей солнца. [4]) Ѻбáче—впрочемъ, однако. [5]) А҃спїда и василúскъ—ядовитыя змѣи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Упражненія въ усвоеніи самыхъ необходимыхъ грамматическихъ свѣдѣній [1]).

Задача 1. Переписать слѣдующія слова, подчеркнувъ *і* (десятеричное).

Линія. Молнія. Сіянніе. Пріятель. Іоаннъ. Іосифъ. Илія. Тихій. Синій. Мелкій. Лѣтній. Осенній. Зимній. Весенній. Ранній. Поздній.

Правило. *І* (десятеричное) пишется только тогда, когда за этою буквою слѣдуетъ гласная или полугласная (*й*).

Задача 2. Перепишите слѣдующія слова и поставьте, гдѣ черточка, пропущенную букву (т. е. *и* или *і*?)

Къ намъ пр-ѣхали гости. Син-й цвѣтъ пр-ятенъ. Васил-й и Евген-й—родные братья. Долг-й путь утомителенъ. Нищ-й проситъ милостыню. Ксен-я, Мар-я, Соф-я—женск-я имена.

Задача 3. Слѣдующія слова списать, вставивъ выпущенную букву.

Прилежная Мар-я. Лѣтн-й жаръ. Зимн-й путь. Дик-й звѣрь. Радушный пр-емъ. Заглав-е книги. Добрый христіан-нъ. Пророкъ Ил-я. Дан-илъ былъ пророкъ іудейскій.

Задача 4. Слѣдующія слова перепишите и подчеркните слова *міръ* и *миръ*.

Міръ Божій прекраснъ. Плохой миръ лучше доброй ссоры. Воръ воруетъ, а міръ горюетъ. Хорошо жить въ мирѣ и любви. Господь часто говорилъ апостоламъ: миръ вамъ! Онъ покинулъ міръ.

Правило. Если слово *міръ* означаетъ вселенную, землю или людей, то оно пишется чрезъ букву *і* (десятеричную), а если означаетъ тишину, согласіе, дружбу, то пишется чрезъ *и* (восьмеричное).

Задача 5. Слѣдующія слова списать, вставивъ выпущенныя буквы (*и* или *і*).

М-рская сходка. М-ровой судья. Они поссорились и пом-рились. На м-рской сходкѣ ихъ пом-рили. Богъ сотворилъ м ръ изъ ничего. Въ м-рѣ все дѣлается по волѣ Божіей. По окончаніи войны было заключено перем-ріе, а потомъ и полный м-ръ. Съ м-ру по ниткѣ—голому рубашка.

---

1) *Замѣтка для учителя* Здѣсь помѣщены такія упражненія, которыя по исполненіи ихъ могутъ дать ученику значительный навыкъ писать настолько правильно, насколько этого возможно достигнуть въ теченіе второго учебнаго года. Во всякомъ случаѣ ученикъ, рѣшивши приложенныя здѣсь грамматическія задачки, будетъ въ состояніи избѣгать самыхъ грубыхъ, начаще встрѣчающихся ошибокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ возможность къ болѣе успѣшному исполненію письменныхъ упражненій въ связи съ книгою для чтенія.

Задача 6. Изъ слѣдующихъ словъ выписать слова съ буквою *ѣ*.

Хлѣбъ. Дерево. Бѣднякъ. Рѣка. Серебро. Дѣдъ. Отецъ. Сѣни. Ученикъ. Лѣто. Линейка. Потѣха. Скамейка. Смѣхъ.

Замѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ словахъ пишется буква *ѣ*, а въ другихъ—*е*.

Задача 7. Слѣдующія слова списать, подчеркнувъ части словъ: *же, че, ше, ще, ге, же* и *же*.

Жесть. Желѣзо. Жена. Честь. Ученикъ. Черта. Чемоданъ. Чесать. Шелуха. Шелудивый. Шерсть. Шевелить. Щенокъ. Щепка. Щелокъ. Защемить. Щель. Человѣкъ. Червякъ. Чепецъ. Герасимъ. Геронтій. Геннадій. Керчь (городъ). Кефиръ (напитокъ). Кедръ (дерево). Херувимъ.

Правило. Послѣ шипящихъ звуковъ (ж, ч, ш, щ) и гортанныхъ (г, к, х) въ началѣ и срединѣ слова *ѣ* никогда не пишется.

Задача 8. Слѣдующія слова переписать два раза, придумавъ и приписавъ къ нимъ подходящія слова:

1. *Бѣгъ*, бѣглый, бѣжать, убѣжище...
2. *Бѣда*, бѣдный, бѣдняжка, побѣдить...
3. *Бѣлъ*, бѣлить, выбѣлить, бѣлошвейка...
4. *Вѣтръ*, вѣтеръ, вѣтряный день...
5. *Вѣдать*, отвѣдать, вѣсть, невѣжда...
6. *Вѣкъ*, вѣчный, вѣковать, увѣчный...
7. *Вѣнокъ*, вѣникъ, вѣнчать, подвѣнечный...
8. *Вѣра*, вѣрный, увѣровать, невѣрный...
9. *Вѣсъ*, вѣсить, вѣшать, вѣшалка...
10. *Свѣтъ*, свѣтить, свѣча, подсвѣчникъ, свѣтлякъ...
11. *Цвѣтъ*, цвѣтникъ, выцвѣсти, цвѣточный...
12. *Свѣжій*, освѣжить...
13. *Звѣрь*, звѣринецъ, звѣроловъ...
14. *Дѣло*, дѣлать, понедѣльникъ, священнодѣйствовать...
15. *Дѣлить*, раздѣлить, дѣлёжка...

Образецъ работы: 1. *бѣгъ*, бѣглый, бѣжать, убѣжище, побѣжать, убѣжать, побѣгъ, разбѣгъ, бѣглецъ, бѣглянка, сбѣжавшій, прибѣжище и т. п. 2. бѣда, бѣдный, бѣдняжка, побѣдить, побѣда, побѣжденный и т. п.

Задача 9. Сдѣлать то же съ слѣдующими словами:

1. *Дѣва*, дѣвочка, дѣвичникъ...
2. *Дѣдъ*, дѣдушка, прадѣдушка...
3. *Дѣти*, дѣтство, бездѣтный...
4. *Звѣнъ*, звѣнокъ...
5. *Лѣзть*, вылѣзть, лѣстница...
6. *Лѣкарь*, лѣчить, лѣчебница...
7. *Лѣнь*, лѣнивый, лѣнтяй...
8. *Лѣсъ*, лѣсной, лѣсоводство...
9. *Лѣто*, лѣтній, столѣтній...
10. *Желѣзо*, желѣзный, желѣзистый...
11. *Колѣно*, колѣнопреклоненіе...
12. *Телѣга*, телѣжка...

13. *Слѣдъ*, слѣдовать, послѣдній наслѣдство...
14. *Слѣпой*, ослѣпнуть, подслѣповатый...
15. *Хлѣбъ*, хлѣбецъ, хлѣбосолъ...

Задача 10. Сдѣлать то же съ слѣдующими словами:

1. *Мѣдь*, мѣдникъ, мѣдянка...
2. *Мѣлъ*, мѣлокъ...
3. *Мѣна*, мѣнять, перемѣнить, обмѣнъ...
4. *Мѣра*, примѣръ, землемѣръ, мѣряный (напр. холстъ)...
5. *Мѣсто*, мѣстный, помѣщикъ, помѣстить...
6. *Мѣсяцъ*, мѣсячный, помѣсячно...
7. *Мѣсить*, помѣха, мѣшать, замѣсить...
8. *Мѣтить*, замѣтка, примѣта, смѣтливый, замѣчательный...
9. *Смѣть*, смѣхъ, смѣлый, насмѣшка...
10. *Нѣжа*, нѣжный, изнѣженный (напр. вкусъ)...
11. *Нѣмъ*, нѣмой, нѣмота...
12. *Гнѣвъ*, гнѣвный, прогнѣвать...
13. *Снѣгъ*, снѣжинка, подснѣжникъ...
14. *Пѣть*, пѣсня, пѣтухъ, спѣвка...
15. *Рѣдкій*, рѣдкость...

Задача 11. Сдѣлать то же съ слѣдующими словами:

1. *Рѣзать*, разрѣзъ, рѣзкій (напр. рѣзкое слово)...
2. *Рѣка*, рѣчка, рѣчной...
3. *Рѣшать*, рѣшительно, рѣшимость...
4. *Грѣхъ*, грѣшно, грѣшить...
5. *Крѣпкій*, укрѣпить, скрѣпить...
6. *Сѣдло*, сѣсть, сосѣдъ, сѣдокъ...
7. *Сѣдой*, сѣдѣть, сѣдоватый...
8. *Сѣку*, сѣкира, просѣка...
9. *Сѣрый*, сѣра, сѣрный (напр. запахъ)...
10. *Сѣть*, сѣтка, сѣтчатый ..
11. *Сѣмя*, сѣмячко, сѣять, сѣятель...
12. *Сѣно*, сѣнокосъ, сѣновалъ...
13. *Тѣнь*, стѣна, тѣнистый ..
14. *Тѣсный*, тѣснить, тѣснота, тѣсно...
15. *Цѣлъ*, цѣловать, цѣликомъ...
16. *Цѣна*, цѣнить, безцѣнный...
17. *Цѣпь*, цѣпной, отцѣпить...
18. *Ѣхать*, ѣзда, выѣхать, въѣздъ...
19 *Ѣсть*, ѣда, обѣдъ, объѣдать, съѣсть...
20. *Стрѣла*, стрѣлокъ, стрѣлять, выстрѣлъ [1]).

Задача 12. Слѣдующія слова списать, подчеркнувъ тѣ, которыя означаютъ названія людей, городовъ, рѣкъ и государствъ:

У меня четверо сыновей: старшаго зовутъ Владимиромъ, средняго Николаемъ, меньшого Александромъ и самаго младшаго Петромъ. Я бывалъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Динабургѣ,

---

1) *Замѣтка для учителя.* Если ученики на урокахъ рус. грам. ознакомились уже съ понятіемъ корня и производнаго слова, то послѣ этихъ упражненій имъ можно предложить правило: если въ корнѣ слова пишется *ѣ*, то и во всѣхъ производныхъ словахъ удерживается эта буква.

Харьковѣ, Одессѣ и Казани. Въ Россіи очень много большихъ рѣкъ, таковы: Волга, Донъ, Днѣпръ, Западная Двина, Нева, Кама и мн. др. Въ Россіи двѣ столицы: Москва и С.-Петербургъ. Во Франціи столичный городъ Парижъ, а въ Германіи Берлинъ.

Правило. Названія рѣкъ, городовъ, именъ людей и государствъ всегда пишутся съ большой буквы.

Задача 13. Переписать слѣдующія слова, подчеркнувъ букву *ъ*:

Кошкѣ (кому?) игрушки, а мышкѣ (кому?) слезки. Сестрѣ (кому?) купили большой мячикъ. Лошадкѣ (кому?) нуженъ отдыхъ. Къ нянѣ (къ кому?) пришелъ сынъ. Мы пойдемъ въ гости къ тетѣ (къ кому?). Травѣ (чему?) нуженъ дождикъ. Землѣ (чему?) нужно удобреніе. Онъ пріѣхалъ къ рѣкѣ (къ чему?).

Правило. Въ концѣ словъ, отвѣчающихъ на вопросы: кому или къ кому, чему или къ чему? нужно писать *ъ*, если слышится здѣсь звукъ *е*.

Задача 14. Списать, вписавъ пропущенную букву, слѣд. слова:

Сашу стали учить азбук-. Старух- дали хлѣба. Братъ купилъ сестр- платокъ. Сестр- Наташ- идетъ восьмой годъ. Мн- и брату сшили по новой парѣ верхняго платья. Дядя привезъ подарки мамаш-, мн- сестр- и нян-. Мы поѣдемъ въ гости къ дяд-, а отъ него заѣдемъ къ тет-.

Задача 15. Слѣдующія слова списать, подчеркнувъ букву *ъ*:

Я много читалъ о Кіевѣ (о чемъ?) и Москвѣ (о чемъ?). Я много слышалъ объ Императорѣ Петрѣ Великомъ (о комъ?). Изъ дому не пишутъ о братѣ и сестрѣ (о комъ?).

Правило. Въ словахъ, отвѣчающихъ на вопросы о комъ, о чемъ? пишется въ концѣ *ъ*, если слышится здѣсь звукъ *е*.

Задача 16. Слѣдующія слова перепишите, дописавъ пропущенную букву:

Онъ много плакалъ объ отц-. Узнай о сестр-. Я забылъ объ урок-. Я много думалъ обо игр-. Я читаю о рѣк- Волг-. Учитель намъ разсказывалъ о вод-, туман-, дожд-, снѣг- и град-.

Задача 17. Продолжите слѣдующую письменную работу:

Медвѣдь сильн*ѣе* волка. Лисица хитр*ѣе* волка. Левъ сильн*ѣйшій* звѣрь. Мой дядя достойн*ѣйшій* человѣкъ. Овца глупѣе козла. Кошка злѣй собаки. Ель слабѣй клена. Рѣка Днѣпръ быстр- Волги. Отецъ добр- дяди. Володя ласков- Коли. Серпъ туп- косы. Вася умн- Коли. Коля прилежн- Васи. Одинъ городъ ближе, а другой дальше. Этотъ столъ бѣлѣе, а тотъ чищ-. Эти сливки гущ-, а тѣ свѣжѣе. То дерево ниже, а это выш-. Сильн-йшій морозъ трещалъ на дворѣ.

Задача 18. Переписать, дописавъ пропущенныя буквы:

Сестра прилежн- брата. Братъ добр- сестры. Митя бѣжитъ быстр-, нежели Володя. Зайчикъ труслив- лисицы. Мой ножъ туп- твоего. Твоя палка красив- моей. Утро вечера мудрен..., лисица сыт-волка.

Задача 19. Продолжить слѣдующую письменную работу:

Онъ добр*ѣйшій*, умн..., красив..., богат..., мил.... прилежн..., старательн... и трудолюбив-йшій человѣкъ.

Задача 20. Списать, подчеркнувъ окончаніе *ѣлъ*, или *ѣли*.

Я посмотр*ѣлъ* и увид*ѣлъ*, какъ въ школѣ ученики сид*ѣли*, читали, пѣли, ходили и глядѣли.

Я захотѣлъ купаться. Соловей удивительно пѣлъ. Мы смирно сидѣли во время урока. Снѣгъ хрустѣлъ подъ санями.

Правило. Въ словахъ, означающихъ дѣйствіе и оканчивающихся на *лъ*, *ла*, *ло* или *ли*, пишется всегда *ъ*.

Задача 21. Переписать, вставивъ пропущенную букву.

Мы смотр-ли на приближающійся поѣздъ. Мы долго сид-ли на скамейкѣ. Двери непріятно скрип-ли въ домѣ. Мать вел-ла собирать обѣдъ. Супъ вскип-лъ. Жаркое немного подгор-ло. Всѣ съ-ли свой обѣдъ и хот-ли уходить. Въ школѣ п-ли стройно. Онъ много вытери-лъ.

Задача 22. Продолжить слѣдующую письменную работу.

Ты въ продолженіе дня чита*ешь* (что ты дѣлаешь?), ход*ишь*, спи*шь*, куша*ешь*, умыва*ешься*, гуля*ешь*, сиди*шь*, проща*ешь* съ отцомъ и матерью, моли*шь* Богу, становишь на колѣни, кладешь земные поклоны, просишь у Бога Его милостей, сожалѣешь о своихъ грѣхахъ, даешь обѣщаніе исправиться, раздѣва*ешь* и ложи*шь* спать. На другой день рано утромъ вста*ешь*, умыва*ешь*, одѣва*ешь*, обува*ешь*, причесыва*ешь*, моли*шь* Богу, завтрака*ешь* и собира*ешь* въ школу. Тамъ внимательно слуша*ешь* учителя, сиди*шь* смирно, повторя*ешь* уроки, дѣла*ешь* задачи; записыва*ешь* въ тетрадь, запомина*ешь* слышанное, игра*ешь* съ товарищами, проща*ешь* съ учителемъ и уходи*шь* домой.

Правило. Въ словахъ, которыя означаютъ дѣйствіе и къ которымъ можно приложить слово *ты* или вопросъ: что ты дѣлаешь? послѣ *ш* въ концѣ всегда пишется *ь*.

Задача 23. Вставить пропущенную букву.

Ты гуляеш- мало. Ты разсѣянно сидиш- въ классѣ, мало слушаеш-, мало понимаеш-, еще меньше запоминаеш-. Бывало, встанеш- рано утромъ, умоеш-ся, помолиш-ся Богу, возьмеш- удочки, пойдеш- на рѣку, выбереш- мѣстечко, сядеш-, надѣнеш- на крючокъ червяка, закинеш- удочку и станеш- ловить рыбу; чрезъ часъ наловиш- полное ведерко и принесеш- домой.

Задача 24. Продолжить слѣдующую письменную работу.

Братъ вста*етъ*, ход*итъ*, одѣва*ется*, умыва*ется*, обува*ется*, молит- Богу, здоровает- съ родителями, садит- за уроки, прилежно занимает-, по окончаніи уроковъ молит-, переодѣвает-, собирает- на прогулку, отправляет- и чрезъ часъ возвращает- домой.

Правило. Въ словахъ, означающихъ дѣйствіе и отвѣчающихъ на вопросъ: что онъ дѣлаетъ? въ концѣ пишется *етъ*, *итъ*, *ется*, *ится*.

Задача 25. Вставить пропущенныя буквы.

Коля учит- въ школѣ. Въ рѣкахъ водит- много рыбы. Дѣло не клеит- у него. Коля раздѣвает- и ложит- спать. Петя садит- на стулъ и разувает-. Братъ старается, а сестра лѣнится.

Задача 26. Продолжить слѣдующую письменную работу.

Учитель приказалъ (что дѣлать?) смирно сид*ѣть* и внимательно слуша*ть*. Онъ будетъ (что дѣлать?) чита*ть* интересную статью. Митя началъ хорошо (что дѣлать?) учи*ться* и совсѣмъ пересталъ лѣни*ться*. Муравьи и пчелы любятъ (что дѣлать?) много труди*ться*. Отецъ приказалъ дѣлямъ рано встават-, тотчасъ вставши одѣваться, умыват-, молит- Богу и итти въ школу. Коля захотѣлъ искупат- въ рѣкѣ. Онъ началъ просит- у матери. Мать не велѣла ему купат-. Коля и Петя

задумали катат- верхомъ. Отецъ не позволилъ имъ катат-, потому что они могли свалит- съ лошади и убит-.

Правило. Въ словахъ, означающихъ дѣйствіе и отвѣчающихъ на вопросъ: что дѣлать? въ концѣ пишется *ъ* (иногда *и*) или *ься*.

Задача 27. Вставить пропущенныя буквы.

Онъ начинаетъ сильно лѣнит- и плохо занимат- урокамп. Мы захотѣли катат- на лодкѣ, но намъ не позволили насладит- этимъ удовольствіемъ. Ученики стали лѣнит-, но учитель сказалъ, что онъ не пуститъ ихъ купат- и прогуливат-, если они не постараются приготовит- свои уроки. Мы стали собират-, укладыват-, чтобы ѣхать въ гости къ бабушкѣ. Бабушка позволила намъ въ своемъ саду побѣгат- и порѣзвит-, потомъ въ пруду покупат- и покатат- на лодкѣ.

Задача 28. Переписать правильно пять разъ слѣдующія слова, подчеркнувъ букву *т*:

Тѣ, всѣ, тѣхъ, всѣхъ, тѣмъ, всѣмъ, тѣми, всѣми, о тѣхъ, о всѣхъ, кѣмъ, чѣмъ, тѣмъ, гдѣ, двѣ, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, пятьдесятъ, шестнадцать, шестьдесятъ, семнадцать, семьдесятъ, восемнадцать, восемьдесятъ, девяносто, двѣсти. Мнѣ, тебѣ, себѣ.

Задача 29. Списать слѣдующія строки:

1. *Кто* встрѣтился съ тобою?
Добр*ый* человѣкъ, добр*ая* женщина, умн*ое* дитя.
Что нравится тебѣ?
Лѣтн*ій* день. Лѣтн*яя* ночь. Лѣтн*ее* утро.
2. Отъ *кого* ты услышишь умное слово?
Отъ добр*аго* человѣка, отъ добр*ой* женщины, отъ умн*аго* дитяти.
Чего нѣтъ зимой?
Лѣтн*яго* дня. Лѣтн*ей* ночи. Лѣтн*яго* утра.
3. Къ *кому* тебѣ нужно итти?
Къ добр*ому* человѣку. Къ добр*ой* женщинѣ. Къ умн*ому* дитяти.
Чему не нуженъ холодъ?
Лѣтн*ему* дню. Лѣтн*ей* ночи. Лѣтн*ему* утру.
4. *Кого* ты увидалъ?
Добр*аго* человѣка. Добр*ую* женщину. Умн*ое* дитя.
Что любишь ты?
Лѣтн*ій* день. Лѣтн*юю* ночь. Лѣтн*ее* утро.
5. *Кѣмъ* обрадованъ ты?
Добр*ымъ* человѣкомъ. Добр*ою* женщиною. Умн*ымъ* дитятею.
Чѣмъ доволенъ ты?
Лѣтн*имъ* днемъ, лѣтн*ею* ночью, лѣтн*имъ* утромъ.
6. *О комъ* плачешь ты?
О добр*омъ* человѣкѣ, о добр*ой* женщинѣ, объ умн*омъ* дитяти.
О чемъ ты говоришь?
О лѣтн*емъ* днѣ. О лѣтн*ей* ночи. О лѣтн*емъ* утрѣ.

Задача 30. Дописать пропущенныя окончанія.

1. Кто учится?
Бѣдн- мальчикъ, маленьк- дѣвочка, прилежно- дитя.
2. У кого ты былъ?
У мил- батюшки, у ласков- матушки, у бѣдн- дитяти.

3. Кому ты несешь гостинецъ?
Бѣдн- человѣку, убог- старушкѣ, безпріютн- дитяти.
4. Кого ты встрѣтилъ?
Быстр- зайца, хитр- лисицу, хитр- животн-.
5. Кѣмъ ты былъ напуганъ?
Больш- медвѣдемъ, свирѣп- волчицей, страшн- животнымъ.
6. О чемъ вы спорили?
О прочитанн- разсказѣ, о слышанн- сказкѣ, о голуб- небѣ.

Письменныя работы въ связи съ книгою для чтенія.

Задача 1. По прочтеніи басни: «Волкъ и журавль» (стр. 57), выписать въ тетрадь слова волка.

Задача 2. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Кому засѣла въ горло кость? 2. Кого волкъ нанялъ вынуть изъ горла кость? 3. Что сдѣлалъ журавль? 4. Досталъ ли онъ кость изъ горла волка? 5. Что потребовалъ журавль у волка за свои труды? 6. Что отвѣчалъ ему волкъ?

Задача 3. По прочтеніи басни: «Пастухъ» (стр. 58), списать въ тетрадь слова народа.

Задача 4. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Кто былъ Савва? 2. Гдѣ онъ прежде служилъ? 3. Что случилось въ стадѣ пастуха Саввы? Что сталъ дѣлать Савва? 5. Вѣрилъ ли народъ словамъ Саввы пастуха? 6. Кто между тѣмъ кралъ овецъ? 7. Изъ чего видно, что Савва кралъ овецъ?

Задача 5. По прочтеніи басни: «Лисица и оселъ» (стр. 58), списать слова лисицы.

Задача 6. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Съ кѣмъ лисица встрѣтилась? 2. Какъ она назвала осла? 3. Откуда шелъ оселъ? 4. Что сдѣлалъ льву оселъ? 5. Какъ рѣшился ударить льва оселъ? 6. Боялись ли звѣри льва? 7. Почему не боялись? 8. Какіе люди похожи на осла и какіе на льва?

Задача 7. По прочтеніи басни: «Кукушка и орелъ» (стр. 59), спишите слова орла.

Задача 8. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Чѣмъ наградилъ орелъ кукушку? 2. Что стала дѣлать кукушка въ новомъ чинѣ? 3. Какъ стали относиться къ ней птицы? 4. Съ какой жалобой обратилась кукушка къ орлу? 5. Что отвѣчалъ ей орелъ?

Задача 9. По прочтеніи басни: «Скворецъ» (стр. 60), выписать слова, въ которыхъ выражена дума скворушки.

Задача 10. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Какъ научился смолоду пѣть скворецъ? 2. Нравилось ли его пѣніе? 3. Изъ чего видно, что его пѣніе нравилось прочимъ птицамъ? 4. Доволенъ ли былъ скворушка своимъ пѣніемъ? 5. Отчего онъ не былъ доволенъ? 6. Какъ онъ задумалъ пѣть? 7. Удалось ли ему пѣть соловьинымъ ладомъ? 8. Съ чѣмъ сравнивается въ баснѣ его пѣніе? 9. Понравились ли оно теперь птицамъ? 10. Хорошо ли дѣлалъ скворушка, желая пѣть соловьемъ? 11. Какой совѣтъ даетъ ему баснописецъ?

Задача 11. По прочтеніи басни: «Два мужика» (стр. 61) выписать слова свата Степана.

Задача 12. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Что случилось съ кумомъ Егоромъ и съ кумомъ Ѳаддеемъ? 2. Отчего случилось съ ними такое несчастіе?

Задача 13. По прочтеніи басни: «Бѣлка» (стр. 61) дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. У кого служила бѣлка? 2. Угодна ли была служба бѣлки льву? 3. Что обѣщано было въ награду бѣлкѣ? 4. Скоро ли было исполнено обѣщаніе? 5. Какова была жизнь бѣлки у льва? 6. Что случилось съ бѣлкой, когда она состарѣлась и наскучила льву? 7. Прислали ей возъ орѣховъ? 8. Какіе были орѣхи? 9. Могла ли бѣлка ихъ ѣсть? 10. Почему она не могла ихъ грызть?

Задача 14. По прочтеніи басни: «Скупой и курица» (стр. 62) дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Какую имѣлъ скупой курицу? 2. Что сдѣлалъ скупой съ курицей? 3. Для чего это онъ сдѣлалъ? 4. Что нашелъ онъ въ курицѣ, когда ее зарѣзалъ?

Задача 15. По прочтеніи басни: «Раздѣлъ» (стр. 62) отвѣтьте письменно на вопросы: 1. О чемъ спорили торгаши? 2. Какъ они названы въ баснѣ? 3. Много ли они наторговали денегъ? 4. Чѣмъ кончился ихъ споръ?

Задача 16. По прочтеніи басни: «Демьянова уха» (стр. 63) отвѣтьте на вопросы: 1. Чѣмъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку? 2. Какова была уха? 3. Какъ угощалъ Демьянъ своею ухою? 4. Съ охотою ли Фока съѣлъ послѣднюю тарелку ухи? 5. Что сдѣлалъ Фока послѣ послѣдняго приглашенія Демьяна съѣсть еще тарелочку ухи? 6. Ходилъ ли въ гости къ Демьяну Фока послѣ этого угощенія? 7. Въ какихъ словахъ говорится, что Фока больше не ходилъ къ Демьяну въ гости?

Задача 17. По прочтеніи басни: «Оселъ и соловей» (стр. 65) списать въ тетрадь то мѣсто басни, гдѣ описывается пѣніе соловья.

Задача 18. По прочтеніи той же басни списать слова осла.

Задача 19. По прочтеніи той же басни отвѣтьте письменно на вопросъ: какого человѣка нужно разумѣть подъ ослом и какого подъ соловьемъ?

Задача 20. По прочтеніи басни: «Ларчикъ» (стр. 66) списать въ тетрадь слова механика, взявшагося открыть ларчикъ?

Задача 21. По прочтеніи той же басни отвѣтьте письменно на вопросъ: какого человѣка нужно разумѣть подъ механикомъ?

Задача 22. По прочтеніи басни: «Воробей и зерно» (стр. 66) поставить письменно къ ней подробные вопросы. Напр. 1. Кто нашелъ зерно? 2. Когда муравей нашелъ зерно? 3. Какое онъ нашелъ зерно? 5. Можно ли съ зерномъ совладать муравью? и т. д.

Задача 23. По прочтеніи басни: «Воробьи и овсянка» (стр. 67) поставить письменно къ ней подробные вопросы [1]).

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Замѣтка для учителя. По образцу предложенныхъ здѣсь письменныхъ задачъ—изложить содержаніе статьи по вопросамъ, списать какое-либо мѣсто статьи, отвѣтить на какой-либо вопросъ по прочтеніи статьи или поставить къ ней вопросы—учитель самъ можетъ составить неограниченное число задачъ.

ДОБРОЕ СЛОВО.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ

Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1890.

Учен. Ком. М. Н. Пр. и Училищн. Сов. при Св. Синодѣ допу-

ДОБРОЕ СЛОВО.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ

Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Февраля 16 дня 1890 года.

Цензоръ Протоіерей *Симеонъ Вишняковъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей—послѣдней—части «Добраго Слова», какъ и въ двухъ предшествующихъ, составитель желалъ остаться вѣрнымъ намѣченнымъ имъ плану, характеру и цѣли этой книги для класснаго чтенія въ сельскихъ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ. Составить и выработать преимущественно изъ образцовыхъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній русскихъ писателей книгу для класснаго чтенія, вполнѣ примѣненную къ духу и потребностямъ народной школы,—книгу, благодаря которой ученикъ этой школы научился бы плодотворнѣйшимъ образомъ пользоваться *книгою вообще*, какъ орудіемъ самообразованія и саморазвитія—вотъ та главная цѣль, которой составитель желалъ достигнуть при обработкѣ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ своей книги для чтенія. Насколько онъ достигъ своей цѣли — судить, конечно, не ему, а дѣтямъ, которыя будутъ читать его книгу, добросовѣстнымъ критикамъ, свѣдущимъ педагогамъ и тѣмъ, достойнымъ всякой чести и поощренія наставникамъ народныхъ школъ, которые въ свои занятія съ дѣтьми влагаютъ всю свою жизнь, всю свою душу. Всякое разумное замѣчаніе отъ нихъ мы примемъ съ сердечною благодарностью и воспользуемся имъ при дальнѣйшемъ—третьемъ—изданіи своихъ книгъ.

Теперь мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыми мы желали бы предотвратить могущія возникнуть недоразумѣнія при ближайшемъ ознакомленіи съ «Добрымъ Словомъ» (годъ третій) въ его настоящемъ изданіи.

1. Нѣкоторые читатели-критики быть можетъ найдутъ, что какъ третья часть «Добраго Слова», такъ и двѣ предшествующія книги того же названія во второмъ изданіи не отличаются такимъ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія, какими отличались онѣ при первомъ ихъ изданіи въ прошломъ (1889) году. Въ отвѣтъ на это мы должны сказать, что второе изданіе «Добраго Слова», сокращенное, исправленное и значительно переработанное, со внесеніемъ въ него многихъ новыхъ статей и стихотвореній, прямо отвѣчающихъ его назначенію въ настоящей его переработкѣ, исключительно назначено для *класснаго чтенія*, а не для внѣкласснаго чтенія [1]),—что назначаемая теперь цѣна книгъ болѣе чѣмъ вдвое *ниже противъ цѣны перваго* изданія и что за ту цѣну, по которой продается каждая часть «Добр. Сл. 2 изданія, не мыслимо дать книги большаго объема ни на одинъ печатный листъ.

2. Если въ цѣломъ рядѣ статей нашей книги тотъ же читатель-критикъ встрѣтитъ нѣсколько словъ и оборотовъ рѣчи до извѣстной степени превышающихъ кругъ пониманія того школьнаго возраста, для котораго пред-

---

[1]) Для каковой цѣли было между прочимъ назначено „Д. Сл." въ первомъ своемъ изданіи.

назначена наша книга, и на этомъ основаніи упрекнетъ насъ въ томъ, что мы будто бы не всегда и не вездѣ предлагаемъ статьи вполнѣ доступныя для дѣтскаго пониманія,—мы на это отвѣтимъ ему, что почти вездѣ такимъ словамъ и оборотамъ рѣчи мы давали подстрочныя объясненія,—что если гдѣ этого не сдѣлано по отношенію къ нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, то они, встрѣчаясь въ цѣлой статьѣ, совершенно доступной по содержанію пониманію дѣтей, вполнѣ могутъ быть поняты и усвоены въ ряду другихъ понятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи,—что чтеніе статей, въ которыхъ всѣ до одного слова и грамматическаго и стилистическаго оборота рѣчи понятны дѣтямъ и отнюдь не превышаютъ ихъ развитіе, въ особенности со стороны ихъ грамматической подготовки, совершенно похоже на переливанье изъ пустого въ порожнее, на толченіе воды въ ступѣ: ученики отъ такихъ статей не подвинутся въ умственномъ развитіи ни на одинъ шагъ, не обогатятся ни однимъ новымъ словомъ, не усвоятъ ни одного новаго литературнаго выраженія. Мы глубоко убѣждены, что задача составителя книги для класснаго дѣтскаго чтенія въ отношеніи изученія словъ и формъ отечественной рѣчи должна заключаться не въ томъ, чтобы онъ составлялъ такія статьи, въ которыхъ всѣ до одной частности были-бы понятны ученикамъ, но въ томъ, чтобы въ статьяхъ, предлагаемыхъ въ его книгѣ для чтенія, *постепенно* давались новыя слова и обороты рѣчи, такъ, чтобы почти незамѣтно для учащагося, они ввели бы его мало-по-малу въ сокровищницу отечественнаго языка со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ его словъ и формъ.

3. Въ третьей части «Добраго Слова», какъ и въ первой и во второй, почти всѣ статьи, сколько-нибудь значительнаго объема, раздѣлены нами арабскими или римскими цыфрами на части. Отъ нѣкоторыхъ лицъ мы слышали, что подобное дѣленіе статей едва ли вызывается педагогическими требованіями. Такъ какъ могутъ и другіе высказать подобное сужденіе, то мы считаемъ долгомъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ защиту принятаго нами дѣленія статей на части. Это мы сдѣлали для того, чтобы дать дѣтямъ возможность *наглядно наблюдать планъ и построеніе статей.* Если не всѣ, то очень многія дѣти, безо всякихъ даже толкованій учителя, всматриваясь въ сдѣланныя въ читаемыхъ ими статьяхъ дѣленія ихъ на части, могутъ подмѣтить то явленіе, что всѣ вообще словесныя произведенія составлены по извѣстному плану, благодаря которому всѣ самыя повидимому разнообразныя мысли не разбросаны какъ попало, а поставлены одна около другой въ извѣстномъ порядкѣ. А это открытіе—весьма не маловажно: оно постепенно пріучитъ ученика сначала къ устному, а потомъ и къ письменному изложенію своихъ мыслей въ извѣстной системѣ.

Составитель.

Москва. 1890 г. 17-го февраля.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

Человѣкъ.

		Стран.
1.	Максимъ Ивановъ. Изъ „Вечдосуговъ". А. Круглова.	1—3
2.	Смерть и похороны Чернаго. Кохановская	3—7
3.	Ѳедоръ коробейникъ. Передѣлано и сокращ. изъ разсказа: „Ѳедоръ Коробейникъ". М. 1884 г.	7—10
4.	Капитанъ Бопнъ. Жуковскій	10—15
5.	Плюшкинъ. Н. Гоголь	15—18
6.	Комната Плюшкина. Н. Гоголь	18—19
7.	Злой человѣкъ. Извлеч. и сокращ. изъ разсказа Вуечича	19—24
8.	Прохожій. Григоровичъ	24—26
9.	Капнитфертанъ. В. Жуковскій	26—27
10.	Какъ умираютъ хорошіе люди? Изъ „Объяснит. Чт.". Савенко	27—29
11.	Жизнь по разуму и по совѣсти. Изъ „Завѣщанія отеческаго къ сыну". Крестьянина Посошкова.	29—31
12.	Мелочи. Запист. съ сокращ. изъ соч. С. Смайльса: „Бережливость"	31—36
13.	Пустынникъ. А. Майковъ.	37
14.	Поэтъ. А. Пушкинъ	—
15.	Пророкъ. Лермонтовъ	—
16.	Слезы. Кн. Вяземскій	37—38
17.	Выхожу одинъ я на дорогу. Лермонтовъ	38
18.	Темница. Щербина	—
19.	Слезы. Тютчевъ	—
20.	На кладбищѣ. А. Жемчужниковъ	39
21.	Утѣшеніе. Кн. П. Вяземскій	39—40
22.	Труженикъ. А. Хомяковъ.	40
23.	Сяду я за столъ. Кольцовъ.	40—41
24.	Ахъ, ты ночь ли, поченька. Дельвигъ	41
25.	Пѣсня бѣдняка. Жуковскій.	—
26.	Ахъ, ты поле мое, поле, поле чистое. Нар. пѣсня.	42
27.	Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы. Народн. пѣсня.	—
28.	Идетъ кузнецъ изъ кузницы. Народн. пѣсня	42—43
29.	Дружба. Лермонтовъ	43
30.	Лучшій пиръ тается. Жаковская	—
31.	Товарищу. Кольцовъ.	—
32.	Мать. А. Майковъ.	43—44
33.	Къ дѣтямъ. А. С. Хомяковъ	—
34.	Жена ямщика. Никитинъ.	44—46
35.	Подвигъ. А. Хомяковъ.	—
36.	Не осуждай. Розенгейма.	46—47
37.	Послѣдняя борьба. Кольцовъ	—
38.	Всѣ люди братья. Плещеевъ.	47—48
39.	Нравоучительныя четверостишія. Кн. П. Вяземскій.	48—49
40.	Человѣкъ	49—50
41.	Мельникъ (Басня). Крылова.	50—51
42.	Крестьянинъ въ бѣдѣ (Басня). Его-же	51
43.	Лжецъ (Басня). Его-же	51—53
44.	Пушки и паруса (Басня). Его же	53—54
45.	Щука и котъ (Басня). Его-же	54
46.	Гусь (Басня). Его-же	55
47.	Орелъ и кротъ (Басня). Его-же	55—56
48.	Роща и огонь (Басня). Его-же	56—57
49.	Гребень (Басня). Его-же.	57—58
50.	Кривой толкъ. В. Даль.	58
51.	Пословицы объ обязательствахъ по договорамъ	59
52.	Пословицы и поговорки, относящіяся къ закону вообще	—
53.	Пословицы о земледѣліи	—
54.	Пословицы о трудолюбіи и праздности	60

Отдѣлъ второй.

Міръ Божій.

	Стран.
1. Земля, какъ она вертится, какъ ходитъ вокругъ солнца и какой имѣетъ видъ. По Далю и книгѣ: „Свѣтъ Божій“	61—65
2. Обзоръ земного шара. Извлеченіе съ сокращ. изъ кн. „Въ школѣ и дома“. Бунакова	66—69
3. Солнце. Извлеч. въ сокращ. изъ кн. „Свѣтъ Божій“.	70—71
4. Звѣзды. Оттуда же	71—72
5. Луна (Мѣсяцъ). Оттуда же.	72—74
6. Путешествіе воды. Изъ „Р. Сл.“	74—75
7. О теплотѣ. Изъ соч. „Почему и потому“. Отто Уле.	75—76
8. Отчего бываетъ роса, иней, дождь, снѣгъ и градъ	76—77
9. Газы. Гр. Л. Толстой	77—78
10. Непроницаемость. Изъ соч. „Почему и потому“, Отто Уле.	78
11. Центръ тяжести. Оттуда же.	78—79
12. Сцѣпленіе. Оттуда же	79
13. Притяженіе волосныхъ трубочекъ. Оттуда же	79—80
14. Дѣлимость. Оттуда же	80
15. Громъ и молнія	80—82
16. Размышленіе по случаю грома. И. Дмитріевъ	82
17. Труды солнышка. Жуковскій.	82—83
18. Гроза. Гончаровъ	83—84
19. Море. Тютчетъ	84
20. Море и утесъ. Тютчевъ	—
21. Тучи. М. Лермонтовъ	85
22. Вѣсы. А. Пушкинъ	—
23. Лѣсной царь. Изъ нѣмецк. поэта Шиллера въ переводѣ Жуковскаго	86
24. Ярко звѣздъ мерцанье. Никитинъ	86—87
25. Гора. Н. Языковъ	87
26. Утро. Я. Полонскій	—
27. Вечеръ. Я. Полонскій	—
28. Ночь. Жадовская	88
29. Міръ *обновленія*. Жадовская	—
30. Уединеніе. А. Пушкинъ	88—89
31. Макъ. Изъ „Русск. жизни и природы“. Водовозовой.	89—91
32. Мой садикъ. Плещеевъ	91—91
33. Роза. Жуковскій	92
34. Анчаръ А. Пушкинъ	—
35. Цвѣтокъ. А. Плещеевъ	93
36. Рѣчи цвѣтовъ. Извлеч. съ сокращ. изъ „В. Чт“	93—95
37. Нива. Майковъ	95
38. Вода и лѣсъ. Аксаковъ	96
39. Чернолѣсье. С. Аксаковъ	—
40. Краснолѣсье. С. Аксаковъ.	96—97
41. Рубка лѣса. Некрасовъ	97—98
42. Почвы. Максимовъ	98—99
43. Сѣвъ и бороньба. С. Аксаковъ	99—100
44. Хлѣбъ растетъ. С. Максимовъ	100—101
45. Какъ живутъ и питаются растенія? С. Крамшти[illegible]	101—102
46. Конь. Языковъ	102
47. Журавль. С. Аксакова	102—104
48. Ершъ. Его-же	104—105
49. Заяцъ. Его-же	105—107
50. Золото и желѣзо. Изъ кн. „Нашъ другъ,“ барона Корфа	107—108
51. Птица и рыба Изъ „Стнл. зад.“ Гаврилова	108
52. Дерево и трава. Оттуда-же.	—
53. Конь и верблюдъ. В. Даль.	109—110
54. Ничего не пропадаетъ. Изъ „Кн. для пера. чт.“ Водовозова	110—111
55. Явленія природы должны возбуждать въ насъ какъ благодарность къ Богу, такъ и благоговѣніе предъ Нимъ. Дм. Ѳ. Голубинскій	111—112

Отдѣлъ третій.

Родина.

	Стран.
1. Русское государство	113—115
2. Русская земля. С. Максимова.	
I. Сѣверный край Россіи	115—118
II. Умѣренный край Россіи	118—121
III. Южный край Россіи.	121—123
IV. Кавказскій край. Изъ кн. „Товарищъ“ Попова, годъ III-й	123—124
V. Сибирь. Оттуда-же.	124—126
3. Русская земля. Н. Гоголь.	126—127
4. Степь. Н. Гоголь	127—128
5. Рѣка Уралъ. А. Пушкинъ	128—129
6. Пятигорскъ. Лермонтова	129
7. Кавказская дорога. Его-же.	130—131
8. Деревня. Н. Тургеневъ	131—133
9. Императоръ Петръ Великій. Изъ „Хрестъ“. Ермина и Волотовскаго	133—135
10. Разсказы о Петрѣ Великомъ. По Корниловичу и др. источникамъ	135—141

Стран.

10. Петербургъ. А. Пушкина.. 141
11. Полтавскій бой. Его-же.... 142—143
12. Петръ Великій. Его-же.. 143
13. Кто онъ? Майковъ ..... 143—144
14. Домикъ Петра Великаго въ Сарданѣ. Устряловъ. .. 144
15. Памятникъ Петру Великому..... —
16. Малое слово о великомъ. В. Бенедиктовъ..... 145—147
17. Никита Демидовъ. Изъ соч. С. Смайльса „Самодѣятельность“..... 147—148
18. Ломоносовъ. По Рождественскому и друг. . . .... 148—152
19. Отрокъ. Пушкинъ.. 152
20. Ломоносовъ. Майковъ. .... 152—153
21. Школьникъ. Некрасовъ.... 153
22. Императрица Екатерина Великая. Изъ „Хрест“ Пущковича ..... 153—155
23. Екатерина Великая въ домашнемъ и царскомъ быту Изъ „Русск. Старины“. 155—161
24. Суворовъ. По Новаковскому, Рождественскому, истор., журнальн. и др. источникамъ ..... 161—107
25. Солдатскій катехизисъ Суворова..... 170—171
26. Какъ встарину, при Суворовѣ, готовились къ бою наши православные русскіе воины..... 171—172
27. Суворовъ. Державинъ.. .. 172
28. Смерть капитана Миронова. Изъ пов. А. Пушкина: „Капитанская дочка“ ... 173—174
29. Иванъ Петровичъ Кулибинъ. Изъ „Пчелы“. Н. Щербина.. ..... 174—177
30. Отечественная война. Толычевой..... 177—181
31. Сказаніе о 1812 годѣ. Майковъ .... 181—182
32. Разсказъ очевидца о Бородинскомъ сраженіи. (Изъ „Писемъ русскаго офицера“ Ѳ. Глинки. ..... 182—183
33. Бородино. Лермонтовъ .... 184—185
34. Подвигъ генерала Раевскаго. Заимствов. изъ „Разсказ. о военныхъ подвигахъ“, изд. ред. журн. „Чтеніе для солдатъ“..... 185
35. Подвигъ подполковника Энгельгарта и коллежскаго ассессора Шубина. Заимствов. оттуда же..... 186—187
36. Савва Бѣляевъ. Оттуда-же. 187
37. Слуга царскій и его жена. Изъ „Писемъ“ Ѳ. Глинки. 187—188
38. Великая панихида. Н. Щербина ..... 188—189
39. Изъ жизни императора Александра I. Изъ журн „Досугъ и Дѣло,“ „Ист. царство Александра Благословл.“ Богдановича и др. источниковъ..... 189—196
40. Оборона Севастополя. Изъ „Родины“ Радонежскаго. 193—195
41. Севастополь въ 1854 и 1855 гг. Гр. Л. Толстой..... 195—198
42. Разсказы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Изъ соч. Жуковскаго и др. источ..... 198—200
43. Дѣдушка Крыловъ. Изъ „Второй учеби.кн“. Паульсона. 200—202
44. А. С. Пушкинъ. Извлеч. въ сокращ. изъ брошюры Павлова: „Біографіи русскихъ образц. писат“... 202—206
45. Царствованіе императора Александра II. По брошюрѣ: „Императоръ Александръ II,“ изд. редакціи журн. „Чтеніе для солдатъ“ и др. источн..... 206—212
46. Завѣтъ старины. А. Майкова..... 213
47. Картинка Его-же..... —
48. На освобожденіе крестьянъ. И. Аксаковъ..... 214
49. Клеветникамъ Россіи. А. Пушкинъ ..... —
50. Москва. Ѳ. Глинка..... 215
51. Кремль. Извлеч. въ сокращ. изъ „Родины“ Радонежскаго..... 217
52. Святая Русь. Кн. Вяземскій. 218
53. Родина. Лермонтовъ..... —
54. Любовь къ отечеству. Карамзинъ..... 220

Отдѣлъ четвертый.

Церковь.

1. Что такое церковь Христова? Выписки изъ сочиненій святит. Дмитрія Ростовскаго..... ..... 221—223
2. Изъ жизни св. Василія Великаго. (Изъ Ч. М.) ... 222—234
3. Св. Григорій Богословъ. (Изъ Ч. М.)..... 225—229
4. Св. Іоаннъ Златоустъ..... 229—233

Стран.

5. Свв. и равноапост. Кириллъ и Меѳодій. (По Ч. М. и друг. источ.)..... 233—237
6. Гимнъ въ память свв. Кирилла и Меѳодія. Изъ „Азбуки русск. и церк. слав. языка“ епископа Викторина..... 237—238
7. Преподобный Ѳеодосій. Изъ Ист. рус. церкви Филарета Гумилевскаго ..... 238—240
8. Кіево Печерская обитель. Изъ соч. Пассека..... 240—244
9. Обитель. Козловъ..... 244
10. Лѣтній снѣгъ. „Русск. Паломникъ“ № 44, 1887 г. 244—248
11. Преподобный Сергій Радонежскій. А. Майковъ... 248—252
12. Троице-Сергіевская Лавра и ея окрестности. По статьѣ „Русск. Паломника“ и брошюрѣ кн. Горчаковой: „Свято-Троицкая Сергіева Лавра“ ... 253—257
13. Іерусалимъ. Извлеченіе съ сокращ. изъ „Чтеній о св. землѣ“ свящ. Пѣлницкаго ..... 257—261
14. Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ. Изъ „творен. св. Тихона Задонскаго..... 261—262
15. Не божись понапрасну. Златоустъ 262
16. Почему не всѣ равно богаты? Бл. Ѳеодорита..... 262—263

Стран.

17. О Литургіи въ древности. Изъ соч. „Письма о Богослуженіи восточной каѳолической церкви.“ А. Муравьева..... 263—265
18. Надежда. Батюшковъ..... 265
19. Выборъ креста. Жуковскій. 265—267
20. Вечерняя пѣснь. А. С. Хомяковъ. 267
21. Подражаніе псалму XIV. Н. Языковъ ..... —

Отдѣлъ пятый.

Церковно-славянское чтеніе.

1. Житіе св. равноапост. вел. кн. Владимира. Извлеч. въ сокращ. изъ „Ч.-Миней“..... 268—279
2. Тропарь св. благ. в. кн. Владимиру 280
3. Тропарь св. благ. в. кн. Александру Невскому... —
4. Тропарь святит. и чудотв. Николаю ..... —
5. Тропарь свв. Меѳодію и Кириллу..... —
6. Тропарь тремъ святителямъ.
7. Тропарь преподобному.....
8. Тропарь мученику.....
9. Тропарь св. великомученику Пантелеймону.....

Приложеніе.

Письменныя упражненія... 281—228

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

1. Максимъ Ивановъ.

I. Въ деревнѣ Яминовѣ былъ пожаръ... ужасный, громадный пожаръ. Двѣнадцать избъ съ постройками были охвачены пламенемъ... Узкіе промежутки между домами и соломенныя крыши—вотъ одна изъ первыхъ и главныхъ причинъ, отчего наши деревенскіе пожары такъ ужасны, и почему наши деревни выгораютъ такъ часто; неимѣніе пожарныхъ инструментовъ, безъ сомнѣнія, тоже является большою помѣхою.

Итакъ, въ Яминовѣ былъ пожаръ...

Пламя волновалось, какъ море, дымъ валилъ клубомъ, вѣтеръ разносилъ далеко пылающія головни. Крики, стонъ... Чей-то плачъ и рѣзкая, грубая брань, мягкая мольба о помощи, спасеніи и холодное спокойное приказаніе „ломать",—все это сливалось въ одинъ страшный, ужасный гулъ...

Молодая женщина бѣгала по деревнѣ, рвала на себѣ волосы, и плача, рыдая, обращалась къ толпѣ съ отчаянной мольбою.

— Дѣти мои! дѣти! спасите! спасите! ради Бога, моихъ дѣтей! кричала она, окидывая толпу полубезумными глазами... Платка не было на ея головѣ, волосы растрепались—и она походила на помѣшанную.

— Спасите дѣтей моихъ! кричала она,—и ничего не слушая, бѣжала далѣе, оглашая воздухъ плачемъ и стономъ, и мольбою о помощи и спасеніи.

Каждому было жаль бѣдной женщины... и мысленно, сердцемъ—всѣ были готовы помочь ей. Но броситься въ огонь... рискнуть жизнью...—на этотъ подвигъ не у каждаго хватило смѣлости.

Народу сбѣжалось много: кто съ ведромъ, кто съ топоромъ, кто съ лопатою,—словно и она могла принести пользу,—но главнаго-то, пожарной трубы, и не было въ Яминовѣ... Всѣ кричали, суетились... и даже болѣе только кричали, чѣмъ суетились,—но много-ли проку отъ шума и крика?

II. А пламя такъ и забирало, такъ и переходило съ одной избы на другую... А вѣтеръ такъ и металъ красныя головни... Съ пискомъ

и карканьемъ кружились около пламени вороны, вылетѣвшія изъ своихъ разоренныхъ гнѣздъ.

— Дѣти мои... дѣти! отчаянно вскрикнула женщина, подбѣгая къ своему дому и, ломая руки, обливаясь слезами... она въ изнеможеніи упала на землю...

— А-ахъ, бѣдная! произнесъ какой-то старикъ съ соболѣзнованіемъ.—Погибнутъ ея дѣтки... погибнутъ... гдѣ теперь спасти... вона, вона какъ его!... А-ахъ, какъ сильно! страсть! вскрикнулъ вдругъ старикъ съ испугомъ и попятился даже немного назадъ... Огромная головешка съ трескомъ грохнулась на землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Но вдругъ вся толпа заколыхалась... и задніе ряды наперли на первые... Послышались крики... крики какого-то удивленія и въ то же время какъ будто восторга.

Крестьянинъ, небольшого роста, въ одной рубахѣ, безъ шапки... вотъ кто мгновенно привлекъ всеобщее вниманіе...

Онъ протѣснился чрезъ всю плотную массу людей, ничего не дѣлавшихъ и только съ испугомъ смотрѣвшихъ на игру огня,—и торопливо подошелъ къ горѣвшей избѣ:

— Помолитесь, православные! громко крикнулъ онъ, обращаясь къ народу—и быстро началъ взбираться на кровлю по веревочной лѣстницѣ, которая была прикрѣплена къ углу, еще неохваченному пламенемъ.

Взобрался и спустился въ избу...

Толпа вдругъ смолкла... словно по командѣ,—словно по данному знаку... Всѣ съ напряженіемъ дожидались появленія отважнаго крестьянина...

И вотъ онъ появился на крышѣ... Въ рукахъ трехлѣтняя дѣвочка... безъ чувствъ, задыхающаяся... если ужъ не задохшаяся отъ дыму...

— Возьмите, возьмите ее скорѣе! громко, что было силъ, закричалъ смѣльчакъ народу.

Молодой парень уже былъ на лѣстницѣ—и принялъ къ себѣ ребенка.

— Тамъ еще! и съ этими словами незнакомецъ снова скрылся въ дыму и пламени..,

III. Раздавшіеся было крики и привѣтствія—снова смолкли... и опять въ толпѣ воцарилась глубокая тишина, опасность съ каждой секундой увеличивалась,—а вмѣстѣ съ ней увеличивалось и росло народное чувство... чувство страха за жизнь отважнаго незнакомца...

Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ и усердно крестились.

Но вотъ прошло болѣе четверти часа, а незнакомецъ не появлялся. Молодой парень, приведя ребенка въ чувство, бросился ско-

рѣе къ горѣвшей избѣ... Но въ тотъ самый мигъ, когда онъ вступилъ одной ногой на лѣстницу—на крышѣ показался незнакомецъ... Что-то маленькое, завернутое въ тряпкахъ, держалъ онъ въ своихъ рукахъ...

— Возьмите... я я спущуся... уже не прежнимъ громкимъ, но глухо-сиплымъ голосомъ, промолвилъ незнакомецъ, передавая свою ношу на руки молодого крестьянина.

Оба они начали спускаться... И первый успѣлъ благополучно слѣзть съ крыши, но второй—отважный смѣльчакъ,— опоздалъ на одну... только на одну секунду...

Онъ былъ на серединѣ лѣстницы,—какъ вдругъ огонь съ трескомъ вырвался изъ кровли и пламя охватило всю крышу... Незнакомецъ покачнулся... зашатался и невольно схватился за обрубъ крыши... Но въ этотъ самый мигъ что-то страшно треснуло,—и обрубъ рухнулся на землю... вмѣстѣ съ нимъ полетѣлъ и незнакомецъ...

На одно мгновеніе вся толпа точно замерла... Но только на мгновеніе... Прошло оно—и вдругъ—мертвая тишина смѣнилась какимъ-то страннымъ шумомъ... Все заволновалось... бросилось впередъ... заговорило и кинулось къ грудѣ пылающихъ бревенъ...

Разобрали... незнакомецъ лежитъ безъ чувствъ... ноги его были изломаны, лицо изуродовано, лѣвая рука вся раздроблена...

Его подняли и понесли въ сельскій больничный лазаретъ...

Черезъ три дня, по сдѣланнымъ справкамъ, узнали, что отважный незнакомецъ—горскій крестьянинъ, Максимъ Ивановъ, жившій въ городѣ въ маляpахъ и каждую субботу приходившій на праздникъ домой, гдѣ у него были жена и двое дѣтей... Дорога-же въ Горки идетъ какъ разъ черезъ самое Яминово, отстоящее отъ Горокъ на пятнадцать верстъ. *(Изъ „Вечерн. досуговъ“ А. Круглова).*

2. Смерть и похороны Чернаго.

(Этотъ разсказъ взятъ изъ повѣсти г-жи Кохановской: „Послѣ обѣда въ гостяхъ“. Разсказчица, по имени Любовь Архиповна, вспоминаетъ свою молодость, какъ она любила молодого чиновника, по прозванью Чернаго; а замужъ вышла за другого, по приказанію матери).

— Въ воскресенье на всенощной я замужъ шла, а онъ тою весною, недѣль черезъ десять, утонулъ, т. е. не то, чтобы утонулъ“, поправилась Любовь Архиповна:—„тонулъ-то не онъ, да отсюда ему болѣзнь его приключилась, и Черный, на самый третій день Свѣтлаго праздника, умеръ, и въ четвергъ на Святой недѣлѣ его и хоронили.

„Жаль мнѣ вашего Чернаго, сказала я; а между тѣмъ мнѣ вспомнился полустихъ Пушкина: „зачѣмъ жалѣть?“

— Это еще ничего, матушка, что ты о немъ жалѣешь, сказала мнѣ Любовь Архиповна.—Нѣтъ, ты бы спросила, какъ вся Купянка

о немъ жалѣла,—вотъ на что было съ удивленіемъ посмотрѣть! При жизни его будто не очень любили, затѣмъ что онъ насмѣшникъ естественный былъ; а какъ умеръ онъ, точно каждый Богъ знаетъ что милое себѣ да дорогое потерялъ въ немъ. Оно и то нужно сказать, говорила Любовь Архиповна, что Черный послѣднее время почитай половину города просто на привязи за собой водилъ.

— На какой привязи, Любовь Архиповна?

— А на такой, родная моя, что за послѣднее время объявись у него, у Чернаго, новая пѣсня, да вѣдь какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду не слыхивали той пѣсни; и какъ заноетъ онъ своимъ заливнымъ голосомъ ту протяжную пѣсню, просто душу у тебя силой беретъ, да и все тутъ! Отецъ протопопъ, старый же человѣкъ и степенный, что ему пѣсня? и онъ сидѣлъ подъ окномъ и слушалъ, какъ недалечко Черный пѣлъ; а далѣе опомнился, а у него, у отца протопопа, борода въ слезахъ (сама матушка протопопша говорила); такъ онъ даже перекрестился. „Господи, Іисусе Христе!“ сказалъ, „вотъ пѣсня!“

— Но какая же пѣсня? говорила я Любови Архиповнѣ.

— Да она будто и не ви-вѣсть какая и не мудреная, и всей-то ея, матушка, видѣть нечего.

Воздохну, Дунай всколыхну,
Всколыхну ли Дунай рѣку.
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пескамъ расплескалася,
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася;
По дѣвушкѣ душа встосковалася....

— Пѣсня-то и вся тутъ, говорила Любовь Архиповна,—да что сидѣло въ той пѣснѣ, какъ Черный ее протяжно да переливно, идучи по городу, пѣлъ по вечерней зарѣ. И еще какъ надойдетъ надъ гору и станетъ на ней,—а внизу рѣка въ половодьи разлилася, шумитъ,—и онъ стоитъ, матушка, и поетъ: расплескалася, разливалася; просто, говорили люди, отца и мать бы забылъ и все слушалъ его!...

Какъ же, родная моя! Черному проходу не стало по городу. Купцы, какъ завидятъ его, изъ лавокъ выбѣгаютъ навстрѣчу. „Ваша милость, отецъ родной! „Воздохну“... Что хочешь изъ лавки бери, спой только «Воздохну». — Что-жъ, братцы! говоритъ Черный,—непродажная. Самому дорого стоитъ. Удастся вамъ послушать случаемъ—ваше счастье, а не удастся—не прогнѣвайтесь. Такъ вотъ чтобы удалось это счастье, за Чернымъ по сту глазъ смотрѣли, говорила Любовь Архиповна. Чуть онъ заложитъ руки назадъ и пойдетъ по городу, тотчасъ со всѣхъ сторонъ, присадясь и пригибаясь подъ плетнями, за нимъ слѣдомъ и потянуло человѣкъ пятнадцать или двадцать. У хозяевъ надъ рѣкою всѣ плетни по огородамъ осадили, лазяя черезъ нихъ, затѣмъ что, значитъ, эти мѣста облюбилъ Черный

и уже заливался тутъ своимъ «Воздохну». И тутъ же ему, матушка, и напасть его приключилася».

— Какая? Говорите, Любовь Архиповна! спросила я.

— Мужикъ потопалъ. Черный увидѣлъ съ горы и бросился на помощь. Вытащилъ, матушка, мужика, спасъ его отъ смерти, а тамъ еще лошадь его осталася — бьется, потопаетъ совсѣмъ. Народъ сбѣжался; стоитъ на берегу, смотритъ... Жалко бѣдной скотины, да что ей сдѣлаешь? Своя душа дороже. Черный не стерпѣлъ. «Эхъ, сердечная! вымолвилъ, какъ она бьется!» и бросился опять къ рѣкѣ. Его было хотѣли силою удержать, такъ удержишь его? Онъ какъ двинулъ плечами, всѣ отъ него, какъ листья, посыпались... И уже онъ бился съ тою лошадью, говорятъ, съ часъ времени промаялся съ нею, пока наконецъ вытащилъ изъ воды. Да если бы онъ послѣ того въ баню сходилъ, или бы напился горячаго чего, говорила Любовь Архиповна, — авось бы Господь помиловалъ и прошло бы даромъ все. А то дѣло было съ утра; Черный только на службу пошелъ, какъ увидѣлъ, что потопаетъ мужикъ; и онъ одѣлся послѣ въ сухое и опять пошелъ на службу. А оно и не прошло даромъ. Недѣлю цѣлую разламывала болѣзнь, да онъ все не поддавался; а потомъ уже она какъ осилила его, такъ онъ на десятый день только въ память свою пришелъ. И только, матушка, пришелъ въ себя, глянулъ глазами, и говоритъ шопотомъ хозяйкѣ, чтобъ она священника позвала. И голосато его заливного не стало у него! А хозяйкѣ не зачѣмъ далеко итти, потому что отецъ протопопъ отъ обѣдни мимо оконъ шелъ. Она его въ окно и подозвала. Отецъ протопопъ, спасибо ему, даже въ домъ къ себѣ не зашелъ, а воротился прямо въ церковь, взялъ ковчежецъ со святыми дарами, выисповѣдалъ и запричастилъ больного...

И вотъ, родная моя, что я тебѣ скажу, говорила Любовь Архиповна: сама хозяйка божилась послѣ, сказывала мнѣ... Пока, знаешь, священникъ у больного святыню творилъ, а она, женщина догадливая, поспѣшила самоваръ поставить. Одно то, что, можетъ статься, больной, принявши св. Тайны, захочетъ чаю выкушать; а другое, что хозяйка сама же знала и видѣла, что отецъ протопопъ еще не кушалъ чаю. Какъ только тамъ окончили со святынею, она сейчасъ внесла самоваръ и начала готовить чай. Отецъ протопопъ недалечко на стулѣ сидѣлъ, а больной лежалъ съ открытыми глазами; только онъ, видно, не замѣчалъ хозяйки; мало-по-малу сталъ подниматься и сѣлъ. «Батюшка! говоритъ, такимъ тихимъ да твердымъ голосомъ говоритъ: я вамъ не все на исповѣди сказалъ. Я Любовь Архиповну крѣпко, какъ свою душу любилъ». Батюшка отецъ протопопъ тоже всталъ къ нему. «Ничего, говоритъ: и Богъ насъ всѣхъ любитъ». Съ этимъ словомъ Черный легъ, поворотился къ стѣнѣ, и будто онъ заснулъ, да уже и не просыпался болѣе.

И какъ хоронили его! Вотъ, моя родная, прекрасно его хоронили!

И теперь поѣзжай на Купянку, спроси—помнятъ люди, какъ Чернаго хоронили. Оно и забыть нельзя. Такъ свѣтло да радостно никого будто въ жизни не хоронили, ни большого, ни малаго! Купцы какъ услышали, что померъ Черный, они ему понесли всего: отъ свѣчей и ладону до всего, матушка, что нужно для гроба, и сами взялись гробъ сдѣлать и парчою золотою Чернаго накрыли. Барышни ему подъ голову кисейную подушку сшили, розовою тафтой подложили, изукрасили его лентами, что ни есть лучше. Онъ себѣ безродный былъ, ни отца, ни матери, гдѣ-то далеко сиротою взросъ. Кажись, и гробу-то его пустѣть да сиротѣть должно бы было, а вышло нѣтъ, родная моя! Народъ къ нему валомъ валитъ, большіе и малые, словно ихъ посылалъ кто: «иди, молъ, иди, поклонися Черному!» И весь народъ шелъ, какъ рѣка текъ. Въ среду на вечерню его вынесли въ церковь, а на утро-то, значитъ, въ четвергъ, какъ хоронить его, отецъ протопопъ соборомъ обѣдню служилъ (одно то, что Черный его прихода былъ, а другое, что и купцы просили). И знаешь: дни праздничные, въ храмѣ Божіемъ свѣтлость такая, царскія двери отворены, пѣніе радостное на обѣдни льется, и Черный просто неузнаваемъ въ гробу лежалъ, сказывали, сестрица. Большой такой да хорошій; болѣзнь съ него черноту сняла, и онъ, матушка, побѣлѣлый, обложился своими черными волосами, вотъ живъ заснулъ, высоко на разубранной подушкѣ въ красотѣ лежитъ! Отпѣли погребенье, и какъ пришло то время, что дадимъ «послѣднее цѣлованіе», отецъ протопопъ первый приступилъ проститься съ усопшимъ: поклонился онъ и, видно, Господь внушилъ ему такую мысль: «Христосъ воскресе!» сказалъ онъ и трижды, какъ христосуясь, поцѣловалъ Чернаго. А тутъ недалечко у самаго гроба женщина съ дитею на рукахъ стояла, и дитя забавлялось, держало въ ручкѣ красное яйцо. «Дай мнѣ, дитя, твое яичко,» сказалъ отецъ протопопъ. И малютка такъ ему съ ручкою протянула яйцо. Отецъ протопопъ взялъ красное яйцо и положилъ его въ гробъ къ Черному, и при этомъ онъ слово такое хорошее сказалъ: пусть, дескать, и въ самое нѣдро земли онъ снесетъ съ собой благовѣстіе Христово. Итакъ, матушка, за протопопомъ весь народъ не прощаться, а христосоваться съ Чернымъ сталъ. Всякій подойдетъ къ усопшему и, прежде чѣмъ цѣлованіе мертвецу дастъ, «Христосъ воскресе!» скажетъ ему, какъ живому. Приступили къ выносу, такъ народъ толпами толпился, чтобы понести гробъ, и какъ понесли его, такой день прекрасный въ полуднѣ сіяетъ, хоругви развѣваются, парча золотая на гробѣ, какъ жаръ, горитъ и, откуда ни возьмись, двѣ ласточки вьются да щебечутъ надъ самымъ гробомъ: въ удивленіе привели народъ. Просто сладость такая святая умилила людей, какъ стали заколачивать гробъ; заколачиваютъ его, опускаютъ въ могилу, а тутъ, матушка, поютъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!» Не одинъ, не два человѣка, а цѣлые десятки говорили, что они съ радостью бы легли

и заняли мѣсто Чернаго... Вотъ такую судьбу Богъ Черному далъ, сказала Любовь Архиповна, что онъ и пѣсней своею и смертью, какъ силой какою, подвигалъ за собою людей».

Я встала благодарить Любовь Архиповну; но впечатлѣніе ея прекраснаго разсказа было такъ сильно, что я, кажется, не сумѣла связать и двухъ словъ. *(Кохановская).*

3. Ѳедоръ коробейникъ.

I. Въ одномъ уѣздѣ проживалъ старикъ—коробейникъ, по имени Ѳедоръ, или дядя Ѳедоръ, какъ обыкновенно звали его. Многіе не долюбливали его какъ за то, что онъ по своему промыслу смахивалъ на цыгана или еврея, такъ и еще болѣе по подозрѣнію, что онъ не совсѣмъ чистъ на руку. Насколько было справедливо это послѣднее обвиненіе—никто не зналъ, да и не старался кто-либо разузнать. Довольно было того, что такъ „нѣкоторые“ думали. И можно вообще смѣло сказать, что никто не зналъ, что за человѣкъ былъ дядя Ѳедоръ, что было скрыто въ глубинѣ его души, какіе помыслы и чувства таились въ ней. Только время и удобный случай могли дать всѣмъ понять и оцѣнить его великую и чистую душу и великое и чистое сердце, согрѣваемое пламенемъ Христовой любви къ ближнему.

И случай этотъ скоро представился.

Однажды ночью подожгли домъ одного помѣщика деревни Ивановки. На слѣдствіи выяснилось, что виновной въ поджогѣ была вдова Акулина, служившая въ домѣ подожженнаго помѣщика. Разсчитанная и прогнанная помѣщицей, она, придя въ деревню, предъ многими крестьянами говорила, что пуститъ краснаго пѣтуха на своихъ лиходѣевъ. Дѣло поступило въ судъ и тянулось болѣе трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ назначенъ день окончательнаго суда. Явилось много свидѣтелей, сосѣднихъ помѣщиковъ. Подсудимая съ тремя маленькими дѣтьми съ нетерпѣніемъ ждала кого-то и постоянно поглядывала на входную дверь и на часы. Казалось, что кто-то долженъ сейчасъ войти въ залу суда и оправдать ее. Но никто не являлся, и лице ея выражало печаль и разочарованіе.

Обвиненія и улики противъ Акулины были подавляющія.

Допрошено было много свидѣтелей.

Акулина не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на допросъ свидѣтелей, ни на рѣчь своего защитника. Она попрежнему устремляла взглядъ то на часы, то на дверь.

По мѣрѣ того, какъ стрѣлки на часахъ подвигались впередъ, какъ бы торопя самое время, это ожиданіе сказывалось въ глазахъ Акулины все болѣе и болѣе лихорадочнымъ блескомъ. Предсѣдатель суда въ послѣдній разъ допросилъ подсудимую. На всѣ его вопросы она твердила одно и то же, повторяя безконечно свои немногія слова: „я не виновата. Про пожаръ знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю. Отчего случилась бѣда—я не знаю. Я не виновата“.

Въ словахъ ея слышалась такая искренность, что убѣжденіе въ ея виновности видимо поколебалось во многихъ, не взирая на всѣ собранныя улики.

Затѣмъ невыразимо грустно было смотрѣть на этихъ дѣтей, зная, что черезъ какой-нибудь часъ они станутъ сиротами. Мать не вернется вовсе изъ Сибири или вернется, когда будетъ ужъ слишкомъ поздно. Кто пріютитъ этихъ бѣдныхъ, безпомощныхъ, оставленныхъ дѣтокъ, кто станетъ объ нихъ заботиться? И вотъ они спокойно играютъ со своею нянькой, ничего не зная о своемъ великомъ несчастіи, тихія, робѣющія народа и непривычнаго зрѣлища! Сами судьи то-и-дѣло невольно посматривали въ ихъ сторону.

Въ нѣсколькихъ словахъ предсѣдатель изложилъ ходъ и сущность всего дѣла.

Судьи вышли для совѣщанія и сейчасъ же вернулись въ залу суда. Предсѣдатель всталъ, чтобы прочесть приговоръ. Многіе уже догадались, что бѣдная женщина присуждена къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы въ рудникахъ.

II. Тогда, догадавшись, что все кончено, Акулина разомъ вся скорчилась и затряслась отъ ужаса, потомъ протянула руки назадъ, судорожно ощупала головки дѣтей и какъ снопъ свалилась на полъ и покатилась подъ скамью. Оттуда, простертая на полу и захлебываясь отъ рыданій, она протянула руки къ иконѣ, вперила въ нее глаза и раздирающимъ душу голосомъ завопила: „Христосъ Спаситель, спаси меня! Господи, помилуй меня, помилуй дѣтокъ моихъ! Помилуй, помилуй!“.

Увлеченные примѣромъ и потрясенные священными словами, всѣ крестьяне поднялись съ мѣста какъ одинъ человѣкъ, упали на колѣни и стали креститься и бить поклоны.

Я не въ силахъ описать, какое потрясающее впечатлѣніе произвела эта картина. Судьи и господа оставались неподвижны, какъ оцѣпенѣлые; никто не шевельнулся, не сказалъ слова; тишина водворилась такая, что со своего мѣста у печки,—очень хорошо помню это,—я слышалъ явственно движеніе маятника большихъ часовъ, которые своимъ „тикъ-такъ“ подъ иконою Христа Спасителя точно отмѣчали мѣру вѣчнаго правосудія. Молчаніе прервали эти самые часы, своими двѣнадцатью ударами возвѣстившіе полдень.

Этотъ шумъ разбудилъ Акулину и въ ней—ея неотступную мысль. Она встала и бросила на дверь послѣдній взглядъ, исполненный невыразимой тоски. Многіе, даже изъ состава суда, невольно послѣдовали за этимъ взглядомъ, и въ эту минуту дверь отворилась, и въ залу суда вошелъ знакомый намъ коробейникъ, дядя Ѳедоръ.

— Что вамъ нужно? — спросилъ его предсѣдатель, прерывая чтеніе.

Дядя Ѳедоръ отвѣчалъ своимъ робкимъ, чуть слышнымъ голосомъ.

— Не обвсудьте, господа судьи, но эта женщина не виновата. Это я, грѣшникъ, подложилъ огонь.

Судьи посмотрѣли на него съ удивленіемъ и недовѣрчивостью. Они подумали было сначала, что это вѣроятно сумасшедшій. Его заставили повторить заявленіе, спросили, кто онъ и какъ прозывается. Его имя произвело ропотъ въ публикѣ и заставило судей что-то вспомнить. Они поговорили между собой шепотомъ, сѣли на свои прежнія мѣста и начали предлагать коробейнику вопросы. Онъ отвѣчалъ съ покорностью, веловко, но такъ, что всякія сомнѣнія должны были исчезнуть.

Когда заговорилъ коробейникъ, въ залѣ суда сразу какъ будто легче стало дышать,—на мѣсто угнетавшей всѣхъ насъ какой-то тоски въ душу вступило смутное, но пріятное чувство, что теперь все опять приведено въ порядокъ, поставлено на свое мѣсто, и дѣло кончится, какъ слѣдуетъ.

Дядя Ѳедоръ осужденъ былъ на ссылку въ Сибирь въ рудники; въ уваженіе же добровольнаго сознанія срокъ оной былъ уменьшенъ и опредѣленъ въ десять лѣтъ. Изъ суда его повели жандармы.

III. Проходили мѣсяцы, годы. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ до моего пріѣзда домой на лѣтнія каникулы. Пьемъ мы разъ чай въ саду и видимъ: спѣшитъ къ намъ приходскій нашъ священникъ, очевидно до крайности пораженный.

— Судъ Божій!... Если-бы вы только знали, что случилось!— закричалъ онъ, какъ только завидѣлъ насъ издали.

— Знаю,—сказалъ отецъ:— мельникъ упалъ съ лѣстницы и убился.

— Да, — подтвердилъ священникъ, — но вы не знаете, въ чемъ самый-то ужасъ: умирая, онъ велѣлъ послать за мной и открылъ мнѣ свою тайну.

— Батюшка, — сказалъ онъ мнѣ, — я великій грѣшникъ: это я поджогъ Ивановку, въ отместку тамошнему барину за сдачу въ рекруты моего сына.

— Что ты?... Да вѣдь это Ѳедоръ коробейникъ сдѣлалъ и пошелъ за это въ Сибирь.

— Нѣтъ, я, батюшка! Дядя Ѳедоръ ночевалъ тогда въ моей ригѣ, у него же я купилъ и дегтярную баклажку для поджога. Мнѣ кажется, онъ догадывался и подозрѣвалъ меня. Въ тотъ день, какъ быть суду, онъ пріѣхалъ поутру на мельницу и сказалъ, смотря на меня въ упоръ: «Нонѣ случится большой грѣхъ,—осудятъ Акулину, а она не виновата»... Я погрозилъ коробейнику, и онъ уѣхалъ, трясясь какъ осиновый листъ, потому что боялся меня очень... *Божій человѣкъ былъ!* Должно быть *жалко стало Акулины съ ребятами,—вотъ онъ и принялъ вину на себя.* А я, злодѣй, промолчалъ... Но тутъ онъ и скончался.

Мы сейчасъ поѣхали со священникомъ въ городъ къ губернатору.

Написали въ Сибирь, во всѣ стороны. Прошли мѣсяцы въ безполезной перепискѣ. За недостаткомъ точныхъ свѣдѣній относительно дяди Ѳедора, тамъ не могли догадаться, кого изъ ссыльныхъ требуютъ обратно власти. Наконецъ, генералъ-губернаторъ Сибири прекратилъ переписку рѣзкимъ отвѣтомъ, что подобное требованіе онъ считаетъ за насмѣшку надъ здравымъ смысломъ, потому что невозможно разыскать арестанта, зная о немъ только то, что зовутъ его Ѳедоромъ. „Въ прошедшемъ году изъ ссыльныхъ два Ѳедора умерли въ томскомъ госпиталѣ, да три въ тобольскомъ, не считая другихъ".

IV. Когда въ деревнѣ стала извѣстна неудача нашихъ хлопотъ, Акулина явилась къ священнику съ корзинкой яицъ и со слезами просила отслужить паннихиду объ упокоеніи души бѣднаго дяди Ѳедора. Всѣ мы пошли въ церковь. Акулина, припавъ головою къ церковному помосту, рыдала и молилась Богу; слезы ее душили; только по временамъ можно было слышать, какъ она шептала: „упокой, Господи, душу его, моего благодѣтеля и спасителя! О, Господи, Іисусе Христе, пощади его въ царствіи небесномъ за его христіанскую любовь ко мнѣ, грѣшной, и моимъ малымъ дѣткамъ"! Никогда не молился я такъ усердно: тутъ впервые мнѣ сталъ ясенъ смыслъ словъ Христа, прочтенныхъ священнослужителемъ въ дневномъ евангеліи: «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше сей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповѣдаю вамъ (Іоан. XV).» Я понялъ эти слова, когда въ памяти моей воскресла смиренная фигура дяди Ѳедора въ лисьей шубѣ, стоящаго одиноко за рѣшеткой и трепещущаго подъ презрительными взглядами толпы. Изъ тѣхъ, что поносили его тогда въ мысли своей, многіе были здѣсь и плакали, вспоминая этого великаго по Христовой любви злосчастнаго своего брата, невинно, но добровольно, во имя той же Христовой любви погибшаго въ каторжной больницѣ въ Томскѣ или Тобольскѣ, невѣдомо гдѣ...

(Перед. и сокращ. изъ разсказа: „Ѳедоръ Короб.". Москва 1884 г.).

4. Капитанъ Бопиъ.

I. На кораблѣ купеческомъ Мудезѣ, который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ, былъ капитаномъ Бопиъ, морякъ искусный, но человѣкъ недобрый; онъ своихъ людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно развратенъ, такъ ругался дерзко всякой святыней, что его весь экипажъ [2]) смертельно ненавидѣлъ; наконецъ готовъ былъ вспыхнуть бунтъ, и капитану бы не сдобровать... но Богъ рѣшилъ иначе. Вдругъ занемогъ опасно капитанъ; надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ; [3]) больной же, всѣми брошенный, лежалъ въ каютѣ; экипажъ

[1]) Капитанъ—начальникъ корабля. [2]) Экипажъ—служащіе на кораблѣ. [3]) Штурманъ—помощникъ капитана.

рѣшилъ, чтобъ онъ безъ помощи издохъ, какъ зараженный чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было ему объявлено. Ужъ дня четыре, снѣдаемый болѣзнію, лежалъ одинъ онъ и никто не смѣлъ къ нему войти, чтобы хоть каплею воды его языкъ изсохшій освѣжить, иль голову повисшую его подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ его больную душу ободрить; онъ былъ одинъ: страшно смерть глядѣла ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды, что въ дверь его взошли, и что ему сказалъ умильный голосъ:

— Каковы вы, капитанъ?

То мальчикъ Робертъ былъ, ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ больной сурово отвѣчалъ:

— Тебѣ какое дѣло? Убирайся прочь!

Однако на другой день мальчикъ снова вошелъ въ каюту [1]) и спросилъ:

— Не нужно-ль чего вамъ, капитанъ?

— Ты это, Робертъ? чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.

— Я, капитанъ.

— Ахъ! Робертъ, я страдалъ всю ночь.

— Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ вамъ руки и лицо; васъ это можетъ немного освѣжить.

Больной кивнулъ въ знакъ своего согласія головою, а Робертъ, оказавъ ему услугу любви, спросилъ:

— Могу ли, капитанъ, теперь обрить васъ?

Это также было ему позволено. Потомъ больного Робертъ тихонько приподнялъ, его подушки поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши, сказалъ:

— Теперь я напою васъ чаемъ.

II. И капитанъ спокойно соглашался на все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустною улыбкою на мальчика смотрѣлъ. Увѣренъ будучи, что отъ своихъ людей никакого милосердія надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить ни слова. Лучше умереть сто разъ, онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу. Но милая заботливость ребенка всю внутренность его поколебала; непримиримая его душа смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы. Но дни его ужъ были сочтены; онъ видимо слабѣлъ и, наконецъ, увѣрился, что жизнь его была на тонкомъ волоскѣ: и ужасъ душу его охватилъ, когда предстали разомъ ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы его желѣзная душа: онъ молча бы покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ не примиренный, еслибы милый голосъ ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ его не пробудилъ. И вотъ однажды, когда, опять къ нему вошедши, Робертъ спросилъ:

— Не лучше ли вамъ капитанъ?

---

[1]) Каюта—мѣсто на кораблѣ, назначенное для жительства офицеровъ.

Онъ простоналъ отчаянно:

— Ахъ! Робертъ, мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ становиться ежеминутно хуже. А съ бѣдною моей душею!... Что мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ! меня ждетъ адъ; я ничего не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки погибшій человѣкъ.

— Нѣтъ, капитанъ, васъ Богъ помилуетъ: молитесь.

— Поздно молиться; для меня ужъ болѣе нѣтъ надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать? Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?

Такъ свое дотоль безчувственное сердце онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ; и Робертъ дѣлалъ все, чтобы возбудить въ немъ бодрость, но напрасно. Разъ, когда по прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ, больной едва дыша ему сказалъ:

— Послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ, что, можетъ быть, на кораблѣ найдется „Евангеліе“; попробуй, поищи.

И подлинно, „Евангеліе“ нашлось. Когда его больному подалъ Робертъ, въ его глазахъ сверкнула радость.

— Робертъ, сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ; вѣрно поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю, чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье. Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.

— Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?

— Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки не бралъ „Евангелія“: читай что хочешь, безъ выбора, что попадется.

— Робертъ раскрылъ „Евангеліе“ и сталъ читать, и два часа читалъ онъ. Капитанъ, къ нему съ постели голову склонивъ, его съ великой жадностью слушалъ; какъ утопающій за доску, онъ за каждое хватался слово; при каждомъ словѣ молніею страшной душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ все недостоинство свое постигнулъ, и правосудіе Творца предстало ему съ погибелью неизбѣжимой, хотя и слышалъ онъ святое имя Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ спасенію. Оставшися одинъ, во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ, что было читано; но въ этихъ мыслях его душа отрады не нашла. На слѣдующій день, когда опять вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему сказалъ:

— Мой другъ, я чувствую, что мнѣ земли ужъ не видать; со мною дѣло идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду я брошенъ черезъ бортъ; но не того теперь боюсь я... что съ моей душею, съ моею бѣдною душею, будетъ! Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ на вѣки! Не можешь ли помочь мнѣ? Помолимся, другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь.

— Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой молитвы, кромѣ „Отче нашъ“, не знаю; я съ матерью вседневно по утру и вечеру ее читалъ.

— Ахъ, Роберть! молись за меня; стань на колѣни; проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердіе: за это Онъ тебя благословитъ. Молися, другъ, молися, о твоемъ отверженномъ, безбожномъ капитанѣ.

Но Робертъ медлилъ; а больной его просилъ и убѣждалъ, ежеминутно со стономъ восклицая: „Царь небесный, помилуй грѣшника“. И оба рыдали.

— Ради Бога, на колѣна стань, Робертъ, и молися за меня.

И увлеченный жалостію мальчикъ сталъ на колѣни и, сложивши руки, въ слезахъ воскликнулъ. „Господи, помилуй Ты моего больного капитана! Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него молился: я молиться не умѣю. Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный боится, что ему погибнуть должно. Ты, Господи, не дай ему погибнуть! Онъ говоритъ, что быть ему въ аду. Ты, Господи возьми его на небо; онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ его душей.—Ты, Господи, вели, чтобъ ангелъ твой вступился за него! Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ покинули; но я, пока онъ живъ, ему служить не перестану; только спасти его я не умѣю; сжалься надъ нимъ Ты, Господи, и научи меня молиться за него“.—Больной молчалъ; невинность чистая, съ какою ребенокъ за него молился, всю его проникла душу; онъ лежалъ недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ въ подушки голову и слезъ потоки изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ свою молитву, вышелъ; онъ былъ также встревоженъ; долго онъ, едва дыханье переводя, на палубѣ стоялъ и, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ на волны.

III. Ввечеру, онъ возвратившись къ больному, до ночи ему читалъ „Евангеліе,“ и капитанъ его съ невыразимымъ слушалъ умиленіемъ. Когда же Робертъ на другое утро опять явился, онъ былъ пораженъ, взглянувъ на капитана, перемѣной, въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ усиливалъ естественную дикость его лица, носившаго глубокій страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ, исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби, сквозь блѣдность смертную сіяло что-то смиренное, веселое, святое, какъ будто лучъ той свѣтлой благодати, которая отъ Бога къ намъ на вопль молящаго раскаянья нисходитъ.

— Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной сказалъ,—какую ночь провелъ я! Что со мною было! я того, мой другъ, словами выразить не въ силахъ. Слушай: когда вчера меня оставилъ ты, я впалъ въ какой-то полусонъ; душа была полна Евангельской святыней, которая проникнула въ нее, когда твое я слушалъ чтеніе; вдругъ передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели, увидѣлъ я — кого же? Самого Спасителя Христа; онъ пригвожденъ былъ ко кресту; и показалось мнѣ, что будто всталъ я и приползъ къ Его ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой, о коемъ ты читалъ мнѣ: „сынъ Давидовъ, Іисусъ Христосъ, помилуй!“ И тогда мнѣ показалось, будто на меня, да! на меня, мой другъ, на твоего злодѣя капитана, Онъ взглянулъ... О, какъ взглянулъ! какими описать словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ; вся къ сердцу кровь прихлынула, душа наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ, но и съ надеждою я къ Нему поднять осмѣлился глаза... и

что же? Онъ.... Да, Робертъ!... Онъ отверженному мнѣ съ небесной милостію улыбнулся! О! что со мною сдѣлалось тогда! На это словъ языкъ мой не имѣетъ. Я на Него глядѣлъ... и ждалъ.... Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ мое трепещущее сердце знало. А Онъ съ креста, который весь былъ кровью, бѣжавшею изъ ранъ Его, облитъ, смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной и нѣжной жалостію на меня... И вдругъ Его уста пошевелились, и я Его услышалъ голосъ.... чистый, пронзающій всю душу, сладкій голосъ; и Онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй! Отъ радости разорвалося сердце въ моей груди, и я передъ крестомъ упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но видѣніе исчезло; и тогда очнулся я; мои глаза открылись.

Не сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ. Теперь я знаю: Тотъ меня спасетъ, Кто ко кресту за всѣхъ и за меня былъ пригвожденъ; я вѣрую тому, что Онъ сказалъ на Вечери Святой, переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу вино во оставленіе грѣховъ. Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть: мой Искупитель живъ, мои грѣхи мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья не жду я болѣе и не желаю; я чувствую, что съ жизнію разстаться мнѣ должно скоро; и ее покинуть теперь я радъ....

При этомъ словѣ Робертъ, дотолѣ плакавшій въ молчаніи, вдругъ съ рыданіемъ воскликнулъ:

— Капитанъ, не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.

На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:

— Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ Свое мнѣ милосердіе, и теперь я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына роднаго жаль: ты долженъ здѣсь остаться на кораблѣ, межъ этихъ нечестивыхъ людей, одинъ, неопытный ребенокъ.... съ тобою будетъ тоже, что со мной! Ахъ! Робертъ, берегись: не попади на страшную мою дорогу; видишь, куда ведетъ она. Твоя любовь ко мнѣ была,—другъ милый, велика, тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ, и самъ того не зная, путь спасенья; благослови тебя за то Всевышній! Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи ты отъ меня, что я прошу у нихъ прощенья, что я самъ ихъ прощаю, что я за нихъ молюсь.

IV. Весь этотъ день больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ вниманіемъ „Евангеліе“ слушалъ. Когдажъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ простился, онъ его съ благословеньемъ, любовью и грустью проводилъ глазами до дверей каюты. Рано на слѣдующій день приходитъ Робертъ въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ, что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ: поднявшися съ подушки, онъ приползъ къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ явился; самъ, къ стѣнѣ оборотясь лицомъ, въ дугу согнувшись, головой припавъ къ постели, крѣпко стиснувъ руки, лежалъ онъ на колѣнахъ. То увидя, встревоженный, въ дверяхъ каюты, Робертъ остановился.

Онъ глядитъ и ждетъ, не смѣя тронуться; минуты двѣ прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ тихонько: «капитанъ!»—отвѣта нѣтъ. Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять погромче: «капитанъ!» но тихо все, и все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ къ постели. «Капитанъ!» сказалъ онъ вслухъ. По прежнему все тихо. Онъ рукой его ноги коснулся: холодна нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ онъ громко: «капитанъ!» и за плечо его схватилъ. Тутъ положенье тѣла перемѣнилось: медленно оно навзничь упало; и тихо голова легла сама собою на подушку; были глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ спокоенъ, руки сжаты на молитву. (*В. А. Жуковскій*).

5. Плюшкинъ.

Чичикову случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго; оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали, изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его: никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади вмѣсто двухъ болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ. Ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій—предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ-бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной

дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки, и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, была нужна Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него,—но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты.— Вонъ уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ,—послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабыла ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ въ бюро [1]) или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни; работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ открыты были всѣ окна; антресоли [2])

---

[1]) Бюро—шкафъ для бумагъ съ выдвижнымъ столомъ.

[2]) Антресоли—верхній полуэтажъ дома.

были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерокъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка [1]), наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть, какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случилось же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ,

---

[1]) Компатріотка—соотечественница, землячка.

которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилася въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: онѣ обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ,да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему; столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха—все это сваливалось въ кладовыя и все это становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости. *(Н. Гоголь).*

6. Комната Плюшкина.

Чичиковъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату то-же темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы, съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ-же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой [1]), которая мѣстами уже вы-

[1]) Мозаика—изображенія, составленныя изъ отдѣльныхъ, цвѣтныхъ камешковъ или стеклышекъ, подбираемыхъ по оттѣнкамъ, на основаніи извѣстнаго рисунка.

пала и оставила послѣ себя одни желтенькіе жолобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, покрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ [1]) съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, покрытая письмомъ, кусочекъ сургуча, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшая, какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ еще до нашествія французовъ.

По стѣнамъ навѣшено было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ; длинный, пожелтѣвшій гравюръ [2]) какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева, съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми-же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую, головою внизъ, утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстиномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало-живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, полотняный колпакъ, лежавшій на столѣ. *(Гоголь)*.

7. Злой человѣкъ.

I. То, что я вамъ разскажу, не выдумка, а былъ изъ воспоминаній моего дѣтства.

Оставалось дня два до Рождества. Отецъ мой былъ въ отъѣздѣ. Онъ управлялъ тогда туркменами—народомъ, кочующимъ въ степяхъ Ставропольской губерніи—и большую часть года проводилъ среди этого народа.

Кочевье зимой не представляетъ ничего заманчиваго, и жизнь въ кибиткахъ, имѣющихъ подобіе войлочнаго шалаша, полна всевозможныхъ лишеній, неудобствъ и непріятностей. Очень понятно, что вести

---

[1]) Прессъ—машина, составленная изъ двухъ плоскостей и винтовъ, которые ихъ сближаютъ и служатъ къ тому, чтобы вригнетать, сплющивать, сдавливать предметы.

[2]) Гравюръ—картина.

такую жизнь съ семьею (съ маленькими дѣтьми), въ холодную зимнюю пору могутъ только кочевники, вѣками пріученные къ ней и легко выносящіе, почти подъ открытымъ небомъ, самыя рѣзкія перемѣны погоды. Вотъ почему наша семья всегда проводила зиму въ городѣ, а бѣдный отецъ обязанъ былъ терпѣливо переносить одинаковую долю съ народомъ, ввѣреннымъ его попеченіямъ и заботамъ... Только изрѣдка наѣзжалъ онъ въ городъ отдохнуть въ семьѣ отъ невзгодъ тяжелой жизни. Такъ должно было случиться и въ этотъ разъ. Мы ждали его къ празднику.

II. Канунъ сочельника былъ послѣднимъ днемъ ожиданій: отецъ писалъ, что проведетъ сочельникъ съ нами. Къ этому же дню готовилась намъ елка. Всѣ столы въ залѣ завалены были украшеніями... Радостямъ, казалось, не было конца. Но это только казалось: мы вовсе не подозрѣвали, что за порогомъ нашихъ дверей стояло горе и что чрезъ минуту оно застигнетъ насъ совсѣмъ врасплохъ.

Какъ теперь помню, мы мирно сидѣли за завтракомъ—двѣ бабушки, матушка, я и братья. Шелъ оживленный разговоръ...

Вдругъ отворяется дверь, и на порогѣ появляется Архипъ Ивановичъ Архангельскій—письмоводитель отца, бывшій съ нимъ въ кочевьѣ. «Пріѣхали!»—вскрикнули мы и въ одинъ мигъ бросились къ дверямъ.

Но Архипъ Ивановичъ имѣлъ такой видъ, что всѣ невольно смутились. Онъ былъ печаленъ, точно чѣмъ-то встревоженъ, пошатывался, раза два схватился за голову, какъ человѣкъ, пораженный горемъ.

— Что случилось? испуганно вскрикнула мать.

— Сударыня, началъ было Архипъ Ивановичъ и запнулся... потеръ лобъ рукой... глянулъ куда-то въ сторону... Взглядъ его еще больше перепугалъ насъ. Сударыня!.. я привезъ вамъ не добрую вѣсть...

— А мужъ? могла только спросить мать, блѣднѣя и задыхаясь отъ волненія.

— Вашъ мужъ... убитъ!..

Вопль—и мать, какъ снопъ, повалилась на землю. Что послѣ этого произошло—нѣтъ силъ разсказать. Съ матушкой сдѣлалась истерика, бабушка горько плакала, мы голосили на весь домъ, прислуга ходила съ красными отъ слезъ глазами. Сразу все исчезло, все было забыто—елка, праздникъ, весь міръ... Въ головѣ стоялъ только милый образъ отца, стоялъ и не отходилъ... Горе сжимало сердце, слезы лились неудержимо...

III. Ударъ былъ такъ ужасенъ и неожиданъ, что въ первыя минуты всѣ забыли про Архипа Ивановича. Онъ все стоялъ въ дверяхъ и какими-то странными глазами посматривалъ, какъ мы убивались.

Прежде всего собралась съ духомъ мать отца, бабушка-черногорка (отецъ мой кровный черногорецъ, мать-русская). Обладая желѣзнымъ характеромъ, она стала разспрашивать письмоводителя о подробностяхъ несчастія.

Страшны были эти подробности.

Архангельскій разсказалъ, что, въ позапрошлую ночь на кочевье напали черкесы и, перерѣзавъ множество туркменъ, убили отца, разграбили кибитки, угнали скотъ. Самъ онъ спасся въ оврагѣ, а когда горцы ускакали, прибѣжалъ въ кочевье. Тамъ онъ узналъ все и, увидѣвъ трупъ отца, валявшійся на снѣгу у кибитокъ, тотчасъ поскакалъ сюда... «Съ часу на часъ нужно ждать, что привезутъ его тѣло», добавилъ письмоводитель, спѣша уйти, чтобы доложить обо всемъ начальству.

IV. При послѣднихъ словахъ съ матушкой опять сдѣлалось дурно. Намъ предстояло ждать, вмѣсто дорогого гостя—отца, его трупъ. Убитый горемъ, я не отходилъ отъ матери, осыпая ее горячими поцѣлуями и обливая ихъ слезами.

Вѣсть о нашемъ несчастіи быстро разнеслась по городу. Начали съѣзжаться родные и знакомые. Всѣ они старались, какъ могли, утѣшить и успокоить мать; но съ каждымъ появленіемъ новаго лица плачъ въ домѣ возобновлялся и горе все сильнѣе и сильнѣе потрясало насъ.

Съ краснымъ лицомъ, съ опухшими отъ слезъ глазами забился я въ уголъ дѣтской и, неподвижно сидя на скамейкѣ у самой печки, все думалъ о томъ, что случилось. Мнѣ было тогда семь лѣтъ. Мое пылкое дѣтское воображеніе рисовало картины, отъ которыхъ кровь стыла у меня въ жилахъ. Я никогда не забуду этихъ картинъ... Ночь—глухая, зимняя, морозная. На мирно спящій аулъ [1]) налетаютъ черкесы... Я видѣлъ ихъ, я знаю, что это за люди!.. Косматыя шапки, косматыя бурки, бритыя головы, злорадныя лица съ звѣрскими глазами, съ носами, изогнутыми какъ у хищныхъ птицъ... Въ разсыпную несутся они по кочевью... Дикое гиканье, быстрый гортанный говоръ, пронзительные крики... Въ ужасѣ и смятеніи просыпается сонный аулъ. Надъ головами туркменовъ—кинжалы, шашки, винтовки, блескъ огня, выстрѣлы... Растерянной толпой бѣжитъ народъ, лошади мнутъ, давятъ его, черкесы рубятъ и убиваютъ. Жертвы валятся, стонутъ. Кочевье опрокинуто. Всюду грабежъ, истязанія: запасы сѣна пылаютъ въ огнѣ... По снѣжной степи несется вопль женщинъ, плачъ дѣтей, ржанье коней, ревъ верблюдовъ, блеянье перепуганныхъ овецъ, угоняемыхъ при свѣтѣ пожара... И надо всѣмъ этимъ безчеловѣчнымъ погромомъ—темное, ясное небо, на которомъ невозмутимо блещутъ и мерцаютъ звѣзды.

V. Сколько въ этомъ небѣ величія, спокойствія, и сколько жалкой, неугомонной суеты, тревоги, звѣрства, несчастій, нужды и горя на бѣдной землѣ! Зачѣмъ люди такъ злы и алчны, зачѣмъ они причиняютъ другимъ столько бѣдствій?... Бѣдный отецъ! Убитъ, его нѣтъ съ нами и не будетъ... Лежитъ онъ у своей кибитки, на снѣгу, мерт-

---

[1]) Аулъ—деревня.

вый... При угасающемъ заревѣ пожара видно его страдальческое лицо... Въ правой рукѣ закостенѣлъ кинжалъ. Онъ защищался, хотѣлъ отстоять свою жизнь,—и не отстоялъ: ихъ много, онъ одинъ... Милый! брошенъ, забытъ... Некому о немъ подумать: народъ не пришелъ еще въ себя, у каждаго свое горе. Сколько перебито, изранено! Всѣ разорены...

VI. Степь по немногу темнѣетъ, зарево гаснетъ, легкій вѣтерокъ подуваетъ по равнинѣ и слегка мететъ снѣжную пыль, шелеститъ ею... Я, кажется, слышу этотъ шелестъ, чувствую это холодное дыханіе зимы и вижу, ясно вижу, какъ вѣтеръ кружитъ возлѣ трупа отца, развѣваетъ полы его черкески, колышетъ его длинные усы и по немногу начинаетъ окутывать его сугробомъ... Какъ страшно!.. Я вздрагиваю, прихожу въ себя и вижу, что сижу все у печки: ужасная картина нарисована моимъ воображеніемъ. Да, воображеніемъ, а слезы все-таки опять выступаютъ изъ глазъ и душатъ меня... Вѣдь у меня отца убили, отца! Я никогда ужъ больше не услышу его ласковаго голоса, никогда не буду цѣловать его большой, широкой руки, которая какъ-то особенно мягко, любовно, нѣжно брала меня за подбородокъ и трепала по щекѣ... Я прижимался тогда къ отцу, а онъ такъ привѣтливо склонялъ ко мнѣ свою голову, такъ тепло смотрѣлъ мнѣ въ глаза, такъ близко придвигалъ свое лицо и такъ горячо и больно цѣловалъ меня, что я готовъ былъ вскрикнуть... Большіе усы его попадали мнѣ въ глаза, щекотали щеки и носъ, а мнѣ все-таки было невыразимо пріятно и отъ поцѣлуевъ, и отъ этихъ большихъ рукъ, сжимавшихъ мою дѣтскую рожицу въ комокъ.

При воспоминаніи обо всемъ этомъ мнѣ становится такъ тяжело, что я быстро встаю съ скамейки, иду къ матери, молча падаю къ ней на грудь и рыдаю...

VII. Всѣ наши находились въ ужасной тревогѣ и съ замираніемъ сердца ожидали, что вотъ-вотъ привезутъ бездыханное тѣло дорогого намъ человѣка. Знакомые и родственники разъѣхались. Осталась съ нами только наша крестная—мачеха моей русской бабушки, которую мы, въ отличіе отъ двухъ другихъ бабушекъ, называли всегда бабушкой Маѳой Яковлевной, хотя она была, собственно, прабабушкой намъ.

Подали обѣдать. Никто не хотѣлъ и не могъ ничего ѣсть. Супъ остылъ, стоя на столѣ; его убрали не тронутымъ. Остального не велѣли и подавать.

Изнемогши отъ слезъ и горя, мать лежала на кушеткѣ [1]). Я сидѣлъ въ ногахъ матери и начиналъ ужъ дремать, какъ вдругъ на улицѣ раздался колокольчикъ... Мать такъ и вскочила съ кушетки, бабушки бросились къ окну. Дыша на него и закрываясь отъ комнатнаго свѣта обѣими руками, онѣ старались разсмотрѣть что-нибудь чрезъ образовавшіяся на стеклѣ проталинки. Но за метелью ничего не было видно.

---

[1]) Кушетка—мебель для лежанія.

VIII. Колокольчикъ звякнулъ опять, совсѣмъ близко, черезъ минуту—ужъ въ самыхъ воротахъ... Матушка поблѣднѣла, какъ полотно, схватила свѣчу, шатаясь, бросилась въ переднюю. Бабушки хотѣли ее удержать, но только что всѣ мы двинулись за нею, какъ въ дверяхъ раздался сильный звонокъ и, вслѣдъ за нимъ, черезъ порогъ переступилъ отецъ, съ головы до ногъ занесенный снѣгомъ!.. Матушка вскрикнула, уронила свѣчу и повисла у него на шеѣ, заливаясь слезами. Русская бабушка тоже всхлипывала отъ волненія и радости, черногорка—неподвижно стояла на порогѣ и, въ ожиданіи очереди обнять сына, не спускала съ него своихъ черныхъ выразительныхъ глазъ, осѣняя себя и его большими крестами. Въ первую минуту я совершенно растерялся и остолбенѣлъ отъ изумленія: мнѣ все казалось, что произошло какое-то недоразумѣніе. Но какъ только услышалъ я его голосъ, не вѣрилось, что это отецъ;—я какъ безумный охватилъ руками его ноги и тоже заплакалъ... Сквозь слезы и рыданія я слышалъ, какъ отецъ приподнялъ меня, сталъ горячо цѣловать... Да, это былъ онъ: я чувствовалъ на своихъ щекахъ его усы, бритый, нѣсколько колючій подбородокъ; я задыхался, когда его большія руки прижимали меня къ груди. Потомъ, когда отецъ опустилъ меня на полъ, со мной происходило что-то странное: точно все это я видѣлъ во снѣ или сквозь какой-то туманъ, наполнявшій мою голову. Я не понималъ какъ случилось, что отецъ ожилъ, если онъ былъ убитъ, если я самъ видѣлъ его уже мертвымъ въ снѣжныхъ сугробахъ, тамъ, далеко, въ степи, въ разграбленномъ кочевьи...

IX. Скоро, однако, все объяснилось. Никакого нападенія на кочевье не было, а случилось вотъ что: Архангельскій давно уже сталъ кутить, ничего не дѣлалъ, обманывалъ и обижалъ народъ, вѣчно былъ пьянъ и доставлялъ отцу множество серьезныхъ непріятностей. Поневолѣ пришлось уволить его отъ должности. Это возбудило въ немъ злобу противъ отца, и онъ придумалъ ужасную месть: своею безчеловѣчною ложью онъ заставилъ насъ перенести столько тяжкихъ страданій. У него хватило духу смотрѣть, какъ цѣлая семья убивалась, оплакивая смерть дорогого ей человѣка; его не тронулъ обморокъ матери, наши дѣтскія слезы; его не удержалъ и великій праздникъ, день общей радости, день добрыхъ дѣлъ въ память о Христѣ. Безсердечный и злой человѣкъ спокойно разсчиталъ свое мщеніе—и отнялъ у насъ наши радости. Но Тотъ, Кто завѣщалъ дѣлать людямъ добро и Чей день Рождества собирались они праздновать, судилъ иначе.

X. Возмущенный жестокимъ и дерзкимъ поступкомъ Архангельскаго, отецъ на другой же день послалъ за нимъ. Когда посланный вернулся, отецъ, блѣдный и встревоженный, вышелъ изъ своего кабинета и объявилъ намъ, что Архангельскій... умеръ... Идя отъ насъ домой, онъ поскользнулся на льду и на смерть расшибся о каменную тумбу...

XI. Мы были поражены. Ужасная смерть, наканунѣ праздника, сразу

смирила гнѣвъ и негодованіе всей семьи. Ни у кого не хватило духу вспоминать о случившемся.

Бабушка-черногорка первая перекрестилась; за нею перекрестились и остальные... Въ этой краткой, молчаливой молитвѣ грѣхъ былъ отпущенъ, зло позабыто и прощено.

Русская бабушка записала покойнаго въ свое поминаніе, чтобы молиться за упокой его души...

(Извлеч. съ сокращ. изъ разсказа Вучетича).

8. Прохожій.

I. Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его, но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣна въ снѣгу, онъ тщетно озирался на стороны или ощупывалъ костылемъ дорогу; мятель и сумракъ сливали небо съ землею; снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигались, какъ волны морскія, и то разсыпались въ обледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу... Напрасно силился прохожій подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ... Отчаянье уже начинало проникать въ душу путника, силы начали покидать его. Онъ окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ. Но крикъ снова замеръ на помертвѣлыхъ устахъ его.

II. Путникъ медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукою сотворилъ крестное знаменье. Буря, между тѣмъ, пронеслась мимо; все какъ будто на минуту стихло... И вдругъ нежданно, въ сторонѣ, послышался лай собаки... Лай повторился въ другой и третій разъ... Застывавшее сердце путника встрепенулось; онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на слухъ... Немного погодя, онъ ощупалъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ. Подойдя къ одной изъ нихъ, старикъ постучался. «Кто тамъ?» крикнулъ голосъ изъ избы. — «Прохожій... пусти переночевать... озябъ», отвѣчалъ старикъ. — «Ступай! ступай! по-добру, по-здорову», сердито отозвался голосъ изъ избы; «много васъ шляется; проваливай, здѣсь не мѣсто, ступай!»... Съ грустью отошелъ онъ отъ окна немилостиваго человѣка и направился къ крошечной, покосившейся на бокъ избенкѣ крестьянина Алексѣя, жившаго со своей матерью старушкой. Подойдя къ избѣ, старикъ постучался. «Кто тамъ?» крикнулъ Алексѣй, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла. — «Прохожій... пустите во имя Христово», отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ старика. — «Слышь?» сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери: «вѣрно, съ пути сбился, за мятелью: пущай его обогрѣется; я выйду на дворъ, провожу его, а то и не найдетъ, пожалуй»... Алексѣй набросилъ

на плечи овчину и вышелъ на крылечко. — «Дядя, гдѣ ты? сюда ступай!» крикнулъ онъ. «Сюда, дѣдушка!... Ступай на голосъ!» Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ и, минуту спустя, неровные шаги зазвучали на шаткихъ ступеняхъ крылечка. — «Сюда, дѣдушка, сюда!» сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было, куда итти: «войди, отогрѣйся»...

III. Прохожій вошелъ въ избу. Это былъ сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія свои руки, сдѣлалъ шагъ впередъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавочку. — «Что? небось, озябъ, дѣдушка?» спросилъ его Алексѣй. — «Поди поближе къ печкѣ, погрѣйся!» прибавила старушка. Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было. — «Спасибо»... проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку, «спасибо вамъ, что пустили»... — «И-и-и... касатикъ, Господь съ тобой! сиди, сиди, обогрѣйся... да ты бы, право, поснѣдалъ чего; кашки, а не то и киселекъ есть у насъ»... — «Нѣтъ... спасибо... охъ!... вотъ кабы парень-то твой... пособилъ... силъ моихъ нѣтъ»... Алексѣй подсобилъ старику растянуться на лавкѣ и подложилъ ему подъ голову суму. Немного погодя, старушка затушила лучину, и въ избушкѣ стало темно. Василиса, утомленная дневными хлопотами и заботами, не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась, и сладкій сонъ оковалъ истомленные ея члены. Что же касается до Алексѣя, то онъ долго лежалъ, не смыкая глазъ.

IV. Глухой стонъ, раздавшійся на лавкѣ, напомнилъ ему о присутствіи прохожаго. Стонъ повторился еще протяжнѣе. — «Дѣдушка, что ты?» спросилъ парень, приподымаясь на локтѣ. — «Подь сюда"... Алексѣй соскочилъ съ печки, нащупалъ впотьмахъ спичку, зажегъ лучину и подошелъ къ лавкѣ. Старикъ лежалъ попрежнему въ растяжку. — «Что съ тобой, дѣдушка?» вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному лицу старика. — «Гдѣ старуха-то?... Позови ее сюда»... отвѣчалъ старикъ едва внятно. Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и, минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки. — «Тетушка», сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на старушку, — «пришелъ, видно, мой часъ помирать... ты и парень твой... не отогнали меня... пустили, какъ родного... Богъ васъ не оставитъ»... Онъ замолчалъ на минуту и потомъ прибавилъ: — «Пошли... сына въ село... Аблезино... тамъ... за рощей... подлѣ громового колодца дупло... зарыта кубышка, — двадцать лѣтъ копилъ!... никому только... не сказывай»... продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ, — «вы меня призрѣли... возьмите за добро ваше... Господи! прости прегрѣшенія мои... охъ!»... — «Касатикъ, дѣдушка! что ты, очнись! Христосъ съ тобой, кормилецъ! Слышь, не сбѣгать ли парню за священникомъ?» крикнули въ одно время и мать, и сынъ. Старикъ скрестилъ руки на груди и закрылъ глаза. Мать и сынъ бросились къ лучинѣ. Когда они вер-

нулись къ лавкѣ и взглянули, при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины, въ лицо прохожему, онъ былъ мертвъ.

Весною Алексѣй пошелъ въ Аблезино и отыскалъ тамъ кубышку старика; на эти деньги онъ выстроилъ новую избу и завелъ большое хозяйство. Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ больше нужды.

(*Григоровича*).

9. Каннитферштанъ.

Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ не вѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецъ ремесленникъ... Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались. Вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ; до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота
Съ добрый сарай—удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: „Чей этотъ домъ, въ которомъ такъ много
Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?“ Но видно прохожій
Или былъ занятъ, иль столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то-есть, не зналъ ни полслова:
Какъ-бы то ни было: „Каннитферштанъ!“ отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ—есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значитъ оно: *не могу васъ понять*. Простодушный
Нѣмецъ, напротивъ, подумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. „Видно богатъ не на шутку
Этотъ Каннитферштанъ“, сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань—
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты,
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего: такъ много онъ разомъ увидѣлъ;
Но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи они были? У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: „какъ назывался
Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
Разомъ прислало?“ Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ:

„Каннитферштанъ!“ — „Опять! смотри пожалуй! какой же
Этотъ Каннитферштанъ молодецъ! мудрено-ли построить
Домъ съ богатствомъ такимъ и разставить въ горшкахъ золоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?“ Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ и задумался: горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ, и какъ онъ бѣденъ. Но только что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было-бы счастье, когда-бъ онъ
Самъ былъ Каннитферштанъ, какъ вдругъ передъ нимъ погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ длинныхъ попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу на вѣки отвозятъ.
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча,
Въ траурѣ идутъ, вдали одиноко звонитъ погребальный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной,
Доброй душѣ при видѣ мертваго тѣла; и, снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ,
Шедшихъ за гробомъ, (который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу); тихонько
Дернувъ за кафтанъ, онъ спросилъ: „Конечно, покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? кто онъ?
„Каннитферштанъ!“ былъ коротній отвѣтъ. Покатился слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца: сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши сказалъ онъ:
„Бѣдный, бѣдный Каннитферштанъ! отъ такого богатства
Что осталось тебѣ? Не то же-ль, что рано иль поздно—
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
Гробъ“. И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о Каннитферштанѣ, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ и тѣсной могилѣ. (*В. Жуковскій*).

10. Какъ умираютъ хорошіе люди.

I. По морю бѣжитъ пароходъ. Много на немъ пассажировъ [1]), есть между ними и женщины и дѣти. Всего только пять часовъ ос-

[1]) Пассажиръ—путешественникъ, ѣдущій сухимъ путемъ или водою.

тяется имъ быть въ дорогѣ. Кого ждутъ на берегу сестры, матери, жены, кто оставилъ семью дома, чтобы съѣздить по дѣламъ. Всѣ рады, что ужъ близокъ конецъ путешествія, и нетерпѣливо ждутъ, когда вдали покажется гавань [1]). У руля [2]) стоитъ опытный кормчій. Его знаютъ всѣ пассажиры, кому часто приходится ѣздить на этомъ пароходѣ. Плечистый, загорѣвшій отъ палящихъ лучей солнца, закаленный морскими бурями, твердою и опытною рукою управляетъ онъ пароходомъ. Прошелъ еще часъ, теперь еще ближе подвинулись къ пристани.

II. Въ это время изъ каюты вышелъ на палубу капитанъ. Кивнувъ головою, онъ подозвалъ къ себѣ матроса. „Изъ трюма [3]) идетъ дымъ. Узнай, что тамъ дѣлается?“

Быстро исполнилъ матросъ приказаніе капитана. „Въ трюмѣ пожаръ!“ доложилъ онъ ему. Тотчасъ-же поспѣшилъ капитанъ посмотрѣть, велика ли опасность. Никто не замѣтилъ пожара во время, а теперь не только большая часть поклажи, но и внутреннія стѣны трюма уже были въ огнѣ.

Страшная вѣсть въ одну минуту стала извѣстна пассажирамъ. Трудно передать, какъ всѣ перепугались, тѣмъ боляѣе, что на пароходѣ не было насоса, чтобъ накачивать воду. Но капитанъ тотчасъ же собралъ всѣхъ: и матросовъ, и пассажировъ, и поставилъ ихъ въ два ряда. Ряды начинались у борта [4]) корабля, кончались у трюма.

Ведро съ водою, почерпнутое крайнимъ человѣкомъ, передавалось отъ одного къ другому, до послѣдняго, который выливалъ его въ трюмъ. Ведро точно также возвращалось къ борту по другому ряду. Всѣ работали усердно.

Ведро за ведромъ выливалось на горящее мѣсто. Казалось, пожаръ сталъ стихать.

— Въ какомъ направленіи мы идемъ? спросилъ капитанъ у рулевого.

— Мы идемъ на ЮЗ. прямо въ пристань.

— Возьмите нѣсколько восточнѣе: берегъ будетъ ближе; *я боюсь*, что мы сгоримъ прежде, чѣмъ доберемся до пристани. Намъ надо куда-нибудь высадиться.

III. Между тѣмъ поднялся вѣтеръ, пожаръ усилился. Ужъ горѣлъ полъ каюты. Пламя готово было пробиться и чрезъ него. Оставаться въ каютѣ было уже опасно. Дѣти и женщины должны были перейти въ другое мѣсто. Машинистъ дѣлалъ все, что могъ, чтобъ пароходъ несся быстрѣе. Но опасность была еще велика. А на верху, у руле-

---

1) Гавань—безопасное мѣсто у берега для кораблей.

2) Руль—снарядъ, посредствомъ котораго корабль приводится въ нужное направленіе.

3) Трюмомъ называется нижняя часть корабля; въ немъ хранятся припасы и разныя вещи.

4) Бортъ—бокъ корабля.

вого колеса, по-прежнему рисовалась фигура гиганта [1]) кормчаго. Самый сильный пожаръ приходился подъ нимъ. Густой, ѣдкій дымъ валилъ на него снизу, жаромъ дышалъ на него пожаръ, каждую минуту ждали, что пожаръ охватитъ палубу, и то возвышеніе, гдѣ стоитъ рулевой. Но онъ не покидаетъ своего поста [2]), потому что *считаетъ своимъ долгомъ работать у руля до послѣдней возможности.*

IV. Всѣ сильнѣе и нестерпимѣе становится жаръ. Пассажиры собираются на носъ. Матросы готовятъ доски, къ которымъ можно будетъ привязывать женщинъ въ случаѣ, если придется бросаться въ воду и вплавь искать спасенія.

Мужчины сбрасываютъ платье, готовясь къ трудной борьбѣ за свою жизнь. Берегъ становится ближе и ближе, колеса еще въ исправности, осталось всего полчаса пути, а съ берега на помощь несчастнымъ посланы лодки.

— Рулевой!—зоветъ капитанъ.

— Что угодно? спрашиваетъ онъ, попрежнему стоя у руля.

— Можете-ли вы оставаться на мѣстѣ еще 5 минутъ?

— Я постараюсь, капитанъ.

V. А пламя все ближе и сильнѣе, а жаръ все нестерпимѣе. Волосы его спалены, кровь кипитъ, кожа трескается. Рулевой, сторонясь отъ огня, отступаетъ назадъ насколько можно, чтобы не выпустить изъ рукъ колесо, и лѣвой рукой твердо управляетъ имъ до тѣхъ поръ, пока боль не становится невыносимой. Тогда онъ мѣняетъ руку и, не испуская ни крика, ни стона, еще разъ выноситъ такую-же муку. За дымомъ онъ уже ничего не видитъ впереди себя; но онъ слышитъ слова капитана: «дѣти и женщины, впередъ! садитесь на лодки! остальные бросайтесь вплавь!» Спасены, думаетъ онъ, и радуется, что честнымъ исполненіемъ своего долга избавилъ пассажировъ отъ вѣрной смерти.

Всѣ благополучно выбрались на берегъ. Недоставало одного рулевого. Сгорѣлъ ли онъ, упалъ-ли въ воду и потонулъ—никому было неизвѣстно. *(Изъ «Объяснит. чт.» Савенко).*

11. Жизнь по разуму и по совѣсти.

(Изъ завѣщанія отеческаго къ сыну крестьянина Посошкова).

Живи ты, чадо мое, въ совершенномъ страхѣ Божіемъ: никого не обижай, и ничего чужого не желай: но будь доволенъ своимъ имѣніемъ, если и весьма бѣденъ будешь; и богатства временнаго не очень ищи: а болѣе ищи вѣчнаго богатства, чѣмъ тебѣ въ безконечные вѣки жить. Временное богатство—ничто: если кто его и получитъ, не всякому оно на пользу, но больше на погибель бываетъ, ибо отъ богатства приходитъ гордость, тщеславіе, чревообъяденіе, сла-

---

[1]) Гигантъ—великанъ.

[2]) Постъ—должность, служба.

столюбіе, вещелюбіе, всякая роскошь непотребная. Богатство бываетъ добромъ тому, кто можетъ владѣть имъ Авраамски; а если кто такъ держать его не можетъ, то лучше жить въ среднемъ состояніи или даже въ убожествѣ.

Я скажу тебѣ вотъ что, сынъ мой: если ты погонишься за богатствомъ, то оно побѣжитъ отъ тебя; ты же, настигая его, спотыкнешься и разобьешься: богатства не достигнешь, а себѣ повредишь. А если ты желать его не будешь, и за нимъ не побѣжишь, то оно и само не побѣжитъ отъ тебя; только умѣй содержать его: не давайся ему подъ власть, но ты имъ господствуй. Такъ, сынъ мой, живи: если будетъ у тебя и полное богатство, то не радуйся ему, а если его не будетъ у тебя, то не печалься. Если очень желать богатства не будешь, то всегда безпечаленъ будешь, и сребролюбіе не овладѣетъ тобою; но ты одолѣешь его и царствовать надъ нимъ будешь, а не оно надъ тобою. *Безжеланный человѣкъ всегда веселъ бываетъ*, много ли у него, мало ли; о всемъ радуется и Бога благодаритъ, и живетъ—словно царствуетъ. Пекись же, сынъ мой, о помѣрномъ богатствѣ, а не объ излишнемъ, только чѣмъ бы тебѣ съ домашними своими быть сыту, но и ту свою сытость всю возложи на Господа Бога своего, ибо Онъ всякую тварь питаетъ. Итакъ, больше всего отъ Бога ожидай, а не отъ своего происку: Онъ знаетъ, сколько подать тебѣ.

Если не только богатствомъ въ жизни своей отъ Бога одаренъ будешь, но если и честію возвышенъ,—будь все-таки кротокъ и смиренъ, и ни предъ кѣмъ не возносися; будь какъ простой мірянинъ; обиды не только богатымъ, но и убогимъ, никакой не чини.

И если Господь Богъ дастъ тебѣ остроту разума, то ты тѣмъ болѣе смиряйся, и ни предъ кѣмъ не возвышайся. Если будетъ тебѣ поручено какое-нибудь дѣло государево, то ни о домѣ своемъ и ни о чемъ другомъ не пекися такъ, какъ о порученномъ тебѣ дѣлѣ: смотри за тѣмъ, чтобы чего-нибудь не истерять.

Если у какого-нибудь дѣла и большимъ командиромъ будешь, то ничего не дѣлай своимъ самоумничествомъ, но съ общаго совѣта. Будь и въ важной должности какъ послѣдній всѣмъ, и какъ бы служа имъ. Ибо самъ Господь повелѣлъ большому смирять себя и быть какъ бы меньшимъ изъ всѣхъ и слугою. *Тѣмъ не обезчестишь себя, и чести своей не уронишь.*

И лжи въ уста свои ни малѣйшей не влагай, потому что начальникъ лжи-діаволъ. А также и льстиваго слова никакого никому не говори. Царь-пророкъ вѣщаетъ, что погубитъ Господь всѣ уста льстивыя.

Особенно съ опасеніемъ сохраняй себя тогда, когда кто-нибудь на тебя пошлется въ какомъ-нибудь свидѣтельствѣ: если на тебя самый большой врагъ твой пошлется въ правдѣ, или въ неправдѣ самый тайный твой другъ или ближній свойственникъ,—не моги сол-

тать и вмѣсто правды неправду сказать: лучше тебѣ бѣду или смерть принять, нежели, солгавъ, цѣлу быть. Если правду скажешь и за то отъ высшихъ лицъ пострадаешь, а тѣмъ болѣе если смерть примешь, то тебѣ подобаетъ радоваться: потому что къ святымъ мученикамъ причтешься. О, сынъ мой! счастливъ бы ты былъ, если бы ты за праведное свидѣтельство смерть пріялъ.

12. Мелочи.

I. Пренебреженіе мелочами составляетъ скалу, о которую разбивается большинство людей. Вся человѣческая жизнь составляетъ не что иное, какъ рядъ незначительныхъ происшествій, каждое изъ которыхъ, взятое въ отдѣльности, неважно, но тѣмъ не менѣе счастье каждаго человѣка въ значительной степени зависитъ отъ этихъ мелочей. Характеръ человѣка также складывается на мелочахъ, когда на нихъ обращается должное вниманіе. Успѣхъ человѣка въ дѣлахъ вполнѣ зависитъ отъ его вниманія къ мелочамъ.

II. Увеличеніе знаній и опытности тоже не что иное, какъ результатъ [1]) самыхъ малыхъ частицъ знанія и опыта, тщательно собранныхъ въ одно цѣлое. Люди, которые ничему не научаются, ничего не скопляютъ въ теченіе своей жизни, терпятъ во всемъ неудачу именно потому, что пренебрегаютъ *мелочами*. Сколько бы они ни говорили, что «цѣлый свѣтъ идетъ противъ нихъ», но единственными врагами являются они же сами. Долго существовало повѣрье въ «удачу», въ «авось» но, какъ и всякое народное повѣрье, оно, наконецъ, исчезло. Теперь болѣе распространено то мнѣніе, что трудолюбіе есть мать возможнаго на землѣ счастія или, другими словами, счастье человѣка пропорціонально [2]) его усилію, его прилежанію, его вниманію къ мелочамъ. Лѣнивый, небрежный, распущенный малый ни въ чемъ не найдетъ удачи. Онъ будетъ лишенъ результатовъ труда, потому что самъ не приложилъ усилій, чтобы добыть ихъ себѣ. Не счастье, но трудъ создаетъ человѣка.

III. Удача, какъ выразился одинъ американскій писатель, всегда ожидаетъ, чтобъ обстоятельства сложились въ ея пользу, а трудъ, обладая проницательнымъ взоромъ, сильною волею, всегда самъ подготовляетъ для своего дѣла такія обстоятельства, какія нужно. Удача любитъ лежать въ постели и разсчитывать, какъ бы это было хорошо, еслибъ сейчасъ явился почтальонъ съ извѣстіемъ о какомъ-нибудь неожиданномъ наслѣдствѣ; трудъ поднимается съ разсвѣтомъ и, старательно дѣйствуя пером или молоткомъ, самъ закладываетъ прочное основаніе достатку. Удача полагается на случайность, трудъ на характеръ [3]); удача незамѣтно понижаетъ человѣка до самоугожденія, трудъ возвышаетъ человѣка и ведетъ его къ независимости.

---

[1]) Результатъ—слѣдствіе.
[2]) Пропорціонально—соразмѣрно.
[3]) Характеръ—духъ, нравъ, отличительное свойство души.

IV. Въ домашнемъ хозяйствѣ существуетъ много мелочей, вниманіе къ которымъ необходимо для здоровья и спокойствія. Чистота предполагаетъ собою вниманіе ко множеству кажущихся пустяковъ,—напримѣръ, чтобъ былъ вытертъ полъ, сметена пыль съ креселъ, вытерта до-чиста чайная чашка, общимъ же результатомъ всего этого является цѣлая атмосфера [1]) нравственнаго и физическаго [2]) благосостоянія, условіе, благопріятное для высшаго развитія характера человѣка. Иному покажется бездѣлицей знать, каковъ именно воздухъ въ домѣ: вѣдь воздуха намъ не видно, да и немногіе что-нибудь о немъ знаютъ. Однакожъ, если мы не позаботимся, чтобъ былъ правильный притокъ чистаго воздуха въ наши жилища, то неизбѣжно пострадаемъ за свое небреженіе. Казалось бы, невелика важность, если кое-гдѣ видно нѣсколько пятенъ грязи, если дверь или окно постоянно затворены; но изъ-за этого могутъ произойти болѣзни, которыми разстроена будетъ цѣлая жизнь, и потому даже небольшое количество грязи и дурного воздуха на практикѣ [3]) составляетъ дѣло крайне серьезное. Всѣ домашніе распорядки, взятые сами по себѣ, пустяки, но такіе пустяки, изъ которыхъ могутъ произойти важные результаты.

Булавка—очень ничтожная вещь въ одеждѣ, но характеръ человѣка нерѣдко выказывается и въ томъ, какимъ образомъ булавка воткнута въ его платье. Нѣкто, человѣкъ тонкій и наблюдательный, искалъ себѣ жены и для этого посѣщалъ знакомое семейство. Однажды въ комнату, въ которой онъ сидѣлъ, вошла одна изъ дочерей главы семейства, красивая дѣвушка, съ незастегнутымъ платьемъ, съ неопрятными волосами. Посѣтитель послѣ этого раза не бывалъ больше никогда; между тѣмъ, это былъ человѣкъ умный и впослѣдствіи сдѣлался хорошимъ мужемъ. Онъ судилъ о женщинахъ, какъ о мужчинахъ, по мелочамъ, и былъ правъ.

Аптекарь искалъ себѣ помощника; заявленія поступили къ нему со стороны многихъ молодыхъ людей, числомъ до двадцати. Онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ въ одно время и заставилъ всѣхъ соединять соли въ одинъ пакетъ; выбранъ былъ тотъ, который при этомъ дѣлѣ выказалъ больше всѣхъ ловкости и опытности. По этому ничтожному образцу аптекарь заключилъ и вообще о практическихъ способностяхъ соискателей.

V. Пренебреженіе къ мелочамъ попатнуло не одно хорошее состояніе, испортило самыя лучшія предпріятія. Корабль, нагруженный богатствами купца, погибъ по тому, что при отплытіи не замѣчено было маленькаго отверстія на днѣ. По неимѣнію гвоздя, потеряна была подкова лошади адъютанта [4]) дѣйствующей арміи; не было подковы, пала и сама лошадь; изъ-за павшей лошади погибъ адъютантъ, такъ какъ непріятель захватилъ и убилъ его; со смертью хорошаго офицера погибла армія

[1]) Атмосфера—воздухъ, окружающій землю. Здѣсь — всѣ внѣшнія условія жизни человѣка.

[2]) Физическій—тѣлесный. [3]) Практика—жизнь, дѣло.

[4]) Адъютантъ—офицеръ при генералѣ, принимающій его приказанія для сообщенія по принадлежности.

его генерала: всѣ эти несчастія, въ концѣ концовъ, произошли потому только, что ничтожный гвоздь не былъ, какъ слѣдуетъ, прикрѣпленъ къ лошадиной подковѣ. „Живетъ!“ вотъ обычное выраженіе людей, которые пренебрегаютъ мелочами. Эта фраза [1]) испортила не одно состояніе, была причиною гибели многихъ кораблей, пожара многихъ домовъ и безвозвратно разрушила тысячи радужныхъ проэктовъ [2]) добра человѣчеству. Слова: „живетъ!“ и „какъ-нибудь“ всегда означаютъ, что человѣкъ правильно поступать пересталъ, означаютъ нечистоту дѣла, неудачу и гибель. Стремиться должно не къ тому, чтобы дѣло *какъ-нибудь* было сдѣлано, но чтобы сдѣлано было *самымъ лучшимъ образомъ*. Если разъ человѣкъ усвоилъ себѣ правило дѣлать «какъ-нибудь» и «авось», то это значитъ, что онъ передался врагу добра, что перешелъ на сторону людей неспособныхъ, дурныхъ, и мы отъ него отступаемся, какъ отъ человѣка безнадежнаго!

VI. Одинъ французскій писатель разсказываетъ слѣдующій примѣръ пренебреженія къ мелочамъ. На сельской фермѣ [3]) постоянно раскрывались по неимѣнію задвижки ворота отъ загородки, въ которой содержались скотъ и куры. Расходъ въ 10 копеекъ, нѣсколько минутъ времени—и все было бы поправлено. Дверь размахивалась каждый разъ, когда кто-нибудь выходилъ; тотчасъ запереть дверь было нельзя, и потому не мало куръ время отъ времени терялось. Разъ ускользнула такимъ образомъ изъ изгороди отличная молодая свинья; бѣглянку стали разыскивать садовникъ, стряпуха, молочница, однимъ словомъ, цѣлый домъ. Садовникъ первый открылъ свинью; перепрыгивая чрезъ канаву, чтобы загородить дорогу бѣглянкѣ, онъ вывихнулъ ногу и долженъ былъ пролежать въ постели недѣли двѣ. Стряпуха, возвратившись на ферму, увидала, что сгорѣло бѣлье, которое она развѣсила передъ огнемъ для просушки, а молочница впопыхахъ забыла привязать коровъ, и одна изъ нихъ перешибла ногу жеребенку, который случайно содержался въ томъ же самомъ сараѣ. Сожженное бѣлье и потерянный трудъ садовника стоили не меньше 35 рублей, а жеребенокъ стоилъ почти вдвое больше этого: такимъ образомъ, здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, утратилась большая сумма денегъ просто изъ-за неимѣнія маленькой задвижки, которую можно было достать за нѣсколько копеекъ.

VII. Жизнь полна подобныхъ примѣровъ. Если пренебреженіе къ мелкимъ обстоятельствамъ вошло въ привычку, то не долго дойти до разоренія. Богатство создается рукою человѣка старательнаго; человѣкъ старательный, какъ мужчина, такъ и женщина, бываетъ внимателенъ какъ къ малымъ предметамъ, такъ и къ большимъ. Вещи сами по себѣ могутъ казаться очень ничтожными, незначительными, но вниманіе

---

[1]) Фраза—оборотъ рѣчи, выраженіе, слова.
[2]) Проэктъ—предположеніе.
[3]) Ферма—хуторъ, имѣніе.

къ нимъ столь же необходимо, какъ и къ предметамъ большой важности.

Возьмемъ, напримѣръ, самую малую монетку—копейку. Какой, казалось бы, пользы можно ожидать отъ этого маленькаго кусочка мѣди, отъ одной копейки? Что можно на нее купить? Вдвое большую сумму нужно даже на стаканъ пива. Копейку стоитъ развѣ коробочка сѣрныхъ спичекъ. Эта монета для иныхъ людей годится только, чтобы подавать нищему. А между тѣмъ какъ много людского счастья зависитъ отъ разумной траты одной копейки!

Положимъ, человѣкъ работаетъ сильно, зарабатываетъ себѣ пропитаніе; но если онъ допуститъ, чтобъ маленькія монеты, копейки, составляющія результатъ этого тяжелаго труда, проскользали у него сквозь пальцы—то на питье пива, то туда, то сюда,—то выйдетъ, что его трудовая жизнь немногимъ выше жизни водовозной клячи. Съ другой стороны, если тотъ же работникъ позаботится сберечь эти ничтожныя монетки, будетъ каждую недѣлю вносить нѣсколько такихъ монетокъ въ общество взаимнаго вспоможенія или въ страховой капиталъ, нѣсколько другихъ—въ сберегательную кассу, а остальное ввѣритъ своей женѣ, чтобы заботливо приберечь, чтобъ устроить у себя дома кое-какія удобства, а также на образованіе дѣтей,—то такой заботливый человѣкъ вскорѣ увидитъ себя вознагражденнымъ за свою внимательность къ мелочамъ: средства у него увеличатся, дома будетъ спокойно и удобно, а самъ онъ будетъ спокоенъ за будущее.

VIII. Всѣ сбереженія составляются по мелочамъ. Изъ копеекъ составляется рубль. Сбережена копейка—значитъ, сберегутся и рубли, а сбереженіе большихъ суммъ доставитъ средства къ удобствамъ жизни, довольству, богатству, независимости. Но копейка должна быть нажита честно. Не даромъ говорится, что трудовой грошъ лучше выпрошеннаго рубля. Шотландская пословица говоритъ: «подаренное платье никогда не бываетъ такъ красиво, какъ платье нажитое». Не бѣда, если нажитой грошъ черенъ. «Кузнецъ и его деньги черны», но дѣло въ томъ, что заработокъ кузнеца—честный заработокъ.

IX. Если человѣкъ не умѣетъ беречь свои заработки, то онъ долженъ быть готовъ ко всему. Нужда можетъ нагрянуть на него, «какъ воръ ночью». Бережливость имѣетъ магическое *) дѣйствіе: разъ начавшись, она обращается въ привычку и даетъ человѣку сознаніе удовлетворенія, силы, безопасности. Гроши, отложенные въ шкатулку, въ сберегательную кассу, служатъ владѣльцу порукою за удобство во время болѣзни, за спокойствіе въ старости. Человѣкъ, бережливый имѣетъ при себѣ щитъ противъ нужды, а не умѣющій беречь долженъ знать, что между нимъ и горькою, жестокою бѣдностью нѣтъ рѣшительно никакой преграды.

Но мужчина, быть можетъ, и склоненъ беречь деньги, откладывать

*) Магическій—волшебный, необыкновенный.

ихъ на случай болѣзни или для другихъ цѣлей; однакожъ не можетъ выполнять этого, если ему не пособляетъ въ томъ жена. *Благоразумная, бережливая, трудолюбивая женщина составляетъ, поистинѣ, вѣнецъ счастія для своего супруга.* Она содѣйствуетъ ему во всѣхъ добрыхъ рѣшеніяхъ, можетъ обнаружить его лучшія качества путемъ спокойной, кроткой поддержки; своимъ примѣромъ она въ состояніи насадить въ немъ возвышенныя начала (т. е. мысли, намѣренія, желанія), служащія сѣменемъ наибольшихъ жизненныхъ добродѣтелей.

Самый скромный рабочій, благосостояніе и хорошая жизнь котораго наглядно показываютъ его товарищамъ, чего можно достигнуть посредствомъ труда, умѣренности, заботливости и умѣнья преодолѣвать низкіе, чувственные соблазны,—показываютъ, какимъ дорогимъ дѣлается домашній кровъ отъ этихъ качествъ, даже среди бѣдности,—такой рабочій приноситъ столько же добра, какъ любой краснорѣчивый писатель. Если бы въ народѣ нашлось нѣсколько такихъ лицъ, то ихъ благодѣтельное вліяніе скоро было бы замѣчено цѣлымъ обществомъ. *Хорошо прожитая жизнь стоитъ многихъ рѣчей, потому что примѣръ гораздо краснорѣчивѣе словъ:* это—поученіе въ лицахъ, правила мудрости на дѣлѣ.

X. Повседневная жизнь человѣка служитъ лучшимъ пробнымъ камнемъ и его нравственнаго и общественнаго положенія. Возьмемъ двухъ рабочихъ по одному и тому же ремеслу, зарабатывающихъ одинаковыя деньги; какъ различны могутъ быть эти два человѣка по отношенію къ ихъ настоящему положенію! Одинъ смотритъ совершенно свободнымъ человѣкомъ, другой—рабомъ. Одинъ живетъ въ уютномъ домикѣ, другой—въ грязной лачугѣ. На одномъ всегда одѣто приличное платье, другой въ лохмотьяхъ. У одного дѣти опрятны, хорошо одѣты, ходятъ въ школу; у другого грязны, жалки и нерѣдко валяются въ канавахъ. Одинъ обладаетъ обыкновенными жизненными удобствами, даже многими удовольствіями, предметами комфорта *), напр. хорошо составленной библіотекой; у другого мало отраднаго: нѣтъ ни удовольствій, ни развлеченій, ни книгъ, а между тѣмъ заработокъ обоихъ одинаковъ. Что за причина такой разницы?

Вотъ причина. Одинъ уменъ и предусмотрителенъ; другой—напротивъ. Одинъ жертвуетъ собою для пользы своей жены, семьи, домашняго крова; другой не отказываетъ себѣ ни въ чемъ, но живетъ подъ гнетомъ дурныхъ привычекъ. Одинъ—человѣкъ трезвый, находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы сдѣлать свой домъ привлекательнымъ, доставить семьѣ удобство; другой вовсе не заботится ни о домѣ, ни о семействѣ, а тратитъ большую часть своихъ заработковъ въ питейной лавкѣ или трактирѣ; одинъ смотритъ вверхъ, другой внизъ. У одного высокая мѣра удовольствій, у другого низкая. Одинъ любитъ книги, развивающія и возвышающія его умъ; другой преданъ пьянству, кото-

*) Комфортъ—удобства жизни.

рое стремится его принизить и оскотоподобить. Одинъ бережетъ свои деньги; другой ихъ мотаетъ.

„Вотъ что,—товарищъ“, сказалъ послѣдній первому, однажды вечеромъ, на обратномъ пути съ работы,—„скажите-ка мнѣ, какъ вамъ удается устраивать свои дѣла? какимъ образомъ вы можете содержать и одѣвать семью такъ, какъ теперь, да еще сверхъ того, откладывать деньги въ сберегательную кассу? вотъ я, кажется, добываю столько же, какъ и вы, да еще и дѣтокъ у меня меньше, и вѣдь едва могу сводить концы съ концами!...“

„Хорошо, я вамъ скажу, въ чемъ секретъ: это все только благодаря моей заботливости о *сбереженіи наживаемыхъ копеекъ*“.

„Какъ! И тутъ вся причина?“

„Да, и причина хорошая. Не наберется изъ 50 человѣкъ одинъ, который бы зналъ этотъ секретъ. Напримѣръ, вы не знаете“.

„Я? Какъ это такъ? Любопытно бы знать!“

„Теперь, когда вы спросили мой секретъ, я разскажу вамъ все. Только не обижайтесь, если я буду говорить прямо. *Я ничего не трачу на питье*.

„Ничего? Но это значитъ, что вы не платите угощеніемъ за угощеніе, а блюдолизничаете у сосѣдей?“

«Никогда! Я пью воду, которая не стоитъ ничего. Старинная пословица говоритъ, что за каждымъ пьянымъ днемъ идетъ горькое похмѣлье; я стараюсь, чтобъ у меня не было дней похмѣлья, когда болитъ голова и трясутся руки, и берегу деньги. Пей воду: не заболѣешь и не задолжаешь, да и жена не останется скоро вдовой. А вѣдь это составляетъ значительную разницу въ нашихъ издержкахъ».

„Въ томъ и состоитъ весь вашъ секретъ?“

„Да; заботьтесь о каждой мелкой монетѣ—вотъ и все. Я берегу, и потому не терплю нужды, а вы нуждаетесь. Очень просто, не правда ли?“

«Просто-то просто; только изъ этого нѣтъ никакого толку». «А вотъ такой толкъ, что вы должны были спросить, почему *я* живу хорошо и еще откладываю, тогда какъ вы, при тѣхъ же доходахъ, едва сводите концы съ концами. Деньги значатъ независимость, и онѣ складываются мало-по-малу. Сверхъ того, я да и вы также работаемъ такъ много, что мнѣ даже не хочется тратить деньги на питье, когда я могу отложить эти трудовые гроши на черный день. Въ этомъ все и дѣло; вѣдь *отрадно подумать*, что—какая бы случайность меня ни постигла, мнѣ не будетъ нужды ни просить, ни итти въ рабочій домъ. Сбереженія дѣлаютъ меня человѣкомъ свободнымъ. Человѣкъ, который всегда въ долгу, или безъ гроша подъ рукою, немногимъ лучше раба».

(*Заимствов. съ сокращ. изъ соч. С. Смайльса:* „*Бережливость*“).

13. Пустынникъ.

И ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустынѣ скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь.
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было-бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

(А. Майковъ).

14. Поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ [1]),
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира [2]),
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ, въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

(А. Пушкинъ).

15. Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Занѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,—
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

(Лермонтовъ).

16. Слезы *).

Сколько слезъ я пролилъ!
Сколько тайныхъ слезъ
Скрытьси приневолилъ
Въ дни сердечныхъ грозъ!
Слезы, что пробились,
Позабыты мной;

---

[1]) Аполлонъ — языческій богъ, мнимый покровитель литературы, поэзіи, художествъ. Первые два стиха можно передать такъ: пока на поэта не нашло священное вдохновеніе.

[2]) Лира — музыкальный инструментъ, здѣсь — даръ поэтическаго вдохновенія и словеснаго его проявленія.

*) Это стихотвореніе, какъ и всякое, въ которомъ выражается грустное чувство, относится къ разряду элегій.

Чувства оживились
Свѣжей ихъ росой.
Слезы, что отсѣли
На сердѣчномъ днѣ,
Къ язвамъ прикипѣли
Ржавчиной во мнѣ.

(Кн. Вяземскій).

17. Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу,
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ;
Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду-ль чего? жалѣю ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я-бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ вздымалась тихо грудь,
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

(Лермонтовъ).

18. Темница.

Черныя стѣны суровой темницы
Сырость одѣла, покрыли мокрицы,
Падаютъ ѣдкія капли со свода,—
А за стѣною ликуетъ природа.

***

Связка соломы лежитъ подо мною,
Червь ее точитъ. Дрожащей рукою
Сбросилъ я жабу съ нея... а изъ башни
Видно и небо, и горы, и пашни.

***

Вырвался съ крикомъ изъ груди холодной
Вопль, замиравшій неслышно, безплодно;
Глухо оковы мои загремѣли,
А за стѣною малиновки пѣли.

(Щербина.)

19. Слезы.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

(Тютчевъ.)

20. На кладбищѣ.

Сквозь деревья освѣщаются гробницы
По плитамъ скользитъ узорчатая тѣнь,
Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы,
Надъ усопшимъ ликуетъ красный день.
Разрослись деревья, преизбытокъ силы
Дышитъ въ каждой жилкѣ влажнаго листка,
И кругомъ, куда ни взглянешь на могилы,
И цвѣты нарядны, и трава густа.
И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы...
Отъ вѣтвей узоромъ колебалась тѣнь,
Воздухъ знойный пѣньемъ оглашали птицы,
Надъ могилами сіялъ веселый день.
И мгновенной жизнью пользуясь безпечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храмѣ пѣли радость жизни вѣчной,
Грустно пѣли: «со святыми упокой.» *(А. Жемчужниковъ).*

21. Утѣшеніе.

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ!
И кто же не грѣшенъ предъ нимъ?
Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ;

***

Что слезы мнѣ всѣ симпатичны, [1])
Что съ плачущимъ плачу и я,
Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
На каждую скорбь бытія; [2])

***

Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
Что въ язвахъ созрѣла душа,
Что жизнь мнѣ не блескомъ и счастьемъ,
А тайной тоской хороша.

***

Что въ міръ и его обаянья
Недолго вдаваться я могъ,
Но всѣ его понялъ страданья
И чувство для нихъ уберегъ;

***

Что тайная есть мнѣ отрада
Внезапно войти въ Божій домъ
И тамъ, гдѣ мерцаетъ лампада,
Съ молитвой поникнуть челомъ;

---

[1]) Симпатичный—сострадательный, сочувственный.
[2]) Бытіе—жизнь, существованіе.

Что дня не проходитъ и часу,
Чтобъ внутреннимъ слухомъ не внялъ
Я смерти призывному гласу
И слухъ отъ него уклонялъ;

***

Что въ самой житейской тревогѣ
Сей голосъ не чуждъ для меня,
И мыслью стою при порогѣ
Послѣдняго, страшнаго дня. (*Кн. П. Вяземскій*).

22. Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

——

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ.

——

Пора на отдыхъ. О дубравы!
О тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

——

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю!

——

Стереть бы потъ дневного зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!
Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха! впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву—пашни много,
А дня немного впереди,
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

——

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!

——

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ:
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

——

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

——

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь для сѣва Твоего.

(*А. Хомяковъ*).

23. Сяду я за столъ. *)

Сяду я за столъ
Да подумаю—
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

—

Нѣтъ у молодца
Молодой жены;
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

—

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны, сохи,
Коня—пахаря...

—

*) Это стихотвореніе, какъ и слѣдующее за нимъ, относится къ разряду художественныхъ пѣсней.

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую.

—

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала.

—

Сяду я за столъ,
Да подумаю—
Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому. (*Кольцовъ*).

24. Ахъ, ты ночь ли, ноченька.

Ахъ, ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ, ты ночь ли
Бурная!
Отчего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть—злодѣйка
Свѣдалась!

Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На сердце:
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодецъ,
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься. (*Дельвигъ*).

25. Пѣсня бѣдняка.

Бѣденъ я,—но что за дѣло?—
Безбоязненно и смѣло
Я впередъ иду;
Свыкся я съ нуждою злою;
Предъ нежданною бѣдою
Духомъ не паду.

—

Пріучивъ къ работѣ руки,
Я не знаю праздной скуки;
Ропотъ и тоска
Сердцу съ роду незнакомы;
Мнѣ не надобны хоромы:
Будетъ уголка.

—

И въ углѣ дышу я вольно.
Пусть богачъ живетъ раздольно,
Хлѣба ѣстъ кусокъ,—
Сытъ и бѣдный также точно.
Было-бъ сердце непорочно,—
Бѣдность—не порокъ!

—

Зависть я считаю басней.
Чѣмъ богатыхъ я несчастнѣй?
Пусть я небогатъ;
Но зато я сплю спокойно;
Дни мои проходятъ стройно;
Сердца не страшатъ
Ни заботы, ни печали.

—

Знаю я, что Богъ и въ малѣ:
Къ вышнему Царю
Горячо мое моленье;
И за бѣдности лишенья
Я благодарю.

—

Благо всякое даянье!
Бѣднымъ помощь—упованье,
Ихъ надежда—Богъ;
Здѣсь имъ скорбь, а тамъ отрада,
Здѣсь имъ бѣдность, тамъ награда...
Бѣдность—не порокъ! (*Жуковскій*).

[illegible] на Лѣнина
[illegible]
им. В. И. ЛЕНИНА

26. Ахъ, ты поле мое поле, поле чистое!

Ахъ, ты поле мое поле, поле чистое!
Ты раздолье мое широкое!
Ужъ ты всѣмъ поле изукрашено,
И травушкой—муравушкой,
И цвѣточками—василечками.
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ, убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются:
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ!

(*Народ. пѣсня*).

27. Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшкѣ говорила:
«Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы;
Не съ богатствомъ мнѣ жить—съ человѣкомъ,
Не въ хоромахъ нужда, а въ свѣтѣ». (*Народ. пѣсня*).

28. Идетъ кузнецъ изъ кузницы.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!

Изъ обрѣзковъ булавочку,
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать.
Слава! (*Народ. пѣсня*).

29. Дружба.

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямого стана.

Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій, —
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!...
(*Лермонтовъ*).

30. Лучшій перлъ таится.

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,

Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль. (*Жадовская*).

31. Товарищу.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ!
Вѣруй силамъ души,
Да могучимъ плечамъ.

—

На заботы-жъ свои,
Чуть заря, поднимись,
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.

—

Неудачи, бѣда—
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

—

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ,

И на славу твою
Жить съ тобою начнетъ.

—

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

—

И тѣ-жъ люди—враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

—

Ты на нихъ не сердись;
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души. (*Кольцовъ*).

32. Мать.

«Бѣдный мальчикъ весь въ огнѣ,
Все ему не ловко.
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Приклонись головкой!
Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,

Хочешь сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ не хочешь?...сказки—вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-темень боръ,
Лисъ лисичку будитъ;

Во сыромъ-темномъ бору...
Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ-темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...

—

«*Во сыромъ бору*» поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужъ день выводитъ—
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется—
«*Во темномъ-сыромъ бору*»
Снова раздается...

—

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало,
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!...

(*А. Майковъ*).

33. Къ дѣтямъ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться—да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

—

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

—

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

—

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать—
Молитесь—да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

(*А. С. Хомяковъ*).

34. Жена ямщика.

Скоро будетъ полночь...
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.
И горитъ лучина,
Издавая трескъ

И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.
Въ старомъ зипунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.
Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.
Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:
«Ты-бы легъ, касатикъ;
Вѣдь ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку;
Вишь, какъ холодно».
— «А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь,
И вечоръ все пряла,
И теперь не спишь?»
«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть то нѣтъ ужъ силъ,—
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!
«Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.
«Ну, Господь помилуй!
Если съ мужичкомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.
«Дѣло мое бабье,—
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ, горькихъ, станетъ
Одѣвать, кормить?»...
— «Полно плакать, мама!»
Грустно сынъ сказалъ
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ.
И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.
«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ,—
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.
«Постелю постельку;
А Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ.
«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать»...
И дитя забылось...
Снова мать прядетъ;
Ей отъ думъ—заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.
Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ;
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.
Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца—
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...
Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
—«Ахъ, отецъ!» проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.
— «Вишь, морозъ какъ крѣпко
Дверь то прихватилъ!»
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.
И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ.
Осѣнивъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:
— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка!
Слѣду въ полѣ нѣтъ!
«Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
И лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ».
«А мой мужъ?»—спросила
Ямщика жена,—
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

«Да, въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По-душу послалъ.
«На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,—
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять».
Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.
Опустивъ ручонки,
Сынъ ея стоялъ—
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.
«Вишь, какая притча»!
Думалъ такъ мужикъ:
«Вѣрно я не впору
Развязалъ языкъ.
«А вѣдь жалко бабу
Что и говорить!
Скоро ей придется
По-міру ходить.
«Полно горевать-то»,
Вслухъ онъ ей сказалъ:
«Стало неча дѣлать—
Богъ, знать, наказалъ!
«Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди, возьми ихъ;
Мнѣ домой пора.
«Да! вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.
«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:
— «Вотъ благословенье
«Сыну моему:
«Пусть не забываетъ
«Мать, скажи ему!» (*Никитинъ*).

35. Подвигъ.

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злóбой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;

Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—

Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

(*А. Хомяковъ*).

36. Не осуждай!

Не осуждай—за тѣмъ, что всѣ мы люди,
Всѣ слабы, немощны, опутаны грѣхомъ;
Волнуютъ страсти наши груди;
Въ грѣхѣ родимся и живемъ.

Не осуждай!.. Чтобъ ближнихъ быть судьею,
Спроси у совѣсти, ты самъ-то лучше-ль ихъ?
О, братъ, кто точно чистъ душою,
Тотъ снисходителенъ къ погрѣшностямъ другихъ!

Не осуждай!.. Вѣдь слову нѣтъ возврата
Смотри, чтобъ, какъ сказалъ Спаситель, неравно

Увидишь спицу въ глазѣ брата,
А проглядишь въ своемъ бревно.

——

Не осуждай—за тѣмъ, чтобъ обличеньемъ
Не палъ и на тебя тотъ камень съ высоты,
Тяжелый камень осужденья,
Которымъ въ брата бросишь ты.

——

Не осуждай—за тѣмъ, мой братъ, что право
Судить и миловать принадлежитъ Тому,
Предъ Кѣмъ открытъ нашъ міръ лукавый,
Кто можетъ свѣтомъ сдѣлать тьму. (*Розенгеймъ*).

37. Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.
Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ.
Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина...
Не грози-жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой;
Готовъ биться я съ тобою.
Но не сладишь ты со мной!
У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!
(*Кольцовъ*).

38. Всѣ люди братья.

О, какъ бы онъ счастливъ былъ, свѣтъ этотъ старый,
Да люди другъ-друга понять не хотятъ,
Къ сосѣду сосѣдъ не придетъ и не скажетъ:
«Вѣдь, люди всѣ братья—дай руку мнѣ, братъ!»

——

Зачѣмъ мы разладъ и вражду не покинемъ,
Зачѣмъ не составимъ одну мы семью?
Одинъ бы другому сказать могъ съ любовью:
«Приди! мы всѣ братья—дай руку свою.

——

«Богатъ ты и носишь нарядное платье;
Я бѣденъ, на мнѣ кафтанишко худой;
Но честное сердце въ груди у обоихъ,
Такъ дай-же мнѣ руку, мы братья съ тобой.

——

«Тебѣ ненавистны измѣна и подлость:
Но правды законъ тебѣ дорогъ и святъ;
Я тоже любовью къ добру пламенѣю,
Приди! мы всѣ братья—дай руку мнѣ, братъ!

«Ни сильный, ни слабый тобой не обманутъ.
За слово свое, какъ и ты, я стою.
Не тоже-ль, что я—называешь ты счастьемъ?
Мы братья съ тобою,—дай руку свою.

«Ты матерью нѣжно, глубоко любимъ былъ,
Моя и жила и дышала лишь мной;
Пускай мы стоимъ на различныхъ ступеняхъ,
Но руку подай мнѣ,—мы братья съ тобой!

«Мы любимъ вечерняго солнца сіянье;
Всего намъ дороже родимый нашъ край,
И жизнь для борьбы послана намъ обоимъ;
Мы братья... Такъ братски мнѣ руку подай!

«Грозитъ ужъ обоимъ намъ хилая старость,
И смерть неизбѣжная ждетъ насъ за ней;
И оба мы въ темную ляжемъ могилу.
Да! люди всѣ братья... Дай руку скорѣй!»

(Изъ Роберта Николи въ перев. *А. Плещеева*).

39. Нравоучительныя четверостишія.

Все возвѣщаетъ намъ: есть Вѣчный, есть Творецъ!
Онъ таинство уму, но чувству Онъ потреба.
Благоговѣй предъ Нимъ!—се гласъ земли и неба.
Люби Его! се гласъ признательныхъ сердецъ.

***

О смертный! міръ твоимъ потребностямъ покоренъ,
Ты Богомъ щедро награжденъ;
И если ты Его подобье,—будь, какъ Онъ
И милосердъ, и благотворенъ.

***

Успѣхъ надменности не вѣренъ,
Съ тщеславіемъ граничитъ стыдъ:
Тотъ низокъ, кто высокомѣренъ,
Возвышенъ тотъ одинъ, кто гордость побѣдитъ.

***

При качествахъ ума привѣтливость есть тоже,
Что прелесть кроткая для женской красоты:
Привѣтливость—печать сердечной доброты,
А доброта всего дороже.

***

Страшитесь лѣни, сей тоски однообразной:
Лѣнь—ржавчина ума и порча всѣхъ даровъ,
И честь и радости—плоды однихъ трудовъ,
А скука и позоръ суть дѣти нѣги праздной.—

***

Будь первой славой намъ, будь первымъ наслажденьемъ—
Благотворительность, сей чистый жаръ души!

Благотворишь-ли ты,—свой даръ удвой забвеньемъ;
Тебѣ-ль благотворятъ,—ты разгласить спѣши.—

* * *

Не будь горячъ: худой совѣтникъ непріязнь,
Обидой ближнему себѣ наносимъ рану.
Спѣша отмстить врагу, мы жертвуемъ обману
И совѣсти своей лишь ускоряемъ казнь.

(*Кн. П. Вяземскій*).

40. Человѣкъ.

Я—человѣкъ, хотя еще и маленькій, потому что у меня есть такая же душа и такое же тѣло, какъ и у другихъ людей. Я еще не великъ, и не очень силенъ, когда сравню себя съ взрослыми людьми но прежде былъ еще меньше и еще слабѣе, даже, какъ говорятъ, не могъ ходить и говорить, хотя и не помню этого времени. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, я выросту, сдѣлаюсь большимъ и сильнымъ, сдѣлаюсь взрослымъ человѣкомъ. Пройдетъ еще десятка три лѣтъ, и, я начну старѣться; потомъ придется мнѣ и умереть, тѣло разрушится и превратится въ землю, изъ которой оно создано, но душа моя не умретъ никогда, потому что Богъ, давшій мнѣ смертное тѣло, далъ мнѣ *безсмертную душу*.

Я понимаю, что мнѣ говорятъ, могу выражать свои мысли и желанія словами, такъ что меня понимаютъ другіе люди: у меня есть *даръ слова*.

Я могу выучить урокъ и потомъ вспомнить и разсказать то, что выучилъ; помню лица и имена знакомыхъ людей, помню названія различныхъ предметовъ: у меня есть *память*.

Я понимаю не все, что мнѣ говорятъ, и не все, что читаю въ книгѣ, но, когда мнѣ объяснятъ хорошенько, мнѣ становится понятнымъ и то, чего я прежде не понималъ. Я теперь знаю немного, но прежде зналъ еще меньше; а чѣмъ больше буду учиться, тѣмъ болѣе буду знать и понимать. У меня есть *умъ*.

Когда я выучу свой урокъ, сдѣлаю все, что должно, когда за мною нѣтъ никакой шалости, тогда у меня на душѣ спокойно и легко; когда же я солгалъ, или не послушался, или напалу, тогда душа моя безпокоится и не довольна моими поступками: у меня есть *совѣсть*.

Мнѣ иногда не хочется учиться; но я могу принудить себя сѣсть за дѣло, зная, что должно трудиться, и лѣниться стыдно. Мнѣ иногда не хочется сдѣлать того, что мнѣ приказываютъ, но я могу принудить себя исполнить волю родителей или повиноваться: у меня есть *свободная воля*.

Я не видѣлъ и не могу видѣть Бога, потому что Онъ есть Духъ; но я *вѣрю*, что Богъ существуетъ, видитъ все, знаетъ все и всѣмъ управляетъ.

У меня есть желаніе быть умнымъ, добрымъ, и я могу сдѣлаться такимъ, если постараюсь: у меня есть *желаніе* и возможность сдѣлаться умнѣе и добрѣе.

Всѣ эти способности, которыми я надѣленъ отъ Бога: даръ слова, память, умъ, совѣсть, воля, вѣра въ Бога, желаніе и возможность сдѣлаться лучше—называются *душевными способностями*.

Мнѣ пріятно, когда меня хвалятъ, и непріятно, когда бранятъ; я люблю своихъ родителей, люблю многихъ изъ своихъ товарищей. Когда мнѣ сдѣлаютъ добро, я чувствую благодарность. Я сержусь, когда мнѣ досаждаютъ, смѣюсь, когда мнѣ весело, плачу, когда мнѣ грустно. У меня есть различныя внутреннія душевныя чувства.

Человѣкъ одаренъ жизнію, одаренъ свободною, разумною и безсмертною душою, желающею добра и вѣрующею въ Творца вселенной. Душа человѣка невидима, она живетъ въ прекрасно устроенномъ тѣлѣ и всѣмъ управляетъ; безъ души тѣло наше, несмотря на прекрасное устройство свое, было бы мертво, не могло бы ни чувствовать, ни двигаться.

41. Мельникъ (Басня).

У Мельника вода плотину прососала:
Бѣда-бъ не велика сначала,
Когда-бы руки приложить;
Но кстати-ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить:
А течь день ото-дня сильнѣе становится;
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А Мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды,
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата».
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя»! кричитъ: «хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать».
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое-жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

—

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),

Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйство подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ
Скорехонько пойдетъ вверхъ дномъ. *(Крыловъ).*

42. Крестьянинъ въ бѣдѣ (Басня).

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ,
Забрался въ клѣть и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ.
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ-бѣднякъ
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру пойти съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли», говоритъ, «помочь бѣдѣ моей»?
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ:
«Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить»!
—«Эхъ, братцы, это все не такъ»!
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далеко,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ.
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ тонить»!
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ. *(Крыловъ).*

43. Лжецъ (Басня).

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,

И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ: «что я видалъ,
Того ужь не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнишь—такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо.
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ [1]), напримѣръ, я видѣлъ огурецъ...
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору».
—«Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ?
Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ—
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
—«А какова у васъ рѣка?»
—«Да не мелка...
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ...
Вѣдь съ гору? кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»
—«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.
—«Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста [2]) да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.»

---

[1]) Римъ—главный городъ въ Италіи. [2]) Журналистъ—чиновникъ, занимающійся письмоводствомъ.

—«Ну, не такое еще диво!
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по вашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать ни сѣсть!»
—«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ на немъ пяти не сдѣлаетъ шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ....»
—«Послушай-ка,» тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду».

(*Крыловъ*).

44. Пушки и паруса (Басня).

На кораблѣ у пушекъ съ парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, пушки, выставясь изъ портовъ [1]) вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное твореньe
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они надувъ спесиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ [2]) по океану
И только чванятся; а мы громимъ въ бояхъ!
Не нами ли царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами.
Лети же, помоги, могущій намъ Борей, [3])
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался: летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,

---

[1]) Портъ—окно въ стѣнѣ корабля. [2]) Гоголь—нестись гоголемъ—нестись спесиво, гордо. [3]) Борей—сѣверный холодный вѣтеръ.

Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ, сталъ скоро яѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

—

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти. (*Крыловъ*).

45. Щука и котъ. (Басня).

Бѣда, коль пирога начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ щукѣ Васька говорить:
Смотри, кума, чтобъ не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
—«И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.»
—«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ! Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука.
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить. (*Крыловъ*).

46. Гуси. (Басня).

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду—истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти!
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ какъ будто-бы простыхъ гусей гонитъ:
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,—
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“
— „А вы хотите быть за что отличены?“
Спросилъ прохожій ихъ.—„Да наши предки...“
— „Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Римъ спасли...“
— „Все такъ, да вы что сдѣлали такое?“
— „Мы? ничего!“—„Такъ что-жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣломъ была и честь,—
А вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

——

Басню эту можно-бы и болѣ пополнить,
Но чтобъ гусей не раздразнить... *(Крыловъ).*

47. Орелъ и кротъ. (Басня).

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

——

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали на вѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,

Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится,
Такъ чтобъ орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ крота! А гдѣ же похвала, что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,—
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но чтожъ? Однажды, какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
„Несчастный!“ онъ сказалъ:
„За гордость рокъ [1]) меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно-ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?“
— „Когда бы ты не презрѣлъ мною“,
Изъ норки кротъ сказалъ: „то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей
И что, случаясь близъ корней,
Здорово-ль дерево, я знать могу вѣрнѣй“. (*Крыловъ*).

48. Роща и огонь. (Басня).

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь ямy ростъ.
Чтобъ эту истину понять ясней,
Послушай басенки моей.

— —

Зимою огонекъ подъ рощей тлѣлся;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
„Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?“
— „За тѣмъ, что вся въ снѣгу;

[1]) Рокъ—судьба, въ которую вѣрили язычники.

Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу".
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
— „Бездѣлица!" огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!"
Вотъ дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ! Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ концѣ, и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться? (*Крыловъ*).

49. Гребень. (Басня).

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку;
Играетъ иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не защѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ,
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однако же, что гребень затерялся,
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной.
Лишь вина къ волосамъ, дитя подыметъ вой
„Гдѣ гребень мой?"

И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
„Какой ты злой, гребнишка!“
Кричитъ мальчишка;
А гребень говоритъ: „мой другъ, всё тотъ же я;
Да голова всклокочена твоя“.
Однако-жъ мальчикъ мой, отъ злости и досады,
Закинулъ гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся наяды [1]).

———

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ:
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ, и принимаютъ;
Но только сталъ кривить душой,
То правду далѣ отъ ушей,
И всякій, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ склочетъ. *(Крыловъ).*

50. Кривой толкъ.

«Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ»! Такъ говорятъ люди въ оправданіе неправды своей. Но пословица эта не для того сложена, чтобъ разрѣшить насъ во лжи и неправдѣ. Пословица эта сложена въ духѣ смиренія и кротости; ею сказано тоже, что «одинъ Богъ безъ грѣха». Она учитъ, чтобы мы прощали другъ друга. Если меня кто-нибудь обидѣлъ или оболгалъ и покаялся—я прощаю его и скажу: «Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ»!

Но кто прилагаетъ эту пословицу въ оправданіе лжи своей, тотъ какъ журавль межи не знаетъ и черезъ нее шагаетъ.

Много есть пословицъ, надъ которыми подумать надо.

Говорятъ: «Живутъ же люди неправдой—такъ и намъ не лопнуть стать». Пословица эта сложена на смѣхъ и стыдъ тѣмъ, кто живетъ въ неправдѣ, какъ же ее принимать въ прямое поученіе?

Сказалъ цыганъ, что краденая кобыла не въ примѣръ дешевле купленой приходится, такъ отчего бы намъ и не воровать? Говорятъ и такъ: «кто укралъ, на томъ одинъ грѣхъ, а у кого украли, на томъ десять». Къ чему это сказано?

Это сказано для того, чтобы люди остерегались поклепу: кого обокрадутъ, тотъ въ сердцахъ всякаго клепать готовъ: вотъ отчего сказано, что на немъ десять грѣховъ. А случалось, что воръ на эту пословицу ссылается; «на мнѣ меньше грѣха, чѣмъ на томъ, кого я обокралъ», говоритъ онъ.

Думай надъ каждой пословицей, прежде чѣмъ прилагать ее, и бойся пуще злого слова—кривого толка. *(В. Даль).*

---

1) Наяды—мнимыя богини рѣкъ и ручьевъ у язычниковъ.

51. Пословицы объ обязательствахъ по договорамъ.

Уговоръ лучше денегъ.—До слова крѣпись, а давъ слово, держись.—Не тотъ тужи, кто беретъ, но кто заемъ даетъ.—Знай толкъ—не давай пьяному въ долгъ.—Долгъ платежомъ красенъ.—Легче брать, чѣмъ отдать.—Въ долгъ брать легко, а платить тяжело.—Чужой долгъ добромъ отнеси къ хозяину въ домъ.—Какъ ни вертись, а съ долгомъ расплатись.—Хотя продай ржи, а долгу на себѣ не держи.—Голодъ мучитъ, а долгъ крушитъ.—Заплатить долгъ скорѣе, такъ будетъ веселѣе.—Долгъ не реветъ, а спать не даетъ.—Долгъ есть тягостное бремя: отнимаетъ сонъ и время.—Если извѣришься въ алтынѣ, то не повѣрятъ и въ рублѣ.—Обманешь на полтинѣ, не повѣрятъ и алтына.

52. Пословицы и поговорки, относящіяся къ закону вообще.

Невѣдѣніемъ закона нельзя отговариваться.—Всуе законы писати, когда ихъ не исполняти.—Всуе законы писать, когда ихъ не хранить.—Не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь.—Держи надъ собою честь и берегись, чтобы кого до бѣды не довесть.—Кто самъ къ себѣ вначалѣ строгъ, того хранитъ и царь, и Богъ.—Кто себя отъ зла хранитъ, того чести никто не повредитъ.—Всѣмъ—добро, никому—зло, то—законное житье.—Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы.

53. Пословицы о земледѣліи.

Безъ хозяина земля круглая сирота.—Земля тарелка: что положишь, то и возьмешь (т.-е. каково обработаешь, сколько навозу положишь, каковы посѣешь сѣмена).—Гдѣ лишняя навозная колышка, тамъ лишняя хлѣба коврижка.—Навозъ отвеземъ, такъ и хлѣбъ привеземъ.—Топоръ сохѣ первый пособникъ (о заработкахъ).—Веретеномъ одѣнусь, сохой укроюсь.—Иглой да бороной деревня стоитъ.—Лучше голодай, а добрымъ сѣменемъ засѣвай.—Кто рано сѣетъ, сѣмянъ не теряетъ.—Днемъ раньше посѣешь, недѣлей раньше пожнешь.—Сѣй подъ погоду, будешь ѣсть хлѣбъ годъ отъ году.—Посѣешь въ погоду, больше приплоду.—Сѣйки въ ненастье, а сбирки въ ведро.—Яровой сѣю—по сторонамъ гляжу; ржаной сѣю, шапка съ головы свалится—не подыму.—Много снѣгу—много хлѣба; много воды—много травы.—Какъ въ маѣ дождь, такъ будетъ и рожь.—Мокрый снѣгъ на озимь—тотъ же навозъ.—Хорошъ урожай—продавай раньше; плохъ урожай—продавай позже.—Картофель хлѣбу подспорье.—На хорошей землѣ сѣй яровое раньше, на худой—позже.—Земля согрѣлась—сѣй яровое.—Пшеницу сѣй, когда весна стоитъ красными днями.—Лягушка съ голосомъ—сѣй овесъ.—Не столько роса, сколько потъ удобритъ почву.—Много муки перенесетъ пшеница до калача.

54. Пословицы о трудолюбіи и праздности.

Богъ труды любитъ.—Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ.—Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ.—Гдѣ работаютъ, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ домѣ пусто.—Лѣнь добра не дѣлаетъ, безъ соли обѣдаетъ.—Когда станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться.—Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ.—Праздность есть мать пороковъ.—Праздный живетъ, только небо коптитъ.—Гулявши много смолоду, умрешь подъ старость съ голоду.—Игра игрою, а дѣло дѣломъ.—Дѣлу время, а потѣхѣ часъ.—Маленькое дѣло лучше большого бездѣлья.—Ѣшь до сыта, работай до поту.—Кто потѣетъ на нивѣ, да молится Богу въ клѣти, тотъ съ голоду не умретъ.—Хотя хлѣба хороши, а пашню паши.—Не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника.—Мни ленъ долѣ, волокна будетъ болѣ.—Не всякій хлѣбъ пашетъ, да всякій его ѣстъ.—Хата бѣла да безъ хлѣба бѣда.—Не красна изба углами, красна пирогами.—Готовь лѣтомъ сани, а зимою телѣгу.—Всякому овощу свое время.—Куй желѣзо, пока горячо.—Что посѣешь, то и пожнешь.—Не спи до зари: заря деньгу даетъ.—На ретивую лошадь не кнутъ, а вожжи.—Всякое дѣло мастера боится, а иного дѣла и мастеръ боится.—Безъ топора не плотникъ, безъ иглы не портной.—Приказывай слугѣ, да дѣлай самъ, такъ и дѣлу ладъ.—Не говори, что не могу, говори, что не хочу.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МІРЪ БОЖІЙ.

I. Земля, какъ она вертится, какъ ходитъ вокругъ солнца и какой имѣетъ видъ.

I. Говорится: солнце течетъ вокругъ земли, солнце восходитъ, и заходитъ, а на дѣлѣ земля наша бѣжитъ вокругъ солнца, поворачиваясь сама чрезъ себя, и отъ этого бываетъ день и ночь, зима и лѣто, и счетъ годами. Какъ земля сама на себя оборотилась — такъ и сутки прочь; который бокъ земли смотритъ на солнце, на томъ боку день; а который смотритъ прочь отъ солнца, тамъ потемки, ночь. На окраинахъ, промежъ дня и ночи, промежъ свѣта и потемокъ, сумерки; по одному краю заря утренняя, по другому вечерняя; тамъ восходитъ солнце, тутъ заходитъ. По самой срединѣ между восходомъ и закатомъ, на той полосѣ земли, которая стоитъ прямо по отвѣсу противъ солнца—будетъ полдень; а по другую сторону шара земного, супротивъ полудня, будетъ полночь.

II. Изъ этого видно, что утро и вечеръ, полдень и полночь, по мѣрѣ того какъ земля катится, обходятъ кругомъ всю землю, и что поочередно для всѣхъ жителей земныхъ бываетъ день и ночь. Изъ того же видно, что для всякаго мѣста бываетъ свой полдень и своя полночь; и стало-быть у всякаго мѣста свои часы. Петербургскій часъ на московскій не приходится: если поставишь въ Петербургѣ часы по солнцу, и пріѣдешь съ ними въ Москву, то они будутъ не вѣрны; ставь ихъ по московскому солнышку. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ солнце раньше восходитъ, раньше приходитъ на полдень, раньше заходитъ; а именно на каждыя 1,500 верстъ къ востоку люди живутъ часомъ впередъ. Разсчитать это не мудрено, если знать, что поперечникъ земли 12,000 верстъ, а окружность ея 36 тысячъ верстъ; если она въ двадцать четыре часа оборачивается вся чрезъ себя, то на каждый часъ времени приходится изъ окружности земли по 1,500 верстъ.

III. Въ 365 сутокъ земля обѣгаетъ вокругъ солнца, и это мы называемъ годомъ. Замѣтимъ, что земля обходитъ солнце, по указанному ей Создателемъ пути, не ровно въ 365 дней, а еще въ шесть часовъ; эти-то шесть часовъ въ четыре года составляютъ сутки: и вотъ по-

чему у насъ каждый четвертый годъ бываетъ высокосный: для вѣрнаго счета мы прибавляемъ одинъ накопившійся день.

Земля летаетъ вокругъ солнца скорѣе всякой птицы перелетной, да и безъ всякаго сравненія скорѣе, чѣмъ ядро, пущенное изъ пушки: ядро пролетаетъ въ одну секунду [1]) не болѣе полуверсты, а земля — страшно вымолвить—двадцать одну версту въ секунду!

IV. Наша земля вращается сама около себя, точно колесо около оси;—оттого-то и говорятъ, что земля вращается около оси, хотя оси этой на самомъ дѣлѣ нѣтъ [2]). Мѣста на поверхности земли, чрезъ которыя должна бы была проходить та ось, если бы она существовала, называются полюсами или бѣгунами.

V. Теперь еще скажемъ, что самый большой кругъ земля дѣлаетъ своею серединою. Это легко понять, если взять яблоко и, проколовши его тоненькою палочкой или прутикомъ, начать крутить это яблоко такъ, чтобы оно обращалось само около себя. Замѣчается тогда, что середина его дѣлаетъ самый большой кругъ, а чѣмъ ближе до тѣхъ мѣстъ, сквозь которыя идетъ палочка, тѣмъ круги все будутъ меньше.

Также и на землѣ: середина дѣлаетъ самый большой кругъ; чѣмъ ближе къ полюсамъ—концамъ оси, тѣмъ круги все будутъ меньше, а возлѣ полюсовъ почти совсѣмъ не будетъ никакого круга; самые же полюсы неподвижны.

Одинъ полюсъ называется полуночнымъ (сѣвернымъ), а другой полуденнымъ (южнымъ); означить ихъ мѣсто на землѣ можно такъ: если мы станемъ лицомъ (къ востоку) къ восходу солнца, то влѣво отъ насъ будетъ полуночный, а вправо полуденный полюсы; сзади же будетъ закатъ солнца (западъ).

VI. Узнавши все это, можетъ, кто-нибудь скажетъ: вѣдь люди живутъ по всей землѣ; значитъ, и противъ насъ, на другомъ боку земли; какъ же они не попадаютъ?

На этотъ вопросъ и я тоже отвѣчу вопросомъ: а куда же имъ падать?

И отвѣтятъ мнѣ: извѣстно, внизъ.—Хорошо! теперь я снова спрошу васъ: что называете вы низомъ?—Обыкновенно то, что подъ ногами. Что же подъ ногами?—Земля.—Да и у нихъ земля. Но послушайте дальше: верхомъ называется то, что у насъ надъ головою—небо; и у тѣхъ, что живутъ на другомъ боку земли, надъ головою—небо; куда же имъ падать?—Еще скажу: намъ *кажется*, что они вверхъ ногами стоятъ; а имъ тоже *кажется* про насъ.

Ко всему этому еще прибавлю, что земля имѣетъ въ себѣ такую силу, которою притягиваетъ къ себѣ все, что на ней есть; подобно

---

[1]) Сутки, какъ извѣстно, имѣютъ 24 часа; каждый часъ = 60 минутамъ, каждая минута=60 секундамъ.

[2]) Въ каждомъ вращающемся тѣлѣ будетъ рядъ точекъ, находящихся въ покоѣ; эти точки составятъ прямую линію, которая и есть ось вращенія; концы оси называются полюсами. Тѣломъ называется всякій чувственный предметъ: вода, воздухъ, земля, камень и т. п.

тому, какъ, можетъ, кому изъ насъ случалось видѣть, а то и имѣть у себя магнитную пластинку: такъ, если положишь на столъ иголку, либо гвоздикъ, да дотронешься до нихъ тѣмъ магнитомъ, то гвоздикъ, либо игла, сейчасъ и пристанутъ къ нему. Иногда же довольно только приблизить къ магниту иголку, либо гвоздикъ, они сами придвинутся и прилипнутъ къ нему. Но магнитъ имѣетъ въ себѣ силу притягивать только желѣзо, тогда какъ земля притягиваетъ къ себѣ все, что на ней находится, безъ исключенія. Кинете вы, примѣрно, камень вверхъ, онъ не останется тамъ, а непремѣнно упадетъ на землю; тоже бываетъ и съ человѣкомъ, который скачетъ вверхъ. Онъ чувствуетъ въ это время, что точно кто-нибудь тянетъ его къ землѣ.—Нужно при этомъ замѣтить, что чѣмъ тверже (плотнѣе) какое-либо вещество, тѣмъ оно сильнѣе притягивается землею; такъ, гвоздь скорѣе пера падаетъ на землю, когда кинемъ ихъ разомъ съ какой-либо высоты; ибо гвоздикъ плотнѣе пера. Отъ этой силы зависитъ вѣсъ всякаго тѣла.

Вотъ то, что мы сказали теперь, будетъ намъ очень пригодно для объясненія того, какъ земля, вращаясь около оси, еще движется въ то же время и около солнца.

VII. Солнце имѣетъ такую же силу притягивать къ себѣ все, какъ и земля, но только въ немъ эта сила гораздо больше, чѣмъ у земли, и земля, сама притягиваясь солнцемъ, споконъ вѣка идетъ по той дорогѣ, которую положилъ ей Богъ, и не можетъ она свернуть съ этой дороги, или оборваться, такъ же точно, какъ не обрывается, примѣрно, камень, который, если мы навяжемъ на веревочку, да будемъ крутить вокругъ руки, будетъ дѣлать круги все по одной дорогѣ. Если же бы не было веревочки, или бы она разорвалась, то, конечно, камень полетѣлъ бы куда ни попало; такъ и земля: если бы не было у солнца силы притяженія, то и она полетѣла бы Богъ знаетъ куда [1]).

VIII. Обдумаемъ же теперь, что слѣдуетъ изъ движенія земли около солнца. Вотъ что: земля обходитъ около солнца ровно въ годъ и во время пути идетъ не все однимъ бокомъ обернувшись къ солнцу. Ось земная наклоняется къ солнцу то однимъ своимъ концомъ, то другимъ. Такъ, обращена къ солнцу то полуночная (сѣверная) половина земли, то полуденная (южная) половина. Отсюда слѣдуетъ, что когда земная ось наклоняется къ солнцу полуночнымъ концомъ, то на сѣверной половинѣ земли, на которой и мы живемъ, на которую прямѣе падутъ солнечные лучи, начнется весна—потому что вы знаете, что солнце грѣетъ такъ же, какъ, примѣрно, и огонь, а чѣмъ ближе

---

[1]) Можетъ быть кто-либо спроситъ: почему же солнце не совсѣмъ дотягиваетъ къ себѣ землю, почему земля не пристаетъ къ солнцу, какъ иголка къ магниту? А потому же, почему не падаетъ на руку камень, привязанный къ ниткѣ, за которую тянешь его къ себѣ, ворочая его около руки. Если-бъ земля *не двигалась* около солнца, она бы прильнула къ солнцу, какъ бумажка къ сургучу, какъ кончикъ къ магниту, какъ ноги человѣка къ землѣ, да, можетъ быть, прильнувши и сгорѣла бы совсѣмъ.

къ огню какая-либо вещь, тѣмъ и тепла больше въ ней,—въ своемъ дальнѣйшемъ пути ось наклоняется еще ближе—и на сѣверной сторонѣ настаетъ лѣто. Такъ земная ось обращена полуночнымъ концомъ къ солнцу до 10 сентября. Съ этого времени она начинаетъ наклоняться къ солнцу полуденнымъ концомъ, а полуночнымъ отклоняется; отъ этого у насъ начинается осень, а на полуденной (южной) половинѣ—весна; послѣ 10 декабря наиболѣе наклоняется южный полюсъ и тогда на полуденной половинѣ земли будетъ лѣто, а у насъ лютая зима.

Кромѣ всего сказаннаго, еще прибавлю, что на землѣ есть такія мѣста, гдѣ зимы никогда не бываетъ, гдѣ цѣлый годъ стоитъ самое жаркое лѣто. Эти мѣста лежатъ по серединѣ земного шара, на равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ.

IX. Разсмотримъ-же теперь, отъ чего зависитъ это тепло. Объяснить это очень легко: держите вы, примѣрно, надъ свѣчей руку, ее жжетъ; когда же вы будете отодвигать руку все дальше и дальше въ сторону, то легко замѣтить, что чѣмъ далѣе отодвинули вы отъ огня руку, тѣмъ онъ жжетъ слабѣе. То же самое происходитъ и съ землею; на тѣ мѣста, про которыя мы сказали, лучи солнечные падаютъ прямо (отвѣсно), какъ на руку, когда держимъ ее надъ свѣчею; на тѣ-же мѣста, которыя ближе къ полюсамъ, лучи солнечные падаютъ косѣе, а чѣмъ косѣе падаютъ лучи, тѣмъ меньше отъ нихъ тепла. Это можно видѣть на самомъ солнцѣ: рано утромъ лучи его падаютъ косвенно; оттого утромъ бываетъ холоднѣе, нежели въ полдень, когда лучи солнечные падаютъ на землю какъ разъ прямо (отвѣсно). Если-бы всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ, какъ мы говорили, стоитъ цѣлый годъ жаркое лѣто, опоясать поясомъ, то вышелъ бы очень большой кругъ; этотъ кругъ называется равноденникъ (экваторъ), потому что во всѣхъ мѣстностяхъ этого круга день всегда равенъ ночи; день 12 часовъ и ночь 12 часовъ.

X. И снова спросятъ меня: отчего это такъ?

Вотъ отчего:—равноденникъ идетъ какъ разъ по серединѣ земного шара, и середина земли всегда стоитъ одинаково къ солнцу, т. е. ни приклоняется къ нему, ни отклоняется отъ него; поэтому-то тамъ день и равенъ ночи. У насъ же иначе: когда та половина, на которой мы живемъ, приближается къ солнцу, то у насъ въ это время бываетъ долгій день, чѣмъ на другой половинѣ, что всякому и видно лѣтомъ. Когда же земля наклоняется къ солнцу другою своею половиною, тогда уже на противоположной половинѣ настаютъ болѣе продолжительные дни, чѣмъ у насъ, потому что тогда на нашу половину меньше падаетъ лучей, чѣмъ на другую.

XI. Мы сказали, что экваторъ, или равноденникъ, идетъ какъ разъ посредине земли и, слѣдственно, онъ, равно удаленный отъ обоихъ полюсовъ, дѣлитъ землю на двѣ равныя половины: полуночную (сѣверную) и полуденную (южную).

Теперь еще скажемъ вотъ что: когда съ того мѣста, гдѣ вы стоите, вести кругъ по землѣ черезъ полюсы, то такой кругъ зовется полуденникомъ (меридіаномъ) и раздѣляетъ землю тоже на двѣ половины: восточную и западную. Меридіанъ—слово чужеземное, по-русски означаетъ полуденная линія.

Называется же этотъ кругъ полуденникомъ потому, что какъ станетъ солнце надъ этимъ кругомъ, то во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя онъ проходитъ, съ той его стороны, гдѣ солнце свѣтитъ, будетъ полдень, а на противоположной—какъ разъ полночь.

Оно и дѣйствительно такъ, потому что какъ только станетъ солнце надъ тѣмъ мѣстомъ, отъ котораго начали вести кругъ, то человѣкъ, стоящій въ этомъ мѣстѣ, увидитъ солнце какъ разъ надъ головою, а каждый изъ насъ хорошо знаетъ, что солнце надъ головою бываетъ только въ полдень.

XII. Земля, какъ уже мы знаемъ, кругла какъ ядро, какъ арбузъ, какъ мячъ. Поэтому и зовутъ землю нашу—земнымъ шаромъ.

Спросите: почему люди дознались, что *земля наша шаръ*, что она кругла? А вотъ по какимъ примѣтамъ, слушайте:

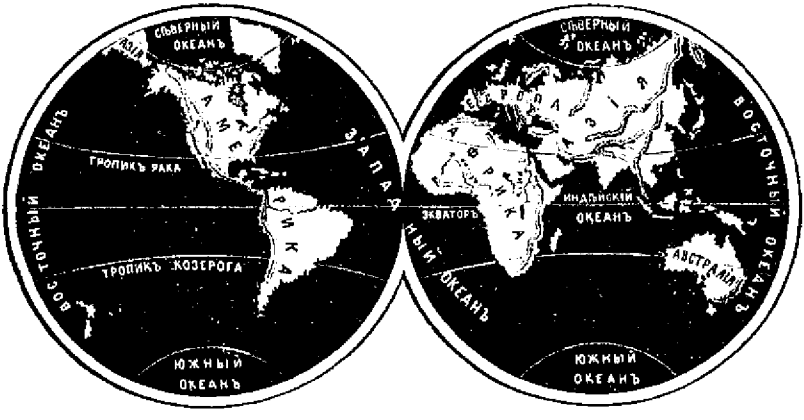
Когда смотришь впередъ-ли, назадъ-ли, по чистому мѣсту, напримѣръ, по морю, хоть-бы на корабль, или на приморскій городъ, то видишь, что не только земля, которая покрыта вся горами, да пригорками, но и вода и море стоятъ горбомъ, и закрываютъ отъ насъ больше или меньше то мѣсто, куда смотримъ. Корабль, напримѣръ, когда далекъ отъ насъ, виденъ только въ половину—сверху: а станетъ подходить, либо подплывать ближе, и корабль открывается все больше и больше; стало-быть, снизу его закрывало круглымъ горбомъ море; а море, какъ вода, не могло-бы стоять горбомъ, если-бы не вся земля наша была кругла, какъ шаръ.

Если поставить что-нибудь, напримѣръ, книжку, промежъ свѣчки и стѣны, то всякому ясно, что тѣнь книжки упадаетъ на стѣну, и на стѣнѣ увидишь ту-же книжку; и видишь и на тѣни, что книжка о четырехъ углахъ. Также точно, когда земля наша станетъ промежъ солнца и луны, то тѣнь земли падаетъ на луну, и видишь ты на тѣни, что земля кругла. Отъ тѣни этой луна меркнетъ, и мы называемъ это затменіемъ (лунным).

А самое важное и главное доказательство на то, что земля наша кругла, это то, что люди обошли ее на судахъ, на корабляхъ, вокругъ. Если поплывешь ты на судахъ изъ какого-нибудь мѣста, положимъ на востокъ, и все будешь итти прямо на востокъ, будешь только обходить встрѣчные острова да отмели, такъ придешь ты опять туда же, откуда вышелъ, *обойдешь землю вокругъ*. Стало-быть она кругла. А будь она плоская, напр. доской, такъ кругомъ обойти было-бы нельзя: черезъ край, черезъ ребро, не перевалишься, и будь она брусомъ, четыреугольная, также не обойдешь: угловъ не минуешь; стало-быть она, земля наша, кругла и называется шаромъ. *(По Дилю и книгѣ: „Свѣтъ Божій“).*

2. Обзоръ земного шара.

I. Планъ, изображающій какую-нибудь страну, называется *картой*. Поверхность же всего земного шара можно изобразить только на шарѣ. Такой шаръ, на которомъ изображена поверхность всего земного шара, называется *глобусомъ*. Когда же хотятъ изобразить земной шаръ на бумагѣ, то его изображаютъ не иначе, какъ по частямъ. Для этого чертятъ два круга и на каждомъ изъ нихъ изображаютъ одну какую-либо половину земного шара. Такія карты называются *картами полушарій*. Полушарія бываютъ—сѣверное и южное,



восточное и западное. Воды, какъ видно, на земномъ шарѣ гораздо больше, нежели суши. Суша занимаетъ только одну четверть всей поверхности земного шара, а вода—три четверти.

II. Суша на поверхности земного шара представляется огромными островами, окруженными со всѣхъ сторонъ водою; между этими огромными островами находится еще множество малыхъ острововъ.

Все огромное пространство воды на поверхности земного шара составляетъ одинъ *нераздѣльный океанъ*, но частямъ этого океана даютъ разныя названія: одну часть называютъ *Атлантическимъ*, другую *Тихимъ*, третью *Индійскимъ*, четвертую *Сѣвернымъ-Ледовитымъ*, пятую *Южнымъ-Ледовитымъ* океаномъ.

Части же этихъ океановъ, лежащія вблизи материковъ, называются *морями*. Напримѣръ, у насъ въ Россіи *Балтійское море* составляетъ часть Атлантическаго океана, *Бѣлое* часть Сѣвернаго Ледовитаго океана.

III. На восточномъ полушаріи находится четыре части свѣта: *Европа*, *Азія*, *Африка* и *Австралія*. На западномъ же полушаріи находится пятая часть свѣта—*Америка*, которая раздѣляется на сѣверную и южную.

Въ Европѣ больше, нежели во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, распространено христіанство и образованіе. Въ Азіи находится извѣстная всякому христіанину страна *Палестина*, въ которой родился, жилъ и страдалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и откуда ученіе

Христа распространилось по всему свѣту; въ Палестинѣ же находится дорогой для каждаго христіанина городъ *Іерусалимъ*, съ храмомъ гроба Господня.

Въ Африкѣ находится извѣстная намъ изъ священной исторіи ветхаго завѣта страна *Египетъ*.

Америка стала извѣстна жителямъ Европы послѣ Азіи и Африки, и потому ее называютъ *новымъ свѣтомъ*; Европу же, Азію и Африку—*старымъ свѣтомъ*.

Мы живемъ въ старомъ свѣтѣ; меньшая часть нашего государства находится въ Европѣ и называется *Европейской Россіей*; остальная же часть Россіи: *Сибирь и Туркестанъ*, находится въ Азіи и называется *Азіятской Россіей*.

Америку открылъ одинъ морякъ, по имени *Колумбъ*, только 400 лѣтъ тому назадъ; а о существованіи Австраліи жители Европы узнали еще позже.

IV. На картѣ полушарій мы видимъ, что суша имѣетъ различныя очертанія. Въ однихъ мѣстахъ вода вдается болѣе или менѣе глубоко въ сушу и образуетъ большіе и малые *заливы*. Обширные заливы называются *морями*. Такъ, напримѣръ, Сѣверный Ледовитый океанъ у сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи образуетъ обширный заливъ, который называется *Бѣлымъ моремъ*. Малые заливы называются просто *заливами и бухтами*. Такъ, напримѣръ, у насъ Балтійское море образуетъ *Финскій заливъ*, Черное море—*Севастопольскую бухту*.

Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, суша вдается въ воду и образуетъ *полуострова*. Напримѣръ, у насъ суша вдается въ Черное море и образуетъ *Крымскій полуостровъ*.

Въ однихъ мѣстахъ части суши соединяются узкой полосой земли, которая называется *перешейкомъ*; въ другихъ мѣстахъ два океана или моря соединяются узкой полосой воды, которая называется *проливомъ*. Напримѣръ, у насъ Крымскій полуостровъ соединяется съ остальной Европейской Россіей *Перекопскимъ* перешейкомъ, а Черное море соединяется съ Азовскимъ моремъ—*Керченскимъ* проливомъ.

V. Мы видѣли, что берега суши представляютъ большое разнообразіе. Не менѣе разнообразна и поверхность суши. Мѣстами она представляетъ *низменныя равнины*; такова, напримѣръ, у насъ юго-восточная часть европейской Россіи.

Въ другихъ мѣстахъ суша значительно возвышается надъ моремъ и образуетъ *сплошныя возвышенности*; такова, напримѣръ, у насъ *Валдайская сплошная возвышенность*, лежащая почти въ самой срединѣ европейской Россіи. Встрѣчаются на земномъ шарѣ равнины, покрытыя сыпучимъ пескомъ, на которыхъ не растетъ ни деревьевъ, ни кустовъ, и только кое-гдѣ видны тощія, жесткія, горькія травы, и очень рѣдко попадаются источники воды.

Такія безплодныя равнины называются *пустынями*. У насъ пустыни находятся на востокъ отъ Каспійскаго моря.

На земномъ шарѣ есть и такія равнины, на которыхъ растетъ въ изобиліи только трава, а лѣсовъ очень мало, или вовсе нѣтъ; такія равнины называются *луговыми степями*. Таковы наши южно-русскія степи. Бываютъ также *солончаковыя* степи или просто *солончаки*, т. е. равнины, почва которыхъ пропитана солью; таковы наши *Прикаспійскія* степи.

Но поверхность суши не вездѣ ровная. Въ однихъ мѣстахъ она образуетъ небольшія возвышенія, называемыя *холмами*; въ другихъ мѣстахъ она образуетъ высокія *горы*, какъ напр. наши *Кавказскія* горы; но есть на земномъ шарѣ горы, которыя гораздо выше Кавказскихъ. Между горами проходятъ *долины*; узкія долины называются *ущельями*, какъ напр. у насъ въ Кавказскихъ горахъ *Дарьяльское* ущелье. Изъ горъ земного шара особенное вниманіе обращаютъ на себя тѣ горы, которыя выбрасываютъ изнутри себя водяной паръ, пепелъ, раскаленные камни и расплавленную массу.

Такія горы имѣютъ обыкновенно форму конуса (сахарной головы) съ углубленіемъ на вершинѣ, въ видѣ воронки, и называются *огнедышащими горами* или *вулканами*; углубленіе на вершинѣ ихъ называется *кратеромъ*, а расплавленная масса, которая выгекаетъ изъ кратера и льется по скатамъ горы огненными потоками, называется *лавою*. У насъ огнедышащія горы встрѣчаются только въ восточной части Сибири, и тамъ ихъ называютъ *сопками*.

VI. Мы уже видѣли, что на земномъ шарѣ находится пять океановъ: Атлантическій, Тихій, Индійскій, Сѣверный—Ледовитый и Южный Ледовитый.

Вода въ океанахъ зеленоватаго цвѣта и горько-соленаго вкуса.

Вода на поверхности земного шара находится не только въ океанахъ, но и на самой сушѣ; здѣсь она наполняетъ различныя углубленія. Такія скопленія воды на сушѣ называются внутренними водами. Вода эта отличается отъ воды океановъ прѣснымъ вкусомъ. Внутреннія воды бываютъ *стоячія* и *текучія*. Стоячія воды занимаютъ впадины и низменныя мѣста на поверхности суши и носятъ названіе *озеръ* и *болотъ*. Наше *Каспійское море*—одно изъ самыхъ большихъ озеръ на земномъ шарѣ; потому его и называютъ моремъ. Озеро Эльтонъ, которое находится на юго-востокѣ Европейской Россіи, отличается отъ другихъ русскихъ озеръ соленою водою. На сѣверѣ Россіи

находятся огромныя промерзшія болота, которыя называются *тундрами*. Текучія воды, пробиваясь изъ земли въ видѣ ключей (родниковъ), прокладываютъ себѣ путь по скатамъ земной поверхности, образуютъ ручьи, рѣчки, большія рѣки и вливаются въ озера, моря и океаны. Движеніе воды въ рѣкахъ зависитъ отъ покатости дна. Иногда дно рѣки вдругъ круто понижается, образуя одинъ или нѣсколько уступовъ; въ такихъ мѣстахъ вода съ шумомъ падаетъ внизъ, и это явленіе на рѣкѣ называется *водопадомъ*. Такъ у насъ въ Олонецкой губерніи, на р. Сунѣ, впадающей въ Онежское озеро, замѣчателенъ водопадъ *Кивачъ*. На нѣкоторыхъ рѣкахъ дно бываетъ мѣстами покрыто камнями, подводными или выступающими надъ водой, которые затрудняютъ судоходство. Такія мѣста называются *порогами*. У насъ въ Россіи извѣстна своими порогами рѣка *Днѣпръ*.

VII. Весь земной шаръ по количеству теплоты, получаемой отъ солнца, раздѣляютъ на пять поясовъ: *жаркій*, два *умѣренныхъ* и два *холодныхъ*. Каждому поясу свойственны свои растенія и животныя, и природа одного пояса значительно отличается отъ природы другихъ поясовъ; но человѣкъ способенъ примѣняться ко всякимъ внѣшнимъ условіямъ, и люди живутъ во всѣхъ поясахъ земного шара. Самый же благопріятный поясъ для человѣческой жизни есть поясъ умѣренный и особенно сѣверная часть его. Вотъ почему въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ живетъ большая часть самыхъ образованныхъ народовъ земного шара.

Люди, живущіе въ разныхъ частяхъ свѣта, различаются между собою и цвѣтомъ кожи, и другими особенностями, и весь человѣческій родъ обыкновенно дѣлятъ на пять главныхъ *племенъ* или *расъ*: племя кавказское, монгольское, американское и др.

Изъ всѣхъ государствъ земного шара болѣе другихъ имѣютъ значеніе для Россіи: Германія, Австрія, Швеція, Англія, Франція, Италія, Турція, Китай и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Германія находится въ сосѣдствѣ съ нами, на западъ отъ Россіи; въ ней главный городъ *Берлинъ*.

Австрія тоже наша западная сосѣдка; столица Австріи — *Вѣна*.

Швеція лежитъ къ западу отъ Финляндіи; въ ней главный городъ *Стокгольмъ*.

Англія находится на двухъ большихъ островахъ Атлантическаго океана; главный городъ въ ней *Лондонъ*.

Франція лежитъ на западъ отъ Германіи; столица Франціи *Парижъ*.

Италія находится на югѣ Европы; въ ней главный городъ *Римъ*.

Турція находится на юго-востокѣ Европы, на *Балканскомъ* полуостровѣ; столица Турціи *Константинополь*.

Китай находится въ Азіи, къ югу отъ Сибири; въ немъ главный городъ *Пекинъ*.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты занимаютъ среднюю часть Сѣверной Америки; главный городъ въ нихъ *Нью-Іоркъ*.

(Извлеч. съ сокращ. изъ кн. «Въ школѣ и домаѣ Бунакова).

3. Солнце.

I. Несмотря на то, что солнце свѣтитъ и согрѣваетъ все, оно не состоитъ изъ огня (оно не есть пламя) и не горитъ на немъ ничего. Солнце также шарообразно, какъ и наша земля, но гораздо больше ея. Что солнце есть шаръ, этого, кажется, не надо и объяснять, ибо каждый видитъ это. Но, можетъ быть, кто подумаетъ, что оно такое же, какъ тарелка, т. е. только кругло, но не выпукло. Что это невѣрно, можно узнать вотъ какъ: пусть кто-нибудь держитъ тарелку, а мы будемъ обходить около и смотрѣть на нее. Когда мы станемъ противъ тарелки, то она покажется намъ круглою; когда же взглянемъ на нее съ боку, то увидимъ только ребро ея. Мы же знаемъ, что въ продолженіе года земля обходитъ около солнца. Если-бы солнце не было выпукло, то иногда оно казалось бы намъ кругло, а иногда мы видѣли бы только края его, какъ отъ тарелки; но этого никто не замѣчалъ.

II. Солнце не горитъ, и ничего на немъ не сгораетъ, ибо еслибы такъ было, то оно сгорѣло бы, какъ и все другое, что горитъ. Трудно себѣ объяснить, какъ можетъ что-либо свѣтить, не горѣвши; однако мы имѣемъ ясный примѣръ этого на свѣтлякѣ: хотя въ немъ ничто не горитъ, но въ лѣтнюю ночь тѣло его свѣтится очень замѣтнымъ свѣтомъ.

III. Свѣтъ солнечный очень яркій, такъ что глазъ человѣческій не можетъ стерпѣть его. Мы знаемъ, что самое большое пламя отъ пожара за 3 или 4 мили (за 21 или 28 верстъ) кажется маленькимъ свѣтомъ. Что же сказать про солнце, которое отстоитъ отъ насъ на 20 милліоновъ миль (140 милліоновъ верстъ) и все-таки мы не можемъ стерпѣть его свѣта. Чтобы представить себѣ громадность разстоянія между солнцемъ и землею, скажемъ, что еслибы кто-либо выстрѣлилъ изъ пушки на солнце и еслибы ядро летѣло всегда съ одинаковою быстротою, то оно только черезъ 25 лѣтъ упало бы на солнце, а извѣстно, что ядро летитъ версту въ секунду. Солнце такъ велико, что изъ него можно сдѣлать полтора милліона такихъ шаровъ, какъ наша земля. Но если солнце такое большое, отчего же оно кажется намъ такимъ маленькимъ? Оттого, что оно *очень далеко* отъ насъ: а всякій знаетъ, что чѣмъ какой-либо предметъ находится на большемъ разстояніи отъ насъ, тѣмъ онъ меньше кажется нашему глазу.

IV. Вокругъ солнца движется много планетъ, вмѣстѣ съ ними и наша земля. Планеты эти, какъ и наша земля, темны и получаютъ свѣтъ отъ солнца. Всѣ планеты вмѣстѣ называются *солнечнымъ міромъ*.

Ярко свѣтитъ солнце, однако ученые люди, наблюдая въ подзорныя трубы, замѣтили, что на немъ есть темныя пятна. Что такое эти пятна, до сихъ поръ ясно не узнано. Извѣстно только, что онѣ мало-по-малу подвигаются къ западному краю солнца, исчезаютъ и

потомъ опять появляются на восточномъ краю его. Такимъ-то образомъ и поняли, что солнце, какъ земля и другія планеты, *вращается* около своей оси. *(Изъ кн. Свѣтъ Божій).*

4. Звѣзды.

I. Выйдешь иногда въ тихую, ясную ночь на улицу, да взглянешь вверхъ на то синее — синее небо, что широкимъ шатромъ раскинулось надъ головою, и вотъ, какъ свѣчки, блестятъ на немъ яркія звѣзды, то по одиночкамъ, то цѣлыми кучками. Свѣтятъ онѣ съ темнаго неба, сами вы знаете, такъ тихо и привѣтно, что многіе добрые люди говорятъ про нихъ, что это ангелы Божіи, которые, открывши окна небесныя, глядятъ да утѣшаются нашей землею.

А чтобы подумали люди, когда-бы кто сказалъ имъ, что почти каждая изъ этихъ звѣздочекъ, изъ этихъ небесныхъ свѣчекъ, больше земли нашей? Они покачали-бы головами и сказали: ужъ не привралъ ли тутъ чего-нибудь добрый человѣкъ?

Нѣтъ! Это дѣйствительно такъ и есть.

Стоите вы, напримѣръ, возлѣ высокой горы, такой высокой, что даже шапка свалится, когда посмотришь на ея вершину. Видите вы, что на вершинѣ той человѣкъ ходитъ—и кажется вамъ изъ-подъ горы тотъ человѣкъ такимъ же маленькимъ, какъ какая-нибудь букашка. Или вотъ вамъ примѣръ еще лучше: посмотрите, какъ на высокой колокольнѣ жаромъ сіяетъ позолоченый крестъ.

Какъ длиненъ вамъ кажется этотъ крестъ?

Въ аршинъ какой-нибудь или и того меньше. А въ самомъ дѣлѣ, онъ въ сажень или двѣ. Когда на такой небольшой высотѣ все кажется меньше, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, то что же сказать про тѣ звѣзды, изъ которыхъ ближайшая отстоитъ такъ далеко отъ насъ, что для опредѣленія этого разстоянія на землѣ и счету такого еще не придумали; отстоитъ она, примѣрно, на два билліона верстъ [1]).

II. Съ давнихъ временъ настойчиво работали люди мыслью надъ тѣмъ, чтобы уразумѣть великое дѣло рукъ Божіихъ: долго думали, какъ-бы помочь глазу человѣческому видѣть на самыхъ далекихъ разстояніяхъ, чтобы выдумать такой приборъ, посредствомъ котораго можно было бы разглядѣть отдаленную звѣзду такъ, какъ бы она стояла передъ самыми глазами.

Долго бились они надъ этимъ — и работа разумныхъ людей не была напрасна: выдумали они, спасибо имъ, трубу, что называется подзорною, при помощи которой можно видѣть далеко, — и все, на что въ эту трубу ни взглянешь, точно стоитъ передъ тобой.

И досмотрѣлись люди, что иныя звѣзды все стоятъ на одномъ

[1]) Билліонъ равенъ тысячѣ милліоновъ.

мѣстѣ, — дали они такимъ звѣздамъ названіе *неподвижныхъ звѣздъ*. Потомъ, примѣтивъ, что нѣкоторыя двигаются около неподвижныхъ, взяли и прозвали эти звѣзды *движущимися (блуждающими)* или *планетами*. Планетъ видно намъ на небѣ гораздо меньше, нежели неподвижныхъ звѣздъ, ибо планеты неизмѣримо меньше, чѣмъ неподвижныя звѣзды, — и намъ поэтому видны только тѣ планеты, которыя ближе къ намъ; почти всѣ видимыя нами звѣзды — суть неподвижныя, и какъ-же много ихъ разсыпано на всемъ пространствѣ небесномъ и рѣдко разсыпаны онѣ по одной, а все больше кучами! Наука дала каждой кучѣ особое названіе.

III. Каждому приходилось видѣть въ тихую звѣздную ночь, какъ по небу идетъ широкая, ясная дуга. Если посмотрѣть на ту дугу въ подзорную трубу, то замѣтимъ много, много маленькихъ звѣздочекъ, которыя стоятъ отъ земли такъ далеко, что ихъ и не видно глазу человѣческому, а вся ихъ куча кажется ясною, бѣлою дугою, которая далеко простирается, почти по всему небу, сіяя тихимъ свѣтомъ надъ землею [1]).

IV. И солнце, и неподвижныя звѣзды свѣтятъ своимъ свѣтомъ, иныя звѣзды яснѣе, другія темнѣе. Это зависитъ, во-первыхъ, оттого, ближе, или дальше отъ насъ звѣзда; во-вторыхъ, оттого, большая-ли она, или малая. Когда, примѣрно, разложимъ огонь и будемъ отходить отъ него все дальше и дальше, то огонь будетъ казаться все меньше и меньше. Если же посмотрѣть на него подальше, такъ едва только можно будетъ замѣтить, какъ онъ мигаетъ. То маленькое огнище, а большой (сильный) пожаръ былъ-бы видѣнъ ясно. Точно также и звѣзды: не всѣ онѣ одной величины: большую видно дальше и свѣтитъ она яснѣе, а меньшая и кажется меньше, а когда она уже очень далеко находится отъ насъ, то ее и совсѣмъ не видно.
(Оттуда же).

5. Луна (мѣсяцъ).

I. Послѣ солнца наибольшее вниманіе людей обращаетъ на себя мѣсяцъ. Всякій видѣлъ его, но далеко не всякій вполнѣ знаетъ его. Очень часто приходится слышать такіе разговоры про мѣсяцъ, что какъ будто есть 12 братьевъ-мѣсяцевъ, которые поочередно смѣняютъ другъ друга. Другіе толкуютъ, будто на мѣсяцѣ Каинъ держитъ Авеля на вилахъ и многое другое. Если бы настоящимъ образомъ сознавали люди, что такое мѣсяцъ, то не разсказывали бы про него такія басни. Вотъ теперь мы и хотимъ разсказать кое-что про мѣсяцъ.

II. Мѣсяцъ также, какъ солнце и земля, имѣетъ видъ шара, только онъ въ пятьдесятъ разъ меньше земли. Около своей оси мѣсяцъ обращается въ 28 дней; въ точно такое же время онъ вмѣстѣ

---

[1]) Эта дуга называется также *млечный путь*.

съ землею обходитъ около солнца, ибо онъ также движется и держится около земли, какъ земля около солнца. Изъ этого видно, что мѣсяцъ имѣетъ троякое движеніе: около оси, около земли, и, вмѣстѣ съ землею, около солнца. Разстояніе между землей и мѣсяцемъ равно 50 тысячамъ миль, которыя равняются 350 тысячамъ нашихъ верстъ. Если-бы отъ земли до мѣсяца можно было устроить желѣзную дорогу и отправить по ней человѣка, то онъ доѣхалъ бы до него, проѣзжая по 4 мили (28 верстъ) въ часъ, въ 521 день, а это составитъ почти полтора года.

III. Мѣсяцъ не имѣетъ своего свѣта, но отражаетъ отъ себя солнечный свѣтъ. Это покажется чудно, но чуднаго тутъ ничего нѣтъ. Всякій знаетъ, что зеркало не имѣетъ своего свѣта, но если его навести на солнце, то отъ зеркала отсвѣчиваются солнечные лучи. Такъ иногда забавляютъ дѣтей, пуская на стѣну, такъ называемыхъ, зайчиковъ [1]).

Ежели бы мѣсяцъ имѣлъ собственный свѣтъ, то онъ всегда бы былъ видѣнъ всѣмъ своимъ полнымъ кругомъ, — такъ какъ видно намъ солнце. Мѣсяцъ же видимъ мы иногда какъ кругъ, иногда какъ полукругъ, иногда какъ серпъ безъ ручки. Перемѣны въ освѣщеніи мѣсяца зависятъ отъ того, что онъ не всегда одинаково стоитъ относительно земли и солнца [2]). Всѣхъ перемѣнъ мѣсяца четыре: *молодикъ*, *первая четверть*, *полный мѣсяцъ* и *послѣдняя четверть*.

IV. Покажемъ теперь отчего мѣсяцъ имѣетъ разный видъ. Поставимъ на столѣ свѣчу и возьмемъ въ руку арбузъ, или что-нибудь другое круглое и будемъ держать противъ свѣчи такъ, чтобы мы были въ серединѣ, но не заслоняли собою арбуза. Въ это время та сторона круглаго предмета, которую видимъ мы, будетъ освѣщена такъ, какъ полный мѣсяцъ. Послѣ попробуемъ поставить свѣчу на одинъ уголъ, а арбузъ на другой, сами же станемъ возлѣ третьяго угла, такъ чтобы арбузъ былъ противъ лица, а свѣча сбоку; тогда половину той стороны арбуза, которая обращена къ намъ, мы увидимъ освѣщенною, а другую темною. Такое положеніе арбуза сходно съ послѣдней четвертью мѣсяца. Теперь станемъ переходить за арбузъ, смотря на него вдоль. Чѣмъ больше мы будемъ приближаться къ арбузу, тѣмъ болѣе освѣщенная сторона его будетъ съуживаться для нашего глаза, а дальше она совсѣмъ отъ насъ скроется. То же самое бываетъ и съ мѣсяцемъ.

Прежде, чѣмъ появится молодикъ, мы совсѣмъ не видимъ мѣсяца, потому что онъ тогда обращенъ къ намъ неосвѣщенной стороной. Черезъ два дня послѣ того мѣсяцъ виднѣется какъ серпъ.

Черезъ семь дней послѣ молодика мѣсяцъ показывается намъ въ

---

1) Отъ каждаго предмета свѣтъ отражается въ нашъ глазъ, потому только мы и видимъ.

2) Значитъ отъ его движенія около земли и отъ того, что мѣсяцъ тѣло темное и только освѣщается солнцемъ.

видѣ полухлѣба—это четверть мѣсяца. Послѣ этого мѣсяцъ полнѣетъ съ каждымъ днемъ, пока совсѣмъ не сдѣлается похожимъ на кругъ (полнолуніе) [1]). Далѣе мѣсяцъ уже начинаетъ убывать, потому что освѣщенная сторона его отвертывается отъ насъ [2]). Послѣ этого снова настаетъ молодикъ и т. д.

V. Мѣсяцъ вращается гораздо тише земли, ибо онъ только разъ обернется около своей оси въ 28 дней, какъ мы уже упомянули объ этомъ; потому день и ночь на мѣсяцѣ гораздо длиннѣе нашихъ. Лунный день имѣетъ 14 земныхъ дней и столько же земныхъ ночей заключаетъ въ себѣ лунная ночь.

Кто пристально разсматривалъ мѣсяцъ, тотъ вѣрно замѣтилъ на немъ пятна. Говорятъ, что это Каинъ держитъ Авеля на вилахъ; другимъ кажется, что они видятъ на мѣсяцѣ носъ, глаза, ротъ, поэтому-то немыслящіе маляры и рисуютъ мѣсяцъ съ человѣческимъ лицемъ. Но это совсѣмъ уже глупо.

Люди ученые, которые не разъ и не два разсматривали въ подзорныя трубы мѣсяцъ, пришли къ тому, что тѣ темныя пятна—не что иное, какъ горы и долины, которыя, какъ и на землѣ, есть и на мѣсяцѣ. *(Оттуда же).*

6. Путешествіе воды.

I. Кому только не нужна вода! И травкѣ, и звѣрю, и птицѣ, и человѣку. Вотъ почему Богъ наполнилъ водою большія моря и океаны.

Но въ моряхъ вода горькая и соленая, да не всѣ и живутъ у самаго моря. Какъ же очистить воду? Какъ перенесть её за тысячи верстъ? Какъ поднять на высокія горы?

II. Работу эту задалъ Господь прилежному солнышку. Своими тёплыми лучами передѣлываетъ солнышко воду въ легкіе пары. Водяные пары оставляютъ соль въ морѣ, поднимаются кверху и кажутся намъ серебряными облаками на голубомъ небѣ.

III. Подымутся пары облаками; но не стоять же имъ надъ моремъ. Выходитъ тутъ на работу вѣтеръ и разноситъ громадныя облака, какъ лёгкія пёрышки, во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что если бы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, сёла, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода изъ облаковъ сѣется, какъ сквозь сито, мелкими каплями дождя, или замерзаетъ и летитъ пушистыми снѣжинками.

IV. Освѣжитъ вода луга и нивы, и начнетъ просачиваться въ землю. Въ землѣ, капля за каплей, собирается она въ маленькія струй-

---

1) Отъ первой четверти до полнаго мѣсяца проходитъ почти недѣля.

2) Черезъ семь дней увидимъ опять четверть; это послѣдняя четверть. Продолжается убыль—опять достигнетъ серпа—и затѣмъ мѣсяцъ опять сдѣлается невидимъ (новолуніе).

ки. Струйка льётся къ струйкѣ, и вотъ пробьются онѣ изъ подъ земли свѣтлымъ, холоднымъ ключемъ. Бьетъ ключъ и льется по землѣ ручейкомъ. Прорoетъ себѣ ручеёкъ русло въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камешкамъ; встрѣтится со своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ,—сольются и побѣгутъ они вмѣстѣ. Бѣгутъ они вмѣстѣ, а къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третій, четвертый, пятый товарищъ....

V. Глядишь! уже порядочная рѣчка течётъ въ зелёныхъ берегахъ. Поитъ рѣчка людей и животныхъ, освѣжаетъ растенія на лугахъ, вертитъ мельничныя колёса, носитъ бревенчатые плоты и легкія лодки; а въ ея прохладныхъ струяхъ уже играютъ весёлыя рыбки, блестя серебряною чешуею.

VI. Бѣжитъ рѣчка, встрѣчается съ другою,—сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третья, четвертая.... И вотъ огромная рѣка, со множествомъ притоковъ, пробѣгаетъ, изъ края въ край, большое государство или десятки малыхъ. Плывутъ по рѣкѣ тяжелыя барки, нагруженныя до верху товаромъ; шумятъ пароходы; а на берегахъ стоятъ промышленныя сёла и торговые города, одинъ богаче другого. Несётъ рѣка большія богатства изъ страны въ страну, въ далёкое море, и вноситъ въ него своимъ широкимъ устьемъ уже не маленькія лодки, а большіе корабли, одѣтые парусами, словно крыльями.)

VII. Много воды вливаетъ рѣка въ море, а солнце всё работаетъ: опять подымаетъ воду въ облака и разсылаетъ её по цѣлому свѣту.

Льются вѣчно рѣки въ моря и никакъ вылиться не могутъ; черпаетъ вѣчно солнышко воду изъ морей и никакъ вычерпать не можетъ: такъ премудро устроилъ это дѣло Создатель. (*Изъ Р. Сл.*).

7. О теплотѣ.

Подъ теплотою мы подразумѣваемъ частію чувство, которое мы ощущаемъ при прикосновеніи къ извѣстнымъ тѣламъ, частію причину этого чувства, или самое состояніе тѣла[1]), которое вызываетъ въ насъ это ощущеніе. Важнѣйшіе источники тепла суть: солнечные лучи, треніе, давленіе и горѣніе. Холодъ—это только недостатокъ тепла.

1. Почему отскакиваютъ искры, если ударить кусочкомъ стали о кремень?

Потому, что отъ сильнаго удара стали о твердый кремень отскакиваютъ маленькіе кусочки стали, которые накаливаются вслѣдствіе жара, происшедшаго отъ тренія, и, падая на трутъ, зажигаютъ его. Если заставить искры падать на бѣлую бумагу и потомъ разсмотрѣть чрезъ увеличительное стекло, то можно совершенно явственно разглядѣть расплавленные кусочки стали. Точно также отъ желѣзныхъ копытъ лошади, бѣгущей по мощеной улицѣ, отскакиваютъ огненныя

[1]) Тѣломъ называется все, что занимаетъ какое-нибудь пространство, (т.-е. мѣсто) напр. песчинка, камень, дерево, воздухъ, человѣкъ и т. д.

частички, какъ это можно видѣть вечеромъ. Если, взявъ два кремня, ударить ихъ одинъ о другой, то отъ нихъ также отскакиваютъ раскаленные кусочки. Главнымъ образомъ теплота возбуждается треніемъ и сильнымъ давленіемъ. Молотъ нагрѣвается при долгой работѣ, и кузнецъ искусными ударами можетъ накалить гвоздь.

2. Почему надо смазывать оси колесъ?

Потому, что при вращеніи колесъ около осей вслѣдствіе тренія развивается теплота, достаточная для того, чтобы оси могли загорѣться; но смазывающая жидкость уменьшаетъ это треніе.

3. Почему у металлическихъ чайниковъ и кофейниковъ обыкновенно бываютъ деревянныя ручки?

Потому, что металлъ очень хорошій проводникъ тепла и потому онъ очень скоро и въ высокой степени принимаетъ въ себя весь жаръ налитой въ сосудъ горячей жидкости, тогда какъ дерево, какъ дурной проводникъ, принимаетъ въ себя тепло только въ незначительномъ количествѣ и притомъ очень медленно, такъ что деревянная ручка даетъ намъ возможность брать въ руки чайникъ, наполненный горячей жидкостью. Тѣ тѣла, которыя очень хорошо принимаютъ и быстро распространяютъ тепло, называются хорошими проводниками тепла, а тѣла съ противоположнымъ качествомъ—дурными; къ самымъ хорошимъ проводникамъ относятся металлы, къ наиболѣе дурнымъ: перья, шерсть и особенно волосы.

4. Почему, посыпавъ руку пепломъ, можно положить на нее раскаленный уголь, не боясь быть обожженнымъ?

Потому, что пепелъ, будучи очень дурнымъ проводникомъ тепла, воспринимаетъ послѣднее очень медленно, и также медленно отдаетъ его рукѣ. По той же причинѣ печи, въ которыхъ много золы, отопляютъ хуже, потому что онѣ воспринимаютъ тепло пламени очень медленно и распространяютъ его въ незначительной степени. *(Изъ соч. «Почему и потому?» Отто Уле).*

8. Отчего бываетъ роса, иней, дождь, снѣгъ и градъ?

Если вскипятимъ воду въ какомъ—нибудь глинянномъ или металлическомъ [1]) сосудѣ, то часть воды испарится; но, наблюдая за поднимающимся столбомъ пара, мы замѣтимъ, что водяной паръ, пока онъ сохраняетъ всю свою теплоту, совершенно *невидимъ* и *прозраченъ*; поэтому въ воздухѣ можетъ содержаться огромное количество пара, поднимающагося изъ рѣкъ и морей, и оставаться незамѣченнымъ. Но чѣмъ болѣе паръ удаляется отъ нагрѣваемаго нами сосуда, тѣмъ болѣе охлаждается и наконецъ принимаетъ видъ бѣловатаго облачка, состоящаго изъ небольшихъ водяныхъ пузырьковъ, очень похожихъ на мыльные пузыри, только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Слѣ-

[1]) Металлическій сосудъ—сосудъ (посуда), сдѣланный изъ металла—желѣза, олова, мѣди, серебра, золота и т. п. металловъ.

довательно, отъ теплоты вода обращается въ невидимый прозрачный *паръ*, который, коснувшись холоднаго воздуха, обращается, какъ-бы, въ *туманъ*. Тоже самое бываетъ и въ природѣ. Изъ озеръ, рѣкъ и болотъ пары поднимаются постоянно, и если воздухъ холоднѣе испаряющейся воды, то пары охлаждаются въ воздухѣ и образуютъ туманъ, который, прикасаясь къ холоднымъ предметамъ, превращается въ водяныя капли или *росу*. Когда предметы на земной поверхности такъ холодны, что касающіеся ихъ пары замерзаютъ, то происходятъ небольшія ледяныя иглы, называемыя *инеемъ*. Итакъ, иней есть замерзшая роса. Если-же поднимающіеся пары охлаждаются въ высшихъ слояхъ воздуха, то они образуютъ *облака*. Облако или поднимается вверхъ и достигаетъ болѣе холоднаго и влажнаго слоя воздуха, или, встрѣтившись съ холоднымъ вѣтромъ, еще болѣе сгущается; пузырьки, прикасаясь другъ къ другу, сливаются и, образуя капли, въ видѣ *дождя* падаютъ на землю. Зимою при значительно холодномъ воздухѣ, водяные пары превращаются въ мелкія *снѣжинки*. Отъ постояннаго соединенія съ водяными парами эти снѣжинки увеличиваются, получаютъ форму красивыхъ фигуръ и наконецъ падаютъ на землю. Иногда водяныя капли отъ холода замерзаютъ въ облакахъ и падаютъ на землю въ видѣ *града*. Нечего удивляться, что градъ обыкновенно падаетъ тогда, когда въ воздухѣ бываетъ тепло, потому что внизу, у земли, можетъ быть и тепло, а выше, тамъ, гдѣ носятся облака, могутъ быть и очень холодные вѣтры.

9. Газы.

1. Воздухъ бываетъ разный, хотя онъ всегда свѣтлый и невидный.

Вода расходится въ воздухѣ, дѣлается летучею; и когда много воды въ воздухѣ, онъ бываетъ сырой, когда мало—сухой.

Когда въ закрытомъ мѣстѣ надышатъ люди, воздухъ бываетъ дурной, *нездоровый;* а на открытыхъ мѣстахъ, или въ лѣсу,—воздухъ здоровый, хорошій. Это бываетъ оттого, что въ закрытой комнатѣ къ обыкновенному воздуху прибавился тотъ дурной воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя люди и всѣ животныя.

Стало быть, въ воздухѣ есть разныя части, и ихъ глазомъ нельзя отличить: всѣ похожи на обыкновенный воздухъ.

2. Для дыханія нужнѣе всѣхъ частей воздуха одна, называемая кислородомъ. Если собрать этотъ воздухъ отдѣльно и всунуть въ него курилку, то она сейчасъ загорится огнемъ. Стало-быть, отъ него дерево и всякая другая вещь горитъ сильнѣе. А если кислорода нѣтъ въ воздухѣ, и всунуть въ такой воздухъ курилку, она погаснетъ.

Оттого воздухъ и нуженъ для горѣнія, что въ немъ есть кислородъ. Чтобы огонь разгорѣлся, на него дуютъ, машутъ; а если хочешь, чтобы загорѣвшаяся вещь погасла,—сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нея не было воздуха; накрой ее, зажми со всѣхъ сторонъ—и она погаснетъ.

Другая часть воздуха—азотъ. Въ немъ дышать нельзя, и вещи не могутъ горѣть.

Третья часть воздуха—углекислый газъ, углекислота. Она тоже не годится ни для дыханія, ни для горѣнія. Когда-же ея наберется много, то она опускается и собирается внизу, потому что она тяжелѣе другихъ газовъ.

Четвертая часть воздуха—водяные пары, летучая вода.

3. Когда мы дышимъ, то кислородъ уходитъ въ наше тѣло, и въ томъ воздухѣ, который мы выдыхаемъ, кислорода меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ, а зато больше углекислоты. Вотъ отчего воздухъ становится дурнымъ отъ дыханія.

Деревья, травы и всѣ растенія тоже дышатъ, только они не втягиваютъ въ себя воздухъ, какъ мы втягиваемъ грудью, а вбираютъ его всѣми листочками и молодой корою. И изъ всѣхъ листочковъ тоже незамѣтно выдыхается воздухъ; и этотъ воздухъ тоже не такой, какъ обыкновенный: въ немъ меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть, растеніямъ нужна углекислота, которая ненужна и вредна животнымъ. И вотъ отчего въ лѣсу воздухъ такой здоровый: тамъ углекислоты меньше, а кислорода больше. (*Гр. Л. Толстой*).

10. Непроницаемость.

Непроницаемость есть то общее свойство тѣлъ, посредствомъ котораго въ пространствѣ, занятомъ однимъ какимъ-нибудь тѣломъ, не можетъ въ то же время помѣститься другое тѣло.

1. Почему, если мы опустимъ палецъ въ доверху наполненный водою стаканъ, то часть воды выльется изъ него?

Потому, что палецъ, вслѣдствіе своей непроницаемости, вытѣсняетъ воду изъ того пространства, которое онъ стремится занять. Поэтому количество вылившейся воды равно объему погружаемаго тѣла. Это относится также и къ порошко-образнымъ тѣламъ, какъ напр. песокъ, сахаръ и др.

2. Почему вода не вливается въ пустую бутылку чрезъ плотно вставленную воронку?

Потому, что воздухъ, заключающійся въ бутылкѣ, не находитъ себѣ выхода изъ нея, и вода вслѣдствіе этого не можетъ вливаться въ бутылку. Если же воронка вставлена не плотно, то воздухъ выходитъ изъ бутылки между горлышкомъ и стѣнками воронки, и вода безпрепятственно въ нее вливается.

(*Изъ соч. «Почему и потому?» Отто Уле*).

11. Центръ тяжести.

Во всякомъ тѣлѣ есть точка, которую достаточно лишь подпереть, чтобы предохранить тѣло отъ паденія. Эта точка называется точкою опоры или центромъ тяжести. Она лежитъ такимъ образомъ, что частицы тѣла расположены вокругъ нея равномѣрно.

1. Почему мы откидываемся назадъ, спускаясь съ горы?

Потому, что откидываясь при спускѣ назадъ, мы сохраняемъ линію тяжести между ногами, которая при прямомъ положеніи нашего тѣла лежала бы впереди насъ, такъ что центръ тяжести не былъ бы ничѣмъ поддерживаемъ—и мы упали бы.

2. Почему несущіе передъ собою тяжести должны откидываться назадъ?

Потому, что центръ тяжести тѣла перемѣщается вслѣдствіе впереди висящей тяжести и подвигается по направленію впередъ такъ, что линія тяжести должна упасть тоже впередъ. Откидываніемъ своего тѣла назадъ эта линія снова проходитъ между ногами несущихъ.

3. Почему люди, несущіе тяжести на спинѣ, нагибаются впередъ?

Потому, что этою тяжестью измѣняется положеніе центра тяжести въ человѣческомъ тѣлѣ; онъ отодвигается назадъ. Линія тяжести прошла бы при выпрямленномъ положеніи позади насъ. Чтобъ избѣгнуть этого, тѣло наклоняется впередъ.

(Оттуда же).

12. Сцѣпленіе.

Сцѣпленіемъ называется притяженіе, дѣйствующее между частицами одного и того же тѣла, и сила, посредствомъ которой онѣ притягиваются другъ къ другу, есть сила сцѣпленія.

1. Почему вытянутая металлическая проволока гораздо крѣпче литой металлической нитки?

Потому, что сила сцѣпленія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе находятся частички какого-нибудь тѣла. При вытягиваніи проволоки металлъ прогоняютъ черезъ очень узкое отверстіе, и частицы его, особенно на поверхности, сближаются съ громадной силой. Тоже самое происходитъ при ковкѣ и прокатываніи; кованое желѣзо втрое крѣпче литого, а прокатанное серебро вдвое тверже обыкновеннаго.

2. Почему сукна и матеріи вслѣдствіе валянія дѣлаются плотнѣе?

Потому, что чѣмъ больше сближаются посредствомъ валянія ниточки и волоконца матеріи, тѣмъ сила сцѣпленія между ними дѣйствуетъ сильнѣе, и связность частицъ становится больше.

(Оттуда же).

13. Притяженіе волосныхъ трубочекъ.

Волосными трубочками называются трубочки, которыя такъ узки, что черезъ нихъ можетъ пройти только волосъ.

1. Почему намокшія веревки укорачиваются?

Потому, что волокна льна вбираютъ своими волосными трубочками влажность и вслѣдствіе этого разбухаютъ. При этомъ они становятся толще и закручиваются назадъ. Сила, производящая это уко-

рачиваніе веревокъ такъ велика, что обелискъ [1]) въ Римѣ, вѣсомъ въ 9000 центнеровъ [2]), котораго не могли поднять никакими машинами, былъ поднятъ только намокшими канатами, которые его поддерживали. *(Оттуда же).*

14. Дѣлимость.

Всякое тѣло можетъ быть раздѣлено на большее или меньшее число частей. Свойство это называется *дѣлимостью.*

1. Почему можно выбѣлить цѣлую стѣну нѣсколькими фунтами мѣлу?

Потому, что истолченный мѣлъ дробится на безконечно малыя частицы; разбавленный же водою онъ превращается въ кашицу, которая распадается на отдѣльные комья. Каждый такой комъ можетъ быть размазанъ на большой поверхности; при этомъ вода, испарившись, дробится на такія мелкія части, что онѣ увлекаются воздухомъ и оставляютъ на стѣнѣ лишь мелко раздробленный мѣлъ.

2. Почему запахъ одной монашенки распространяется по всей большой залѣ?

Потому, что при сгораніи монашенки образуются частички, наполняющія все пространство большой залы въ мелко-раздробленномъ видѣ. Гораздо большею дѣлимостью обладаетъ мускусъ, зерно котораго цѣлые годы наполняетъ комнату своимъ запахомъ. Всякій запахъ происходитъ отъ мелкаго раздробленія пахучихъ веществъ. Мореплаватели узнаютъ за нѣсколько верстъ близость Моллукскихъ острововъ по тѣмъ пахучимъ веществамъ, которыя наполняютъ ихъ атмосферу. *(Оттуда же).*

15. Громъ и молнія.

I. Молнія происходитъ отъ особой силы, которую открыли случайно. Замѣчено было уже очень давно, что если взять, напримѣръ, какую-нибудь смолу, хоть янтарь или сургучъ, и натереть её суконъ, то она притягиваетъ къ себѣ деревянныя опилки, легкія перышки и маленькіе куски бумажекъ. Если хорошо смолу натереть и поднести къ ней палецъ, то въ темнотѣ можно видѣть, что прежде чѣмъ палецъ прикоснется къ смолѣ, изъ нея выскочитъ маленькая искра. Ясно, что есть, значитъ, въ нѣкоторыхъ вещахъ сила, которая хотя и невидима, но можетъ быть вызвана наружу. Вотъ эту-то силу люди и назвали электричествомъ; названіе же такое мудреное дали потому, что на греческомъ языкѣ похожимъ словомъ называется янтарь.

II. Прошло долгое время прежде чѣмъ доказали, что молнія про-

---

[1]) Высокій четыреугольный каменный столбъ изъ цѣльнаго камня.

[2]) 1 центнеръ равняется 100 пудамъ.

исходитъ отъ того же самаго электричества. Теперь уже дѣлаютъ такія машины, посредствомъ которыхъ можно получить не только искру, но цѣлыя молніи и съ громомъ, который опять таки не болѣе какъ взрывъ этой искры и сотрясеніе воздуха. Машины эти называются электрическими.

Хотя человѣкъ и не знаетъ, что такое именно электричество, однако онъ убѣдился, что бываетъ электричество двухъ родовъ, которые между собою соединяются, или другъ отъ друга отталкиваются; одно электричество назвали положительнымъ, а другое—отрицательнымъ. Оба они между собою соединяются и даютъ искру; положительное же съ положительнымъ или, наоборотъ, отрицательное съ отрицательнымъ не соединяются никогда. Электричество, хотя и скрытое до времени, находится однако вездѣ: въ землѣ, воздухѣ и водѣ: то или другое, т. е. положительное или отрицательное.

Зная все это, можно легко объяснить, почему происходитъ молнія.

III. Солнце превращаетъ влагу въ паръ, который, поднимаясь вверхъ, образуетъ облака; тамъ, въ облакахъ, всегда электричество положительное. Туча съ этимъ электричествомъ подходитъ ближе къ землѣ; въ землѣ же между тѣмъ есть электричество и отрицательное, и положительное. Что же должно произойти? Мы уже сказали, что одинаковыя электричества не притягиваются, а отталкиваются, разныя же притягиваются. Слѣдовательно, когда туча съ положительнымъ электричествомъ близко подойдетъ къ землѣ, то находящееся на землѣ отрицательное электричество начинаетъ притягиваться вверхъ и входитъ на высокіе предметы. Тогда говорится, что предметы уже заряжены электричествомъ. Надъ мѣстомъ, гдѣ много скопилось отрицательнаго электричества, въ тучѣ накопляется наоборотъ много положительнаго. Когда скопится довольно электричества положительнаго въ облакахъ и отрицательнаго въ земныхъ предметахъ, тогда оба эти электричества бросаются другъ другу навстрѣчу, даютъ сильную искру, а вслѣдъ затѣмъ потрясенный воздухъ оглашается громомъ. Если наша маленькая искра, получаемая отъ электрической машины, даетъ трескъ, то какой же шумъ должна поднять искра отъ облаковъ, которыя тянутся на десятки верстъ? Какой величины должна быть такая искра? Какъ это ни трудно измѣрить, однако ученые дошли и до этого. Одинъ изъ нихъ однажды видѣлъ молнію въ 17 верстъ длиною.

IV. Кто не знаетъ силы и вреда грозы? Но трудно вообразить, какъ иногда убиваетъ гроза. Были случаи, что убитые молніею тотчасъ же обращались въ груду пепла. Одинъ хотѣлъ укрыться подъ деревомъ; но молнія ударила въ это дерево, расколола дерево, и убила человѣка, раздѣла его и раскидала лохмотья. Иногда молнія разрываетъ на куски одежду, а кожа не получаетъ никакого вреда, а иногда бываетъ совсѣмъ наоборотъ.

Вообще никогда не слѣдуетъ укрываться подъ деревьями и быть

вблизи *высокихъ* предметовъ. Мы уже говорили, что около нихъ-то и скопляется электричество. На этомъ-то и основано устройство громоотводовъ. На высокихъ зданіяхъ ставятъ металлическіе шесты и проводятъ ихъ въ землю. Тогда молнія ударяетъ именно въ эти шесты, и электричество проходитъ въ землю.

16. Размышленіе по случаю грома [1]).

Гремитъ!.. благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И—исчезаю предъ Тобой!
Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно-ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року [2]),
Онъ спитъ— и мчится на скалу.
Ты дунешь—и двинешь океаны,
Речешь—и вспять они текутъ:
А мы?.. одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей—
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.
(*И. Дмитріевъ*).

17. Труды солнышка.

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ
И, алымъ, тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ-жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй

---

[1]) Это стихотвореніе можетъ служить образцомъ оды, гдѣ изображаются высокія чувства и мысли о Богѣ, отечествѣ и т. п. возвышенныхъ предметахъ.

[2]) Рокъ—слѣпая судьба, въ которую вѣрили язычники.

И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
(Жуковскій).

18. Гроза.

Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава—все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ. Съ запада тянулось, точно живое чудовище, огромное, безобразное пятно, съ мѣднымъ отливомъ по краямъ, и быстро надвигалось на село и на рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все тосковало въ природѣ. Коровы понурили головы; лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами. Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло; какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолвствовало. И бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями; они выпрямились; только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопотомъ о близкой опасности. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во время по домамъ. Наступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія.

Отъ лѣсу, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо прохожему, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты. Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется, только глупый баранъ не предчувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ свою жвачку, стоя посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги; да перышко съ соломинкой, кружась по дорогѣ, силятся поспѣть за вихремъ. Упали двѣ-три крупныя капли дождя—и вдругъ блеснула молнія. Старикъ всталъ съ заваленки и поспѣшно повелъ маленькихъ внучатъ въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно прокатился въ воздухѣ. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ полѣ; тщетно преслѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплетъ, такъ

и сѣчетъ, все чаще и чаще, и дробитъ въ кровли и окна, сильнѣе и сильнѣе. Бѣленькая ручка боязливо высовываетъ на балконъ предметъ нѣжныхъ заботъ—цвѣты. (*Гончаровъ*).

19. Море.

Какъ хорошо ты, о, море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ же черно!
Въ лунномъ сіяньи, словно живое,
Ходитъ и дышитъ и блещетъ оно.

* * *

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движенье, грохотъ и громъ....
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!

* * *

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты....

* * *

Въ этомъ волненьи, въ этомъ сіяньи,
Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою,
И какъ охотно-бы въ ихъ обаньи
Всю потопилъ-бы я душу свою. (*Тютчевъ*).

20. Море и утесъ.

И бунтуетъ, и клокочетъ,
Плещетъ, свищетъ и реветъ,
И до звѣздъ допрянуть хочетъ,
До незыблемыхъ высотъ!

* * *

Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь геенскій разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

* * *

Волнъ неистовыхъ прибоемъ
Безпрерывно валъ морской
Съревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой!

* * *

Но, спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуянъ,
Неподвижный, неизмѣнный,
Міроздавью современный,
Ты стоишь, нашъ великанъ!

* * *

И озлобленныя боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ воемъ
На гранитъ громадный твой.

* * *

Но о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ....

* * *

Стой же ты, утесъ могучей!
Обожди лишь часъ другой:
Надоѣстъ волнѣ гремучей
Воевать съ твоей пятой!

* * *

Утомясь потѣхой злою,
Присмиретъ вновь она,
И, безъ вою и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.
(*Тютчевъ*).

21. Тучи.

(1840 г.).

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.
Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя....
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

(*М. Лермонтовъ*).

22. Бѣсы [1]).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
Эй, пошелъ, ямщикъ!... „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой".
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... Что тамъ въ полѣ?
„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ!"
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вотъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

(*А. Пушкинъ*).

---

[1]) Это стихотвореніе можетъ служить образцомъ баллады, въ которой изображается какое-либо народное суевѣріе или преданіе.

23. Лѣсной царь.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
„Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?“
—Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ съ густой бородой.
„О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой“.
„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои“.
—Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
„О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы“.
„Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять“.
—Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, кивают изъ темныхъ вѣтвей.
„О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.
„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой“.
—Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.
(Изъ нѣмецк. поэта Шиллера въ переводѣ Жуковскаго).

24. Ярко звѣздъ мерцанье.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.
Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.
Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь впотьмахъ.
Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.
Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ—не глядитъ,
Пляшетъ—присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...
Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ.
Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души. (*Никитинъ*).

25. Гора.

Взойди, вонъ, на эту безлѣсную гору,
Что выше окружныхъ, подоблачныхъ горъ,
Душѣ тамъ отрадно и вольно, а взору
Оттуда великій, чудесный просторъ.
Увидишь недвижное море громадныхъ
Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,
Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,
Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
И свѣтлые холмы, поляны, лѣса,
И грады и села внизу подъ тобою;
А выше тебя—лишь одни небеса! (*Н. Языковъ*).

26. Утро.

Вверхъ, по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ, туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ.

* * *

Онъ, какъ дымъ, уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя
И разсѣиваясь.

* * *

Лучъ зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце
Разгораясь блещетъ.

* * *

И сіяетъ утро,
Утро молодое.
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное!

* * *

Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ!
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ!

* * *

О, въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній человѣка!

* * *

Улыбнись природѣ!
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью,
Есть конецъ страданью!
(*Я. Полонскій*).

27. Вечеръ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка!
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана,
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.
(*Я. Полонскій*).

28. Ночь.

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно;
Отражаетъ ихъ рѣка;
И, въ раздумьи, наклонился
Вѣтви гибкія деревъ;
И, какъ звѣзды, засвѣтились
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышетъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ;
Ночь весенняя прохладою
Освѣжаетъ сердце мнѣ.
Что-то въ душу чудно просится,
Проникаетъ въ глубину,
И, невольно, мысль уносится
Все туда, все въ вышину!
Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно...
Спитъ на днѣ души тоска! *(Жадовская).*

29. Міръ обновленія.

Свѣжесть утра, розъ дыханье,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье,
Ясный неба сводъ,—
Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду льетъ.
Все печальное забыто.
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, что ужъ прожито,
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышитъ грудь моя,
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамъ себя.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню —
Вѣру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою. *(Жадовская).*

30. Уединеніе.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ [1]) счастья и забвенья!
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда;

---

[1]) Лоно—нѣдро, грудь; вѣчное блаженство.

За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты,—
Вездѣ слѣды довольства и труда! *(А. Пушкинъ).*

31. Макъ [1]).

I. Всѣ мы знаемъ макъ и съ удовольствіемъ смотримъ на красивый цвѣтокъ, когда онъ распустится во всей своей красѣ. Познакомимся теперь съ жизнію этого растенія, съ тою пользою, которую онъ приноситъ людямъ, скажемъ и о томъ, какъ люди сумѣли употребить во вредъ даже и этотъ прелестный цвѣтокъ.

Вотъ кустикъ мака: корень его толстый, и когда вырвете его изъ земли, то увидите, что онъ бѣлый и идетъ вѣточками,—значитъ *вытвистый*. Отъ корня вверхъ поднимается зеленый, прямой, круглый стебель, весь усаженный волосками. Листья сидятъ на немъ по очереди, то съ одной, то съ другой стороны и по краямъ они глубоко надрѣзаны, такъ что кажется будто одинъ и тотъ-же листъ состоитъ изъ нѣсколькихъ листиковъ. Сверху вы видите на нихъ волоски и жилки; снизу средняя жилка чрезвычайно ясно видна. Пожмите покрѣпче стебель—видите, какой идетъ бѣловатый, млечный сокъ. Попробуемъ тоже сдѣлать съ листьями—и тутъ такой-же сокъ.

II. Наверху стебля и вѣтвей, на длинныхъ ножкахъ, сидятъ крупные, чрезвычайно красивые разныхъ оттѣнковъ цвѣты. Вотъ нѣсколько кустиковъ мака. Сколько на нихъ большихъ, висящихъ книзу почекъ, точно яйца маленькой птички, только зеленыя и всѣ покрытыя волосками! Нѣкоторыя почки уже нѣсколько раскрылись и виденъ красный или розовый цвѣтокъ, но красивѣе всего цвѣты, которые уже совсѣмъ расцвѣли. Одни изъ нихъ ярко красные съ темными пятнами, другіе блѣдно-розовые съ бѣленькими краями, а затѣмъ и совсѣмъ бѣлые, развѣ съ легкимъ фіолетовымъ оттѣнкомъ. А вонъ куртинки, гдѣ цвѣтокъ мака совсѣмъ отцвѣлъ, и уже висятъ зрѣлыя головки: пойдемъ и натрясемъ себѣ вдоволь маку. Оборвите осторожно зеленое покрывало почки: видите, какой въ немъ скомканный цвѣтокъ! ничего,—все расправится, когда онъ начнетъ распускаться. Вотъ эти два зеленые листика, которыми обтянутъ цвѣтокъ, называются *чашечкой*. Но куда-же дѣвались эти листики или *чашечка* у расцвѣтшаго мака? Когда солнышко согрѣло растеніе, а дождь и роса смачивали сухую землю, цвѣтокъ росъ все больше и больше; скоро ему стала тѣсна, да и надоѣла его душная темница. Онъ высунулся изъ окошка, сильно потянулъ въ себя пищу изъ земли, окрѣпъ, выпря-

---

1) *Замѣтка для учителя.* При чтеніи этой статьи, какъ и всѣхъ подобныхъ ей, учитель прекрасно сдѣлаетъ, если покажетъ дѣтямъ самый предметъ, напр. въ данномъ случаѣ засушенное растеніе мака.

мился и сбросилъ съ себя послѣднія цѣпи. *Чашечка* (т.-е. два зеленые листика) опала, засохла, а вѣтеръ разметалъ ее по бѣлому свѣту.

III. Теперь возьмемъ совсѣмъ расцвѣтшій цвѣтокъ мака и будемъ считать листики цвѣтка; ихъ четыре. Листики въ каждомъ цвѣткѣ, въ отличіе отъ тѣхъ, которые вы видите на вѣтвяхъ и на стволѣ разныхъ растеній, называются *лепестками*. Теперь мы знаемъ, что у цвѣтка мака четыре *лепестка*, а всѣ лепестки вмѣстѣ называются *вѣнчикомъ* цвѣтка. Скажите мнѣ, какой вѣнчикъ мака! *Лепестки* мака крупные, сидятъ попарно одинъ противъ другого, а та пара, что внутри, меньше наружныхъ.

Оборвемъ всѣ четыре лепестка: мы видимъ множество темныхъ нитей, которыя на концѣ немного толще. Эти нити называются *тычинками*, а кончики этихъ тычинокъ, что потолще—*пыльниками*. Между *тычинками* въ самой серединѣ, какъ пуговка, сидитъ *пестикъ*. Видите-ли, сверху *пестика* точно звѣздочка—эта часть пестика называется *рыльцемъ*. Если сосчитаемъ черные лучи звѣздочки и потомъ срѣжемъ все рыльце, то мы найдемъ внутри столько перегородокъ, сколько насчитали лучей.

Когда цвѣтокъ отцвѣтетъ, т.-е. когда лепестки и тычинки отпадутъ, пестикъ мака (та часть, которая сидѣла между тычинками) начинаетъ все болѣе и болѣе разростаться, такъ что скоро превращается въ довольно большую головку. Внутри головки находится множество сѣмянъ. Когда эти сѣмена совершенно созрѣютъ, они сами выпадутъ черезъ дырочки, которыя находятся подъ крышечкою головки. Макъ въ деревняхъ сѣютъ оттого, что гдѣ его ни бросишь горсти двѣ, его выростетъ множество, и уже много лѣтъ потомъ онъ самъ сѣется.

IV. Чего только не дѣлаютъ изъ сѣмянъ мака! Изъ него можно выжимать масло, печь и жарить на этомъ маслѣ, вмѣсто коровьяго, булки, рыбу и разныя печенья въ постные дни. Его растираютъ въ ступкѣ, дѣлаютъ изъ него молоко и пьютъ съ чаемъ и кофеемъ, ѣдятъ съ кашей и киселемъ.—Макомъ обсыпаютъ булки и крендели. Въ каждой лавкѣ продаются маковники—макъ, вареный въ меду. Но дѣтямъ не нужно бросаться на эти маковники: у нихъ отъ меду выступаетъ сыпь на тѣлѣ, появляются и другія болѣзни. Какъ ни плохи маковники, они все-таки не такъ вредны, какъ маковый сокъ, что даютъ грудными дѣтямъ въ деревняхъ, когда они блажатъ, а родителямъ некогда съ ними возиться. Дитя дѣйствительно успокоивается, засыпаетъ и долго, долго спитъ послѣ этого. Но когда оно просыпается, то уже не воркуетъ попрежнему какъ голубокъ, а полуоткрытыми глазами смотритъ вяло, безжизненно—точно оно еще не совсѣмъ проснулось, плохо ѣстъ и скоро опять засыпаетъ. Матери обыкновенно радуются, что дитя такъ много и спокойно спитъ, но чѣмъ чаще даютъ ему соску съ маковымъ снадобьемъ, тѣмъ болѣе ребенокъ теряетъ аппетитъ и слабѣетъ; наконецъ у него пухнетъ головка, страшно худѣетъ все тѣло, а животъ толстѣетъ, и дитя засы-

паетъ навѣки. Мать удивляется, отчего умеръ ея ребенокъ въ то время, когда онъ былъ такъ покоенъ: ей не понять, что *этотъ покой она купила цѣною его жизни!* Когда крѣпкій и здоровый ребенокъ выживаетъ при этомъ, то и тутъ еще немного радости: онъ навѣки останется хилымъ, болѣзненнымъ человѣкомъ.

Есть страны, гдѣ макомъ засѣваютъ цѣлыя огромныя поля. Когда головки еще не совсѣмъ созрѣли, ихъ надрѣзаютъ и оттуда вытекаетъ молочный сокъ; на воздухѣ сокъ этотъ твердѣетъ и называется опіумомъ. Когда больной лежитъ въ страшныхъ страданіяхъ и ни минуты не можетъ спокойно уснуть, опіумъ служитъ благодѣтельнымъ средствомъ, доставляя ему сонъ. При очень многихъ болѣзняхъ желудка съ большою пользою даютъ опіумъ. Но что помогаетъ больному, то часто отравляетъ здороваго. Въ этой же самой странѣ, гдѣ приготовляютъ опіумъ, есть множество людей, которые пьютъ его и курятъ безъ всякой мѣры. Начинаютъ употреблять его обыкновенно понемногу, но чуть увеличиваютъ пріемы, человѣкъ привыкаетъ къ нему, и привычку эту впослѣдствіи почти невозможно побѣдить. Вы конечно спросите: да что же такъ тянетъ человѣка къ этому горькому опіуму? Послѣ его пріема онъ на время становится необыкновенно веселъ, забываетъ все свое горе, всѣ труды и заботы, часто не чувствуетъ страшной болѣзни, которая его передъ тѣмъ мучила. Вначалѣ, со свѣжей головой, онъ чрезвычайно легко все соображаетъ, потомъ засыпаетъ, и его прельщаютъ очаровательные сны. Люди, пьющіе опіумъ, страшно платятся цѣлую жизнь за нѣсколько минутъ наслажденія! За возбужденнымъ состояніемъ слѣдуетъ полное ослабленіе силъ. Тѣ, которые много лѣтъ принимали опіумъ, возбуждаютъ въ другихъ ужасъ и отвращеніе: ихъ лица искажены постоянными судорогами, которыя сводятъ имъ руки и ноги, глаза ихъ дико бѣгаютъ и сверкаютъ, колѣни трясутся; отъ потери аппетита такой человѣкъ превращается въ скелетъ, и на его до омерзенія истощенномъ и исхудаломъ лицѣ, трясется каждая жилка. Но хуже всего для него то, что онъ отлично понимаетъ, до чего себя довелъ и чувствуетъ, что онъ всѣмъ людямъ въ тягость. *(Изъ „Русск. жизни и природы“ Водовозовой).*

32. Мой садикъ

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...
Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ,
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ,
Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,

Сторожитъ себѣ дорожку
Всю поросшую травой...
Но люблю я садикъ скромный;
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ
Съ сѣтью правильныхъ аллей.
И весь день, въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ. (*Плещеевъ*).

33. Роза.

„Роза, весенній цвѣтъ,
Скройся подъ тѣнь
Рощи развѣсистой;
Бойся лучей
Солнца палящаго,
Нѣжный цвѣтокъ!“
Такъ мотылекъ златой
Розѣ шепталъ.
Розѣ невнятенъ былъ
Скромный совѣтъ;
Роза пленяется
Блескомъ однимъ!

„Солнце блестящее
Любитъ меня.
Мнѣ ли, красавицѣ,
Тѣни искать?“
Гордость безумная!
Бѣдный цвѣтокъ!
Солнце разсыпало
Гибельный лучъ:
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблекнули.
Запахъ исчезъ! (*Жуковскій*).

34. Анчаръ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

* * *

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

* * *

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зноя,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

* * *

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ
И мчится прочь уже тлетворный.

* * *

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

* * *

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

* * *

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами,—
И потъ по блѣдному челу
Струится хладными ручьями.

* * *

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки—
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

* * *

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

(*А. Пушкинъ*).

35. Цвѣтокъ.

Весело цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ,
Ихъ по ночамъ освѣжаетъ роса;
Днемъ ихъ лучи благодатные грѣютъ,
Ласково смотрятъ на нихъ небеса.

—

Съ бабочкой пестрой, съ гудящей пчелою,
Съ вѣтромъ имъ любо вести разговоръ;
Весело цвѣтикамъ въ полѣ весною,
Милъ имъ родимаго поля просторъ!

—

Вотъ они видятъ: въ окнѣ за рѣшеткой,
Тихо качается блѣдный цвѣтокъ...
Солнца не зная, печальный и кроткій,
Выросъ онъ въ мрачныхъ стѣнахъ—одинокъ.

—

Цвѣтикамъ жаль его, бѣднаго, стало,
Хоромъ они къ себѣ брата зовутъ:
— Солнце тебя никогда не ласкало,
Брось эти стѣны, зачахнешь ты тутъ.

—

„Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—хоть весело въ полѣ,
И наряжаетъ васъ ярко весна;
Но не завидую вашей я долѣ,
И не покину сырого окна.

—

Пышно цвѣтите! Своей красотою
Радуйте, братья, счастливыхъ людей;
Я буду цвѣсть для того, кто судьбою
Солнца лишенъ и полей.

—

Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ.
Узника я утѣшаю одинъ.
Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ
Зелень родимыхъ долинъ“. *(А. Плещеевъ).*

36. Рѣчи цвѣтовъ.

I. Издавна было на землѣ много людей бѣдныхъ, обремененныхъ нуждами и сокрушающихся о томъ, какъ имъ вѣкъ прожить, чѣмъ прокормиться, во что одѣться. Много, очень много такихъ людей и теперь. Имъ не мало говорятъ полезнаго иные люди, и не всегда безъ пользы. Не скажутъ ли имъ чего-нибудь и весенніе цвѣты?

О, да,—они многое скажутъ имъ, если кто изъ бѣдныхъ охотно ихъ послушаетъ; они уже издавна къ нимъ говорятъ!

„Бѣдные, жалкіе люди, вотъ что говорятъ цвѣты,—бѣдные, суетные люди! Зачѣмъ вы такъ сокрушаетесь о томъ, какъ вамъ вѣкъ прожить, чѣмъ прокормиться, во что одѣться? Посмотрите получше на насъ! Вотъ мы нынче цвѣтемъ, а завтра насъ пожалуй сорветъ

кто-нибудь, либо потопчетъ. А между тѣмъ Господь заставляетъ землю и насъ поить—кормить, и насъ одѣваетъ. Да иные изъ насъ такъ одѣваются, что и вельможи, и сами цари ваши не смогутъ имѣть такой одежды. Маловѣрные! Неужели Отецъ небесный меньше о васъ заботится, чѣмъ о насъ?—Нельзя совсѣмъ не думать о пропитаніи, объ одеждѣ, о себѣ и семьѣ своей; надобно для этого трудиться, надобно объ этомъ и молиться. Но не объ этомъ *больше всего* думать, не для этого больше всего трудиться, не объ этомъ прежде всего молиться! Молитесь прежде: „да пріидетъ царствіе Твое, Господи, да будетъ воля Твоя“.., а потомъ уже и о хлѣбѣ насущномъ. Будете искать прежде всего царствія Божія и правды его, будете больше всего стараться быть людьми вѣрующими и благочестивыми—дастъ вамъ Господь и все остальное, что необходимо. Душа не дороже ли пищи и одежды? Если станете заботиться больше всего о душѣ своей, то Господь и пропитаетъ васъ, и одѣнетъ васъ, помогая вамъ въ трудахъ вашихъ,—какъ и насъ питаетъ, и насъ одѣваетъ.“

Эти рѣчи цвѣтовъ, уже истолкованы намъ самимъ Спасителемъ (Лук. 12, 27). Поучительныя, утѣшительныя рѣчи!

II. Не мало на землѣ издавна было и богатыхъ людей, т. е. не только имѣющихъ въ достаткѣ, чѣмъ прокормить и одѣть себя и чѣмъ воспитать дѣтей своихъ, но еще имѣющихъ избытокъ, иногда далеко превосходящій мѣру должнаго достатка. Такіе люди—не всѣ, но очень многіе—часто бывали и бываютъ горды, живутъ изо дня въ день въ свое удовольствіе, о будущемъ заботятся мало, о другихъ людяхъ, не имѣющихъ достатка, еще меньше.

Что говорятъ такимъ людямъ цвѣты?

— „Гордые, богатые люди, жалкіе люди! Что вы гордитесь вашимъ богатствомъ, что вы величаетесь вашими палатами, да вашими пирами, да вашими нарядами? Посмотрите лучше на насъ! Видите, какъ многіе изъ насъ разубраны? Что значатъ ваши шелковыя и бархатныя одежды передъ нашими дивными тканями, что всѣ ваши искусственные мертвые цвѣты передъ нашею живою красотою? А вотъ, быть можетъ, сегодня же вечеромъ мы уже не будемъ болѣе цвѣсти; быть можетъ не сегодня, такъ завтра надломитъ насъ играющею рукой дитя или подрѣжетъ острою косою трудящійся крестьянинъ и—поникнутъ наши разубранныя головки, поблѣднѣютъ наши краски, засохнутъ наши чудныя, живыя ткани. Вспомните, подобное и съ вами можетъ статься!.. Что-же вы гордитесь, что величаетесь, зачѣмъ забываете о томъ, что и вамъ прежде всего нужно помнить?—Ахъ, трудно вамъ, богатые, войти въ царствіе Божіе! Чѣмъ больше у васъ избытка, тѣмъ больше у васъ искушеній... Но невозможное для однихъ силъ людскихъ возможно при помощи самого Господа. Молитесь же, молитесь Ему, жалкіе, неразумные люди, гордящіеся богатствомъ своимъ! Молитесь, чтобъ Онъ помогъ вамъ употреблять ваши избытки не на собственныя пустыя прихоти, не на удовольствія нечистыя, а

на служеніе Ему Самому—въ лицѣ тѣхъ, у кого нѣтъ достатка! Думайте почаще о душѣ своей, заботьтесь побольше всего душою своей о нуждающихся ближнихъ вашихъ—и Господь милосердый и васъ помилуетъ, и васъ облечетъ свѣтлою небесною одеждою праведности, которая несравненно свѣтлѣе и вашихъ и нашихъ земныхъ одеждъ"!

Эти рѣчи также отчасти уже объяснены намъ—еще ветхозавѣтнымъ пророкомъ Божіимъ (Псал. 89, 5, 6). Рѣчи грозно—поучительныя, но опять и отрадныя!

37. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду и наклоняясь,
Какъ будто-бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день,
О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристанях кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленыя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно—
О, дай намъ солнышка! Пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать! *(Майковъ).*

38. Вода и лѣсъ.

Полная красота всякой мѣстности состоитъ въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ: прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчается, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ. *(Аксаковъ).*

39. Чернолѣсье.

Всѣ породы деревъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются чернымъ лѣсомъ или чернолѣсьемъ. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, шиповникъ и проч.

По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или колками, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строевого лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами и листами; высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. *(С. Аксаковъ).*

40. Краснолѣсье.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются краснымъ лѣсомъ, или краснолѣсьемъ. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, посте-

пенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ.

Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется боромъ.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна—преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. *(С. Аксаковъ).*

41. Рубка лѣса.

Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли;
Тамъ поднимался дубокъ молодой;
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной;
По-низу всякіе звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились—
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ;
Въ темную нору забилась лисица;
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица.
Въ недоумѣньи тащатъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился;
Съ трескомъ ломали сухой березникъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ;
Старую сосну сперва надрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла по плотнѣй.
Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ;
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лились прощальныя слезы
И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;
Жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночномъ,

Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ.
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,
Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по нивамъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы шарахаясь о земь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да какъ безумная галка кричала. *(Некрасовъ).*

42. Почвы.

I. Верхній слой земли, въ которомъ распространяются корни растеній, называется *почвою*. Она состоитъ изъ смѣси минеральныхъ частицъ и перегноя листьевъ, корней, костей и т. п.

Почвы бываютъ песчаныя, глинистыя, известковыя, рухляковыя, болотныя, или торфяныя и лучшія черноземныя. Бываютъ и смѣшанныя: суглинокъ и супесокъ, т. е. почва съ малою или большою примѣсью глины либо песку.

II. Каждый сортъ хлѣбовъ любитъ свою почву и тѣмъ охотнѣе растетъ, чѣмъ больше находитъ въ ней питательныхъ соковъ. Такъ на песчаной почвѣ лучше родится рожь, а на супескѣ растетъ еще охотнѣе: песчаная почва скоро и сильно нагрѣвается и долго остается теплою; въ супескѣ глина дольше задерживаетъ влагу и не такъ скоро сохнетъ. На глинистой почвѣ лучше родится пшеница, а если въ ней есть примѣсь извести, то—ячмень и овесъ; въ суглинкѣ же, гдѣ глины и песку поровну,—всего скорѣе и лучше выростаетъ ячмень, но и другимъ хлѣбамъ въ немъ меньше опасности: это самая лучшая почва.

Черноземъ для всѣхъ благодѣтель: тяжелыя глинистыя почвы онъ дѣлаетъ рыхлѣе и легче, песчаныя, т. е. легкія и разсыпчатыя, податливыя на дождяхъ и вѣтрахъ, черноземъ дѣлаетъ связными,—и всѣ улучшаетъ. Для пшеницы это самая благодатная и любимая почва.

Болотныя почвы для хлѣбовъ не годятся и требуютъ для превращенія въ пахатныя поля продолжительныхъ, усиленныхъ и усердныхъ хлопотъ и великихъ трудовъ.

Если слѣдъ сохи, нарѣзая борозды, лоснится, и на пашнѣ остаются глыбы, которыя такъ и засыхаютъ и не разсыпаются, и земля прилипаетъ къ ногамъ,—то почва глинистая. Если глыбы сами собою крошатся,—то земля известковая. Когда всего этого незамѣтно, то почва легкая, *песчаная или супесокъ*.

III. Подмѣсь недостающихъ веществъ въ почвѣ приноситъ большую пользу и иногда неизбѣжна. Дѣлали наблюденія надъ овсомъ и замѣтили, что безъ извести растеніе умерло уже при образованіи второго листа; безъ желѣза оно оставалось очень блѣднымъ, слабымъ и неправильнымъ; безъ фосфора овесъ развился правильно, но былъ слабъ и не далъ зерна. Когда овесъ питался желѣзомъ, то поражалъ темно-зеленымъ цвѣтомъ, сильнымъ ростомъ и надлежащей твердостью.

Есть и пословица: «всякому зерну своя борозда», т. е. всякому растенію требуется своя почва и своя пища.

Бѣловатая почва означаетъ присутствіе извести, желтоватая и красновая—желѣза; темнокоричневая или черная—черноземъ. На глинистой почвѣ дождевая вода застаивается, а на песчаной или известковой проходитъ насквозь; на безплодной, гдѣ много песку, вода получаетъ видъ сыворотки.

Деревья и другія растенія любятъ каждое свою почву и обходятъ другія: ива, береза, сосна, подорожникъ и гвоздика любятъ песчаную почву; пырей, тимофеева трава—глинистую; шалфей, клеверъ, можжевельникъ и ясень—известковую. Если хорошо растетъ осока и другія кислыя травы, криво выростаетъ береза и ольха,—то почва болотная. Это можетъ быть указаніемъ при первоначальномъ посѣвѣ хлѣбовъ.

Навозъ пахатный—землѣ и хлѣбу пища. Всего болѣе хлѣбъ любитъ навозъ коровій. Этотъ навозъ жиже, медленнѣе перегниваетъ и бродитъ.

Холодныя и глинистыя почвы освѣжаются лучше навозомъ коневьимъ. Этотъ навозъ силенъ и горячъ; скорѣе другихъ начинаетъ перегорать и разсыпаться въ пыль. За нимъ долженъ быть усердный присмотръ. На сухихъ и песчаныхъ поляхъ коровій навозъ—плохой слуга, равно и навозъ овечій. Свиной навозъ прежде хвалили, но теперь убѣдились, что онъ не лучше другихъ.

Хороши всѣ сорта навоза, когда перемѣшаны: чего недостаетъ одному, добавляетъ другой. Конскій съ коровьимъ медленнѣе загорается и разсыпается.

IV. Чѣмъ дольше стоитъ скотъ въ хлѣвахъ, тѣмъ больше навозу; чѣмъ ему тамъ теплѣе, тѣмъ навозъ лучше: подстилка больше вберетъ въ себя навозной жидкости. Догадливые хозяева прибавляютъ къ постилкѣ хвою, листа, подсыпаютъ и землю. Но чѣмъ дольше держится скотъ на навозной грязи, и чѣмъ сильнѣе гніетъ и бродитъ подстилка, тѣмъ скоту хуже и опаснѣе. Надо искать середины, соображать время, не лѣниться, пойти да посмотрѣть.

Если крѣпко пахнетъ въ хлѣвѣ навозомъ,—надо выгребать навозъ въ яму; яму прикрывать, чтобъ не жгло солнце, не разжижалъ снѣгъ или дождь. Если появится плѣсень,—значитъ онъ пересохъ и перегорѣлъ; надо облить его навозной жижей и прикрыть тонкимъ слоемъ земли. Словомъ, надо глядѣть, чтобы навозъ не прогоралъ снизу и жижа не уходила бы въ землю. Опытные хозяева для этого роютъ ямы въ глинникѣ: онъ не пропускаетъ сквозь себя воду.

(Максимовъ).

43. Сѣвъ и бороньба.

Какъ только прояснила земля, начались полевыя работы, то-есть, посѣвъ ярового хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня

мать. Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство овладѣло моей душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки, которые тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, весело зеленѣли сочной травой, и были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ расцвѣтала вишня и дикая акація или чилижникъ. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей; вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ; стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились. Не одинъ разъ отецъ говорилъ: «жалко, что нѣтъ съ нами ружья». Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ непохожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болота, и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе. Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху! Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ; тутъ только я почувствовалъ справедливость жалобъ матери на низкое мѣсто въ Багровѣ. Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли, и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходилъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется не вновь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики. Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ, босикомъ и съ непокрытыми головами. И весь этотъ, повидимому, тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную десятину, сталъ что-то мѣрить своей палочкой и считать; а я—оглянувшись вокругъ себя, и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались также мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ,—я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная о чемъ. Отецъ, воротясь ко мнѣ и найдя меня въ томъ же положеніи, спросилъ: «что ты, Сережа»? Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно. *(С. Аксаковъ).*

44. Хлѣбъ растетъ.

Стелется по полю рожь колосистая. Если посмотрѣть на нее, когда пройдетъ по ржаному полю вольный вѣтеръ и начнетъ шевелить

стеблями и наклонять колосья, глазамъ легко обмануться: ржаное поле кажется моремъ, по зеленому ковру его какъ будто бѣгутъ серебряныя волны. Видъ этотъ тѣмъ обманчивѣе, чѣмъ гуще заросло поле. Во ржи колосъ составляетъ со стеблемъ одно, поэтому и волненіе ржаного поля, равномѣрно колеблемаго вѣтромъ, напоминаетъ волненіе моря, временами до полнаго обмана. Но зато, какъ красивы тѣ поля, на которыхъ выросли хлѣба съ цвѣтами, не въ колосьяхъ, а метелками, каково, напр., овсяное! Когда тихій вѣтерокъ слегка колеблетъ стебли еще зеленаго или полудозрѣвшаго овса, въ немъ въ это время являются чудные, нѣжные волнистые отливы, особенно если поле освѣщено свѣтомъ, противоположнымъ направленію нашихъ глазъ. Въ такихъ случаяхъ овсяныя поля представляютъ одну изъ рѣдкостныхъ и красивыхъ картинъ въ природѣ. Для большей полноты ея и прелести природа озаботилась снабдить хлѣбныя поля такими цвѣтами, которые окрашены самымъ нѣжнымъ голубымъ цвѣтомъ, рѣдко встрѣчающимся на другихъ цвѣтахъ. Это васильки, безъ которыхъ никогда почти не растетъ рожь, и сами васильки почти исключительно любятъ сáдиться и красоваться лишь на хлѣбныхъ поляхъ. Очарователенъ голубенькій василекъ: солнечный лучъ здѣсь тотъ чародѣй, который приготовляетъ и наводитъ краски и привлекаетъ къ себѣ, на тепло и пригрѣву, и самый стебель изъ земли. Солнце затѣмъ поднимаетъ выше и ближе къ себѣ растеніе, чтобы свободнѣе оживлять и лелѣять его. Въ тѣни, безъ свѣта, въ густой темнотѣ растеніе хилѣетъ и слабѣетъ; подъ тѣми лѣсами, которые даютъ длинную и долгую тѣнь, оно вовсе не растетъ, да тамъ и хлѣбныхъ растеній не сѣютъ. Крестьяне говорятъ, что подъ увѣемъ, т. е. на всемъ томъ мѣстѣ, на которомъ лежитъ тѣнь отъ восхода до заката солнца, «подъ увѣемъ хлѣба не растетъ».

Въ теплѣ и свѣтѣ съ растеніемъ творятся чудеса роста: изъ одного хлѣбнаго зерна выростаютъ десятки и сотни зернышекъ. У насъ, даже на холодномъ сѣверѣ, посѣянный ячмень на пятой недѣлѣ колосится, на десятой его жнутъ, тогда какъ въ Германіи для полнаго роста вмѣсто 10 ему надобно отъ 14 до 16 недѣль. Все это оттого, что на сѣверѣ длинные дни, въ теченіе которыхъ солнышко не сходитъ съ неба, не закатывается. *(С. Максимовъ).*

45. Какъ живутъ и питаются растенія?

Въ каждомъ растеніи есть узкія волокнистыя канавки, и когда земля влажна, т. е. когда она напоена водой, то вода поднимается вверхъ по этимъ канавкамъ и разливается по всему растенію, по стволу, вѣтвямъ, листьямъ и т. д. Вмѣстѣ съ водою растеніе всасываетъ въ себя изъ земли и другую пищу, разныя вещества, находящіяся въ землѣ, которыя вода растворяетъ.

Изъ этого видно, что растеніе питается, какъ человѣкъ и животное, хотя у него и нѣтъ рта; только пища у растенія другая,

нежели у животнаго, и потомъ оно иначе её и ѣстъ, но также, какъ люди и животныя, безъ пищи жить не можетъ.

Когда долго нѣтъ дождя, и земля высохнетъ, то растенія, не находя въ почвѣ воды для своего питанія, не могутъ извлечь пищи, вянутъ, засыхаютъ и погибаютъ, но стоитъ только упасть обильному дождю, и растенія если еще не совсѣмъ умерли, тотчасъ оживаютъ, зеленѣютъ, принимаютъ веселый видъ, и тотчасъ радостно перешептываются съ вольнымъ вѣтеркомъ.

Канавки у растеній, благодаря которымъ травы и деревья могутъ питаться и жить, такъ узки, что ихъ можно разглядѣть только сквозь увеличительное стекло. *(С. Крамшгика).*

46. Конь.

Жадно, весело онъ дышитъ
Свѣжимъ воздухомъ полей:
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь—и въ полѣ
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ, какъ вѣтеръ: крутъ-ли встанетъ
На пути? отважный прянетъ—
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ
И потокъ клубится?—мигомъ,
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ—и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силъ!
Не на долго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не на долго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя....
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!
Снова въ дѣло, конь ретивый!
Въ сбруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно—вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.
(Языковъ).

47. Журавль.

I. Журавль, такъ сказать, самая видимая, всѣмъ извѣстная, мало укрывающаяся, отлетная птица. Онъ живетъ и въ рѣчи, и въ пословицахъ, и въ примѣтахъ народныхъ. Длинношеяго или длинноногаго человѣка какъ-разъ прозовутъ журавлемъ; не желая мѣнять вѣрное малое на невѣрное большое, говорятъ: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки». Выраженіе «въ небѣ» уже показываетъ высоту журавлинаго полета. Кто не слыхалъ ихъ пронзительнаго *журлыканья*, похожаго на отдаленные звуки валторнъ [1]) и трубъ, падающаго съ неба, съ вышины, недоступной иногда глазу человѣческому? Весело слушаетъ крестьянинъ весною эти звуки и вѣритъ имъ, хотя

[1]) Валторна—музыкальный духовой инструментъ, называемый лѣснымъ охотничьимъ рогомъ.

бы стояла холодная погода: эти звуки обѣщаютъ близкое тепло; зато въ жаркіе дни, какіе изрѣдка бываютъ у насъ въ исходѣ августа и даже въ началѣ сентября, крикъ высоко летящихъ журавлей наводитъ грусть на его сердце: «быть рано зимѣ», говоритъ онъ,—«журавли пошли въ походъ»,—и всегда почти вѣрно бываетъ такое предсказаніе.

Полетъ и крикъ журавлиный имѣютъ въ себѣ что-то привлекательное. Иногда станица ихъ очень долго кружится на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ кругомъ забираясь все выше и выше, такъ что наконецъ не увидитъ ихъ глазъ, и только крикъ, сначала густой, рѣзкій, зычный, потерявъ свою опредѣленность, доходитъ до насъ въ неясныхъ, мягкихъ, глухихъ и вмѣстѣ пріятныхъ звукахъ.

Вообще журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи, и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки—иногда въ началѣ августа, иногда въ исходѣ сентября; летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго по большей части гораздо длиннѣе. Такой неправильный треугольникъ летящихъ журавлей очень вѣрно называютъ на югѣ Россіи «журавлиный ключъ», потому что онъ имѣетъ совершенное сходство не съ нашими желѣзными нѣмецкими ключами, а съ простымъ, самодѣльнымъ, деревяннымъ ключемъ, которымъ запираются и задвигаются деревянные же внутренніе засовы клѣтей и амбаровъ. Впрочемъ изрѣдка полетъ журавлей представляетъ фигуру тупого и почти равносторонняго треугольника.

II. Вообще журавль довольно осторожная птица, и къ журавлиной стаѣ подъѣхать и даже подкрасться очень мудрено; но въ одиночку или въ парѣ, особенно если найдешь ихъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣваютъ гнѣздо, журавли гораздо смирнѣе, и на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ иногда можно подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Обыкновеннымъ образомъ стрѣлять журавлей очень трудно и мало убьешь ихъ, и надобно употреблять для этого особенные пріемы и хитрости, т. е. подкрадываться къ нимъ изъ-за кустовъ, скирдовъ хлѣба, стоговъ сѣна и пр. Можно также, узнавъ предварительно, куда летаютъ журавли кормиться, гдѣ проводятъ полдень, гдѣ ночуютъ и чрезъ какія мѣста пролетаютъ на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное мѣсто и ожидать въ немъ журавлей на перелетѣ, на корму или ночевкѣ; ночевку журавли выбираютъ на мѣстахъ открытыхъ, даже иногда близъ проѣзжей дороги; обыкновенно всѣ спятъ стоя, заложивъ голову подъ крылья, вытянувшись въ одинъ или два ряда и выставивъ по краямъ одного или двухъ сторожей, которые только дремлютъ, не закладывая головъ подъ крылья, дремлютъ чутко, и какъ скоро замѣтятъ опасность, то зычнымъ [1]), тревожнымъ крикомъ разбудятъ товарищей, и всѣ улетятъ.

---

[1]) Зычный—издающій громкій крикъ.

III. Журавль—сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ, съ твердыми когтями, и, наконецъ, въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, легко раненый журавль дѣлается опасной птицею для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его; скорость своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваніемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, онъ на всемъ бѣгу бросается на спину, начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой обороны: одного кривого охотника и одну кривую собаку; и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля.

IV. Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ нѣтъ ничего смѣшного; но какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки; до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзкое движеніе! Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали, или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка. *(С. Аксаковъ).*

48. Ершъ.

I. Имя ерша очевидно происходитъ отъ его наружности: вся его спина, почти отъ головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собою тонкою, пестрою перепонкой; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда вытащишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной хребетъ и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человѣкъ.

II. Складомъ своимъ ершъ совершенно сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длиною, но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я самъ видалъ ихъ въ пять вершковъ длиною. Слыхалъ также объ огромныхъ ершахъ сибирскихъ. Ершъ имѣетъ необыкновенно большіе, на выкатѣ, темно-синіе глаза; отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, идетъ у него жесткій гребень, почти въ вершокъ вышиною, который онъ можетъ поднимать и опускать; онъ оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это мѣсто занято у него другимъ небольшимъ гре-

бешкомъ, уже мягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавательное рыбье перо; ершъ колется, какъ окунь, если взять его неосторожно; онъ весь пестрый, кромѣ брюшка, но пестрины эти какого-то темнаго цвѣта; онъ весь блеститъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью въ такомъ изобилiи, что ершъ превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима. Хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія перья бѣловато-сѣрыя.

III. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ и глинистыхъ, также и въ озерахъ, заливаемыхъ полою весеннею водою. Гдѣ ершей много и они крупны, тамъ уженье ихъ необыкновенно изобильно и пріятно; клюютъ гораздо жаднѣе со дна, чѣмъ на вѣсу; удочки для нихъ употребляются среднія.

(*С. Аксаковъ*).

49. Заяцъ.

I. Наружность зайца извѣстна всѣмъ, но онъ имѣетъ въ себѣ замѣчательную способность: это—устройство его заднихъ ногъ, которыя гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно эластическими [1]), крѣпкими, сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ, и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Присѣвъ на заднія ноги, т. е. сложивъ ихъ на сгибѣ, упершись въ какое-нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротою и силой разогнуть ихъ, что буквально бросаетъ на воздухъ все свое тѣло; едва обопрется онъ о землю передними лапками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчокъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіей, вытянутою въ воздухѣ. Безъ сомнѣнія, быстротѣ прыжковъ много способствуетъ крѣпость спиннаго хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бѣжать подъ гору и, наоборотъ, очень ловко—на гору или въ гору. Перваго онъ всегда избѣгаетъ; но, вынужденный иногда къ тому преслѣдованіемъ враговъ, преимущественно борзыхъ собакъ, онъ нерѣдко скатывается кубаремъ съ вершины до самой подошвы горы. Заяцъ не ходитъ, а только прыгаетъ; онъ даже не можетъ стоять вдругъ на всѣхъ четырехъ ногахъ: какъ скоро онъ останавливается на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги,—такъ онѣ длинны. Онъ особенный мастеръ вдругъ сѣсть на всемъ бѣгу, и охотники говорятъ, что заяцъ садокъ. Надобно еще замѣтить, что шея у зайца не повертывается, и онъ не можетъ оглянуться назадъ; услыхавъ какой-нибудь шумъ сзади или сбоку, онъ упирается на заднія ноги, перекидываетъ всего себя въ ту сторону, откуда послышался шумъ, садится на корточки, какъ сурокъ, и насторожитъ свои длинныя уши. Зайцы положительно травоядныя животныя, хотя имѣютъ очень острые зубы, которыми больно кусаются, если возьмутъ ихъ въ руки неловко: живого зайца должно всегда держать за уши и

---

1) Эластическій—упругій, растяжимый.

за заднія ноги. Когда есть трава, зайцы питаются ею, также древесными листьями, всякими хлѣбными посѣвами и особенно любятъ озимь. Зимою гложутъ они древесную кору предпочтительно молодыхъ осинъ и таловыхъ [1]) кустовъ, а въ степяхъ всякую травяную ветошь [2]), разгребая для того своими лапками довольно большіе снѣжные сугробы. Плодовые сады могутъ жестоко пострадать отъ зайцевъ въ продолженіе зимы, если не будутъ взяты извѣстныя предохранительныя мѣры.

II. Заяцъ—самое робкое и беззащитное твореньe. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицей: «трусливъ, какъ заяцъ». Мнѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря, и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневного убѣжища, встаетъ съ логова; ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ и жируетъ, то-есть рѣзвится и вообще исполняетъ всѣ требованія природы; съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своей мордочкой, опушенною рѣдкими, но довольно длинными бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи заяцъ исходитъ особенно по открытымъ полямъ и горамъ нѣсколько верстъ, что каждый охотникъ, сходившій русаковъ по маликамъ [3]), извѣдалъ на опытѣ.

III. Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза, большіе, темные, на выкатѣ— не косы: это знаетъ каждый; но, будучи пугливъ, торопливъ и не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника или на пенекъ; оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ неловкихъ движеній назвали его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго второпяхъ мимо того предмета, который онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: «Эхъ, ты, косой заяцъ», или: «Куда забѣжалъ скосу?» Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно, это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ.

Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя и легавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но, кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ

---

1) Талъ—особое растеніе.

2) Ветошь—здѣсь значитъ высохшую и изгнившую траву.

3) Сходить зайца по маликамъ—значитъ отыскать его по слѣдамъ.

летаютъ и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое логово; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется въ чистыхъ поляхъ), то непремѣнно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ—увидитъ и, зашумѣвъ, какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого; даже ночью сторожатъ зайцевъ, на мирныхъ гулянкахъ, большія совы и филины. Мнѣ разсказывали охотники, что совы и филины ловятъ по ночамъ зайцевъ слѣдующимъ образомъ: они подстерегаютъ ихъ на тропахъ; одною ногой сова вкогтится въ зайца, другою ухватится за вѣтку куста или дерева и, такимъ образомъ, держитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другою лапой и окончательно задушитъ. (*С. Аксаковъ*).

50. Золото и желѣзо.

1. Сходство. И золото и желѣзо — металлы. И золото и желѣзо находятъ въ нѣдрахъ земли: очень рѣдко находятъ ихъ въ чистомъ видѣ, а почти всегда въ видѣ руды, т. е. съ примѣсью другихъ веществъ. Какъ золото, такъ и желѣзо добываются въ рудникахъ рудокопами, плавятся и не горятъ. Оба металла мягки и ковки; они тяжелѣе воды. И золото и желѣзо приносятъ пользу человѣку.

2. Различіе. Золото встрѣчается въ землѣ не только въ видѣ руды, но и въ видѣ розсыпей; этого не бываетъ съ желѣзомъ. Золото плавится легче желѣза, а желѣзо куется лучше золота. Золото употребляется на выдѣлку монетъ и различныхъ украшеній, а желѣзо на различныя полезныя издѣлія. Изъ золота не дѣлаютъ вещей, не добавляя къ нему другого металла; изъ желѣза же приготовляются различныя издѣлія, безъ всякой къ нему подмѣси; поэтому на желѣзѣ не выставляютъ пробы, а на золотыхъ вещахъ всегда есть проба. Золото полируется гораздо лучше желѣза и больше его блеститъ. Фунтъ желѣза стоитъ около пяти копѣекъ, а фунтъ золота пятьсотъ рублей; значитъ, золото почти въ десять тысячъ разъ дороже желѣза. Золотомъ покрываютъ другіе металлы, а желѣзо не имѣетъ такого назначенія. Въ природѣ встрѣчается вода, въ которой есть желѣзо; но нѣтъ такой воды, въ которой было бы золото. Мы знаемъ три вида желѣза: чугунъ, полосовое желѣзо и сталь; золото не производитъ различныхъ видовъ при переработкѣ. Желѣзо не только гораздо доступнѣе человѣку, чѣмъ золото, по цѣнѣ, но и совершенно необходимо, между тѣмъ какъ безъ золота человѣку легко обойтись. Золото—желтое, а

желѣзо—черное; желѣзо тверже и болѣе упруго, чѣмъ золото. Золото не ржавѣетъ, а желѣзо отъ сырости покрывается ржавчиной; золото не покрываютъ слоемъ краски, а желѣзо красятъ. Золото называютъ драгоцѣннымъ, а желѣзо—простымъ металломъ [1]).

51. Птица и рыба.

Сходство. Какъ птица, такъ и рыба принадлежатъ къ царству животныхъ. Онѣ одарены дыханіемъ, способностью быстро двигаться, добывать себѣ пищу и переваривать ее въ красную кровь. Въ обоихъ этихъ видахъ животнаго царства природа выказала удивительную изобрѣтательность и чрезвычайное разнообразіе какъ въ величинѣ, такъ и въ наружности. Даже въ самомъ наружномъ убранствѣ рыбъ и птицъ есть нѣчто сходное—это перья. Нѣкоторые виды рыбъ и птицъ живутъ исключительно хищничествомъ. Человѣкъ одинаково пользуется обоими видами животнаго царства, ибо онъ питается не только мясомъ и яйцами птицъ, но также мясомъ и икрою рыбъ.

Вотъ сходство двухъ названныхъ видовъ животныхъ, но есть между ними и много различныхъ признаковъ.

Различіе. Птица одѣта перьями и у ней есть крылья, чтобы летать, а рыба покрыта чешуей и приспособлена природой къ плаванію. Стихія птицы—воздухъ, а рыба живетъ въ водѣ. У птицы есть клювъ и ноги, а у рыбы плавательныя перья и плавательный пузырь. Всѣ птицы имѣютъ голосъ или издаютъ звуки, а многія даже плѣняютъ нашъ слухъ своимъ пѣніемъ, тогда какъ нѣмота и безгласіе рыбъ вошли въ пословицу. Рыба мечетъ въ прѣсной водѣ множество крошечныхъ яичекъ, оставляя ихъ на произволъ солнца, тогда какъ птицы сами высиживаютъ птенцовъ изъ немногихъ яицъ. У рыбы холодная кровь, а у птицъ теплая.

52. Дерево и трава.

У дерева крѣпкіе корни, твердый, толстый стволъ, раскидистыя суковатыя вѣтви, покрытыя или листьями или иглами.

У травы корень легко вырвать изъ земли, стебель ея тонкій, мягкій, вѣточки небольшія.

Деревья растутъ цѣлыми лѣсами; въ лѣсу тѣсно, прохладно, сыро. Тамъ водятся всякіе звѣри, тамъ много грибовъ, ягодъ.

Трава зеленѣетъ какъ коверъ на лугу, и на немъ пестрѣютъ желтые, бѣлые, красненькіе, синіе цвѣты. На лугу просторно, кругомъ видишь небо, солнце жарко мечетъ, но легкій вѣтерокъ спасаетъ отъ зноя.

Дерево идетъ на дрова, на постройки; трава служитъ кормомъ скоту.

---

[1]) *Замѣтка.* Опредѣлить сходство и различіе двухъ предметовъ—значитъ *сравнить* ихъ. Теперь мы показали, чѣмъ золото похоже на желѣзо и чѣмъ оно не похоже на него; слѣдовательно, мы сравнили золото съ желѣзомъ.

53. Конь и верблюдъ.

1. Верблюдъ—драгоцѣнное животное въ степи. Ни лошадь, ни какое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь все-таки избалованное животное, требуетъ ухода, а если и можетъ обойтись безъ овса, то всегда нуждается въ чистой и вкусной водѣ, въ сочной травѣ; она не станетъ ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А гдѣ прикажете взять и ту, и другую, когда каравану [1]) приходится на длинныхъ переходахъ, иногда нѣсколько дней сряду, тянуться по бѣдной и безплодной степи, на которой только и растетъ ковыль, или горькая полынь, или осока и другія противныя для лошади травы; откуда взять чистую воду, когда и горькая вода—рѣдкость въ степи? Совсѣмъ другое дѣло—верблюдъ. Верблюдъ переносчивъ: онъ пьетъ и горькую, и застоялую, и перепорченную воду; онъ можетъ день, два, три дня пробыть безъ пойла, и такъ же усердно носитъ свою ношу, какъ-будто никогда не былъ знакомъ съ водой. Обыкновенно же поятъ верблюда водой лѣтомъ, одинъ разъ въ продолженіе двухъ или трехъ сутокъ, если нѣтъ хорошаго водопоя. За лошадью много ухода: и безъ того ужъ усталому работнику надо тратить силы, чтобъ ее распрячь или развьючить, потомъ ее нужно выводить, потомъ напоить, стреножить, цѣлую ночь пасти, глядѣть за нею съ осторожностью, чтобъ она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы къ чужому табуну; наутро ее надо снова напоить и снова, при большихъ трудахъ, навьючить, т. е. работнику нужно высоко надъ собою, на рукахъ, поднимать тяжелые вьюки, чтобы взвалить ихъ ей на спину; потомъ должно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюкомъ въ продолженіе цѣлой дороги.

2. Съ верблюдомъ хлопотъ меньше. Съ окончаніемъ перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную къ колышку, продѣтому у животнаго сквозь ноздри—и верблюдъ становится на колѣни; работникъ безъ труда сбрасываетъ съ него тюки и пускаетъ верблюда на волю. Ни треножить, ни пасти верблюда не нужно: онъ самъ найдетъ себѣ пищу, самъ себя упасетъ и не отойдетъ далеко отъ стоянки. Верблюдъ скоро наѣдается и потомъ всю ночь лежитъ, не вставая съ мѣста; только немногіе, какъ исключеніе изъ общаго правила, или бродятъ ночью по близости лагеря, или стоятъ на одномъ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ. Къ утру верблюдъ, по слову «чокъ», опять падаетъ на колѣни; киргизъ безъ чувствительной траты силъ и безъ особенныхъ хлопотъ наложитъ ему ношу и кое-какъ перепутаетъ ее веревками, не опасаясь, что онѣ развяжутся въ дорогѣ отъ движенія животнаго, и что чужой товаръ можетъ свалиться съ

---

1) Караванъ—обыкновенно рядъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами, торговый обозъ въ степи, въ пустынѣ. Караванная торговля такая, которая ведется посредствомъ верблюдовъ.

горбатаго «корабля пустыни». Только зимою съ верблюдомъ немного больше хлопотъ, именно потому, что онъ никогда ни на снѣгъ, ни на мерзлую землю не ложится. Для этого нужно сгрести съ назначеннаго для ночлега верблюдовъ мѣста снѣгъ и вскопать промерзлую землю особеннымъ орудіемъ, называемымъ кептонъ: это родъ круглаго топора и вмѣстѣ заступа, надѣтаго на длинноватую палку въ нарочно устроенное для того отверстіе. Мѣсто для ночлега верблюдовъ выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было отъ непогоды, напримѣръ: логъ или увалы между холмовъ, или заросшее кустарникомъ пространство. Ежели по близости оттуда растетъ камышъ, то сгребаютъ снѣгъ, а землю не вскапываютъ, но только покрываютъ ее камышемъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ всѣ вмѣстѣ. Но если бы случилось, что на притонѣ нѣтъ удобнаго мѣста для укрытія животныхъ, то верблюдовъ на ночь окружаютъ высокою стѣною или оградою, сложенною изъ товарныхъ тюковъ. На этомъ-то животномъ, прозваномъ кораблемъ пустыни, и совершается въ степи караванная торговля. *(В. Даль)*

54. Ничего не пропадаетъ.

Правда-ли, что ничего не пропадаетъ? А вотъ, околѣла лошадка, бросили ее, зарыли въ полѣ,—и конецъ. Нѣтъ, тутъ еще не все кончено: трупъ лошадки истлѣетъ, часть его высохнетъ, часть обратится въ землю, изъ земли выростетъ трава, а этою травою будетъ кормиться другая молодая лошадка. Разсыпался камень, сталъ песвомъ; а изъ песку вышелъ вонъ тотъ холмъ, на которомъ растетъ столько сосенъ. Оврагъ высохъ, вода ушла въ воздухъ, а глядишь: потомъ опять гдѣ-нибудь упала изъ облаковъ и течетъ въ рѣчку. Такъ бываетъ въ природѣ; а и человѣкъ заботится о томъ, чтобы ничего не пропадало. Сколько сору и всякой нечистоты выбрасываютъ изъ избы, изъ домовъ въ тѣсныхъ городахъ! Соръ и нечистота, оставаясь на дворѣ, заразили-бы воздухъ, и всѣмъ извѣстно, что холера болѣе всего губила народу тамъ, гдѣ люди жили грязно. Но умный человѣкъ и то, что вредно, сумѣетъ обратить въ пользу. Помойныя ямы и вообще мѣста, гдѣ скопляется всякая гниль, засыпаютъ известью вмѣстѣ съ толченымъ углемъ: такъ онѣ не портятъ воздуха и потомъ даютъ отличное удобреніе для пашни. А затѣмъ тряпичники ходятъ въ городахъ собирать всякую дрянь: обглоданную кость, обломки желѣза, обрывки кожи, всякое негодное тряпье. Все это на фабрикахъ идетъ въ прокъ. Изъ костей и кожи вывариваютъ клей; изъ костей же добываютъ такое бѣлое, горючее вещество, называемое фосфоромъ, которое, вмѣстѣ съ сѣрою, вы найдете на кончикѣ зажигательной спички. Спичка и загорается отъ фосфора, да одинъ фосфоръ быстро сгорѣлъ-бы, не успѣвъ зажечь дерева, изъ котораго сдѣлана спичка; такъ чтобы этого не было, прибавляютъ сѣры; фосфоръ зажигаетъ горючую сѣру, а сѣра спичку. Фосфоръ похожъ цвѣтомъ на воскъ,

сѣра желтая, а кончики спички бываютъ красные, зеленые, всякіе— отъ краски, которой тутъ еще прибавляютъ. Такъ знай-же, что частица кости, которую ты глодалъ, можетъ быть, очутилась въ той самой спичкѣ, которую ты теперь разсматриваешь. Потри ея кончикъ въ темнотѣ хоть между пальцами, ты увидишь свѣтъ и на пальцахъ: это горитъ фосфоръ, добываемый изъ кости. Только смотри, не обожги руки: фосфоръ ядовитъ, и тутъ отъ обжога можетъ быть очень опасная рана. Древесная зола, какая остается въ печи, идетъ на добываніе поташа, который примѣшиваютъ къ песку, когда топятъ изъ него стекло, и къ салу, когда варятъ изъ сала мыло. Всякій ржавый гвоздь и обломки желѣза можно переплавить, и на заводѣ изъ нихъ можетъ выйдти красивый топоръ, ножикъ. Шерстяныя лохмотья тоже могутъ пригодиться: на шерстяныхъ фабрикахъ ихъ снова треплютъ, перемываютъ и опять получаютъ шерсть, изъ которой приготовляютъ платье. Если это шерсть тонкая, дорогая, то выгодно собирать такіе остатки старой одежды. А старое полотняное тряпье служитъ для приготовленія бумаги, на которой ты пишешь. Думалъли ты, что твоя рубашка можетъ обратиться въ писчую бумагу? Тамъ, гдѣ народъ промышленный, идетъ въ прокъ все, что въ другомъ мѣстѣ бросаютъ. *(Изъ «Кн. для перв. чт.» Водовозова)*.

55. Явленія природы должны возбуждать въ насъ какъ благодарность къ Богу, такъ и благоговѣніе предъ Нимъ.

I. По благости Божіей *замерзаніе воды* является могущественнымъ средствомъ для поддержанія жизни въ природѣ. Особенно замѣчателенъ тотъ законъ, отличающій воду отъ многихъ другихъ тѣлъ, по которому вода при своемъ замерзаніи расширяется и ледъ бываетъ легче воды. А потому вода замерзаетъ только на поверхности. Въ какомъ-либо большомъ прудѣ количество воды, превратившейся въ ледъ, оказывается весьма незначительнымъ въ сравненіи съ количествомъ воды, остающейся въ жидкомъ состояніи. Между тѣмъ ледяная кора защищаетъ находящуюся подъ ней воду отъ дальнѣйшаго охлажденія, такъ что даже въ сильные морозы вода рѣкъ и прудовъ содержитъ въ себѣ слишкомъ три градуса тепла. Пробивая ледяную кору, человѣкъ и зимой можетъ удобно доставать для себя воду. Жизнь рыбъ и другихъ тварей, обитающихъ въ водѣ, продолжается и въ холодное время года.

II. Весной и особенно лѣтомъ у насъ не рѣдко замѣчаются явленія *молніи и грома* Эти явленія много способствуютъ благорастворенію (т. е. очищенію) воздуха, но еще большее значеніе имѣютъ они для нашей души, возбуждая въ насъ спасительный страхъ и съ силой напоминая намъ о непрочности земного и о томъ, что наша земная жизнь легко можетъ прекратиться, и что продолженіе ея находится въ полной власти Господа Бога.

III. Въ теплое время года мы иногда видимъ явленіе *радуги*. Это явленіе происходитъ вслѣдствіе преломленія лучей солнца въ каплѣхъ дождя и отраженія отъ нихъ, причемъ солнечный свѣтъ разлагается на семь цвѣтовъ.

Красоту этого явленія такъ описываетъ Іисусъ, сынъ Сираха: «взгляни на радугу и прославь Сотворившаго ее; прекрасна она въ сіяніи своемъ! Величественнымъ кругомъ своимъ она обнимаетъ небо; руки Всевышняго распростерли ее» (Сир. 43, 12, 13). Но особенно дорого для насъ явленіе радуги, какъ напоминаніе о завѣтѣ, который послѣ всемірнаго потопа заключилъ Господь Богъ съ человѣческимъ родомъ (Быт. 9, 8—17); при семъ радуга поставлена знаменіемъ того, что «не будетъ болѣе вода потопомъ на истребленіе всякой плоти» (ст. 15).

IV. Плодородіе земли зависитъ отъ обилія *свѣта, тепла и влаги*, и равно отъ соразмѣрнаго и правильнаго теченія явленій природы. Но нерѣдко замѣчаются частыя нарушенія этой правильности. Такъ иногда лѣтніе жары дѣйствуютъ съ чрезмѣрною силой и при недостаткѣ дождей производятъ страшныя засухи; иногда обиліе дождей препятствуетъ уборкѣ хлѣба и травъ и бываетъ опустошительнымъ; иногда поздній холодъ гибельно дѣйствуетъ на растенія; иногда влага выдѣляется изъ атмосферы въ видѣ града, побивающаго засѣянныя поля; иногда появляются въ огромномъ количествѣ мелкія животныя и насѣкомыя, которыя много вредятъ хлѣбу и другимъ произрастеніямъ земли. Но значеніе всѣхъ такихъ явленій, разрушительныхъ для внѣшней жизни, ясно раскрыто намъ въ словѣ Божіемъ. По ученію его, эти явленія свидѣтельствуютъ о правосудіи и благости Божіей: потому, что съ одной стороны посылаются въ наказаніе за грѣхи людей, а съ другой служатъ средствомъ для исправленія ихъ. Пророкъ Моисей обѣщаетъ народу израильскому плодородіе земли только въ случаѣ покорности его волѣ Божіей и говоритъ: «откроетъ тебѣ Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтобъ оно давало дождь землѣ твоей во время свое, и чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ» (Втор. 28, 12); но за грѣхи и нечестіе угрожаетъ «засухою, палящимъ вѣтромъ» и другими бѣдствіями (ст. 22 — 24). Пророкъ Іоиль, говоря объ истребленіи плодовъ и хлѣба въ землѣ Іудейской саранчею и другими насѣкомыми, призываетъ народъ къ покаянію, и обѣщаетъ снова плодородіе и помилованіе (гл. 1 и 2). Святая Церковь не напрасно установила и общія молитвы объ изобиліи плодовъ, и особыя моленія, когда предстоитъ опасность неурожая. И опытъ древнихъ и новыхъ временъ ясно показываетъ, какъ сильны и дѣйственны бываютъ эти молитвы, приносимыя съ покаяніемъ и вѣрой.

Такъ, «милостивъ Господь, и праведенъ, и милосердъ Богъ нашъ» (Псал. 114, 5). «Праведенъ Господь во всѣхъ путяхъ Своихъ и благъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ» (Псал. 117, 17). И въ грозныхъ явленіяхъ природы открывается Его благость, многоразличными средствами устрояющая наше спасеніе. (*Д. Ѳ. Голубинскій*).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

РОДИНА.

1. Русское государство.

I. Россія есть самое обширное изъ всѣхъ государствъ на свѣтѣ: она тянется отъ сѣвера къ югу на четыре тысячи верстъ, а отъ запада къ востоку на тринадцать тысячъ верстъ. На сѣверѣ земли русскія примыкаютъ къ Ледовитому океану, на западѣ — къ Балтійскому морю, а на югѣ къ Черному и Каспійскому морямъ. Ледовитый океанъ далеко вдается въ землю и образуетъ заливъ, называемый Бѣлымъ моремъ. Балтійское море образуетъ три залива: Рижскій, Финскій и Ботническій, а Черное море — одинъ заливъ, называемый Азовскимъ моремъ.

Отъ Ледовитаго океана къ Каспійскому морю тянутся Уральскія горы, которыя дѣлятъ Россію на двѣ неравныя части: большая часть Россіи лежитъ къ востоку отъ Уральскихъ горъ, въ Азіи, и называется Сибирью; меньшая же часть Россіи, по сю сторону Уральскихъ горъ, называется Европейской Россіею. Между Чернымъ и Каспійскимъ морями находятся Кавказскія горы; внутри Россіи лежатъ невысокія Валдайскія горы, которыя замѣчательны тѣмъ, что съ нихъ текутъ самыя большія рѣки Россіи.

Не мало скопилось воды и внутри Россіи; въ ней есть озера, которыя тянутся въ длину на сотни верстъ, а рѣки прорѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ. Изъ рѣкъ особенно замѣчательны: Сѣверная Двина, Нева, Западная Двина, Нѣманъ, Висла, Днѣпръ, Донъ, Волга съ притоками Окой и Камой и Уралъ.

II. Какъ обширно наше отечество, такъ разнообразна и его природа. На крайнемъ сѣверѣ большую часть года свирѣпствуетъ зима, а на югѣ въ иныхъ мѣстахъ зимы почти совсѣмъ не бываетъ. На сѣверѣ растетъ одинъ только мохъ, а на югѣ растутъ самыя разнообразныя деревья, которыя круглый годъ покрыты зеленью. Однѣ мѣстности сплошь покрыты дремучими лѣсами, а въ другихъ мѣстахъ нѣтъ ни одного деревца. Въ Россіи есть плодородныя черноземныя мѣстности, но есть и безплодныя, песчаныя пустыни, которыя тянутся на сотни верстъ.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ
ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ
ЛАПЛАНДІЯ
ШВЕЦІЯ
ФИНЛЯНДІЯ
СИБИРЬ
Обь
Енисей
Лена
Колыма
Индигирка
Яна
Алдан
Амгунь
Амур
Архангельскъ
р.Онега
р.С.Двина
Петрозаводскъ
Оз.Онежское
Оз.Ладожское
Ревель
Выборгъ
Б.Балтійскій порт
С.ПЕТЕРБУРГЪ
Кронштадтъ
Чудское оз.
Ильмень оз.
Новгородъ
Рыбинскъ
Вологда
Кострома
Вятка
Пермь
р.Вятка
р.Волга
Рига
Псковъ
Тверь
Ярославль
Владиміръ
Казань
р.Кама
Уфа
р.Белая
р.Зап.Двина
р.Днѣпръ
р.Ока
Нижній Новгородъ
Ковно
Вильно
Смоленскъ
Москва
Симбирскъ
Пруссія
р.Нѣманъ
р.Висла
Гродно
Калуга
Рязань
Тула
Сызрань
Пенза
Самара
Оренбургъ
Варшава
Минскъ
Могилевъ
Орелъ
Тамбовъ
Уральскъ
р.Припетъ
Черниговъ
Курскъ
Воронежъ
Саратовъ
р.Десна
Австрія
Житомиръ
Кіевъ
Полтава
Харьковъ
р.Днѣпръ
К.Подольскъ
Камышинъ
Царицынъ
р.Прутъ
Екатеринославъ
Новочеркасскъ
Кишиневъ
Херсонъ
Ростовъ
р.Донъ
Одесса
Астраханъ
Румынія
Крымскій полуостровъ
Крымъ
р.Кубань
Ставрополь
Симферополь
Севастополь
р.Дунай
р.Терекъ
Каспійское море
Черное море
Поти
Кавказскія горы
Батумъ
Тифлисъ
Баку
р.Кура
Константинополь
Азіатская Турція
р.Араксъ
Персія
КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ

Для удобства управленія вся Россія раздѣлена на губерніи и области; губерніи раздѣлены на уѣзды, а уѣзды на волости. Въ каждой губерніи находится по нѣсколько городовъ, изъ которыхъ одинъ называется губернскимъ, а другіе уѣздными. Въ губернскомъ городѣ сосредоточено управленіе губерніею, а въ уѣздномъ—управленіе уѣздомъ. Городъ, въ которомъ живетъ Государь Императоръ и сосредоточено управленіе всѣмъ государствомъ, называется столицею; столичныхъ городовъ въ Россіи два: Петербургъ и Москва. Въ Россіи насчитывается до ста губерній и областей, до ста различныхъ народовъ, въ ней живетъ болѣе ста милліоновъ людей. Всѣ эти губерніи и области, всѣ эти народы, всѣ эти милліоны людей повинуются одному Государю—Православному Русскому Царю.

2. Русская земля.

I. Сѣверный край Россіи.

1. По всей длинѣ своей, съ сѣвера, Россія прилегаетъ къ громадному океану, который называется Ледовитымъ, потому что покрытъ нетающими льдами. Въ этомъ заключается самое большое несчастье русскихъ. Цѣлую вѣчность, отъ сотворенія міра, бродитъ льды въ океанѣ съ мѣста на мѣсто. На мелкихъ мѣстахъ набивается ихъ столько, что они кажутся волшебными замками бѣлаго, какъ мѣлъ, или сѣраго цвѣта. На глубокихъ мѣстахъ льды громоздятъ цѣлыя высокія горы. Крѣпкіе, устойчивые и продолжительные вѣтры приносятъ ледяныя горы раннею осенью, на всю зиму, къ Россіи. Здѣсь онѣ уже находятъ намерзшій у береговъ молодой ледъ, такъ называемые припаи, толщиною до двухъ саженъ. Выходя изъ чудовищнаго громаднаго ледника и проходя по неоглядным ледянымъ полямъ, океанскіе вѣтры приносятъ на берега необычайное количество стужи. Стужи этой хватаетъ на большую половину Россіи; хватило бы ея и на все наше отечество, если бы холодъ вѣтровъ, въ теченіи ихъ, не удерживали попутныя горы, не умѣряли громадные лѣса, не смягчали теплые пары воздѣланныхъ земель, и если бы не осиливало ихъ встрѣчное теченіе южныхъ (теплыхъ) вѣтровъ.

Лѣтомъ прибрежные припаи и океанскіе льды уйдутъ частью въ даль, частью растаютъ на солнечныхъ лучахъ: океанъ у береговъ сдѣлается открытымъ и чистымъ; океанская вода отъ солнечнаго жара начнетъ испаряться, сдавать туманами. Туманы до того густы, что застилаютъ свѣтъ Божій и въ теченіе всѣхъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ затрудняютъ плаваніе, и столь часты и насыщены влагой, что влаги этой достаточно для образованія громады облаковъ. Облака покрываютъ сѣверное русское небо въ такомъ обиліи, что дожди весной и осенью и большую половину лѣта льютъ почти безпрерывно.

Частымъ дождямъ и глубокимъ снѣгамъ удалось превратить землю въ рыхлыя, мокрыя, неоглядныя и глубокія трясины и болота.

Въ этомъ второе несчастье нашего отечества отъ сосѣдства его съ Ледовитымъ океаномъ и съ тѣми частями его, которыя, въ видѣ морей и губъ (заливовъ), врѣзались въ твердую землю. Таковы моря: Бѣлое и Карское, губы: Обская, Енисейская, Ленская и другія.

Итакъ—весь сѣверный берегъ Россіи примыкаетъ къ студеному океану. Если мы придемъ на его берега и вглядимся въ нихъ, то на первыхъ же шагахъ у самой воды натолкнемся на мертвый, голый и холодный камень—гранитъ. Въ гранитные камни эти, какъ въ рамку или оправу, закованы всѣ берега океана на всемъ безпредѣльномъ протяженіи своемъ во всю длину Россіи. Вездѣ, на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя обращены прямо къ морю и сѣверу, холодные вѣтры изнобили всякую растительность, вывѣтрили даже самый гранитъ. Вѣтры разбиваютъ его на мелкіе камни, разсыпаютъ эти камни въ мелкій песокъ, и песокъ смываетъ вода или уносятъ тѣ же вѣтры прочь съ берега. Прозябанію здѣсь негдѣ быть, не за что уцѣпиться; а если и появляется оно отъ животворныхъ лучей лѣтняго солнца, то укрѣпляетъ корни подъ водою, растетъ въ водѣ, и потому называется водорослями. Самый берегъ мертвъ и пустыненъ. Бьютъ въ него вѣчно-холодныя волны, вздымаемыя морскими вѣтрами до пяти саженъ высотою. Обмываютъ каменныя твердыни, гранитныя громады и песчаные пустыри приливы и отливы воды, которая два раза въ сутки прибываетъ и два раза отливаетъ назадъ. Въ теченіе шести часовъ лѣзетъ море на берегъ и, дойдя до извѣстной границы, въ высоту иногда до 8 саженъ, начинаетъ отходить въ продолженіе слѣдующихъ шести часовъ. На самое короткое время вода остается неподвижною на той поверхности, которая всегда ниже всѣхъ мѣстъ на землѣ, даже дна самыхъ глубокихъ враговъ. И снова вода пойдетъ прибывать, снова начнется на шесть часовъ приливъ,—и такъ вѣчно и непрерывно.

2. Изъ морской глубины выйдемъ на берегъ и оглядимся.

На берегу лѣто. Живительное солнышко не сходитъ съ неба въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ: съ конца мая почти до конца іюля. На берегахъ Ледовитаго океана на мѣсто десятимѣсячной зимы стоитъ девятинедѣльное красное лѣто. Снѣгъ подъ лучами солнца исчезъ; его нѣтъ даже и въ тѣнистыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ вообще любитъ залеживаться. Кажутъ сѣрымъ, мертвымъ цвѣтомъ гранитныя массы подлѣ воды, и глядитъ голыцомъ весь тотъ берегъ, который обращенъ къ сѣверу и подверженъ вѣянію холодныхъ и зимнихъ вѣтровъ. Но мы видимъ и такія мѣста, ложбинки, лощины, такія углубленія, которыхъ морскіе вѣтры продувать не могутъ: они дуютъ только поверхъ ихъ. Въ углубленіяхъ этихъ мы разглядимъ прозябаніе и не ошибемся: вездѣ тамъ, гдѣ чуть успѣла прилѣпиться и улежаться хоть горсточка земли, вездѣ тамъ солнышко и теплота его сумѣли сдѣлать свое дѣло, т. е. завязали растеніе. Сѣлъ желтоватый мохъ, распластался сѣрый лишай, или ягель. Подлѣ нихъ пустила корешокъ морошка, разбросала цѣпкія вѣтки и усики ягода воронича. Обѣ дали плодъ, т. е. ягоду, и

обѣ не проросли корнями всю землю, хоть и земли этой всего только горсточка, но подъ ней всегда лежитъ холодный камень.

Только тамъ, гдѣ земля ушла дальше отъ океана и гдѣ попадаются на ней склоны къ югу и на теплые вѣтры, выростаетъ терпѣливый можжевельникъ и цѣпко лѣпится книзу, къ землѣ. Еще дальше—растетъ и березка, но такая несчастная и сиротливая, что съ трудомъ признаютъ ее за березу и называютъ сланкой за то, что нейдетъ она вверхъ, а стелется по землѣ. Выше аршина не поднимаются отъ земли эти три сорта деревьевъ, только три сорта. Больше и неспособна произращать и держать на себѣ эта земля, насквозь пропитанная водой, разсыпчатая, распластанная на каменномъ подножіи; это бураго цвѣта *тундра*. Тундра, лѣтомъ и на солнечной жарѣ успѣваетъ оттаивать только на полъ-аршина и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кое-гдѣ и кое-когда покрывается кой-какими цвѣтами. И эта жалкая, ни къ чему непригодная земля, эта мертвая тундра съ кустарниками, но безъ лѣса, съ растеніями, но безъ зелени, устилаетъ весь сѣверъ Россіи, верстъ на 500 отъ океана и тысячъ на пятнадцать верстъ во всю длину отечества нашего. Тундра тянется и дальше, входитъ въ лѣса, и тамъ имѣетъ видъ зыбуновъ и трясинъ и всѣмъ извѣстна подъ общимъ именемъ болотъ. Болота и топи далеко и обильно распространились по русской землѣ.

Въ тундрѣ постоянно можетъ жить одинъ только олень, и то потому, что онъ ничего больше не ѣстъ кромѣ ягеля и одаренъ такимъ чутьемъ, что слышитъ его и зимою, на аршинъ подъ снѣгомъ, и добирается до него, разбивая копытомъ ледяной черепъ. Разрывши снѣгъ въ одномъ мѣстѣ и съѣдая тутъ весь мохъ, олень идетъ дальше, туда, гдѣ мохъ не початъ. Такимъ образомъ олень постоянно кочуетъ, а съ нимъ и за нимъ и человѣкъ, который пристроилъ жизнь свою къ оленьимъ стадамъ и устроилъ ее такъ, что безъ этихъ животныхъ и жить не можетъ. Тамъ, гдѣ по тундрѣ разстилаются сухія пространства, являются и оленьи стада, а съ ними и человѣкъ; а тамъ, гдѣ пространство сухое защищено скалой или пригоркомъ, человѣкъ ладитъ свое утлое жилище. Лопари строятъ вѣжи, самоѣды—чумы, остяки, тунгусы, чукчи и алеуты—юрты *). И тѣ и другія жилища народы эти разбираютъ такъ же скоро, какъ и становятъ, и везутъ ихъ на иныя, новыя мѣста, какія укажутъ имъ тѣ же олени. Здѣсь не животное покоряется человѣку, а человѣкъ повинуется животному. Отъ оленя эти народы получаютъ все, что имъ нужно: и пищу, и одежду; на оленяхъ же кочуютъ они съ мѣста на мѣсто. Лѣтомъ, когда оттаетъ тундра и ее окружитъ безчисленное множество комаровъ и оводовъ, не рѣдко доводящихъ человѣка до изнеможенія и смерти, олень бѣжитъ спасаться въ воду, чаще на берегъ моря. Тамъ стоитъ онъ въ водѣ по самую шею въ то время, когда хозяева его обложи-

*) Вѣжи, чумы и юрты—родъ шалашей.

лись кругомъ хворостомъ, зажгли его и сидятъ окруженные густымъ, чернымъ дымомъ. Въ такую пустыню человѣкъ могъ зайти случайно и остался въ ней потому, что природа наградила его способностью привыкнуть и поселиться даже и тамъ, гдѣ ни одно животное не выдерживаетъ, и потому еще, что на тундрѣ, кромѣ оленя, существуютъ разныя приманки. Роетъ себѣ норы бѣлый песецъ—лакомый кусъ дикарей—съ теплымъ, густымъ мѣхомъ; играетъ на снѣгу маленькій серебристый горностай; рыщетъ голодный волкъ и хищная рысь. Лѣтомъ же прилетаютъ сюда изъ дальнихъ странъ безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ: первою—дикій бѣлый лебедь, потомъ—четырехъ родовъ гуси, гага, гагары, каменная куропатка, а долгохвостая савка даже зимуетъ здѣсь. На неизмѣримыхъ болотахъ, на морскомъ берегу и въ самомъ морѣ, на берегахъ рѣкъ и на лѣсныхъ опушкахъ онѣ находятъ себѣ пищу. Въ то же время въ совершенной тишинѣ и безопасности онѣ могутъ устроивать и гнѣзда. Въ концѣ лѣта и осенью онѣ летятъ чрезъ всю Русь на югъ, на тихія и теплыя воды дальнихъ морей. Къ зимѣ и лосось и осетръ изъ рѣкъ уходятъ въ море, и олень бѣжитъ въ лѣсъ. Не зачѣмъ тутъ оставаться и человѣку.

II. Умѣренный край Россіи.

Умѣренными странами почитаются именно тѣ, въ которыхъ лѣса значительно расчищены и земля сильно воздѣлана; но лѣса не всѣ вырублены, они еще полезны своимъ добрымъ сосѣдствомъ, т. е. умѣряютъ вредное вліяніе вѣтровъ и дѣлаютъ воздухъ здоровымъ; они привлекаютъ къ себѣ облака для того только, чтобы они могли давать дожди и влагу, нужныя для орошенія жатвы, освѣжать воздухъ грозами и оживлять растительность зарницами. Обильная влага на такихъ мѣстахъ не затопляетъ полей, не заливаетъ пахоты. Листья деревьевъ днемъ поглощаютъ въ себя то, что вредно для дыханія человѣка, и разливаютъ ночью въ воздухѣ то, чѣмъ дышать здорово и полезно. Люди, живущіе на открытыхъ мѣстахъ, вблизи лѣсовъ—самые здоровые и свѣжіе люди. Листья деревьевъ принимаютъ на себя весь жаръ и пылъ солнечныхъ лучей и иссушающую силу ихъ удерживаютъ на себѣ.

Необыкновенно губительны и ужасны послѣдствія совершеннаго истребленія лѣсовъ. Вырубка ихъ ведетъ за собой то, что источники изсякаютъ, рѣки мелѣютъ съ годами, вѣтеръ засыплетъ луга пескомъ, которымъ рѣки затянутся вмѣстѣ съ иломъ; потомъ песокъ мало-помалу станетъ высасывать воду, и рѣки начнутъ изсякать. Многія губерніи, которыя лѣтъ двѣсти—триста тому назадъ были густо и сплошь покрыты лѣсами, теперь стали такими пустырями, что народъ пошелъ изъ этихъ мѣстъ въ дальніе заработки, выдумалъ особые промыслы, потому что родная земля его сдѣлалась не хлѣбородною, безплодною отъ песковъ, и это все оттого, что отцы, дѣды и прадѣды наши не знали мѣры въ истребленіи лѣсовъ.

Лѣсъ полезно истреблять тамъ, гдѣ суровый климатъ: въ нашей Финляндіи чрезъ это сдѣлали плодородную почву, умягчили климатъ. Въ умѣренныхъ полосахъ надо вырубать лѣсъ съ осторожностью и оглядкой; надо знать мѣру; горы служатъ предѣломъ порубокъ. Въ теплыхъ полосахъ надо садить и сѣять лѣсъ, чтобы земля черноземная не перегорѣла, не превратилась бы со временемъ въ солончаки или не вывѣтрилась бы въ песчаную, безплодную пустыню.

Но лѣса наши все-таки обширны; лѣсная область занимаетъ еще огромныя пространства. Въ лѣсныхъ губерніяхъ народъ еще не могъ сдѣлаться кореннымъ земледѣльцемъ при всѣхъ стараніяхъ и усиліяхъ. Народъ лѣсныхъ губерній—все-таки бѣденъ. Бѣдность заставляетъ его не полагаться на одну землю, а принуждаетъ искать въ помощь землѣ другихъ занятій. Вотъ почему у насъ такая охота на фабрики и вотъ почему около Москвы много фабрикъ и заводовъ. Всѣ они, и фабрики и заводы, большею частію приладились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кончаются лѣса и еще не начинались благодарныя хлѣбородныя земли. Здѣсь служатъ подспорьемъ и рѣки (Ока, Кама и Волга), которыя потекли именно туда, куда всѣ эти товары требуются, гдѣ въ нихъ сильно нуждаются. Гдѣ не завелось фабрикъ, народъ пошелъ для заработковъ на чужую сторону: костромичи ходятъ плотниками и малярами въ столицы и большіе города, владимирцы занялись тѣмъ же и въ подспорье пустились въ извозъ, а изъ трехъ уѣздовъ (Вязниковскаго, Ковровскаго и малой части Суздальскаго) народъ пошелъ заниматься мелкой торговлей: офенями, коробейщиками, разносчиками. Для ихъ торговли у нихъ по сосѣдству съ десятокъ селъ только и дѣлаютъ, что образа пишутъ; въ другихъ селахъ только тѣмъ и занимаются, что выковываютъ ножи, ножницы, замки изъ стали, кольца, серьги, запонки, пуговицы изъ мѣди, серпы, косы, топоры и слесарскія вещи изъ желѣза. Въ однихъ мѣстахъ, напримѣръ, по Окѣ, всѣ дѣлаютъ гвозди для барокъ, въ другихъ (въ Ярославской губерніи) только удила, скребницы, подковы, стремена и весь лошадиный приборъ. Подъ Костромой въ селѣ Красномъ приготовляютъ только женскія украшенія: подвѣски, кольца, серьги и проч. Тамъ, гдѣ въ болотахъ желѣзной руды много, тамъ добываютъ ее сами, разрѣзаютъ въ прутья и перековываютъ потомъ въ гвозди, тамъ всѣ—кузнецы, какъ, напр., въ Новгородской губерніи. Гдѣ лѣса богаты пушнымъ звѣремъ, тамъ скорняки. Но всего не перечтешь.

Извѣстно, что гдѣ промыслы и ремесла, тамъ и мѣста для сбыта: тамъ народъ завелъ рынки, затѣялъ базары, установилъ ярмарки; тутъ родилась торговля, и отсюда же по всему лицу земли русской разбрелись торговые люди. Въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ крупные купцы и мелкіе торговцы—уроженцы лѣсныхъ губерній. Эти губерніи самыя людныя, и человѣкъ, который выходитъ отсюда, самый трудолюбивый, изворотливый, смѣтливый. Мѣста эти расположились всѣ по близости къ Москвѣ, пріютились въ ея окрестностяхъ, рѣдко дальше

трехсотъ верстъ отъ нея. Бѣлокаменная столица пришлась какъ разъ въ серединѣ.

Но уже вблизи Москвы, въ двухъ уѣздахъ Московской губерніи (Рузскомъ и Волоколамскомъ) хлѣбъ, удовлетворяя жителей, остается въ избыткѣ. Промышленность тутъ становится слабѣе. Хлѣбопашество увеличивается, почитается главнымъ занятіемъ. И чѣмъ благодарнѣе становится земля дальше къ югу, тѣмъ охотнѣе отстаетъ народъ отъ побочныхъ занятій, ремесла и промысла. Они не ведутся тамъ, гдѣ земля—черноземъ, и требуетъ удобренія въ пять, а дальше въ десять лѣтъ одинъ разъ.

Такія мѣста начинаются сейчасъ за Окой, которая отдѣлила лѣсную полосу отъ черноземной. Лѣса, идущіе дальше, уже не такъ велики и красивы, и притомъ ихъ такъ не много, что безлѣсныя пространства берутъ верхъ. Но если переправиться отъ Москвы за Тулу или за Калугу, или за Рязань и направляться или на Кіевъ или на Воронежъ, лѣсовъ ужъ такъ мало, что они кажутся рѣдкостью. Тутъ, куда ни взглянешь, вездѣ встрѣчаешь неоглядныя поля, непрерывныя пашни. Черпымъ пластомъ лежитъ поднятый для пашенъ сочный черноземъ, черной пылью бросается вѣтеръ. Лѣниво бѣгутъ небогатыя водой рѣки, прорѣзаясь въ мягкой землѣ и оставляясь невысокими, обрывистыми и обсыпчивыми берегами. Ровною гладью лежатъ во всѣ стороны воздѣланныя поля и желтѣютъ спѣлыя пашни. Глазу не мѣшаютъ горы: кругомъ равнина. Горы на этихъ мѣстахъ только пригорки, холмы. Древесная растительность по большей части встрѣчается чаще въ видѣ искусственно и нарочно разведенныхъ садовъ, и притомъ сады эти фруктовые. На свѣжемъ воздухѣ, безъ большихъ усилій и безъ особеннаго труда, растутъ въ нихъ яблоки до 50-ти сортовъ, груши, бергамоты, вишни, черешня и сливы; а дальше, гдѣ давно уже земля поднимаетъ пшеницу, разводятъ даже виноградъ (на Дону, въ Малороссіи). На мѣсто огородовъ встаютъ цѣлыми полями бахчи съ дынями и арбузами; на мѣсто непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ являются неоглядныя травяныя степи. На мѣсто высокихъ домовъ, какими высятся и красуются лѣсныя селенія, здѣсь сначала утлыя, низенькія бревенчатыя хаты, а потомъ и вездѣ уже глиняныя мазанки. На сѣверѣ лѣсъ ни почемъ и идетъ онъ въ обиліи на изгороди и заборы, которые служатъ и за пастуха и за хозяина; на югѣ пастушество—ремесло, а топливомъ дорожатъ больше, чѣмъ въ лѣсныхъ мѣстахъ тепломъ самымъ.

Тамъ не щадятъ для топлива и дуба, и березы, у которыхъ есть лучшее, болѣе стоющее ихъ примѣненіе; здѣсь, за недостаткомъ лѣса для освѣщенія зимой вмѣсто лучины употребляютъ коноплю, вмѣсто березовыхъ дровъ пускаютъ для топлива кизякъ—животный пометъ, смѣшанный съ соломой. Земля сдѣлалась мягче. Соху смѣнилъ плугъ. Вмѣсто лошади работаетъ волъ.

За городами: тамбовскимъ Козловымъ, тульскимъ Ефремовымъ,

орловскими: Ельцомъ, Ливнами и Орломъ и губернскимъ Курскомъ черноземная полоса смѣняется той полосой, которая называется полосой пшеницы. Города эти обставились мельницами, обзавелись купечествомъ, разбогатѣли, стали рынками, стали пріемными мѣстами, складами для пшеницы. Въ городахъ этихъ приготовляется крупчатка (лучшій сортъ крупчатки — елецкая); въ нихъ свозится гужомъ (на лошадяхъ) вся та пшеница, которая выросла въ благословенной странѣ Малороссіи и назначена для Россіи. Сама Малороссія тутъ уже близко.

Пшеницу везутъ малороссы-чумаки на волахъ къ пристанямъ на моряхъ Азовскомъ и Черномъ, гдѣ берутъ ее на корабли и везутъ въ иностранныя земли. И хотя полоса пшеницы меньше полосы ржи, однако нараждается ея столько, что три заморскіе города: Одесса на Черномъ морѣ, Таганрогъ на Азовскомъ и прусскій городъ Данцигъ при Балтійскомъ морѣ сдѣлались и людными, и торговыми. Всѣ три на русской пшеницѣ разбогатѣли: Одесса въ пятьдесятъ лѣтъ выросла такъ, какъ другіе города не выростаютъ и въ пятьсотъ лѣтъ.

Пристани по Волгѣ, куда свозятъ изъ ближнихъ мѣстъ пшеницу для отправленія ея на судахъ по водѣ до Петербурга, выросли такими богатырями, что Самара сдѣлалась однимъ изъ богатыхъ губернскихъ городовъ и растетъ не по днямъ, а по часамъ; въ Царицынѣ понадобилась желѣзная дорога до Дона; городъ Волочокъ (Тверской губ.) кажетъ лучше многихъ губернскихъ; село Балаково глядитъ красивымъ городомъ; село Лысково во сто разъ богаче и краше своего начальника—горемычнаго уѣзднаго городишка Макарьева въ Нижегородской губерніи. Также разбогатѣлъ и украсился Моршанскъ, городъ Тамбовской губерніи, въ которомъ мельница на Мокшѣ рѣкѣ о 23-хъ поставахъ, больше и лучше всѣхъ мельницъ въ Россіи; она перемалываетъ до тысячи четвертей въ сутки, и выстроена каменною двухъ-этажною.

III. Южный край Россіи.

Благодатная хлѣбная сторона идетъ въ ширину отъ Оки до травяныхъ новороссійскихъ степей, а въ длину отъ малороссійской границы до иностранныхъ земель: Австріи и Турціи. Въ Малороссіи лучшія мѣста располагаются по берегамъ трехъ большихъ рѣкъ: Буга, Днѣстра и Днѣпра, съ притоками ихъ и перерѣзаютъ травяныя степи. Потомъ, останавливаясь на песчаныхъ пустыняхъ подлѣ Азовскаго моря, огромнымъ клиномъ—большимъ полуостровомъ—о бокъ Азовскаго моря врѣзаются черезъ Перекопъ въ Черное море. Это Крымъ, самый цвѣтущій, самый благодатный край во всей Россіи, гдѣ Севастополь—самая большая бухта (защищенное и лучшее мѣсто для стоянки кораблей) изо всѣхъ бухтъ въ цѣлой Европѣ; здѣсь же и Южный берегъ съ очаровательными садами, превосходнымъ и цѣлебнымъ климатомъ, нашъ единственный русскій рай земной.

Къ Черному морю идетъ наклономъ вся та часть Россіи, которая справедливо почитается хлѣбородною; сначала холмистая и нерѣдко

покрытая лѣсами, черноземная; отъ рѣки Оки до границъ Малороссійскихъ губерній идетъ страна, съ избыткомъ воздѣлывающая ленъ и коноплю; за этой страной потянулась ровная, гладкая, благословенная равнина Малороссіи, сплошь засѣянная пшеницей и въ лучшихъ мѣстахъ кукурузой, или такъ называемой турецкой пшеницей. Малороссійская хлѣбная степь соединилась съ настоящею травяною степью или равнинами, на которыхъ растетъ только трава; здѣсь совсѣмъ уже нѣтъ лѣса и очень мало воды.

Степи травяныя, называемыя новороссійскими, примкнули къ Черному морю; нѣкогда онѣ служили соблазномъ для кочевыхъ народовъ, которые валились сюда изъ дальней Азіи съ большими стадами домашняго скота, питались ихъ молокомъ и мясомъ и одѣвались въ ихъ шкуры. Къ нимъ придвигались другіе народы, сгоняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и въ свою очередь были сгоняемы новыми народами, которые прикочевывали сюда изъ внутреннихъ азіатскихъ степей. Сюда же, впослѣдствіи, уходили вольные русскіе люди; здѣсь завелось казачество. Когда весь край, около ста лѣтъ тому назадъ, завоеванъ былъ отъ турокъ, вмѣстѣ съ Крымомъ (при Екатеринѣ Второй), стали выселяться въ него русскіе люди изо всѣхъ тѣхъ черноземныхъ мѣстъ, гдѣ отъ накопленія народа стало жить тѣсно. Скоро всѣ благодатныя мѣста Новороссійскаго края населились осѣдлымъ народомъ; кочевники скоро исчезли, превратившись въ пахарей. Завелись большіе города, а съ ними явилась надежда и на то, что дикія степи сдѣлаются такими же воздѣланными странами, каковы Малороссія и подстепье. Отъ прежняго кочеваго быта осталось теперь только то, что степныя травы по прежнему воспитываютъ отличныя породы рогатаго скота. Изъ нихъ трудолюбивый, терпѣливый и необыкновенно сильный волъ является главнымъ товарищемъ и неоцѣненнымъ помощникомъ человѣка на лугахъ и пашняхъ; изъ своей шкуры на старости онъ даетъ сыромятную кожу, въ молодости — опоекъ, изъ костей—клей и уголь, которымъ очищаютъ сахаръ-рафинадъ. Въ сѣверныхъ странахъ волъ худо ведется; въ южныхъ онъ составляетъ выгодный предметъ торговли. Отработавъ полевую службу, волъ идетъ на мясо. Стада воловъ, подъ именемъ черкасскаго скота, гонятъ гуртами все отсюда: изъ степей малороссійскихъ и новороссійскихъ. Вмѣстѣ съ воломъ разводится тамъ же баранъ, ростъ и тучность котораго человѣкъ, при пособіи степи, успѣлъ увеличить искусствомъ своимъ и умѣньемъ. Онъ же довелъ овечью шерсть до высокой доброты и необыкновеннаго разнообразія. Ткани изъ овечьей шерсти удовлетворяютъ различнымъ потребностямъ людей; сало идетъ на свѣчи, шкура даетъ сафьянъ, изъ мѣха въ сѣверныхъ холодныхъ мѣстахъ шьютъ зимнюю одежду. Овцеводство въ травяныхъ степяхъ— самый важный и самый главный промыселъ. Сверхъ того, наши степи воспитываютъ многочисленные табуны лошадей, и Россія владѣетъ лучшими породами этихъ животныхъ, для которыхъ и ярмарки уста-

новились по близости степныхъ мѣстъ. Между ними тамбовскій городъ Лебедянь и губернскій Курскъ съ коренною ярмаркою пользуются большою извѣстностью. Въ степяхъ у кочевниковъ кобыла даетъ молоко, изъ котораго татары, киргизы и калмыки приготовляютъ цѣлебный и здоровый напитокъ, извѣстный всюду подъ именемъ «кумыса».

(С. Максимовъ).

IV. Кавказскій край.

1. Начиная съ границъ Саратовской губерніи и Земли Войска Донского до окрестностей главнаго Кавказскаго хребта край представляетъ равнину. Равнина эта раздѣляется на двѣ полосы. Первая полоса начинается съ сѣверныхъ границъ и идетъ къ югу до рѣкъ Кубани, Лабы, Малки и Терека, простираясь по теченію ихъ до береговъ морей. Все это огромное пространство представляетъ степь. Лѣсу здѣсь нѣтъ, да и воды очень мало. Вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ и недостатка водъ дожди здѣсь рѣдки. Почва земли, состоящая изъ глинистаго легкаго чернозема, суха, тверда, но плодородна, и при дождяхъ даетъ хлѣбъ и травы въ изобиліи. Зима здѣсь бываетъ съ вьюгами и метелями, санный путь держится съ декабря до начала марта; лѣто знойно и постоянно. По ручьямъ и рѣчкамъ разсѣяно рѣдкое населеніе края. У сѣверныхъ границъ кочуютъ калмыки съ своими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами тощихъ лошадей; осѣдлые жители состоятъ изъ линейныхъ казаковъ, крестьянъ собственниковъ и ногайцевъ; на востокѣ живутъ полукочевые кара-ногайцы. Промышленность находится здѣсь только на первой ступени развитія; бѣдное хлѣбопашество и бѣдное скотоводство составляютъ единственный промыселъ жителей. Вторая полоса Кавказской равнины простирается по подножію главнаго хребта, начиная съ прибрежья Чернаго моря до береговъ Каспійскаго, и представляетъ обширную долину, щедро надѣленную дарами природы. Съ горъ сбѣгаютъ въ эту долину большія рѣки и сотни малыхъ ручьевъ и рѣчекъ, освѣжающихъ теплый воздухъ. Лѣса наполнены фруктовыми деревьями, шелковицею; мѣстами встрѣчается дикій хлопчатый кустарникъ; въ садахъ, на вольномъ воздухѣ, растутъ абрикосы, персики, превосходныя груши и проч. Почва земли состоитъ преимущественно изъ глинистаго или чистаго чернозема, мѣстами только паханная, все же остальное количество состоитъ изъ нови. Отъ присутствія снѣговыхъ горъ, лѣсовъ и обильныхъ водъ дожди здѣсь часты, и всѣ роды хлѣбовъ даютъ обильнѣйшіе урожаи; травы лучшихъ сортовъ выростаютъ мѣстами въ человѣческій ростъ. Народонаселеніе этой полосы нѣсколько гуще, чѣмъ въ первой, но сравнительно съ пространствомъ оно еще очень мало. Здѣсь живутъ линейные казаки, армяне, грузины, чеченцы, осетины, кабардинцы, абазинцы, ногайцы и проч. Третья полоса этого края занята Кавказскимъ хребтомъ. Въ горахъ на каждомъ шагу другой климатъ, другая природа и другое населе-

ніе. Горный промыселъ въ этомъ краѣ мало развитъ: достаютъ соль и каменный уголь. Но въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны богаче нефтью [1]), какъ предгорья Кавказа. На вершинахъ горъ растетъ сосна, ель, лиственница; ниже ихъ дубъ, чинаръ, тополь, орѣшникъ; въ долинахъ фруктовыя деревья и плодовые кустарники, мѣстами встрѣчается дикій виноградникъ, хлопчатое и оливковое дерево. Въ лѣсахъ живутъ въ большомъ количествѣ волки, шакалы, лисицы, медвѣди, бѣлки, выдры, куницы, олени, дикія козы, кабаны и зайцы. Барсы и гіены часто посѣщаютъ горы, и нерѣдко въ долинахъ является съ береговъ Аракса огромный царскій тигръ. Всякаго рода дичь находится въ камышахъ, по устьямъ Кубани, Кумы и Терека.

2. Обитатели Кавказа дѣлятся на линейныхъ казаковъ, горцевъ и жителей Закавказья. Все народонаселеніе Кавказа, какъ русское, такъ и туземное, состоитъ изъ народа замѣчательно способнаго и добраго. По малому числу городовъ на линіи и отсутствію мануфактурныхъ товаровъ, казакъ долженъ изготовить для себя все самъ: и борону, и соху, и телѣгу, и холстину, и кожу; даже оружіе, кинжалъ, шашку и ружье онъ дѣлаетъ самъ. И надобно прибавить, что все, сдѣланное казакомъ, очень хорошо, по крайней мѣрѣ, прочно, чисто, исправно. Натура горца богата и полна; горецъ изященъ въ своей черкескѣ, въ косматой шапкѣ и буркѣ; манеры его просты и часто безупречны. Многія издѣлія горцевъ отличаются изяществомъ вкуса; превосходная работа галуновъ, выдѣлка сафьяна и кожи, конская сбруя и разныя украшенія на оружіи, все это дѣлается со вкусомъ и стараніемъ не изъ расчета, не на продажу, но для удовлетворенія свого вкуса. Замѣчательные города на Кавказѣ: Тифлисъ, мѣстопребываніе главноначальствующаго на Кавказѣ и средоточіе торговли Закавказья, и Баку, съ многочисленными заводами, выдѣлывающими жеросинъ. (*Изъ кн. «Товарищъ» Д. Попова, годъ третій*).

V. Сибирь.

1. Сибирь дѣлится на Восточную и Западную. Въ Западной Сибири мѣстность по большей части низменная и ровная, Восточная же Сибирь почти вся наполнена отрогами горъ и высотами. По природѣ своей и климату Сибирь представляетъ тундры, тайги и степи.

По всему побережью Ледовитаго океана болѣе или менѣе узкой полосой тянется безконечная, пустынная, однообразная и безлѣсная тундра, покрытая лѣтомъ желтоватыми мхами и сѣрыми лишаями, и недоступная для человѣка во время девятимѣсячной зимы по страшнымъ морозамъ, вьюгамъ и метелямъ. Съ наступленіемъ весны тамъ творится своеобразная жизнь. Въ рѣки, рѣчки и озера изъ Ледовитаго океана поднимается для метанія икры въ безчисленномъ множествѣ разныхъ породъ рыба; поверхность болотъ, рѣкъ, рѣчекъ и озеръ

[1]) Нефть — горное масло.

чернѣетъ отъ безчисленныхъ стадъ утокъ, гусей, лебедей и чаекъ, прилетающихъ сюда на лѣто для вывода дѣтей. Идутъ сюда и рыболовъ, и звѣроловъ за богатой добычей.

2. Тайга состоитъ большею частію изъ дикаго первобытнаго лѣса. Въ иныхъ мѣстахъ онъ до того густъ, что одни дикіе звѣри въ состояніи проникнуть въ эти чащи. Лѣтомъ въ тайгѣ климатъ зноенъ и удушливъ и, при обиліи сырости и травяной растительности, способствуетъ обилію насѣкомыхъ. Отъ этого множества насѣкомыхъ звѣри тайги бѣгутъ спасаться въ тундры. Зима въ сѣверной тайгѣ очень сурова. Особенно страшна пурга, во время которой снѣгъ поднимается на воздухъ, кружится со свистомъ и стономъ, затемняетъ свѣтъ и слѣпитъ глаза. Степныя пространства Сибири покрыты богатою травяною растительностью; они представляютъ самое благопріятное условіе для скотоводства. Въ Минусинскихъ степяхъ главное занятіе жителей состоитъ изъ земледѣлія; эти степи по своему плодородію считаются житницей Сибири. Здѣсь дѣвственная почва въ изобиліи родитъ рожь, пшеницу и другіе роды зернового хлѣба.

По всей южной границѣ Сибири тянется полоса горъ, снѣжные хребты которыхъ даютъ начало могучимъ рѣкамъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: Обь, Енисей, Лена, Амуръ. Рѣки эти многоводны и обильны рыбою. Озеро Байкалъ — самое обширное изъ прѣсноводныхъ озеръ Россіи.

Хотя 300 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ завоена Сибирь, но она до сихъ поръ крайне бѣдна народонаселеніемъ. Важнѣйшее богатство Сибири — безконечные лѣса. Они идутъ на постройки, даютъ топливо и служатъ матеріаломъ для издѣлій. Въ сѣверной и средней полосахъ Сибири по суровости климата земледѣліе невозможно. Въ южной же полосѣ свободно родятся хлѣбныя растенія и овощи. По всей Сибири сѣютъ преимущественно яровые хлѣба; озимые же хлѣба вымерзаютъ, и только на западѣ Сибири они даются хорошо. Прекрасные луга и степи и множество незанятыхъ земель даютъ возможность разводить жителямъ южной полосы Сибири сотнями и тысячами головъ рогатаго скота, лошадей и овецъ. Горный промыселъ весьма распространенъ въ Сибири, но онъ состоитъ главнымъ образомъ въ добываніи золота и серебра. Первобытные жители Сибири дѣлятся на бродячихъ и кочевыхъ. Бродячіе инородцы живутъ въ тундрахъ и лѣсахъ; ведутъ бродячую жизнь и занимаются звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Кочевые инородцы живутъ въ степяхъ и занимаются скотоводствомъ. Городовъ въ Сибири пока еще очень мало. Самые большіе изъ нихъ: Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Чита.

3. Кромѣ Сибири Россія въ средней Азіи владѣетъ обширными землями. Земли эти занимаютъ Каспійско-Аральскую впадину съ поверхностью преимущественно плоскою, отличающеюся совершенно степнымъ характеромъ; но въ краѣ этомъ встрѣчаются и возвышен-

ности. Сѣверо-западная часть владѣній состоитъ изъ огромныхъ, пустынныхъ степей. Степи эти по качеству почвы раздѣляются на ковыльныя, солончаковыя и песчаныя. Ковыльныя степи, благодаря хорошей почвѣ, весной на сотни верстъ покрываются густою, высокою травою, а въ остальное время года онѣ по большей части бываютъ покрыты ковылемъ. Солончаковыя степи состоятъ изъ глины и мергеля, сильно пропитанныхъ солью; онѣ почти безплодны. Песчаныя степи состоятъ или изъ твердаго, или изъ сыпучаго песку; онѣ тоже почти безплодны. Въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ трава, кочуютъ разные народы татарскаго племени. Всѣ они живутъ скотоводствомъ. Нѣтъ ни одного киргизскаго семейства, которое не имѣло бы нѣсколько десятковъ овецъ; у зажиточныхъ онѣ считаются сотнями, а у богатыхъ тысячами. Не мало вниманія кочевники обращаютъ на разведеніе лошадей и верблюдовъ; есть киргизы, у которыхъ имѣются табуны лошадей въ нѣсколько тысячъ головъ. Рогатый скотъ можно встрѣтить только у осѣдлаго населенія края и у киргизовъ-хлѣбопашцевъ, которые содержатъ по преимуществу быковъ для обработки полей. Въ юго-западной части средне-азіятскихъ владѣній почва по большей части плодородна и есть значительныя рѣки. Жители этой мѣстности ведутъ жизнь осѣдлую, занимаются земледѣліемъ, шелководствомъ и разными промыслами. Въ средне-азіятскихъ владѣніяхъ находится нѣсколько торговыхъ и промышленныхъ городовъ. Замѣчательные изъ нихъ: Уральскъ, Омскъ, Ташкентъ, Самаркандъ, Туркестанъ. *(Оттуда-же).*

3. Русская земля.

По обѣимъ сторонамъ столбового пути врозь пошли писать версты, станціонные смотрителя, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ, пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за восемьсотъ верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы [1]), чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой-то артиллерійской батареи“, зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу [2]): бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы,

[1]) Шлагбаумъ—перекладина на заставахъ, поднимающаяся и опускающаяся.

[2]) Поэтъ писалъ эти строки, находясь заграницей, вдали отъ Россіи.

картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь набросанныя одна на другую темныя арки, спутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя липіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто—пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся во всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и за чѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей, неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

(*Н. Гоголь*).

4. Степь.

1. Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда [1]) весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ! Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки [2]); желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ

---

[1]) Лѣтъ двѣсти тому назадъ.

[2]) Волошки—васильки.

неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула предъ солнцемъ.

2. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру [1]), и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголубо-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрыя овражки [2]) выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и становили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ [3]); паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ [4]). На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье,—все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу. *(Н. Гоголь).*

5. Рѣка Уралъ.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ *Уралъ*, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было осно-

---

1) Амбра — благовонное вещество.

2) Овражка — маленькій звѣрокъ, родъ пестро-сѣренькаго хомячка.

3) Кулишъ — похлебка изъ воды, муки и сала.

4) Свитка — родъ полукафтанья.

ваніе Оренбургу, и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ, а потомъ близъ города Уральска на югъ, и протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море.

Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ киргизъ-кайсаковъ.

Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбой всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья оброслъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей рѣкѣ въ XV столѣтіи явились донскіе казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю [1]) Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Яикъ. *(А. Пушкинъ).*

6. Пятигорскъ.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ, дальше, амфитеатромъ [2]) громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка! солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество. *(Лермонтовъ).*

---

[1]) Хвалынское море—Каспійское море.

[2]) Амфитеатромъ громоздятся—постепенно возвышаются одна гора надъ другою.

7. Кавказская дорога.

I. Чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки раздраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ, и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго, долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины.

II. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, т.е. я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, т. е. привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, она пріятна; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. „Посмотрите“, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: „что за край!“

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами тежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую,—и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки. Солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. „Я говорилъ вамъ,“ воскликнулъ онъ, „что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то пожалуй она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались, взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой- нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ вехъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ,—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: „И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые“—и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали... *(Лермонтовъ).*

8. Деревня.

I. Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой—и дегтемъ маленько—и ма-

ленько кожей. — Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

II. Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, книзу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь.— Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба, синеватая черта большой рѣки. Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять—шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

III. Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко-подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ. Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба.—«Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!»

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертый теленокъ.

— «Ай да овесъ!» слышится голосъ моего кучера...

IV. О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди. (*И. Тургеневъ*).

9. Императоръ Петръ Великій.

I. Съ возвореніемъ на престолъ дома Романовыхъ Россія мало-по-малу начала увеличиваться. Особенно же она расширилась и переродилась въ царствованіе Петра Великаго.

Петръ Великій былъ младшій сынъ царя Алексѣя Михайловича. По смерти отца онъ остался еще ребенкомъ. Такъ какъ ближайшими наслѣдниками престола были старшіе братья его, то царевичъ Петръ вскорѣ послѣ смерти отца удалился вмѣстѣ съ своею матерью въ село Преображенское, которое находилось недалеко отъ Москвы. Здѣсь царевичъ поселился и проводилъ свое дѣтство. Съ раннихъ лѣтъ царевичъ Петръ выказывалъ большія способности, былъ весьма любознателенъ и хорошо учился грамотѣ. Въ часы, свободные отъ занятій грамотой, Петръ занимался военными играми съ своими сверстниками. Изъ этихъ сверстниковъ царевичъ составилъ двѣ потѣшныя роты, съ которыми онъ строилъ и бралъ приступомъ небольшія земляныя крѣпости. Къ этой забавѣ скоро прибавилась другая. Однажды царевичъ въ сараѣ нашелъ лодку особеннаго устройства, которая называлась ботомъ. Лодка эта была испорчена, но одинъ изъ иностранцевъ починилъ ее и спустилъ на воду. Петръ былъ такъ доволенъ этимъ и такъ полюбилъ плаваніе, что скоро изъ нѣсколькихъ подобныхъ ботовъ создалъ цѣлый потѣшный флотъ.

Петръ Великій.

II. Когда Петръ достигъ совершеннолѣтія, онъ сдѣлался царемъ и сталъ управлять государствомъ. Въ первое время своего царствованія Петръ попрежнему занимался своими потѣшными ротами и флотомъ. Но чтобы лучше изучить военное и морское дѣло, онъ задумалъ съѣздить за границу. Для этого онъ снарядилъ большое посольство къ

иностраннымъ государствамъ и вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ отправился самъ подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Во время путешествія за границей Петръ Великій не оставлялъ ничего безъ вниманія: онъ осматривалъ крѣпости, заводы, фабрики, посѣщалъ школы, знакомился съ учеными людьми и изучалъ чужеземную жизнь и порядки. Но больше всего его интересовало кораблестроеніе. Чтобы основательно изучить это дѣло, царь поступилъ въ корабельную мастерскую и, какъ простой работникъ, работалъ тамъ топоромъ съ утра до вечера. Получивши званіе корабельнаго мастера, Петръ обратно поѣхалъ въ Россію. Находясь за границей, Петръ увидѣлъ, что русскіе во многомъ отстали отъ иностранцевъ. Поэтому, тотчасъ же по возвращеніи своемъ изъ-за границы, онъ началъ заводить новые порядки. Прежде всего онъ вмѣсто древнихъ стрѣлецкихъ полковъ учредилъ постоянное войско. Для завѣдыванія различными дѣлами государства Петръ учредилъ 12 коллегій; а для наблюденія за этими коллегіями онъ основалъ Сенатъ, который существуетъ и до сихъ поръ. Всѣ же церковныя дѣла, вмѣсто патріарха, были поручены вновь учрежденному Святѣйшему Синоду, который также существуетъ и донынѣ. Но больше всего Петръ Великій заботился о народномъ образованіи. Поэтому онъ устроилъ нѣсколько учебныхъ заведеній, для духовныхъ и дворянскихъ дѣтей, школу для мореходовъ и другія. При Петрѣ Великомъ впервые на Руси стали печатать гражданскія книги. Много и другихъ очень важныхъ дѣлъ совершено Петромъ Великимъ на пользу нашего отечества, а потому народъ и прозвалъ его *Великимъ Преобразователемъ* Россіи.

III. Петръ Великій вполнѣ понималъ всю ту громадную пользу, которую Россія можетъ извлечь отъ прямого и непосредственнаго торговаго сношенія съ западными иностранными государствами. А такъ какъ иностранную торговлю всего удобнѣе производить моремъ, то Петръ Великій и задумалъ отвоевать отъ Швеціи земли, прилегающія къ Балтійскому морю. Заключивъ союзъ съ королями польскимъ и датскимъ, Петръ Великій объявилъ войну Швеціи, но первая встрѣча со шведами кончилась неудачею для русскихъ: русскіе разбиты были на-голову. Побивши русскихъ, король шведскій отправился воевать съ поляками и пробылъ въ Польшѣ довольно долго. Въ это время Петръ Великій быстро составилъ новые полки, обучилъ войско, отлилъ пушки и двинулся со своимъ новымъ войскомъ къ Балтійскому морю. Въ этотъ разъ онъ завладѣлъ берегами Финскаго залива и при устьяхъ рѣки Невы заложилъ городъ Петербургъ, свою будущую столицу. Когда прослышалъ объ этихъ завоеваніяхъ король шведскій, онъ быстро двинулся въ Россію изъ Польши. Горячее сраженіе двухъ сильныхъ армій произошло близъ г. Полтавы. Наше войско здѣсь нанесло такое сильное пораженіе шведамъ, что самъ король шведскій едва спасся бѣгствомъ. Послѣ Полтавской битвы война со шведами тянулась еще нѣсколько лѣтъ, но русскіе все-таки удержали за собою

завоеванныя по прибрежьямъ Балтійскаго моря земли. Съ этого времени Петръ Великій принялъ титулъ Всероссійскаго Императора, а Русское царство стало называться Россійскою Имперіей.

(Изъ Христ. Ермина и Волотовскаго).

10. Разсказы о Петрѣ Великомъ.

1. *Бережливость Петра Великаго.* Императоръ Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ ли онъ жить расточительно, получая свои доходы съ имѣнія, въ Новгородской губерніи, въ которомъ считалось только 969 душъ? Въ первое путешествіе по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито [1]) съ небольшою свитою въ одинъ городъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинъ. Ему подали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонцевъ. Петръ велѣлъ заплатить эти деньги, но не могъ забыть такой издержки, и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ голландцевъ, всякій разъ почти съ упрекомъ напоминалъ имъ о корыстолюбіи трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего, говорилъ онъ: и жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно; я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу». Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье. Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою, въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками, однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25 мая 1723 года, удивилъ онъ петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ [2]) тогдашняго вкуса—цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ навстрѣчу князю Долгорукову и графу Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ, предъ всѣми, изъявилъ имъ свое благоволеніе.

II. *Обращеніе Петра Великаго съ подданными.* Въ Петербургѣ Царь былъ то же, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ

---

[1]) Подъ чужимъ именемъ, скрытно.

[2]) *Фаэтонъ*—экипажъ, родъ коляски.

въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими, и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось-ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло,— вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, извѣстную болѣе подъ именемъ *дубинки*, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ и, если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили и другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много и любилъ изъясниться аллегоріями [1]). Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ,—иногда бродящимъ въ толпѣ и прислушивающимся къ молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ требовалъ того же отъ всѣхъ для себя, и худо тому было, кто позволялъ себѣ въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ малѣйшую ложь. «За признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія», повторялъ онъ часто; «лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною: «Князь Яковъ въ Сенатѣ», отзывался онъ о Долгорукомъ, «прямой мнѣ помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, несмотря на лицо».

III. *Занятія Петра.* Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время «С.-Петербургскія Вѣдомости», которымъ иногда самъ держалъ корректуру [2]) или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его велѣнію. Петръ хорошо зналъ по-латыни, по-нѣмецки, по-голландски и понималъ французскій языкъ, хотя и не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною Петромъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростью въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой кабинетъ, или въ Адмиралтейство [3]). Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ прусскому посланнику фонъ-Принцу пріемную аудіенцію [4]) въ 4 часа утра. Аудіен-

---

[1]) *Аллегорія*—иносказаніе.

[2]) *Держать корректуру*—исправлять ошибки наборщика, передъ отпечатаніемъ книги.

[3]) *Адмиралтейство*—мѣсто для постройки судовъ, при которомъ помѣщается высшее управленіе флотомъ.

[4]) *Аудіенція*—пріемъ, свиданіе.

ція эта была, конечно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, полагая, что государь не можетъ встать такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но онъ уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ [1]) какого-то военнаго корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видѣвъ царя, принужденъ былъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ Адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ», сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ посланника. Тотъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на гротъ-мачту [2]), и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ Сенатъ [3]) или въ которую-нибудь изъ Коллегій [4]), и оставался тамъ до одиннадцати; слушалъ дѣла и споры присутствовавшихъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при этомъ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 6 Марта 1781 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ Сенатъ, изъ которыхъ ни одинъ не занималъ болѣе 4 строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ Сената, или Коллегіи, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или, въ хорошую погоду, въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій,— и богатый, и неимущій, и знатный вельможа, и человѣкъ простого званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы, и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобы кушанья не простывали, столовая его обыкновенно была рядомъ съ кухней; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который при-

---

[1]) *Марсъ*—площадки изъ досокъ или рѣшетокъ около мачтъ.
[2]) *Гротъ-мачта*—самая большая мачта на кораблѣ.
[3]) *Сенатъ*—высшее правительственное учрежденіе въ Россіи.
[4]) *Коллегія*— присутственное мѣсто.

нравился лукомъ съ огурцами, или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костянымп черенками; и дежурному деньщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть передъ царемъ и тогда, когда ему случалось обѣдать въ гостяхъ.—Петръ не терпѣлъ многочисленной прислуги, и вообще называлъ лакеевъ — шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже разсказываютъ слышанное. Дежурный деньщикъ служилъ государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Онъ находился при царѣ безотлучно днемъ и ночью, былъ довѣренною особою, и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Вообще Петръ ѣлъ мало вдругъ, не былъ разборчивъ въ пищѣ, и не терпѣлъ причудъ въ другихъ. Откушавъ, обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ обозначеніемъ, что должно переводить въ «Петербургскія Вѣдомости»; потомъ уходилъ на свою яхту [1]), стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ вставалъ для этого изъ-за стола, приказавъ однако-жъ гостямъ не расходиться до его возвращенія. Въ 4 часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ; сюда являлись къ нему по дѣламъ: канцлеръ [2]) графъ Головинъ, вицеканцлеръ баронъ Шафировъ, Остерманъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ (начальникъ всей артиллеріи) графъ Брюсъ, графъ Толстой, сенаторъ князь Долгорукій, князь Меньшиковъ, генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ или другой какой-нибудь изъ его министровъ. Одни только—князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ государь всегда провожалъ до двери кабинета; всѣ прочіе, даже сама Императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ. Ничто не поселитъ въ насъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ искренныхъ преданныхъ царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ труды его. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному не было ему равнаго между его подданными. «Трудиться надобно, братецъ», говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлилъ лейтенантомъ [3]) во флотъ; «я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, и все для того, чтобы показать вамъ примѣръ, и хотя

---

[1]) *Яхта*—небольшое судно.

[2]) *Канцлеръ*—лицо, завѣдующее министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и имѣющее чинъ перваго класса.

[3]) *Лейтенантъ*—чинъ во флотѣ.

бы подъ старость видѣть въ васъ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству».

IV. Взглядъ Петра на правосудіе. Однажды Петръ заболѣлъ весьма опасно горячкою. Сдѣлалось всеобщее уныніе, ибо уже совсѣмъ мало было надежды на выздоровленіе его. Во всѣхъ церквахъ день и ночь толпился народъ, прося у Бога милости для своего царя. Въ древности въ подобныхъ случаяхъ цари обыкновенно прощали нѣсколькихъ преступниковъ, грабителей и разбойниковъ, осужденныхъ на смерть съ тѣмъ, чтобы осужденные молили Бога о царскомъ здравіи. Такъ и теперь судья явился во дворецъ и предложилъ ему, чтобы Петръ, по старому обычаю, даровалъ жизнь девяти приговореннымъ къ смерти разбойникамъ. Узнавъ о прибытіи судьи, Петръ призвалъ его къ своей постели и приказалъ прочесть списокъ приговоренныхъ и ихъ преступленія. Прослушавъ это, Петръ слабымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Неужели ты думаешь, что я буду правосуденъ и сдѣлаю доброе дѣло тѣмъ, что прощу такихъ страшныхъ злодѣевъ? И неужели Богъ за это будетъ ко мнѣ милостивъ, и будетъ слышать молитвы такихъ злодѣевъ? Поди и завтра же вели исполнить приговоръ надъ всѣми девятью злодѣями. Я думаю, что Богъ чрезъ это правосудіе скорѣе будетъ ко мнѣ милостивъ и скорѣе за это даруетъ жизнь и здравіе, нежели за ихъ прощеніе!

На другой же день приговоръ былъ исполненъ, а царь затѣмъ началъ чувствовать себя лучше, и чрезъ нѣкоторое время совершенно выздоровѣлъ.

V. Награда по заслугамъ. Петръ Великій, бережливый въ своихъ расходахъ, щедро награждалъ людей, служившихъ ему вѣрно. Онъ жаловалъ многихъ деревнями въ завоеванныхъ провинціяхъ, даже вдовамъ и сиротамъ морскихъ и полевыхъ офицеровъ назначалъ пенсіи. Однажды доложили ему объ иностранцѣ, который прослужилъ около 30 лѣтъ и теперь за старостію и слабостію здоровья не можетъ продолжать службу, и просили разрѣшенія государя: назначить ли ему при отставкѣ полное или половинное жалованье. Государь отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: «Какъ же! развѣ тотъ въ старости долженъ терпѣть нужду, кто лучшіе годы свои посвятилъ мнѣ на службу? Выдайте ему полное жалованье и не принуждайте его къ службѣ, если онъ не въ состояніи болѣе служить; но совѣтуйтесь съ нимъ о дѣлахъ, касающихся прежней его службы, и пользуйтесь его искусствомъ. Кто бы захотѣлъ служить мнѣ, если-бъ зналъ напередъ, что я, которому онъ посвятилъ лучшіе годы свои, въ старости оставлю его въ нуждѣ и бѣдности»?

VI. Царь и подданный. Когда Петръ Великій пожаловалъ одного изъ вѣрныхъ слугъ своихъ великими милостями, и этотъ палъ передъ нимъ и назвалъ его отцомъ, то государь, назвавъ его по русскому обычаю братомъ, сказалъ:

„Встань, братецъ. Я приставленъ надъ вами отъ Бога, и моя

должность, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнимать. *Буде хорошъ будешь, то не столько мнѣ, сколько самъ себѣ и отечеству добра сдѣлаешь;* а буде худъ—то я истецъ на тебя буду. Богъ отъ меня того за всѣхъ васъ потребуетъ, чтобъ я за всякаго отвѣтъ далъ, *чтобы доброму и умному былъ просторъ добро творить, а злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать.* Служи вѣрой и правдой: тогда Богъ и совѣсть твоя, а при немъ и я, тебя не оставимъ. Тогда найдешь ты во мнѣ и отца и брата».

VII. *Петръ въ Полтавской битвѣ.* Въ русскомъ лагерѣ подъ Полтавою ожидали нападенія шведскихъ войскъ на 29 іюня; между тѣмъ наступленіе шведовъ началось утромъ 27 числа. Петръ еще спалъ, когда началась пальба. Проснувшись, онъ приказалъ полкамъ двинуться, сказавъ, что самъ сейчасъ же прибудетъ къ войскамъ. Карлъ шведскій такъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ Петромъ, что, отдавая приказъ о наступленіи, не велѣлъ брать войскамъ своимъ хлѣбнаго запаса. «Въ русскомъ лагерѣ, сказалъ онъ, довольно хлѣба; тамъ могутъ наѣсться досыта».

Между тѣмъ Петръ, двинувъ полки, одѣлся, помолился и вышелъ, сказавъ: „Теперь на начинающаго Богъ, а по Немъ и мы". Сѣвъ на лошадь, онъ прискакалъ къ войскамъ и лично предводительствуя, воодушевлялъ ихъ. Во время жаркаго боя, Петръ, несмотря на просьбы окружающихъ его, постоянно находился на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Уже пуля пробила шляпу его. Когда близкіе Петра упрашивали его беречь свою жизнь, онъ отвѣчалъ:

— Вы поставлены теперь вооруженные не за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой и за народъ россійскій. И для того не страшитесь славы непріятельской, но помните, сколько разъ онъ былъ отъ васъ самихъ побѣжденъ; слѣдовательно и нынѣ, по храбрости своей, побѣдить можете.

«А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему недорога; была бы жива Россія и благоденствіе ваше», говорилъ Петръ въ приказѣ передъ Полтавскою битвою.

Когда, послѣ битвы, въ палаткѣ, въ собраніи генераловъ, поздравляли Петра съ побѣдой и дивились шляпѣ его, пробитой пулею, то Петръ отвѣчалъ:

— Ради благополучія государства, и, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позоръ. Сія пуля не была жребіемъ смерти моей; десница Вышняго сохранила меня, чтобы спасти Россію и усмирить гордость брата Карла. Сія баталія [1])—счастье наше: она рѣшила судьбу обоихъ государствъ. Тако судилъ Промыслъ возвысить славою отчизну мою, и за то приносить будемъ благодареніе наше Богу въ день сей на вѣчныя времена.

На другой же день послѣ битвы государь приказалъ вырыть могилы: одну для офицеровъ, другую для нижнихъ чиновъ. По выры-

[1]) Баталія — битва, сраженіе.

тіи вокругъ могилъ были выстроены войска, къ которымъ вышелъ самъ царь, и началась панихида. Самъ Петръ, со слезами на глазахъ, стоялъ среди пѣвчихъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними. По окончаніи панихиды, царь сдѣлалъ мертвымъ три земныхъ поклона, самъ началъ засыпать могилы землею, сказалъ надгробную рѣчь и своими руками водрузилъ надъ курганомъ крестъ съ слѣдующею надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня».

Тогда же отданъ былъ имъ указъ о вѣчномъ поминовеніи убіенныхъ вовѣки, что и совершается ежегодно.

Въ тотъ же день представлялись государю знатные шведскіе плѣнники. Петръ принялъ ихъ милостиво, возвратилъ имъ ихъ шпаги, сожалѣлъ о ихъ несчастіи. Затѣмъ онъ угощалъ ихъ въ своей палаткѣ и пилъ за здоровье ихъ, высказавъ при этомъ слѣдующее:

— Я пью за здоровье моихъ учителей, которые меня воевать научили! (*По Карнловичу и др. источникамъ*).

10. Петербургъ.

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы[1]),
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ — нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева[2]);
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.
Люблю тебя, Петра творенье[3]),
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ;
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный[4]).

(А. Пушкинъ).

---

[1]) Природа финскихъ береговъ бѣдная, суровая, какъ бы враждебно относящаяся (подобно мачехѣ) къ людямъ.

[2]) Набережная Невы въ Петербургѣ гранитная.

[3]) Петербургъ основанъ Петромъ Великимъ въ 1703 году.

[4]) Въ Петербургѣ въ маѣ мѣсяцѣ заря съ зарей сходится.

11. Полтавскій бой [1]).

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ,
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катится ядра, свищутъ пули,
Навѣли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленіе крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней [2]) благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло! Съ Богомъ!...» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ
Гордись могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равнявсь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло: «ура!»
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой;
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны—
Его товарищи—сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И—счастья баловень безродный—
Полудержавный властелинъ [3]).

И передъ синими рядами [4])
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тяхо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ [5]) руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму, среди равнины,
И—грянулъ бой, Полтавскій бой!..

---

[1]) Происходилъ 1709 г. 27 іюня.

[2]) Брань—сраженіе.

[3]) Здѣсь разумѣется Александръ Даниловичъ Меншиковъ, происходившій изъ простого сословія и впослѣдствіи возвысившійся до свѣтлѣйшаго князя.

[4]) Цвѣтъ мундировъ шведской арміи синій.

[5]) Маніемъ—движеніемъ.

Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами [1]), саблями стуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груду тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ, гнутся шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась:
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.
(Пушкинъ).

12. Петръ Великій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной;
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
(Пушкинъ).

13. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдъ!“—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена уже не такія...
Жди, да у моря сиди.

Вамъ, вѣдь, все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

Шведы-ль, наши-ль или тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

---

[1]) Удилами.

Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ".

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся...
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ, что рѣшето.

—Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье,
На Петрово, попытай.—

„На Петрово! эко слово
Молвилъ! думаетъ рыбакъ:
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ!"...

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

(Майковъ).

14. Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ.

Деревянный домикъ, подъ черепичатою кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразцовою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ наиболѣе уединенной части Сардама: вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

(Устряловъ).

15. Памятникъ Петру Великому.

I. Императрица Екатерина II воздвигла Петру Великому въ Петербургѣ величественный памятникъ. Онъ состоитъ изъ большой гранитной скалы, на верху которой преобразователь Россіи изображенъ, съ повелительно поднятою рукой, скачущимъ на конѣ. Конь Петра давитъ громаднаго змѣя, какъ-бы въ знакъ того, что могучій царь-работникъ первый рѣшился совершенно передѣлать русскую землю, вывести ее изъ тьмы на свѣтъ Божій и раздавить зло невѣжества—самаго стараго и страшнаго нашего змѣя.

Столицы Невской посѣтитель,
Кто-бъ ни былъ ты—Петру поклонъ!
Сей мѣдный всадникъ—это онъ,
Ея державный прародитель.
Какъ мощны конь и человѣкъ!
То Петръ творящей мыслью правитъ.
Летитъ, отважный, въ новый вѣкъ
И змѣя древнихъ козней давитъ...
И здѣсь руки простертой кисть
Еще въ металлѣ жизнью дышитъ,
Изъ мѣдныхъ устъ—Россія слышитъ—
Гремитъ: «да будетъ свѣтъ!» И бысть.

16. Малое слово о великомъ.

Много дѣлъ, «зѣло» успѣшныхъ,
Тѣмъ царемъ совершено.
Имъ заложено въ *Потѣшныхъ*
Войска дивнаго зерно.
Взялъ топоръ и первый ботикъ
Онъ устроилъ, сколотилъ,
И родилъ тотъ ботикъ-флотикъ,
Этотъ флотикъ флотъ родилъ.
Онъ—за истину прямую—
Дерзость дерзкому прощалъ,
А за ложь, неправду злую,
Живота «весьма» лишалъ; —
А иному напоминки
Кой-о-чемъ, на-чистоту,
Дѣлалъ съ помощью дубинки
Дома въ дружескомъ быту;
А, подъ совѣсти порукой,
Правдой тычь не въ бровь, а въ глазъ....
Царь вспылитъ, но вмигъ почуетъ
Силу истины живой,
И тебя онъ расцѣлуетъ
За порывъ правдивый твой...
И близъ жаркой царской груди
Были люди хороши,
Люди правды, чести люди,
Люди сердца и души:
Другъ Лефортъ сердцеотвѣтный
Вплоть до двери гробовой,
Шереметевъ—мужъ совѣтный,
Князь Голицынъ боевой;—
Князь Голицынъ — другъ побѣдамъ,
Личный недругъ Рѣпнину...
Царь съ Даниловымъ велъ дружбу,
А по службѣ все въ-строку, —
Спуску нѣтъ: самъ началъ службу
Барабанщикомъ въ полку...
— Какъ-бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть?—думалъ онъ:
— Дай, поучимся у нѣмцевъ!....
Только первый шагъ мудренъ.
Сердце бойко застучало....
Всталъ онъ, время не губя:
«На Руси всему начало —
Царь;—начну-же я съ себя!»
И съ ремесленной науки
Началъ онъ, и—въ дѣлѣ скоръ—
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.
Съ бодрымъ духомъ въ бодромъ тѣлѣ
Славно плотничаетъ царь;
Тамъ—успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ;
Тамъ — глядишь — ужъ и токарь.
Къ мужику придетъ: «Богъ помочь!»
Тотъ трудится, лобъ въ поту...
—«Что ты дѣлаешь, Пахомычъ?»—
«Лапти, батюшка, плету;
Только дѣло плоховато,—
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято...»
—«Дай-ка я тѣ помогу!»—
Сѣлъ, продёрнетъ, стянетъ дырку,—
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плететъ въ частоковырку,
Такъ-что любо поглядѣть!
Въ полѣ къ праздному владѣльцу
Выйдетъ онъ, найдетъ досугъ
И исправитъ земледѣльцу
Борону его и плугъ.
А на трудъ свой съ недовѣрьемъ
Самъ все смотритъ... «Нѣтъ, пора
Перестать быть подмастерьемъ,—
Время вытти въ мастера».
И, покинувъ царедворскій
Штатъ, и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій:
«Человѣкъ-де я простой —
Петръ Михайловъ, плотникъ, слесарь,
Подмастерье»— говоритъ...
А на царствѣ тамъ князь-кесарь
Ромодановскій сидитъ—
Ѳедоръ Юрьичъ... Онъ, вѣдь, спроситъ
Отъ Петра и то, и сё,—
И рапортомъ онъ доноситъ
Князю-кесарю про всё.
«Вотъ—онъ пишетъ—дѣло наше
Подвигается; тружусь, —
И о здравьи Вашемъ Ваше

Я Величество молюсь.»
И припишетъ вдругъ: «однако,
Все я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будетъ, князь,—смотри!»
Навострившись у Голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ [1]),
У цесарцевъ [2]), итальянцевъ,
Поучился также онъ.
Для уроковъ же изустныхъ,
Что онъ Руси дать желалъ,
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за-моря прислалъ...
— Полно втунѣ волочиться,
Дворянинъ, сади сынка
Буквѣ, цыфири учиться,
Землемѣрію слегка.—
Только все успѣхи плохи,
И ученье ни-къ-чему.
Русскій смотритъ: скоморохи
Въ нѣмцахъ видятся ему, —
И учителямъ не хочетъ
Вѣрить, что-ни-говори;
Нѣмецъ—думаетъ—морочитъ,
Все фигляры, штукари!...
И державный нашъ работникъ
Посмотрѣлъ, нахмурилъ взоръ,
Снова вспомнилъ, что онъ плотникъ,
Да и взялся за топоръ...
И давай рубить онъ съ корня:
Роскошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархатъ, и парча!
Раззолоченныя тряпки,
Блестки—прочь! Все въ печь валились!
Скидавай собольи шапки:
Просто—нѣмцемъ нарядись!
Царь велѣлъ: слова коротки.
Простоты-жъ примѣръ въ глазахъ:
Самъ, подкинувъ онъ подметки,
Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.
Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ
Вывесть велѣно затворницъ—
И дѣвицъ, и молодицъ—
Въ ассамблею...[3]) Душегрѣйки
Съ плечъ долой! Таковъ приказъ...
Женки слезы трутъ платкомъ,
Царь-же потчуетъ радушно
Муженьковъ ихъ—табакомъ;
Табакерки! Трубки!... Въ глотку
Хоть не лѣзетъ, а тяни!
Порошку возьми щепотку—
Въ носъ нихни, нюхни, чихни!
Тянутъ, нюхаютъ... Ну, зелье!
Просто, одурь отъ него.
Эко знатное веселье!—
А привыкнешь—ничего,
Самъ попросишь... Въ плясъ голландскій
Хоть не хочется—иди!...
— Эй, ты тамъ, сынокъ дворянскій,
Выходи—ка, выходи!
Откружилъ [4]) —ступай въ науку,
А научишься—служи!
Мало дома школьныхъ храминъ—
За-границу поѣзжай;
А воротишься—экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!
Самъ допроситъ: выложь знанья—
Цифирь, линіи, круги,
А не сдержишь испытанья,
И жениться не моги...
Не позволитъ!—Оглянулся:
Онъ ужъ тамъ,—и снова весь
Мысль и дѣло;—покачнулся,
Задремалъ ты—онъ ужъ здѣсь.
Тамъ нашедъ онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ—серебряный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ;
Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ...
А межъ-тѣмъ наука всюду,
И въ наукѣ всюду—Петръ.
Разъ, замѣтивъ захолустье —
Лѣсъ, болотный уголокъ,

---

[1]) Альбіонъ—Англія.
[2]) Цесарцы—австрійцы.
[3]) Ассамблея—вечеринка, бесѣда.
[4]) Откружилъ—протанцовалъ.

Глушь кругомъ, при Невскомъ устьѣ—
Заложилъ онъ городокъ [1])...
— Шатокъ грунтъ — да сбоку море:
Расхлеснемъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на-затворѣ:
Дѣло сладимъ какъ-нибудь.—

Нынче сказана граница,
Завтра срублены лѣса,—
Чрезъ десятокъ лѣтъ—столица,
Черезъ сотню—чудеса!
Смерть смежила царски очи:
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды широкой мочи
Русь въ наслѣдье приняла.

(В. Бенедиктовъ).

17. Никита Демидовъ.

I. Молодость его относится къ первому времени царствованія Петра Великаго, т. е. къ концу XVII вѣка. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ работники къ кузнецу на тульскихъ заводахъ, получая платы алтынъ въ недѣлю. Весь свой заработокъ за первыя пять недѣль Никита отдалъ своей матери, сказавъ: «Вотъ тебѣ, матушка, за то, что ты меня кормила и поила»! Когда его стали перезывать въ другую мастерскую, обѣщая притомъ втрое большую плату, Демидовъ не согласился, а сказалъ о томъ своему хозяину, прибавивъ: «я не хочу забыть твоего хлѣба и соли: лучше ты самъ прибавь мнѣ что-нибудь».

II. Видя способности и прилежаніе Никиты, кузнецъ согласился. Въ 1699 году, по присланному Петромъ Великимъ иностранному образу, Демидовъ первый сдѣлалъ ядро и алебарду [2]), а вскорѣ, заведя свою фабрику, сработалъ по иностраннымъ же образцамъ первыя русскія ружья. Такъ какъ въ то время начиналась война со Швеціей, то издѣлія Демидова обратили на себя вниманіе Петра, который велѣлъ ему распространить свою фабрику, сказавъ, что самъ его не оставитъ. На полученныя отъ Государя деньги Демидовъ построилъ въ Тулѣ большой желѣзный заводъ и на немъ выдѣлывалъ для казны ружья и другіе военные снаряды, назначая за нихъ цѣну дешевле обыкновенной. Пожертвованія эти онъ продолжалъ дѣлать во все время войны. За такія дѣла, конечно, онъ получалъ и хорошее вознагражденіе: ему были даны земли въ Сибири, съ правомъ пріобрѣтать новыя покупкою; тамъ Демидовъ построилъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ и одинъ мѣдный въ нынѣшней пермской губерніи. Дѣла Демидова пошли такъ хорошо, что впослѣдствіи онъ владѣлъ уже многими заводами въ разныхъ губерніяхъ и постоянно старался, устраивая свои дѣла, приносить вмѣстѣ съ тѣмъ пользу и государству; бралъ на себя казенные подряды, на выгодныхъ для казны условіяхъ, производилъ горныя работы по добыванію гранита, порфира и мѣди въ рудникахъ нынѣшней Иркутской губерніи.

III. Человѣкъ вообще простой и скромный, Никита Демидовъ,

---

1) Петербургъ.

2) Алебарда—длинная пика, на концѣ которой находится родъ топора.

хотя и пріобрѣлъ уже большое богатство своими издѣліями и работами на принадлежавшихъ ему заводахъ, но рѣшительно отказался отъ всѣхъ чиновъ и отличій, предложенныхъ ему Петромъ Великимъ, и только едва принялъ дворянство. Этотъ Государь такъ цѣнилъ дѣятельность Демидова (которая въ то время, при переустройствѣ государства и при военныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно была очень полезна), что однажды сказалъ: «я счелъ-бы себя счастливымъ, если бы имѣлъ пять, шесть или даже меньше такихъ людей, какъ Демидовъ». Петръ Великій, самъ человѣкъ характера энергическаго и дѣятельнаго, любилъ встрѣчать тѣ же качества и въ другихъ, и потому, какъ извѣстно, взялъ многихъ своихъ приближенныхъ изъ простаго званія. А дѣятельность Никиты Демидова, поднявшагося изъ бѣднаго крестьянина до богача-заводчика, была, сверхъ того, обращена на пользу молодого государства, чѣмъ объясняется и первоначальное его возвышеніе и позднѣйшее значеніе.

18. Ломоносовъ.

Первый русскій ученый и поэтъ.

I. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 году и былъ сынъ крестьянина деревни Денисовки, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Отецъ его былъ рыбакъ и сына своего готовилъ къ тому же промыслу. Но Богъ опредѣлилъ ему другую жизнь. Мальчикъ какъ-то выучился грамотѣ и, будучи отъ природы очень уменъ и любознателенъ, пристрастился къ чтенію. Онъ прочиталъ все, что было подъ рукою — часословъ, псалтирь и другія церковныя книги; у сосѣда нашлись славянская грамматика и ариѳметика, напечатанныя по повелѣнію императора Петра для школъ; Ломоносовъ выпросилъ ихъ себѣ въ подарокъ и съ такимъ усердіемъ читалъ, что выучилъ наизусть.

Ломоносовъ.

Но вскорѣ его постигло горе. Онъ лишился матери, а отецъ женился на другой женѣ. Мачиха стала преслѣдовать и укорять пасынка за то, что онъ все читаетъ и не занимается «настоящимъ дѣломъ», не помогаетъ отцу ловить рыбу.

II. Между тѣмъ жажда къ знанію въ молодомъ рыбакѣ день ото дня становилась все сильнѣе. Кромѣ того ему приходилось слышать

разсказы отъ богомольцевъ и отъ купцовъ о великихъ дѣлахъ Петра, о школахъ, заведенныхъ имъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Это еще болѣе разжигало въ немъ желаніе учиться, и онъ рѣшился пробраться въ Москву, чтобы тамъ поступить въ школу. Но какъ же это сдѣлать? проситься у отца—нечего было и думать: отецъ къ сожалѣнію ничего не понималъ въ наукѣ; онъ, напротивъ, собирался женить сына и уже подыскалъ ему выгодную невѣсту. Тогда Ломоносовъ рѣшился покинуть родительскій домъ: тайкомъ отъ отца выхлопоталъ себѣ паспортъ, выпросилъ у знакомаго крестьянина китайчатое полукафтанье да нѣсколько денегъ и въ одну морозную ночь бѣжалъ, взявъ съ собой свои книги. Дорогою онъ нагналъ обозъ съ рыбою и съ этимъ обозомъ прибылъ въ Москву. Ему было тогда около 19 лѣтъ. Непривѣтливо встрѣтила Москва молодого крестьянина, жаждавшаго науки. У Ломоносова не было здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ, а въ карманѣ ни копейки. Первую ночь онъ долженъ былъ провесть въ саняхъ подъ открытымъ небомъ. Но на другой день въ обозъ пришелъ какой-то землякъ, который, узнавъ, зачѣмъ пріѣхалъ парень въ Москву, взялъ его къ себѣ и обѣщался опредѣлить въ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. При помощи знакомыхъ дѣло было устроено. Но только Ломоносова, несмотря на взрослыя лѣта, посадили въ самый низшій классъ, такъ какъ онъ не зналъ латинскаго языка, который былъ необходимъ въ этой школѣ. Съ жаромъ принялся Ломоносовъ за ученье; черезъ полгода онъ былъ уже переведенъ въ слѣдующій классъ и такъ въ теченіе пяти лѣтъ прошелъ весь курсъ наукъ и выучился латинскому и греческому языкамъ. Но это стоило ему большихъ трудовъ, страданій и лишеній. Съ одной стороны онъ терпѣлъ большую нужду въ средствахъ: школа выдавала только 90 к. въ мѣсяцъ, или по алтыну въ день, а этихъ денегъ едва доставало на хлѣбъ и квасъ. Съ другой стороны его сокрушяли жалобы отца на то, что онъ покинулъ его. Все вынесъ и преодолѣлъ Михаилъ Васильевичъ, *сгорая любовію къ наукѣ*. Но вотъ и московская школа не удовлетворяетъ Ломоносова. Онъ проситься въ Кіевъ, гдѣ, по слухамъ, учили лучше и больше.

III. Съ котомкой за плечами и съ палкою въ рукахъ прибылъ нашъ ученый крестьянинъ въ древнюю столицу Россіи. Здѣсь, дѣйствительно, книгъ онъ нашелъ больше и съ жадностію перечиталъ ихъ. Но и это ученье не особенно понравилось ему. По возвращеніи изъ Кіева Ломоносову представился случай продолжать образованіе.

По мысли и плану Петра Великаго, въ Петербургѣ учреждена была Академія Наукъ, т.-е. собраніе ученыхъ, которые занимались науками. При Академіи находилась также гимназія или школа, гдѣ учили молодыхъ людей. И въ эту-то школу потребовали теперь изъ Москвы нѣсколько лучшихъ учениковъ. Ломоносовъ былъ отправленъ въ числѣ этихъ лучшихъ, несмотря на то, что туда принимали только дворянскихъ дѣтей. Въ Петербургѣ онъ

поучился съ годъ времени, а потомъ, тоже какъ лучшій ученикъ, былъ отправленъ за границу учиться у нѣмецкихъ профессоровъ. Михаилъ Васильевичъ былъ внѣ себя отъ радости. Теперь онъ могъ узнать всю тогдашнюю премудрость. И дѣйствительно, уже одно пребываніе въ странѣ образованной принесло ему громадную пользу. Тутъ только онъ понялъ всю цѣну образованія. «Тѣ же люди, да не тѣ», говаривалъ онъ; «какая безконечная разница между образованнымъ человѣкомъ и необразованнымъ!» Но кромѣ того, за границею, въ Германіи, онъ попалъ въ ученики къ такому ученому человѣку (Вольфу), который своею ученостію былъ извѣстенъ всему свѣту. Ломоносовъ пробылъ за границею около 4 лѣтъ и все это время работалъ неустанно. Профессора удивлялись его трудолюбію, его успѣхамъ и природнымъ дарованіямъ. Онъ скоро усвоилъ нѣмецкій языкъ, выучился французскому, узналъ многія науки и, наконецъ, сдѣлался такимъ образованнымъ человѣкомъ, какихъ въ Россіи тогда не было.

IV. Живя за границей, Ломоносовъ удивилъ также и своихъ соотечественниковъ талантомъ своимъ. Въ это время въ Россіи царствовала Анна Іоанновна. Она вела войну съ Турціею. Послѣ Петра I турки и крымскіе татары были уже не страшны намъ. Русскіе разбивали ихъ на каждомъ шагу. Вотъ однажды мы взяли сильную турецкую крѣпость Хотинъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла всю Европу. Ломоносовъ также услыхалъ объ этой побѣдѣ и пришелъ въ восторгъ. Онъ написалъ по этому случаю стихи («Оду на взятіе Хотина») и прислалъ ихъ въ Академію. Здѣсь всѣ были поражены звучностію и легкостію ихъ. Такихъ хорошихъ стиховъ тогда еще никто въ Россіи не могъ писать. Ихъ представили императрицѣ, читали при дворѣ, въ городѣ и вездѣ съ восторгомъ. Съ этихъ поръ и пошла слава о рыбакѣ Ломоносовѣ, какъ первомъ русскомъ поэтѣ, или стихотворцѣ.

V. Но, несмотря на славу, Ломоносову пришлось еще много вытерпѣть горя. Академія не слишкомъ исправно высылала за границу жалованье своимъ студентамъ, и они принуждены были дѣлать долги. Ломоносовъ же, кромѣ того, женился тамъ на бѣдной дѣвушкѣ, дочери одного ремесленника; у него родилась дочь, расходы увеличились, и онъ впалъ въ такіе долги, что долженъ былъ скрыться отъ своихъ заимодавцевъ и тайкомъ бѣжалъ въ Россію, оставивъ до времени жену и дочь за границей. Несчастія Ломоносова этимъ не кончились.

Повидимому, слѣдовало бы ожидать, что Академія съ радостію приметъ такого талантливаго и образованнаго человѣка, каковъ былъ Ломоносовъ. Оказалось противное. Академія наша была тогда наполнена нѣмецкими учеными, которые старались не давать ходу русскимъ. Когда Ломоносовъ, прибывши въ Петербургъ, обратился къ начальнику Академіи, то этотъ сначала даже не принялъ его, и первому русскому ученому пришлось бы, по возвращеніи на родину,

провесть первую ночь на улицѣ, если бы надъ нимъ не сжалился академическій сторожъ, который пустилъ его переночевать къ себѣ. Какъ ученѣйшій человѣкъ, Ломоносовъ, несмотря на нежеланіе нѣмцевъ-академиковъ, опредѣленъ былъ, однакожъ, профессоромъ въ Академію и теперь всего себя посвятилъ наукѣ. Онъ преподавалъ и занимался разными предметами: русскимъ языкомъ, русскою исторіею, физикою, химіею и другими; онъ написалъ *первую* русскую грамматику, учебникъ русской исторіи. Множество мыслей роилось въ головѣ этого геніальнаго человѣка. Онъ первый объяснилъ русскимъ, отчего бываетъ тепло, откуда берется дождь, что такое планеты небесныя, кометы, отчего происходитъ сѣверное сіяніе и многое другое. Много также Ломоносовъ сочинилъ стиховъ, а главное—показалъ, какъ нужно писать стихи, чтобы они выходили болѣе или менѣе хороши. Усталости не зналъ этотъ человѣкъ. Онъ трудился, можно сказать, за цѣлую Россію.

VI. Неутомимая дѣятельность Ломоносова тѣмъ болѣе должна поражать каждаго, что онъ, будучи уже профессоромъ, продолжалъ терпѣть нужду и разныя лишенія. Года черезъ два только по возвращеніи изъ-за границы онъ могъ перевезти къ себѣ свою семью. Много огорченій и непріятностей испытывалъ онъ также отъ нѣмцевъ-академиковъ. Положеніе Ломоносова стало улучшаться только съ того времени, когда въ немъ приняли участіе люди сильные, напримѣръ: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Воронцовъ и другія лица, имѣвшія большую силу при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, дочери Петра Великаго. Они довели до свѣдѣнія императрицы объ его ученыхъ трудахъ, и она пожаловала ему мызу и деревню недалеко отъ Ораніенбаума. Еще болѣе цѣнила перваго русскаго поэта и ученаго императрица Екатерина II. Она наградила его чинами и орденами; ласково принимала его во дворцѣ и разговаривала съ нимъ объ ученыхъ предметахъ.

VII. Но не возгордился Михаилъ Васильевичъ ни высокою милостью царскою, ни чинами своими великими, ни дружбой вельможъ именитыхъ. До конца дней своихъ оставался онъ все такимъ же простымъ да привѣтливымъ ко всякому, кто бы онъ ни былъ; никогда не стыдился онъ своего происхожденія, всегда съ большой радостью и лаской принималъ своихъ холмогорскихъ родственниковъ и земляковъ.

Однажды ему говорятъ, что его ждетъ какой-то старичокъ... Ломоносовъ выходитъ и видитъ передъ собой Пимена Никитича, того самаго приказчика, который спасъ его отъ мороза и голода на архангельской дорогѣ и помогъ добраться до Москвы. Какъ же обрадовался ему Михаилъ Васильевичъ! Не зналъ, куда усадить, чѣмъ угостить дорогого гостя. Сначала долго не рѣшался Пименъ сѣсть предъ такимъ важнымъ бариномъ; но Михаилъ Васильевичъ такъ обласкалъ своего перваго благодѣтеля, что старикъ скоро ободрился и началъ разсказывать ему, какъ онъ разорился и теперь, въ нищетѣ,

не знаетъ, куда приклонить свою голову. На первое время Ломоносовъ пріютилъ его у себя, а потомъ выхлопоталъ ему мѣсто въ богадѣльнѣ, часто навѣщалъ его тамъ и помогалъ ему деньгами.

VIII. Неустанные и чрезмѣрные труды Ломоносова сильно разстроили его здоровье. На 54-мъ году его жизни недуги стали такъ крѣпко одолѣвать его, что онъ принужденъ былъ даже оставить свои занятія. Въ это время, уже подъ конецъ дней его, императрица почтила его послѣдней и величайшей наградой: она посѣтила больного Ломоносова въ его собственной квартирѣ, уговаривала его беречь себя и утѣшала надеждой на выздоровленіе. Слезы радости текли изъ глазъ его, когда онъ провожалъ царицу до ея экипажа, и въ теченіе нѣсколькихъ дней казался здоровымъ. Но болѣзнь брала свое, и 4-го апрѣля 1765 г. Ломоносовъ умеръ. И вотъ, бѣглаго холмогорскаго крестьянина, за тридцать лѣтъ передъ этимъ украдкой вошедшаго въ Москву, испытавшаго затѣмъ въ своей жизни много горя, лишеній и всякихъ бѣдъ, провожали теперь въ мѣсто упокоенія знатнѣйшее духовенство и вельможи. Государыня пожаловала большую сумму денегъ на его погребеніе, которое было такъ пышно, какъ обыкновенно хоронятъ только очень важныхъ особъ.

Тѣло его погребено въ С.-Петербургѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ покоятся первые вельможи русскіе и люди, особенно прославившіеся своими заслугами отечеству.

(По Рождественскому и друг.).

19. Отрокъ [1]).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

(Пушкинъ).

20. Ломоносовъ.

Его избралъ Господь отъ малыхъ;
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньи звѣздъ и въ зорѣхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ...

—

И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,—
Чтобъ Русь познадъ отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.

—

Повелъ его на западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ

---

[1]) Подъ отрокомъ здѣсь разумѣется Ломоносовъ.

Все откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ;
—
Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ. (*Майковъ*).

21. Школьникъ.

—Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ—
Невеселая дорога...
—Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!—
Ноги босы, грязно тѣло,
И едва прикрыта грудь...
—Не стыдися! что за дѣло!
Это многихъ славныхъ путь.
Вижу я въ котомкѣ книжку,
Такъ, учиться ты идешь?..
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.
Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.
Или, можетъ, ты дворовый,
Изъ отпущенныхъ?.. Ну, что-жъ!
Случай тоже ужъ не новый—
Не робѣй, не пропадешь!..
Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ Архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.
Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ [1])—
Сонъ свершится на яву!
Тутъ ужъ поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!
Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!..
(*Некрасовъ*).

22. Императрица Екатерина Великая.

I. Екатерина Великая, дочь владѣтельнаго нѣмецкаго князя, тринадцати лѣтъ пріѣхала въ Россію. Въ Россіи Екатерина приняла православную вѣру и вышла замужъ за наслѣдника русскаго престола Петра III. Со дня пріѣзда въ Россію она усердно принялась изучать русскій языкъ, русскіе обычаи, внимательно вслушивалась и всматривалась во все, что вокругъ ея дѣлалось, сносилась и бесѣдовала съ умными людьми и весь досугъ свой отдавала чтенію книгъ. Послѣ смерти супруга своего, императора Петра III, въ 1762 г., Екатерина, тридцати съ небольшимъ лѣтъ, сдѣлалась самодержавною русскою царицею, и тогда-то обнаружились накопленныя въ ней долгими годами мудрость, знаніе людей и опытность. Въ тридцати-четырехлѣтнее ея царствованіе въ Россіи шла безпрерывная работа: то докан-

---

1) Университетъ—высшее учебное заведеніе.

чивалось что—либо, начатое Петромъ Великимъ: то выполнялось только задуманное имъ, одно исправлялось и улучшалось, другое дѣлалось заново. Изъ внутреннихъ дѣлъ Екатерины особенно важны слѣдующія: она устроила новые лучшіе суды и очень заботилась, чтобы всякій обиженный могъ найти въ нихъ защиту и чтобы никто не страдалъ отъ суда безвинно. «Лучше», говорила мудрая царица, «оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить хоть одного невиннаго!» Для лучшаго устройства и порядка Екатерина раздѣлила Россію на 50 губерній, а каждую губернію на уѣзды. Жителямъ городовъ она предоставила право самимъ вѣдаться въ своихъ дѣлахъ; для этого по городамъ устроены были думы, состоящія изъ выборныхъ отъ горожанъ для завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ. Подобныя же права управляться самимъ посредствомъ выборныхъ, Екатерина даровала и дворянамъ, и купцамъ, и крестьянамъ. Во многихъ городахъ императрица открыла новыя училища, какъ мужскія, такъ и женскія, и устроила нѣсколько благотворительныхъ заведеній для вдовъ и сиротъ; очень много заботилась объ увеличеніи въ Россіи фабрикъ и заводовъ и о расширеніи торговли; она со всѣми европейскими народами заключила торговые договоры и издала очень много полезныхъ для Россіи законовъ.

Императрица Екатерина Великая.

II. Все это и многое еще другое Екатерина успѣла сдѣлать среди длиннаго ряда войнъ, которыя пришлось ей вести съ сосѣдями. Главными врагами Россіи въ то время были турки; султанъ турецкій два раза объявлялъ войну Екатеринѣ и оба раза потерпѣлъ страшныя пораженія. Въ первую изъ этихъ войнъ начальникомъ русскихъ былъ Румянцевъ, который нѣсколько разъ жестоко побилъ турокъ; но особенно славна побѣда его была при рѣкѣ Кагулѣ, гдѣ онъ съ 17-ю тысячами русскаго войска разбилъ на-голову 150 тысячъ лучшаго турецкаго войска. Въ ту же войну русскій флотъ, подъ начальствомъ Орлова, взорвалъ и сжегъ всѣ турецкіе корабли при Чесмѣ. Вторая война для турокъ была еще гибельнѣе первой; въ эту войну прославился великій русскій полководецъ Суворовъ. Изъ множества большихъ и малыхъ побѣдъ его надъ турками самыми замѣчательными

были: взятіе штурмомъ неприступной крѣпости Измаила и уничтоженіе стотысячной турецкой арміи при рѣкѣ Рымникѣ. Эти славныя побѣды русскихъ войскъ принудили турецкаго султана уступить намъ сѣверный берегъ Чернаго моря и весь Крымъ. Кромѣ турокъ Екатерина вела еще нѣсколько большихъ войнъ съ поляками. Поводомъ къ этимъ войнамъ были древнія русскія земли, которыя еще во время татарской неволи отняты были у Россіи Литвою, а потомъ подпали подъ власть поляковъ. Народъ въ этихъ областяхъ исповѣдывалъ православную вѣру, а поляки, чтобы укрѣпить эти земли за собою навсегда, старались обратить жителей этихъ земель въ свою католическую вѣру. А какъ русскій народъ крѣпко стоялъ за свою вѣру, то поляки и дѣлали ему различныя притѣсненія. За этотъ-то угнетенный народъ и вступилась императрица. Войска наши разбили поляковъ и заняли Польшу. Въ Польшѣ начались неурядицы, безначаліе, смуты; тогда три сосѣднія государства—Россія, Австрія и Пруссія раздѣлили Польшу между собою. Россіи при этомъ дѣлежѣ досталась часть Балтійскаго побережья и старинныя русскія земли, бывшія подъ властью Польши. За блестящія побѣды Екатерины и ея мудрые внутренніе порядки всѣ единодушно назвали ее Великой.

(Изъ Хрест. Пуцыковича).

23. Екатерина Великая въ домашнемъ и царскомъ быту.

I. Екатерина была средняго роста, стройна, плѣнительной красоты, слѣды которой не истребились до самой ея кончины. Въ голубыхъ ея глазахъ изображалась скромность, доброта и спокойствіе духа. Она говорила тихо, и пріятная улыбка обворожала всѣхъ. Какъ ни старалась она скрывать свой санъ, но необыкновенно величественный видъ ея вселялъ уваженіе во всякомъ; не видавшій ея никогда призналъ бы въ ней императрицу и среди толпы. Знаменитые иностранцы говорили объ этой государынѣ, что она рождена быть владычицею народовъ.

II. Екатерина была права тихаго, спокойнаго, веселаго и, въ противоположность тому, иногда вспыльчиваго.

Оплошность, медленность, недогадливость служителей извиняла снисходительно, а при необходимости упрекала съ кротостью, какъ мать, поучающая своихъ дѣтей. Привѣтливость, одобреніе, доставленіе какого-нибудь удовольствія входили въ ея правила. Она обладала превосходнымъ искусствомъ давать оттѣнки всякой своей рѣчи, всякому своему движенію и даже взгляду.

Она кланялась, принимала вельможъ неодинаково, по достоинствамъ, лѣтамъ и заслугамъ каждаго.

III. Екатерина пробуждалась всегда въ 6 часовъ и не требовала себѣ никакой прислуги. Сама обуется, одѣнется, зажжетъ свѣчу, затопитъ каминъ, и тогда какъ почти всѣ люди во дворцѣ еще спали,

императрица уже исполняла свои обязанности. До такой степени она дорожила спокойствіемъ послѣдняго изъ своихъ подданныхъ!

Однажды, во время такого уединенія, когда пылалъ огонь въ каминѣ, когда все вокругъ ея безмолвствовало, раздался дикій голосъ: „потушите скорѣй огонь“! Изумленная Екатерина спросила: кто тамъ, кричитъ?—„Я, отозвался сквозь пустоту камина трубочистъ,—я чищу трубу: погасите скорѣй, мнѣ горячо“.—Императрица принесла кружку воды, залила дрова, и узнавъ, что труба отъ самаго верха была прямая, приказала ее исправить.

IV. По окончаніи занятій своихъ и утренняго туалета, государыня вступала въ кабинетъ, куда приносили ей левантскій кофе съ густыми сливками. Потомъ опять садилась за дѣла и занималась до 9 часовъ. Въ это время являлись къ ней разныя должностныя лица съ бумагами. Первый входилъ оберъ-полицеймейстеръ съ докладомъ о происшествіяхъ, о цѣнахъ на жизненные припасы, потомъ приходили: генералъ-прокуроръ, президентъ, статсъ-секретари и другія лица.

Всѣ часы были распредѣлены, бумаги по статьямъ лежали на опредѣленныхъ мѣстахъ; особы съ отличными способностями, раздѣляя съ нею труды, пользовались ея довѣренностію, привыкали къ должностямъ, къ ея нраву, правиламъ. Всякій зналъ, что когда дѣлать, и единообразіе въ этомъ никогда не измѣнялось. Кто видѣлъ это при восшествіи Екатерины на престолъ, тотъ не примѣчалъ никакой въ томъ перемѣны чрезъ 34 года, до самой ея кончины.

V. Она была для домашнихъ не повелительницею, а нѣжнѣйшею матерью; они малѣйшее ея неудовольствіе принимали съ прискорбіемъ и легкій упрекъ почитали большимъ наказаніемъ. Государыня обходилась съ ними кротко, вѣжливо, извиняла ихъ недостатки, входила въ ихъ положеніе, доставляла имъ разныя удовольствія, покоила ихъ, дорожила имп. Однажды захотѣла она пить, и зная, что дневальный камердинеръ въ это время, по обыкновенію своему, дремлетъ, нѣсколько разъ осторожно отворяла дверь и всякій разъ безъ успѣха возвращалась къ своимъ кресламъ. Прошло болѣе получаса въ терпѣніи, наконецъ она позвонила; выспавшійся камердинеръ принесъ ей воды съ морсомъ, и тогда императрица объявила ему, что его дремота долго мучила ее жаждою.

VI. Екатерина садилась за обѣдъ въ два часа. За столомъ находилось всегда восемь или десять особъ. Обходились просто, говорили свободно. Разсуждали иногда объ европейскихъ новостяхъ, о поступившихъ въ свѣтъ сочиненіяхъ, о смѣшныхъ или примѣчательныхъ происшествіяхъ въ столицѣ. Все позволялось, исключая обидныхъ или острыхъ словъ насчетъ другого: Екатерина не терпѣла злословія. Гости видѣли въ ней ласковую, любезную хозяйку, а не императрицу, и время, проведенное съ нею, оставалось у всѣхъ надолго въ памяти. Она дорожила самолюбіемъ каждаго; обращала вниманіе на его разсужденія, соображая, что, кто доволенъ собою, тотъ доволенъ и ею.

Природа надѣлила Екатерину превосходнымъ искусствомъ восхищать взоры, душу и сердце.

VII. Послѣ обѣда, выпивъ чашку кофе, Екатерина уходила въ свой кибинетъ, садилась за рукодѣлье, вязала на длинныхъ спицахъ изъ шерсти одѣяла, фуфайки, а Иванъ Ивановичъ Бецкой (начальникъ воспитательныхъ заведеній) читалъ предъ нею книги. Ужиновъ, кромѣ праздничныхъ дней, не было. Въ 10-ть часовъ она удалялась, ложилась въ постель, пила отварную воду и спокойно засыпала.

VIII. Императрица исполняла съ точностію всѣ уставы вѣры, слушала въ воскресные и праздничные дни заутрени, обѣдни, наблюдала посты и собою подавала примѣръ въ благочестіи.

IX. Для параднаго женскаго наряда при дворѣ Екатерина ввела русское платье. Она сохранила русскіе обычаи, знала многія пословицы, поговорки.

На святкахъ пѣли при ней подблюдныя пѣсни, играли въ жмурки, въ веревочку, кошку и мышку, въ хороводы. Она хотѣла поддержать старинныя русскія обыкновенія и сама участвовала въ играхъ.

X. Русскій языкъ предпочитала всѣмъ другимъ. „Нашъ языкъ,— писала она къ одному извѣстному французскому сочинителю,—такъ богатъ, силенъ и выразителенъ, что изъ него можно дѣлать все по желанію, а вашъ столь бѣденъ, что надобно быть вами, чтобы изъясниться съ такою пріятностію".

XI. Она любила русское дворянство и вообще весь русскій народъ. Она говорила, что народъ русскій есть особенный во всемъ мірѣ, что Богъ далъ ему особенныя отъ другихъ свойства. Она была рождена для нашего отечества, гордилась званіемъ Сѣверной Владычицы; все, что только принадлежало Россіи, было для нея драгоцѣннымъ. Когда послѣ продолжительной болѣзни, она показалась собранію, всѣ обрадовались, подходили къ ней съ привѣтствіями. „Лучше поздравьте меня, сказала императрица, что мой докторъ выпустилъ изъ меня послѣднюю нѣмецкую кровь".

XII. Въ 1790-хъ годахъ служилъ въ сенатѣ секретаремъ Позднякъ: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ домашнимъ секретаремъ при Дм. Прокофьевичѣ Трощинскомъ. Однажды Трощинскій передалъ ему подписанный императрицею указъ для снятія съ него копіи. Позднякъ положилъ его отдѣльно отъ прочихъ бумагъ и, дабы онъ не запачкался, вложилъ его въ обложку. Придя домой, занялся разборкою бумагъ и черновыя, ненужныя, началъ разрывать; въ числѣ этихъ нечаянно захватилъ обложку, въ которой былъ указъ императрицы, и вмѣстѣ съ указомъ, разорвалъ ее. Увидавъ сейчасъ-же свою ошибку, онъ страшно испугался: сначала хотѣлъ броситься въ Неву, но потомъ, не измѣняя своего намѣренія, рѣшился прежде зайти въ Казанскій соборъ и, передъ смертью, помолиться и испросить у Бога прощенія своему невольному самоубійству. Во время молитвы ему почудилось, что будто кто-то совѣтовалъ ему все это объяснить прямо импера-

рицѣ. Изъ собора онъ возвратился домой и, надѣвъ свой сенатскій мундиръ, поѣхалъ въ Царское, гдѣ въ то время жила государыня. Тамъ онъ остановился у священника, которому разсказалъ свое горе. Священникъ принялъ въ немъ участіе и сказалъ ему, что обыкновенно, въ 7 часовъ утра, императрица гуляетъ съ одною дамою въ саду, указалъ мѣсто ея гулянья и даже посовѣтовалъ, гдѣ ему остановиться и ждать государыню, — это было на поворотѣ изъ одной аллеи въ другую.

Онъ такъ и сдѣлалъ.

На другой день, забравшись часовъ въ 6, онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ императрицы. Дѣйствительно, въ 7 часовъ показалась она въ сопровожденіи одной дамы. Тогда онъ всталъ на колѣна; императрица замѣтила его, не доходя нѣсколько шаговъ, и остановилась въ нерѣшительности; но потомъ, видя сенатскій мундиръ и смиренную колѣнопреклоненную позу, подошла къ нему и спросила, что ему нужно. Онъ разсказалъ ей свое горе.

— Ты не лжешь, спросила его государыня,—дѣйствительно ты по ошибкѣ разорвалъ мой указъ?

— Богъ свидѣтель, матушка, что ошибкою, отвѣчалъ Позднякъ.

— А кто писалъ указъ? спросила императрица.

— Я, матушка государыня, отвѣчалъ онъ.

— Ну, ступай перепиши и завтра, въ это время, будь здѣсь.

Онъ такъ и исполнилъ.

На другой день, въ 7 часовъ утра, онъ былъ уже на томъ самомъ мѣстѣ: съ нимъ была чернильница и перо.

Императрица опять явилась въ сопровожденіи этой же дамы; увидѣвъ его, подозвала къ себѣ, взяла указъ, прочитала и, приказавъ ему наклониться, подписала у него на спинѣ. Отдавая ему, сказала:

— Прежде всего благодари Бога, что онъ удержалъ тебя отъ самоубійства и внушилъ тебѣ мысль явиться ко мнѣ, а потомъ, чтобъ объ этомъ никто, кромѣ тебя и меня, не зналъ.

Онъ свято исполнилъ волю императрицы: никогда и никому объ этомъ не говорилъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ требуетъ его къ себѣ Трощинскій; онъ является.

— Давно ли ты задними ходами, мимо начальства, ходишь къ императрицѣ?—грозно спросилъ его Трощинскій.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я никогда не бывалъ у императрицы, отвѣчалъ Позднякъ.

— Врешь! Матушка-царица жалуетъ тебѣ 300 душъ и Владимирскій крестъ; на, возьми его и сейчасъ подавай въ отставку. Я не хочу служить съ тѣми, кто забѣгаетъ къ государынѣ задними ходами.

Позднякъ въ испугѣ передалъ тогда Трощинскому все происшествіе. Трощинскій взялъ его за руку, подвелъ къ образу, поставилъ на колѣна и самъ всталъ, сказавъ: „будемъ молиться за матушку ца-

рицу,—такой другой намъ не нажить,"—и оставилъ его на службѣ. („Рус. Стар". 1874 г. Т. II, стр. 370).

XIII. Въ одинъ изъ торжественныхъ дней, въ которые Екатерина всенародно приносила въ Казанскомъ соборѣ моленіе и благодареніе Господу Богу, небогатая дворянка, упавъ на колѣна передъ образомъ Божіей Матери, повергла предъ нимъ бумагу. Императрица, удивленная такимъ необыкновеннымъ дѣйствіемъ, приказываетъ подать себѣ эту бумагу, и что же видитъ? Жалобу Пресвятой Дѣвѣ на несправедливое рѣшеніе тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергаетъ просительницу въ совершенную бѣдность. „Владычица"! говоритъ она въ своей жалобѣ, просвѣти и вразуми благосердную нашу монархиню, да судитъ судъ правый".—Екатерина приказываетъ просительницѣ чрезъ три дня явиться къ ней во дворецъ. Между тѣмъ вытребываетъ изъ сената ея дѣло и прочитываетъ его съ великимъ вниманіемъ.

Прошло три дня. Дама, принесшая жалобу Царицѣ Небесной на царицу земную, является; ее вводятъ въ кабинетъ; съ трепетомъ приближается она къ императрицѣ.

— Вы правы, говоритъ Екатерина,—я виновата,—простите меня; одинъ Богъ совершенъ; а я вѣдь человѣкъ, но я поправляю мою ошибку; имѣніе ваше возвращается, а это (вручая ей драгоцѣнный подарокъ) примите отъ меня и не помните огорченій, вамъ нанесенныхъ. (Черты изъ жизни Екатерины II. „Древняя и новая Россія" Т. I).

XIV. Екатерина чрезвычайно любила маленькихъ дѣтей. Она привязывалась даже къ дѣтямъ своихъ служителей или къ сиротамъ, которыхъ воспитывала и которыми постоянно окружала себя, забавляясь ихъ проказами. Однажды полиція нашла на улицѣ ребенка, подкинутаго родителями. Императрица взяла его на свое попеченіе и такъ какъ онъ оказался красивымъ и умнымъ мальчикомъ, то сама занялась его образованіемъ и каждый день посылала въ школу брать уроки нѣмецкаго языка. Разъ ребенокъ возвратился изъ школы весьма печальный. Императрица посадила его къ себѣ на колѣна и съ участіемъ спросила о причинѣ горя.

— Ахъ, матушка, отвѣчалъ онъ, — я много плакалъ: нашъ учитель умеръ; его жена и дѣти въ большомъ отчаяніи; въ школѣ говорятъ, что они очень несчастливы, потому что бѣдны и теперь у нихъ нѣтъ никого, кто бы далъ имъ обѣдать.

Выслушавъ это, императрица поцѣловала ребенка и тотчасъ же послала одного изъ своихъ придворныхъ къ директору школы узнать подробнѣе о положеніи бѣднаго семейства. Когда ей донесли, что учитель умеръ, оставивъ семью въ крайней нищетѣ, она приказала выдать вдовѣ триста рублей, а дѣтей помѣстить на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній.

XV. Екатерина не терпѣла шутовъ, но держала около себя одну женщину по имени Матрену Даниловну, которая жила во дворцѣ на

всемъ готовомъ, могла всегда входить къ государынѣ, звала ее сестрицей и разсказывала о городскихъ новостяхъ и слухахъ. Слова ея нерѣдко принимались къ свѣдѣнію. Однажды Матрена Даниловна, питая почему-то неудовольствіе на оберъ-полицеймейстера Рылѣева, начала отзываться о немъ дурно.

— Знаешь ли, сестрица, говорила она императрицѣ,—всѣ имъ недовольны; увѣряютъ, что онъ нечистъ на руку.

На другой день, Екатерина, увидѣвъ Рылѣева, сказала ему:

— Никита Ивановичъ! пошли-ка Матренѣ Даниловнѣ что-нибудь изъ зимнихъ запасовъ твоихъ, право, сдѣлай это, только не говори, что я присовѣтовала.

Рылѣевъ не понималъ, съ какимъ намѣреніемъ императрица давала ему этотъ совѣтъ, однако же отправилъ къ шутихѣ нѣсколько свиныхъ тушъ, индѣекъ, гусей и т. п. Все это было принято весьма благосклонно.

Черезъ нѣсколько времени императрица сама начала въ присутствіи Матрены Даниловны дурно отзываться о Рылѣевѣ и выразила намѣреніе смѣнить его.

— Ахъ, нѣтъ, сестрица, отвѣчала Матрена Даниловна,—я передъ нимъ виновата: ошиблась въ немъ; всѣ твердятъ, что онъ человѣкъ добрый и безкорыстный.

— Да, да, возразила императрица съ улыбкой,—тебѣ нашептали это его гуси и утки. Помни, что я не люблю, чтобы при мнѣ порочили людей безъ основанія. Прошу впередъ быть осторожнѣе. (Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII в. Вейдемейера, СПБ. 1846 г. ч. II, стр. 158).

XVI. Камеръ-медхенъ императрицы, камчадалка Екатерина Ивановна, была очень забывчива. Однажды утромъ она не только забыла приготовить ледъ, составлявшій обыкновенно умываніе государыни, но даже сама ушла куда-то. Екатерина долго ее дожидалась, и когда, наконецъ, неисправная камеръ-медхенъ явилась, то императрица, вмѣсто ожидаемаго взысканія, обратилась къ ней съ слѣдующими словами:

— Скажи, пожалуйста, не думаешь ли ты навсегда остаться у меня во дворцѣ? Вспомни, что тебѣ надобно выходить замужъ, а ты не хочешь исправиться отъ своей безпечности. Вѣдь мужъ—не я: онъ будетъ строже меня взыскивать съ тебя. Право, подумай о будущемъ и лучше привыкай заранѣе. (Анекдоты объ императрицѣ Екатеринѣ Великой. Москва. 1839 г.).

XVII. Во время одного изъ съѣздовъ ко Двору, императрица стояла у окна и замѣтила, что какой-то кучеръ, сойдя съ козелъ, гладилъ и ласкалъ своихъ лошадей.

— Я слыхала, — сказала государыня присутствовавшимъ,—что кучерскими ухватками у насъ называются грубые, жестокіе поступки;

но посмотрите, какъ этотъ кучеръ обходится съ животными; онъ вѣрно добрый человѣкъ, узнайте, кто его господинъ?

Ей доложили, что кучеръ принадлежитъ сенатору Я. П. Шаховскому. Императрица приказала позвать Шаховского и встрѣтила его со слѣдующими словами:

— Къ вашему сіятельству есть челобитчица.

— Кто бы это, ваше величество? спросилъ удивленный Шаховской.

— Я, отвѣчала Екатерина:—вашъ кучеръ добросовѣстнѣе всѣхъ другихъ; я не могла довольно налюбоваться на его обращеніе съ лошадьми. Прибавьте, прошу, ему за это жалованье.

— Государыня! Сегодня же исполню ваше приказаніе.

— А чѣмъ же вы его наградите,—скажите мнѣ?

— Прибавкою пятидесяти рублей въ годъ.

— Очень довольна и благодарна, сказала императрица и подала Шаховскому руку. (Черты изъ жизни Екатерины Великой. СПБ. 1819 г. 218).

XVIII. Однажды графъ Салтыковъ поднесъ императрицѣ списокъ о производствѣ въ генералы. Чтобъ облегчить императрицѣ трудъ и обратить ея вниманіе, подчеркнулъ онъ красными чернилами имена тѣхъ, которыхъ производство, по его мнѣнію, должно было остановить. Государыня нашла подчеркнутымъ имя бригадира князя Павла Дмитріевича Циціанова.

— Это за что?—спросила она.

— Офицеръ его ударилъ, отвѣчалъ Салтыковъ.

— Такъ что-жъ? Ты выйдешь отъ меня, изъ-за угла накинется на тебя собака, укуситъ, и я должна Салтыкова оставить? Князь Циціановъ отличный, умный, храбрый офицеръ; имъ должно дорожить; онъ намъ пригодится. Такихъ людей у насъ немного!

И собственноручно отмѣтила: «Производится въ генералъ-майоры».

Екатерина не ошиблась: князь Циціановъ оправдалъ ея мнѣніе (Разсказы Де-Санглена. „Русск. Стар.“ 1883 г.).

24. Суворовъ.

I. Василій Ивановичъ Суворовъ, дослужившійся до чина полнаго генерала и имѣвшій нѣсколько деревень, вышелъ въ отставку и поселился въ одной деревнѣ Новгородской губерніи. Здѣсь жилъ съ нимъ и сынъ его Саша.

Саша былъ рѣзвый мальчикъ. Бѣгать, лазить по деревьямъ, купаться, ѣздить верхомъ—это была его страсть. Только за дверь—и пошелъ гулять подпрыгивая: тамъ перескочитъ, тамъ перелѣзетъ и очутится въ полѣ. Бродитъ, пока не устанетъ: то камешекъ подниметъ и разсматриваетъ его; то сорветъ цвѣтокъ и любуется имъ; то смотритъ вдаль и задумывается. Предъ нимъ яма: если узкая, перескочитъ ее; если неглубокая, прыгнетъ туда и, безъ сомнѣнія, пере-

пачкается вдоволь, особенно на обратномъ пути оттуда. Предъ нимъ лѣсъ: онъ туда, и лазитъ по деревьямъ, не обращая вниманія на то, что изъ одной полы нерѣдко выходили у него двѣ-три, когда какому-нибудь сучку приходилось подружиться съ его кафтанчикомъ. Вотъ стреноженная лошадь пасется въ полѣ: онъ подходитъ къ ней, гладитъ ее, поправляетъ гриву, ласкаетъ морду, развязываетъ ноги, обѣими руками вцѣпляется въ гриву, взбирается на лошадь и мчится во весь опоръ, пока и тотъ, и другая не выбьются изъ силъ. Предъ нимъ ручеекъ, дай покупаться, и въ минуту онъ уже въ водѣ; часто купался онъ въ позднюю осень, когда начинались заморозки. Погоды не разбиралъ: вѣтеръ ли сильный, дождь ли большой, грязи ли много, а ужъ если затѣялъ прогулку, то непремѣнно пойдетъ. Весь промокнетъ, бывало, запачкаетъ и башмаки, и чулки, и кафтанчикъ: и все было ему ни почемъ. Точно готовилъ онъ себя для военныхъ походовъ.

II. Саша какъ рѣзвился отлично, такъ и учился прекрасно. Понуждать его къ ученію не нужно было: онъ занимался и усердно, и по доброй волѣ. Рѣдкое онъ былъ дитя,—не требовалъ ни побужденій и поощреній къ ученію, ни похвалъ или порицаній, ни угрозъ и наказаній, какъ это необходимо бываетъ для другихъ дѣтей! Тогда не было у насъ ни училищъ, ни учителей, ни наукъ такихъ, какія теперь есть: и Саша самъ учился уму-разуму чрезъ чтеніе книгъ, какія были въ его библіотекѣ [1]) и въ библіотекѣ его отца; а домашній учитель сообщилъ ему только начальныя свѣдѣнія да выучилъ его французскому и нѣмецкому языкамъ. Саша читалъ книги преимущественно такія, въ которыхъ описывались герои, походы, битвы, или рѣчь шла о крѣпостяхъ, пушкахъ и т. п. Онъ разложитъ, бывало, на полу географическія карты, возьметъ въ руки книгу, ложится на карты, читаетъ въ книгѣ описаніе какой-нибудь войны, въ то же время слѣдитъ по картѣ за движеніемъ войскъ, потомъ беретъ бумагу и карандашъ и самъ чертитъ планы сраженій. Въ это время разражайся надъ нимъ громъ — не услышитъ; кто ни приходи къ нему — не замѣтитъ. Одинъ разъ въ шутку унесли при немъ все, что было у него на столѣ; и онъ тогда только замѣтилъ, когда пересталъ заниматься.

Зато на двѣнадцатомъ году Саша зналъ гораздо болѣе многихъ пожилыхъ людей тогдашняго времени. Пріѣзжавшіе къ Василію Ивановичу его друзья и знакомые часто разговаривали съ Сашею и удивлялись, какъ онъ много помнилъ изъ читаннаго имъ, какъ хорошо все понималъ, какъ умно разсказывалъ, какъ дѣльно соображалъ и отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы.

III. Слѣдя за всѣми поступками и занятіями сына, Василій Ивановичъ видѣлъ, что Сашу преимущественно занимаетъ военное дѣло:

---

[1]) Библіотека—собраніе книгъ.

и гулянья его походили на военныя упражненія, и въ книгахъ онъ любовался преимущественно военными дѣйствіями, походами, сраженіями, геройскими подвигами полководцевъ. Когда отецъ дѣлалъ ему выговоры за его шалости, Саша отвѣчалъ: «солдатъ долженъ привыкать ко всему», и онъ называлъ себя солдатомъ еще на седьмомъ году отъ роду.

Саша постоянно посѣщалъ храмъ Божій; тамъ пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ на клиросѣ и читалъ, что положено было по церковному уставу; изучилъ самый этотъ уставъ и порядокъ божественной службы такъ, что зналъ, что послѣ чего слѣдовало пѣть и читать. Василій Ивановичъ какъ самъ былъ благочестивъ, такъ то же благочестіе внушилъ и своему сыну.

Черезъ нѣсколько времени Александръ Васильевичъ былъ записанъ рядовымъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ и съ величайшей радостію отправился въ Петербургъ.

IV. Кто изъ дворянъ записывался въ солдаты, тотъ до полученія офицерскаго чина обыкновенно считался только по спискамъ. Суворовъ состоялъ на лицо въ дѣйствительной службѣ и выполнялъ всѣ ея требованія: бывалъ на фронтовомъ ученіи, содержалъ караулы.

Были примѣры, что солдаты изъ дворянъ нанимали за себя на службу другихъ солдатъ, особенно въ дурную погоду или въ морозъ. Съ Суворовымъ этого никогда не случалось: чего требовала служба, то онъ строго самъ выполнялъ, самъ даже чистилъ свое ружье и амуницію. Живя на вольной квартирѣ, онъ постоянно посѣщалъ казармы: тамъ хотѣлъ изучить солдатъ, ихъ характеръ, ихъ бытъ, ихъ нужды. И изучилъ все это превосходно, разгадалъ русскаго солдата; потому-то ему и хотѣлось самому испытать солдатскій бытъ. Онъ превосходно также изучилъ языкъ солдатъ, умѣлъ говорить ихъ особеннымъ нарѣчіемъ такъ хорошо, какъ никто бы не заговорилъ. Зато скажетъ, бывало, нѣсколько словъ, такъ и вспыхивало солдатское сердце.

Солдатъ любилъ онъ, какъ братьевъ, и болѣе бѣднымъ изъ нихъ раздавалъ остававшіяся у него деньги. Когда, въ знакъ признательности, они искали случая, чтобы сдѣлать ему что-нибудь угодное, онъ принималъ отъ нихъ одно: чтобы поучились фронту подъ его командою. Это было для него величайшимъ наслажденіемъ.

V. Суворовъ жилъ на вольной квартирѣ, чтобъ удобнѣе ему было заниматься науками. Онъ до того преданъ былъ наукамъ и дорожилъ временемъ, что рѣдко посѣщалъ своихъ родныхъ. Когда спрашивали его о причинѣ такой странности, онъ отвѣчалъ: «мнѣ нечему у нихъ научиться, а время дорого». Часто говаривалъ онъ: «помни, что у худого пахаря хлѣбъ худо родится; а за ученаго двухъ неученыхъ даютъ». Письма его къ отцу всегда отличались необыкновенною краткостію, какъ потому, что онъ не способенъ былъ къ разглагольствованію, такъ и потому, что слишкомъ дорожилъ временемъ. Для при-

мѣра вотъ одно изъ нихъ: «Любезный батюшка! Я здоровъ, служу и учусь». А. Суворовъ.

Суворовъ прошелъ всѣ степени солдатскаго званія: былъ сначала рядовымъ, потомъ капраломъ, или унтеръ-офицеромъ, потомъ сержантомъ, или фельдфебелемъ; прошелъ ихъ примѣрнымъ образомъ, какъ проходитъ рѣдкій солдатъ. «Научись повиноваться прежде, нежели будешь повелѣвать другими; будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ», говаривалъ онъ, и слова оправдывалъ на дѣлѣ. Несмотря на то, прошло слишкомъ 12 лѣтъ, пока онъ получилъ первый офицерскій чинъ. Между сверстниками его лѣтъ Румянцевъ на 22 году былъ уже генераломъ-маіоромъ. Терпѣніе его вознаградилось впослѣдствіи: какъ не скоро достался ему первый чинъ, такъ быстро пошли слѣдующіе за нимъ. И Суворовъ обыкновенно говаривалъ: «не прыгалъ я смолоду, зато теперь прыгаю».

Суворовъ.

VI. Начиная съ конца царствованія Елизаветы Петровны, Суворовъ участвовалъ во всѣхъ почти походахъ и войнахъ, которыя вела Россія съ сосѣдями. Командуя небольшими отрядами, исполняя порученія своихъ начальниковъ, онъ вездѣ обнаруживалъ быструю сообразительность и необыкновенную удаль и геройство. Онъ билъ нѣмцевъ, поляковъ, турокъ и татаръ. Но въ полномъ блескѣ геній Суворова началъ проявляться только со времени второй турецкой войны при Екатеринѣ (1787 — 1791). Турція никакъ не могла забыть потери Крыма, и чтобы возвратить его, начала съ нами новую войну. Екатерина назначила главнокомандующимъ своихъ войскъ Потемкина. Но главныя побѣды надъ турками въ эту войну были одержаны Суворовымъ.

Вторую турецкую войну мы вели въ союзѣ съ австрійцами. Вдругъ на австрійцевъ сдѣлалъ нападеніе самъ турецкій визирь съ арміею тысячъ въ сто. Главнокомандующій австрійскихъ войскъ, принцъ Кобургскій, въ ужасѣ пишетъ Суворову: «Спасите насъ!» Герой отвѣтилъ однимъ словомъ: «Иду!». И дѣйствительно, съ невѣроятною быстротою явился онъ на помощь. Принцъ тотчасъ же послалъ просить его къ себѣ. Но посланному сказали: «Суворовъ Богу молится». Черезъ нѣсколько времени принцъ снова шлетъ. Ему говорятъ: «Суворовъ ужинаетъ». На третье приглашеніе былъ отвѣтъ: «Суворовъ

спитъ». Но Суворовъ вовсе не спалъ, а, взобравшись на высокое дерево, обозрѣвалъ оттуда расположеніе непріятельскаго войска. Только на утро пришелъ онъ къ принцу и предложилъ ему немедленно напасть на турокъ. Принцъ ужаснулся. Ему казалось немыслимымъ съ 25 тысячнымъ войскомъ, какое было у нихъ, нападать на стотысячную армію. Но довѣріе къ Суворову было такъ велико, что онъ не смѣлъ спорить. Турецкія войска были расположены близъ р. Рымника. Суворовъ, зная уже, какъ они были размѣщены, тихо и незамѣтно подошелъ къ нимъ и потомъ такъ быстро и неожиданно ударилъ, что турки всѣ переполошились и пустились въ бѣгство. Напрасно визирь останавливалъ ихъ, убѣждалъ, показывалъ имъ коранъ, или священную книгу ихъ пророка Магомета; онъ приказалъ, наконецъ, стрѣлять въ бѣгущихъ изъ пушекъ, чтобъ остановить ихъ. Ничто не помогло. Тѣснимые, поражаемые, преслѣдуемые, турки безъ оглядки бѣжали, бросая по дорогѣ оружіе, одежду и все, что было у нихъ. Тысячами труповъ ихъ покрылось поле битвы. Самъ визирь вскорѣ умеръ отъ горя. Суворовъ же за эту блистательную побѣду былъ пожалованъ въ графы съ прозваніемъ Рымникскаго, а имя его прогремѣло не только по всей Россіи, но и за границею.

VII. Скоро Рымникскому герою представился случай снова прославить себя такимъ подвигомъ, который затмилъ собою всѣ прежніе его подвиги. Русскіе осаждали турецкую крѣпость Измаилъ. Осада ведена была вяло и нерѣшительно. Распоряжавшійся осадою генералъ донесъ даже главнокомандующему, что взять ее, по крайней мѣрѣ въ скорости, невозможно. Между тѣмъ императрица Екатерина предписала нанести туркамъ рѣшительный ударъ. Тогда Потемкинъ поручилъ взять Измаилъ Суворову. Но крѣпость эта считалась неприступною. Несмотря на то, Суворовъ рѣшился взять ее. Какъ обыкновенно водится, онъ сначала потребовалъ добровольной сдачи крѣпости. Ему отвѣчали: «Скорѣе небо упадетъ на землю, а Дунай потечетъ вверхъ, нежели Измаилъ сдастся». Тогда русскіе стали готовиться къ штурму. Суворовъ самъ училъ солдатъ какъ переходить ровъ, ставить лѣстницы, лѣзть на стѣны; всѣмъ отданы были самыя точныя приказанія. Наступила темная, непроглядная декабрьская ночь (1790 г.). Въ три часа взвилась ракета. Войска встрепенулись. Черезъ часъ была пущена другая ракета, потомъ третья. Въ пять часовъ войска стояли уже въ боевомъ порядкѣ и какъ волны устремились на крѣпость. Подъ губительнымъ огнемъ со стѣнъ непріятельскихъ они быстро переходили ровъ и смѣло лѣзли на валъ, въ иныхъ мѣстахъ даже безъ лѣстницъ, втыкая въ валъ штыки и подсаживая другъ друга. Въ одномъ мѣстѣ солдаты смѣшались было, но среди ихъ явился священникъ съ крестомъ въ рукахъ—и они ободрились и опять полѣзли. При такомъ самоотверженіи, при такомъ забвеніи всякихъ опасностей ничто не могло остановить суворовцевъ.

Къ восьми часамъ утра они уже овладѣли стѣнами. Но въ самомъ

городѣ открылась еще болѣе страшная рѣзня: приходилось брать приступомъ каждую улицу, каждый домъ; сражались даже турчанки и дѣти. И только къ 3 часамъ пополудни Измаилъ сталъ русскимъ городомъ. За то болѣе 20 тысячъ турокъ полегло здѣсь; спасся только одинъ, который и принесъ верховному визирю горестную вѣсть о паденіи крѣпости. Суворовъ такъ доносилъ Императрицѣ о взятіи Измаила: «Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Величества», а Потемкину писалъ: «Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но онъ взятъ». Покореніе Измаила, какъ подвигъ, которому до сихъ поръ подобнаго не бывало, прославило Суворова на весь міръ. Вездѣ имя его произносилось съ уваженіемъ; вездѣ удивлялись этому великому русскому полководцу.

У Суворова, впрочемъ, было довольно враговъ и завистниковъ, которые побѣды его приписывали одному счастію. «Но, говорилъ Александръ Васильевичъ, сегодня счастіе, завтра счастіе, всегда счастіе; помилуй Богъ! Дайте же сколько-нибудь и ума». Императрица Екатерина, однакожъ, вполнѣ понимала Суворова и вполнѣ цѣнила его талантъ.

VIII. Въ это время наступалъ конецъ Польшѣ. Тамъ уже давно происходили страшные безпорядки, которые предвѣщали близкое паденіе ея. Польскіе паны и шляхтичи совсѣмъ не слушались своего короля, между собою ссорились и дрались, а крестьянъ своихъ, особенно православныхъ, сильно угнетали. Эти безпорядки причиняли много хлопотъ и сосѣдямъ, въ особенности Россіи. Наконецъ императрица Екатерина рѣшилась добиться во что бы то ни стало облегченія тяжкой участи православныхъ русскихъ христіанъ въ Польшѣ. Она силою оружія принудила къ этому поляковъ. Но такъ какъ въ Польшѣ была полная неурядица: нынче отмѣняли то, что вчера положили, вѣрить ничему нельзя было,—то Екатерина оставила свой гарнизонъ въ Варшавѣ, столицѣ польской. Поляки же разъ ночью, въ страстную пятницу, напали на сонныхъ и безоружныхъ русскихъ солдатъ и нѣсколько тысячъ ихъ перерѣзали. Императрица, узнавъ объ этомъ, сильно встревожилась и немедленно отправила въ Польшу армію, а главнокомандующимъ назначила Суворова. Суворову было тогда уже 64 года; но бодрость и живость его не измѣнились; неутомимость его была изумительна. Екатерина такъ вѣрила въ него, что, назначая его, сказала: «Я посылаю въ Польшу двойную силу—армію и Суворова». И дѣйствительно, страхъ напалъ на поляковъ, когда они узнали о назначеніи Суворова.

Суворовъ прискакалъ къ арміи въ простой телѣжкѣ и остановился передъ палаткой, приготовленной для него на лугу, близъ лагеря. Мгновенно по всему лагерю пронеслась вѣсть: «Суворовъ пріѣхалъ!» Всѣ встрепенулись и ожили, всѣ почувствовали какъ будто новыя силы въ себѣ. Въ палатку къ Суворову явились генералы и офицеры. Объявивъ имъ въ краткихъ словахъ волю императрицы, онъ вдругъ вы-

тянулся, зажмурилъ глаза и скороговоркою произнесъ: «Войскамъ выступать, когда пѣтухъ запоетъ. Итти быстро — полкъ за полкомъ. Голова хвоста не ждетъ». Знавшіе Суворова поняли этотъ приказъ и поэтому, хотя до пѣнія пѣтуховъ было еще далеко, начали сейчасъ же готовиться къ выступленію въ походъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени и именно въ семь часовъ вечера, изъ палатки главнокомандующаго послышалось хлопанье въ ладоши, подобное взмаху крыльевъ пѣтуха, и протяжное кукареку. Это сдѣлалъ самъ Суворовъ. По этому сигналу мгновенно все поднялось на ноги и двинулось въ походъ. Суворовъ ѣхалъ тутъ же вмѣстѣ съ войсками. Объѣзжая ряды солдатъ, онъ со многими изъ нихъ разговаривалъ. Такъ ободряя и воодушевляя солдатъ, быстро шелъ онъ къ Варшавѣ. Осенью 1794 года русскія войска подступили къ Прагѣ. Это было укрѣпленное предмѣстіе Варшавы, отдѣлявшееся отъ нея р. Вислою. Штурмъ Праги, какъ и штурмъ Измаила, начался рано утромъ, когда еще было темно. Мгновенно вся окрестность озарилась пламенемъ и на валахъ крѣпости открылся отчаянный рукопашный бой. Суворовъ стоялъ на высокомъ холмѣ вблизи вала, внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями и отдавалъ приказанія. Черезъ нѣсколько часовъ Прага была взята; за ней сдалась и Варшава.

О взятіи ея Суворовъ донесъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Всемилостивѣйшая государыня! Ура, Варшава наша!» Екатерина отвѣтила на это также кратко: «Ура, фельдмаршалъ!» Этимъ она возводила его въ фельдмаршалы. Послѣ взятія Варшавы судьба Польши была рѣшена окончательно. И прежде отъ нея были уже отдѣлены нѣкоторыя земли; теперь же она была окончательно подѣлена (1795 г.) между сосѣдями: часть отошла къ Пруссіи, другая къ Австріи, Россія же при паденіи Польши возвратила свои старинныя земли: Бѣлоруссію, Волынь, Подолію и другія. Изъ нихъ только Галиція осталась за Австріею.

IX. Между тѣмъ для подвиговъ великаго русскаго полководца открывалось новое поприще. Въ это время во Франціи происходили страшныя кровопролитія. Французы ниспровергли правительство и начали губить и рѣзать другъ друга. Цѣлыя тысячи народа гибли иногда совершенно безвинно. Въ то же время у нихъ появился молодой геніальный полководецъ, Наполеонъ Бонапартъ, подъ предводительствомъ котораго они стали нападать на чужія земли и завоевывать ихъ. Императрица Екатерина нерѣдко задумывалась надъ этими дѣлами и совѣтовалась съ Суворовымъ. Старый фельдмаршалъ съ радостію готовъ былъ итти противъ французовъ и даже просилъ объ этомъ императрицу. «Матушка! писалъ онъ ей разъ: пошли меня бить французовъ». Но прежде нежели рѣшенъ былъ походъ, она скончалась въ 1796 году. На престолъ вступилъ сынъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ (1796—1801 г.), который хотѣлъ жить въ мирѣ со всѣми. Для Суворова же наступило теперь время тяжкаго испытанія. По на-

вѣтамъ враговъ онъ подвергся гнѣву императора, былъ уволенъ въ отставку и отправленъ на житье въ имѣніе свое, село Кончанское, Новгородской губерніи. Старый фельдмаршалъ повелъ здѣсь самую простую и оригинальную жизнь. Вставши рано по утру, шелъ на колокольню звонить; во время церковной службы отправлялъ должность дьячка—читалъ и пѣлъ, подавалъ священнику кадило; гуляя по деревнѣ, вмѣшивался въ игры крестьянскихъ мальчиковъ, бѣгалъ и прыгалъ съ ними, игралъ въ бабки. Живя въ деревнѣ, Суворовъ, казалось, всѣми былъ забытъ. Но слава прежнихъ великихъ дѣлъ его скоро заставила вспомнить о немъ.

Бонапартъ отнялъ у нѣмецкаго императора итальянскія земли и угрожалъ отнять еще болѣе. Не надѣясь на свои силы, императоръ сталъ просить помощи у нашего государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ прислать Суворова въ предводители войскъ. Немедленно въ село Кончанское поскакалъ курьеръ съ собственноручнымъ письмомъ императора Павла. Какъ будто ожилъ старый герой. Слезы радости покатились изъ глазъ его. Онъ поцѣловалъ письмо государя, отдалъ приказъ сейчасъ же собираться въ дорогу, а самъ побѣжалъ въ церковь и велѣлъ служить молебенъ; стоя на колѣняхъ, молился, пѣлъ и плакалъ.

Вотъ по улицамъ Петербурга мчится почтовая кибитка, а въ ней сидитъ сѣдой старичекъ. Кибитка останавливается у Зимняго дворца. Старичекъ бодро выскакиваетъ изъ нея и бѣжитъ по лѣстницѣ. Это былъ Суворовъ. Императоръ ласково принялъ его и долго разговаривалъ съ нимъ. Черезъ часъ во всемъ Петербургѣ заговорили о пріѣздѣ Суворова. Невозможно себѣ представить общаго восторга: съ пріѣздомъ его знакомые поздравляли другъ друга какъ бы съ праздникомъ; народъ бѣгалъ за его каретою по улицамъ, собирался толпами на парады, чтобы посмотрѣть на него. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ разсказывались тысячи анекдотовъ о разныхъ его шуткахъ и продѣлкахъ. Такъ разсказывали, будто съ однимъ вельможею онъ сыгралъ такую штуку. Пресерьезно разговаривая съ нимъ о важныхъ предметахъ, онъ вдругъ, когда тотъ превратился весь въ слухъ и вниманіе, остановился и запѣлъ пѣтухомъ: «Какъ это можно!» воскликнулъ вельможа, оскорбившись. «Поживи съ мое — запоешь курицей», отвѣтилъ ему Суворовъ. Однажды застали его прыгающимъ черезъ чемоданы, въ которые укладывались дорожныя вещи. «Что это вы дѣлаете?» спросили у него. «Учусь прыгать», отвѣтилъ онъ. «Вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой! великъ прыжекъ! надобно поучиться».

Получивъ отъ государя полную волю дѣйствовать по своему усмотрѣнію, Суворовъ на почтовыхъ поскакалъ въ Вѣну, столицу Австріи, вслѣдъ за русскими войсками. Австрійскій или нѣмецкій императоръ принялъ его съ большими почестями, сдѣлалъ своимъ фельдмаршаломъ и вручилъ ему команду надъ своею арміею. Но совѣтники императора потребовали отъ Суворова самаго точнаго плана кампаніи. Русскій полководецъ, привыкшій дѣйствовать по своимъ правиламъ, гдѣ глав-

ную роль играли глазомѣръ, быстрота и натискъ, отказался представить такой планъ и доказывалъ, что до личнаго обозрѣнія мѣста дѣйствія ни о какомъ планѣ и рѣчи быть не можетъ. Когда же главный совѣтникъ и министръ сталъ настойчиво требовать у Суворова плана, то онъ, какъ говорятъ, выведенный изъ терпѣнія, развернулъ передъ нимъ бланкетъ, или пустой бѣлый листъ бумаги, подписанный императоромъ Павломъ, и сказалъ: «Вотъ мой планъ!» Такъ, не добившись плана, австрійцы и отпустили Суворова въ Италію воевать съ французами. Весело шли (1799 г.) русскіе солдаты на французовъ, считая себя непобѣдимыми подъ командою Суворова. Но однако воевать съ французами было совсѣмъ не то, что съ турками или поляками. Французы народъ очень храбрый и искусный на войнѣ, да и полководцы ихъ были не то, что турецкіе визири и паши, или польскіе паны. Съ французами трудно было справиться въ Италіи еще и потому, что ихъ было здѣсь очень много и что почти всѣ главныя крѣпости находились въ ихъ рукахъ. Несмотря на то, Суворовъ, съ своими чудо-богатырями постоянно одерживалъ верхъ и надъ ними. Французы не могли надивиться его быстротѣ, сообразительности и искусству. Особенно замѣчательно одно дѣло съ ними, гдѣ вполнѣ выказался талантъ Суворова и его волшебное дѣйствіе на солдатъ. Французскіе полководцы, дѣйствуя сначала на разныхъ пунктахъ, задумали соединиться и общими силами ударить на Суворова. Съ этою цѣлію они старались разными маневрами ввести въ обманъ русскаго полководца. Но Суворовъ понялъ ихъ хитрости и въ свою очередь началъ производить такія странныя передвиженія войскъ, что совершенно сбилъ ихъ съ толку и не далъ имъ соединиться. Тогда онъ самъ напалъ (при Требіи) на одинъ отрядъ, несмотря на то, что у того было больше войска. Битва продолжалась три дня въ нестерпимый жаръ. Изнуренные зноемъ и неравною борьбою, русскіе подъ конецъ едва могли держаться. Суворовъ самъ былъ въ изнеможеніи. Но вотъ ему доносятъ, что русскіе полки колеблются. «Коня!» закричалъ онъ и поскакалъ въ передніе ряды въ одной рубашкѣ. Едва солдаты завидѣли своего стараго предводителя, заслышали его волшебную команду, какъ забыли усталость, ударили въ барабаны и бросились на непріятеля въ штыки. Французы подумали, что къ русскимъ на подмогу прибыли свѣжія войска, и съ большимъ уронамъ отступили.

Послѣ этого пораженія французы убѣдились, что имъ не сладить съ русскими богатырями, и начали сдавать имъ одинъ городъ за другимъ. Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ то и дѣло получали извѣстія о побѣдахъ и ключи отъ покоренныхъ городовъ. Въ какія-нибудь четыре, пять мѣсяцевъ Италія была свободна отъ власти французовъ. Они разбиты были въ двухъ большихъ и шести малыхъ битвахъ; у нихъ взято было въ плѣнъ до 80 тысячъ человѣкъ, отнято 25 крѣпостей. Императоръ Павелъ не зналъ ужъ чѣмъ наградить богатырскіе подвиги Суворова. «Вы поставили себя выше всѣхъ наградъ», писалъ

онъ ему. Суворовъ уже получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя съ прозваніемъ Италійскаго. Наконецъ повелѣно было отдавать ему воинскія почести, подобныя царскимъ, даже въ присутствіи государя. «Достойному достойное!» говорилъ императоръ въ своемъ рескриптѣ.

X. Но среди блистательныхъ побѣдъ, среди необыкновенныхъ почестей и наградъ, Суворовъ почти постоянно былъ скученъ и печаленъ.

Дѣло въ томъ, что австрійцы стали завидовать славѣ русскаго полководца, который повидимому, безъ всякихъ плановъ, всюду разбивалъ враговъ, тогда какъ они до сихъ поръ терпѣли отъ французовъ одни пораженія, несмотря на всѣ свои глубокомысленныя соображенія и планы. Своимъ вмѣшательствомъ они старались вредить ему теперь на каждомъ шагу. Суворовъ приходилъ въ отчаяніе. Онъ писалъ, жаловался императору Павлу, даже просилъ объ отзывѣ себя въ Россію, но, убѣждаемый государемъ, продолжалъ командовать.

XI. Вскорѣ, впрочемъ, императоръ Павелъ, недовольный своекорыстными и коварными дѣйствіями австрійцевъ, повелѣлъ Суворову возвратиться въ Россію. А вслѣдъ затѣмъ кончилась и сама жизнь его. Какъ будто жилъ онъ войною и для войны. Во все время похода онъ съ изумительною твердостію и терпѣніемъ переносилъ всѣ трудности и лишенія: то подъ проливнымъ дождемъ, то въ метель и вьюгу бодро ѣхалъ онъ на казацкой лошади, въ обыкновенномъ плащѣ—и все сходило съ рукъ семидесятилѣтнему герою. Но едва кончилась война, едва простился онъ съ своими чудо-богатырями, какъ силы его начали слабѣть, хотя лишеній и трудностей уже не было никакихъ. Когда его привезли въ Петербургъ, то онъ походилъ скорѣе на тѣнь и постоянно впадалъ въ безпамятство. Но и въ предсмертномъ бреду ему грезились битвы, войска—и онъ отдавалъ имъ приказанія. 6 мая 1800 г. великій русскій полководецъ, непобѣдимый на полѣ битвы, былъ сраженъ смертію. Вскорѣ императоръ Александръ Благословенный воздвигъ Суворову памятникъ. Онъ и теперь стоитъ въ Петербургѣ на площади, которая по памятнику называется Суворовскою. Кромѣ того Суворовъ красуется на памятникѣ Екатерины Великой. Прахъ же его покоится въ Александроневской Лаврѣ. На простой каменной плитѣ надъ его могилою написано: «Здѣсь лежитъ Суворовъ». Но память о немъ будетъ жива до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять Русь. При одномъ имени его сильнѣе бьется русское сердце и горячѣе кипитъ русская кровь. *(По Новаковскому, Рождественскому, историч. журналъм. и др. источникамъ).*

25. Солдатскій катехизисъ Суворова.

1. «Герои-молодцы! Кто грудью стоитъ за вѣру, отечество и царя—того Богъ милуетъ.

2. Храбрый солдатъ выполняетъ данную имъ предъ Богомъ клятву.

3. Подлый трусъ нарушаетъ ее и подвергается страшному Его суду.

4. Храбрый солдатъ не боится пуль, идетъ впередъ, не выдаетъ своихъ товарищей; у непріятеля дрожатъ руки отъ его храбрости, и одна развѣ случайная пуля достигаетъ нашего солдата.

5. Мерзавецъ - трусъ боится и одного свисту пуль, бѣжитъ назадъ, прячется, непріятель ободряется его робостію — и десять вѣрныхъ пуль летятъ ему въ тылъ: негодный клятвопреступникъ погибаетъ.

6. Молодцы! Кто впередъ идетъ, тотъ одной пули боится, кто назадъ бѣжитъ, тотъ—десяти.

7. Храбрый солдатъ терпитъ раны, какъ мученикъ, а трусъ—какъ наказанный преступникъ.

8. Молодцы-герои! Ваши начальники видятъ вашу нужду; болитъ у нихъ сердце за васъ; но не всегда пособить можно; наша участь терпѣть: *Богъ за все заплатитъ*.

9. Грабитель—не солдатъ: онъ не стоитъ ни Божьяго милосердія, ни царской милости.

10. Друзья! Бойтесь Бога, помните присягу, повинуйтесь начальникамъ; деритесь храбро—и все падетъ передъ вами»!

Суворовскіе служаки вѣрно слѣдовали завѣту своего отца-командира; зато онъ и хвалилъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Однажды принцъ Кобургскій спросилъ Суворова: «Много ли въ вашей арміи истинно-вѣрныхъ и преданныхъ солдатъ?» — «Много, очень много, не сосчитать», отвѣчалъ князь; сотня — мало, тысяча — мало, корпусъ — мало, вся, вся армія! У меня, когда чудо-богатырь поцѣлуетъ крестъ, то доколѣ дышитъ—своему долгу не измѣнитъ; пошли его въ огонь—идетъ; пошли въ воду — идетъ; уставь противъ него десять штыковъ—идетъ; сѣлъ за кашицу, и закричи: впередъ!—кашица въ сторону, а онъ идетъ; ноги едва тащутся, но пріударь въ барабанъ—идетъ... Службу онъ любитъ, присягѣ не измѣнитъ, вездѣ готовъ положить свою голову, только умѣй начальникъ его развеселить, только онъ не опрокинься и иди прямо; солдатъ же самъ-по-себѣ никогда съ прямой дороги не собьется: *для вѣры, Россіи и государя онъ всегда, вездѣ и на все готовъ, и цѣлый свѣтъ подобнаго ему не представляетъ*».

26. Какъ встарину, при Суворовѣ, готовились къ бою наши православные русскіе воины.

(Канунъ штурма [1]) Праги въ 1874 году).

I. «Всѣ мы, какъ подъ вѣнецъ», разсказываетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ бою, «надѣли на себя чистое бѣлье и ждали испол-

---

[1]) Штурмъ—приступъ или стремительное нападеніе войска на осажденное мѣсто съ цѣлію взять его у непріятеля.

нить волю Александра Васильевича (Суворова—главнокомандующаго). Предъ полуночью былъ поставленъ близъ огней нашихъ ротный образъ святого угодника Божія Николая чудотворца, и затеплена передъ нимъ свѣча въ фонарѣ. Богатырь — нашъ начальникъ Харламовъ, явился въ кругу роты и говорилъ: «Слышите, дѣти, надобно намъ, какъ христіанамъ, какъ русскимъ, помолиться Господу Богу и Его святому угоднику Николаю о побѣдѣ надъ врагами и о покровительствѣ надъ нами... Да и помиримся со всѣми. Слышите, друзья мои? Это хорошо будетъ, это по-нашему, это по-русски; это нужно!»— «А мы только хотѣли просить о томъ васъ, ваше высокоблагородіе, отецъ нашъ», говорили гренадеры...

II. И вотъ вся рота окружила образъ святого Николая чудотворца. Впереди сталъ нашъ начальникъ съ офицерами, и онъ, старикъ-великанъ, перекрестился, сказавъ громко: „Дѣти, Господу помолимся!“ и ратники говорили, крестясь: „Господи, помилуй насъ!“— Отецъ нашъ, начальникъ, опустился на колѣни, и вся рота за нимъ то же сдѣлала. Всякій, воззрѣвши на образъ угодника, тихо про себя творилъ, съ душевнымъ умиленіемъ, Господу Богу молитву, и упадалъ челомъ своимъ къ землѣ. Не въ одной нашей ротѣ, но въ цѣломъ полку, да и во всей арміи приносимо было Господу Богу Создателю моленіе.

III. Послѣ молитвы ротный начальникъ тутъ же говорилъ намъ: „Слышите, дѣти, въ дракѣ помнить Бога! Напрасно непріятеля не убивать: они такіе же люди; бить — храбро, дружно вооруженнаго непріятеля, и слушать моего голоса. Теперь спать и вамъ не совѣтую: скоро настанетъ время итти на пиръ съ друзьями, которые ждутъ насъ со страстной недѣли“. Отецъ нашъ сѣлъ на обрубкѣ дерева. Между многими наставленіями онъ разсказывалъ намъ примѣры русскаго богатырства въ былое время, и, между прочимъ, сказалъ: „Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди,—трусишку и позади убиваютъ; ему, если и живъ останется, ни чести, ни мѣста нѣтъ“.

27. Суворовъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь:
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль;
Молніи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Бацнувъ рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ,
Слабыя трости щадятся лишь имъ... (*Державинъ*).

28. Смерть капитана Миронова.

Пугачевъ [1]) сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами; высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его мнѣ показалось знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили на-скоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ уряднікъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ... Чрезъ минуту я увидѣлъ бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказалъ ему Пугачевъ, «государю Петру Ѳеодоровичу!»—«Ты намъ не государь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана,—«ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!»—Пугачевъ махнулъ опять платкомъ—и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною (Гриневымъ). Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, я увидѣлъ, среди мятежныхъ старшинъ, Швабрина, (офицеръ, товарищъ Гринева, предавшійся на сторону Пугачева), обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня, Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ, близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу: «не-бось, не-бось», повторяли мнѣ губители, можетъ быть и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные, погоди!» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька: «что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ, а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня — старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и отпустили.

---

[1]) Самозванецъ въ царствованіи Императрицы Екатерины, выдававшій себя за Императора Петра Ѳеодоровича.

«Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреевичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня: «не упрямься! Что тебѣ стоитъ? Плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!), поцѣлуй у него ручку». Я не шевелился Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкой: «Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. (*А. Пушкинъ*).

29. Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

(Механикъ-самоучка).

I. Иванъ Петровичъ Кулибинъ, сынъ Нижегородскаго мѣщанина, мучного лабазника, родился въ Нижнемъ - Новгородѣ 10-го апрѣля 1735 года. Кулибинъ выучился грамотѣ и выкладкѣ на счетахъ у приходскаго дьячка. Съ малыхъ лѣтъ пристрастился Иванъ Петровичъ къ механикѣ, [1]) дѣлалъ флюгера и водяныя мельнички, которыя ставилъ на маленькихъ ручьяхъ; это его очень забавляло, несмотря на то, что отецъ его часто бранилъ и даже ломалъ и закидывалъ игрушки, отрывавшія сына отъ лавки. У Кулибиныхъ въ саду былъ прудъ, куда часто пускали рыбу, но вода была стоячая, и рыба въ ней засыпала. Кулибинъ придумалъ провести воду въ этотъ прудъ, съ ближайшей горы, а изъ пруда выпустить лишнюю. Прудъ сталъ проточный. Отецъ Кулибина, увидѣвъ, что рыба не только не засыпала, но даже водилась въ пруду, не мало дивился хитрости сына и даже похвалилъ его. Это былъ его первый полезный трудъ.

Кулибинъ.

II. Кулибинъ часто ходилъ на соборную колокольню; его занимало устройство часовъ; и захотѣвши учиться механикѣ, онъ сталъ читать ученыя книги по этой части.

На восемнадцатомъ году онъ увидѣлъ у своего сосѣда стѣнные часы съ дубовыми колесами, по образцу которыхъ онъ самъ попробо-

---

[1]) Механика—наука, занимающаяся законами движенія и равновѣсія.

валъ сдѣлать такіе же, но неудачно: они не пошли. У него не было нужныхъ инструментовъ. Неудача его не остановила, — Кулибинъ не унывалъ. По порученію городской ратуши, [1]) которой нуженъ былъ человѣкъ грамотный и ученый (а грамотныхъ тогда было еще меньше, чѣмъ теперь), Кулибинъ поѣхалъ въ Москву.

III. Въ Москвѣ онъ занялся часовымъ мастерствомъ, купилъ всѣ нужные для этого мастерства инструменты и, пріѣхавши въ Нижній-Новгородъ, сталъ дѣлать часы деревянные съ кукушками и мѣдными колесами и починять карманные. Тогда въ Нижнемъ нуждались въ часовомъ мастерѣ, и всѣ стали отдавать свои часы Кулибину.

IV. Этого было мало для Ивана Петровича; онъ захотѣлъ самъ устроить часы, и часы какіе-нибудь небывалые. Онъ былъ уже тогда женатъ и имѣлъ дѣтей. Ему не на что было бы закупить необходимые матеріалы и инструменты, если бы Костроминъ, Нижегородскій купецъ, не вызвался ему не только помогать деньгами, но принять его къ себѣ въ домъ съ семействомъ и ученикомъ Пятериковымъ. Въ это время Кулибинъ случайно увидѣлъ телескопъ (зрительную трубу для разсматриванія солнца, мѣсяца и звѣздъ на небѣ). Составъ, изъ котораго дѣлались зеркала въ этихъ трубахъ, былъ тайною англичанъ, но нашъ механикъ-самоучка своимъ умомъ дошелъ до этой тайны и самъ сдѣлалъ такой же телескопъ.

V. Мая 22-го дня 1763 года пріѣхала императрица Екатерина Вторая въ Нижній-Новгородъ. Губернаторъ представилъ Кулибина графу Владимиру Григорьевичу Орлову, который представилъ его Императрицѣ. Екатерина долго говорила съ Кулибинымъ, распрашивала его про часы, и онъ ей объяснялъ ихъ устройство по чертежамъ: часы не были еще готовы тогда, потому, уѣзжая, она пригласила его въ Петербургъ.

Послѣ отъѣзда императрицы въ Нижнемъ-Новгородѣ была получена слѣдующая бумага: «Не желаетъ-ли механическій мастеръ Иванъ Петровъ Кулибинъ опредѣлиться въ Академію, чтобъ усовершенствоваться еще болѣе»?

Когда Кулибинъ окончилъ часы, онъ поѣхалъ съ Костроминымъ въ Петербургъ и поднесъ ихъ императрицѣ. Она повелѣла: 1) часы и вещи, привезенныя Кулибинымъ, помѣстить во дворцѣ. 2) Кулибина причислить къ Академіи въ званіи механика и производить ему 300 рублей ежегоднаго жалованья. 3) Выдать за часы 1000 рублей. 4) Костромину выдать тоже 1000 рублей и сверхъ того серебряную кружку съ золотымъ портретомъ императрицы, за оказанную Кулибину помощь въ его полезныхъ трудахъ. Весь Петербургъ тотчасъ же узналъ объ этихъ милостяхъ,—и у Кулибина стало много завистниковъ.

VI. Въ Петербургѣ Кулибинъ сдѣлалъ образецъ висячаго моста, безъ свай и быковъ подъ нимъ. Мостъ, въ 14 саженъ шириною, сдер-

---

[1]) Ратуша—купеческая управа въ малыхъ городахъ и посадахъ.

живалъ около 6000 пудовъ въ продолженіе трехъ недѣль безъ малѣйшаго поврежденія. Несмотря на насмѣшки и неудовольствія многихъ ученыхъ, императрица пожаловала ему 2000 рублей, а мостъ велѣла поставить въ саду Таврическаго дворца. Въ 1775 году Кулибинъ и его семейство были исключены изъ подушнаго оклада, и кромѣ того Иванъ Петровичъ получилъ золотую медаль, въ 34 золотника вѣсомъ, съ надписью съ одной стороны: «Академія Наукъ механику Ивану Кулибину», а съ другой: «Достойному для ношенія на Андреевской лентѣ».

VII. Зная дороговизну и трудности, сопряженныя съ судовой работой на Волгѣ, Кулибинъ изобрѣлъ водоходное судно, которое шло по рѣкѣ противъ теченія воды этой рѣки. Генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, съ членами адмиралтействъ [1]) совѣта взошли на это судно, нагруженное четырьмя тысячами пудовъ балласта, и судно пошло вверхъ по Невѣ. Несмотря на то, что удобство и польза этого судна были доказаны и признаны всѣми, видѣвшими его на дѣлѣ учеными, оно не было принято купечествомъ и не замѣнило трудный способъ, до сихъ поръ употребляемый, посредствомъ бечевы съ приводами для людей и лошадей. Это былъ жестокій ударъ для добросовѣстнаго и некорыстолюбиваго старика-труженика, который считалъ свой трудъ важнымъ и полезнымъ для Россіи. *А польза Россіи была для него всегда первою заботой.* Онъ изобрѣлъ еще самокатную телѣжку и искусственную ногу для безногихъ, позволявшую имъ не только ходить безъ палки, но даже бѣгать и плясать.

VIII. Въ 1800 году въ присутствіи Государя Павла Петровича въ главномъ адмиралтействѣ спускали три корабля. Первые два сошли въ воду благополучно, третій же остановился на полдорогѣ. Еще до спуска Кулибинъ, разсматривая его, обратилъ вниманіе главнаго строителя на нѣкоторыя, по его мнѣнію, важныя неправильности. На эти замѣчанія ему отвѣтили, чтобъ онъ не мѣшался не въ свое дѣло. Теперь же, когда предостереженія Кулибина оправдались, его вызвали изъ толпы, и онъ взялся на другой день спустить корабль. Цѣлую ночь работалъ Иванъ Петровичъ, и когда на другой день всѣ приготовленія по его плану были сдѣланы, онъ взошелъ на палубу и махнулъ платкомъ, рабочіе дружно налегли на канаты и рычаги, къ которымъ поставилъ ихъ Кулибинъ—и корабль плавно пошелъ въ рѣку при крикахъ толпы: «Спасибо русаку! Вотъ каковъ нашъ братъ, бородачъ!» и громкомъ «ура»!

IX. Въ 1801 году шестидесяти лѣтъ отъ роду Кулибинъ былъ отпущенъ на родину, получивъ 3000 рублей ежегоднаго пенсіона и 6000 рублей на уплату долговъ.

Въ послѣдніе годы жизни Ивана Петровича Кулибина судьба послала на него нѣсколько важныхъ потерь и лишеній. Такъ въ 1813

---

[1]) Адмиралтейство—мѣсто, гдѣ строятъ военные корабли.

году у него сгорѣлъ двухъ-этажный домъ, который онъ построилъ по своему-же плану. Бывшій ученикъ его Пятериковъ принялъ его къ себѣ съ семействомъ, но Кулибинъ, не хотѣвшій его стѣснять, перешелъ къ зятю своему Попову и наконецъ купилъ полуразвалившійся домикъ, куда перешелъ съ семьею. Онъ часто страдалъ отъ холода, сырости и тѣсноты и занемогъ, такъ что послѣдніе три года часто долженъ былъ цѣлые мѣсяцы оставаться въ постели, но и тутъ онъ всегда или работалъ, или чертилъ что-нибудь.

X. Іюня 30-го 1818 года умеръ знаменитый русскій механикъ Иванъ Петровичъ Кулибинъ, подвизавшійся всю жизнь на пользу отечества и согражданъ и прославившійся сколько полезною и ученою дѣятельностью, столько же и высокими качествами добродѣтели и набожности. Пятериковъ, которому всегда казалось, что онъ еще не отплатилъ своему учителю за все, что онъ для него сдѣлалъ, принялъ на себя издержки и хлопоты похоронъ. Учителя и ученики Нижегородской гимназіи, какъ особенной чести себѣ просили, чтобы имъ позволили сопровождать останки всѣми уважаемаго и любимаго Ивана Петровича. Гробъ несли учителя гимназіи, Пятериковъ и именитѣйшіе купцы Нижняго-Новгорода. Про народъ, который имъ гордился и которому онъ помогалъ, чѣмъ могъ, и говорить нечего: онъ въ немъ оплакивалъ своего друга. *(Изъ „Пчелы." Н. Щербины).*

30. Отечественная война.

I. Въ 1812 году, когда царствовалъ императоръ Александръ Павловичъ, вторгнулся въ Россію Наполеонъ, императоръ французовъ. Онъ привелъ съ собою несмѣтную силу войска.

Когда появились къ намъ непрошенные гости, Александръ Павловичъ прибылъ въ Москву и приказалъ оповѣстить жителей, что будетъ держать рѣчь всѣмъ сословіямъ въ своемъ слободскомъ дворцѣ. Въ назначенный день сошлись всѣ во дворецъ. Сталъ говорить царь, что пришли на насъ сильные враги и что онъ положилъ все свое упованіе на Бога и на вѣрность своихъ подданныхъ. И вдругъ онъ прослезился, дрогнулъ его голосъ. Всѣ вокругъ него заплакали и крикнули: «Отецъ нашъ! бери, что хочешь! веди насъ: умремъ или истребимъ злодѣя»! Тутъ же купцы обѣщали денежное пожертвованіе, а дворяне объявили, что составятъ ополченіе изъ своей среды.

И закипѣли приготовленія къ войнѣ.

II. А Наполеонъ, лишь къ намъ вступилъ, такъ послалъ сильный отрядъ на петербургскую дорогу, потому что думалъ и Петербургомъ завладѣть, а самъ пошелъ другимъ путемъ. Подступилъ онъ къ Смоленску. Наши войска защищали грудью городъ, но вышли изъ него, когда онъ уже былъ до половины разрушенъ непріятельскими ядрами, и отступили на московскую дорогу. Наполеонъ назначилъ свое начальство въ Смоленскѣ и пошелъ за нами.

А мы все разрушали на своемъ пути, чтобъ ничего не оставлять непріятелямъ и сокрушить ихъ голодомъ.

Главнокомандующій нашъ Барклай-де-Толли былъ изъ нѣмцевъ, а человѣкъ преданный, и свое дѣло зналъ. Однако царь рѣшилъ поставить на его мѣсто князя Михаила Иларіоновича Кутузова, потому что войско бывало съ нимъ въ походахъ и любило его, опять же свой братъ — русскій. Князь пріѣхалъ изъ Петербурга, нагналъ нашу армію въ полутораста верстахъ отъ Москвы и принялъ команду; отступилъ онъ еще немного и остановился въ Можайскомъ уѣздѣ, около села Бородина. Тутъ онъ сразился съ Наполеономъ въ самый день Владимирской Божіей Матери [1]). Цѣлыхъ пятнадцать часовъ бились не на животъ, а на смерть. Какъ у непріятелей, такъ и у насъ легло тысячъ по сорока на мать-сыру землю. Да мы-то были дома и могли пополнить наши войска; Бонапарту же не кѣмъ было замѣнить своихъ убитыхъ.

Кутузовъ.

Главнокомандующій далъ вздохнуть войскамъ и подвинулся еще къ Москвѣ, а Наполеонъ пошелъ опять за нимъ. Подъ самымъ городомъ князь собралъ своихъ генераловъ на военный совѣтъ, и рѣшили, что не будутъ отстаивать Москвы, что отдадутъ ее врагамъ для спасенія Россіи, потому что Наполеонъ попадетъ въ Москву, какъ волкъ въ капканъ. Такъ и было.

Давно ужъ говорили, что, можетъ быть, Москва попадетъ во вражьи руки, и какъ только прошелъ этотъ слухъ, всѣ стали изъ нея выбираться. Поднялась вездѣ суматоха: въ домахъ, въ храмахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и лавкахъ. Иные зарывали въ землю свое добро; другіе свое вывозили. По улицамъ тянулись день и ночь экипажи и обозы; и сновали пѣшеходы съ узелками, либо корзинами въ рукахъ. Женщины несли дѣтей. Всѣ покидали городъ. Оставались въ немъ лишь бѣдняки, которымъ некуда было уходить, прислуга въ господскихъ домахъ, да часть братіи въ святыхъ обителяхъ.

III. Въ Семеновъ день [2]) архіепископъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, а послѣ обѣдни молебенъ Владимирской Божіей Матери. Онъ увозилъ съ собою икону. Когда онъ молвилъ: «Спаси отъ

1) 26 августа.

2) 1-го сентября, церковный новый годъ.

бѣдъ рабы Твоя, Богородице», народъ зарыдалъ. Лишь только всѣ приложились, вынесли образъ въ карету архіерея, и толпа бросилась его провожать по Красной площади. Тогда же увезли и икону Иверской Божіей Матери.

На другой день, съ утра, наше войско проходило Москвой, и солдаты плакали, когда шли, съ опущенными знаменами, мимо Кремля. Къ вечеру Наполеонъ вступилъ въ городъ. Его французы стали голодать, лишь только перешли за нашу границу, и кормились однимъ грабежомъ. Отъ границы до Москвы они шли около трехъ мѣсяцевъ, то и дѣло приходилось имъ отстрѣливаться отъ нашихъ, и совсѣмъ изнурились солдаты. Не вспомнили они себя отъ радости, когда заняли Москву. Думали бѣдняки, что тутъ имъ готовый провіантъ и покойныя квартиры, и разсыпались по пустымъ домамъ. Потаскали они изъ погребовъ, что было съѣстного, наѣлись досыта и улеглись спать. Да не надолго привелъ имъ Богъ у насъ отдохнуть. Въ ту же ночь вспыхнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожаръ. На бѣду поднялся вѣтеръ, а на другой день превратился въ бурю, такъ что огонь разлился настоящимъ моремъ и сталъ охватывать улицу за улицей.

Наполеонъ сначала расположился квартировать въ кремлевскомъ дворцѣ; но какъ ужъ очень разыгрался пожаръ, то онъ переѣхалъ въ Петровскій паркъ.

Тамъ онъ провелъ трое сутокъ, по ночамъ не спалъ, а все смотрѣлъ на пламя, и вернулся въ Кремль, когда сталъ утихать пожаръ, и уже выгорѣли три четверти города. Жутко было Бонапарту. Онъ воображалъ, что, какъ войдетъ въ Москву, нашъ царь попроситъ у него мира, а царь и не думалъ съ нимъ мириться. Между тѣмъ осень наступила, солдаты совсѣмъ износились, имъ нечѣмъ было прикрыться, а какая оставалась провизія въ Москвѣ — почти вся погибла во время пожара. Сталъ Наполеонъ посылать по окрестностямъ своихъ полковыхъ начальниковъ, отыскивать пищи людямъ и корму лошадямъ. Да наши крестьяне зарывали въ землю свои запасы овса и ржи, а сами жили въ лѣсахъ. Французы къ нимъ захаживали и отбивали у нихъ скотину, да этой малостью прокормиться было невозможно. Опять же наши казаки показывались то и дѣло около Москвы, нападали зачастую на французовъ и истребляли ихъ.

Горемычные жители Москвы искали себѣ утѣшенія въ молитвѣ. Въ нѣсколькихъ церквахъ, гдѣ уцѣлѣли престолы, шло богослуженіе. Французскіе начальники не запрещали намъ совершать службы. Они приставляли даже караулъ къ храмамъ во время обѣдни и по просьбѣ священниковъ присылали краснаго вина для литургіи и пшеничную муку на просвиры; ладонъ, свѣчи и масло мы добывали въ погребахъ и лавкахъ. Лишь только раздавался благовѣстъ, москвичи, которые пріютились по сосѣдству, спѣшили въ церковь. Блѣдные, исхудалые, они становились на колѣни и изливали свое горе передъ Богомъ. Матери подымали дѣтей на рукахъ и восклицали сквозь слезы: «Пре-

святая Богородица, спаси невинныхъ младенцевъ!» А когда на эктеніи дьяконъ молился о «царствующемъ градѣ», то рыданія раздавались во храмѣ.

IV. Уже больше мѣсяца стоялъ Наполеонъ въ Москвѣ. Онъ боялся, чтобы князь Кутузовъ не напалъ на него врасплохъ, и послалъ своего зятя развѣдать, гдѣ стоитъ русская армія. Зять его наткнулся на нашъ лагерь по старой калужской дорогѣ, и одинъ изъ генераловъ Кутузова напалъ на него, да такъ его разбилъ у села Тарутина, что французы бѣжали безъ оглядки. Какъ узналъ объ этомъ Наполеонъ, то увидалъ, что податься ему больше некуда, и тотчасъ же велѣлъ оповѣстить войскамъ, чтобъ они были наготовѣ, потому что на другой же день онъ выступаетъ изъ Москвы.

И точно, вывелъ онъ самъ свою армію изъ Москвы. Которые изъ нашихъ видѣли тогда его несчастныхъ солдатъ, говорили, что больно было взглянуть на нихъ. Изнуренные, въ лохмотьяхъ, они походили на нищихъ. Кто прикрывался женской юбкой, кто священнической ризой, у кого одна нога была въ дырявомъ сапогѣ, а другая босая. За ними шли пушки, фуры и множество повозокъ съ награбленнымъ добромъ, такъ что армія и обозъ тянулись на цѣлыхъ тридцать верстъ.

V. Вѣсть объ отступленіи французовъ разнеслась, что молнія, по городу, и обрадовались несказанно бѣдные москвичи. Но ихъ ожидало еще новое горе. Наполеону хотѣлось, со злости, истребить совсѣмъ Москву, чтобы не оставалось въ ней камня на камнѣ. Самъ-то онъ ушелъ, а оставилъ здѣсь нѣсколько отрядовъ и приказалъ начальникамъ, чтобы они взорвали Кремль и всѣ зданія, что уцѣлѣли отъ пожара.

Въ ночь съ 10 на 11-е октября жители Москвы были пробуждены страшнымъ взрывомъ. За первымъ взрывомъ прогремѣли еще два другихъ, и вспыхнулъ мѣстами пожаръ. Да пошелъ, на счастіе, дождь и не далъ огню разыграться. Москвичи пробродили всю ночь по улицамъ или среди дворовъ, молились и ожидали смерти, а что еще погибло въ несчастномъ городѣ, того никто не зналъ. Когда начало свѣтать, всѣ взглянули на Кремль: золотая глава Ивана Великаго блестѣла на солнцѣ. Многіе бросились къ Кремлю и такое увидали страшное разрушеніе, что сердца ихъ замерли. Повалились однѣ изъ крѣпостныхъ стѣнъ; Москворецкую башню перебросило цѣликомъ на другой берегъ рѣки; дворецъ сгорѣлъ; Ивановская колокольня дала страшную трещину сверху до низу, а верхъ Никольской башни былъ оторванъ. Но икона Чудотворца, что стоитъ и теперь на ней, осталась невредима, и не разбилось даже стекло кіота.

VI. А наполеоновскимъ солдатамъ выпали на долю неслыханныя бѣдствія. Наша армія ихъ преслѣдовала съ боковъ и съ тылу. Они гибли тысячами то отъ холода, то отъ нашихъ силъ. Снѣгъ валилъ хлопьями, а пріютиться было некуда на дорогѣ, гдѣ не оставалось ни кола, ни двора. Несчастныхъ сокрушили окончательно битва подъ

городомъ Краснымъ, а нѣсколько дней спустя переправа черезъ рѣку Березину. Только успѣла она встать, тонкій ледъ ломался подъ тяжестью обозовъ, и много, много труповъ похоронила рѣка. Вошли въ Москву сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, а вернулись къ нашей границѣ всего тысячъ шесть. Изъ всей арміи Наполеона уцѣлѣлъ лишь тотъ отрядъ, что онъ послалъ на петербургскую дорогу. А самъ Наполеонъ чуть не попалъ къ намъ въ плѣнъ и спасся, переодѣтый, въ санкахъ, которыя отнялъ на пути у какого-то помѣщика.

VII. Стала Москва отстраиваться, а государь повелъ нашу армію во Францію, чтобъ одолѣть окончательно врага. А Наполеонъ ужъ успѣлъ набрать новое войско. Но мы его разбили, заняли Парижъ, столицу Франціи, и Наполеонъ долженъ былъ отказаться отъ престола. Русскій народъ съ восторгомъ встрѣтилъ своего государя, спасителя Россіи, и прозвалъ его Благословеннымъ. *(Толычевой)*.

31. Сказаніе о 1812 годѣ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя метели...
Дикой пѣснью зляя вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря [1]) и гренадеры [2]),
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ забираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты [3]);
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...

Въ пошевняхъ [4]) на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ-жь вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ пріемномъ залѣ—
Не за долго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ, гнѣвный:
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,

---

[1]) Егерь—легко вооруженный солдатъ, принадлежащій къ стрѣлков. полку.

[2]) Гренадеръ—солдатъ изъ отборнаго войска, отлич. высокимъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ.

[3]) Лафетъ—станокъ на колесахъ для пушки.

[4]) Пошевни—широкія сани, обшитыя внутри лубомъ.

Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, императоръ—
«Князь, вы видите» — воскликнулъ—
«Мнѣ никто во всей Европѣ
«Не дерзаетъ поперечить:
«Императоръ вашъ—на что же
«Онъ надѣется—на что же?»

«Государь!» въ отвѣтъ посланникъ,
«Взять въ разсчетъ вы позабыли,
«Что за русскимъ государемъ
«Русскій весь стоитъ народъ!»

Онъ тогда расхохотался,—
А теперь — теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...

Вспомнилъ онъ дворецъ петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. и днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значитъ—
«Весь народъ!.»
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ.
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

(Майковъ).

32. Разсказъ очевидца о Бородинскомъ сраженіи.

(26 Августа 1812 года).

Застонала земля и пробудила спавшихъ на ней воиновъ; дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское 26 августа. Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашемъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскакиваемъ, смотримъ — густой туманъ лежитъ надъ нами и ими. Заря только что начала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстные. Одни шалаши валятся, другіе пылаютъ. Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь. Все это происходило въ срединѣ, а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго оружія. Мы простились съ братомъ. Онъ побѣжалъ со стрѣлками защищать мостъ. Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной батареѣ [1]), гдѣ находился свѣтлѣйшій [2]), то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ... Мой другъ! я видѣлъ сіе неимовѣрно жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва ли читывалъ.

---

[1]) Батарея—насыпь (со рвомъ впереди) для постановки на ней пушекъ.

[2]) Свѣтлѣйшій—князь Кутузовъ, главнокомандующій, занявшій мѣсто Барклая де-Толли.

Я былъ подъ Аустерлицемъ, но то сраженіе въ сравненіи съ нимъ—ошибка. Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау [1]), дѣлаютъ почти такое же сравненіе. Подумай только, что до четырехъ сотъ тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ; двѣ тысячи пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко воздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы метались съ дикимъ остервенѣніемъ; русскіе стояли съ неподвижностію твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загрести сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней, знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію самую столицу, сердце Россіи, мать городовъ. Оскорбленная вѣра, разоренныя области, поруганные алтари и прахи отцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о помощи и мужествѣ.

Сердца русскія внимали священному воплю сему: мужество нашихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли и бились до-смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сраженіе горѣло въ глубокой долинѣ и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высоты восходило. Густой дымъ заступалъ мѣсто тумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и заслоняли средину, между тѣмъ какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣтило сіе мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее... Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ!—Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ лѣкарей, перевязывавшій раны:—тамъ цѣлые костры отпиленныхъ рукъ и ногъ!—Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ было оторванныхъ ногъ и рукъ. На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванныя ноги и размозженныя руки до плечъ были обыкновенны. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей.

Сраженіе неумолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечи летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули, а сколько здѣсь пролетѣло пуль!.. Но это сраженіе неописанно.

(Изъ „Писемъ русскаго офицера" Ѳ. Глинки).

---

[1]) Подъ Аустерлицемъ и подъ Прейсишъ-Эйлау русскіе сражались съ Наполеономъ.

33. Бородино.

(26 августа 1812 г.).

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя;
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля—
Немногіе вернулись съ поля:
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы, молча, долго отступали,
Досадно было, боя ждали;
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ [1]).
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ, какъ тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить,пожалуй къ бою:
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ,
Что толку въ эдакой бездѣлкѣ!
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ [2]) открытый:
Кто киверъ [3]) чистилъ весь избитый;
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ [4]),
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ, былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двигались, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ:
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни;
Въ дыму огонь блестѣлъ;
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

---

1) Редутъ—небольшое укрѣпленіе въ полѣ, обведенное земляным валомъ.
2) Бивакъ—временная остановка войска для отдыха.
3) Киверъ—головное украшеніе въ прежнее время въ арміи.
4) Булатъ—узорчатое стальное орудіе.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,—
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля—
Немногіе вернулись съ поля:
Когда бъ на то не Божья воля—
Не отдали-бъ Москвы!

(Лермонтовъ).

34. Подвигъ генерала Раевскаго.

Знаменитое сраженіе при Дашковкѣ, происходившее 11 іюля 1812 года, между корпусомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго и французскими войсками, подъ начальствомъ маршала Даву, ознаменовано достопамятнымъ, геройскимъ подвигомъ генерала Раевскаго. Русскія войска должны были взять приступомъ двѣ непріятельскія батареи, занимавшія весьма сильныя позиціи. Нѣсколько разъ храбрые полки бросались въ огонь, но принуждены были отступать съ большимъ урономъ; ядра и картечь, какъ градомъ, осыпали смѣльчаковъ, вырывая цѣлые ряды. Тогда генералъ Раевскій, зная, насколько примѣръ начальника одушевляетъ подчиненныхъ, взялъ за руку двухъ своихъ сыновей, еще не достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, и пошелъ съ ними впереди атакующей колонны на одну изъ батарей, говоря:

«Впередъ, ребята, за царя и за отечество! Я и дѣти мои, которыхъ я приношу нынѣ въ жертву, откроемъ вамъ путь!» Войска съ крикомъ «ура» послѣдовали за своимъ любимымъ вождемъ и батарея была взята. Но къ общему сожалѣнію, при этомъ отчаянномъ, кровопролитномъ приступѣ тяжело былъ раненъ, пулею въ грудь, одинъ изъ сыновей генерала Раевскаго, семнадцатилѣтній юноша. Его перенесли въ село Дашково, и тамъ молодой герой скончался отъ раны. Его похоронили въ ближайшемъ лѣсу. Несчастный отецъ, оплакивая кончину своего любимаго сына, воздвигнулъ надъ его прахомъ памятникъ. По окончаніи войны и до самой кончины своей Раевскій по нѣскольку разъ въ годъ пріѣзжалъ молиться надъ прахомъ погибшаго героя, имѣя только утѣшеніемъ сознаніе, что исполнилъ свой долгъ, не щадя, для пользы отечества, ни жизни своей, ни жизни дѣтей своихъ.

(Заимствов. изъ „Разсказ. о военныхъ подвигахъ“ изд. ред. журн. „Чтеніе для солдатъ“).

35. Подвигъ подполковника Энгельгарта и коллежскаго ассессора Шубина.

I. Французы, занявъ покинутый русскими разоренный Смоленскъ, спѣшили заготовить хлѣба и фуража для наполненія наскоро устроенныхъ магазиновъ; но исполнить это было довольно затруднительно. Посылаемые для закупки хлѣба коммиссары [1]) и отряжаемыя для фуражировки [2]) команды или гибли подъ ударами русскихъ, или возвращались избитые и израненные. Тогда непріятели вознамѣрились устрашить жителей казнями. Они захватили въ плѣнъ двухъ помѣщиковъ, предводительствовавшихъ вооруженными крестьянами и дворовыми людьми: отставного подполковника Энгельгарта и коллежскаго ассессора Шубина; привезли ихъ въ Смоленскъ и, посадивъ въ Спасскую церковь подъ стражу, стали строго допрашивать. Энгельгартъ, не колеблясь духомъ, отвѣчалъ: „Я русскій подданный; я исполнилъ свой долгъ. Мы должны разить врага, дерзнувшаго нарушить наше спокойствіе и напасть на нашего государя. Оковы мои лишаютъ меня теперь отрады мстить врагамъ моего отечества“. Выслушавъ затѣмъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: „Вы не поработите Россію, вы сами погибнете; *а я благодарю Бога за то, что умираю какъ вѣрный сынъ отечества.* Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества“. Враги предлагали ему жизнь и свободу, если онъ согласится вступить въ ихъ службу и присягнетъ Наполеону. Герой отвѣчалъ: „Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому царю; русскіе дворяне умѣютъ умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника“. Его отвезли въ ровъ, близъ разрушенныхъ смоленскихъ стѣнъ, и хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгартъ сказалъ: „русскій не боится смерти“. Французы прострѣлили сначала ему ногу и опять старались поколебать его вѣрность, обѣщая залѣчить рану, если онъ согласится на ихъ предложеніе; но Энгельгартъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями за вѣрность царю и отечеству.

II. Такой же участи подвергся и Шубинъ. Черезъ годъ послѣ того императоръ Александръ, находясь за границею, вспомнилъ заслугу Энгельгарта и Шубина и повелѣлъ наградить родныхъ ихъ, какъ слѣдуетъ по-царски. „Удостовѣрясь въ истинѣ“, сказано было въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату, „Я поспѣшилъ воздать справедливый долгъ симъ усерднымъ сынамъ отечества, при бѣдномъ состояніи, не прельстившимся на искушеніе непріятельское, пребывшимъ непоколебимыми въ привязанности къ государству своему и пожертвовавшимъ жизнію за вѣру и вѣрность“. Государь повелѣлъ

---

[1]) Коммиссаръ—лицо, завѣдывающее надворомъ за поставкою съѣстныхъ припасовъ, вещей и т. п.

[2]) Фуражировка—добываніе продовольствія въ военное время.

производить пенсіи: брату Энгельгарта по 6 тысячъ р.; племяннику его и племянницѣ по 3 тысячи руб., вдовѣ Шубина по 10 тыс., матери по 6 тыс. и двумъ сестрамъ дѣвицамъ по 3 тыс. ежегодно. Впослѣдствіи, именно въ 1835 году, по повелѣнію Императора Николая Павловича, на мѣстѣ казни Энгельгарта воздвигнутъ чугунный памятникъ, съ надписью: „Подполковнику Павлу Энгельгарту, умершему въ 1812 г., за вѣрность и любовь къ отечеству". *(Заимствов. оттуда же.)*.

36. Савва Бѣляевъ.

Въ 1812 году, въ октябрѣ французы подступили подъ Малоярославецъ; тутъ рѣка Лужа, а на рѣкѣ мостъ. Казаки подожгли со стороны города и сожгли мостъ, а сами отступили. Французы стали наводить понтоны [1]). Работа кипѣла; все было тихо: ни пальбы, ни сопротивленія; только стукъ раздавался, да клики и команда на вновь наводимомъ мосту. Въ городѣ войскъ не было; жители не ожидали такъ скоро непріятеля и не успѣли уйти; теперь же всѣ стали выглядывать изъ-за угловъ и переулковъ на подходящія по ту сторону рѣки колонны и на работы французовъ. Мало-по-малу народъ сдѣлался смѣлѣе, высыпалъ большими толпами на возвышенный берегъ рѣки и съ любопытствомъ смотрѣлъ на подступающаго во множествѣ непріятеля. Тутъ стоялъ также и секретарь уѣзднаго суда Савва Бѣляевъ.—„А что", подумалъ онъ, „если разорить теперь плотину у мельницы, что стоитъ повыше этого моста, то французскому мосту не устоять! Ребята, кто за мной?—„Идемъ!" Выискались ребята посмѣлѣе, спустились съ горы, и Бѣляевъ началъ свою работу: поднялъ всѣ заставки на плотинѣ—вода хлынула; тамъ стали ломать шлюзъ [2]), раскопали самую плотину, указавши водѣ дорогу, и скоро плотины не стало: разнесло ее прорвавшеюся водой. Прудъ за мельницей былъ огромный, верстъ на семь, вода высока; она съ такою силою понеслась на непріятельскій мостъ, что его въ одинъ мигъ какъ не бывало: понтоны разорвало; французы едва сами успѣли выскочить на берегъ, и вода вскорѣ залила всю окрестность, весь низменный берегъ, гдѣ расположились было французы, которые, такимъ образомъ, отъ сопротивленія одного человѣка, Бѣляева, на этотъ разъ въ городѣ не попали. Вотъ что значитъ патріотизмъ [3]) во время войны!

37. Слуга царскій и его жена.

Въ 1812 году, Коломенской округи, пожилыхъ лѣтъ крестьянинъ, Павелъ Петровъ, имѣвшій двухъ женатыхъ сыновей и внучатъ, возгорѣлъ желаніемъ вступить въ ряды воиновъ — поселянъ. Несмотря

---

[1]) Понтоны—мосты, которые наводятся на рѣкахъ для перехода войскъ.
[2]) Шлюзъ—плотина на рѣкахъ.
[3]) Патріотизмъ—любовь къ отечеству.

на всѣ убѣжденія семейства своего, явился онъ къ начальнику, набиравшему коломенское ополченіе. „Хотя я старъ", сказалъ онъ: „но радъ умереть за землю русскую, за вѣру и за царя православнаго. Не смотрите на мои лѣта: вѣрою и правдою постою противъ враговъ". Начальникъ, похваляя его усердіе, убѣждалъ однако, чтобы за старостію лѣтъ онъ остался дома. Но видя непреодолимую его ревность, согласился наконецъ принять его.

Уже ополченцамъ сказанъ былъ походъ. Поруча себя Богу, радостно приготовились они на смертный подвигъ. Крестьянинъ Павелъ Петровъ, благословя свое семейство, сталъ въ ряды и отправился. Жена его Ксенія Васильева, почти равныхъ съ нимъ лѣтъ, запаслась на дорогу чѣмъ могла, и пустилась за нимъ вслѣдъ; настигла его и сказала: „Сердце мое не утерпѣло; жаль мнѣ стало тебя, нашего кормильца: пока велитъ Господь Богъ, буду съ тобою неразлучна"!

Безъ малѣйшаго ропота, съ твердостію и терпѣніемъ дѣлила она съ мужемъ своимъ въ походѣ всѣ тягости, заготовляла для него все нужное, и отъ всего сердца радовалась, что хотя мало, но могла успокоивать того, съ кѣмъ Богъ велѣлъ ей жить и умереть. Непрестанные труды истощили силы этой крестьянки, оставившей домъ, дѣтей и внучатъ, чтобы только облегчить тягости престарѣлому мужу. Къ неутѣшной его скорби, она умерла на пути къ Смоленску, оставивъ дѣтямъ и внучатамъ примѣръ супружеской любви.

Въ награжденіе за ревность къ службѣ государевой помѣщикъ уволилъ Павла Петрова отъ оброка и всѣхъ повинностей. Въ кругу дѣтей и внучатъ Павелъ часто вспоминалъ жену и говорилъ: „Тоска, какъ камень, лежитъ на моемъ сердцѣ: я думалъ, что она мнѣ закроетъ глаза, а она не пожалѣла для меня жизни своей... Но да будетъ воля Божія! Господь Богъ наградитъ ее въ небесахъ"!

(Изъ писемъ Ѳ. Глинки).

38. Великая панихида.

(1812 г.).

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что невидано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!...
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,

Свѣчъ у васъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало;
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую—
Матушку Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!...
(Н. Щербина).

39. Изъ жизни императора Александра I.

I. Проѣзжая въ 1824 году черезъ Екатеринославскую губернію, императоръ Александръ I-й остановился на одной станціи пить чай. Пока ставили самоваръ, государь разговаривалъ со станціоннымъ смотрителемъ и, увидѣвъ у него на столѣ книгу Новаго Завѣта, спросилъ:

— А часто ли ты заглядываешь въ эту книгу?

— Постоянно читаю, ваше величество.

— Хорошо. Читай, читай,—замѣтилъ императоръ. Будешь искать блага для души,—найдешь и земное счастье. А гдѣ ты остановился въ послѣдній разъ?

— На евангеліи св. Матѳея, ваше величество.

Государь выслалъ зачѣмъ-то смотрителя и въ его отсутствіе проворно развернулъ книгу, отыскалъ одну изъ страницъ евангелія отъ Матѳея и, положивъ въ нее нѣсколько ассигнацій [1]), закрылъ книгу.

Прошло нѣсколько недѣль. Возвращаясь обратно по той же дорогѣ, государь узналъ станцію и приказалъ остановиться.

— Здравствуй, старый знакомый,—сказалъ онъ, входя къ смотрителю. А читалъ ли ты безъ меня свое Евангеліе?

— Какъ же, ваше величество, ежедневно читалъ.

— И далеко дошелъ?

— До св. Луки.

— Посмотримъ. Дай сюда книгу.

Государь развернулъ ее и нашелъ положенныя имъ деньги на томъ же мѣстѣ.

— Ложь—великій грѣхъ!—сказалъ онъ, вынувъ бумажки и, указавши смотрителю на прикрытую ими страницу, прибавилъ:—Читай!

Смотритель съ трепетомъ прочиталъ: «Ищите прежде всего царствія Божія, а прочее приложится вамъ».

— Ты не искалъ царствія Божія,—замѣтилъ государь,—и потому не достоинъ и царскаго приложенія.

Съ этими словами онъ вышелъ, отдалъ деньги на бѣдныхъ и уѣхалъ.

II. Императоръ Александръ съ самой юности обнаруживалъ стремленіе къ добру и спѣшилъ на помощь ближнему, не соображая ни средствъ своихъ, ни обстоятельствъ. Случилось ему услышать, что какой-то старикъ, иностранецъ, нѣкогда служившій при Академіи [2]), находится въ крайней бѣдности,—онъ поспѣшно вынулъ 25 рублей и

---

[1]) Ассигнаціи—деньги, кредитные билеты.

[2]) Академія—высшее учебное учрежденіе.

поторопился отослать ихъ къ бѣдному, хотя у него самого не оставалось болѣе денегъ. Въ другой разъ, узналъ онъ, что одинъ изъ штукатуровъ, работавшихъ у дворца, упалъ съ лѣсовъ и сильно расшибся: отправить его въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу [1]) пользовать его, дать на все это деньги, подарить больному нѣкоторую сумму, постель, свою простыню,—было для него дѣломъ одной минуты. Мало этого, — онъ справлялся и заботился о больномъ каждый день, пока тотъ не выздоровѣлъ, скрывая отъ всѣхъ свой поступокъ, «который — какъ онъ самъ выразился — считалъ долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ».

III. *Человѣколюбивый поступокъ императора Александра I Благословеннаго.* Это было въ 1823 г. въ Петербургѣ, подъ вечеръ, въ зимнюю и довольно ненастную пору на набережной Мойки. Тутъ у портомойни какая-то баба—прачка тащила на взвозъ салазки съ вымытымъ мокрымъ бѣльемъ. Бѣлье, разумѣется, было тяжелое, и прачка чуть его могла тащить; а какъ довезла до взвоза, по которому надо подниматься на набережную, — тутъ и началась для нея настоящая мука, потому что по этому взвозу водовозы таскали кадки съ водою, которая плескалась и до того ровно облила весь взвозъ, что онъ обледенѣлъ, осклизъ, и подняться по немъ было чрезвычайно трудно, особенно съ тяжестью. Бѣдная баба съ своими салазками, въ обмерзшихъ сапогахъ, карабкалась, карабкалась, и едва дотягивала до половины, какъ ноги ея въ обмерзшей обуви скользили и она опять съѣзжала внизъ. Досада ее брала, и она стала горько плакать, чему нѣкоторые рѣдкіе въ этомъ мѣстѣ Мойки прохожіе имѣли жестокость смѣяться вмѣсто того, чтобъ, схвативъ салазки за веревку, помочь бѣднягѣ выйти изъ бѣды.

Изъ числа проходившихъ тутъ въ эту пору были два кадета [2]) лѣтъ 14—15, въ полной своей кадетской формѣ при киверахъ [3]), тесакахъ и въ шинеляхъ въ рукава, да только безъ отпускныхъ билетовъ, потому что они тайкомъ ушли изъ корпуса въ гости къ какому-то двоюродному братцу, балованному бабушкину внучку. Мальчики также поглядѣли на неудачное карабканье прачки и также имѣли глупость и малодушіе посмѣяться надъ ея горемъ. Но въ это самое время они издали, не взирая на снѣжную заметь и легкій туманъ, привычнымъ кадетскимъ глазомъ завидѣли вдали императора Александра Павловича, ежедневно прогуливавшагося, несмотря ни на какую погоду. Зная свою провинность и опасаясь попасться на глаза государю,— кадетики юркнули съ быстротою молніи въ полузапертыя ворота какаго-то дома, и оттуда, невидимые, стали наблюдать.

---

[1]) Хирургъ—врачъ, имѣющій право дѣлать операціи, т. е. отрѣзывать больныя части тѣла.

[2]) Кадетъ—воспитанникъ военно-учебнаго заведенія—корпуса.

[3]) Киверъ—головное украшеніе военныхъ.

Императоръ остановился противъ взвоза и сталъ осматриваться—нѣтъ ли свидѣтелей того, что онъ намѣревался сдѣлать. Убѣдясь, что на набережной ни души и не подозрѣвая двухъ мальчугановъ въ кадетскихъ шинеляхъ и киверахъ, спрятавшихся тутъ, онъ мгновенно сбросилъ на гранитный парапетъ [1]) свою ваточную шинель и въ одномъ семеновскомъ мундирѣ поспѣшилъ на помощь прачкѣ, взялъ изъ ея рукъ веревку салазокъ, перекинулъ черезъ плечо и, согнувшись, ловко взвезъ салазки съ бѣльемъ на тротуаръ.

— Дай Богъ здоровья твоему благородію! — кричала ему снизу поднимавшаяся баба, очевидно, принявшая его за простого офицера.

— Хорошо, матушка, хорошо, — буду здоровъ! — отвѣчалъ онъ и, накинувъ шинель, скоро пошелъ своею дорогою, вѣроятно спѣша согрѣться.

IV. Въ 1813 году, во время пребыванія въ Дрезденѣ, государь, по обыкновенію, совершалъ свои прогулки по городу пѣшкомъ, одинъ, безъ всякой свиты. Одна крестьянка, увидѣвъ его прогуливающимся такимъ образомъ, въ изумленіи сказала:—„Смотрите-ка! вѣдь это русскій императоръ идетъ одинъ! Право, видно, у него чистая совѣсть“.

V. Въ 1816 году, находясь въ Кіевѣ, императоръ Александръ послалъ сказать извѣстному въ то время по святости своей жизни схимнику Вассіану, что вечеромъ въ восемь часовъ его намѣренъ посѣтить князь Волконскій. Въ назначенный часъ ожидаемый гость тихо вошелъ въ келью слѣпого старца и сталъ говорить съ нимъ. Вассіанъ спросилъ гостя: женатъ ли онъ? имѣетъ ли дѣтей? давно ли служитъ государю?—„Благодареніе Господу Богу, продолжалъ схимникъ,—что государь удостоилъ и Кіевъ и Лавру своимъ посѣщеніемъ. Онъ вчера въ Лаврѣ всѣхъ обрадовалъ своимъ благочестіемъ и своею кротостью“.

— Да онъ здѣсь, сказалъ посѣтитель.

— Въ Кіевѣ? спросилъ Вассіанъ.

— Онъ у васъ, отвѣчалъ Александръ,—благословите меня! Еще въ Петербургѣ я наслышался о васъ и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!

Вассіанъ хотѣлъ поклониться въ ноги царю, но Александръ не допустилъ его до этого, поцѣловалъ его руку, говоря:

— Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ, исповѣдуйте меня и притомъ какъ всѣхъ, какъ вообще духовныхъ сыновъ своихъ.

Послѣ исповѣди и долгой бесѣды, государь пожелалъ знать, кто въ Лаврѣ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія, и когда схимникъ назвалъ намѣстника іеромонаха Антонія, приказалъ послушнику позвать намѣстника, будто-бы къ князю Волконскому, ожидающему его

---

[1]) Парапетъ—перила на мосту.

у Вассіана. Когда же Антоній, узнавъ государя, хотѣлъ отдать ему должную честь, Александръ удержалъ его, сказавъ:

— Благословите, какъ священникъ и обходитесь со мной какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей къ спасенію, потому что всѣ дѣла мои и вся слава принадлежитъ не мнѣ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе.

Только въ полночь государь вышелъ отъ Вассіана, запретивъ намѣстнику провожать себя, а на другой день послалъ ему и Вассіану по брилліантовому кресту.

VI. Во время одного путешествія императору Александру Павловичу вздумалось пройтись пѣшкомъ, какъ онъ часто это дѣлалъ; онъ вышелъ изъ экипажа съ постояннымъ своимъ спутникомъ, княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ. Экипажу же велѣно было ѣхать сзади шажкомъ, а они пошли впередъ по дорогѣ. Въ полуверстѣ отъ дороги виднѣлась деревенька малороссійская. Государь зашелъ въ крестьянскую хату-мазанку, отличавшуюся, какъ и всѣ хохлацкія хатки, примѣрною чистотою и опрятностью, о которыхъ рачительно заботятся домовитыя хозяюшки-хохлачки. Государю захотѣлось, увидѣвъ по близости ключъ студеной воды, напиться. Хозяйка была старушка-вдова. Въ избушкѣ, несмотря на крестьянскую бѣдность, во всемъ былъ порядокъ, вездѣ чистота: полъ хоть и земляной, доведенъ стараніемъ до цѣльности черепка, печь расписана разными цвѣтными глинами; образа убраны были живыми цвѣтами: все вѣяло свѣжестью и манило къ отдыху. Государь сѣлъ на небольшой лавкѣ у стола и попросилъ пить. Хозяйка подала только что принесенной ею ключевой воды и, подавая, сказала радушное малороссійское привѣтствіе: „здоровы пейте“!—Когда государь и князь Волконскій, простясь съ хозяйкой, уходили, послѣдній, отдавая ей синюю (пятирублевку) ассигнацію, сказалъ:

— Ну, помни, тетушка, у тебя царь былъ сегодня въ гостяхъ и угощался твоею водою.

— Царь, самъ царь! только и могла вымолвить старуха, и долго, долго смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся изъ виду, а потомъ, вбѣжавши въ избу, очертила мѣсто на скамейкѣ, гдѣ сидѣлъ государь, мѣломъ, а очертивши, взяла буравчикъ—и ну сверлить на томъ мѣстѣ дырочки, и набила въ эти дырочки колышковъ. Съ тѣхъ поръ она никому не позволяла сидѣть на томъ мѣстѣ.

— Это мѣсто святое! Тутъ самъ царь, самъ Александръ Павловичъ сидѣлъ, говорила она простодушно, и такой запретъ налагала она до самой своей смерти.

(Изъ журн. „Досугъ и Дѣло“, „Ист. царствов. Александра Благослов.“ Богдановича и др. источн.).

40. Оборона Севастополя [1]).

I. Турки издавна владѣютъ ключами отъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ и дѣлаютъ притѣсненія православнымъ поклонникамъ. Издавна, со времени взятія Константинополя (1453), турки угнетаютъ православныхъ славянъ, живущихъ въ предѣлахъ Турціи. Покойный императоръ Николай I вступился за права своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ.

Началась война съ турками. Турецкій флотъ почти былъ уничтоженъ при Синопѣ Нахимовымъ (18-го ноября 1853 г.). Но за турокъ заступились французы, англичане. Огромный союзный флотъ приставъ 2-го сентября 1854 г. къ берегамъ Крыма, близъ Евпаторіи, и высадилъ многочисленную армію. Наши войска, малочисленныя, сравнительно съ непріятельскими, встрѣтили враговъ близъ рѣки Альмы, въ 30 верстахъ отъ Севастополя, и должны были отступить. При этомъ, чтобы преградить путь непріятельскому флоту въ Севастопольскую бухту, при входѣ въ нее, было затоплено нѣсколько кораблей.

Тогда непріятели отправились на южную сторону Севастополя, и, не рѣшаясь напасть на городъ вдругъ, штурмомъ—повели правильную осаду съ сухого пути, откуда Севастополь, какъ городъ приморскій, былъ беззащитенъ, такъ какъ всѣ укрѣпленія и батареи находились со стороны моря и обстрѣливали входъ въ бухту.

II. При такомъ беззащитномъ положеніи, городъ легко могъ сдѣлаться добычею сильнаго врага. Но храбрые черноморскіе моряки рѣшились лечь костьми, а не отдавать горячо любимый городъ: со слезами топятъ дорогіе свои корабли, перетаскиваютъ съ кораблей пушки на берегъ и вооружаютъ ими батареи; изъ моряковъ перерождаются въ пѣхотинцевъ и, подъ начальствомъ своихъ адмираловъ: Корнилова, Нахимова, Истомина и др., совершаютъ безпримѣрные подвиги. Въ виду непріятеля началось укрѣпленіе Севастополя подъ руководствомъ искуснаго инженера Тотлебена. Вокругъ всего города, на окружающихъ его холмахъ, копались рвы, насыпались валы; валы покрывались и обставлялись мѣшками съ пескомъ, корзинами съ землей, плэтушками съ каменьями. Всѣ люди и вещи, находившіеся въ городѣ, были употреблены на защиту. Фургоны, телѣги и всякіе частные экипажи возили на батареи землю, снаряды; съ разсвѣта до поздней ночи, 5—6 тысячъ человѣкъ неутомимо работали по оборонительной линіи. Другіе продолжали работу и ночью, при свѣтѣ факеловъ и фонарей, работали дружно, весело. Тѣ, которые не принадлежали къ военному сословію, составили изъ себя стражу для содержанія карауловъ и ночныхъ обходовъ; другіе же помогали войскамъ на батареяхъ. Даже дѣвицы, женщины и дѣти оказывали посильную помощь.

---

[1]) Севастополь—городъ въ южной Россіи (въ Крыму) на берегу Чернаго моря.

За неимѣніемъ корзинъ и тачекъ, носили землю для насыпей въ подолахъ. Одна батарея насыпана была однѣми женщинами и до конца осады сохранила названіе *Дѣвичьей*. Арестанты, выпущенные изъ тюремъ, не воспользовались свободой, а испросили себѣ позволеніе принять участіе въ общей работѣ.

Такимъ образомъ вокругъ Севастополя, на протяженіи 8 верстъ, явилась цѣпь укрѣпленій или земляныхъ окоповъ и насыпей, уставленныхъ пушками и соединенныхъ траншеями (рвами въ ростъ человѣка съ небольшимъ валомъ, по которымъ могли бы безопасно переходить солдаты съ одного укрѣпленія на другое). На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ устроены были бастіоны, т. е. четырехъ-сторонніе земляные укрѣпленія, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ впереди; за валомъ помѣщаются на досчатыхъ помостахъ (платформахъ) пушки, концы которыхъ выглядываютъ изъ прорѣзовъ (амбразуръ) въ этомъ валу. Въ срединѣ бастіона обыкновенно находились пороховые погреба, землянки (блиндажи), поперечныя стѣнки для защиты (траверсы).

На севастопольской оборонительной линіи главныхъ бастіоновъ было семь: четыре—1, 2, 3 и Малаховъ курганъ—защищали южную бухту и Корабельную сторону съ адмиралтействомъ, а три: 4, 5 и 6—городъ. Между бастіонами было много промежуточныхъ батарей, т. е. мелкихъ земляныхъ укрѣпленій. Ближайшимъ къ городу бастіономъ былъ четвертый, а, по своему высокому положенію на всей линіи, Малаховъ курганъ представлялъ самое выгодное мѣсто для обороны. Имъ воспользовались защитники отлично: на курганѣ поставлено было 63 орудія, такъ что онъ имѣлъ видъ небольшой отдѣльной крѣпости. Необходимо было укрѣпить курганъ еще и потому, что онъ защищалъ собою бухту съ судами и адмиралтейскими постройками, которыя какъ-разъ находились сзади него.

III. Противъ нашихъ укрѣпленій непріятели возвели свои, и—началась знаменитая въ лѣтописяхъ міра Севастопольская осада и безпримѣрная Севастопольская оборона, длившаяся 11 мѣсяцевъ (съ 12-го сентября 1854 по 27-е августа 1855 годовъ). Но каждый мѣсяцъ этой обороны, въ силу огромности подъятыхъ въ это время трудовъ и геройскихъ подвиговъ, по причинѣ грамадности опасностей и утратъ, понесенныхъ нашимъ славнымъ воинствомъ, Высочайше повелѣно считать за годъ

Въ продолженіи этихъ 11 мѣсяцевъ — годовъ произошло четыре генеральныхъ сраженія: при Альмѣ—8-го сентября, при Балаклавѣ—12-го октября, Инкерманское—24-го октября 1854 и на Черной рѣчкѣ 4-го августа 1855 г., и множество вылазокъ, которыя стоютъ настоящихъ сраженій. Защитники Севастополя выдержали шесть страшныхъ опустошительныхъ бомбардированій, три общихъ штурма или приступа... Въ эти 11 мѣсяцевъ брошено врагами въ многострадальный городъ 2,128,000 штукъ метательныхъ снарядовъ, истрачено

330,000 пудовъ пороху и безсчетное множество пуль. Бой происходилъ на землѣ и подъ землей, — въ минныхъ [1]) галлереяхъ и подкопахъ. Сильный врагъ стоялъ лицомъ къ лицу лишь на разстояніи 70 саженъ отъ нашихъ бастіоновъ. Три нашихъ укрѣпленія (Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій редуты) по причинѣ ужаснаго огня, который на нихъ былъ направленъ и который они мужественно выносили, прозваны были „тремя отроками въ пещи“... Малаховъ курганъ, въ послѣдніе мѣсяцы осады, пѣхотинцы называли „бойней“, моряки— „толчеей“... Сколько на этой бойнѣ пало жертвъ любви къ родинѣ, сколько смолото людей въ этой огненной толчеѣ!! Бывали дни, когда люди падали не сотнями, а тысячами, десятками тысячъ! Бородинскій бой—замѣчательный въ исторіи войнъ. Немного было до 1812 года такихъ сраженій, когда—

Въ дыму огонь блестѣлъ;
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Представьте себѣ, что не день, а 349 дней длится такой бой, что земля тряслась, и залпы тысячи орудій слились въ протяжный вой... Оборонителей Севастополя не страшилъ ни адскій огонь, ни сыпавшійся на нихъ чугунный градъ; презрѣніе къ выстрѣламъ они выразили въ различныхъ прозвищахъ: пули на ихъ языкѣ были „мухи“, ядра—„галки“, картечь—„картошка“, бомба—„жеребецъ“... Не перечислишь всѣхъ подвиговъ доблести, совершенныхъ храбрыми защитниками Севастополя. Между Севастопольскими героями были даже дѣти! Хоть чрезъ 11 мѣсяцевъ и палъ Севастополь, потому что „и для героевъ есть невозможное“, по словамъ государя, но въ эти 349 дней—

„Извѣдалъ врагъ не мало,
Что значитъ русскій бой удалый—
Нашъ рукопашный бой!“

Севастопольцы смѣло и съ гордостью могутъ сказать:

Да, были люди въ наше время—
Могучее, лихое племя—
Богатыри!...
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
(Изъ „Родины“ Рядонежскаго).

41. Севастополь въ 1854 и 1855 г.

I. Если вы въ первый разъ въѣзжаете въ Севастополь, то напрасно вы будете искать хотя на одномъ лицѣ слѣдовъ суетливости, расте-

[1]) Минный отъ мины, что значитъ подкопъ, устраиваемый для произведенія взрыва.

рянности или даже готовности къ смерти, рѣшимости,—ничего этого нѣтъ: вы видите людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ. Но сходите на бастіоны [1]), посмотрите защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты, или, лучше, зайдите прямо въ домъ, бывшій прежде Севастопольскимъ Собраніемъ и на крыльцѣ котораго стоятъ солдаты съ носилками,—вы увидите тамъ защитниковъ Севастополя, увидите тамъ ужасныя, грустныя, великія, изумительныя, возвышающія душу зрѣлища.

Вы входите въ большую залу Собранія. Только-что вы отворили дверь, видъ и запахъ 40 или 50 самыхъ тяжело-раненыхъ больныхъ, однихъ на койкахъ, большей же части на полу, вдругъ поражаетъ васъ. Не вѣрьте чувству, которое удерживаетъ васъ на порогѣ залы—это дурное чувство; идите впередъ, не стыдитесь того, что вы какъ будто пришли смотрѣть на страдальцевъ, не стыдитесь подойти и поговорить съ ними: несчастные любятъ видѣть человѣческое сочувствующее лицо, любятъ разсказать про свои страданія и услышать слова любви и участія. Вы проходите посреди̇нѣ постелей и ищете лицо менѣе строгое и страдающее, къ которому вы рѣшитесь подойти, чтобы побесѣдовать.

— Ты куда раненъ? спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного стараго, исхудалаго солдата, который, сидя на койкѣ, слѣдитъ за вами добродушнымъ взглядомъ и какъ-будто приглашаетъ подойти къ себѣ. Я говорю: «робко спрашиваете», потому-что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокое уваженіе къ тому, кто переноситъ ихъ.

— Въ ногу, отвѣчаетъ солдатъ; но въ это самое время вы сами замѣчаете по складкамъ одѣяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна.—Слава Богу, теперь, прибавляетъ онъ:—на выписку хочу.

— А давно ты уже раненъ?

— Да вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе!

— Что же болитъ у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ ничего; только какъ будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего.

— Какъ же ты былъ раненъ?

— На 5-мъ бастіонѣ, ваше благородіе, какъ первая бандировка [2]) была: навелъ пушку, сталъ отходить, эдакимъ манеромъ, къ другой амбразурѣ, [3]) какъ онъ [4]) ударитъ меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился,—глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня пхнуло въ ногу.

— Ну, а потомъ?

---

[1]) Бастіонъ—укрѣпленіе, обнесенное высокимъ валомъ.
[2]) Бомбардировка—пальба изъ пушекъ.
[3]) Амбразуры—отверстія въ бастіонномъ валѣ для пушекъ.
[4]) Такъ называютъ русскіе непріятеля.

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ будто. Оно, первое дѣло, ваше благородіе—не думать ничего; какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше отъ того, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время къ вамъ подходитъ женщина въ сѣренькомъ полосатомъ платьѣ и повязанная чернымъ платкомъ; она вмѣшивается въ вашъ разговоръ съ матросомъ и начинаетъ разсказывать про него, про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ бывши раненъ, остановилъ носилки, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на залпъ нашей батареи, какъ великіе князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 рублей, и какъ онъ сказалъ имъ, что онъ опять хочетъ на бастіонъ, съ тѣмъ, чтобъ учить молодыхъ, ежели уже самъ работать не можетъ. Говоря все это однимъ духомъ, женщина эта смотритъ то на васъ, то на матроса, который, отвернувшись и какъ будто не слушая ее, щиплетъ у себя на подушкѣ корпію, и глаза ея блестятъ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Это хозяйка моя, ваше благородіе! замѣчаетъ вамъ матросъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говоритъ: «ужь вы ее извините. Извѣстно, бабье дѣло—глупыя слова говоритъ».

— Ну, дай Богъ тебѣ поскорѣе поправиться, говорите вы ему и останавливаетесь передъ другимъ больнымъ, который лежитъ на полу и, какъ кажется, въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти.

Это бѣлокурый, съ пухлымъ и блѣднымъ лицомъ человѣкъ. Онъ лежитъ навзничь, закинувъ назадъ лѣвую руку, въ положеніи, выражающемъ жестокое страданіе. Сухой открытый ротъ съ трудомъ выпускаетъ хрипящее дыханіе; голубые оловянные глаза закачены кверху, и изъ подбившагося одѣяла высунутъ остатокъ правой руки, обвернутый бинтами. Тяжелый запахъ мертваго тѣла сильнѣе поражаетъ васъ, и пожирающій внутренній жаръ, проникающій всѣ члены страдальца, проникаетъ какъ будто и васъ.

— Что, онъ безъ памяти? спрашиваете вы у женщины, которая идетъ за вами и ласково, какъ на родного, смотритъ на васъ.

— Нѣтъ еще, слышитъ, да очень плохъ, прибавляетъ она шопотомъ.—Я его нынче чаемъ поила; что-жъ, хоть и чужой, все надо жалость имѣть,—такъ ужъ не пилъ почти.

— Какъ ты себя чувствуешь? спрашиваете вы его.

Раненый поворачиваетъ зрачки на вашъ голосъ, но не видитъ и не понимаетъ васъ.

— Усердцѣ гхорить (т. е. чувствую жаръ около сердца).

Немного далѣе вы видите стараго солдата, который перемѣняетъ бѣлье. Лицо и тѣло его какого-то коричневаго цвѣта и худы, какъ скелетъ. Руки у него совсѣмъ нѣтъ: она вылущена въ плечѣ. Онъ сидитъ бодро, онъ поправился.

Съ другой стороны, вы увидите на койкѣ страдальческое блѣдное и нѣжное лицо женщины, на которомъ играетъ во всю щеку горячечный румянецъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой [1]), скажетъ вамъ ваша путеводительница: она мужу на бастіонъ обѣдать носила.

— Что-жъ, отрѣзали?

— Выше колѣна отрѣзали. .

II. Теперь пройдите въ дверь налѣво: въ той комнатѣ дѣлаютъ перевязки и операціи (операціей называется отрѣзываніе больныхъ или пораненыхъ частей тѣла). Вы увидите тамъ докторовъ съ окровавленными по локти руками и блѣдными, угрюмыми лицами, занятыхъ около койки, на которой, съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, безсмысленныя, иногда простыя и трогательныя слова, лежитъ раненый. Доктора заняты отвратительнымъ, но благодѣтельнымъ дѣломъ. Вы увидите, какъ острый кривой ножъ входитъ въ бѣлое, здоровое тѣло,—увидите, какъ съ ужаснымъ, раздирающимъ крикомъ и проклятіями раненый вдругъ приходитъ въ чувство, — увидите, какъ фельдшеръ броситъ въ уголъ отрѣзанную руку, — увидите, какъ на носилкахъ лежитъ, въ той же комнатѣ, другой раненый и, глядя на операцію товарища, корчится и стонетъ, не только отъ боли, сколько отъ страданій ожиданія, — увидите ужасныя, потрясающія душу зрѣлища.

Выходя изъ этого дома страданія, вы непремѣнно испытаете отрадное чувство, полнѣе вдохнете въ себя свѣжій воздухъ, почувствуете удовольствіе въ сознаніи своего здоровья, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ созерцаніи этихъ страданій, почерпнете сознаніе своего ничтожества и спокойно, безъ нерѣшимости, войдете на бастіоны...

«Что значитъ смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и столькими страданіями?...»

Навстрѣчу попадутся вамъ, можетъ быть, изъ церкви похороны какого-нибудь офицера, съ розовымъ гробомъ и музыкой и развѣвающимися хоругвями; до слуха вашего долетятъ, можетъ быть, звуки стрѣльбы съ бастіоновъ.

Пройдя церковь и баррикаду [2]), вы войдете въ самую оживленную внутреннюю жизнью часть города. Съ обѣихъ сторонъ—вывѣски лавокъ, трактировъ. Купцы, женщины въ шляпкахъ и платочкахъ, щеголеватые офицеры—все говоритъ вамъ о твердости духа, самоувѣренности, безопасности жителей. *(Гр. Л. Толстой).*

42. Разсказы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

I. Во время крымской войны императоръ Николай былъ очень занятъ, такъ что ни одной ночи не спалъ спокойно, а иныя напролетъ просиживалъ. Но за этими занятіями онъ не забывалъ перваго долга христіанина, долга молитвы. Однажды (разсказывалъ его камер-

---

[1]) Бомба—ядро, начиненное разрывнымъ составомъ

[2]) Баррикада—загородка изъ бревенъ и досокъ.

динеръ) государь, умывшись поутру, сталъ молиться Богу; камердинеръ его дожидался въ другой комнатѣ, когда онъ его позоветъ; проходитъ 15 минутъ—все еще тихо въ кабинетѣ; еще пять, еще нѣсколько минутъ, наконецъ, камердинеръ, видя, что уже почти полчаса прошло, въ безпокойствѣ тихонько отворяетъ дверь и видитъ, что государь, какъ стоялъ на колѣняхъ предъ образомъ и земно поклонясь, такъ и заснулъ. Въ первую минуту камердинеръ такъ испугался, что потихоньку позвалъ людей, и, съ осторожностью подойдя къ царю, сталъ его будить. Государь проснулся, перекрестился и сказалъ:—«Какъ я усталъ! Даже на молитвѣ заснулъ!»

II. Петербургское народонаселеніе, разсказываетъ поэтъ Жуковскій, испуганное распоряженіями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитіе холеры, а можетъ быть и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми и, во всякомъ случаѣ, побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотѣли воспользоваться Богъ знаетъ чѣмъ. Напослѣдокъ на одной изъ Петербургскихъ площадей собралась толпа человѣкъ тысячъ въ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ, больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по разнымъ домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа: но появляются строевыя войска—и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ тревогѣ: безпокойство овладѣваетъ жителями; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Здовѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою отъ 20-ти до 35-ти тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встаетъ: представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ, а теперь столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, имъ произнесенныя: «Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца; но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ: вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе—зараза. Надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе. Всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ; стало быть,

вы жалуетесь на меня. Ну, вотъ я здѣсь! и я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные; я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ нимъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь. Въ городѣ зараза. Вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство; невинная кровь пролита. Молитесь Богу, чтобъ Онъ васъ простилъ». При этихъ словахъ, онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, пала ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, народъ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего проступка. *(Жуковскій).*

43. Дѣдушка Крыловъ.

I. Дѣдушку Крылова звали Иваномъ Андреевичемъ. Родился онъ не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ. Отецъ его былъ военный и служилъ сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Оренбургѣ, и наконецъ переѣхалъ въ Тверь, гдѣ поступилъ на службу по гражданской части. Ивану Андреевичу было всего 11 лѣтъ, когда отецъ его умеръ, оставивъ его съ матерью въ крайней бѣдности; кромѣ сундука съ книгами, послѣ отца почти ничего не осталось, и несчастная вдова только съ трудомъ могла прокормить себя и сына. Мать Ивана Андреевича была женщина очень добрая, и онъ любилъ ее всѣмъ сердцемъ. Марья Алексѣевна—такъ звали ее—сама учила своего Ванюшу читать и писать по-русски, да нашелся добрый человѣкъ, который научилъ его читать и по-французски. За каждый хорошо выученный урокъ мать давала ему по нѣскольку копеекъ, а онъ копилъ эти деньги и покупалъ на нихъ самыя необходимыя вещи, какъ-то: сапоги, шапку и т. п. Въ свободное время онъ часто ходилъ гулять и съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщалъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, вмѣшивался въ толпу и съ жадностью прислушивался къ разговору простолюдиновъ; нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и слушалъ, что и какъ говорятъ собиравшіеся тутъ изъ разныхъ мѣстъ рабочіе. Тутъ-то онъ и научился тому выразительному и чисто русскому языку, которымъ от-

Крыловъ.

личаются всѣ его басни. Но самымъ любимымъ занятіемъ его было чтеніе, и онъ перечиталъ всѣ книги, которыя остались отъ отца; особенно же ему нравились вымыслы о волшебникахъ, которыхъ часто выводили на сцену [1]) въ старинныхъ комедіяхъ [2]). Подобныя пьесы [3]) до того занимали его, что онъ почувствовалъ охоту самъ сочинить что-нибудь въ этомъ родѣ, и дѣйствительно написалъ цѣлую оперу [4]) подъ названіемъ Кофейница. Въ этой оперѣ представлена женщина, которая ворожитъ на кофе. Ему тогда было только 14 лѣтъ.

II. Ничему еще порядочно не научился Иванъ Андреевичъ, какъ ему уже пришлось поступить на службу; матери одной слишкомъ трудно было зарабатывать хлѣбъ, и потому онъ долженъ былъ помогать ей. Но жалованье ему дали такое маленькое, что оно никакъ не могло улучшить ихъ положенія. Тогда мать рѣшилась ѣхать въ Петербургъ, чтобы хлопотать о пенсіи [5]) по службѣ мужа. Сына она взяла съ собой. Въ Петербургѣ Ивану Андреевичу удалось продать свое сочиненіе «Кофейница» одному книгопродавцу за 60 рублей, и на эти деньги онъ купилъ себѣ французскихъ книгъ. Это были большею частію все пьесы для игры на театрѣ [6]), къ которому Иванъ Андреевичъ сильно пристрастился. Вскорѣ за тѣмъ онъ поступилъ на службу и въ свободное время сталъ писать театральныя пьесы, изъ которыхъ нѣкоторыя потомъ были играны на театрѣ. Но всѣ его сочиненія, написанныя въ молодости, были вовсе не такъ хороши, какъ впослѣдствіи его басни. Это оттого, что Иванъ Андреевичъ самъ долженъ былъ до всего доходить, самъ всему учиться. У него не было хорошихъ учителей, и потому онъ потратилъ много времени на чтеніе безполезныхъ книгъ; не съ кѣмъ было посовѣтоваться о выборѣ ихъ. Мать ему въ этомъ помочь не могла, потому-что сама была не ученая; да къ тому же она скоро умерла, и Иванъ Андреевичъ на 21 году своей жизни остался совершенно одинъ. Долго еще онъ писалъ пьесы для театра и разныя мелкія стихотворенія.

III. Мать Ивана Андреевича, какъ я уже сказалъ, была женщина очень хорошая, и сына своего тоже научила быть хорошимъ, добрымъ и честнымъ; а между тѣмъ Иванъ Андреевичъ, то и дѣло, встрѣчался съ людьми, которые вовсе не были такими, какимъ мать его научила быть. Одни изъ нихъ часто лгали, другіе хитрили, третьи брались не за свое дѣло, многіе ссорились изъ-за пустяковъ, многіе были недовольны тѣмъ, что имѣли, и т. д. Все это видѣлъ Иванъ Андреевичъ; жаль ему стало этихъ людей, и ему захотѣлось исправить ихъ, по-

---

[1]) Сцена—возвышенное мѣсто въ театрѣ.

[2]) Комедія—сценическое представленіе въ театрѣ, гдѣ выводятся смѣшныя стороны нѣкоторыхъ лицъ.

[3]) Пьеса—всякое сочиненіе, которое играютъ въ театрѣ.

[4]) Опера—сочиненіе съ пѣніемъ и музыкою, которое играютъ въ театрѣ.

[5]) Пенсія—деньги, получаемыя за службу послѣ оставленія ея.

[6]) Театръ—зданіе, устроенное для представленія разныхъ зрѣлищъ.

мочь имъ быть правдивыми, честными, миролюбивыми и довольными. А какъ помочь? Сказать имъ прямо, что они поступаютъ дурно, — они могутъ обидѣться; а обижать онъ никого не хотѣлъ. Да, пожалуй, и не исправятся, а останутся такими же, какими были. Надо было такъ устроить, чтобы люди сами видѣли, какъ смѣшны они бываютъ, когда дѣлаютъ какія-нибудь глупости, и какъ худо жить на свѣтѣ тѣмъ, кто думаетъ только о себѣ и не заботится вовсе о другихъ. Думалъ онъ такъ, да какъ-то разъ и случилось ему прочесть басни одного французскаго писателя. Онѣ ему очень понравились; онъ перевелъ нѣсколько басенъ на русскій языкъ и показалъ свой переводъ друзьямъ. Тѣ похвалили переводъ и совѣтовали Ивану Андреевичу продолжать эту работу. Онъ перевелъ еще нѣсколько басенъ, а за тѣмъ попробовалъ и самъ сочинить, и его собственныя басни вышли еще лучше переводныхъ. Теперь онъ понялъ, какимъ образомъ онъ можетъ учить людей и показывать имъ всѣ ихъ недостатки. Разсказывая про хитрыхъ и льстивыхъ лисицъ, глупыхъ обезьянъ, жадныхъ волковъ и т. д., говорящихъ и дѣйствующихъ совершенно такъ, какъ люди, онъ этимъ не только никого не обижалъ, но и доставлялъ еще всѣмъ удовольствіе; а между тѣмъ, читая эти живые и забавные разсказы, всякій понималъ, что тутъ дѣло идетъ вовсе не объ этихъ животныхъ, а о похожихъ на нихъ людяхъ. Въ это время Ивану Андреевичу было около сорока лѣтъ. Съ этихъ поръ онъ уже не сочинялъ болѣе пьесъ для театра, а сталъ писать однѣ только басни; и такъ-какъ онъ прожилъ еще около сорока лѣтъ, то и успѣлъ написать ихъ болѣе двухъ сотъ. Этимъ онъ принесъ людямъ большую пользу. Всѣ читали его басни, всѣ восхищались ими, а дѣти въ школѣ и дома заучивали ихъ наизусть; всѣмъ онѣ были понятны: и знатнымъ, и простымъ людямъ, и взрослымъ, и дѣтямъ, всѣхъ онѣ учили уму-разуму. Въ Петербургѣ личность Ивана Андреевича сдѣлалась до того извѣстною, что, когда онъ шелъ по улицѣ, матери показывали его дѣтямъ, говоря: «Смотрите, вотъ идетъ дѣдушка Крыловъ, который написалъ столько прелестныхъ басенъ».

Иванъ Андреевичъ умеръ въ 1844 году, проживъ 76 лѣтъ, а по другимъ извѣстіямъ — ровно 80 лѣтъ. *(Изъ второй учебной книги Паульсона).*

44. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

(*Род.* въ 1799 г., *ум.* въ 1837 г.).

„И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя въ неиъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ".
(*Памятникъ, ст. Пушкина*).

I. Родина Пушкина—Москва; въ ней онъ получилъ воспитаніе и первоначальное образованіе. Отецъ Пушкина принадлежалъ къ высшему

московскому обществу и для своего времени былъ человѣкъ хорошо образованный, хотя это образованіе было чисто свѣтское: онъ отлично владѣлъ французскимъ языкомъ, даже писалъ на немъ стихи, былъ извѣстенъ въ обществѣ, какъ веселый и остроумный собесѣдникъ, и славился искусствомъ выразительнаго чтенія. Какъ человѣкъ свѣтскій, отецъ Пушкина хотѣлъ дать и сыну такое образованіе, какое было принято въ богатыхъ домахъ: свѣтское — французское. И вотъ Пушкинъ попадаетъ въ руки гувернантокъ [1]) и гувернеровъ—французовъ. При ихъ настойчивости онъ быстро сдѣлалъ навыкъ во французскомъ языкѣ. Но занятія научными предметами и при многихъ учителяхъ, вслѣдствіе лѣности ученика, не сопровождались блестящими успѣхами. Какимъ же образомъ Пушкинъ пріобрѣлъ многосторонніе знанія, безъ которыхъ трудно сдѣлаться хорошимъ литераторомъ? Дѣло въ томъ, что Пушкинъ плохо занимался только тѣмъ, чѣмъ его заставляли заниматься; но въ немъ была сильная любознательность, и онъ вознаграждалъ себя чтеніемъ. Кромѣ того, достигнувъ лѣтъ, когда человѣкъ располагаетъ самъ своими дѣйствіями, онъ неутомимо трудился надъ самообразованіемъ: *онъ учился всю свою жизнь.*

А. С. Пушкинъ.

Изучая всѣ уроки на французскомъ языкѣ, слыша вокругъ себя французскую рѣчь, Пушкинъ рано освоился съ этимъ языкомъ, и когда въ немъ пробудилась страсть къ чтенію, которую поощрялъ отецъ, самъ читая иногда дѣтямъ лучшія литературныя произведенія,—Пушкинъ естественно взялся за книги французскія. Въ чтеніи онъ не имѣлъ недостатка: отецъ его, отлично знавшій французскую литературу, имѣлъ хорошую библіотеку французскихъ писателей. Будущій поэтъ забирался въ эту библіотеку и проводилъ въ ней по нѣскольку часовъ и даже цѣлыя ночи, читая все безъ разбора.

II. Къ счастію, французское вліяніе [2]) ослаблялось вліяніемъ старой няни Пушкина, Арины Родіоновны, подъ ближайшимъ надзоромъ которой онъ развивался въ эти годы дѣтства. Эта простая женщина какъ нельзя короче знала весь русскій сказочный міръ и передавала

[1]) Гувернантка—надзирательница за дѣтьми.
[2]) Вліяніе—дѣйствіе, воздѣйствіе, впечатлѣніе.

его чрезвычайно оригинально: (т. е. своеобразно) поговорки, пословицы и присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ зналъ очень много, онъ слышалъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать, что ея разсказамъ и пѣснямъ онъ обязанъ знакомству съ лучшими образцами народной рѣчи и развитію фантазіи [1]) народными образами. Добродушная и ворчливая, нѣжно расположенная и притворно строгая, она оставила въ сердцѣ нашего поэта неизгладимыя воспоминанія. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и въ годы славы и возмужалости бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ и увѣковѣчилъ потомъ память о ней многими прекрасными стихами.

III. Когда Пушкину исполнилось 12 лѣтъ, въ это время около Петербурга только-что открылось учебное заведеніе «Царскосельскій Лицей», имѣвшее задачей образованіе юношества, предназначеннаго къ важнымъ должностямъ государственной службы, и Пушкинъ былъ отданъ въ лицей. Учебная жизнь Пушкина была такъ же блестяща, какъ и дома; въ лицеѣ, какъ и дома, онъ не утомлялъ себя усидчивыми занятіями, не напрягалъ своего вниманія.

Годы, проведенные Пушкинымъ въ лицеѣ, остались навсегда лучшими годами его жизни; въ лицеѣ онъ встрѣтилъ друзей, которые имѣли на него хорошее вліяніе; въ лицеѣ впервые развернулись основныя черты его характера: обнаружилось любящее и довѣрчивое его сердце, расположеніе къ насмѣшкѣ; въ лицеѣ развился и его поэтическій талантъ подъ вліяніемъ литературной обстановки: литература [2]) въ лицеѣ была любимымъ предметомъ и занятіемъ въ свободное время.

Въ первые годы лицейской жизни Пушкинъ продолжалъ писать и попрежнему—на французскомъ языкѣ. Но, подъ вліяніемъ занятій русской литературой, Пушкинъ началъ писать стихи на русскомъ языкѣ, сперва опять-таки въ подражаніе французскимъ писателямъ, а затѣмъ—уже и русскимъ поэтамъ.

Въ непродолжительномъ времени стихи его начинаютъ распространяться, и онъ дѣлается извѣстнымъ, какъ диковинный мальчикъ, много обѣщающій въ будущемъ. Впослѣдствіи произведенія, написанныя въ лицеѣ, сдѣлались извѣстными подъ именемъ «лицейскихъ».

IV. По выходѣ изъ лицея, Пушкинъ поступилъ на службу въ иностранную коллегію, вошелъ въ кругъ свѣтской жизни и очутился среди тогдашнихъ знаменитыхъ писателей, которые привѣтствовали его восторженными похвалами.

Между тѣмъ за одно свободное стихотвореніе, гдѣ осмѣивались важныя лица, Пушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга на югъ Россіи, гдѣ пробылъ четыре года. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на развитіе его, какъ поэта. Удалившись отъ шумной столичной жиз-

---

[1]) Фантазія—творческая сила воображенія.
[2]) Литература—всѣ словесныя произведенія какого-либо народа.

ни, Пушкинъ имѣлъ много времени подумать о своемъ призваніи и серьезно отнестись къ своей задачѣ: въ немъ возбудилась жажда къ ученію, самообразованію, поднялись вопросы, для рѣшенія которыхъ требовалась привычка къ размышленію и кругъ знаній, до сихъ поръ у него не достававшихъ. И вотъ онъ начинаетъ собирать народныя пѣсни, легенды, читать и дѣлать выписки изъ прочитаннаго. Кромѣ того пребываніе на югѣ Россіи дало Пушкину матеріалъ для его произведеній. Суровыя красоты Кавказа съ его дикими, воинственными горцами, очаровательные виды Крыма—порождали въ душѣ его новые образы и возбуждали чувство. Слѣдствіемъ этого явился цѣлый рядъ поэмъ [1]). Большинство произведеній Пушкина, написанныхъ въ это время, отличается грустнымъ чувствомъ, ибо Пушкинъ находился подъ вліяніемъ Байрона, чрезвычайно грустнаго англійскаго поэта.

V. Это вліяніе прекращается съ переселеніемъ Пушкина на родину—въ село Михайловское, Псковской губерніи. Здѣсь онъ поселился въ одной изъ комнатъ запущеннаго дома и сталъ жить жизнью затворника, проводя время—днемъ за работой, а вечеромъ въ бесѣдахъ со старухой-нянѣй; только спустя нѣкоторое время его стали посѣщать знакомые и друзья. Бесѣдуя съ Ариной Родіоновной, Пушкинъ внимательно слушалъ ея разсказы, записывалъ ихъ и тѣмъ самымъ вознаграждалъ, какъ самъ говоритъ, недостатки французскаго воспитанія. Живя въ одиночествѣ, Пушкинъ получилъ еще большую возможность глубже сосредоточиваться и продолжать самообразованіе. Еще на югѣ онъ сталъ собирать книги, и теперь у него образовалась хорошая библіотека, которая оказывала немаловажную помощь въ занятіяхъ. Онъ усердно предается чтенію, перечитываетъ по нѣсколько разъ лучшія сочиненія, дѣлаетъ замѣтки, наполняетъ тетради множествомъ выписокъ, свидѣтельствовавшихъ о большой его начитанности, изучаетъ Шекспира, англійскаго драматическаго [2]) писателя, и русскую исторію. Подъ вліяніемъ исторіи Карамзина здѣсь создается одно изъ лучшихъ произведеній: «Борисъ Годуновъ». Вообще время, проведенное въ Михайловскомъ, богато поэтическою дѣятельностью. Проведя около 3-хъ лѣтъ въ деревнѣ, Пушкинъ оставилъ Михайловское и съ этого времени не имѣетъ опредѣленнаго мѣста-пребыванія: живетъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Михайловскомъ, совершаетъ поѣздку на Кавказъ. И самая жизнь его въ это время идетъ неровно: онъ то начинаетъ жить свѣтскою жизнью, то оставляетъ общество и ищетъ успокоенія въ деревенской жизни; отъ полной беззаботности переходитъ къ кипучей дѣятельности; наслажденія славой смѣняются усталостью и разочарованіемъ. Затѣмъ Пушкинъ женился и поселился почти на постоянное жительство въ Петербургѣ, окруживъ себя знакомствомъ. Пушкинъ благоговѣлъ къ

---

1) Поэма—поэтическое повѣствованіе о важномъ или занимательномъ дѣйствіи.

2) Драматическій—отъ слова „драма"—театральное сочиненіе, заключающее въ себѣ нѣсколько дѣйствій.

памяти Петра Великаго. Онъ задумалъ написать исторію этого государя. Изучая матеріалы для этого труда, въ архивѣ (т. е. мѣсто храненія старинныхъ рукописей) онъ случайно натолкнулся на бумаги о пугачевскомъ бунтѣ, которыя и дали поэту канву для повѣсти «Капитанская дочка» и навели на мысль написать «Исторію пугачевскаго бунта». Желая ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія описываемыхъ событій, Пушкинъ ѣздилъ въ Казань и Оренбургъ.

Нѣсколько лѣтъ Пушкинъ думалъ объ изданіи журнала. И вотъ въ 1836 году онъ сталъ издавать журналъ «Современникъ». Но ему не суждено было долго быть издателемъ этого журнала. Свѣтскія сплетни, касавшіяся его семейной жизни, были причиной дуэли его съ сыномъ голландскаго посланника Геккерна, на которой нашъ великій поэтъ былъ смертельно раненъ; чрезъ два дня послѣ дуэли онъ умеръ, 38 лѣтъ отъ роду, въ пору самаго блестящаго развитія своего таланта.

VI. Какъ человѣкъ, Пушкинъ отличался благородствомъ, мягкостью и живостью. Онъ былъ весьма впечатлителенъ: каждое явленіе оставляло въ немъ глубокій слѣдъ; онъ не любилъ изысканности, принужденности и утонченности. Его сердце располагало его къ простотѣ и прямотѣ обращенія съ другими. Онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Истинно русскій человѣкъ искренно вѣруетъ въ Бога; религіозность (т. е. набожность) составляетъ національную (т. е. народную) нашу черту. Всѣ наши великіе писатели были весьма религіозны. Таковъ былъ и Пушкинъ.

Какъ писатель, Пушкинъ имѣетъ громадное значеніе: онъ улучшилъ литературный языкъ, придалъ ему большую легкость и музыкальность, обогатилъ нашу литературу многими прекрасными произведеніями, развилъ вкусъ публики и еще большую любовь къ чтенію.

(Извлеч. и сокращ. изъ соч. Павлова „Біографіи русск. образц. писателей".)

45. Царствованіе Императора Александра II.

I. Въ 1818 году Ихъ Императорскія Высочества, Великій князь Николай Павловичъ и Великая княгиня Александра Ѳеодоровна осчастливили Москву своимъ посѣщеніемъ. Здѣсь 17 апрѣля Господь даровалъ Имъ сына первенца, великаго князя Александра. Василій Андреевичъ Жуковскій, знаменитый поэтъ того времени, привѣтствовалъ это событіе стихотвореніемъ, въ которомъ замѣчательны слѣдующія пророческія слова:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ;
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!"

Прошло семь лѣтъ. Въ 1825 году восшелъ на Всероссійскій престолъ Николай Павловичъ, и первенецъ его провозглашенъ былъ Наслѣдникомъ престола. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ великій князь Алек

сандръ Николаевичъ находился подъ руководствомъ наставниковъ, которые были знамениты и своимъ разумомъ, и прекрасными качествами. Во главѣ ихъ стоялъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Августѣйшіе родители цесаревича желали, чтобы наставники воспитали изъ него прежде всего добраго человѣка. Наставники находились съ нимъ неотлучно; обучали его наукамъ, направляли его волю къ добру для народа, надъ которымъ предназначено было ему царствовать. «Могущество государя», поучали они Августѣйшаго воспитанника, «состоитъ въ благоденствіи его подданныхъ». Они научили его жить только для народа; для блага всѣхъ себя позабывать. Доброта души цесаревича показалась съ самыхъ отроческихъ лѣтъ. Войдя въ возрастъ, цесаревичъ отправился по Россіи, для знакомства съ своимъ народомъ. Объѣхалъ онъ почти всю Россію, побывалъ даже въ далекой Сибири.

II. 18 февраля 1855 года скончался императоръ Николай Павловичъ. «Служи Россіи! завѣщалъ онъ на смертномъ одрѣ своему наслѣднику,—мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное, счастливое... Провидѣніе судило иначе!» Страшные, тяжкіе дни переживала Россія, когда вошелъ на престолъ Александръ Николаевичъ. Враги нападали на нее со всѣхъ сторонъ: съ сѣвера и востока, съ запада и юга. Твердыни Севастополя, громимыя пушками четырехъ соединенныхъ царствъ, начали колебаться и наконецъ не выдержали. Но и непріятели не желали больше вести войну, такъ какъ они потеряли множество войска и потратили много денегъ. Вскорѣ заключенъ былъ миръ. Государь видѣлъ, что Россія нуждалась въ мирѣ. Онъ возвѣстилъ своимъ подданнымъ, что для славы Россіи сдѣлано достаточно, но что и для героевъ есть невозможное.

Окончивъ войну, императоръ обратилъ особенное вниманіе на внутреннія дѣла Россіи и совершилъ много разныхъ преобразованій. Первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Издавна, съ самаго начала русской земли, крестьяне считались людьми вольными. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли собственную землю, но большая часть жили на чужой землѣ и рядились съ вотчинникомъ. Вотчинникъ отводилъ имъ землю, давалъ рабочую скотину и все, что нужно на хозяйство. За это крестьяне пахали на него пашню, косили луга, работали и всякую другую работу, которую по рядной записи порядились отбывать. Если житье крестьянамъ у вотчинника не нравилось, они отходили къ другому. Сначала крестьяне переходили съ одной земли на другую, когда хотѣли, а потомъ на это установился срокъ: они могли уходить только около Юрьева осенняго дня, покончивъ съ хозяиномъ всѣ разсчеты по уговору. При царѣ Борисѣ Годуновѣ былъ изданъ указъ, по которому крестьяне должны были оставаться на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они въ то время жили. Съ той поры крестьяне были прикрѣплены

къ землѣ и стали *крѣпостными*. Сначала крѣпостные не видѣли ничего худого, помѣщики давали землю, а крестьяне за это работали 2—3 дня въ недѣлю на своихъ господъ. Но чѣмъ дальше, крестьянамъ становилось все хуже и хуже. Дошло наконецъ до того, что помѣщики получили право продавать своихъ крестьянъ съ землею и безъ земли, семьями и въ одиночку. Нерѣдко почти всѣ шесть дней крестьяне должны были работать на помѣщиковъ. Крестьяне даже не могли сами собой жениться, ни распоряжаться своимъ добромъ и не находили себѣ защиты отъ самыхъ жестокихъ притѣсненій; иногда они и пробовали жаловаться, да толку не было: суды были совсѣмъ не такіе, какъ теперь. Но Государь Александръ Николаевичъ имѣлъ у себя хорошихъ наставниковъ, многое онъ слышалъ отъ нихъ, иное читалъ самъ и видѣлъ онъ довольно горе народное въ свои поѣздки по Россіи. Онъ былъ свидѣтелемъ постоянныхъ заботъ своего отца, Императора Николая, объ освобожденіи крестьянъ. Ему прежде всего хотѣлось исполнить то, что покойный родитель его всегда желалъ. Онъ обратился къ дворянамъ съ милостивымъ выраженіемъ полнаго довѣрія, старался привлечь ихъ къ себѣ и ихъ содѣйствіемъ произвести освобожденіе крестьянъ. «Я увѣренъ, — говорилъ онъ, — что дворянство будетъ въ началѣ всего добраго... Крѣпостное право не можетъ продолжаться вѣчно»... Сначала онъ почти никого не имѣлъ, кто бы помогъ ему, а было очень много людей, которые употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать ему. «Но дѣло это»—говорилъ Государь, «меня постоянно занимаетъ; надо довести его до конца; я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился». И началъ онъ скромно и осторожно; многіе думали, что дѣло это такъ и станетъ; но Государь не пропускалъ случая подвигать его, подбиралъ сочувствующихъ людей, настаивалъ, чтобы не откладывали дѣла въ долгій ящикъ; назначилъ своего брата Михаила Николаевича—членомъ, потомъ предсѣдателемъ комитета, и не разъ повторялъ: «Это моя непремѣнная воля... Я желаю только блага Россіи». Первыми отозвались на это помѣщики западныхъ губерній, потомъ нижегородскіе, петербургскіе, московскіе, а за ними и всѣ другіе стали соглашаться на волю крестьянъ, только безъ земли; но Государь хорошо понималъ, что бездомные крестьяне будутъ вредны и для помѣщиковъ, и для государства, что безъ земли крестьянамъ не прожить, и убѣждалъ дворянъ уступить нѣкоторую часть земли, по выкупу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при помощи казны. Государь твердо настаивалъ на томъ; чтобы надѣлить крестьянъ землею. Онъ поручилъ помѣщикамъ, въ каждой губерніи, составлять изъ себя комитеты для обсужденія, какимъ-бы образомъ получше это устроить.

И вотъ наконецъ 19 го февраля 1861 года Государь подписалъ замѣчательнѣйшій въ исторіи Высочайшій манифестъ о свободѣ крестьянъ, который начинался слѣдующими достопамятными словами. «*Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ, и при-*

зови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»!

Эти царскія слова раздавались во всѣхъ церквахъ обширнаго русскаго государства, раздавались, какъ благовѣстъ небесный, во всей русской землѣ. Болѣе двадцати милліоновъ, страдавшихъ цѣлые вѣка въ неволѣ, какъ бы воскресли къ новой гражданской жизни. Освобожденіе крестьянъ привѣтствовано, какъ величайшій праздникъ, не одними крестьянами, но всею мыслящею и чувствующею Русью. «Христосъ воскресъ, во истину воскресъ!—восклицаетъ поэтъ Розенгеймъ,—блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ. Разбита рабства цѣпь! Вставайте мертвецы, вставайте Лазари изъ гроба вѣкового. Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому, Кто вызвалъ свой народъ отъ рабства!»

Еще яснѣе выразилъ отъ лица всей Россіи значеніе 19-го февраля 1861 года русскій поэтъ, князь. Одоевскій. Слова его обращены къ самому Царю-Освободителю:

«Тобой свершилося желанное вѣками;
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда».

Но трогательнѣе всего выразилось отношеніе народа къ великому событію народной свободы. Спокойно народъ ждалъ конца дѣла, и еще спокойнѣе и трезвѣе праздновалъ онъ великое событіе. Не слышно было праздничнаго разгула. Все вниманіе стараго и малаго сосредоточено было на одномъ—на Царскомъ манифестѣ о волѣ. Вотъ бѣдная крестьянская избушка. На самомъ видномъ мѣстѣ, при свѣтѣ лучины, читаетъ манифестъ малютка-дѣвочка. Какая чудная картина! На лицахъ внимательныхъ слушателей спокойствіе и какая-то торжественная задумчивость. Такъ и видно, что каждый всею душою ушелъ въ смыслъ и значеніе царскихъ словъ.

А вотъ другая картина. По улицамъ шумнаго Петербурга ѣдетъ Государь - Императоръ. Народная толпа освобожденныхъ крестьянъ встрѣчаетъ Монарха-Благодѣтеля. Государь велѣлъ остановиться. Старики на колѣняхъ подносятъ хлѣбъ-соль. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, проникнуты глубокимъ чувствомъ безпредѣльной благодарности Царю-Освободителю.

IV. Для наблюденія за правильнымъ надѣломъ земли и составленіемъ между помѣщиками и крестьянами „Уставныхъ грамотъ“ (въ которыхъ опредѣлялось количество земли и выкупа) Государь назначилъ особыхъ людей — «мировыхъ посредниковъ». За усадьбы, за полевыя угодья, крестьяне выплачивали помѣщикамъ, по частямъ, опредѣленный, по взаимному согласію, денежный оброкъ. Выкупъ былъ разсроченъ на 49 лѣтъ; а кто могъ, откупался и раньше, и сразу. Государь велѣлъ казнѣ выдавать крестьянамъ денежную ссуду, въ долгъ. Такимъ образомъ казна выдала впередъ 750 милліоновъ рублей, да

кромѣ того роздано крестьянскимъ обществамъ около 120-ти милліоновъ десятинъ казенной земли. Домъ и дворъ каждаго крестьянина и все, что у него было, принадлежало уже ему самому. Обработывая свою землю, занимаясь у себя дома, онъ пользовался заработками для себя, для семьи, для общества. Понятно, что каждый добросовѣстный, работящій человѣкъ скоро сталъ бодрѣе духомъ, зажиточнѣе. Крестьянамъ даровано право производить, безъ особыхъ пошлинъ, разрѣшенную имъ торговлю, открывать и содержать фабрики, заводы, мастерскія и другія заведенія, записываться въ купечество, заниматься подрядами и проч. Дѣтямъ ихъ открыта дорога къ наукѣ и службѣ, и не одинъ уже изъ нихъ, слава Богу, сталъ умнымъ человѣкомъ и полезнымъ членомъ общества.

V. Въ 1874 г. Государь уравнялъ всѣхъ своихъ подданныхъ передъ закономъ и судомъ. Онъ желалъ, чтобы порядки въ нашихъ судахъ были болѣе правильные, чѣмъ прежніе. «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!» возвѣстилъ Государь, и народъ получилъ судъ правый, скорый, милостивый и для всѣхъ равный. Въ прежнее время судъ велся въ тайнѣ, обвиняемые не могли приносить оправданій при всемъ народѣ, *гласно*, и потому часто какъ было угодно судьѣ, такъ и выходило. Нерѣдко виновные оправдывались, а невинные страдали. Эти старые суды замѣнены новыми—*мировыми и окружными*. Въ первыхъ разбираются незначительныя дѣла, а вторые вѣдаютъ (т. е. рѣшаютъ) дѣла болѣе важныя. Когда въ *окружныхъ* судахъ обвиняется кто-нибудь въ тяжкомъ преступленіи, напримѣръ въ убійствѣ, то на разбирательствѣ присутствуютъ выборныя лица изъ мѣстныхъ жителей, которые называются *присяжными засѣдателями*. Они рѣшаютъ вопросъ: виновенъ ли подсудимый или нѣтъ? а судьи по закону назначаютъ наказаніе. Въ тѣхъ и другихъ судахъ всѣ дѣла разбираются *гласно*, въ присутствіи всѣхъ желающихъ слушать, и для всѣхъ одинаково—передъ судомъ всѣ равны.

VI. Послѣ судебной реформы особенно важное значеніе имѣла реформа воинской повинности. До реформы солдаты въ наше войско набирались главнымъ образомъ изъ крестьянъ, на которыхъ главнымъ образомъ и лежала эта повинность, или рекрутчина. Служба военная продолжалась 25 лѣтъ и была служба трудная, тяжелая, особенно для крестьянъ, взятыхъ прямо отъ сохи... Много и много горькихъ слезъ пролито было въ дни наборовъ: отцы, матери и жены оплакивали своихъ сыновей и мужей, точно похороненныхъ заживо. Государь видѣлъ это горе народное и всѣми силами стремился облегчить для народа воинскую повинность. Государству нельзя быть безъ защитниковъ, а особенно такому большому, какъ Россія; нельзя оставаться безъ постояннаго многочисленнаго войска. Государь рѣшилъ во 1-хъ, уравнять и въ этомъ своихъ подданныхъ, во 2-хъ не отрывать солдата навсегда или на слишкомъ многіе годы отъ его обществъ, отъ его семьи и дома. Онъ повелѣлъ сократить срокъ военной службы и

ввелъ общую повинность. Съ этихъ поръ не одни уже крестьяне, но и дворяне, купцы, словомъ, всѣ сословія должны были поступать въ ряды защитниковъ отечества и отбывать срокъ своей службы, сократившійся до 6 лѣтъ и даже менѣе. При этомъ каждый, поступившій въ солдаты, не удаляется навсегда изъ своего общества или своей деревни, и сохраняетъ права на свою землю, на свой участокъ. Самая военная служба стала почетною, измѣнилась къ лучшему, сдѣлалась много легче, вольнѣе... Прежде сдавали въ рекруты людей опороченыхъ и негодяхъ для обществъ, теперь же такихъ и вовсе не принимаютъ на военную службу. Званіе и обязанность солдата почетны, и нужны честные люди, вѣрные сыны родины, чтобы свято выполнить высокій долгъ воина.

VII. Въ 1859 году былъ окончательно покоренъ Кавказъ: шестьдесятъ лѣтъ боролись русскіе съ полудикими племенами Кавказа. Высочайшія и крутыя кавказскія горы долго мѣшали русскимъ войскамъ овладѣть Кавказомъ. Наконецъ въ 1859 году былъ взятъ въ плѣнъ предводитель горцевъ Шамиль, и всѣ кавказскія племена изъявили покорность. Вслѣдъ за покореніемъ Кавказа Россія усмирила Коканъ, Бухару и Хиву. Это - три небольшія царства въ средней Азіи, населенныя разбойническими племенами; эти хищники дерзко нападали на русскихъ людей, особенно купцовъ, грабили ихъ, убивали, или же, захвативъ въ плѣнъ, продавали на своихъ рынкахъ, какъ скотъ.

VIII. Императоръ Александръ Николаевичъ рѣшилъ кромѣ того освободить нашихъ братьевъ славянъ, которые находились подъ властію турокъ. Онъ сначала потребовалъ отъ турецкаго султана, чтобъ онъ улучшилъ положеніе славянъ; когда же это не было исполнено, Императоръ объявилъ Турціи войну. «Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше», сказано было въ Высочайшемъ манифестѣ, «Мы вынуждены къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ». — «Не для завоеваній идемъ мы», гласилъ приказъ Главнокомандующаго [1]), «а на защиту поруганныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой».

Началась война,—съ нею, за немногими неудачами, рядъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ русскаго воинства. Въ апрѣлѣ 1877 года двѣ русскія арміи перешли русскую границу. Одна изъ нихъ двинулась на Кавказъ, а другая—къ рѣкѣ Дунаю (впадаетъ въ Черное море). Сами Государь Императоръ и Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ отправились въ дѣйствующую армію.

Турки сражались отчаянно, но все-таки не могли устоять; ихъ арміи одна за другой были разбиты и забраны въ плѣнъ со всѣмъ оружіемъ. Русскіе двигались быстро и не останавливались ни передъ какими препятствіями. Зимою въ жестокій морозъ они перешли Балканскія горы и подошли къ турецкой столицѣ — Константинополю.

---

1) Брата Государя, Великаго Князя Николая Николаевича.

Турки должны были смириться и заключить миръ. По этому миру почти всѣ славяне были освобождены отъ власти турокъ.

Государь Императоръ терпѣливо переносилъ всѣ трудности походной жизни. Онъ вездѣ являлся великимъ утѣшителемъ раненыхъ и умирающихъ воиновъ.

16-го іюня 1877 года Государь посѣтилъ Зимницкій госпиталь... Глубоко прочувствованными словами онъ выразилъ страдальцамъ свою признательность за ихъ молодецкую службу.

— Постараемся, Ваше Императорское Величество, постараемся, отвѣчали ему израненные воины.

«Чего—постараетесь!—сказалъ Императоръ—уже постарались и большое Мое и Россіи вамъ за это спасибо, ребята!»

Тутъ же лежалъ тяжко раненый офицеръ гвардіи.

«Ты очень страдаешь?»—спросилъ его Государь.

— Да, Ваше Величество,—отвѣчалъ раненый—дайте руку поцѣловать!..

«Нѣтъ! Я тебя поцѣлую!» отвѣчалъ Государь, обнимая доблестнаго воина.

«Что за люди!» говорилъ Императоръ. «Ни одной жалобы! ни одной просьбы! Одно только желаніе, одно у всѣхъ стремленіе: поскорѣе въ полкъ, чтобъ итти на непріятеля!»

Посѣщая раненыхъ, Государь показывалъ столько доброты, столько душевной простоты и нѣжнаго обращенія, что трудно себѣ и представить. Онъ глубоко чувствовалъ страданія храбрыхъ воиновъ и искалъ въ своемъ сердцѣ всѣхъ средствъ, которыя могли бы облегчить страданія.

19-го февраля 1880 года исполнилось первое двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Александра Николаевича. Вся Россія радостно встрѣтила этотъ день, всѣ молили Бога, чтобъ Онъ продлилъ драгоцѣнную жизнь. Но Богъ судилъ иное: 1-го марта 1881 года Царь-Освободитель былъ тяжело изувѣченъ нѣсколькими злодѣями и принялъ кончину мученика и не погрѣшимъ, если скажемъ—вѣнецъ мученика.

Все царствованіе Императора Александра II прошло въ дѣлахъ правды и человѣколюбія. Народъ назвалъ его своимъ Царемъ-Освободителемъ и всегда будетъ о немъ возносить самыя горячія, самыя сердечныя мольбы ко Престолу Всевышняго, до тѣхъ поръ пока будетъ стоять русское царство и пока будетъ жить на землѣ русскій народъ.

(По брош.: «Императоръ Александръ II Николаевичъ.» С. П. Б. 1887 г. Изд. ред. журн. „Чтеніе для солдатъ“, и друг. источн.).

46. Завѣтъ старины.

(На манифестъ 19-го февраля 1861 г.).

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ: древній храмъ,
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ,—

На амвонѣ-жъ, въ ѳиміамѣ,
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ, во храмѣ
Преклоненнымъ, говоритъ:

«Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли—
И въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,

«Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;

«Чтобы ты была готова,—
Сердце чисто, духъ великъ,—
Стать на Судище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

«Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносица святая,
Міръ вела ты за собой

«Въ свѣтъ—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,—
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты»...

(А. Майковъ).

47. Картинка.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

* * *

И съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

* * *

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Унили ребятъ.

* * *

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

* * *

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

* * *

Что-жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

* * *

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

* * *

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зарю новыхъ дней...

* * *

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

* * *

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

* * *

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

* * *

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

(А. Майковъ).

48. На освобожденіе крестьянъ

(19-го февраля 1861 г.).

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день,
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ:
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ...
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
«Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ;
Людямъ—миръ, благоволенье!
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ...
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!»

(И. Аксаковъ).

49. Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи! [1]).
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Лехъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль [2]) и Прага [3]),
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...

---

[1]) Витія—искусный въ словѣ, говорящій, ораторъ.

[2]) Кремль Московскій, свидѣтель славы Россіи и геройства ея сыновъ въ 1812-мъ году.

[3]) Предмѣстье Варшавы, взятое штурмомъ Суворовымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. „Прага у ногъ Вашего Величества!“ писалъ Суворовъ въ своемъ донесеніи Государынѣ. „Ура, фельдмаршалъ Суворовъ!“ отвѣчала Екатерина II, хотя онъ не былъ тогда фельдмаршаломъ. Этимъ она возвела его въ фельдмаршальское достоинство.

За что-жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы [1])
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій [2]) штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново,
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

А. Пушкинъ.

50. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты [3]), и дворцы!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою [4]) рукою
Ты, какъ хартія [5]), развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева.
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ:
Это матушка Москва!

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?

Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шлемы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?..

---

[1]) Разумѣется 1812 годъ, когда Москва предана была сожженію во время вшествія въ нее Наполеона I.

[2]) Измаилъ—крѣпость турецкая на берегахъ Дуная. Она взята была штурмомъ Суворовымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. „Двадцать четыре часа на размышленіе", писалъ Суворовъ сераскиру-пашѣ, намѣреваясь штурмовать Измаилъ,—„и штурмъ. Мой штурмъ—смерть".

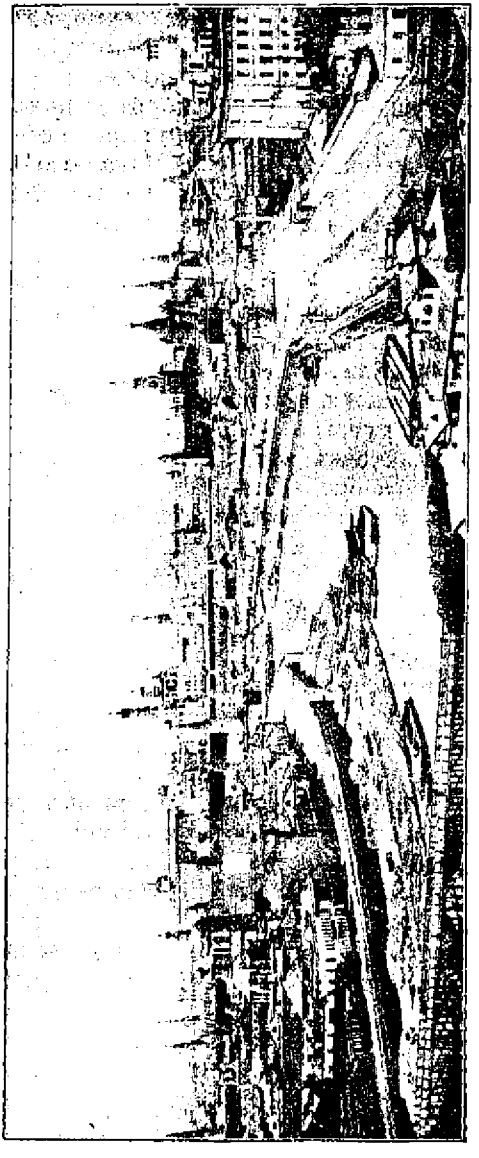
[3]) Палата—каменное зданіе, великолѣпный домъ.

[4]) Исполинскій—величественный, огромный, сильный.

[5]) Хартія—древняя рукопись.

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ:
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!

Ты, какъ мученикъ, горѣла
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!



Видъ Москвы.

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ.

(Ѳ. Глинка).

51. Кремль.

Кремль—алтарь нашъ и твердыня!
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ—наша сила и святыня,
Молельникъ и архистратигъ.
Князь Вяземскій.

Москва—сердце Россіи; Кремль—сердце Москвы. Слово *Кремль* по-татарски значитъ *крѣпость*.

При вступленіи въ Кремль, васъ встрѣчаетъ гигантскій [1]) столбъ Ивановской колокольни, храмы, дворцы, палаты, терема. Весь Кремль громаднѣйшій историческій памятникъ; каждый шагъ въ Кремлѣ ознаменованъ историческимъ событіемъ; всякій зубецъ кремлевскихъ стѣнъ облитъ кровію доблестныхъ защитниковъ нашей родины.

Вотъ Успенскій соборъ. Здѣсь коронуются наши государи. Около праваго клироса почиваютъ мощи св. митрополита Филиппа, страдальца и мученика за правду!

Подлѣ Успенскаго стоитъ Архангельскій соборъ — усыпальница князей и царей. Среди пятидесяти пяти гробницъ — одна гробница Грознаго, находящаяся въ южномъ придѣлѣ, покрыта черною пеленою, такъ какъ онъ передъ смертію постригся въ монахи.

Посрединѣ собора серебряная рака съ мощами Димитрія царевича.

Стражемъ-исполиномъ Кремля стоитъ Иванъ Великій. У ногъ его, словно огромный шлемъ, лежитъ Царь-колоколъ.

Французы, въ 1812 году, уходя изъ Кремля, взорвали нѣкоторыя башни, унесли изъ храмовъ сосуды и даже сняли крестъ съ колокольни Ивана Великаго, въ предположеніи, что онъ изъ чистаго серебра.

Здѣсь же, въ Кремлѣ, Оружейная Палата. Въ ней хранится старинное оружіе, царское древнее облаченіе, вѣнцы, короны, святыя бармы [2]) и шапка Мономаха, которыя возлагали на себя, при короноваціи, русскіе цари; короны царей покоренныхъ царствъ: Астраханскаго, Казанскаго, Сибирскаго; державы, жезлы, посохи, старинная золотая и серебряная посуда, древніе мечи, копья, самопалы, сабли, оружіе, сверкавшее на страхъ врагамъ въ рукахъ нашихъ богатырей, славныхъ людей: Димитрія Донского, Іоанна Третьяго, Іоанна Грознаго, Петра Великаго, и носилки имъ побѣжденнаго шведскаго короля Карла XII, на которыхъ носили раненаго героя по полю Полтавскаго сраженія.

Въ Кремлѣ находятся терема — древній дворецъ царя Алексѣя

---

[1]) Гигантскій—величественный, высокій.

[2]) Бармы—родъ воротника, сдѣланы изъ золотой матеріи, на нихъ семь золотыхъ бляхъ съ изображеніемъ изъ Св. Писанія. Онѣ присланы изъ Царьграда въ въ 1116 г. Бармы значитъ бремя. Шапкой Мономаха и этими регаліями до временъ Петра I цари вѣнчались на царство.

Михайловича. Здѣсь посѣтитель видитъ, какъ скромно жили-поживали встарину наши цари, какъ засѣдали въ думной палатѣ; — видитъ сѣни темныя и переходы, по коимъ невидимо проходили въ церковь царицы и царевны.

Въ Кремлѣ патріаршая ризница—хранилище облаченій первосвятителей московскихъ: митрополитовъ и патріарховъ. Тамъ же хранятся сосуды для мурованія.

Среди памятниковъ дорогой старины, предъ посѣтителемъ Кремля красуются два дворца: одинъ, поражающій своимъ величіемъ, большой Кремлевскій дворецъ, знаменитый краснымъ (т. е. красивымъ, парадным) крыльцомъ, по ступенямъ котораго шествуютъ наши Государи при большихъ выходахъ въ соборы. Особенно пышно шествіе въ Успенскій соборъ бываетъ для священнаго коронованія; и другой—дворецъ, скромный, похожій скорѣе на частный домъ; но этотъ скромный домъ — чертогъ для русскаго человѣка: въ немъ колыбель-Царя-Освободителя.

Безъ шапки входитъ посѣтитель въ Кремль чрезъ Спасскія ворота и выходитъ чрезъ нихъ съ обнаженною головой.

52. Святая Русь!

Какъ я люблю твое значенье
Въ земномъ, всемірномъ бытіи,
Твое высокое смиренье
И жертвы частыя твои,
Твое предъ Промысломъ покорство,
Твое безстрашье предъ врагомъ,
Когда идешь на ратоборство,
Пріосѣнивъ себя крестомъ.
Горжусь вѣнцомъ многодержавнымъ,
Блестящимъ на челѣ твоемъ,
И, нѣкогда не меньше славнымъ,
Твоимъ страдальческимъ вѣнцомъ.
Мнѣ святы всѣ твои скрижали:
Изъ нихъ стереть бы не хотѣлъ
Я ни одной твоей печали,
Ни одного изъ громкихъ дѣлъ.
Мнѣ святы старины могилы,
И дней грядущихъ колыбель,
И наша церковь—благъ и силы,
И душъ и доблестей купель.
Мнѣ святъ языкъ нашъ величавый:
Столѣтья въ немъ отозвались;
Живая вѣтвь отъ корня славы,
Подъ нею царства улеглись.
На немъ мы призываемъ Бога,
Имъ братья мы семьи одной
И у послѣдняго порога
На немъ прощаемся съ землей.

Святая Русь! родного слова
Многозначительная рѣчь!
Завѣтъ намъ Божьяго покрова,
И окликъ нашъ средь бурныхъ сѣчъ!
Изъ словъ земныхъ живѣй и чаще
Звучишь ты сердцу и уму,
Всѣхъ пѣсней ласковѣй и слаще
Поешь ты слуху моему.
О, дорожи своимъ залогомъ,
Блюди тобой избранный путь,
И предъ людьми и передъ Богомъ,
Святая Русь, святою будь!
О, будь всегда, какъ и донынѣ,
Ковчегомъ нашимъ подъ грозой,
И сердцу русскому святыней,
И нашей силой предъ враждой!

(Кн. Вяземскій).

53. Родина.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ее разсудокъ мой:
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья,
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю,—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету [1]) бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ. *(Лермонтовъ).*

---

[1]) Чета—пара, двоица.

54. Любовь къ отечеству.

I. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Эта привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Переселите насъ на югъ, мы взоромъ и сердцемъ будемъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ нашей душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ намъ отечество!—Самое расположеніе нервовъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики [1]) совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ.—Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней, но красоты эти и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ привязанности людей къ отечеству.

II. Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Эта любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ излить душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! *(Карамзинъ).*

---

1) Медики—врачи.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЦЕРКОВЬ.

1. Что такое церковь Христова?

(Выписки изъ сочиненій Святителя Димитрія М. Ростовскаго).

I. Она есть градъ великій Царя небеснаго, куда укрываются всѣ, навѣтуемые отъ проклятаго діавола. Господь утвердилъ церковь Свою

такъ, что врата адова, то есть вся сила демонская, всѣ еретики и невѣры никогда не возмогутъ одолѣть ее, потому что премудрѣйшій Архитектонъ [1]) круговъ небесныхъ основалъ ее не на слабомъ пескѣ, но на твердомъ камени, на истинномъ исповѣданіи ап. Петра: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. 16, 16),—на исповѣданіи, которое Самъ Христосъ Господь назвалъ *камнемъ: на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (18). Эта истина тверда и непреложна, потому что она есть слово Самого Христа, Который также именуется у апостола *камнемъ: камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 10, 4). Такъ непоколебимо основаніе церкви! (III, 194). Она стоитъ какъ высокая скала, въ которую и день и ночь со всѣхъ сторонъ бьютъ волны морскія,—стоитъ невредимо, а ея хулители, какъ волны о камень, разбиваются и исчезаютъ; она прославляется, а тѣ постыждаются; она воцарится со Христомъ, а тѣ низвержены будутъ въ бездну огненную съ своимъ началовождемъ-діаволомъ; она будетъ

---

1) Архитектонъ—строитель, основатель.

вѣчно торжествовать на небѣ, а тѣ вѣчно будутъ плакать и рыдать въ подземныхъ адскихъ темницахъ... (Розыск. 531 стр.) Тотъ, Кто создалъ Адаму помощницу изъ ребра его, Онъ же, Женихъ Небесный, создалъ Себѣ, отъ Своего же прободеннаго ребра возлюбленную невѣсту, а намъ любезную Матерь—церковь Свою Святую, дабы она возродила множество чадъ водою и духомъ (Ч. I, 180). Церковь есть наша истинная Матерь, ея голосъ есть голосъ горлицы нѣжно пекущейся о дѣтяхъ, ея уста источаютъ муро апостольскихъ ученій, отъ ея рукъ—каплетъ смирна благодѣяній, совершаемыхъ любовію и милосердіемъ, ея два сосца—это два завѣта: ветхій, пророками возвѣщенный, и новый, апостолами проповѣданный; св. крещеніемъ она раждаетъ чадъ своихъ въ жизнь безсмертную. Иди же къ ней, о сынъ мой, питайся отъ сосцовъ этой истинной Матери! (Четь-Мин. Іюль). Она съ своими пастырями и учителями не укрывается, не подъ спудомъ свѣтитъ, но открыто сіяетъ для всей вселенной, какъ свѣча на свѣщникѣ. (Розыск. 125).

II. Господь содѣлалъ Свою Церковь непогрѣшимою, Она есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Она пребудетъ на землѣ до послѣдняго дня суднаго, и *врата адова*, по слову Господа, никогда *не одолѣютъ ей*. Непреложны слова Господа нашего, пречистыми устами Его изреченныя: *Азъ есмь съ вами во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20). *Вѣренъ Господь въ словесѣхъ Своихъ* (Пс. 54, 13). *Небо и земля прейдутъ, а словеса* Его *не мимо идутъ* (Мѳ. 26, 35). Значитъ никогда не отниметъ Господь благодати Своей у церкви, потому что гдѣ Христосъ, тамъ и благодать Его (Розыс. 530—1). *Господь въ церкви святѣй Своей* (Пс. 10, 10), въ церкви святѣй православной, апостольской; хотя бы враги и озлобляли ее, притѣсняли и терзали, однако же она непреодолима: съ нею Господь, и кто удаляется отъ нея, тотъ удаляется отъ Господа и отъ своего спасенія (Ч. II, 117). Сію церковь хранитъ Духъ Божій, по слову псалмопѣвца: *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля* (Пс. 120, 4) (стр. 172). Отъ сего Духа всѣ дарованія, въ церкви сіяющія. Со времени сошествія Св. Духа на апостоловъ св. церковь процвѣла, какъ маслина плодовитая, различными вѣтвями—ликами праведниковъ (—173). Пострадавшій за насъ на крестѣ Господь Іисусъ содѣлался Главою церкви и ея начальникомъ. Послѣ него—вождями церкви были апостолы, за ними учители, свитители, священники, и такимъ образомъ дошелъ до насъ сей жребій святительскаго и священническаго служенія, и послѣ насъ пребудетъ до скончанія вѣка (Роз. 120).

III. Какъ между пшеницею, пока она не сжата, нельзя не быть плевеламъ: такъ и во св. церкви, пока она пребываетъ, какъ пшеница на нивѣ, въ сей юдоли плачевной, нельзя не найтись между добрыми—и грѣшнымъ. Однако же ради грѣшныхъ Господь не оставляетъ церкви Своей, и не оставитъ до конца вѣковъ, какъ Самъ обѣщалъ сіе (Мѳ. 28, 20). (Роз. 528). Въ Христовой церкви есть и добрые и

злые, и праведные и грѣшные, есть овцы и козлища, но церковь, какъ нѣжная мать всѣхъ дѣтей своихъ питаетъ и согрѣваетъ, добрыхъ любя, а недобрыхъ терпя и жалѣя (Ч. II, 117).

VI. Кромѣ церкви нельзя найти нигдѣ благодатнаго освященія (I, 57). Тѣ добрыя дѣла, которыя дѣлаются помимо православной церкви, хотя бы были и очень добрыми, однако же не могутъ заслужить человѣку спасенія, ибо Глава церкви—Христосъ говоритъ: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. 11, 23). *Якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе. Безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ: и собираютъ ю, и во огнь влагаютъ, и сгараетъ* (Іоан. 15, 4—6). Кто присоединился къ церкви Христовой, тотъ присоединился Христу, Который неразлученъ съ Своею церковію, какъ глава съ тѣломъ. А кто чуждается Христовой церкви, тотъ чуждается Самого Христа—главы церковной; безъ Христа же всѣ его добрыя дѣла, которыя онъ думаетъ собирать во спасеніе,—онъ не собираетъ, а расточаетъ, и спасенія себѣ ими не заслужитъ. Членъ, отсѣченный отъ тѣла, главою оживляемаго и управляемаго, можетъ ли быть живымъ членомъ и дѣйствовать? Вѣтка, отрѣзанная отъ лозы виноградной или отломленная отъ яблони, можетъ ли плоды приносить? Никогда. Вотъ такъ же и человѣкъ—христіанинъ, хотя бы онъ и проходилъ жизнь добродѣтельную, какъ скоро отлучится отъ единенія съ церковію православною,—не можетъ получить спасенія. Послушайте, что говоритъ святѣйшій Аѳанасій, патріархъ александрійскій, въ своемъ символѣ: «кто хочетъ спастись, тому надобно содержать вѣру православную; и кто не сохранитъ ее въ цѣлости и чистотѣ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, погибнетъ на вѣки». Изъ сихъ словъ святителя очевидно, что никто не можетъ спастись помимо православной церкви каѳолической, какъ во дни Ноя никто не спасся отъ потопа кромѣ тѣхъ, кои находились въ ковчегѣ. И Самъ Господь сказалъ: *аще* кто не слушаетъ *церкви, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мѳ. 18, 17).

2. Изъ жизни св. Василія Великаго.

1. Св. Василій былъ непоколебимый столпъ православной вѣры. Онъ жилъ въ то время (въ IV в.), когда православные терпѣли большія притѣсненія отъ еретиковъ аріанъ[1]), на сторонѣ которыхъ былъ императоръ Валентъ. Зная силу св. Василія, архіепископа Кесарійской церкви, онъ очень желалъ съ нимъ сблизиться. Собираясь самъ ѣхать въ Кесарію, онъ сначала послалъ туда перваго сановника имперіи, префекта (губернатора) Модеста, аріанина, поручивъ ему расположить Василія къ аріанамъ; въ случаѣ же неудачи—изгнать его изъ Кесаріи. Сколько ни старался Модестъ преклонить на свою

[1]) Аріане (отъ ересиарха Арія) унижали достоинство Сына Божія.

сторону Василія, онъ въ этомъ не имѣлъ никакого успѣха. Раздраженный Модестъ сталъ угрожать св. Василію изгнаніемъ изъ Кесаріи, отнятіемъ имущества, мученіями, смертію. Но святителя не испугали никакія угрозы, и онъ смѣло отвѣчалъ: «Если можешь, угрожай чѣмъ-нибудь другимъ, а этого я не страшусь. Кто ничего не имѣетъ, у того нечего отнимать; развѣ потребуешь это волосяное рубище и, немногихъ книгъ, въ которыхъ всѣ мои пожитки; изгнанія не знаю, ибо вся земля Господня. А истязанія что причинятъ мнѣ, когда нѣтъ у меня тѣла? Смерть же для меня благодѣяніе: она скорѣе соединитъ меня съ Господомъ, для Котораго живу и тружусь и къ Которому давно поспѣшаю». Модестъ былъ пораженъ величіемъ и неустрашимостію св. Василія. «Никто еще такъ со мною не говорилъ», сказалъ Модестъ. Василій отвѣчалъ: «Вѣроятно, тебѣ еще не случалось говорить съ епископомъ; иначе, безъ сомнѣнія, говоря о подобномъ предметѣ, услышалъ бы такія же слова. Мы во всѣхъ другихъ случаяхъ кротки, смиреннѣе всякаго: этого требуетъ отъ насъ заповѣдь Божія; а когда дѣло идетъ о славѣ Божіей—тогда, презирая все, имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь, мечъ, звѣри и желѣзные когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ». Видя, что никакія угрозы не дѣйствуютъ на святителя, Модестъ думалъ склонить его лаской и обѣщаніями. Но если великаго святителя не могли заставить отречься страшныя угрозы, то какъ же можно было отъ него ожидать отреченія ради наградъ, которыя онъ презиралъ?—«Не почитай маловажнымъ,—сказалъ Модестъ,—что великій императоръ хочетъ соединиться съ твоею паствою... не противься его волѣ. Онъ хочетъ только, чтобы исключено было изъ символа одно слово: единосущный». Но св. Василій рѣшительно отвѣчалъ: «царю стать членомъ церкви—очень важное дѣло, ибо важно спасеніе души; но исключить въ символѣ вѣры хотя бы одно слово, или прибавить къ символу вѣры что-либо, даже перемѣнить въ немъ порядокъ, никакъ не соглашусь». Отпуская Василія, Модестъ совѣтовалъ ему подумать до слѣдующаго дня. «Не нужно,—рѣшительно и спокойно отвѣчалъ великій святитель: я нынѣ и завтра таковъ же».

Св. Василій Великій.

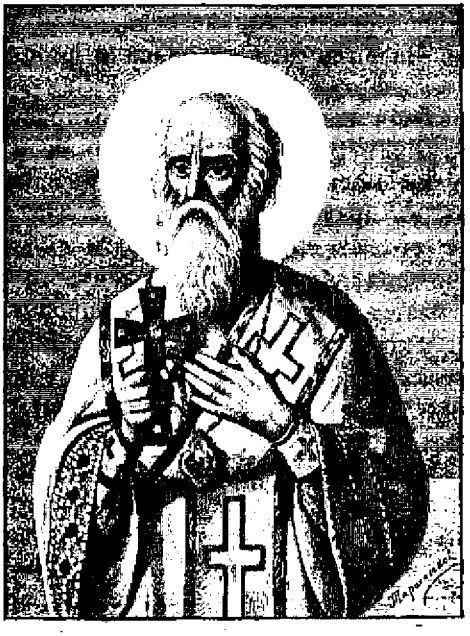
II. Вскорѣ затѣмъ и самъ Валентъ прибылъ въ Кесарію. Модестъ донесъ ему о своей неудачѣ. Валентъ, и прежде слышавшій о непоколебимой твердости святителя, все же не потерялъ надежды склонить его на свою сторону. Къ св. Василію были посланы высшіе чиновники двора. Василій былъ непреклоненъ. Аріане совѣтовали употребить противъ него силу; но Валентъ не согласился и рѣшился имѣть съ нимъ свиданіе.

Наступилъ праздникъ Богоявленія Господня; Валентъ отправился въ православную церковь, гдѣ служилъ Василій, и такъ былъ тронутъ торжественностію служенія, что не могъ бесѣдовать съ Василіемъ. Валентъ пришелъ въ другой разъ въ православную церковь. Св. Василій не служилъ и пригласилъ его въ алтарь, гдѣ долго съ нимъ бесѣдовалъ. Слова Василія сильно подѣйствовали на Валента, и онъ оставилъ епископа въ покоѣ. Но благое впечатлѣніе было непродолжительно. Аріане продолжали вооружать Валента противъ св. Василія и, наконецъ, убѣдили его подписать приговоръ объ изгнаніи епископа. Когда Валентъ хотѣлъ подписать приговоръ объ изгнаніи, престолъ, на которомъ онъ сидѣлъ, покачнулся, и трость переломилась; онъ взялъ другую, но и съ другой и съ третьей тоже повторилось; рука его затряслась, и онъ въ страхѣ разорвалъ бумагу. И это чудо не вразумило враговъ Василія! Вскорѣ они снова вооружили Валента. Онъ готовъ былъ изгнать Василія. Уже была назначена ночь для изгнанія, готова была и колесница для святителя; враги его радовались, а друзья скорбѣли. Василій, гонимый за правду, спокойно готовился къ отъѣзду. Но Господу было угодно образумить Валента несчастіемъ. Единственный сынъ царя—Галатъ заболѣлъ горячкою такъ сильно, что никто не могъ ему помочь. Валентъ понялъ, что его наказываетъ Господь за преслѣдованіе Василія, отложилъ приговоръ объ изгнаніи, пригласилъ къ себѣ святителя и сказалъ ему: «Помолись о здоровьѣ моего сына». Св. Василій отвѣчалъ: «Царь, твой сынъ будетъ живъ, если ты присоединишься къ православной вѣрѣ и помиришь церкви». Царь обѣщалъ это исполнить, если выздоровѣетъ его сынъ. Св. Василій помолился—и младенецъ выздоровѣлъ. Аріане, узнавъ объ этомъ чудѣ, убѣдили Валента, что и они могли бы сдѣлать такое чудо, такъ что онъ дозволилъ имъ крестить своего сына. Когда же Аріане взяли ребенка крестить, онъ умеръ. Это чудо всѣхъ поразило. Вскорѣ послѣ этого очень опасно захворалъ Валентъ. Больной просилъ помолиться св. Василія: онъ помолился—и Валентъ выздоровѣлъ. Слухъ объ этихъ событіяхъ быстро распространился, и имя Василія сдѣлалось славнымъ во всей имперіи. *(Ч.-М.)*.

3. Святитель Григорій Богословъ.

I. Великій вселенскій учитель, сверстникъ, другъ и сподвижникъ св. Василія Великаго, Григорій Богословъ, родился въ самомъ началѣ второй четверти IV вѣка, въ малоазійской Каппадокійской области,

въ селѣ Аріанзѣ, вблизи города Назіанза. Отецъ Григорія Богослова, по имени также Григорій, былъ сначала язычникомъ и обращенъ былъ ко Христу уже послѣ своей женитьбы, своею благочестивою супругою Нонною; впослѣдствіи за свою благочестивую христіанскую жизнь онъ былъ избранъ епископомъ Назіанза. Отъ этого благочестиваго супружества родился благословенный сынъ—первенецъ Григорій — плодъ усердныхъ материнхъ молитвъ. Одаренный отъприроды блестящимъумомъ и мягкимъ впечатлительнымъ характеромъ, Григорій, подъ руководствомъ своей матери, съ ранняго дѣтства усвоилъ себѣ правила и духъ христіанства. «Ты рожденъ у меня по молитвамъ моимъ; я обѣщала тебя Богу: исполни же, сынъ мой, мое желаніе; дорожи безцѣннымъ сокровищемъ христіанскимъ», говорила ему часто мать, поучая его въ законѣ Божіемъ и предлагая для чтенія книги Св. Писанія.



Св. Григорій Богословъ.

И добрый сынъ въ совершенствѣ исполнилъ волю своей матери.

II. По окончаніи домашняго воспитанія, въ которомъ дѣятельное участіе между прочимъ принималъ одинъ родственникъ—Амфилохій, отличный наставникъ въ краснорѣчіи, родители Григорія, располагая достаточными средствами, отправили своего сына для продолженія воспитанія сначала въ Кесарію Каппадокійскую, потомъ Кесарію Палестинскую, затѣмъ въ Александрію, а наконецъ и въ Аѳины, особенно славившіяся въ то время своими школами.

Въ Аѳинахъ Григорій встрѣтился съ своимъ давнишнимъ товарищемъ Василіемъ каппадокіяниномъ, съ которымъ нѣкоторое время учился въ Кесаріи Каппадокійской. Въ Аѳинахъ молодые товарищи такъ сблизились между собою, что ихъ нѣжная дружба не прекращалась уже до конца ихъ жизни.

III. Прибывши по окончаніи образованія къ родителямъ въ Назіанзъ, Григорій только теперь принялъ христіанское крещеніе, по обычаю тогдашняго времени; Василій въ это уже время жилъ въ своемъ прекрасномъ уединеніи, близъ рѣки Ириса, невдали отъ обители, гдѣ жили его мать и сестра. Изъ глубины пустыни онъ звалъ къ себѣ и своего друга Григорія, рисуя ему картину своего прекрас-

няго мѣстопребыванія. Рвался всею душою въ это пустынное уединеніе къ своему другу для совмѣстнаго духовнаго дѣланія Григорій; но разныя обстоятельства, особенно семейныя дѣла его родителей, удерживали его отъ этого, къ крайнему его огорченію.

По временамъ, впрочемъ, Григорій уединялся и къ своему другу Василію, въ его прелестную пустыню. Здѣсь святые друзья вполнѣ наслаждались излюбленною ими подвижническою жизнью.

Святые друзья часто переписывались между собою, находясь въ разлукѣ,—и эта переписка ихъ обоихъ много утѣшала и ободряла. Святые друзья живо принимали къ сердцу и тогдашнее положеніе церкви Христовой, волнуемой разными ересями, особенно аріанскою; они много писали въ обличеніе этихъ ересей; но, какъ истинные ратоборцы, они предпринимали для этого и другія, болѣе дѣйствительныя средства. По смерти своего отца въ 374 году, св. Григорій, по желанію паствы назіанзской, былъ нѣкоторое время ея мѣстоблюстителемъ въ санѣ уже епископа. Скоро скончался и другъ его св. Василій. У Григорія теперь не было уже въ живыхъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ былъ привязанъ и узами родства, и узами дружбы: родители Григорій и Нонна были уже покойники; умерли уже предъ тѣмъ и его присные—благочестивый братъ Кесарій и бляженная сестра Горгонія; не стало теперь и друга Василія. Душа св. Григорія томилась жизнью на землѣ и жаждала горняго жилища, созерцаніемъ котораго онъ утѣшалъ себя въ уединеніи. Но промыслъ Божій судилъ св. Григорію еще одинъ великій подвигъ на землѣ ко благу церкви Христовой.

IV. Въ восточной Римской имперіи, при жизни Василія и Григорія, царствовали послѣ Константина Великаго, аріанинъ Констанцій, богоотступникъ Юліанъ и аріанинъ Валентъ. Въ Константинополѣ въ это время аріанство оказалось господствующимъ. Въ продолженіе 40 лѣтъ православная церковь въ Константинополѣ была въ крайнемъ запустѣніи; православные не имѣли даже ни одного храма для своихъ молитвенныхъ собраній: всѣ столичные храмы были въ рукахъ аріанъ. Тогда взоры православныхъ цареградцевъ устремились къ свѣтильнику того времени, скрывавшемуся подъ спудомъ, къ Григорію, въ надеждѣ только чрезъ него поправить дѣла своей церкви; къ Григорію они теперь между прочимъ обратились и потому, что онъ, живя въ пустынѣ 10 лѣтъ, оставался епископомъ безъ церкви. И антіохійскій соборъ въ 378 году, разсуждавшій о дѣлахъ Константинопольской церкви, призналъ именно Григорія благопотребнымъ для устроенія здѣшнихъ церковныхъ дѣлъ. Григорій согласился остатокъ дней своихъ посвятить на великій подвигъ служенія угнетенной столичной церкви.

V. Прибывши въ Константинополь, св. Григорій устроилъ въ домѣ своихъ родственниковъ, у которыхъ на первыхъ порахъ нашелъ для себя пріютъ, небольшой храмъ, названный имъ потомъ Анастасіею (что съ греческаго значитъ воскресеніе), въ память возстановленія

отсюда православія въ столицѣ, и началъ проповѣдывать объ истинахъ православія. Сильныя краснорѣчивыя слова его, особенно слова о св. Троицѣ, доставившія ему званіе Богослова, гремѣли въ храмѣ Анастасіи и привлекали толпы народа, даже изъ аріанъ и язычниковъ. Аріане находили теперь въ Григоріи опаснѣйшаго для себя соперника и старались вредить ему, чѣмъ только можно: то они обносили его публичными ругательствами, то бросали въ него камнями, когда онъ появлялся на улицахъ; то клеветали на него предъ судьями и подвергали суду; то цѣлыми толпами дѣлали открытыя нападенія съ палками и дрекольями на его храмъ во время его торжественныхъ священнослуженій; то наконецъ подсылали къ нему тайныхъ убійцъ. Но всѣ эти огорченія великій святитель сносилъ великодушно съ свойственнымъ ему смиреніемъ и съ христіанскимъ всепрощеніемъ; и Господь видимо хранилъ благопотребнаго въ ту нору святителя.

VI. Такъ какъ въ это время, кромѣ осужденныхъ уже соборами ересей, оказалась въ Константинополѣ и еще новая, такъ называемая македоніанская (отъ имени лжеучителя Македонія), духоборческая, унижавшая достоинство Св. Духа, и такимъ образомъ продолжавшая дѣло Арія: то Григорій уговорилъ императора созвать вселенскій соборъ въ Константинополѣ для произнесенія суда надъ этою новою ересью и вообще для умиротворенія церкви. Въ 381 году созванъ былъ второй вселенскій соборъ въ числѣ 150 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Мелетія, епископа антіохійскаго, какъ старѣйшаго, по смерти котораго предсѣдательство перешло къ самому Григорію. На этомъ соборѣ, къ концу его, былъ поднятъ вопросъ о назначеніи Григорія на столичную каѳедру. Къ сожалѣнію, на соборѣ были и такіе недоброжелатели Григорія, которые оспаривали правильность его избранія на упомянутую каѳедру.

Не желая возмущать мира церковнаго, святитель Григорій рѣшился пожертвовать собою, или, лучше сказать, своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ теперь особенно чувствовалъ слабость своихъ силъ для великаго первосвятительскаго служенія въ столицѣ. «Пастыри церкви!» говорилъ святитель отцамъ собора; «я пришелъ сюда не по своей волѣ, не по собственному вызову, но призванный, принужденный и покорный страху и Духу. Народъ, кипя ревностью и гнѣвомъ, несмотря на мой вопль и слезы, возвелъ меня на этотъ престолъ. Мужи и сопастыри! Стыдно вамъ враждовать и спорить, когда вы другихъ должны учить любви и миру. Прошу васъ устройте мирно дѣла церкви. Если я причиною волненія, то, какъ пророка Іону, бросьте меня въ море, и утихнетъ буря, которой я не воздвигалъ. Отнимите у меня престолъ, изгоните меня; я на все согласенъ и довольно удрученъ болѣзнію, чтобы жаждать тихой и спокойной кончины». Многіе изъ отцовъ собора и изъ Константинопольской паствы со слезами умоляли святителя Григорія не оставлять паствы, для которой онъ такъ много сдѣлалъ въ продолженіе краткаго времени пребыванія у нихъ, всего только трехъ лѣтъ; и императоръ Ѳеодосій удерживалъ въ столицѣ

высокочтимаго святителя; но Григорій былъ непреклоненъ въ своей рѣшимости и оставилъ послѣ трогательнаго прощанія свою паству.

VII. Послѣдніе дни жизни своей святитель Григорій провелъ въ уединеніи, въ отеческой вѣси своей Аріанзѣ, не переставая однакоже и отсюда заботиться о дѣлахъ церкви и помогать ей своими писаніями. Въ уединеніи старецъ-подвижникъ любилъ также вспоминать и о прошломъ своей жизни, находя въ этомъ отраду, «какъ престарѣлый лебедь, пересказывающій самъ себѣ звуки крыльевъ»; много размышлялъ онъ теперь и о суетности человѣческой жизни. «Много путей многобѣдственной жизни», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ твореній, «и каждый исполненъ своихъ скорбей. Богатство—невѣрно, бѣдность—оковы, красота—краткій блескъ молніи, краснорѣчіе—парящая птица, слава — воздухъ, изобиліе — притѣснитель, супружество—иго, многочадіе—трудная забота, безчадіе—болѣзнь... Все здѣсь скорбь для смертныхъ: все здѣшнее тѣнь, пухъ, призракъ, роса, дуновеніе, перо, паръ, сонъ, волна, вѣтеръ, прахъ, кругъ, всегда кружащійся и все одинаково вращающійся... И это есть опредѣленіе Твоей премудрости, Творче и Слово! Все непостоянно, чтобы мы сохранили въ себѣ любовь къ постоянному! Одно прекрасно и прочно для человѣка: взять крестъ и переселяться отселѣ... Прекрасно жить жизнью чуждою жизни, и одинъ міръ перемѣнять на другой, терпѣливо переносить всѣ горести!»

Въ 389 году, 25 января, Григорій скончался въ Назіанзѣ, имѣя отъ роду около 62 лѣтъ. Здѣсь, въ Назіанзѣ, онъ былъ и погребенъ. Въ 950 году, при императорѣ Константинѣ Багрянородномъ, мощи св. Григорія были перенесены изъ Назіанза въ Константинополь. Часть мощей св. Григорія нынѣ хранится въ Римѣ, въ церкви св. Петра. Глава же Григорія Богослова въ 1654 году, вмѣстѣ съ Влахернскою иконою Божіей матери, прислана была изъ Царьграда въ Россію, въ даръ царю Алексѣю Михайловичу. (*Заимст. изъ Четь-Минеи*).

4. Св. Іоаннъ Златоустъ.

I. Святый Іоаннъ Златоустъ былъ архіепископъ константинопольскій (397—404). Онъ родился въ Антіохіи (въ 347 г.), отъ благородныхъ и богатыхъ родителей. Отецъ его—*Секундъ* былъ начальникомъ войска въ Сиріи, а мать—*Анвуса* отличалась глубокимъ благочестіемъ. Лишившись своего мужа въ ранней молодости (20 лѣтъ), она не рѣшилась вступить во второй бракъ и посвятила себя единственно воспитанію своего сына. И первые уроки матери въ христіанскомъ благочестіи такъ глубоко напечатлѣлись въ умѣ и сердцѣ св. Іоанна, что ни что впослѣдствіи не могло изгладить ихъ изъ души его: ни образованіе въ школахъ языческихъ наставниковъ, ни примѣры товарищей, ни увлеченія молодости. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія онъ учился въ Антіохіи и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ знаменитаго въ то время языческаго оратора *Ливанія*.

По окончаніи образованія, св. Іоаннъ сначала поступилъ на гражданскую службу [1]); но вскорѣ, убѣдившись въ суетности мірскихъ почестей и удовольствій, предпочелъ имъ подвиги духовной жизни, сталъ ревностно изучать Священное Писаніе и часто ходить въ церковь, и наконецъ совсѣмъ оставилъ гражданскую службу. Принявъ крещеніе отъ епископа антіохійскаго Мелетія, онъ хотѣлъ было удалиться въ пустыню; но, по усиленной просьбѣ матери своей, остался вмѣстѣ съ нею до ея кончины и сталъ вести самую строгую жизнь. По смерти же матери, раздавъ все имущество свое бѣднымъ, онъ удалился въ монастырь близъ Антіохіи. Сюда стало стекаться къ нему множество посѣтителей, одни — для совѣтовъ и наставленій, другіе — для исцѣленія болѣзней. Желая избѣжать славы человѣческой, онъ чрезъ четыре года удалился отсюда въ уединенную пещеру. Но разстройство здоровья отъ чрезмѣрныхъ подвиговъ побудило его чрезъ два года возвратиться въ Антіохію. Здѣсь вскорѣ онъ посвященъ былъ въ діакона, а чрезъ пять лѣтъ — во священника.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

II. Въ этомъ санѣ двѣнадцать лѣтъ онъ былъ проповѣдникомъ въ соборной церкви въ Антіохіи, и своимъ краснорѣчіемъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе народа. Слова его, какъ бы сами собою, лились изъ златыхъ устъ его и во многихъ невольно возбуждали слезы и рыданія; а другіе охотно оставляли мірскія развлеченія, желая лучше слушать знаменитаго проповѣдника. Иногда слушатели невольно прерывали его рѣчь похвалами и рукоплесканіями [2]). А одна женщина изъ среды народа однажды воскликнула: «учитель духовный, Іоаннъ, златыя уста! Кладезь ученія твоего слишкомъ глубокъ, а вервія ума нашего слишкомъ коротки»! Съ того времени св. Іоаннъ началъ говорить свои бесѣды гораздо проще, а народъ сталъ называть его *Златоустомъ*.

---

1) Именно — онъ занялъ должность адвоката.

2) Си. Златоустъ всегда останавливалъ такія выраженія похвалы. „Что мнѣ въ вашихъ рукоплесканіяхъ — говорилъ онъ своимъ слушателямъ; — исправленіе вашей жизни и обращеніе къ Богу — вотъ похвала для меня!“ И этой похвалы онъ достигалъ: жители Антіохіи стали чаще посѣщать храмы Божіи, нежели зрѣлища, и въ храмахъ своими слезами выражали раскаяніе въ прежней грѣховной жизни своей.

III. Слухъ о такихъ достоинствахъ знаменитаго проповѣдника достигъ столицы имперіи. И когда въ 397 г. кончилъ жизнь архіепископъ константинопольскій св. *Нектарій*, преемникъ св. Григорія Богослова, тогда императоръ *Аркадій* избралъ на каѳедру константинопольскую св. Златоуста. Но, зная сильную привязанность къ нему жителей Антіохіи и, опасаясь волненія между ними по случаю удаленія его, императоръ потребовалъ его въ Константинополь тайно. Здѣсь съ восторгомъ принятъ былъ великій проповѣдникъ. Но—для него самого это назначеніе послужило поводомъ ко многимъ огорченіямъ.

Сначала св. Златоустъ, пользуясь расположеніемъ императора, свободно занимался и въ столицѣ дѣлами пастырскаго служенія. Стараясь отвлечь православныхъ отъ посѣщенія аріанскихъ собраній, онъ ввелъ въ православныхъ церквахъ *стройное пѣніе*, установилъ *всенощныя бдѣнія* и *крестные ходы*, и не только самъ нѣсколько разъ въ недѣлю проповѣдывалъ истинное ученіе, но старался водворить вѣру Христову и въ другихъ странахъ. Съ этою цѣлію онъ отправлялъ проповѣдниковъ въ *Персію*, *Финикію*, *Скивію*, *Ѳракію*. Но особенно онъ заботился объ исправленіи нравовъ своей собственной паствы. И эта ревность вооружила противъ него многихъ въ Константинополѣ.

Особенно же возстали противъ св. Златоуста аріане и сама императрица *Евдоксія*. Первые возненавидѣли архіепископа за то, что онъ силою своего краснорѣчія привлекалъ всѣхъ къ православію, и не дозволялъ имъ совершать богослуженія въ самомъ Константинополѣ; императрица, зараженная сребролюбіемъ, оскорблялась, съ одной стороны, строгими обличеніями св. Іоанна, съ другой, частымъ ходатайствомъ его за обиженныхъ. Каждую бесѣду его противъ сребролюбцевъ она относила къ себѣ и болѣе и болѣе вооружалась противъ него. Таково было вліяніе бесѣдъ св. Златоуста на высшее общество и духовенство!—Одинъ только простой народъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ бесѣдъ и безгранично любилъ великаго проповѣдника, какъ своего отца и истиннаго пастыря, и во множествѣ стекался слушать его слова.

Между тѣмъ, враги святаго Златоуста старались воспользоваться нерасположеніемъ къ нему императрицы. И когда одинъ изъ нихъ,—архіепископъ александрійскій *Ѳеофилъ*, вызванъ былъ въ Константинополь для оправданія по многимъ жалобамъ на него, онъ вмѣсто того составилъ изъ преданныхъ ему епископовъ соборъ противъ св. Іоанна. На этомъ соборѣ враги его, пользуясь покровительствомъ императрицы, обвинили его въ оскорбительныхъ словахъ противъ нея и во многихъ другихъ преступленіяхъ, и объявили его лишеннымъ епископской каѳедры. Императоръ утвердилъ рѣшеніе собора и осудилъ св. Іоанна на изгнаніе въ *Вивинію*.

Узнавъ объ этомъ, св. Златоустъ старался успокоять народъ. «Сильныя волны, говорилъ онъ въ послѣднемъ словѣ своемъ, жестокая

буря! Но я не боюсь потопленія, потому что стою на камнѣ». И едва онъ оставилъ Константинополь, какъ узнавшій объ этомъ народъ пришелъ въ сильное волненіе, а слѣдующую затѣмъ ночь произошло въ столицѣ великое землетрясеніе. Это привело императрицу въ такой страхъ, что въ ту же ночь она послала святителю письмо, въ которомъ увѣряла его, что нисколько не виновата въ его осужденіи, и умоляла его возвратиться въ столицу. Такимъ образомъ, чрезъ два дня, св. Златоустъ снова былъ въ Константинополѣ, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ великимъ восторгомъ.

IV. Новый соборъ, учрежденный послѣ того въ Константинополѣ, объявилъ не дѣйствительнымъ низложеніе св. Іоанна и возвратилъ ему константинопольскую каѳедру. Но недолго продолжалось его служеніе. Враги нашли новый поводъ къ низложенію его. Вскорѣ въ Константинополѣ, на площади, близъ Софійскаго храма, поставлена была серебряная статуя императрицы. По этому случаю начались здѣсь пѣсни, пляски и музыка. Все это нарушало порядокъ богослуженія, совершаемаго въ самомъ храмѣ. И св. Златоустъ не могъ не возстать противъ этого злоупотребленія. Онъ произнесъ сильную обличительную рѣчь противъ зрѣлищъ. Императрицѣ донесли, что въ этой рѣчи сказаны были оскорбительныя для нея слова. Гнѣвъ ея еще болѣе усилился, когда ей сказали, что св. Іоаннъ началъ одну бесѣду къ народу слѣдующими словами: «Опять Иродіада бѣснуется! Опять Иродіада пляшетъ! Опять требуетъ главы Іоанна!» Послѣ того императрица поклялась лишить Іоанна епископской каѳедры и исполнила свою клятву. Снова созванъ былъ въ Константинополѣ соборъ изъ враговъ св. Златоуста. И онъ снова былъ низложенъ и осужденъ на изгнаніе въ *Кукузъ*, безплодное мѣстечко въ Арменіи.

Въ теченіе 70 дней онъ принужденъ былъ итти въ Армению пѣшкомъ, подъ воинскою стражею [1]). Но враги не ограничились и этимъ. Чрезъ три года они убѣдили слабаго императора Аркадія сослать его еще далѣе, именно—въ *Питіусъ*, на берегъ Чернаго моря (въ нынѣшней Абхазіи). И это приведено было въ исполненіе самымъ жестокимъ образомъ. Не обращая вниманія на болѣзненное состояніе св. Іоанна, его вели и въ зной и въ проливной дождь. И святитель, изнуренный страданіями, кончилъ жизнь на пути, въ городѣ *Команахъ* (въ 407 году, 14 сентября).

Чрезъ 30 лѣтъ послѣ того, святыя мощи его обрѣтены были

---

[1]) Во время пути св. Златоустъ принужденъ былъ много терпѣть и отъ зноя солнечнаго, и отъ набѣговъ варваровъ—*исаврозъ*, и отъ своихъ болѣзней. Но достигнувъ мѣста изгнанія, онъ нашелъ здѣсь покой и радушный пріемъ отъ преданныхъ ему христіанъ. Тогда, заботясь объ истинныхъ христіанахъ константинопольской Церкви, онъ вошелъ съ ними въ сношенія, старался утѣшить и укоренить ихъ помощію Божіею. Поэтому враги его постарались заточить его еще далѣе—въ нынѣшнюю Абхазію.

нетлѣнными и съ торжествомъ перенесены были въ Константинополь [1]).

Замѣчательныя изъ твореній св. Іоанна Златоустаго. Изъ твореній св. Іоанна Златоуста особенно замѣчательны его *бесѣды*, заключающія въ себѣ толкованіе на многія книги Священнаго Писанія (такихъ бесѣдъ до 800). Всѣ онѣ отличаются какъ ясностію и глубиною въ объясненіи слова Божія, такъ особенно живымъ изложеніемъ правилъ христіанской нравственности и сильнымъ обличеніемъ пороковъ. Замѣчательны также шесть словъ его *о священствѣ*. Въ нихъ ясно и живо изображена высота священнаго сана, а вмѣстѣ и соотвѣтственныя этой высотѣ свойства истинныхъ пастырей церкви Христовой. Но особенно замѣчательна изъ твореній св. Златоуста *литургія* Его. Она сокращена изъ литургіи Василія Великаго. Это сокращеніе сдѣлано по снисхожденію къ христіанамъ, которые тяготились продолжительностію литургіи Василія Великаго. Впрочемъ, сокращеніе это касается только молитвъ, тайно читаемыхъ священникомъ при совершеніи таинства св. Причащенія. Въ сущности же литургія св. Златоуста совершенно сходна съ литургіею Василія Великаго.

5. Свв. и равноапостольные Кириллъ и Меѳодій.

I. *Жизнь ихъ до выступленія на дѣло проповѣди.* Они были сыновья правителя Солунской области *Льва*, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, былъ славянскаго происхожденія, а по другимъ—грекъ. Св. Кириллъ, до подстриженія въ монашество, назывался *Константиномъ*, а за высокую ученость свою прозванъ былъ *философомъ*. Отличаясь прекрасными дарованіями и любовію къ наукамъ, оба брата получили лучшее, по своему времени, воспитаніе. Меѳодій, по окончаніи образованія въ Солуни, поступилъ въ военную службу и вскорѣ получилъ въ управленіе славянскую Струмскую область. А Константинъ, желая получить высшее образованіе, отправился въ Константинополь къ знатному родственнику своему великому логоѳету Ѳеоктисту, который былъ одинъ изъ опекуновъ несовершеннолѣтняго императора греческаго Михаила III. Здѣсь онъ изучилъ высшія науки, подъ руководствомъ лучшихъ ученыхъ того времени,—Льва, главнаго наставника высшей константинопольской школы, основанной правителемъ имперіи Вардою, и Фотія, бывшаго впослѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ. Особенное расположеніе имѣлъ Константинъ къ богословскимъ наукамъ; любимымъ занятіемъ его послѣ Свящ. Писанія, было чтеніе твореній св. Григорія Богослова. По-

---

1) Императоръ Ѳеодосій младшій, сынъ Аркадія и Евдоксіи, выѣхалъ навстрѣчу св. мощамъ въ Халкидонѣ и, повергшись на землю, молилъ святителя простить его родителей, осудившихъ его на изгнаніе. (См. Подробное описаніе жизни и пастырской дѣятельности св. Іоанна Златоуста, составленное свящ. Васильемъ Лебедевымъ).

кровитель его Ѳеоктистъ готовилъ ему почетное мѣсто при дворѣ и богатую женитьбу. Но Константинъ отказался отъ того и другого, принялъ монашество и рѣшился посвятить свою жизнь служенію Богу и занятіямъ науками. Его сдѣлали наставникомъ и библіотекаремъ Софійской библіотеки. Здѣсь онъ пріобрѣлъ большую извѣстность своею ученостью и успѣшнымъ исполненіемъ важныхъ порученій. Такъ онъ съ успѣхомъ велъ споръ съ приверженцами иконоборства, которые оставались еще въ Константинополѣ. Потомъ въ 851 году, по порученію греческаго императора, онъ отправлялся ко двору митиленскаго эмира, для разсужденій о вѣрѣ съ арабскими учеными, и здѣсь твердая защита имъ христіанства привела въ сильное раздраженіе магометанскихъ ученыхъ.—Св. Меѳодій также оставилъ свѣтскую жизнь и, принявъ монашество, прославился своими аскетическими (т. е. строго монашескими) подвигами. Его хотѣли избрать въ митрополиты, но онъ отказался отъ этого, и съ трудомъ убѣдили его принять игуменство въ монастырѣ св. Полихронія. Такою жизнію оба брата приготовили себя къ апостольскимъ подвигамъ.

II. *Обращеніе хозаръ* (около 840 года). Когда *хозары*, около половины IX вѣка (ок. 840 г.), обратились къ греческому императору Михаилу III съ просьбою прислать къ нимъ проповѣдниковъ истинной вѣры, тогда правительство греческое избрало для этого свв. Кирилла и Меѳодія. Познакомившись въ Херсонѣ съ языкомъ хозарскимъ, они немедленно отправились въ землю хозаръ [1]). Здѣсь они принуждены были вступить въ борьбу съ магометанами и евреями, которые старались склонить хозаръ въ свою вѣру. Доказавъ превосходство христіанскаго ученія предъ магометанскимъ и іудейскимъ, они успѣли до 200 человѣкъ хозаръ обратить въ вѣру Христову. Самъ ханъ (т. е. князь) хозарскій и многіе изъ вельможъ и народа приняли крещеніе. Оставивъ у хозаръ священниковъ, прибывшихъ изъ Херсона, Кириллъ и Меѳодій возвратились въ свое отечество.

Здѣсь—въ Солуни они продолжали проповѣдывать вѣру Христову между славянами *македонскими* [2]). И для большаго успѣха въ этой проповѣди, св. Кириллъ рѣшился положить начало *письменности* между славянами, не имѣвшими у себя собственной азбуки. Приступая къ такому святому и великому дѣлу, Кириллъ постился 40 дней и усердно молилъ Господа о помощи. Въ этихъ трудахъ помогалъ ему братъ его св. Меѳодій. И наконецъ съ помощію Божіею св. Кириллъ совершилъ великое и многополезное дѣло: онъ составилъ *сла-*

---

1) Хозары жили въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Россіи, между Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Подъ ихъ управленіемъ находились здѣсь, между прочимъ, и различныя славянскія племена.

2) Сколь успѣшна была эта проповѣдь святыхъ Кирилла и Меѳодія, видно изъ того, что въ округѣ одного города Брегальницы (не далеко отъ Солуня) приняли крещеніе 4500 славянъ.

вянскую азбуку, по образцу греческой [1]), и сталъ переводить на славянскій языкъ священныя и богослужебныя книги [2]). Этотъ переводъ вскорѣ принесъ большую пользу, по случаю отправленія проповѣдниковъ къ славянамъ моравскимъ.

III. *Обращеніе моравовъ* (въ 862 году). Въ 862 году, моравскіе князья *Ростиславъ* и *Святополкъ* и Паннонскій *Коцель* просили греческаго императора Михаила III прислать къ нимъ такихъ учителей, которые бы знали славянскій языкъ и могли сдѣлать понятнымъ для славянъ богослуженіе. Моравы готовы были принимать христіанство, но затруднялись тѣмъ, что нѣмецкіе проповѣдники, находившіеся у нихъ, совершали богослуженіе на непонятномъ для нихъ латинскомъ языкѣ. Императоръ и патріархъ Фотій отправили въ Моравію св. Кирилла и Меѳодія. И они имѣли здѣсь великій успѣхъ, которому много содѣйствовалъ сдѣланный ими переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Славяне моравскіе и паннонскіе съ радостію слушали богослуженіе на родномъ языкѣ и охотно принимали православную вѣру Христову.

IV. *Отношеніе св. Кирилла и Меѳодія къ римскому папѣ.* Успѣхи проповѣди св. Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и Панноніи возбудили зависть къ нимъ въ сосѣднихъ нѣмецкихъ епископахъ. На нихъ донесено было папѣ Николаю I, что они отдѣляютъ отъ римской церкви принадлежащія ей славянскія области и совершаютъ богослуженіе не на священномъ языкѣ [3]). Поэтому св. Кириллъ и Меѳодій принуждены были отправиться въ Римъ. Они взяли съ собою часть мощей св. Климента римскаго, обрѣтенныхъ ими въ Херсонѣ, и приняты были въ Римѣ съ большою честію. Здѣсь они вполнѣ доказали правоту своего дѣла, и папа Адріанъ II одобрилъ сдѣланный ими переводъ священныхъ книгъ и осудилъ тѣхъ, которые старались препятствовать ихъ проповѣди. Но св. Кириллъ вскорѣ сильно занемогъ въ

---

[1]) Именно къ 24 буквамъ греческой азбуки онъ присоединилъ 14-ть новыхъ знаковъ, которые бы могли соотвѣтствовать особеннымъ звукамъ славянской рѣчи (напр. ж, ч, ш, щ и проч.). Эта азбука, по имени составителя ея, извѣстна подъ именемъ *Кириллицы*. Она издревле употреблялась у славянъ, а нынѣ (съ нѣкоторыми измѣненіями) употребляется у восточныхъ славянъ—(сербовъ, болгаръ и русскихъ).

[2]) И первыми словами славянской письменности были: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* (Іоан. 1, 1).

[3]) Священными языками римское духовенство признавало только: еврейскій, греческій и латинскій, на которыхъ была сдѣлана Пилатомъ надпись на крестѣ Іисуса Христа. И приверженцы латинства старались доказать св. Кириллу и Меѳодію, что только на этихъ трехъ языкахъ можно проповѣдывать слово Божіе. Святые Кириллъ и Меѳодій, *въ опроверженіе этого мнѣнія*, представляли, что Господь раздаетъ дары своей благодати—солнечный свѣтъ, благорастореніе воздуховъ и дожди плодоносные всѣмъ людямъ, и слѣдовательно всѣ народы могутъ и должны славить величіе и благодѣянія Божія каждый—на своемъ языкѣ. Въ подтвержденіе этого они представляли свидѣтельства Священ. Писанія и примѣры восточной церкви, гдѣ различные народы, принимающіе христіанство, имѣютъ священныя и богослужебныя книги на своемъ языкѣ.

Римѣ. Передъ кончиною онъ принялъ схиму и имя Кирилла. Умирая, онъ просилъ брата своего не покидать дѣла проповѣди между славянами. «Братъ мой», говорилъ Кириллъ: «до сихъ поръ мы были съ тобою какъ бы два вола, запряженныя въ одинъ плугъ; вотъ я умираю и падаю на бороздѣ. Но молю тебя: не оставляй нашего дѣла,

ибо этимъ подвигомъ ты скорѣе спасешься, чѣмъ въ своей обители.» Вскорѣ послѣ смерти брата Меѳодій, посвященный во епископа моравскаго и паннонскаго, отправился обратно въ Моравію.

Впослѣдствіи онъ снова вызванъ былъ въ Римъ для оправданія

въ томъ, будто явно отступаетъ отъ ученія римской церкви и не хочетъ совершать богослуженія на латинскомъ языкѣ. Явившись въ Римъ, св. Меѳодій доказалъ папѣ Іоанну VIII, что его исповѣданіе символа вѣры совершенно согласно съ постановленіями 6-ти вселенскихъ соборовъ и древнимъ ученіемъ римской церкви. А употребленіе славянскаго языка при богослуженіи онъ представилъ столь полезнымъ для славянъ, что самъ папа согласился на это, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Евангеліе на литургіи читано было сначала на латинскомъ, а потомъ на славянскомъ языкѣ. Послѣ того св. Меѳодій въ санѣ архіепископа еще нѣсколько лѣтъ трудился въ Моравіи для церквей славянскихъ и до конца своей жизни принужденъ былъ вести борьбу съ латинскимъ духовенствомъ. Онъ успѣлъ перевесть Библію на славянскій языкъ и кончилъ жизнь въ 885 году.

V. *Особенное значеніе ихъ для русской церкви.* Апостольскіе труды святыхъ Кирилла и Меѳодія среди славянскихъ племенъ имѣли особенное значеніе для нашей русской церкви. Переводъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, сдѣланный ими для моравовъ, впослѣдствіи весьма содѣйствовалъ распрост раненію и утвержденію вѣры Христовой въ Россіи. Потому русская Церковь съ особеннымъ благоговѣніемъ чтитъ память первыхъ славянскихъ просвѣтителей. (По Ч. М. и др. источн,).

6. Гимнъ въ память свв. Кирилла и Меѳодія.

Ужъ десять столѣтій промчалось, собратья,
Съ тѣхъ поръ какъ родные по плоти намъ братья,
Кириллъ и Меѳодій, съ любящей душой
Внесли въ міръ славянства свѣтъ вѣры святой:
Пришли намъ открыть наши грѣшныя очи,
И тьму разгоняя, какъ звѣзды средь ночи,
Намъ путь къ Богу Слову собой освѣтить,
И въ сердце отрадное чувство пролить.
Восхвалимъ же, братья,
Апостоловъ вѣры,
И въ общемъ семействѣ
Славянскомъ своемъ,
Съ открытой душою,
Не какъ лицемѣры,
Хвалебную пѣснь имъ
Достойно споемъ!

* * *

Ужъ десять столѣтій труды ихъ святые
Вливаютъ намъ въ сердце потоки живые
Божественныхъ истинъ посредствомъ письменъ,
Что создали братьи на благо славянъ...
Съ тѣхъ поръ и простое народа преданье,
И жизнь его въ мірѣ, и бытъ, и страданье,

И цѣлыя груды дѣяній людскихъ
Мы можемъ хранить на страницахъ живыхъ.
Восхвалимъ же, братья,
Ревнителей вѣры!
И въ общемъ семействѣ
Славянскомъ своемъ
Слова ихъ святыя,
Святые примѣры,
Какъ высшее благо,
Вѣка соблюдемъ.

* * *

Хвала вамъ, апостолы вѣры Христовой,
Хвала вамъ, Меѳодій и свѣтлый Кириллъ!
Приходъ вашъ къ славянамъ и Руси путь новый
Къ познанію истинной вѣры открылъ...
Дай Богъ, чтобъ ученіе ваше святое—
„*Быть крѣпкими въ вѣрѣ и братской любви*"
Хранило всегда наше племя родное
Въ своей благородной, славянской крови!
Восхвалимъ же, братья,
Ревнителей вѣры!
И въ общемъ семействѣ
Славянскомъ своемъ
Слова ихъ святыя,
Какъ высшее благо,
Вѣка соблюдемъ.

(Изъ «Азбуки рус. и церк.-слав. языка» епископа Викторина).

7. Преподобный Ѳеодосій.

I. Съ юныхъ лѣтъ Ѳеодосій стремился душею къ жизни для Бога. На 14 году лишась отца, не зналъ онъ иного утѣшенія, какъ ходить въ церковь. Разъ случилось ему встрѣтиться съ странниками; плѣненный мыслію о ихъ подвигѣ, онъ тайно идетъ съ ними въ св. землю. Мать, узнавъ о семъ, догоняетъ его, бьетъ, приводитъ въ домъ и на нѣсколько дней заключаетъ въ оковы. Продолжая ходить въ церковь, Ѳеодосій видитъ, что иногда не бываетъ литургіи за недостаткомъ просфоръ и рѣшается печь просфоры; въ этомъ занятіи проходитъ два года. Мать уговариваетъ его оставить занятіе, низкое, по ея понятію; сынъ еще годъ продолжаетъ тотъ же трудъ. Мать, то угрозами, то побоями, доводитъ его до того, что онъ удаляется въ другой городъ и тамъ у одного пресвитера (т. е. священника) занимается по прежнему печеніемъ просфоръ. Довольно времени спустя, мать находитъ его и опять возвращаетъ въ домъ. Тогда *властелинъ града*, видя смиреніе и благочестіе его, дозволяетъ ему пребывать у своей церкви. Ѳеодосій тайно заказываетъ вериги и носитъ ихъ. Разъ властелинъ давалъ пиръ; Ѳеодосію надобно было явиться для утѣшенія въ чистой одеждѣ; при перемѣнѣ бѣлья, мать, и прежде слышавшая о веригахъ, увидѣла на

одеждѣ кровь отъ веригъ и съ яростію сняла съ сына вериги. Всѣ эти препятствія къ жизни святой не погасили въ Ѳеодосіи желанія святой жизни,—онъ рвется къ монашеской жизни. Въ отсутствіе матери удаляется изъ дома въ Кіевъ, находитъ Антонія, и постриженный Никономъ, вступаетъ въ подвиги. Это было въ 1032 году. Четыре года спустя, мать является и въ Кіевъ за сыномъ, но сынъ былъ уже столько крѣпокъ духомъ, что, по молитвѣ его, сама мать перемѣняетъ свои желанія и остается въ женскомъ монастырѣ. Ѳеодосій поставленъ въ пресвитера. Жизнь собиравшейся къ Антонію братіи была вообще строга, но Ѳеодосій не щадилъ себя. Пищею были: ржаной хлѣбъ, и только въ субботу и воскресеніе—сочиво, а за недостаткомъ его травяная снѣдь; чтобы имѣть хлѣбъ, занимались простымъ рукодѣліемъ и, купивъ зерна, мололи сами; по окончаніи утрени шли въ огородъ и копали; послѣ литургіи опять трудъ. Ѳеодосій, крѣпкій тѣломъ, бралъ на себя часть трудовъ у другихъ, носилъ другимъ воду, рубилъ дрова, мололъ рожь и относилъ каждому муку. Иногда, въ знойную ночь, нагой, отдавалъ тѣло свое въ пищу комарамъ и мошкамъ,—кровь текла по немъ, а онъ покойно прялъ волну.

II. Въ началѣ 1062 года, братія, по благословенію Антонія, избрали Ѳеодосія въ игумены. Ѳеодосій присовокупилъ къ прежнимъ подвигамъ своимъ тяжкую бдительность игумена, устроилъ монастырь и общежитіе, ночью обходилъ онъ келліи иноковъ, чтобы видѣть житіе ихъ; кого заставалъ на молитвѣ, благодарилъ Господа; а если слышалъ бесѣду двухъ или трехъ, ударялъ въ двери и на утро давалъ краткое наставленіе о вниманіи къ своей душѣ. И словомъ, и примѣромъ одушевлялъ паству свою на подвиги. Каждый день дѣлалъ своими руками, приходилъ въ пекарню и весело трудился съ хлѣбопекарями, мѣсилъ тѣсто, пекъ хлѣбы; всѣхъ немощныхъ училъ, укрѣплялъ и утѣшалъ. Разъ предъ праздникомъ келарь говорилъ, что некому носить воду; блаженный поспѣшно всталъ и началъ носить воду; одинъ изъ братіи увидѣлъ это и поспѣшилъ сказать о томъ нѣсколькимъ братіямъ; тѣ побѣжали дѣлить трудъ съ игуменомъ. Въ другой разъ некому было нарубить дровъ для общей кухни. «Я празденъ», говорилъ игуменъ, «и пойду»; братіи повелѣлъ итти за трапезу, такъ какъ было время тому, а самъ сталъ рубить дрова. По окончаніи стола, братія, увидѣвъ, что преподобный игуменъ ихъ усердно рубитъ дрова, взяли каждый топоръ свой и наготовили дровъ на много дней. На трапезѣ онъ довольствовался сухимъ хлѣбомъ и щами безъ масла, но никогда не видали его дряхлымъ и невеселымъ на трапезѣ. Никто и никогда не видалъ, чтобы онъ для сна ложился на бокъ, а обыкновенно засыпалъ онъ сидя и проснувшись становился на молитву; никогда не омывалъ тѣла водою, кромѣ лица и рукъ. Одежда его была шерстяная, и та весьма худая, которую часто покрывалъ онъ заплатами, чтобы не видно было власяницы на его

тѣлѣ; нерѣдко осуждали его за эту худую одежду,—онъ укоризну выслушивалъ съ радостію. Разъ в. к. Изяславъ, любившій и уважавшій его, приказалъ по случаю поздняго времени отвезть его въ покойной телѣжкѣ; слуга видитъ инока въ худой одеждѣ и говоритъ: ты, черноризецъ, каждый день празденъ, а я живу въ хлопотахъ и трудахъ; садись на лошадь, а я лягу на твоемъ мѣстѣ и отдохну. Преподобный, не сказавъ ни слова, обмѣнялся мѣстомъ и въ обители угостилъ слугу лучшимъ образомъ. Ночи проходили у него безъ сна, въ слезной молитвѣ за себя и за братію, что много разъ замѣчали церковные будильники, хотя подвижникъ Божій старался скрывать свои подвиги отъ людей. Такіе труды столько очистили и возвысили духъ его, что преподобный получилъ даръ исцѣленій и прозрѣнія и творилъ знаменія по вѣрѣ своей. Полный любви къ бѣднымъ и страждущимъ, для которыхъ построенъ имъ былъ и домъ, онъ отдавалъ послѣднее требующимъ и награждаемъ былъ сторицею. Бояре и князья приходили исповѣдывать ему грѣхи свои и выслушивать наставленія его; онъ говорилъ каждому правду съ любовію, а иногда и съ строгостію. Послѣднее испыталъ на себѣ кн. Святославъ, выгнавшій брата своего Изяслава изъ Кіева. Такъ какъ число братій весьма умножилось, и мѣсто становилось тѣсно, пр. игуменъ избралъ другое мѣсто для обители (получившей впослѣдствіи названіе Кіево-Печерской лавры); разныя знаменія обозначили основаніе новаго каменнаго храма въ честь Богоматери; положивъ основаніе ему, пр. Ѳеодосій скончался въ слѣдующемъ 1074 г. мая 3 дня [1]).

8. Кіево-Печерская обитель.

I. *Входъ въ Кіево-Печерскую обитель.* Вотъ послышался звонъ колокола, вотъ доносится тихій благовѣстъ. Это призывъ къ молитвѣ въ Печерскую Лавру. Войдемте же въ это святилище... Мы уже миновали крѣпость, прошли мимо громаднаго арсенала [2]), обставленнаго пушками, бомбами и ядрами, прошли чрезъ пространство, отдѣляющее самую крѣпость отъ стѣнъ обители... Вотъ и святыя врата, вдавшіяся между двумя изворотами стѣны, неписанными священными изображеніями, и надъ вратами церковь Св. Троицы. Это истинно святое мѣсто: это входъ въ святилище. На этомъ мѣстѣ слишкомъ за 750 лѣтъ до нашего времени (въ 1106 году) была сооружена церковь и устроена больница черниговскимъ княземъ Николаемъ, именованнымъ Святошею, и самъ онъ, постригшись, не устыдился быть здѣсь привратникомъ.

Отсюда, пройдя подъ сводомъ самой церкви, вы видите улицу, обставленную двумя рядами невысокихъ келлій, осѣненныхъ вѣтвистыми деревьями грецкихъ орѣховъ и оживленныхъ изображеніями

[1]) Несторово житіе пр. Ѳеодосія по ркп. Сп. „Исторію рус. церкви“—Филарета Гумилевскаго.

[2]) Арсеналъ—зданіе, гдѣ хранятся оружіе.

изъ св. исторіи. Здѣсь на крыльцахъ или подъ тѣнію деревъ часто сидятъ старцы, углубившіеся въ чтеніе книгъ. Въ концѣ улицы взоръ невольно останавливается на главномъ храмѣ Успенія Божіей Матери, а нѣсколько правѣе подъемлется громадная колокольня.

По помосту отъ святыхъ вратъ ко храму идутъ на поклоненіе Богу и св. угодникамъ люди, притекшіе почти изъ всѣхъ странъ русскаго царства. Двери храма отверсты и спокойно пріемлютъ каждаго; вошедшіе въ нихъ исчезаютъ отъ взора одинъ за другимъ, и вы только слышите, какъ оттуда доносится священное пѣніе.

II. *Храмъ Успенія*. Одна наружность храма Успенія говоритъ о его внутреннемъ великолѣпіи: это—четвероугольное зданіе, занимающее болѣе 20 сяж. въ длину и столько же въ ширину, со впадиною съ запада, украшенною живописью, съ двумя притворами съ боковъ и пятью выпуклостями съ восточной стороны; его стѣны исписаны священными изображеніями; навѣсъ надъ его входомъ горитъ золотомъ; надъ нимъ возносятся семь позолоченныхъ главъ съ куполами изъ червоннаго золота, осѣненныя семью позлащенными крестами, изъ которыхъ средній подъемлется надъ зданіемъ отъ основанія земли на 22 сажени.

Вступая въ храмъ, невольно поражаешься богатствомъ и великолѣпіемъ иконостаса, залитаго золотомъ и серебромъ. Съ него взираютъ лики Спасителя, Божіей Матери и святыхъ угодниковъ, полуозаренные свѣтомъ лампадъ и обложенные золотыми и позлащенными [1]) окладами, украшенные драгоцѣнными камнями. Взирая на это богатство, забываешь цѣнность золота и всѣхъ драгоцѣнностей и видишь въ нихъ одну готовность жертвовать земнымъ достояніемъ для украшенія Божія храма. За царскими вратами установленъ престолъ, и на немъ водружено распятіе, украшенное яхонтовыми и другими каменьями. Направо и налѣво въ самой церкви, за крестообразными столпами и темными входами устроены для монаховъ мѣста, обнесенныя перилами, съ отдѣльными дверцами для каждаго: тамъ они пребываютъ во время службы, и ихъ видъ, почти неподвижный, ихъ лица, смиренно обращенныя къ иконамъ, ихъ черная одежда и четки, а за ними по стѣнамъ изображенія святыхъ и всѣхъ князей, покровительствовавшихъ обители, полусвѣтъ, разлитый за переходами, духовное пѣніе, служба, воскуренія, глава св. Владимира, поставленная при самомъ входѣ, и тысячи великихъ воспоминаній, и толпы народа, притекшаго издалече,—все это вливаетъ чувство новое, невѣдомое для непосѣщавшихъ Печерской обители, и возноситъ душу отъ всего земного къ лону Создателя.

При храмѣ устроено девять придѣловъ, изъ которыхъ въ одномъ, во имя св. Стефана, сооруженнаго Борецкими, находится икона Бо-

---

[1]) Позлащенный—позолоченный, покрытый позолотою.

жіей Матери, предъ которою молился, почти за 750 лѣтъ, князь Игорь Ольговичъ, убитый въ 1147 году.

На этомъ-то мѣстѣ была основана еще при св. Антоніи церковь во имя Успенія Божіей Матери, оконченная постройкою почти за 850 лѣтъ до нашего времени.

Въ большой церкви Успенія покоится князь Константинъ Іоанновичъ Острожскій (1533), ревностный христіанинъ, распространитель училищъ и покровитель немощныхъ; генералъ-фельдмаршалъ Гудовичъ (1821); архимандритъ Печерскій Гизель (1683); графъ Румянцевъ-Задунайскій.

Въ обители находится *братская трапеза* на томъ же мѣстѣ, гдѣ была при св. Ѳеодосіи, разныя кельи, хозяйственныя строенія, библіотека, устроенная при великой церкви, типографія, заведенная не позже 1618 года, гостиница для бѣдныхъ богомольцевъ, церковь Всѣхъ Святыхъ, за южной стороной стѣны, надъ Экономическими вратами, сооруженная гетманомъ [1]) Мазепою. Далѣе за стѣною къ востоку находятся пещеры и собственно печерскія зданія, не разъ измѣненныя въ своемъ видѣ, кромѣ главныхъ улицъ, и не разъ скрывавшія подъ спудомъ своимъ мощи святыхъ отъ хищенія и неистовства враговъ.

III. *Ближнія пещеры.* Выйдемъ сѣверными дверями церкви Успенія и послѣдуемъ за потокомъ народа. Нашъ путь извивается то къ сѣверу, то къ востоку, то къ югу, то снова къ сѣверу и востоку, пока мы не оставимъ за собою монастырскихъ зданій и стѣны. Пройдя ихъ, мы увидимъ церковь на отлогости горы, изрытой оврагами и зеленѣющей полянами и садами, а далѣе опять виденъ Днѣпръ, и за нимъ снова синева лѣса и синева дали.

Церковь Ближнихъ пещеръ сооружена въ 1700 году, во имя Воздвиженія Честнаго Креста полтавскимъ полковникомъ Герцикомъ. Главы и кресты на ней, равно и на колокольнѣ, позлащены червоннымъ золотомъ, а куполы покрыты зеленою краскою. На стѣнѣ, предохраняющей церковь и самыя пещеры отъ обвала, построены двѣ башни: въ одной изъ нихъ хранится печерская ризница, а въ другой сдѣланъ открытымъ сводомъ входъ въ галлерею, ведущую къ Дальнимъ пещерамъ.

Начало Ближнимъ пещерамъ положено св. Антоніемъ, когда онъ удалился для уединенія изъ первой пещеры, ископанной Иларіономъ. Входъ въ Ближнія пещеры сдѣланъ изъ церкви Воздвиженія Креста Господня. Здѣсь почти во всякое время дня встрѣтите толпу народа, стекшагося изъ Украйны, Россіи, съ Дона, даже изъ Сибири, съ своими особенными нарѣчіемъ и одеждою.

Болѣе сотни богомольцевъ, съ выраженіемъ ожиданія, смотрятъ,

---

[1]) Гетманъ—прежній предводитель малороссійскихъ казаковъ.

скоро ли откроется дверь въ подземелье. Въ рукахъ каждаго теплится свѣча. Въ храмѣ тишина, одинъ или два монаха.

Вотъ желѣзная дверь отворилась, и толпа народа тронулась, шатнула и сжалась у входа, но нѣтъ ни шума, ни безпорядка, и всѣ идутъ медленно, руководимые монахомъ. Переступивши за дверь, взгляните, какъ живая рѣка народа движется въ этомъ сжатомъ сѣроватомъ сводѣ, полуозаренномъ одними свѣчами и склоненномъ отлогою покатостью въ глубину земли. Народъ останавливается предъ каждымъ святымъ, творитъ молитвы, разспрашиваетъ о его жизни, движется далѣе и далѣе, и исчезаетъ, разливаясь по переходамъ.

Каждый святый покоится въ четырехъ-угольномъ углубленіи пещеры, въ деревянной гробницѣ, а иные въ украшенныхъ серебромъ и золотомъ, и подъ каждымъ изображены его имя и жизнь. Въ иныхъ мѣстахъ пещеръ видны наглухо запертыя двери съ небольшимъ окошечкомъ; онѣ ведутъ въ келліи почивающихъ тамъ затворниковъ.

Въ иныхъ мѣстахъ покажется изъ-за желѣзной рѣшетки огонь, освѣщающій подземную келлію и слышится молитва и тихое пѣніе: здѣсь совершается служба. Такъ слѣдуете вы по всѣмъ проходамъ пещеръ, доколѣ не достигнете выхода, гдѣ снова озаритъ васъ свѣтъ дня, повѣетъ свѣжестію воздухъ.

Но вотъ и галлерея [1]) съ окнами и деревяннымъ помостомъ, ведущимъ къ Дальнимъ пещерамъ. Въ ней располагаются убогіе и калѣки, испрашивая духовными пѣснями насущнаго хлѣба.

IV. *Дальнія пещеры.* При Дальнихъ пещерахъ, изъ которыхъ иныя существовали еще до принятія христіанской вѣры св. Владимиромъ, а другія начаты Иларіономъ, находятся церкви Рождества Богородицы и Зачатія св. Анны, съ главами позлащенными червоннымъ золотомъ.

Входовъ въ пещеры два: западный и восточный. Расположеніе ихъ хотя другое, нежели на Ближнихъ, но общее устройство то же. По народному сказанію, въ нихъ есть завалившійся ходъ подъ Днѣпръ, и даже на противоположный его берегъ.

V. *Колокольня Кіево-Печерской Лавры.* Теперь, поклонившись святынѣ и обозрѣвши все достопамятное, взойдемъ на главную колокольню Печерской обители. Она установлена въ 20 саженяхъ отъ великой церкви, въ направленіи къ югозападу. Она выше всѣхъ русскихъ колоколенъ и даже выше московской колокольни Ивана Великаго слишкомъ пятью саженями: въ ней $43^1/_2$ сажени и 10 вершковъ до основанія креста. Куполъ покрытъ листовымъ желѣзомъ, а глава позолочена чрезъ огонь. Она кончена постройкою въ 1745 году. Главный ея колоколъ, называемый Успенскимъ, вѣситъ 1000 пудовъ. Вверху колокольни устроены часы.

Если поднимитесь на колокольню, то увидите подъ собою всѣ

---

1) Галлерея—длинный ходъ съ крышею.

монастырскія зданія, кресты и главы церквей, переходы, дорожки, зелень садовъ, каменную стѣну около обители въ окружности болѣе версты, и за нею съ одной стороны—крѣпость съ своими строеніями, а съ другой—зданія печерскія. Это мѣсто называлось нѣкогда—Берестовымъ. *(Изъ соч. Пассека).*

9. Обитель.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи, на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ.
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И посрединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;
Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой
И подлѣ ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей
Подъ тѣнью липы вѣковой. *(Козловъ).*

10. Лѣтній снѣгъ.

(Изъ жизни преп. Варлаама Хутынскаго).

I. Шелъ іюнь мѣсяцъ 1192 года. Теплая лѣтняя ночь спустилась на землю и окутала своимъ мглистымъ покровомъ дома, храмы и башни великаго Нова-града. Подъ этимъ покровомъ мирно спитъ вольный городъ, утомясь отъ дневной суеты и шума; безмолвіе царитъ и на Софійской сторонѣ, и въ столь шумныхъ днемъ концахъ Торговой стороны; притихъ самъ буйный Волховъ и неслышно катитъ свои сонныя воды во мракѣ ночи.

Тихо и на Ярославскомъ дворищѣ, тамъ, гдѣ виситъ стражъ новгородской свободы, вѣчевой [1]) колоколъ; не шелохнется его мѣдный языкъ, столько разъ созывавшій всѣхъ гражданъ на шумное вѣче. Одинъ только сторожевой воинъ у колокола еще бодрствуетъ, но и его начинаетъ одолѣвать дремота. Чтобы прогнать сонъ, пробовалъ онъ пѣть, но какъ-то странно слышались въ ночномъ безмолвіи звуки тропаря св. Софіи и скоро оборвались. Не смогъ старый рубака, много на своемъ вѣку одолѣвшій и нѣмцевъ и бѣлоглазой Чуди, одолѣть сладкой дремоты и задремалъ, опершись на широкій бердышъ [2]). И снова все тихо, какъ въ могилѣ. Не спятъ только звѣзды, кротко

---

[1]) Вѣчевой отъ слова вѣче,—что значитъ народное собраніе и самое мѣсто народнаго собранія.

[2]) Бердышъ—широкій на подобіе полумѣсяца топоръ.

мерцая среди темной синевы неба и словно любуясь уснувшимъ Божьимъ міромъ...

II. Утренняя заря ярко-алой полоской только-что начала заниматься на далекомъ востокѣ, какъ вдругъ что-то разбудило спавшаго стража. Съ трудомъ онъ поднимаетъ отяжелѣвшія вѣки, озирается кругомъ... и внезапно вскакиваетъ, словно ужаленный. «Съ нами крестная сила... Мать Пресвятая Богородица, Никола угодникъ, святая Софія... Ужъ не во снѣ ли мнѣ снится? Что за диво дивное»?!—шепчетъ онъ, въ испугѣ крестясь.

И было чему подивиться: точно по мановенію волшебнаго жезла, лѣто вдругъ превратилось въ зиму; іюньское тепло внезапно смѣнилось рождественскимъ морозомъ; съ потемнѣвшаго неба густыми хлопьями валилъ снѣгъ и бѣлымъ саваномъ покрывалъ землю. Крутясь и вздымаясь, летали въ воздухѣ тучи этихъ хлопьевъ, и съ каждою минутою все толще и толще становился пушистый снѣжный коверъ.

«Ужъ не дьявольское ли навожденіе»?—думаетъ испуганный воинъ.—«Да воскреснетъ Богъ... Отыди, сгинь ты, лукавый»!—крестясь, шепчетъ онъ,—но снѣгъ все гуще валитъ съ неба.

Не зная, что дѣлать, бѣжитъ стражъ къ вѣчевому колоколу и дрожащею рукою дергаетъ за веревку... Звонко раздается въ ночной тиши отрывистый звукъ, гулко проносится въ ночномъ воздухѣ и замираетъ вдали... Еще и еще—и скоро колокольный звонъ разносится во всѣ концы Нова-города.

Знакомые звуки скоро поднимаютъ на ноги весь Новгородъ: просыпаются посадникъ [1]) и тысяцкій, посадскіе люди и заморскіе гости-купцы. Спавшій городъ оживаетъ. Недоумѣвая о причинѣ звона, вольные новгородскіе вѣчники выходятъ на улицы и, при видѣ покрывающаго землю снѣжнаго савана, останавливаются въ смятеніи и ужасѣ. Во всѣхъ домахъ поднимается тревога: плачъ дѣтей, причитанія женщинъ смѣшиваются со словами молитвъ; у многихъ мелькаетъ въ головѣ мысль о послѣднемъ днѣ и кончинѣ міра... А снѣгъ все валитъ и валитъ, словно желая похоронить подъ собою весь Новгородъ.

Вотъ раздается гулъ колоколовъ на всѣхъ городскихъ колокольняхъ. Отверзаются темные дотолѣ храмы и наполняются молящимся людомъ. Въ трепетѣ простираются и пастыри, и паства предъ святыми иконами, умоляя Господа умилосердиться надъ Новымъ-градомъ, призывая помощь Небесной Заступницы и всѣхъ святыхъ... Кротко глядятъ озаренные мерцающимъ свѣтомъ лампадъ лики съ образовъ на колѣнопреклоненную толпу... Рыданія по временамъ заглушаютъ голосъ пѣвцовъ и чтецовъ и прерываютъ служеніе умилительныхъ молебновъ.

---

[1]) Посадникъ—начальникъ общинной расправы, предсѣдательствовавшій на вѣчѣ.

Долго лилась горячая молитва новгородскихъ гражданъ, долго со слезами молили іереи Господа не предать до конца стадо своихъ вѣрныхъ. Уже брезжилъ разсвѣтъ, уже пламенная заря огненнымъ пожаромъ охватила полнебосклона, а трепетъ новгородцевъ передъ грознымъ и дивнымъ явленіемъ не стихалъ. Наконецъ передъ самымъ восходомъ перестали сыпаться снѣжные хлопья. Когда яркое лѣтнее солнце показалось на небѣ, оно озарило своими лучами чудное зрѣлище: ослѣпительно-бѣлая пелена покрывала землю и зелень, дома и башни, стѣны и церкви Великаго Новгорода; точно алмазы и жемчугъ, горѣли и переливались снѣжные кристаллы подъ лучами дневного свѣтила.

За одну ночь, точно въ сказкѣ, городъ совершенно перемѣнилъ свой видъ.

Съ ранняго утра Ярославовъ дворъ былъ залитъ густыми толпами народа, но, противъ обыкновенія, на вѣчѣ не слышно было шума и крика. Въ безмолвіи, съ обнаженными головами стояли новгородцы: посадникъ, тысяцкій, именитые люди, гости, дружинники и всѣ посадскіе вольные люди. Никто не рѣшался говорить.—«Прогнѣвали мы Господа, люди новгородскіе»,—началъ, было, посадникъ, но тотчасъ смолкъ. Только глубокіе вздохи нарушали безмолвіе. Всѣ ждали, не придетъ ли какого совѣта гражданамъ или указанія отъ владыки.

III. Въ это время въ городъ, по той дорогѣ, что шла по самому берегу Волхова, въѣзжали простыя сани-пошевни, запряженныя въ одну лошадь. Высокаго роста инокъ, одѣтый въ бѣдное одѣяніе схимника [1]), сидѣлъ въ саняхъ. Чуденъ былъ видъ этого инока: въ то время, какъ на лицахъ всѣхъ прохожихъ, попадавшихся навстрѣчу, изображались страхъ и тревога, на его постническомъ, изможденномъ лицѣ виднѣлось совершенное спокойствіе.

Вотъ незатѣйливый экипажъ перебрался чрезъ Великій Волховскій мостъ, поѣхалъ Софійской стороной и остановился у владычнихъ покоевъ. Чередной монахъ, завидѣвъ пріѣзжаго, тотчасъ выбѣжалъ къ нему навстрѣчу, почтительно принялъ благословеніе инока и повелъ его въ палаты архіепископа.

Этотъ бѣдно одѣтый инокъ былъ славившійся своею святостію и прозорливостью игуменъ Варлаамъ, настоятель Хутынской обители.

IV. Чрезъ нѣсколько минутъ Софійскій дьякъ, сломя голову, бѣжалъ отъ владычнаго дома по направленію къ Ярославову дворищу. Прибѣжавъ на вѣче, онъ протолкался сквозь толпу къ посаднику и, отдавъ ему поклонъ, проговорилъ: «отъ владыки». Посадникъ далъ знакъ, и дьякъ [2]) вошелъ на красное мѣсто. Мертвое молчаніе тот-

---

[1]) Схимникъ—монахъ, принявшій схиму, т.-е. великій ангельскій образъ, налагающій на принявшаго его самыя строгія правила.

[2]) Дьякъ—письмоводецъ.

часъ воцарилось въ толпѣ, всѣ насторожили уши, ожидая, что скажетъ посланный архіепископа.

— «Мужи новгородскіе»,—торжественно началъ дьякъ, отвѣсивъ предварительно поясные поклоны на всѣ четыре стороны,—«шлетъ вамъ, своимъ дѣтямъ, отецъ вашъ владыка, свое владычнее благословеніе, тако-жъ и всему Великому Нову-граду. Посѣтилъ насъ Господь въ сію ночь Своимъ предивнымъ посѣщеніемъ, молитвами отца нашего Варлаама. Сей-бо, бывъ у владыки нашего, при прощаніи прорекъ: «если благословитъ Богъ, пріѣду къ святынѣ твоей на саняхъ въ пятницу первыя недѣли поста святыхъ апостоловъ». И нынѣ сбылось все по глаголу. Вы же не смущайтеся, мужи новгородскіе; сіе-бо не въ пагубу сотворилось, но въ благостыню и спасеніе».

Съ этими словами дьякъ, снова поклонившись народу и властямъ, сошелъ съ краснаго мѣста. Глухой вздохъ облегченія, вырвавшійся изъ устъ многочисленной толпы, сопровождалъ его рѣчь. Затѣмъ на вѣчѣ раздался шумный говоръ. Среди гула голосовъ можно было разслышать имя Варлаама, — Хутынскій игуменъ былъ извѣстенъ всѣмъ новгородцамъ; они считали его святымъ и вѣрили его прорицаніямъ. Тѣмъ радостнѣе для нихъ было слышать, что необычайное явленіе было «не въ пагубу», но «въ благостыню».

Толпа вѣчниковъ продолжала шумно волноваться, когда къ Ярославову дворищу подъѣхали упомянутыя сани-пошевни, изъ которыхъ вышелъ св. Варлаамъ. Мгновенно святый игуменъ былъ окруженъ народомъ. Благословивъ новгородцевъ, онъ успокоилъ ихъ, далъ имъ проникнутое отеческою любовью наставленіе и предсказалъ въ этомъ году обильный урожай. Когда онъ кончилъ рѣчь и, снова благословивъ народъ, сѣлъ въ сани,—толпа бросилась за ними и далеко провожала преподобнаго по дорогѣ къ Хутыни.

Снова въ этотъ день отверзлись и наполнились молящимся людомъ новгородскіе храмы, снова полились горячія молитвы гражданъ, но не умилостивительныя, а благодарственныя; снова слезы оросили церковные помосты, но не слезы трепета, а слезы умиленія.

V. Наступилъ вечеръ этого достопамятнаго для новгородцевъ дня. Солнце клонилось уже къ западу. Въ воздухѣ было по прежнему морозно, и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ.

Вдругъ новая перемѣна произошла въ природѣ: въ воздухѣ пахнуло тепломъ, горячѣй стали солнечные лучи, и снѣгъ началъ быстро таять. Еще не успѣло солнце сѣсть, а уже земля освободилась отъ зимнихъ оковъ, снѣжный коверъ исчезъ также быстро, какъ и появился; снова зазеленѣли поля, луга, сады и лѣса, снова защебетали на деревьяхъ лѣтніе пернатые гости.

И когда пригородные селяне вышли взглянуть на свои поля, то увидѣли, что воистину, по слову чудотворца, необычайное явленіе природы «было имъ въ благостыню»: кишѣвшій въ поляхъ червь,

во множествѣ появившійся весною этого года, былъ совершенно истребленъ морозомъ. И пронеслось съ того времени имя славнаго угодника Божія Варлаама по всей области новгородской и по всей землѣ русской.

Почти семь вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, но сказаніе о чудѣ преподобнаго живетъ и до сихъ поръ среди мѣстныхъ жителей, которые ежегодно, въ пятницу первой недѣли поста святыхъ апостоловъ, воспоминаютъ о немъ, совершая крестный ходъ изъ Новгорода въ Хутынскую обитель.

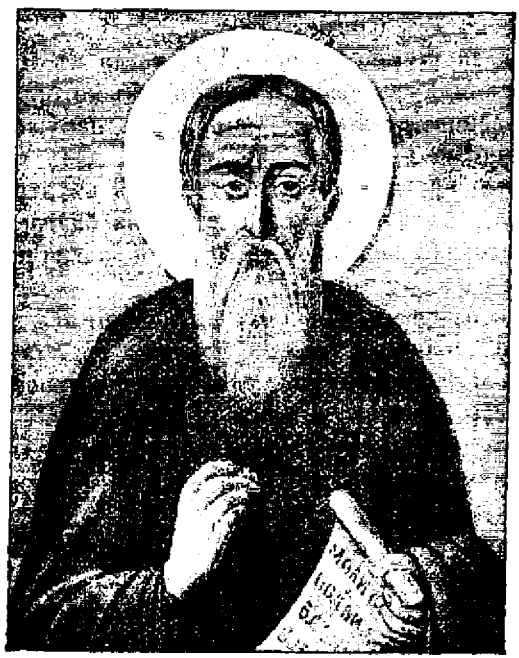
(Русск. Паломн. № 44, 1887 г.).

11. Преподобный Сергій Радонежскій.

I. Преподобный Сергій Радонежскій былъ основателемъ Троицкой Лавры.

Онъ происходилъ изъ боярскаго рода. Родители его, Кириллъ и Марія, нѣкоторое время жили въ Ростовѣ. Здѣсь въ 1314 году родился Богоизбранный младенецъ.

Святое призваніе Сергія проявилось очень рано.



Прп. Сергій Радонежскій

Въ 1328 году, въ смутное для Ростова время, боярин Кириллъ переѣхалъ на житье въ городъ Радонежъ, теперь село Городокъ, верстахъ въ 50-ти отъ Москвы.

Въ Радонежѣ четырнадцатилѣтній Сергій всецѣло посвятилъ себя духовному подвижничеству, почему и получилъ прозваніе Радонежскаго. Онъ строго постился, въ среду и пятницу не принималъ никакой пищи, а въ другіе дни хлѣбъ да воду. День проводилъ въ чтеніи слова Божія, пѣніи псалмовъ, большую часть ночи въ усердной молитвѣ; ревностно посѣщалъ церковныя службы. Дѣтскія игры и забавы его не тѣшили.

Избѣгая мірской суеты, желая въ уединеніи славить Творца, Сергій убѣждалъ отца съ матерью отпустить его въ пустыню. Роди-

тели не противились, но просили привести это въ исполненіе послѣ ихъ кончины.

Сергій послушался любимыхъ родителей. Вскорѣ они скончались, принявъ предъ смертію иноческій чинъ.

II. По смерти родителей, Сергій, отдавъ свое имущество младшему брату Петру, уговорилъ старшаго брата Стефана, овдовѣвшаго къ этому времени и принявшаго обѣтъ монашества, искать мѣста для пустынножительства.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Радонежа братья выбрали для подвижничества въ дремучемъ лѣсу то мѣсто, гдѣ теперь расположена Троице-Сергіева лавра. Тамъ въ то время не было кругомъ на нѣсколько верстъ никакого жилья, теперь же понастроили много церквей и цѣлый посадъ. Св. Сергій оживилъ пустыню. «До Сергія здѣсь была непроходимая пустыня, а теперь всѣ видятъ вокругъ обители мірскія поля, села и деревни многолюдныя. Прежде здѣсь и тропинки не было для людей, а теперь явились большія дороги и проѣздъ, людный днемъ и ночью. До Сергія это мѣсто было безводное; но съ тѣхъ поръ множество источниковъ открыто въ окрестности обители. Множество гадовъ и змѣй нарушали безмолвный покой Сергія, а теперь вы не встрѣтите ихъ».

Сергій и Стефанъ начали рубить лѣсъ, носить бревна, чтобы устроить кельи. Затѣмъ братья построили маленькую церковь. Митрополитъ московскій, по просьбѣ устроителей, прислалъ священника для освященія сооруженнаго храма. Церковь освятили во имя Святыя Троицы.

Житье братьевъ въ пустынѣ было трудное, суровое: кругомъ безконечный, необитаемый лѣсъ, оглашаемый ревомъ дикихъ звѣрей; даже птицы не залетали сюда, веселаго щебетанья ихъ не было слышно. Ягоды да травы составляли пищу отшельниковъ; воды не было близко,—приходилось часто нуждаться въ питьѣ.

Стефанъ не могъ долго выносить тяжести уединенія; отъ лишеній вскорѣ впалъ въ совершенное изнеможеніе, ушелъ въ Москву, въ Богоявленскій монастырь, гдѣ нашелъ болѣе спокойную, безбѣдную жизнь.

Сергій остался среди дремучаго лѣса съ товарищами—звѣрями, которыхъ онъ кротостію къ себѣ приручилъ; звѣри приходили кормиться изъ его рукъ. Одинъ медвѣдь привыкъ ежедневно являться къ пустыннику за своимъ обѣдомъ; случалось иногда, что оба голодали отъ недостатка пищи. Безмолвіе, грозная буря, ненастная вьюга, лишенія только закаляли мужество молодого отшельника, укрѣпляли его душу.

Подготовивъ себя постомъ, умерщвленіемъ плоти, молитвою, Сергій призвалъ изъ Москвы игумена Митрофана, для принятія отъ него монашескаго чина. Постриженіе происходило въ церкви св. Троицы, 7-го октября 1337 года, въ день памяти св. мученика Сергія. Послѣ

постриженія Сергій прожилъ въ совершенномъ одиночествѣ еще два года, строго соблюдая иноческій уставъ.

Вѣсть о святости жизни подвижника быстро разнеслась по окрестностямъ.

III. Къ святому стали стекаться христіане за наставленіемъ, за исцѣленіемъ разныхъ недуговъ. Молитвами Боголюбца больные исцѣлялись, падшіе духомъ укрѣплялись. Всякій встрѣчалъ въ кельи Сергія ласку, привѣтъ, ободрительное слово.

Къ одинокой кельи Сергія стали приходить иноки, усердно прося позволенія поселиться и раздѣлить съ нимъ его образъ жизни. Сергій, привыкшій къ одиночеству, отклонялъ просьбы. «Знайте прежде всего», говорилъ онъ, «что мѣсто это трудно, голодно и бѣдно; готовьтесь не къ пищѣ сытной, не къ питью, не къ покою и веселію, но къ трудамъ, печалямъ, напастямъ, ибо многими скорбями должно намъ войти въ царствіе Божіе. Узокъ и скорбенъ путь, вводящій въ жизнь вѣчную». Однако по промыслу Божію святой согласился на совмѣстное жительство, исполняя слово Спасителя: «грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ».

Пришельцевъ собралось двѣнадцать. Сергій взялъ съ каждаго обѣтъ строгаго воздержанія, братства, повелѣлъ инокамъ срубить себѣ кельи. Кельи были обнесены высокимъ тыномъ или заборомъ.

Такъ возникла дорогая для каждаго русскаго обитель.

IV. Въ первое время обитель была очень бѣдна: случалось, что не было воску для свѣчъ, въ церкви вмѣсто нихъ горѣла лучина; книги, нужныя для богослуженія, писались на березовой корѣ.

Братія со смиреніемъ переносила нищету. Препод. Сергій во всемъ всегда подавалъ примѣръ: былъ всѣмъ слугою, самъ носилъ воду, рубилъ дрова, мололъ муку, дѣлалъ обувь, кроилъ, шилъ одежду, а по ночамъ молился.

Иноки просили св. Сергія принять на себя игуменство въ обители, но онъ по смиренію своему не соглашался сдѣлаться настоятелемъ братіи, говоря: «желаю лучше учиться, чѣмъ учить, лучше повиноваться, чѣмъ начальствовать; вы хотите возложить на меня бремя выше силъ моихъ».

Чтобы окончательно отклонить отъ себя санъ игуменскій, Сергій отправился къ преосвященному Аѳанасію, который управлялъ тогда московскою и всея Руси митрополіею, съ просьбой прислать въ Троицкую обитель игумена. Аѳанасій радушно встрѣтилъ святаго подвижника и громко объявилъ, что никто болѣе Сергія не достоинъ быть игуменомъ. Когда же Сергій началъ отказываться, то епископъ промолвилъ: «Возлюбленный! ты все стяжалъ, а послушанія иноческаго не имѣешь». Смиренному Сергію оставалось только согласиться: «какъ Господу угодно», произнесъ онъ, «такъ и да будетъ. Благословенъ Господь во вѣки!»

Чрезъ нѣсколько дней состоилось посвященіе его сначала въ пресвитера, а потомъ въ санъ игумена.

V. Возвратясь въ свою обитель, препод. Сергій не измѣнилъ образа жизни, по-прежнему служилъ братіи, подвизался въ непрерывной дѣятельности,—постѣ и молитвѣ. Въ церковь на литургію являлся первымъ, уходилъ послѣднимъ. Никогда не видѣли его празднымъ. Въ свободное отъ работы время умудрялъ онъ братію духовными бесѣдами.

О Троицкой обители начали говорить въ дальнихъ областяхъ русской земли. Не только простые чернецы, но и высшіе іерейскіе чины, наслышавшись о святости жизни преподобнаго, являлись внимать рѣчамъ праведника. Смоленскій архимандритъ Симонъ такъ былъ плѣненъ ими, что, оставивъ свое настоятельство въ Смоленскѣ, поступилъ къ Сергію послушникомъ. Стали приходить иноки изъ другихъ монастырей. Игуменъ принималъ всѣхъ, но постригалъ только послѣ долгаго испытанія.

Число братіи замѣтно увеличилось; вмѣстѣ съ тѣмъ въ пустынѣ все сильнѣе и сильнѣе чувствовался недостатокъ въ самомъ необходимомъ; хлѣба на всѣхъ не доставало: инокамъ часто приходилось голодать. Ходить же въ сосѣднія села за подаяніемъ было строго запрещено игуменомъ.

Слава о великомъ игуменѣ троицкомъ все росла. И богатый вельможа, и бѣдный простолюдинъ шли къ убогой кельи, ища здѣсь утѣшенія, совѣта, благословенія. Едва замѣтная тропинка, ведшая къ обители, стала дѣлаться большою проѣзжею дорогою.

Тогдашній князь московскій Іоаннъ Іоанновичъ сильно полюбилъ смиреннаго проповѣдника жизни евангельской.

При своихъ посѣщеніяхъ обители князь замѣтилъ крайнюю ея бѣдность: священнослужители облекались въ ветхія полотняныя ризы, братія пріобщалась изъ простой деревянной чаши, низенькая деревянная церковь освѣщалась лучиной при богослуженіи.

Вспомнилось тогда князю, что у государей русской земли искони ведется обычай не щадить издержекъ на благолѣпіе храмовъ, надѣлять ихъ землями, всякимъ добромъ.

Соблюдая обычай предковъ, Іоаннъ Іоанновичъ подарилъ обители Св. Троицы окрестные участки земли, щедро надѣлилъ ее деньгами, хлѣбомъ, приказалъ сдѣлать церковную утварь изъ золота и серебра.

Посыпались многоцѣнные вклады и отъ усердныхъ ревнителей христіанства, являвшихся поклониться Св. Троицѣ, взглянуть на прославленнаго угодника. Монастырь быстро сталъ богатѣть. Воздвигли большую церковь. Золото, драгоцѣнные камни засіяли на иконахъ и сосудахъ, появилась драгоцѣнная утварь въ той обители, гдѣ нѣсколько лѣтъ раньше, за недостаткомъ свѣчей, горѣла лучина, гдѣ игуменъ носилъ полотняную ризу.

Окрестности Св. Троицы стали заселяться, вырубались лѣса, строились новыя деревни, проводились большія дороги. Уединенная хижина отшельника превратилась въ цвѣтущую обитель, глухой лѣсъ сталъ удобнымъ жилищемъ человѣка.

VI. Слава объ обители Св. Троицы пошла далеко за предѣлы русской земли и достигла Цареграда.

Патріархъ цареградскій Филофей, въ знакъ уваженія, прислалъ препод. Сергію крестъ и схиму, благословилъ обитель, посовѣтовалъ устроить въ ней общежитіе, какъ образецъ строгаго монашества.

Сергій внялъ совѣту, устроилъ монастырскую общину: все богатство обители сдѣлалъ общимъ, запретилъ инокамъ имѣть отдѣльную собственность, ввелъ одинаковую для всѣхъ суровость относительно образа жизни. Братія была распредѣлена по службамъ: назначили келаря для веденія хозяйства, казначея для общей монастырской казны, назначили поваровъ, хлѣбниковъ, больничныхъ служителей. Всѣ постановленія святыхъ отецъ должно было соблюдать.

Нѣкоторымъ не понравилась эта перемѣна, они тайно ушли изъ монастыря.

При такихъ порядкахъ появилось во всемъ изобиліе. Явилась возможность къ широкой благотворительности: Сергій устроилъ пріемный покой для странниковъ, больныхъ, нищихъ; въ обители Св. Троицы никому не отказывалось ни въ пищѣ, ни въ пристанищѣ. До сихъ поръ этотъ обычай неизмѣнно соблюдается, до сихъ поръ богомольцы получаютъ въ лаврѣ даровой обѣдъ и квартиру.

Монастырь богатѣлъ, а игуменъ смирялъ себя болѣе всѣхъ. Раньше онъ ходилъ въ рубищѣ, теперь носилъ ту одежду, которую бросали другіе иноки за негодностію. По-прежнему день пребывалъ въ трудѣ, а ночь, стоя на колѣняхъ, молилъ Бога не оставить обитель. Царь Небесный внималъ молитвамъ Своего избранника.

VII. Двадцать пятаго сентября 1392 года окончилось земное служеніе Сергія Господу; на 78 году отъ рожденія послѣдовало преставленіе преподобнаго. Шестью мѣсяцами раньше св. Сергій предупреждалъ учениковъ, что въ этотъ именно день Богъ возметъ его къ Себѣ, въ горнія селенія. Такъ и случилось. Передъ кончиной же онъ назначилъ игуменомъ своей обители старца Никона, а самъ удалился въ келью, чтобы въ безмолвіи приготовиться предать чистую душу свою въ руцѣ Господни.

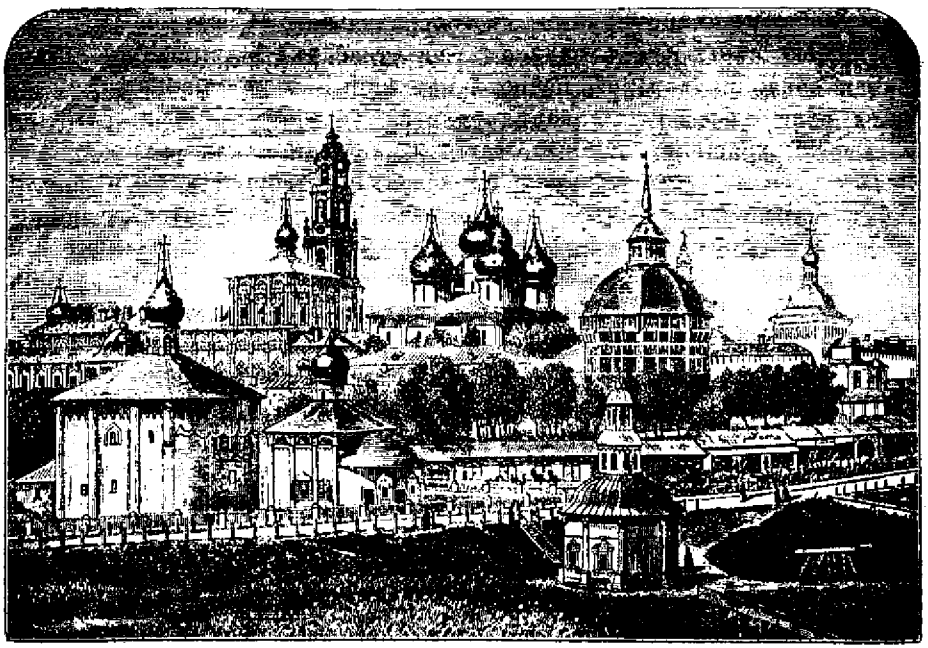
Со слезами похоронила братія незабвеннаго наставника вблизи церкви Св. Троицы, имъ самимъ сооруженной.

Спустя тридцать лѣтъ, 5-го іюля 1422 г., обрѣтены были нетлѣнныя мощи св. Сергія; надъ ними тогда же заложенъ новый храмъ изъ бѣлаго камня.

Православная церковь причислила препод. Сергія къ лику святыхъ и установила праздновать въ этотъ день обрѣтеніе честныхъ мощей угодника. *(А. Майковъ).*

12. Троице-Сергіевская лавра и ея окрестности.

I. Въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы находится знаменитая Троице-Сергіевская лавра, которую ежегодно посѣщаютъ десятки и сотни тысячъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Въ Троице-Сергіевскую лавру идетъ и богатый и бѣдный, и здоровый и убогій. Святая обитель принимаетъ всѣхъ съ одинаковымъ радушіемъ. Особенно же большое стеченіе богомольцевъ въ обители бываетъ 5-го іюля — въ день обрѣтенія св. мощей преподобнаго Сергія.



Видъ Троицко-Сергіевской лавры.

Троице-Сергіевская лавра расположена на невысокомъ холмѣ. Это тотъ самый холмъ, на вершинѣ котораго стояла когда-то среди густой чащи лѣса убогая келья св. Сергія. По скатамъ холма зеленѣютъ монастырскіе сады, внизу струится небольшая рѣчка, а надъ садами вьется высокая монастырская стѣна. За стѣною виднѣются золотые куполы, главы и кресты лаврскихъ храмовъ, а между ними возвышается громадная колокольня, золоченый верхъ которой далеко блеститъ при яркихъ лучахъ солнца.

II. Главное сокровище обители составляетъ древній соборъ Пресвятыя Троицы. Соборъ этотъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла маленькая деревянная церковь св. Троицы, срубленная самимъ препод. Сергіемъ. Въ этомъ соборѣ почіютъ нетлѣнныя мощи основателя обители. При входѣ въ храмъ прежде всего бросается въ глаза высокій иконостасъ, который весь обложенъ вызолоченнымъ серебромъ. По правую сторону царскихъ вратъ неугасаемая лампада озаряетъ

драгоцѣнный золотой окладъ древней иконы. Это чудотворный образъ Живоначальныя Троицы, украшенный усердіемъ царя Бориса Годунова. По лѣвую сторону царскихъ вратъ сверкаетъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями другой образъ Живоначальныя Троицы, украшенный царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ. Надъ южными вратами находится складень, на которомъ изображено видѣніе преподобному Сергію Царицы Небесной. Этотъ складной образъ, устроенный изъ гробовой доски преподобнаго Сергія, не разъ сопутствовалъ русскимъ воинамъ; онъ былъ и съ московскимъ ополченіемъ въ 1812-мъ году, и съ храбрыми защитниками многострадальнаго Севастополя. Подъ серебряною сѣнью (подъ навѣсомъ на столбахъ) возвышается драгоцѣнная рака, въ которой почіютъ нетлѣнныя мощи препод. Сергія. Возлѣ раки въ особомъ шкапѣ хранится убогая утварь и облаченіе св. Сергія: крашенинная риза, такія же поручи и епитрахиль, деревянный посохъ, келейная икона Николая Чудотворца, ножъ и ложка.

Въ югозападномъ притворѣ Троицкаго собора находятся гробницы многихъ угодниковъ Божіихъ и между ними гробница знаменитаго архимандрита Діонисія, который своими грамотами поднялъ русскій народъ на освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ смутное время.

III. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Троицкаго собора находится церковь во имя сошествія Св. Духа, построенная иждивеніемъ царя Іоанна IV Васильевича. Въ южномъ придѣлѣ этого храма, во имя Филарета милостиваго, почіютъ два знаменитыхъ русскихъ архипастыря, московскіе митрополиты: Филаретъ и Иннокентій. Пастырскіе жезлы стоятъ у ихъ скромныхъ гробницъ; иконы, поднесенныя имъ въ разное время, украшаютъ стѣны придѣла. Тутъ же, въ двухъ шкафахъ, хранятся архіерейскія облаченія почившихъ.

IV. Самый большой изъ храмовъ лавры—соборъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Онъ построенъ при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ и отличается своимъ величественнымъ видомъ.

V. *Ризница.* Двухъэтажное зданіе, длиной въ 24 саж., построено въ 1788 году на западной сторонѣ Троицкаго собора, съ которымъ оно соединяется крытой папертью. Въ нижнемъ этажѣ живутъ ризничій и пономари собора, а въ верхнемъ, въ четырехъ палатахъ, хранится драгоцѣнная ризница Сергіевой Лавры, драгоцѣнная не только по своему богатству, но и по древности и святости хранимыхъ въ ней предметовъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ такъ называемая *ризница преподобныхъ Сергія и Никона*, вмѣщающая въ себѣ: 1) *крестъ*, присланный преп. Сергію патріархомъ Константинопольскимъ Филоѳеемъ, *обложенный* золотомъ и украшенный драгоцѣнными камнями съ подписью на задней сторонѣ; 2) *евангеліе* преп. Никона малое, писанное на пергаментѣ; 3) *св. сосуды* изъ дерева, покрытые красной краской, въ которыхъ преп. Сергій священнодѣйствовалъ; 4) *сосуды* изъ дерева преп. Никона; 5) *священная риза* преп. Сергія изъ темной бумажной ткани съ крестикомъ подъ оплечьемъ и звѣздицей на

подолѣ изъ крашенины; 6) *Священническая риза* преп. Никона изъ бѣлой камки съ оплечьемъ и крестомъ парчевыми; 7) *кадило* преп. Никона серебряное позолоченное, четырехугольное въ видѣ церкви; 8) *сандаліи* кожаныя 30 лѣтъ бывшія на ногахъ преп. Сергія во гробѣ.

Особеннымъ великолѣпіемъ отличаются священно-служебныя сосуды; нѣкоторые изъ нихъ золотые съ алмазами и брилліантами. Сосуды, пожалованные императрицей Екатериной II-й, золотые, украшенные *антиками* *), обрамленными алмазами, а потиръ, принесенный въ даръ обители преп. Сергія за его предстательство въ 1856 году императрицей Александрой Ѳеодоровной, украшенъ драгоцѣнными камнями и отличается изящностью своей отдѣлки.

Воздухи и покровы на священные сосуды, одежды на престолъ и жертвенникъ, плащаницы и покровы на мощи преп. Сергія, шитые шелкомъ, серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями по камкѣ, бархату, глазету и парчѣ свидѣтельствуютъ о разновременности этихъ вкладовъ, большею частью принесенныхъ въ даръ обители великими князьями и княгинями, царями и царицами.

Изъ ризъ святительскихъ замѣчательны: 1) *парчевая серебряная* по малиновой землѣ, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями изъ убора императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ она вступала въ Москву для священнаго коронованія; епитрахиль, набедренникъ и палица, вышиты собственными руками императрицы, какъ видно изъ надписи, сдѣланной 24 декабря 1736 года; 2) *пунцовая бархатная* съ жемчугомъ и крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней на оплечьи; подъ крестомъ вынизано жемчугомъ вензелевое имя Екатерины II, которой она была устроена въ 1770 году. *Митръ* достойныхъ особеннаго вниманія три: 1) *самая древняя*—вкладъ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, изъ бархата съ изображеніемъ различныхъ святыхъ на золотѣ; *низанная жемчугомъ* по вызолоченному серебру съ драгоцѣнными камнями, изъ коихъ одинъ рубинъ оцѣненъ въ двадцать тысячъ рублей, пожалована императрицей Анной Іоанновной и 3) *золотая глазетовая* съ жемчугомъ и каменьями—даръ императрицы Елизаветы Петровны. *Панагій* весьма богатыхъ нѣсколько. Одна изъ агата, въ которомъ самой природой очень ясно изображено Распятіе и передъ нимъ молящійся монахъ; она осыпана брилліантами и жемчугомъ и устроена митрополитомъ Платономъ.

Между образами, наполняющими собой всѣ комнаты ризницы, нужно замѣтить:

Образъ преп. Сергія со всѣми святыми Троице-Сергіевой Лавры: изображенія святыхъ расположены въ три ряда.

Кромѣ того въ ризницѣ хранятся слѣдующіе предметы:

1) *золотое кадило*, украшенное драгоцѣнными камнями, даръ царя Михаила Ѳеодоровича;

---

*) Выпуклое или рѣзное изображеніе на самородномъ или драгоцѣнномъ камнѣ.

2) *панихидило, серебряное, обложенноезолотомъ*, къ ракѣ пр. Сергія, данное царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1568 году;

3) *блюдо золотое*, пожертвованное имъ же;

4) *трость съ набалдашникомъ*, осыпаннымъ бриллiантами и изумрудами, пожалованная Императоромъ Павломъ Петровичемъ Митрополиту Платону;

5) *солоница* съ изображеніемъ Россійскихъ гербовъ, пожалованная ему же Императрицей Екатериной II;

6) *собственноручное письмо* Императора Павла I къ Митрополиту Платону о рожденіи Великаго Князя Николая Павловича;

7) *золотой посохъ*, украшенный бриллiантами, яхонтами и изумрудами, пожалованный Императоромъ Александромъ II Митрополиту Филарету въ день Священнаго Коронованія 26 Авг. 1856 г. и *три настольные портрета* Императоровъ Александра I, Николая I, и Александра II, соединенные вмѣстѣ и осыпанные бриллiантами, Высочайше пожалованы Митрополиту Филарету 5 Августа 1867 года въ день 50 лѣтняго его юбилея, въ память незабвеннаго его служенія церкви и отечеству въ царствованіе сихъ государей.

VI. Въ двухъ верстахъ отъ лавры находится Геѳсиманскій скитъ. Онъ устроенъ тщаніемъ митрополита московскаго Филарета въ 1844 г. и назначенъ для иноковъ, желающихъ пребывать въ безмолвіи и удаленіи отъ міра. Въ скитѣ находится шесть церквей, изъ которыхъ одна устроена въ пещерахъ. Главную святыню скита составляетъ чудотворный образъ Черниговской Богоматери, находящійся въ пещерномъ храмѣ Архангела Михаила. Святый образъ этотъ прославился многими чудотвореніями, и привлекаетъ постоянно множество богомольцевъ, особенно больныхъ.

VII. Въ трехъ верстахъ отъ лавры лежитъ Спасо-Виѳанскій монастырь, основанный митрополитомъ Платономъ. Въ стѣнахъ этого монастыря находятся двѣ церкви, архіерейскій домъ и кельи братій, а внѣ стѣнъ—зданія духовной семинаріи. Соборный храмъ обители отличается особымъ устройствомъ. Онъ двухъэтажный, и внутри его сооружена искусственная гора, въ подобіи горѣ Ѳавору; она украшена мхомъ и цвѣтами. Вьющаяся по склонамъ горы лѣстница ведетъ къ вершинѣ, гдѣ возвышается алтарь въ честь Преображенія Господня. Внутри горы, въ пещерѣ, устроенъ придѣлъ въ честь воскрешенія Лазаря. Въ другой пещерѣ хранится дубовый гробъ преп. Сергія. Тутъ же находится гробница митрополита Платона.

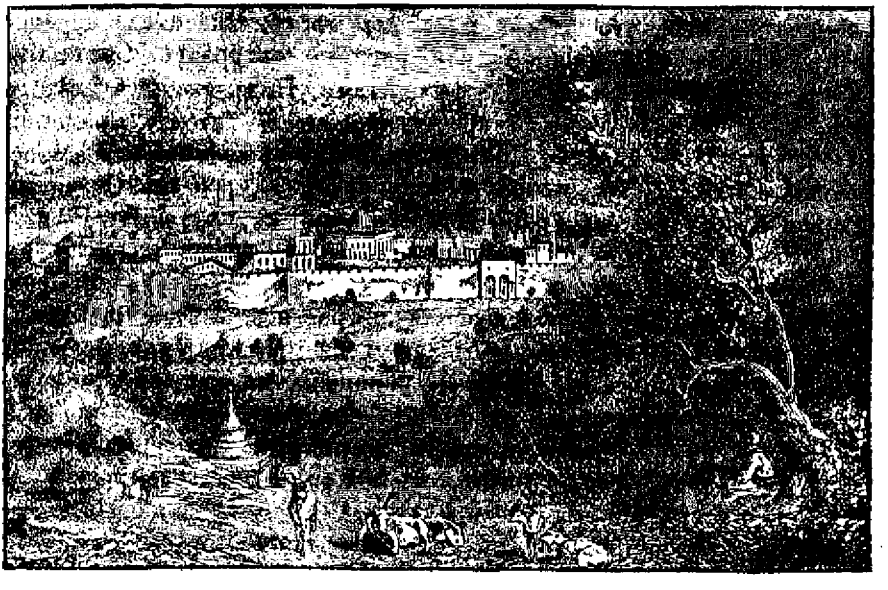
VIII. Въ 12 верстахъ отъ лавры, на пути въ Москву, стоитъ на небольшой рѣчкѣ Хотьковъ женскій монастырь, основанный ранѣе Троицкой обители. Въ Хотьковомъ монастырѣ погребены родители св. Сергія; здѣсь же былъ постриженъ и старшій братъ преп. Сергія Стефанъ, съ которымъ началъ свои подвиги преподобный Сергій. Соборный храмъ обители въ честь Покрова Пресвятой Богородицы построенъ въ началѣ настоящаго столѣтія; главную святыню этого храма

составляетъ Толгская икона Божіей Матери. Богомольцы, направляясь въ Троице-Сергіевскую лавру, считаютъ непремѣннымъ долгомъ зайти въ Хотьковъ монастырь, чтобы поклониться тамъ родителямъ преподобнаго Сергія и тамошнимъ святынямъ.

(По статьѣ «Русск. Паломника» и брошюрѣ кн. Горчаковой: «Свято-Троицкая Сергіева Лавра»).

13. Іерусалимъ.

I. Св. городъ Іерусалимъ, когда-то многолюдный и кипучій, теперь унылый, безмолвный и совсѣмъ мертвый городъ. Теперь онъ принадлежитъ туркамъ, народу нехристіанскому. Мѣстность кругомъ него обожженная, пустынная, печальная, зелени не видно. Ни за городомъ, ни въ городѣ не замѣтно движенія народа, не слышно того шума, какой обыкновенно бываетъ въ городахъ. Іерусалимъ стоитъ на четырехъ высокихъ холмахъ и обнесенъ кругомъ старою зубчатою стѣною со множествомъ башенъ. Въ стѣнѣ сдѣлано четверо воротъ, и при закатѣ солнца всѣ они запираются; кто же не успѣлъ попасть въ городъ, тотъ ночуй подъ открытымъ небомъ. Отпираются они при восходѣ солнца, а въ турецкій праздникъ—послѣ полудня, потому что турки уходятъ тогда въ свои мечети на молитву. Здѣсь на одной недѣлѣ приходится три праздника: у турокъ—пятница, у евреевъ—суббота, а у христіанъ—воскресенье.



Видъ Іерусалима съ Масличной горы.

Жителей въ Іерусалимѣ тысячъ двадцать. Есть тутъ турки, евреи, арабы, греки, армяне,—кто живетъ постоянно, а кто бываетъ только временно, наѣздомъ.

Дома въ Іерусалимѣ такіе же, какъ и вездѣ въ той сторонѣ—каменные, съ плоскими или круглыми крышами. Улицы узкія, кривыя, неопрятныя; ночью онѣ вовсе не освѣщаются,—кто ночью выходитъ изъ дому, тотъ беретъ свой фонарь.

II. Русскіе богомольцы останавливаются или въ городѣ по греческимъ монастырямъ, или за городомъ въ русскихъ подворьяхъ, которыя выстроены не такъ давно, по повелѣнію нашего государя императора. Здѣсь платы никакой не берутъ, а въ городѣ приходится платить за помѣщеніе. Прибывши въ св. городъ, наши богомольцы почитаютъ первымъ долгомъ посѣтить храмъ Воскресенія Христова и поклониться самой главной въ немъ святынѣ. Для этого они обыкновенно собираются передъ вечернями, когда турки отпираютъ для нихъ двери. Обошедши святыя мѣста съ провожатыми изъ тамошнихъ православныхъ монаховъ, многіе изъ богомольцевъ остаются въ храмѣ на ночь. Кто хочетъ помолиться поусерднѣе и отстоять заутреню и обѣдню при гробѣ Господнемъ, тому надобно переночевать въ самомъ храмѣ, потому что православныя службы совершаются ночью. Желающимъ отдохнуть отводятъ мѣста на хорахъ.

III. Этотъ храмъ имѣетъ только одинъ входъ съ полуденной стороны—большой, украшенный сверху разными мраморными изображеніями. Тотчасъ же направо отъ входа двѣ мраморныя лѣстницы ведутъ наверхъ въ придѣлъ, который устроенъ надъ самой Голгоѳой. По-еврейски Голгоѳа—значитъ лобное мѣсто, мѣсто казни. Священное Писаніе говоритъ, что здѣсь, на этомъ мѣстѣ, Спаситель перенесъ самыя ужасныя страданія, будучи распятъ на крестѣ. Скала горы Голгоѳы обложена вся мраморными плитами. Надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ поставленъ былъ крестъ Спасителя, стоитъ мраморный крестъ, открытый спереди. Подъ нимъ видно въ скалѣ круглое отверстіе, или пробоина, въ которую вставленъ былъ крестъ Спасителя; пробоина обложена серебрянымъ позолоченнымъ окладомъ. Направо отъ креста видна въ скалѣ широкая и глубокая трещина, также обложенная сверху вызолоченнымъ окладомъ. Она произошла въ то время, когда Спаситель умеръ, и вся земля потряслась. Мѣста, гдѣ стояли кресты двухъ разбойниковъ, обозначены на мраморѣ, покрывающемъ скалу, черными кругами. Церковь украшена множествомъ дорогихъ лампадъ разной величины, висящихъ надъ престоломъ и по всему потолку; онѣ пожертвованы разными усердными христіанами и христіанскими царями. Между ними есть и присланныя изъ Россіи.

IV. Подъ крыльцами, ведущими на Голгоѳу, у подножія голгоѳской скалы сдѣланъ нижній предѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи и во имя праотца всѣхъ людей, перваго человѣка, Адама, черепъ котораго, говорятъ, похороненъ здѣсь. За престоломъ этого придѣла сквозь желѣзную рѣшетку можно видѣть самую скалу Голгоѳу и ея трещину, которая идетъ внизъ сажени на четыре.

Если же не подыматься по лѣстницамъ, а итти отъ церковныхъ две-

рей прямо, то на пути встрѣтится камень. На этомъ камнѣ положено было тѣло Спасителя, когда сняли Его со креста и помазывали, по еврейскому обычаю, душистыми мазями; онъ такъ и зовется «Камнемъ Помазанія». Этотъ камень покрытъ сверху мраморною плитою, и это потому, что прежде богомольцы портили его, откалывая потихоньку частички, чтобы унести ихъ съ собою. Впереди камня, на стѣнѣ большая картина изображаетъ снятіе со креста тѣла Спасителя.

Если итти отъ «Камня Помазанія» налѣво, то невдалекѣ отъ него показываютъ богомольцамъ то мѣсто, на которомъ стояла Матерь Божія, когда снимали со креста и помазывали на камнѣ тѣло Ея Сына, Іисуса Христа. Съ этого мѣста Она съ глубокою скорбію смотрѣла на Него.

V. Задняя стѣна храма, что на закатъ солнца, выведена вся полукругомъ. На нѣсколько шаговъ отъ нея, внутри церкви, сдѣлано въ родѣ круга изъ 18 каменныхъ столбовъ, связанныхъ между собой сводами. На этихъ столбахъ и сводахъ выведенъ огромный куполъ съ отверстіемъ на самомъ верху. Между полукруглой задней стѣной и столбами устроены въ два яруса хоры, или полати. Этотъ кругъ— самое красивое мѣсто въ храмѣ, но, что всего важнѣе, здѣсь находится гробъ Господень, или та пещера, въ которой погребено было пречистое тѣло Спасителя.

Пещера гроба Господня находится въ срединѣ круга, подъ куполомъ церкви. Надъ нею построена небольшая мраморная часовня, очень красивая, словно балдахинъ, съ полукруглою крышею. По бокамъ часовня украшена четырьмя рѣзными столбиками, точно витыми, и большими подсвѣчниками. Надъ дверью поставленъ образъ Воскресенія Христова. Поверхъ крыши, надъ часовнею, протянуто полотно; это сдѣлано для того, чтобъ уберечь святое мѣсто отъ дождя. Дверь въ часовню узкая и невысокая.

Внутри часовня имѣетъ двѣ части: первая часть отъ входа—сдѣлана, какъ пещера, и называется придѣломъ ангела. Здѣсь ангелъ Господень, отваливши камень отъ гроба Христова, сидѣлъ на немъ. Обломокъ отъ этого камня вдѣланъ въ мраморную подставку и служитъ престоломъ для служенія обѣденъ. Надъ нимъ, по потолку пещеры, висятъ ряды дорогихъ лампадъ.

VI. Изъ придѣла ангела узкій малый входъ, безъ дверей, ведетъ въ другую часть—въ ту самую пещеру, въ которой положено было тѣло Спасителя. Пройти въ нее надобно согнувшись. Пещера вырублена вся изъ скалы и очень невелика, аршинъ около трехъ длиною и два шириною. Вся она: и снаружи и изнутри, обложена мраморными плитами; на потолкѣ пробуравлено отверстіе для прохода воздуха. Половина пещеры, во всю ея длину, занята каменнымъ выступомъ, вырубленнымъ, словно лавка, изъ той же скалы, въ которой вырублена вся пещера. Этотъ-то выступъ и есть тотъ гробъ или ка-

мень, на которомъ лежало пречистое тѣло Іисуса Христа до Его воскресенія; онъ приходится на правой сторонѣ отъ входа въ пещеру. Ноги лежавшаго на немъ Спасителя приходились къ выходу изъ пещеры, стало-быть на восходъ солнечный,—такъ и у насъ, православныхъ, кладутъ въ могилу покойниковъ. Гробъ Спасителя выложенъ спереди мраморомъ и поверхъ его положена мраморная плита. Сверху на стѣнѣ сдѣланъ рѣзной изъ мрамора образъ Воскресенія Христова.

По своду пещеры виситъ множество дорогихъ лампадъ, которыя теплятся день и ночь надъ гробомъ Спасителя. Онѣ принесены въ даръ отъ разныхъ христіанскихъ царей, народовъ и благотворителей св. гробу Господню. Свѣжіе цвѣты, въ фарфоровыхъ кувшинахъ, поставленные у гроба Господня, и дорогіе духи, которыми прыскаютъ на камень гроба, наполняютъ всю пещеру благоуханіемъ.

Нельзя описать, съ какою любовію, съ какимъ усердіемъ, съ какою радостію поклоняются этой неоцѣненной святынѣ набожные богомольцы, притекающіе сюда со всѣхъ странъ свѣта. Не словами, а слезами изливаютъ они здѣсь душу свою предъ Спасителемъ міра, и эти слезы, конечно, пріятнѣе нашему Спасителю, чѣмъ всѣ драгоцѣнные дары.

На самомъ гробѣ Господнемъ каждый день бываетъ православная греческая обѣдня, и послѣ нея двѣ обѣдни служатся неправославными. Православная обѣдня начинается ночью, во второмъ часу; заутреня же и поздняя обѣдня отправляются въ особомъ придѣлѣ—главномъ. Собственно для русскихъ богомольцевъ служатъ иногда и на нашемъ языкѣ.

VII. Прямо противъ часовни гроба Господня, къ восходу солнечному, въ самой срединѣ храма, устроенъ главный придѣлъ во имя Воскресенія Христова. Онъ принадлежитъ грекамъ и зовется соборною церковью. Придѣлъ этотъ очень обширный и занимаетъ большую и главную часть всего храма, съ большимъ куполомъ на четырехъ столбахъ. Съ боковъ онъ отдѣленъ отъ всего храма перегородками, на которыхъ поставлены рядами св. иконы, а поверхъ ихъ и позади главнаго иконостаса въ алтарѣ сдѣланы хоры. Церковь украшена очень хорошо. Образа по большей части присланы изъ Россіи; большія паникадила пожертвованы нашими православными царями. Главная святыня въ этомъ придѣлѣ—довольно большая часть животворящаго древа или креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Послѣ обѣдни ее выносятъ изъ алтаря, и богомольцы прикладываются къ ней.

Въ стѣнѣ, что на восходъ солнца, есть спускъ въ подземелье, по лѣстницѣ ступеней въ 30 слишкомъ. Въ этомъ подземельѣ находится большая церковь, во имя святой царицы Елены, съ придѣломъ во имя покаявшагося на крестѣ разбойника. Она принадлежитъ не православнымъ. Церковь вся подъ землею; только ея круглая крыша выходитъ наружу. На томъ мѣстѣ, гдѣ она построена, сидѣла св.

царица Елена, когда по ея повелѣнію откапывали изъ земли крестъ Господень. Здѣсь же хранится и каменный стулъ, на которомъ сидѣла св. Елена. Изъ этой церкви, въ углу ея, есть спускъ въ другое малое подземелье, еще глубже—ступеней на 13; здѣсь и былъ найденъ св. крестъ Господень.

(Извлеч. изъ „Чтеній о св. землѣ" свящ. Пѣвницкаго).

14. Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ.

Почто [1]) ты, человѣче, Меня оставилъ?
Почто тебе возлюбившаго отвратился?
Почто паки [2]) присталъ къ врагу Моему?
Помяни, яко [3]) тебе ради [4]) съ небесе снидохъ.
Помяни, яко тебе ради плоть быхъ.
Помяни, яко тебе ради отъ Дѣвы родихся.
Помяни, яко тебе ради младенствовахъ.
Помяни, яко тебе ради смирихся.
Помяни, яко тебе ради обнищахъ.
Помяни, яко тебе ради на землѣ пожихъ.
Помяни, яко тебѣ ради гоненіе претерпѣхъ.
Помяни, яко тебе ради злословіе, поношеніе, руганіе, безчестіе, раны, заплеваніе, заушеніе, насмѣяніе, укоризненныя страсти пріяхъ.
Помяни, яко тебе ради съ беззаконными вмѣнихся.
Помяни, яко тебе ради поносною смертію умеръ.
Помяни, яко тебе ради погребенъ быхъ.
Съ небесе снидохъ, чтобы тебе на небо возвести.
Смирихся, чтобы тебе вознести.
Обнищахъ, чтобы тебе прославить.
Уязвихся, чтобы тебе исцѣлить.
Умеръ, чтобы тебе оживить.
Ты согрѣшилъ, а Я грѣхъ твой на Себя взялъ.
Ты виноватъ, а Я казнь пріялъ.
Ты должникъ, а Я долгъ заплатилъ.
Ты на смерть осужденъ, а Я за тебя умеръ.
Но къ сему любовь Моя, милосердіе Мое привлекло Мене. Не могль Я терпѣть, чтобы ты въ такомъ страдалъ злополучіи. Сію-ли ты Мою любовь пренебрегаешь?
Вмѣсто любви ненависть воздаешь.
Вмѣсто Мене грѣхъ любишь.
Вмѣсто Мене страстемъ работаешь.
Но что ты сыскалъ во Мнѣ отвращенія достойное? Чего ради не хощешь ко Мнѣ пріити?
Добра-ли себѣ хочешь? Всякое добро у Мене.
Блаженства-ли хочешь? Всякое блаженство у Мене.
Красоты-ли хочешь? Что краснѣйшее паче Мене?

---

1) Почто—для чего, зачѣмъ, почему?
2) Паки—опять, снова.
3) Яко—что.
4) Тебе ради—ради тебя, для тебя.

Благородства-ли хочешь? Что благороднѣе Божія Сына?
Высоты-ли хочешь? Что выше Царя небесъ?
Славы-ли хочешь? Кто славнѣе паче Мене?
Богатства-ли хочешь? У Меня всякое богатство.
Премудрости-ли хочешь? Я—премудрость Божія.
Дружества-ли хочешь? Кто любезнѣе и любительнѣе паче Мене, Иже душу за всѣхъ положилъ?
Помощи-ли ищешь? Кто поможетъ кромѣ Мене?
Врача-ли ищешь? Кто исцѣлитъ и увеселитъ кромѣ Мене?
Утѣшенія-ли въ печали ищешь? Кто утѣшитъ кромѣ Мене?
Покоя-ли ищешь? У Меня обрящеши покой твой.
Мира-ли ищешь? Азъ есмь миръ душевный.
Живота-ли ищешь? У Меня источникъ живота.
Свѣта-ли ищешь? Азъ есмь свѣтъ міру.
Истины-ли ищешь? Азъ есмь истина.
Пути-ли ищешь? Азъ есмь путь.
Вождя-ли къ небеси ищешь? Азъ есмь вождь вѣчный.
Что убо, чего ради не хочешь прійти ко Мнѣ?
Приступить-ли не смѣешь? Къ кому удобнѣйшій приступъ?
Просить-ли опасаешься? Кому Я, просящему съ вѣрою, отказалъ?
Грѣхи-ли не допускаютъ тя? Я за грѣшниковъ умеръ.
Смущаетъ тя множество-ли грѣховъ? Болѣе у Меня милосердія.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою вы (Матѳ. гл. 11, ст. 28). *(Изъ тв. св. Тихона Задонскаго).*

15. Не божись понапрасну.

«Слуга не смѣетъ назвать господина своего по имени безъ нужды и какъ случилось, а мы имя Господа ангеловъ произносимъ съ такою небрежностію»! говоритъ св. Златоустъ. «Христосъ такъ щадитъ насъ, что запрещаетъ намъ клясться даже собственною головою, а мы до того не щадимъ славы Господа, что всюду влечемъ Его! Ты—червь, земля, пепелъ и дымъ, влечешь къ поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть поручителемъ! Какая дерзость! Какого же достоинъ ты наказанія? Но ты говоришь: я привыкъ божиться, языкъ самъ повторяетъ слова клятвенныя... На это я тебѣ вотъ что скажу: одинъ ученый имѣлъ глупую привычку, идучи, безпрестанно подергивать правымъ плечемъ; ему замѣтили это, и онъ сталъ класть на оба плеча острые ножи, и страхомъ раны отучилъ членъ отъ неумѣстнаго движенія. Сдѣлай тоже и ты съ языкомъ; вмѣсто ножа наложи на него страхъ наказанія Божія, проси другихъ, чтобы слѣдили за твоими рѣчами и вразумляли тебя, и Богъ дастъ—ты бросишь худую привычку свою; и будешь *бояться* клятвы, какъ боишься ты яда». (Златоустъ).

16. Почему не всѣ равно богаты?

Блаженный Ѳеодоритъ, рѣшая этотъ вопросъ, приходитъ къ слѣдующимъ размышленіямъ: «При равномъ раздѣлѣ золота, если бы

всѣ были одинаково богаты имъ,—какъ же бы люди доставили себѣ необходимыя вещи? И кто согласился бы служить другому, имѣя одинаковый съ нимъ достатокъ? Если бы не заставляла бѣдность,—кто захотѣлъ бы сидѣть у печи и готовить снѣди? Кто сталъ бы изготовлять хлѣбъ, и на мельницѣ молоть пшеницу? Кто повелъ бы рабочихъ быковъ подъ ярмо, и сталъ бы пахать землю? Кто занялся бы каменодѣланіемъ, чтобы приготовить камни на постройки, и, искусно складывая ихъ, строить дома, если бы не заставляла нужда и не побуждала къ дѣятельности? Кто бы взялся за корабельное мастерство? Принялъ ли бы кто на себя должность кормчаго или трудъ корабельнаго работника? Кто бы сталъ работать въ ткацкой или швейной? Захотѣлъ ли бы кто быть горшечникомъ или мѣдникомъ? При равномъ у всѣхъ количествѣ денегъ, одинъ не сталъ бы служить другому, а было бы необходимо одно изъ двухъ: или каждый долженъ бы былъ тщательно изучать всѣ нужныя искусства, или всѣ оставались бы при одинаковомъ недостаткѣ необходимыхъ вещей. Нѣтъ нужды доказывать, что одному человѣку невозможно изучить всѣ искусства... Остается, слѣдовательно, то, что *равное у всѣхъ обиліе денегъ для всѣхъ было бы гибельно*, и стало бы съ ними, что бываетъ съ людьми, которые отъ пресыщенія теряютъ удовольствія вкуса. Но перестанемъ доказывать; и здѣсь мы видимъ попечительность Божію, по которой такъ называемое неравенство есть причина житейскихъ удобствъ и основаніе благоустроеннаго общежитія.

17. О литургіи въ древности. (Письмо).

I. Я увѣренъ, что тебѣ часто казался непонятнымъ или произвольнымъ ходъ торжественныхъ обрядовъ литургіи, которая, какъ нѣкое духовное зрѣлище, совершается на возвышенномъ мѣстѣ предъ лицемъ христіанъ; въ особенности на тебѣ должна была производить подобное впечатлѣніе обѣдня, совершаемая безъ полнаго благолѣпія въ селахъ, гдѣ внѣшній взоръ и слухъ менѣе могутъ имѣть удовлетворенія, при недостаткѣ разумнаго вниманія къ молитвамъ. Но сіе неблагопріятное чувство можетъ случиться и во время великолѣпнѣйшаго служенія архіерейскаго, если ты въ мысляхъ своихъ разорвешь цѣпь, соединяющую нынѣшнюю обѣдню, съ первоначальнымъ ея установленіемъ отъ самого Спасителя—цѣпь постепеннаго образованія ея подробностей, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, по вдохновенію св. апостоловъ и св. отцевъ. Они-то узаконили неизмѣнными обрядами, словомъ и дѣйствіемъ, свободное въ началѣ, представленіе и какъ бы повтореніе *Тайной Вечери* Христа, и таинственно изобразили всю Его жизнь теченіемъ одной Божественной литургіи. Въ первыя времена христіанства всѣ вѣрные, составлявшіе изъ себя церковь, собирались въ особую храмину, опредѣленную для общихъ молитвъ и тайнодѣйствія, и приносили съ собою, смотря по своему достатку,

хлѣбъ и вино, для совершенія таинства тѣла и крови Христовыхъ и для общей *трапезы любви*, въ которой бѣдные довольствовались обильными приношеніями богатыхъ. Епископъ, или пресвитеръ, иногда самъ, а иногда чрезъ діаконовъ, то-есть служителей церкви, принималъ сіи приношенія, *просфоры* (по-гречески), и онѣ полагаемы были въ особомъ мѣстѣ приготовленія, что нынѣ жертвенникъ, который бываетъ въ большихъ храмахъ отдѣленъ отъ алтаря. Тамъ пресвитеръ избиралъ и приготовлялъ одинъ хлѣбъ, собственно для таинства, а чтобы и прочіе приносители и приношенія равномѣрно были приняты и представлены Христу, въ молитвѣ и таинодѣйствіи—изъ каждаго хлѣба частица полагаема была къ хлѣбу, избранному для таинства, въ память приносителя; самый же хлѣбъ оставался для трапезы любви. И теперь то же самое повторяетъ у жертвенника священникъ, приготовляя для священнодѣйствія хлѣбъ, называемый *агнцемъ*, именемъ, заимствованнымъ отъ Агнца пасхальнаго, и вынимая изъ прочихъ просфоръ части, въ честь и память Богоматери и всѣхъ святыхъ, и въ жертву за живыхъ и мертвыхъ, что составляетъ первую часть обѣдни—*проскомидію*, иначе приготовленіе.

II. Потомъ священнодѣйствующій, одинъ или съ помощію діакона, призывалъ вѣрныхъ къ молитвѣ и молился, во услышаніе всѣхъ, о благахъ временныхъ и вѣчныхъ; слѣдовало пѣніе псалмовъ, чтеніе книгъ пророческихъ и посланій апостольскихъ. Тогда діаконы приносили изъ хранилища святое Евангеліе на средину церкви, и изъ сего-то хожденія образовался нынѣшній малый входъ съ Евангеліемъ, знаменующій вмѣстѣ и открытіе проповѣди Христовой, когда Самъ Онъ явился послѣ приготовительной проповѣди послѣдняго предъ нимъ пророка, Іоанна Крестителя. Евангелію слѣдовали толкованіе слова Божія и молитвы о кающихся и тѣхъ, которые только были еще оглашены первоначальнымъ ученіемъ вѣры, но не просвѣщены крещеніемъ. Ихъ удаленіемъ оканчивалась и оканчивается нынѣ вторая часть обѣдни, называемая *литургіею оглашенныхъ*.

III. Третье отдѣленіе,—*литургія вѣрныхъ*, начиналась двумя краткими молитвами и третьею безмолвною. Такъ и теперь, кромѣ того, что третья, тайная, молитва священнодѣйствующаго, для предстоящихъ закрыта пѣніемъ такъ называемой *Херувимской* пѣсни. Въ сіе время священнослужителямъ нужно было итти за приготовленными дарами въ мѣсто ихъ приготовленія, чтобы принести оные *на св. трапезу*, гдѣ долженствовало совершиться таинодѣйствіе, и вотъ основаніе другого великаго входа съ св. дарами, который ты теперь видишь въ православной церкви, съ великолѣпіемъ, подобающимъ святынѣ; ибо сіе таинственное перенесеніе воспоминаетъ также и вольное шествіе Спасителя на искупительное страданіе. Теперь престолъ Христа Царя становится вмѣстѣ крестнымъ Его жертвенникомъ и гробомъ живоноснымъ, возвышенность алтаря представляетъ Голгоѳу. Въ древнія времена сіе таинственное зрѣлище открыто

было для всѣхъ вѣрныхъ, потому что всѣ, или почти всѣ, приступали къ причащенію святыхъ таинъ. По времени оно закрыто преградою и завѣсою отъ тѣхъ, которые сами признали себя недостойными быть причастниками. Впрочемъ, и донынѣ, какъ въ первые вѣка, въ нѣкоторыхъ церквахъ палестинскихъ, престолъ остается открытымъ.

IV. По освященіи даровъ и пріобщеніи пресвитеровъ и народа, возносились общія благодаренія Богу за Его щедроты, и вѣрные совокуплялись на братолюбивую *трапезу*, въ части храма, которой она и оставила свое названіе. Впослѣдствіи, по вкравшимся злоупотребленіямъ, трапеза любви уничтожена, но память сей первобытной вечери, или общественнаго обѣда вѣрныхъ, сохранилась въ самомъ словѣ: *обѣдня*. Такъ совершалось сіе служеніе въ древности.
(Письма о Богослуженіи восточной каѳолической Церкви. А. Муравьева).

18. Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды, и гладъ, и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить—
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его весь даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны,
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?
(Батюшковъ).

19. Выборъ креста.

Усталый шелъ крутой горою путникъ,
Съ усиліемъ передвигая ноги;
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца;
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озарило,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,

Сталъ странникъ на колѣни, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды [1])
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ
Былъ духъ его изъ бренныя [2]) тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: „Отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя [3]) души
Я исповѣдаю передъ Тобою.
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны:
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, и моя душа
Погибнетъ. Такъ въ безмолвіи онъ Бога
Всевышняго молилъ.
И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ, и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
„Предъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны: какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми“.
И началъ кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй:
Но выбрать было не легко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ: рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, зато
И не въ подъемъ, какъ золото. И, словомъ,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ,
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ не легокъ онъ, правда: былъ изъ твердой

---

1) Вѣжда—вѣки (по церковно-славянски).

2) „Бренныя“ „грѣшныя“, вм. „бренной, грѣшной“=церк.—славянск. окончаніе.

Сработанъ пальмы; ни за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ одѣланъ: такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: «Господи, позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ». И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ. *(Жуковскій).*

20. Вечерняя пѣснь.

Солнце скрылось, дымятся долины;
Медленно сходятъ къ ночлегу стада:
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

* * *

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную.
Тихою славой горятъ небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсни сольемъ голоса:

* * *

«Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою;
Тихо сіянетъ струей золотою
Западный край.
Господи! путь нашъ межъ камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты свѣтъ невечерній—насъ осіяй!

* * *

Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ—
Всюду сіянье солнца Святого,
Божія мудрость и Сила, и Слово...
Слава Тебѣ!» *(А. С. Хомяковъ).*

21. Подражаніе псалму XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонскія высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ:
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ
Нимъ.

И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ?
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу? дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!
(Н. Языковъ.)

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

1. ЖИТІЄ

стáго равноапóльнаго велúкаго кнѧзя кіевскаго

ВЛАДИМІРА,

нарéченнаго во свтóмъ крещéніи васíлія, всéя рωссíи самодéржца и просвѣтúтеля.

I. Великій владíмірь, кнáзь кіевскій, и всѣхъ рωссíйскихъ странъ самодéрженъ, сúнъ вѣ [1]) свтослáвовъ, внýкъ игорь и свтыя Óльги, а прáвнýкъ рю́рика, ѿ варя́гъ на кнúжéніе рωссíйское призваннаго.

Егдá прелáгій бгъ, не хотя́й смéрти грѣшникωмъ, но ѡбращéніе и́мъ въ живóтъ [2]) желáй, ѿ прежелúкаго и неизречéннаго милосéрдіе своегѡ благоизволи рωссíйскимъ странáмъ, тмóю їдωловѣсíе помрачéнными, не до концá погúбнýти, но свѣтомъ свтымъ вѣры просвѣщéнными быти, и на пýть спасéнія наста́витися: ѿзвра́ и́мъ на то́ рýководúтеля, сего́ велúкаго кнѧзя влади́мíра, ꙗкоже дрéвле рúмлянωмъ и грéкωмъ велúкаго царя́ кωнстантúна, а въ нача́лѣ всѣмъ ꙗзы́кωмъ свтáго апóстола пáвла. Рекíй [3]) бо [4]) и́з тмы свѣтъ̀ возсíáти, возсíя́ въ сéрдцѣ владимíровомъ тáинственнаго свѣта зарю́, и возвýди въ нéмъ желáніе познáніе и́стины, и претвори́ того́ и́з нечестúваго їдωлопоклóнника въ благочестúваго хрт̃iáнина, и и́з гонúтеля (ꙗкоже и́ногдà сáула) въ нóваго рωссíянωмъ апóстола и оучúтеля, и́же толúкíя рωссíйскія наро́ды ѿ а́дскаго поглощéніе и вѣчныя смéрти и́схúтивъ, приведé на ѡрождéніе въ жúзнь вѣчнýю свтымъ крещéніемъ.

II. Прослáвившýся владúмíръ хрáбростію [5]), самодéржствомъ и велúчествомъ цáрства своегѡ, пáче [6]) и́ныхъ царéй и кнѧзéй во всéй под-

---

[1]) Бѣ—былъ. [2]) Живóтъ — жизнь. [3]) Рекíй — сказавшій, повелѣвшій. [4]) Бо—ибо, потому что. [5]) Когда Владимíръ прославился храбростію. [6]) Пáче—болѣе, лучше.

со́лнечной, нача́ша приходи́ти къ немꙋ разли́чнїи наро́ды, хва́лящіе томꙋ свою́ вѣ́рꙋ. По сихъ всѣ́хъ [1]). ѿ царе́й гре́ческихъ васи́лїа и ѳеоди́на, а ѿ патрїа́рха царегра́дскагѡ нїколе́а хрꙋсове́рха, прїи́де ко владимі́рꙋ посо́лъ съ да́ры, мꙋ́жъ и҆зря́денъ [2]), словесе́нъ и бг҃одꙋхнове́ненъ, кѵ́рїллъ фїлосо́фъ [3]). (Не то́йже сѐ кѵ́рїллъ фїлосо́фъ, и҆́же съ меѳо́дїемъ бра́томъ свои́мъ пе́рвѣе въ козарѣ́хъ, та́же въ мора́внѣ хр҃та́ пропове́да, и кни́ги съ гре́ческагѡ а҆́зыка на славе́нскїй преведе́, но и҆́нъ тогѡ́же и҆́мене). Сей фїлосо́фъ кѵ́рїллъ (и҆ли́ кѵ́ръ) весѣ́дова на мно́зѣ къ владимі́рꙋ ѡ҆ хрїстїа́нствѣй вѣ́рѣ, наче́нши ѿ созда́нїа ми́ра, по всѣ́мъ проро́чествїямъ да́же до воплоще́нїа хр҃то́ва, и҆ до подо́бнагѡ во́лею страда́нїа и крⷭ҇тны́мъ сме́рти спасе́нїа ра́ди человѣ́ческагѡ, и҆ до тридне́внагѡ и҆з ме́ртвыхъ воскресе́нїа и на небеса́ вознесе́нїа, та́коже ѡ҆ то́мъ преподо́бный не́сторъ пече́рскїй пи́шетъ простра́ннѡ. Послѣди́ же предложи́въ сло́во ѡ҆ второ́мъ прише́ствїи хр҃то́вомъ, ѡ҆ воскресе́нїи ме́ртвыхъ, и҆ стра́шномъ сн҃дѣ, ѡ҆ безконе́чной мꙋ́кѣ, грѣ́шнымъ ꙋготованной, и҆ ѡ҆ воздая́нїи пра́вднымъ въ небе́сномъ ца́рствїи, дадѣ́ ѥ҆мꙋ́ ѿ послáвшихъ его́ въ да́ръ за́понъ [4]) вели́къ златотка́нинъ, на не́йже хи́тростнымъ тка́нїемъ и҆зображе́нъ бы́ше стра́шный сн҃дъ бж҃ій, и раздѣле́нїе грѣ́шныхъ ѿ пра́вдныхъ: и҆ стомꙋ́ъ пра́вдніи ѡ҆десну́ю [5]) сн҃дїи, на тойже странѣ́ десне́й и рай и ца́рство небе́сное и҆зображено́ бы́ше: грѣ́шніи же стомꙋ́ъ ѡ҆шꙋ́ю, [6]) на ко́ей странѣ́ гее́нна ѻ҆гне́ннаа, и стра́шніи ви́ды демо́нскіа, и разли́чныа во а҆́дѣ мꙋ́ки и҆зображены́ зрѧ́хꙋ. На всѐ же то́ владимі́ръ прилѣ́жнѡ смотрѧ́, вопроша́ше фїлосо́фа ѡ҆ ко́ейждо ве́щи. Фїлосо́фъ же всѣ́мъ подро́бнꙋ сказꙋ́ ѥ҆мꙋ́, глаго́ла: ѥ҆гда́ прїи́детъ хр҃то́съ па҃ъ въ сла́вѣ свое́й съ небесе́ на зе́млю, сн҃ди́ти живы́хъ и ме́ртвыхъ, и воздáти комꙋ́ждо по дѣла́мъ его́: тогда́ е҆ли́кихъ а҆́вра́мъ пра́вдныхъ, поста́витъ и҆́хъ ѡ҆десну́ю себѣ́, и по́слетъ и҆́хъ въ царствіе свое́ небе́сное на вѣ́чное весе́лїе. Е҆ли́кихъ же ѡ҆вра́мъ грѣ́шныхъ, тѣ́хъ поста́витъ ѡ҆шꙋ́ю, и по́слетъ и҆́хъ въ гее́нꙋ ѻ҆гнє́нꙋю неꙋга́симꙋю, въ безконе́чныа мꙋ́ки. Влади́міръ же то́ слы́шавъ, воздохнꙋ́, и рече́: блаже́ни сі́и,

[1]) Т. е. послѣ прихода разныхъ народовъ, (магометанъ, евреевъ, римлянъ и др.), которые хвалили князя свою вѣру. [2]) И҆зря́денъ — превосходный, отличный [3]) Фїлосо́фъ-любомудръ, поучающійся мудрости и другихъ поучающій мудрости. [4]) Запонъ — завѣса, покровъ, на которомъ искусно было вытканно изображеніе страшнаго суда. [5]) Ѡ҆десну́ю — по правую сторону. [6]) Ѡ҆шꙋ́ю — по лѣвую сторону.

ѥже стан҃ѹтъ ѿдесн҃ую, горе же тѣмъ, ѥже бѹдѹтъ ѡшю҃ю. Й рече҆ ѥмѹ фїлософъ: ѣще и ты҆, царю҆, ѿ злыхъ дѣлъ престанеши и прiимеши сто҃е крещенiе, ѿдесн҃ую стоѧти сподобишисѧ: ѣще же въ нечестiи превѹдеши, то҆ и твое҆ мѣсто ѡшю҃ую бѹдетъ. Владiмiръ же внѧ глаголемымъ ѿ фїлософа, и размышлѧѧ, рече҆: пождѹ е҆ще҆ малѡ, дондеже и҆звѣстнѣе и҆спытаю҆ ѡ всѣхъ вѣрахъ, и ѡдарiвъ фїлософа и ѥже съ нимъ, ѻпѹсти҆ ихъ съ честiю въ цр҃ьградъ.

III. Ѿшедшѹ же грѣческомѹ фїлософѹ, [1]) созва҆ владiмiръ всѣхъ своихъ болѧръ и старѣйшинъ, и рече҆ [2]) имъ: се҆ [3]) приходиша ко мнѣ ѿ различныхъ народѡвъ мѹдрецы, ѿ мѹхаммеданъ, и нѣмцевъ, и рiмлѧнъ, и жидѡвъ, и ѿ прочiихъ ꙗзыкѡвъ, хвалѧще кiйждо ѿ нихъ свою҃ вѣрѹ. Послѣди же всѣхъ прiидоша и грецы, и сказовахѹ паче иныхъ мнѡга дiвнаѧ во своей вѣрѣ, повѣствѹюще бывшаѧ въ подневесненiй дѣнiѧ ѿ начала мiра даже досел҃ѣ: и глаголютъ иный быти вѣкъ [4]), и и҆нѹю жизнь, и ꙗкѡ по смерти вси҃ человѣцы воскреснѹтъ, и ѣще кто҆ что҆ доброе въ семъ вѣцѣ содѣла, той въ бѹдѹщемъ имать радоватисѧ живѹщи безсмертною жизнiю: а҆ грѣшнiи во вѣки мѹчитисѧ бѹдѹтъ. Й рекоша къ немѹ болѧре е҆гѡ и старѣйшины: никтоже когда҆ свое҆ что҆ хѹлитъ, но паче хвалитъ. Ты҆ же, великiй кнѧже, ѣще хощеши достовѣрнѣе и҆стинѹ познати, имаши мнѡжество людей мѹдрыхъ, послi ѿ нихъ и҆зрѧднѣйшымъ по различнымъ землѧмъ и народамъ, да оу҆вiдятъ, и оу҆вѣдаютъ всѧкѹю вѣрѹ, и какѡ кто҆ слѹжитъ богѹ своемѹ, и потомъ возвратившесѧ, и҆звѣстѧтъ тебѣ и намъ ѡ всемъ подробнѹ, и совершеннѡ, ꙗкѡ самовидцы. Таковагѡ совѣта владiмiръ послѹшавъ, посла҆ мѹжи смыслены҃мъ и разѹмны҃мъ въ различны҃мъ земли, соглѧдати вѣры и слѹжбы коегѡждо народа и ꙗзыка.

IV. Они҃ же прошедше мнiлiѧ страны҃ и царства, прiидоша посл҃ѣждѐ и къ цариградѹ, и сказаша царемъ грѣческимъ, васiлiю и кѡнстантiнѹ, вину҃ пришествiѧ своегѡ [5]). Царi же возрадовашасѧ, и ѣвiе [6]) свѧтѣйшемѹ патрiархѹ ѡ нихъ возвѣстiша: патрiархъ же повелѣ оу҆красити цер-

---

[1]) Когда отошелъ греческій философъ. [2]) Рече҆—сказалъ. [3]) Се҆ — вотъ. [4]) Глаголютъ иный быти вѣкъ — говорятъ, что есть иная жизнь—загробная. [5]) Сказаша вину҃ пришествiя своегѡ—сказали, зачѣмъ они пришли. [6]) Ѣвiе—тотчасъ.

ковь, и сотвори́ пра́здникъ, и ѡ҃блече́сѧ въ дрежа́йшаѧ свѧти́тельскаѧ ѡ҃блаче́нїа со мно́гими є҆пі́скопы и свѧще́нники и соверша́ше бж҃е́ственную лі҃тꙋ́ргію. Прїидо́ша же къ лі҃тꙋ́ргіи цари́ съ по́сланными ѿ̀ влади́мі́ра, и введе́ше и҃хъ въ це́рковь, поста́виша на тако́мъ мѣ́стѣ, ѿ̀нюдꙋ́же и҃мъ всѧ̀ ви́дѣти и слы́шати оудо́бно бѣ́ше. Они́ же ви́дѧще неизглаго́лан҃ную хвалы́ бж҃і́м красотꙋ́, каковы́м нигдѣ́же когда́ ви́дѣша, и слы́шаще пресла́дкїм церко́внагѡ пѣ́снопѣ́нїѧ гла́сы, и҃́хже никогда́же слы́шаша, оудивлѧ́хꙋсѧ ѕѣлѡ̀, и не на земли́, но на небеси́ мнѧ́хꙋсѧ стоѧ́ти: ѡ҃сѣ́мъ во и҃хъ въ то̀ вре́мѧ свѣ́тъ небе́сный, и бы́ша ꙗ҆́ки [1]) внѣ̀ себѐ ѿ̀ ра́дости дꙋхо́вным, є҆́юже сердца̀ и҃хъ тогда̀ и҃спо́лнишасѧ. По соверше́нїи же бж҃е́ственным лі҃тꙋ́ргіи, царь̀ и патрїа́рхъ послꙋ́мъ о҃́чымъ рѡссі́йскимъ сотвори́ша че́сть ве́лію, и оучрежде́нїе, и дара́ми мно́гими оудово́льствоваше, ѿпꙋ́стиша.

V. И҃ є҆гда̀ тїѝ къ владі́мі́рꙋ возврати́шасѧ, па́ки [2]) владі́мі́рх созва̀ болма́ры свои́ и старѣ́йшины, и повелѣ́, да возвра́цишїисѧ посла́нники ска́жꙋтъ пред̀ всѣ́ми, гд҃ѐ гдѐ ви́дѣша и слы́шаша. Тїѝ же начѐше, сказовахꙋ̀ всѧ̀ по ря́дꙋ ѿ̀ вѣ́рѣ коегѡ́ждо ꙗ҆зы́ка, и ѡ҃ слꙋ́жбахъ и҃хъ: но всѣ́мъ слы́шащымъ не оу҃го́дны бы́ша тѣ́м вѣ́ры. Та́же нача́ша сказовати, є҆́же въ гре́цѣхъ ви́дѣша: є҆гда̀ прїидо́хомъ (рекоша) въ цареградъ, введо́ша на́съ гре́цы въ це́рковь свою̀, и҃дѣ́же о҃́ни бꙋ҃ своемꙋ̀ слꙋ́жатъ, и ви́дѣхомъ то́мѡ такоꙋ́ю красотꙋ́ и сла́вꙋ, є҆́мже ꙗ҆зы́къ на́шъ и҃зрещи́ не мо́жетъ: ѻ҃дѣ́жды і҆ере́е и҃хъ пречꙋ́дны, и слꙋже́нїѧ чи́нъ ѕѣлѡ̀ че́стенъ, и предстоѧ́нїе всѣ́хъ люде́й благогове́йно, пѣ́нїѧ же то́ль сла́дкаѧ, каковы́хъ нигдѣ́же слы́шахомъ, и ѿ̀вѣ̀ на́съ ра́дость нѣ́кам, и не чꙋ́вствовахомъ себѐ, ни позна́вахомъ, на земли́ ли, и҆́ли на небеси́ є҆́смы. И҃ нѣ́сть таковы́м лѣ́поты и пресла́вна҃гѡ бг҃охвале́нїѧ во всей̀ подневе́сной, та́коже оу҃ гре́кѡвъ: сегѡ̀ ра́ди вѣ́рꙋемъ, та́кѡ и҃́стинна҃ѧ є҆́сть вѣ́ра и҃хъ, и съ тѣ́ми то́кмѡ людьми́ живе́тъ бг҃ъ и҃́стинный. И҃ рекоша болмꙋ́ре къ владі́мі́рꙋ: а҃ще бы вѣ́ра гре́ческаѧ не была̀ добра̀ и҃ и҃́стинна҃ѧ, то̀ ба́ба твоѧ̀ ѻ҃́льга не прі́ѧла бы тоѧ̀ вѣ́ры, жена̀ во мꙋ́дрѣ ѕѣлѡ̀ [3]) премꙋ́дра. Тогда̀ влади́мі́рх, дѣ́йствꙋющей въ не́мъ бл҃года́ти ст҃а҃гѡ дх҃а, нача̀ по ма́лꙋ просвѣща́тисѧ во оу҃мѣ̀ свое́мъ и познава́ти пра́вꙋю хр҃і́стіа́нскꙋю вѣ́рꙋ, и жела́ти є҆́ѧ. Но поне́же никтоже бѣ̀ при не́мъ такова̀,

---

[1]) Ꙗ҆́ки—какъ бы. [2]) Па́ки—опять, снова. [3]) Ѕѣлѡ̀—очень.

йже бы его къ совершенію намѣреваемаго дѣла скоро привелъ, всѣмъ болѣршмъ и совѣтникшмъ тмою нечестія помраченнымъ бывшымъ: того ради продолжисѧ оучреніе и крещеніе его до нѣкоегш времене, даже йзшврѣте совѣтъ себѣ, еже пойти на греческую землю кранію, и прiати грады йхъ, и полоучити оучителей христіанскихъ, йже бы его вѣрѣ наоучили. Оовравъ оубо силу воинскую, пойде къ таврікіи (таже нынѣ перекопомъ нарицаетсѧ), и взѧ первѣе кафу градъ греческій, таже [1]) прійде подъ херсонъ [2]), стольный земли тоѧ града, при врезѣ еузінскагш понта [3]) стѣпцѣ, при немже йзрядное кораблемъ пристанище. И ѡвсѣде градъ ѡный, и ратованіе на той сильнш не малое времѧ, и не можаше взѧти: бѣ бо крѣпокъ градъ, и воинство въ немъ греческое мужественнш противу борюцеесѧ баше. И глаголаше владиміръ херсонцемъ, да волею покоратсѧ емоу, аще хотятъ оу негш полоучити милость: аще же ни, то йматъ подъ градомъ йхъ и до трієхъ лѣтъ стоѧти дондеже возьметъ, и въ той часъ не оудетъ имъ помилованіѧ. Но херсонцане небрежахоу и словесѣхъ его, аще и тѣснотоу въ градѣ терпѧхоу: оуже бо шесть мцей бѧхъ во ѡвсѣдѣніи, и имѣхъ скоудость нужныхъ. Бжіе же смотреніе недовѣдомыми соудьбами полезнѣйшее не токмш грекшмъ, но и всемоу россійскомоу роду оусмотрѧ, оустрои то, да херсонъ градъ покоритсѧ владимірoу, еже бысть сице: протопопъ херсонскій анастасъ написа ко владимірoу на стрѣлѣ сице: царю владимірe! хощеши ли взѧти градъ, йцій ѿ востоцныѧ страны въ земли трoубъ, имиже вода сладкаѧ течетъ во градъ, тыѧ егда пресѣцеши и ѿимеши градоу водоу, оудобь покоратсѧ тебѣ жаждею оубѣжденіе. Такш протопопъ на стрѣлѣ написавъ, напряже лоукъ и испусти ѡнoю къ шатроу владимірoву, и паде стрѣла предъ шатромъ, и авіе оузрѣвшіи тoю взяша, и видѣвше на ней писаніе греческое, ко владимірoу принесоша: и призванъ бысть греческагш ѧзыка толкователь. И егда прочте написанное, повелѣ владиміръ прилѣжнш искати въ земли ѿ востоцныѧ страны ѡныхъ трoубъ водныхъ, и ѡвретъ пресѣче ѡнымъ, и не бысть воды градоу, и изнемогоша людіе ѿ жажды: тогда и не хотѧще покоришасѧ владимірoу, и прiемъ владиміръ градъ херсонъ, вниде въ него торжественнш, людемъ никоегшже сотворивъ зла, ни ѡбиды.

---

[1]) Таже —потомъ. [2]) или Корсунь. [3]) Понтъ—море.

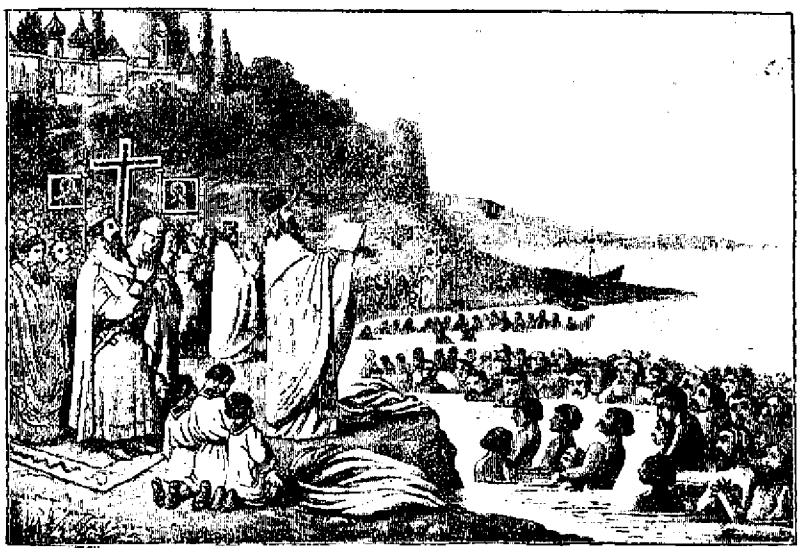
VI. По взѧтіи херсо́на й всей таврікіи, посла́ владимі́ръ къ царе́мъ гре́ческимъ, глаго́лѧ: се́ взѧ́хъ сла́вный гра́дъ на́шъ херсо́нъ й всю̆ зе́млю таврікі́йскую̆. Слы́шў же, ꙗ̆ко йма́те сестрў дѣви́цў кра́снў [1]), дади́те ў́бо мнѣ тую̆ въ женў: ӑ́ще же не восхо́щете мнѣ да́ти ӗ́ѧ, сотворю̆ ва́шемў царюгра́ду то́, ӗ́же сотвори́хъ херсо́нў. Таково́ ў̈ владимі́ра посла́ніе прі́е́мше царй гре́честіи, вы́ша въ печа́ли нема́лой, сестра́ бо й́хъ, ӗ́йже й́мя ӑ́нна, не хотѧ́ше й́ти за пога́нина [2]): мно́гіѧ же россі́йскихъ во́евъ си́лы й хра́брости влади́мі́ровы боѧ́хусѧ гре́цы. Й воспи́сѧша царй къ немў сі́це: не досте́тъ на́мъ хрі́сті́анѡмъ за пребыва́ющаго въ нечести́вой вѣ́рѣ ў̈да́ти сестры́ на́шея: ӑ́ще же й́мѣ́ти о̆́нў хо́щеши, то́ ў̈вере́жисѧ ӑ́дѡлѡвъ твои́хъ, й вѣ́ровў во хрⷭ̃та́ й́стиннаго бга̃, ꙗ̆коже й мы̆ й прі́и́ми́ свѧто́е креще́ніе, тогда́ невозбра́нѡ пои́меши тебѣ̆ въ сўпру́жество сестрў на́шў, й съ на́ми ꙗ̆ко ӗ́диновѣ́рен въ любвй пребу́деши, ӗ́же й небе́сное наслѣ́диши ца́рство. Тако́въ ў̈вѣ́тъ царе́й гре́ческихъ влади́мі́ръ прі́е́мъ, па́ки посла́ къ ни́мъ, глаго́лѧ: возлюби́сѧ мнѣ вѣ́ра ва́ша ў̈ того́ вре́мене, ӗ́гда по́сланніи ў̈ мене́ йспы́тати разли́чнымъ вѣ́ры, бы́вше оў на́съ, возврати́шасѧ къ на́мъ, й сказа́ша подро́бнў, ꙗ̆ко вѣ́ра ва́ша ӗ́сть лў́чша па́че всѣ́хъ вѣ́ръ, й слўже́ніе, й́мже слўжите бў̀ на́шемў, ӗ́сть йзря́днѣ́йшее па́че всѣ́хъ наро́дшвъ. Хощў ў́бо, прі́ѧти вѣ́рў ва́шў, вы̆ же посли́те ко мнѣ̆ ѐпі́скопа, да мѧ̀ крести́тъ, й са́ми съ сестро́ю ва́шею прі́и́ди́те къ на́мъ, й́ли сестрў посли́те мнѣ̆ въ сўпру́жество, ӑ́зъ же возвраці́ю на́мъ херсо́нъ со все́ю таврікі́ею. Таково́ю до́вро́ю вѣ́сть царй гре́честіи прі́е́мше, возра́доваша сѧ ра́достію ве́лі́ею, й сестрў свою̆, да по́йдетъ за влади́мі́ра, оў̈мѣ́ваа́ша съ моле́нѣ́мъ, глаго́лющіе: оў̈милосе́рдисѧ над ца́рствомъ хрі́сті́анскимъ: ӑ́ще бо не пойдеши за него́, то́ не преста́нетъ о̆́нъ плѣни́ти землй на́шея, й бѡ́знѣнно ӗ́сть, да не сотвори́тъ й царюгра́ду, ꙗ̆коже херсо́нў, ӑ́ще же тебе́ ра́ди влади́мі́ръ крести́тсѧ, й тобо́ю ў̈врати́тъ гдь̀ къ себѣ̆ зе́млю россі́йскую̆, й гре́ческую̆ ў̈ тѧ́жкихъ й ча́стыхъ бра́ней й нахожде́ній россі́йскихъ свобо́дў сотвори́тъ, вѣ́чную̆ сла́вў, й безсме́ртное ў̈ всѣ́хъ блаже́нство й́мѣ́ти бў́деши. Царе́вна же ӑ́нна ӑ́ще й не хотѧ́ше, о̀на́че [3]) разсмотрѧ́ спасе́ніе толи́кагѡ ро́да россі́йскагѡ, къ бу̀ ў̈врати́тисѧ хотѧ́-

[1]) Кра́сный—красивый, прекрасный. [2]) Пога́нинъ—язычникъ, идолопоклонникъ.
[3]) О̀на́че—однако, впрочемъ.

цагѡ, ѣщѐ же и̑ отéчествѹ своемѹ, грéческомѹ царствѹ, мі́ра желáѧ, соизволи совѣ́тѹ и̑ молéнію бра́тій свои́хъ, и̑ рече́ со слезáми: во́лѧ гдн҃я да бу́детъ. И̑ послáша тꙋ́ю цари́ мо́ремъ въ корáблéхъ со архіерéемъ мі҃хаи́ломъ, и̑ со сщ҃е́нники, и̑ съ честны́ми волѧ́ры. Достиг҃шей же ѣ̑ херсо́на, срѣ́тена бы́сть слáвнѡ, и̑ въ палáтꙋ ца́рскꙋю введена́. Въ то̀ вре́мѧ, за немно́гіѧ пред҃ прише́ствіемъ царе́вны дни́, влади́мі́ръ возволѣ́ о҃чи́ма, и̑ ѡ҃слѣпѣ́. И̑ нача́ оусꙋмнѣ́ватисѧ ѡ҃ свѧтѣ́й вѣ́рѣ и̑ ѡ҃ креще́нїи, и̑ смꙋща́ѧсѧ въ себѣ́, глаго́лаше: вози рꙋссі́йстіи разгнѣ́вашасѧ на мѧ, та́кѡ хощꙋ ѡ҃ста́вити и̑́хъ, и̑ и̑нꙋ́ю вѣ́рꙋ прі́ѧти, и̑ тогѡ̀ ра́ди слѣ́поты ка́знь на мѧ посла́ша. Царе́вна же посла́ къ немꙋ́, глаго́лющи: а҆́ще хо́щеши здра́въ бы́ти и̑ ви́дѣти о҃чи́ма, креще́ніе свѧто́е прі́ими вскоре́, и̑на́кѡ бо ѡ҃ слѣ́поты твое́ѧ не и́зба́вишисѧ, а҆́ще же крести́шисѧ, то̀ не то́чію слѣ́поты тѣлéсныѧ, но кꙋ́пнѡ и̑ дꙋше́вныѧ своводи́шисѧ. Сі҃е слы́шѧ влади́мі́ръ, ѿтвѣщà: а҆́ще и̑́стиненъ бꙋ́детъ глаго́лъ сей, то̀ ѿ сегѡ̀ позна́ю, та́кѡ вели́къ е҆́сть бг҃ъ хрі҃сті́анскій. И̑ а҆́віе призва́въ е҆пі́скопа, проса́ше ста́гѡ креще́нїѧ. Е҆пі́скопъ же пе́рвѣе ѡ҃гласи́ е҆го̀, и̑ ѡ҃ стѣ́й вѣ́рѣ до́врѣ поꙋ́чи, та́же въ це́ркви свѧты́ѧ софі́и, посредѣ́ гра́да бы́вшей, крести́ и̑ нарече́ ѥ́мꙋ и̑́мѧ васі́лій. Бы́сть же въ креще́нїи е҆гѡ̀ чꙋ́до, подо́бное о҃но́мꙋ, е҆́же въ дамáсцѣ на сáꙋлѣ, це́рковь бж҃ію гони́вшемъ и̑ ѿ ѡ҃блиста́вшагѡ е҆го̀ на пꙋ́ти небе́снагѡ сі́ѧта ѡ҃слѣпшемъ, содѣ́ѧсѧ: е҆гда́ во влади́мі́ръ ѡ҃слѣпле́нъ сы́й о҃чи́ма, вни́де во свѧтꙋ́ю кꙋпѣ́ль, а҆ е҆пі́скопъ по чи́нꙋ креще́нїѧ возложи́ на него̀ рꙋ́кꙋ, а҆́віе ѿпаде́ ѿ о҃че́съ е҆гѡ̀ слѣ́пота́ та́ки чешꙋ́ѧ, и̑ прозрѣ́ просла́ви бг҃а, а҆́ко привиде́ е҆го̀ въ и̑́стиннꙋ́ю вѣ́рꙋ, и̑ благодаря́ше хр҃ста̀ гда́, ра́дꙋѧсѧ и̑ весели́ѧсѧ. То̀ чꙋ́до ви́дѣвше волѧ́ре е҆гѡ̀ и̑ во́инство, крести́шасѧ, и̑ бы́сть ра́дость ве́лїѧ рꙋссі́анѡмъ и̑ гре́кѡмъ, а҆ наипа́че свѧты́мъ а҆г҃ло́мъ на небеси́: а҆́ще бо и̑ е҆ди́номꙋ грѣ́шницѣ ка́ющемсѧ ті́и ра́дꙋютсѧ, кольмі́ па́че ѡ҃ то́ль мно́гихъ дꙋша́хъ, бг҃а позна́вшихъ, возра́довашасѧ, и̑ сла́ва въ вы́шнихъ бг҃ꙋ́ поспѣ́ша. Соверши́сѧ креще́ніе влади́мі́рово, и̑ волѧ́ръ е҆гѡ̀, и̑ во́ѥнъ, въ херсо́нѣ, въ лѣ́то бы́тіѧ мі́ра ϛꙋѱѕ, воплоще́нїѧ же бг҃а сло́ва въ лѣ́то ц҃пѳ. По креще́нїи же приведена́ бы́сть влади́мі́рꙋ царе́вна а҆́нна, гре́ческихъ царе́й сестра́, ѡ҃бручє́нїѧ ра́ди, и̑ не по мно́гихъ днех҃ъ вѣ́нчанъ бы́сть съ не́ю въ зако́нный бра́къ. И̑ возврати́ гре́кѡмъ херсо́нъ со всéю таврікіе́ю, и̑ мі́ръ съ ни́ми ꙋ҃тверди́въ, возврати́сѧ въ свою̀ зе́млю. По́мъ же съ совоѭ̀ прише́дшаго и҆̀з царѧ́града съ

царе́вною а҃рхіере́а мі҃хаи́ла, ѝ бы́сть о҃нъ пе́рвый митрополі́тъ всеѧ̀ рωссі́и. Е҃ще́ же со а҃рхіере́емъ и҃з хερсо́на влади́мі҃ръ поѧ́тъ и҃ свѧще́нники мнѡ́гіѧ, ѝ кли́рики, ѝ мона́хи. Взѧ́ же ѿтꙋ́дꙋ ѝ мо́щи ст҃а́гѡ сщ҃енномꙋ́ченика кли́мента па́пы ри́мскагѡ [1]) ѝ ꙋ́ченика є҃гѡ̀ фи́ва, ѝ свѧты́ѧ і҃кωны, ѝ кни́ги, ѝ всѧ́кꙋю ꙋ́тварь церко́внꙋю. Поѧ́тъ же ѝ о҃нагѡ а҃наста́са пр҃топо́па, и҃же стрѣлбю нау́чи є҃гѡ̀, ка́кѡ взѧ́ти хερсо́нъ гра́дъ, ѝ прі́иде влади́мі҃ръ въ кіе́въ съ ра́достію ве́лі҃ею, сла́вѧ хр҃та̀ бг҃а. И҃ а҃ві҃е нача́ прилага́ти тщ҃а́ніе ѡ҃ просвѣще́нїи сто́льнагѡ̀ гра́да своегѡ̀ кіе́ва, ѝ всеѧ̀ рωссі́йскїѧ держа́вы своеѧ̀.

VII. И҃ъ нача́лѣ повелѣ̀ влади́мі҃ръ крести́ти сыно́въ свои́хъ, и҃хже и҃мѣ́ѧше дванаде́сѧть ѿ̀ разли́чныхъ же́нъ: и҃зсла́ва, мстисла́ва, ꙗросла́ва, всево́лода ѿ̀ рохми́ды кнѧжны̀ полте́цкой: свѧтопо́лка ѿ̀ гре́кини жены̀ бра́тней: выше́сла́ва ѿ̀ че́хини кнѧжны̀: свѧтосла́ва и҃ станисла́ва ѿ̀ дрꙋ-



Крещеніе Кіевлянъ.

гі́ѧ че́хини: бори́са и҃ глѣ́ба ѿ̀ волгарѧны̀ни: врачисла́ка и҃ сѵ̀дисла́ка ѿ̀ и҃ны́ѧ нѣ́кіѧ. И҃ крещ҃е́ны кн҃ꙗ ѿ̀ митрополі́та мі҃хаи́ла во е҃ди́номъ и҃сто́чницѣ, и҃сто́чникъ же то́й къ горѣ̀ над днѣпро́мъ, и҃же ѿ̀ ст҃а́гѡ вре́мене, и҃ до ны́нѣ просы́ѧ крещ҃а́тикомъ. Та́же посла́ пропов҃ѣ́дники по всѣ́мъ гра́дꙋ, повелѣ́ѧ, да во ꙋ́тріе соберꙋ́тсѧ вси́ на рѣ́кꙋ (поча́йнꙋю, въ днѣ́пръ впада́ющꙋю), ста́рїи и҃ мла́дїи, бога́тїи и҃

[1]) Па́мать є҃гѡ̀ ноѐмвріа кѳ.

оубо́зіи, мѫ́жескъ по́лъ и же́нскъ: а҆ще же кто́ не ѡ҆брѧщетсѧ въ то́ вре́мѧ на рѣцѣ, то́й бг҃ѹ и вели́кому кнѧ́зю гнѣ́витсѧ проти́венъ. И вы́вшѹ оу҆тро́ѹ, прі́йде са́мъ кнѧ́зь съ волѧ́ры на рѣ́кѹ, и҆ ѥ҆рхіере́й съ ни́мъ и всѝ свѧще́нницы, и собра́сѧ вре́сь гра́дъ къ рѣцѣ, всѧ́кагѡ чи́на и во́зраста, ѡ҆боегѹ́ по́ла безчи́сленное мно́жество на то́мъ мѣ́стѣ, идѣ́же нын҃ѣ це́рковь свѧты́хъ страстоте́рцевъ бориса́ и гл҃ѣба. И повелѣ́но бы́сть и҆мъ, ѡ҆дежды совлеко́ше, вни́ти въ во́дѹ, ѡ҆со́бь мѫ́жескомѹ по́лѹ, ѡ҆со́бь же́нскомѹ, старе́йшымъ въ глѹбоча́йшаѧ мѣ́ста, ма́лымъ же бли́зъ бре́га: и стоѧ́хѹ въ водѣ ѡ҆ни́и до выи́, ѡ҆ни́и же до по́ѧса, раздѣ́лышесѧ на полкѝ: свѧще́нницы же во і҆ере́йскихъ ѡ҆блаче́нїихъ стоѧ́ще при бре́зѣ на доскѣ́хъ, наро́чнѡ того́ ра́ди оу҆строе́нныхъ, чтѧ́хѹ над҃ наро́домъ молі́твы крещє́нію подобаю́щыѧ, и и҆мена́ и҆мъ нарица́хѹ, коемѹ́ждо полкѹ ѡ҆со́бь и҆мѧ́ є҆ди́но, и трі́ждꙑ погрѹзи́тисѧ и҆мъ въ водѣ вела́хѹ: са́ми же взыва́хѹ над҃ ни́ми, и҆мѧ́ сты́мъ тр҃цы по чи́нѹ крще́нїѧ призыва́ю́ще. И та́кѡ крещє́нъ бы́сть вре́сь народъ кіе́вскїй въ лѣ́то бытїѧ́ мі́ра ҳ҃зу҃ч҃з, воплощє́нїѧ же бж҃іа сло́ва къ лѣ́то ц҃ѳ҃, во второ́е же по крещє́нїи влади́мі́рове. Смотрѧ́ же свѧты́й влади́мі́ръ на крещє́ніе толи́кагѡ наро́да, ра́довашесѧ дх҃ѹ́, и҆ возве́дъ ѡ҆чи къ нб҃сѣ, и рѹ́цѣ воздѣ́въ, рече́: гд҃и бж҃е, сотвори́вый нб҃о и҆ зе́млю, при́зри на новокрещє́ныѧ лю́ди твоѧ́, и да́ждь и҆мъ и҆́стинѹ позна́ти тебѣ́ бг҃а и҆́стиннаго, и оу҆тверди́ и҆́хъ въ правосла́вной вѣ́рѣ, и мнѣ̀ помози́ на ви́димыѧ и невиди́мыѧ враги́, и просла́ви въ рѡссі́йскихъ страна́хъ и҆́мѧ твоє̀ пресвѧто́е! По крещє́нїи же наро́да, а҆бі́е влади́мі́ръ повелѣ́ сокрѹша́ти і҆́дѡлы, и хра́мы і҆́дѡльскіѧ до ѡ҆снова́нїѧ разора́ти. Пе́рвѣйшаго і҆́дѡла первѹ́на повелѣ́ привѧза́ти къ коню́ за хвостъ, и влещи́ съ горы́ къ днѣпрѹ́, и приста́ви мѫ́жей дванаде́сѧть, да влеко́маго і҆́дѡла па́лицами бі́ютъ: сі́е же сотвори́ не та́кѡ ѡ҆ци́ѹщати і҆́дѡлъ каковꙋ́ю болѣ́знь, сꙋ́щѹ древни́нѹ, вездꙋ́шнѹ и нечꙋ́вственнѹ, но да бо́льшее нанесе́тъ вре́сь безче́стїе, и привле́кше ко бре́гѹ, и҆зверго́ша въ днѣпръ́, и заповѣ́да, да нигдѣ́же прибꙋ́дѧтъ і҆́дѡла того̀ къ бре́гѹ, до́ндеже мине́тъ поро́ги, и҆́же сꙋ́ть ни́зъ днѣпра́. Ниже́е же поро́гѡвъ прине́рже є҆го̀ нѣ́тръ и волна́ подъ є҆ди́нъ го́рѹ вели́кѹ, та́же и до нын҃ѣ первѹ́нова нарица́ется. И вси́ про́чіи і҆́дѡли повелѣ́нїемъ вели́кагѡ кня́зѧ сокрѹше́ни, ѡ҆ни́и въ во́дѹ, и҆ни́и же во ѻ҆гнь изверже́ни бы́ша. Кіе́вляне же, є҆ли́цы бѣ́хѹ безꙋ́мніи, ті́и ви́дѧще богѡ́въ дре́вних҃ъ сокрѹше́ніе и поги́бель, пла́кахѹ по ни́хъ

и рыдáхѫ, смыслéннии же глаголáхѫ: разѹмѣнъ ѥ́сть кнѧ́зь, и болѧ́е ѥ́гѡ вѣдѧтъ, котóрый ѥ́сть бг̃ъ лѹ́чшій: йбо а́ще бы добры́ выли сíи бóзи, не бы́ повелѣли сокрѹша́ти йхъ, ни йзбрáли бы йны́м вѣры: лѹ́чшее йзбр́ша, хѹ́ждшее ѿри́нѹша.

VIII. По сокрѹше́нии же и́дшлшвъ, и по разоре́нии и́дшльскихъ храмѡ́въ, повелѣ́ влади́мiръ на тѣ́хъ мѣ́стѣхъ созида́ти свѧты́м цéркви. Въ нача́лѣ созда́ цéрковь ст̃а́гѡ сп̃а́са на то́мъ мѣ́стѣ, йдѣ́же бѣ́ и́дшлъ пéрвыи: та́же цéрковь во и́мѧ свѧта́гѡ васíлiа велíкагѡ, понéже [1]) и са́мъ въ креще́нии свѧто́мъ васíлiй нарече́нъ бѣ́, и йны́хъ церкве́й мно́жество повсю́дѹ ѹ́строи. Прилóжи же тща́нiе [2]) и ѡ̃ ѹ́чéнии кни́жномъ: сы́нѡвъ во свои́хъ, а́ при ни́хъ и болѧ́рскихъ дѣте́й мно́жество повелѣ́ ѹ́чи́ти писа́нiю гре́ческомѹ, и глаго́льскомѹ (нарица́емомѹ ны́нѣ рѡссíйскомѹ), приста́вивъ и́мъ ѹ́чи́телей йскѹ́сныхъ: е́щѐ же и простыхъ люде́й стрóкѡвъ повелѣ́ взима́ти ко ѹ́чéнiе кни́жное, ма́тери же безѹ́мныя плáкахѹ́сѧ по дѣтѣ́хъ свои́хъ а́ки по мéртвыхъ. Не то́чiю [3]) же кíевъ, но и всю́ держа́вѹ свою́ влади́мiръ свѣ́томъ вѣ́ры свѧты́м просвѣти́ти хотѣ́, посла́ во всѧ́ гра́ды рѡссíйскíя крести́ти наро́ды, на нехотя́щыя же крести́тисѧ бóльшѹю да́нь ѹ́ставля́ше. И живя́ше влади́мiръ бг̃оѹ́годнѡ и пра́веднѡ, премѣня́въ дре́внíя свои́ ѡ́бычаи, въ нечéстiи бы́вшыя. На всѧ́кѹю же добродѣ́тель наставля́емый бы́сть честно́ю сѹпрѹ́жницею свое́ю царе́вною а́нною, съ не́юже по зако́нѹ хрíстíа́нскомѹ живя́ше. Прóчыя же пре́жнія своя́ жены́, а́же е́мѹ пре́жде креще́нiя бы́ша, вога́тствы ѹ́довóливъ ѿ нѹ́жды.

Посе́мъ посла́ влади́мiръ въ цáрьградъ къ свѧтѣ́йшемѹ патрíа́рхѹ, въ то́ вре́мя наста́вшемѹ се́ргiю, моля́ е́гѡ, да е́щѐ по́слетъ къ немѹ́ а̃рхíере́и и і̃ере́и: понéже жа́тва вя́ше мно́га, дѣлателе́й же ма́лѡ, мно́зи бо рѡссíйстíи гра́ды тре́вожахѹ́ проскѣще́нiя, люде́й же въ рѡссíйскихъ къ дх̃о́вномѹ чи́нѹ ѹ́добны́хъ е́щѐ не дово́льнѡ бя́ше: недáвнѡ во ни́хъ кни́жное ѹ́чéнiе нача́ся. Присла́ ѹ́бѡ свѧтѣ́йшій патрíа́рхъ се́ргiй ѿ гре́кшихъ е́пíскопа і̃ѡакíма херсóнянина, и йны́м съ ни́мъ е́пíскопы, и пресвѹ́терѡвъ немá́лѡ. Посла́вши ѹ́бѡ влади́мiръ прише́дшымъ къ немѹ́ е́пíскопы, пóйде съ ни́ми въ зе́млю славе́нскѹю, въ страну́ залѣ́сскѹю,

---

[1]) Понéже—потому что.

[2]) Тщáнiе—старанiе, забота. [3]) То́чiю—только.

ю Область ростовскую и суждальскую, и постави над рекою Клязмою градъ, и нарече той первымъ своимъ именемъ Владимиромъ, и созда въ немъ церковь пречистыя Бцы, и повелѣ крестити людей всюду, и церкви созидати, и даде имъ епископа. Отуду шедъ въ ростовъ, созда церковь древянуу, и даде епископа: потомъ въ великій новградъ пріиде, и посади въ немъ Іоакима Хутынина архіепископомъ. Той архіепископъ разруши тамо идола перуна, подобна бывша кіевскому, и повелѣ ощепивше того влещи въ рѣку волховъ, иныхъ же мужей приставити влекома идола палицами бити на большее демономъ поруганіе. Людіе же привлекше его біема на мостъ, врину въ рѣку волхову, и ту іе погибе съ шумомъ. Владиміръ же святый и прочимъ нарочитымъ державы своея грады прошедъ, и всюду народы крестивъ, и церкви создавъ, епископы же и пресвутеры жити оустровивъ, и многую пользу всей земли рускыйстѣй содѣлавъ, возвратисѧ въ кіевъ стольный градъ свой, и раздѣли землю рускыйскую на двана десять княженій, двана десяти сыномъ своимъ. Въ первыхъ старѣйшаго сына своего вышеслава посади въ великомъ новѣградѣ, изяслава въ полоцкѣ, святополка въ туровѣ, ярослава въ ростовѣ. Оумершу же вышеславу въ великомъ новѣградѣ, на место его преведе изъ ростова ярослава: а въ ростовѣ посади бориса, глѣба же въ муромѣ, святослава въ древлянѣхъ, всеволода во владиміръ, мстислава въ тмуторокани, станислава въ смоленскѣ, врачислава на волыни въ луцкѣ, сдислава въ псковѣ. И заповѣда имъ крѣпку, еже жити въ любви и согласіи, и еже не ошидѣти друга друга, ни преступати предѣлшихъ комуждо ошредѣленныхъ, но всякомуу своемъ княженіи оудѣломъ довольствоватисѧ. Не мнѣе же заповѣда и сіе, да всякъ въ княженіи своемъ оумножаетъ славу хта бга, и ищетъ спасенія душъ человѣческихъ, некѣрныя въ вѣру приводя, и цркви созидаѧ. Чесо ради всякомуу даде епископа и пресвутеры, и такоу ихъ оустровивъ, и на княженія ихъ разослався, самъ пребываше въ кіевѣ, оуже старъ сый, и прилежаше добрыимъ дѣлами, церкви и монастыри строя и оукрашаѧ, и милостыню нещудноу всѣмъ подаваѧ, и трапезы изобильныя въ дворѣ своемъ ницихъ ради частю поставляѧ. И иже ихъ недужни, ни могущіи дойти до двора княжа, тѣмъ на возѣхъ вкакоую пищу и питіе посылаше. Имѣше же миръ и любовь съ окрестными государствы, съ польскимъ, съ оугорскимъ и съ чешскимъ, престая ѿ враней: съ

ѣдиными токмѡ печенѣгами ѣмꙋ рати быша́ше, но побѣждаше (та́коже и дре́вній кѡнстантїнъ) сопротивным си́лою їисъ хр҃то́вою. Посе́мъ приближа́шесѧ блаже́нное сконча́нїе свѧтомꙋ влади́мїрꙋ, но пе́рвѣе сꙋпрꙋга́егѡ вели́каѧ кнѧги́ня а҃нна, царе́вна гре́ческаѧ, винѡ́вна бы́вшаѧ просвѣще́нїѧ всеѧ земли́ рѡссі́йскїѧ, и то́ль безчи́сленныхъ дꙋ́шъ людски́хъ спасе́нїѧ, за три́ лѣта пред ѣгѡ кончи́ною престависѧ ко гдⷭ҃. И болѣвъ влади́мїръ дней довольны, и всѧ кончи́нѣ хрїстїа́нствїи подоба́ющаѧ совершивъ, въ до́бромъ и҃сповѣда́нїи предаде́ пра́ведную свою́ дꙋ́шꙋ въ рꙋ́цѣ бж҃їи мѣсца и҃ю́ліа въ пѧтыйна́десѧть де́нь, въ лѣто бытїѧ ми́ра ѕ҃ѳф҃кг҃, (по и҃счисле́нїю свѧта́гѡ не́стора лѣтопи́сца пече́рскагѡ), воплоще́нїѧ же бг҃а сло́ва х҃а҃е҃. Та́кѡ сконча́сѧ свѧты́й вели́кій кня́зь влади́мїръ, нарече́нный во свѧто́мъ креще́нїи васи́лій, превы́въ на вели́комъ кнѧже́нїи кі́евскомъ (пре́шедши и҃з̾ вели́кагѡ новагра́да) три́десѧть пѧ́ть лѣ́тъ, пред креще́нїемъ о҃смь лѣ́тъ, по креще́нїи два́десѧть се́дмь лѣ́тъ, и нѣколи́кѡ мѣ́сацей, въ два́десѧть же о҃смо́е лѣ́то сконча́сѧ. И стеко́шасѧ всѝ кі́евлѧне и о҃крести́ни къ честно́мꙋ ѣгѡ тѣ́лꙋ, дꙋхо́вніи и мі́рстіи, пла́чꙋще и рыда́ющеѧ та́кѡ по о҃тцѣ свое́мъ и ходата́и спасе́нїѧ, и сотвори́ша ѣмꙋ погребе́нїе сла́вное и въ то́йже це́ркви созда́нней ѿ негѡ въ гро́бѣ мра́морнѣмъ положи́ша. Та́же и по́мѧть ѣгѡ пра́здновати оу҃ста́виша, та́кѡ свѧта́гѡ и а҃по́столѡмъ ра́внагѡ, всю́ зе́млю рѡссі́йскꙋю просвѣти́вшагѡ сты́мъ креще́нїемъ. (Изъ Ч. М.).

Св. равноапостольный князь Владимиръ.

2. Тропарь св. благовѣрн. вел. кн. Владимиру.

Оу҃подо́билсѧ е҃сі кꙋпцꙋ, и҃щꙋщемꙋ де́врагѡ ви́сера, славнодержа́вный влади́мїре, на высотѣ стола́ сѣдѧ ма́терѣ градо́въ, богоспаса́емагѡ кі́ева, и҃спытꙋ́ же и посыла́ѧ къ ца́рскомꙋ гра́дꙋ оу҃вѣдѣти правосла́внꙋю вѣ́рꙋ, ѡ҃бре́лъ е҃сі безцѣ́нный ви́серъ, х҃ра́ста, и҃зобра́вшаго тѧ́ та́кѡ второ́го па́вла,

и ѿтрáсшаго слѣпотѫ во свѧтѣй кѫпѣли дѫшéвнѫю, вкѫпѣ и тѣлéснѫю: тѣмже прáзднѫемъ твоé ѹ҃спéніе лю́дїе твоѝ сѵ́ще, молѝ спастѝсѧ держáвы твоéѧ рѡссі́йскїм нача́льникѡмъ, хрїстолюби́вомѫ і҃мпера́торѫ, и мнóжествѫ владо́мыхъ.

Св. Александръ Невскій.

Святитель и Чудотворецъ Николай.

3. Тропарь св. благовѣрному великому князю Александру Невскому.

Познáй свою̀ крáтію, Россі́йскій Ї҃оснфе, не въ Є҃гѵ́птѣ, но на небесѝ цáрствѫющій, благовѣ́рный кнѧ́же Ѧ҃леѯа́ндре, и прі́ими моле́нїѧ и҃хъ, ѹ҃мно́живъ жи́тѧ лю́демъ плодоно́сіемъ земли́ твоéѧ, гра́ды влады́чествїм твоегѡ̀ ѿражда́ѧ моле́ніемъ: и наслѣ́дникѡмъ твои́мъ бл҃говѣ́рнымъ ЇМПЕРА́ТОРѪМЪ на́шымъ на сопроти́вныѧ спобо́рствѫ.

4. Тропарь святителю и чудотворцу Николаю.

Пра́вило вѣ́ры и ѻ҃бразъ кро́тости, воздержа́нїѧ ѹ҃чи́телъ ѩ҃ви́ тѧ ста́дѹ твоемѹ̀ ѩ҃же вещéй и҃стина: сегѡ̀ ра́ди стяжа́лъ є҆́си смире́ніемъ высѡ́каѧ, нището́ю бога́таѧ, ѻ҃́че свѧщеннонача́льниче Нїко́лае, молѝ Хр҃та̀ Бг҃а, спастѝсѧ дѫша́мъ на́шымъ! [1])

[1]) Т. е. истина вещей (жизнь) показала тебя наставѣ твоей правиломъ вѣры, образцомъ кротости, учителемъ воздержанія,—потому ты пріобрѣлъ смиреніемъ высоту (неба), нищетой богатство (рая), отче священноначальниче Николае, моля Христа Бога о спасеніи душъ нашихъ!

5. Тропарь свв. Меѳодію и Кириллу—11 мая.

Ꙗ҆́коⷨ а҆́пⷭ҇ломъ є҆диноправи́тєлїе и҆ слове́нскихъ стра́нъ оу҃чи́тєлїе, Кⷭ҇и́лле и҆ Меѳо́дїе Бг҃омⷬ҇дрїи, ѵ҆́лкⷭ҇ всѣ́хъ моли́те, всѧ҆ ꙗ҆зы́ки слове́нскіѧ оу҃тверди́ти въ правосла́вїи и҆ є҆диномы́слїи, оу҃ми́рити ми́ръ, и҆ спасти́ дⷭ҇ы́ны на́шⷨ.

6. Тропарь тремъ святителямъ (Василію В., Григорію Богослову и Іоанну Златоусту (30 Января).

Ꙗ҆́коⷨ а҆́пⷭ҇лωвъ є҆диноправи́вшїи, и҆ вселе́нныѧ оу҃чи́тєлїе, ѵ҆́лкⷭ҇ всѣ́хъ моли́те, ми́ръ вселе́ннѣй дарова́ти, и҆ дⷭ҇ша́мъ на́шымъ ве́лію ми́лость.

7. Тропарь преподобному.

Въ тебѣ́, о҆́ч҃е, ꙗ҆́звѣстно спасе́сѧ є҆́же по ѻ҆́бразⷭ҇: прі́ймъ бо кр҃тъ послѣ́довалъ є҆сѝ Хⷭ҇тⷭ҇ꙋ, и҆ дѣ́ла оу҃чи́лъ є҆сѝ, презира́ти оу҃бωⷭ҇ пло́ть, прехо́дитъ бо, прилѣ́жати же ѡ҆ дⷭ҇ши́ не́ціи безсме́ртнѣй. Тѣ́мже и҆ со а҆́гг҃лы сра́дуетсѧ, при́ими (и҆́мⷨ ре́къ) дⷭ҇ха́ твоѝ.

Св. великомученикъ Пантелеимонъ.

8. Тропарь мученику.

Мч҃е́никъ твоѝ, Гⷭ҇и, (и҆́мⷨ ре́къ) по страда́нїи своє́мъ вѣ́нецъ прі́ѧтъ нетлѣ́нный ѿ Тебє́ Бг҃а на́шего: и҆́мѣвый бо кр҃ѣ́пость твою́, мⷭ҇ч҃и́телей низложи́, сокрⷭ҇ши́ и҆ де́мωнскаѧ немощны́ѧ дє́рзости: того́ мл҃тва́ми спаси́ дⷭ҇ы́ны на́шⷨ.

9. Тропарь св. великомученику Пантелеимону.

Страстоте́рпче сты́й и҆ цѣлє́бниче Пантелеи́мωне, моли́ милостиваго Бг҃а, да прегрѣше́нїй ѿставле́нїе по́дастъ дⷭ҇ша́мъ на́шымъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Задача 1. По прочтеніи разсказа: «Максимъ Ивановъ» (стр. 1) закрыть книгу и написать въ тетрадь, что̀ осталось у васъ въ памяти отъ этого разсказа, стараясь по-возможности передавать разсказъ словами книги [1]).

Задача 2. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Смерть и похороны Чернаго» (стр. 3).

Задача 3. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Ѳедоръ Коробейникъ» (стр. 7).

Задача 4. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Капитанъ Бопиъ» (стр. 10).

Задача 5. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Злой человѣкъ» (стр. 19).

Задача 6. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Прохожій» (стр. 24).

Задача 7. По прочтеніи басни: «Мельникъ» (стр. 50), изложить письменно содержаніе этой басни возможно короче [2]).

Задача 8. То-же сдѣлать съ баснею: «Крестьянинъ въ бѣдѣ» (стр. 51).

Задача 9. То же сдѣлать съ баснею: «Лжецъ» (стр. 51).

Задача 10. То же сдѣлать съ баснею: «Пушки и паруса» (стр. 53).

Задача 11. То-же сдѣлать съ баснею: «Щука и котъ» (стр. 54).

Задача 12. То-же сдѣлать съ баснею: «Гуси» (стр. 55).

Задача 13. То-же сдѣлать съ баснею: «Орелъ и кротъ» (стр. 55).

Задача 14. То же сдѣлать съ баснею: «Роща и огонь» (стр. 56).

Задача 15. То-же сдѣлать съ баснею: «Гребень» (стр. 57).

Задача 16 По прочтеніи статьи: «Комната Плюшкина»(стр. 18) опишите классную комнату вашего училища, отвѣчая письменно на слѣдующіе вопросы: 1. Въ которомъ этажѣ (верхнемъ, нижнемъ или среднемъ) училищнаго зданія находится вашъ классъ? 2. Куда выходитъ окнами? 3. Какая его величина въ длину, ширину и высоту? 4. Чѣмъ украшены стѣны (первая, вторая, третья и четвертая) и классъ потолка? 5. Сколько въ немъ оконъ, дверей и печей? 6. Какая въ комнатѣ мебель? 7. Къ какимъ комнатамъ примыкаетъ вашъ классъ?

---

[1]) Чѣмъ больше будетъ сдѣлано такихъ упражненій, тѣмъ лучше. Болѣе, чѣмъ неразумно, требовать отъ ученика, чтобы онъ выражался „своими словами“: ученикъ еще не владѣетъ „своими словами“. Онъ учится *устному* и письменному слову, подражая уже готовымъ образцамъ. Весьма разумнымъ правиломъ будетъ требованіе отъ ученика сначала сдѣлать возможно краткій устный пересказъ, а потомъ уже письменный.

[2]) Вотъ для примѣра *такое краткое содержаніе* этой басни. „У одного мельника вода начала просасывать плотину. Если бы мельникъ тотчасъ *исправилъ плотину*, бѣды не было бы никакой. Но онъ тогда только хватился за умъ, когда вода стала бѣжать сквозь плотину, какъ изъ ушата, и мельница перестала молоть. Осматривая течь, онъ увидалъ, что его куры пили воду у плотины. Съ досады и желая сберечь хоть немного воды, онъ бросилъ въ нихъ полѣномъ—и остался безъ куръ и воды“. Чѣмъ больше будетъ сдѣлано такихъ сокращенныхъ опытовъ изложенія статей и въ особенности—разсказовъ, басенъ и т. п. произведеній, тѣмъ скорѣе ученики научатся *владѣть письменнымъ словомъ*. Говоримъ это по опыту.

Задача 17. Опишите вашъ домъ, отвѣчая письменно на слѣдующіе вопросы: 1. Гдѣ онъ находится? 2. Каковъ вашъ домъ снаружи? 3. Изъ чего онъ сдѣланъ? 4. Какое внутреннее расположеніе въ немъ комнатъ? 5. Каковы его преимущества или недостатки сравнительно съ другими сосѣдними домами? 6. Кто его строилъ?

Задача 18. По прочтеніи статей: Кіево-Печерская лавра и Троице-Сергіева лавра (см стр. 240 и 253), опишите вашу церковь, отвѣчая письменно на слѣдующіе вопросы: 1. Какова мѣстность, гдѣ построена церковь? 2. Какая церковь—деревянная или каменная? 3. Какой наружный видъ ея? 4. Какая высота, ширина и длина ея? 5. Что видите вы внутри вашей церкви (т. е. алтарь, иконостасы, иконы, хоругви, стѣнная живопись, полъ, хоры, утварь, облаченія и т. д.). 6. Въ честь кого она построена? 7. Кѣмъ и когда она построена? 8. Какова колокольня храма? 9. Сколько колоколовъ и каковъ ихъ вѣсъ? 10. Каковъ видъ съ колокольни? 11. Усердно ли она посѣщается богомольцами? 12. Пріятно ли у васъ бываетъ на душѣ, когда вы стоите за службой въ своемъ храмѣ? 13. Какое чтеніе и пѣніе въ немъ?

Задача 19. По прочтеніи статьи: «Макъ» (стр. 89) опишите рожь.

Задача 20. По прочтеніи статьи: «Журавль» (стр. 102) опишите гуся по слѣдующему плану (т. е. порядку): 1. Описаніе главныхъ членовъ его тѣла. 2. Его крикъ и шипѣніе. 3. Его польза.

Задача 21. Составьте описаніе пѣтуха.

Задача 22. Составьте описаніе голубя.

Задача 23. По прочтеніи статьи: «Ершъ» (стр. 104) опишите щуку.

Задача 24. По прочтеніи статьи: «Конь и верблюдъ» (стр. 109) напишите сравненіе коровы съ лошадью.

Задача 25. Напишите сравненіе овцы съ козою.

Задача 26. Напишите сравненіе ели съ березою.

Задача 27. Напишите сравненіе осени съ весною.

Задача 28. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Тише ѣдешь—дальше будешь».

Задача 29. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Терпѣніе и трудъ все перетрутъ».

Задача 30. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Кто родителей почитаетъ, тотъ во вѣкъ не погибаетъ».

Задача 31. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Азбука къ мудрости ступенька».

Задача 32. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Ученье свѣтъ, а неученье тьма».

Задача 33. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ».

Задача 34. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Клади навозъ густо, въ амбарѣ не будетъ пусто».

Задача 35. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Кто сирыхъ питаетъ, того Богъ не забываетъ».

Задача 36. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Не рой другому ямы: самъ въ нее попадешь».

Задача 37. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Съ Богомъ хоть за море, а безъ Бога ни до порога».

Задача 38. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

Задача 39. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Родимая сторона—мать, чужая—мачеха».

Задача 40. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Какъ ни путай, а Божья воля все распутаетъ».

Задача 41. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ».

Задача 42. Напишите письмо къ брату, который лежитъ въ городской больницѣ [1]).

Задача 43. Напишите письмо къ отцу, котораго поздравьте съ праздникомъ Рождества Христова и поблагодарите его за всѣ его заботы о васъ.

Задача 44. Напишите письмо къ матери, въ которомъ поздравьте ее съ днемъ ея ангела и поблагодарите за присланные гостинцы.

Задача 45. Напишите письмо своему другу, который, поступивъ на фабрику и сдружившись съ дурными товарищами, предался пьянству. Посовѣтуйте ему во имя дружбы и вѣчнаго спасенія души его отстать отъ его гибельной страсти.

---

[1]) По недостатку мѣста въ книгѣ, хотя въ видѣ примѣчанія приводимъ три слѣдующія письма:

1. Письмо гимназиста къ роднымъ.

Дражайшая бабушка!

Извините меня, что я долго не писалъ къ Вамъ, дражайшая бабушка. Покорно Васъ благодарю, что Вы прислали мнѣ гостинецъ. Отъ всего сердца желаю Вамъ благополучія и долголѣтней жизни, при чемъ остаюсь

Вашъ покорный внукъ
Н. Гоголь.

Полтава
1820 г.

2. Письмо Александра Васильевича Суворова къ отцу.

Любезный батюшка!

Я здоровъ, служу и учусь.

Александръ Суворовъ.

3. Письмо сестры къ брату.

Милый и дорогой братъ!

День и ночь мучусь я мыслію, что ты страдаешь, и такъ-бы полетѣла, чтобъ излить въ твою душу все то горячее участіе къ тебѣ, которымъ такъ полна душа моя. Не могу примириться съ мыслію, что болѣзнь твоя неизлѣчимая; а если ужъ такъ рѣшено, то все-таки молю Господа, чтобъ продлилъ твою жизнь и послалъ тебѣ свои божественныя утѣшенія.

Обнимаю тебя и призываю на тебя небесную благость. Да исцѣлитъ тебя милосердный Богъ, для Котораго все возможно.

Сестра твоя Юлія (Жадовская).

КОНЕЦЪ.